

СССР В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

**СССР
В МИРОВОМ
СООБЩЕСТВЕ:**

**ОТ СТАРОГО
МЫШЛЕНИЯ
К НОВОМУ**

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

СССР ***В МИРОВОМ***

Е. Б. Арефьева
Б. Р. Асоян
С. Е. Благоволин
Ю. Г. Буртин
О. Н. Быков
Харуки Вада
Карен Давиша
В. И. Дашичев
Г. Г. Дилигенский
И. Н. Зорина
М. П. Капустин
Н. А. Карагодин
С. Н. Кондрашов
Ю. А. Красин
В. А. Кременюк
Г. Ф. Кунадзе
С. А. Микоян
Г. И. Мирский
В. И. Носенко
В. Ф. Петровский
Э. А. Поздняков
Н. А. Симония
Р. Р. Симонян
М. Е. Тригубенко
Джерри Хаф
В. Г. Хорос
В. Л. Шейнис

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

**СООБЩЕСТВЕ:
ОТ СТАРОГО
МЫШЛЕНИЯ
К НОВОМУ**

**Глобальные
проблемы**

**Региональные
аспекты внешней
политики**

**Экономическая
взаимозависимость**

Москва
ПРОГРЕСС
1990

Редактор-составитель *Н. А. Симония*
Редактор *Е. К. Солоухина*

Это по существу первая книга, посвященная взаимоотношениям СССР с мировым сообществом. Не претендуя на всеобъемлющий обзор этих отношений, книга тем не менее дает достаточно комплексное представление об их политических, культурных, экономических и — в более широком плане — цивилизационных аспектах. Несмотря на разнообразие позиций и взглядов авторов книги, советских и зарубежных политологов, социологов, философов и публицистов объединяет стремление пересмотреть старые, устоявшиеся представления, критически переосмыслить прошлое и подойти к оценке настоящего и перспектив будущего с позиций нового мышления.

С $\frac{0802000000-521}{006(01)-90}$ без объявления

© Составление, предисловие, художественное оформление, перевод издательство «Прогресс», 1990.

ISBN 5-01-003220-1

От составителя

Слово «гласность», как и «перестройка», прочно вошло в международный лексикон. У себя дома мы теперь не мыслим уже себе нашей политической, да и повседневной жизни без этого феномена. Гласность стала практически чуть ли не главным достижением наших первых перестроечных лет, уж во всяком случае, важнейшей предпосылкой дальнейших глубоких изменений в обществе.

Но означает ли это, что с гласностью у нас теперь все в порядке, что она окончательно утвердилась во всех сферах нашей духовной и политической жизни? Думаю, что мы еще лишь в начале пути, и сама гласность распространяется у нас весьма неравномерно и неоднозначно в различных сферах деятельности. С самых первых шагов гласность начала завоевывать себе позиции в наших внутренних делах. За рубежом было тогда много разговоров, что область внешней политики в этом отношении отстала и остается «вне зоны гласности и критики». Но вскоре начались серьезные изменения во внешнеполитическом курсе Советского Союза, и тогда стали убеждаться, что эти изменения более радикальны, очевидны и результативны. Все это бесспорно. Но означает ли это, что наряду с реальными изменениями самой внешней политики «внешнеполитическая» гласность обогнала «внутриполитическую»? Ответ представляется не столь бесспорным.

Даже с учетом того, что сферы дипломатии и обороны, безусловно, по самой своей природе требуют определенного уровня секретности (и это верно для любой страны, включая самую демократичную), тем не менее по серьезном размышлении приходится признать, что степень возможной и необходимой для благополучия общества гласности во внешнеполитических делах еще не достигнута. Над нами все еще довлеют некоторые догмы и установки застойного (да и не только застойного) времени. Продолжает ощущаться стремление ограничить свободу суждений отдельных граждан, ученых и общественных деятелей, выступающих с отличных от официальной позиций. Мы приучили и окружающий нас мир реагировать соответствующим образом. Как сейчас помню курьезный случай из застойных времен, когда некоторые мысли, высказанные мной в научной публикации о «третьем мире», были немедленно расценены в одной зарубежной статье как

«новая линия Кремля». Ни больше ни меньше. Сейчас это уже далеко не так, но и не все еще сделано для возможности полнокровного и свободного обмена мнениями, пусть даже по самым «щекотливым» вопросам нашей внешней политики.

До сих пор считается, например, неудобным открыто обсуждать некоторые спорные вопросы, затрагивающие действия «наших друзей». И это при том, что, как свидетельствует историческая практика, некоторые из этих «друзей» никогда особенно не стеснялись себя в публичном обсуждении и даже осуждении нас за ту или иную акцию или линию поведения. Я вовсе не призываю придерживаться принципа «око за око, зуб за зуб». Принцип этот уже принес нам в прошлом немало бед. Просто нужно наконец ввести в норму наших международных взаимосвязей спокойные, деловые, взвешенные, пусть иногда неллицеприятные, но и непредвзятые обсуждения тех реальных проблем, которые существуют и которые никуда не исчезнут, если мы будем деликатно умалчивать о них.

В западной издательской практике давно уже утвердилось замечательное правило — любая монография и часто даже статья сопровождается уведомлением: мнения, высказанные в данной публикации, принадлежат исключительно автору и не отражают официальной точки зрения правительства. Это очень полезное и умное правило, и хотелось бы напомнить о нем читателю и в связи с выходом в свет настоящего сборника. Тем более что он не претендует на изложение какой-то завершенной и стройной внешнеполитической линии или раскрытие всех аспектов нового мышления в этой области. И хотя все участники этой публикации единодушны в осуждении тяжелого сталинского наследия, тем не менее читатель столкнется здесь с плюрализмом мнений как в оценке прошлого, так и в суждениях о настоящем. Это верно не только в отношении позиций советских и зарубежных ученых. Внимательный читатель без труда заметит фактическую полемику не только в материалах «круглого стола» (что не удивительно), но и в статьях советских авторов, которые писались параллельно, без «подглядывания» в «тетрадку» соседа. Элементы такой неспровоцированной полемики можно легко обнаружить, сопоставляя статьи Мирского или Микояна, с одной стороны, и Зориной и Шейниса — с другой; статьи Красина и Буртина, Позднякова и Симония и т. д. И это хорошо. Это полезно для дела и интересно для читателя, которому предоставляется возможность не только выбрать между позициями или оттенками позиций что-то приемлемое для себя, но и сформулировать собственное мнение.

Глобальные проблемы

Постконфронтационная перспектива ООН

Заинтересованно взглядываясь в мозаику недавних свершений ООН, хотелось бы особо выделить 15 ноября 1989 года. В этот день на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи по инициативе СССР и США консенсусом была принята резолюция 44/21 «Укрепление международного мира, безопасности и международного сотрудничества во всех его аспектах в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций».

В чем значение советско-американской инициативы? Впервые за всю историю ООН Советский Союз и Соединенные Штаты выступили в поддержку этой уникальной Организации совместно. Выработанная на основе встречных усилий двух великих держав резолюция стала их общим вкладом в укрепление ООН и, значит, общим успехом. Важен и способ принятия решения. Хотя проект резолюции первоначально предложен Советским Союзом и США, он был с самого начала открыт для участия других. Его соавторами стало еще 41 государство, а поддержан он был всем мировым сообществом. По существу, тем самым утверждается изначально заложенная в Уставе ООН концепция коллективных действий членов Организации в интересах поддержания и укрепления международного мира и безопасности.

Сразу подчеркнем: было бы в корне неверно рассматривать резолюцию как некую «закрытую» договоренность между СССР и США, за которой стоят лишь их интересы. Ведь у многих еще свежи в памяти времена, когда действия Москвы и Вашингтона, например в период разрядки 70-х годов, развивались прежде всего по двустороннему направлению.

Сейчас дело обстоит совершенно иначе. Сам факт внесения этой инициативы (пусть и несколько неожиданный для многих) как раз говорит об отказе СССР и США от подобного подхода. Таким образом, значение совместной акции еще и в том, что она символизирует начало качественно нового этапа в деятельности СССР и США в ООН — этапа параллельного конструктивизма. Другими словами, она вписывает советско-американский диалог в международный.

Не менее важна и содержательная сторона принятой резолюции. Акция такого рода кладет конец конфронтации в ООН. Уходят в прошлое привычки к декларативности в деятельности Организации, к

пропагандистским баталиям и культивированию политической нетерпимости. Исчезает стереотип, согласно которому одна сторона автоматически, что называется, с порога отвергала все предложения другой. ООН вступает в постконфронтационный период — период установления нового международного порядка, основанного на взаимопонимании и сотворчестве. Не случайно уже на 44-й сессии также консенсусом был принят целый ряд других документов, в частности две важные международные конвенции гуманитарного плана: о правах ребенка и о борьбе с наемничеством.

I

Беспрецедентен характер перемен в материальной и духовной жизни цивилизации, происходящих на глазах нынешнего поколения. Стремительный научно-технический прогресс последних лет; взлет информатики и создание единого мирового информационного пространства; тенденция к взаимопроникновению хозяйственных механизмов, к интеграции в региональном и глобальном масштабах; растущий разрыв в уровнях развития отдельных стран — все это переворачивает устоявшиеся представления о настоящем и будущем. Ускоряются трансформации и в политической сфере. Идеи свободы и демократии, верховенства права, свободного выбора и ответственного поведения государств овладевают умами людей. Растет политическая активность наций, народностей, стран, формируется международное сообщество в подлинном смысле этого слова. Тот, кто не найдет убедительных ответов на вызовы времени, затрагивающие самые основы человеческого бытия, будь то в экономической, политической, гуманитарной или любой другой сфере, окажется на обочине мировой цивилизации.

Речь, следовательно, идет теперь не просто о безопасности, а о безопасности во всех ее аспектах и проявлениях. Резолюция 44/21 адекватно отражает это требование. Из ее текста вытекает, что мир, безопасность и сотрудничество — нераздельны. Сочетание этих трех понятий не случайно, оно представляет собой сущностную характеристику формирующихся новых международных отношений.

В Уставе ООН задача поддержания международного мира и безопасности является центральной. Двуетьединое, комплексное понимание подлинной безопасности сегодня особенно важно. Она характеризуется не просто отсутствием негативного признака — войны, то есть состоянием мира, но и присутствием надежных позитивных гарантий неприменения силы, созданием всесторонних условий для мирного развития. А признание такого комплексного, многоаспектного характера безопасности предопределяет многогранный, всеобъемлющий подход к ее обеспечению.

Из резолюции 44/21 также следует: в новых условиях сотрудничество становится единственно возможным направлением действий государств. Благодаря этому впервые открывается возможность в об-

щевизиационном масштабе и на основе Устава ООН направить развитие международных отношений на эволюционный путь, где происходящие в мире бурные естественные изменения вписывались бы в рамки стабильности, не взламывали бы существующие структуры, не становились бы угрозой для мира и безопасности. Сотрудничество как спорадическое проявление переходит на качественно более высокую ступень сотворчества и соразвития. Оно объективно отвечает потребностям открывающегося мирного периода в международных отношениях, который характеризуется не негативной, а позитивной взаимосвязанностью усилий государств по обеспечению для своего развития оптимальных внешних условий.

Именно поэтому резолюция ставит своей целью мобилизовать усилия государств на приумножение практических дел по обеспечению мира и безопасности во всех их аспектах через сотрудничество. Поиск прочной безопасности немыслим сегодня в направлении силового соперничества. Государства — члены ООН однозначно высказались в пользу того, чтобы безопасность в новом мире обеспечивалась только политическими средствами, то есть путем консультаций и сотрудничества в рамках ООН, во всех ее органах без исключения.

Наконец, из резолюции следует: мир, безопасность и сотрудничество рассматриваются как единая система, основанная на Уставе ООН. В этом — признание объективных закономерностей современного мира, который при всем его многообразии становится все более единым и взаимозависимым. Наша цивилизация — функционирующая система, составные части которой нельзя нарушать без ущерба для работы всего механизма. Нельзя обеспечить мир на выборочной основе, к примеру в отдельном регионе, не заботясь при этом о мире в других местах. Все явственнее вырисовывается органическая связь национальной и международной безопасности: собственная безопасность государств может быть надежно обеспечена лишь в рамках глобальной безопасности, когда меньшая безопасность любой из стран становится невыгодной другим, так как приводит к дестабилизации общей обстановки. Во взаимозависимой системе прогресс в каком-либо обществе, отгороженном от других искусственными границами и идеологическими заборами, фактически невозможен.

Из резолюции 44/21 следует, что система мира, безопасности и сотрудничества должна опираться на авторитет и возможности ООН. В прошлом, когда ее работа была во многом деформирована, Организация служила для государств-членов прежде всего трибуной, где они выражали свою — нередко бескомпромиссную — точку зрения. Сегодня же ООН становится трибуной нового свойства. Не для полемики, не для обвинительных речей, а ради взаимодействия всех государств, обеспечения практической направленности решений выступают здесь делегаты. Как заметил Х. Перес де Куэльяр в своем весьма содержательном докладе о работе ООН (док. А/44/1), «стремление заручиться содействием всемирной Организации сейчас сильнее, чем когда-либо за ее историю». Нельзя не разделить удовлетво-

рения генерального секретаря по поводу «возрождения доверия к принципу многосторонности и его проводникам».

Pacta sunt servanda. Применительно к ООН сегодня вдвойне важна задача полного и повсеместного осуществления ее Устава. И это не просто слова, а констатация, имеющая глубокий смысл и значение. Нередко в прошлом государства «выхватывали» из Устава одни положения, закрывая при этом глаза на другие его составные части. В новом, постконфронтационном, мире Устав ООН должен выполняться и по букве и по духу во всех своих статьях, быть фундаментом всех международных акций государств.

Ныне такой фундамент необходим как никогда. Мир меняется столь стремительно и порой столь непредсказуемо, что без него не обойтись. (Некоторые политики, кстати, не без оснований утверждают: во времена «холодной войны» им жилось спокойнее, потому что мир, хотя и балансировал на грани войны «горячей», казался, как это ни парадоксально, надежнее, стабильнее.) Сегодня перемены могут произойти в любом регионе. Содействовать через ООН устойчивости международной системы в процессе перемен — резолюция 44/21 нацелена и на это.

Советский Союз и Соединенные Штаты, все государства — члены ООН уловили остроту, важность и переломный характер момента. Они пришли к единому мнению, что ориентиром действий должно стать безусловное уважение Устава ООН, его целей и принципов. То есть строгое следование по тому пути, который был выверен в результате тщательного взвешивания баланса интересов всех стран, работавших над составлением Устава в период, когда они действительно сотрудничали, — в годы борьбы с фашизмом. А наряду с этим необходимо развитие самой ООН, обновление отношений между ее участниками на основе учета все новых и новых реалий мирового процесса.

II

Определяющим ныне становится непосредственный совместный поиск решений вполне конкретных, осязаемых задач, стоящих в повестке дня, на всех уровнях международного взаимодействия.

Полноценным прорывом в военно-политической сфере стал советско-американский Договор по РСМД. Он стал первым соглашением, в котором ликвидация двух классов ядерного оружия подтвердила неделимость всеобщей безопасности.

Построение новой модели безопасности может и должно пролежать не через наращивание вооружений, а через их уничтожение. Итоги вашингтонской встречи руководителей СССР и США позволяют надеяться на то, что уже к следующему этапу их диалога — в конце 1990 года — будет подписан договор о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений. Нынешний, 1990 год должен стать годом достижения договоренностей на венских переговорах по сокращению обычных вооружений и вооруженных сил. В

результате советско-американских договоренностей близка к завершению работа в Женеве над конвенцией о запрещении и ликвидации химического оружия.

В концепции разоружения появляются базисные категории. Особое значение приобретают такие сопутствующие меры, как контроль и открытость. Контроль должен быть самым жестким, надежным, обеспечивать полную уверенность всех участников соглашений. Причем по мере перехода к многосторонним мерам, усложнения их существа, необходимости вовлечения в сферу проверки иностранных военных баз на территориях третьих стран повышается роль международного контроля, прежде всего под эгидой ООН.

В то же время открытость и гласность служат «философским камнем» разоружения, позволяющим последовательно преобразовывать военное противостояние в договоренности по его свертыванию. Особо актуальным становятся обнародование военных доктрин и военных бюджетов государств, их сопоставление, вообще установление согласованных стандартов максимальной «прозрачности» военной деятельности. Советский Союз принимает активное участие в этой работе, которая начата с 1990 года в Комиссии ООН по разоружению. В фундаменте нового мира должно лежать не военное, в том числе ядерное, сдерживание, а сдерживание политико-правовое, транспарентное и верификационное — с опорой на авторитет и возможности ООН.

С переходом к свертыванию военных потенциалов конкретизируется и экономическое измерение разоружения, наполняется материальным содержанием принцип разоружения для развития. В международном срезе необходимо высвободить ресурсы от сокращения военных программ, передать часть их на цели помощи беднейшим странам, на решение глобальных проблем. Этому, несомненно, будет способствовать начатое Организацией Объединенных Наций рассмотрение проблемы конверсии военного производства, включая международные научные исследования и обмен соответствующим опытом.

Разоружение является системообразующим фактором в деле построения мира нового свойства. И политически, и морально, и экономически всеобщий переход к разумной достаточности для обороны способен придать колоссальный импульс позитивным процессам во всех других сферах человеческого общежития.

III

Однако на безопасность во всех ее аспектах все больше начинают воздействовать невоенные факторы, такие, как создание здоровой окружающей среды, стабильное развитие экономики, обеспечение прав человека, свободы информации. Этот перечень можно было бы продолжить, в повестке дня ООН появляются все новые транснациональные проблемы.

В один ряд с недопущением войны ставится предотвращение экоспазма. Теперь уже всеми признано: ядерный конфликт обернул-

ся бы уничтожением человечества. Недавнее исследование генерального секретаря ООН о «ядерной зиме» дало этому дополнительные научные обоснования. Однако надвигающаяся экологическая катастрофа может привести к сходным результатам. Различия лишь во времени. Поэтому становится все более очевидной необходимость экстренных природоохранных мер в общепланетарном масштабе, чтобы человечество не только не понесло невосполнимые потери, но и избежало новых дестабилизирующих факторов в развитии международной обстановки.

Растет понимание того, что область гуманитарного сотрудничества и защиты прав человека в первую очередь должна быть освобождена от конфронтации. У всего демократического сообщества здесь одни общие цели, зафиксированные во Всеобщей декларации прав человека и в Международных пактах о правах человека. И задача подтягивания внутренней практики каждой страны до уровня признанных международных стандартов встает перед всеми. Новые усилия предпринимаются в такой деликатной области, как информация.

На передний план международных дискуссий выдвигаются проблемы, которые раньше входили в сугубо внутреннюю компетенцию государств. Специальная сессия Генеральной Ассамблеи по борьбе с наркотиками, одобрение Ассамблеей решения о подключении ООН к предотвращению международного терроризма свидетельствуют: мировое сообщество не остается равнодушным к этим угрозам.

Итак, сегодня настоятельно требуются активные действия по всем направлениям международной безопасности. В этом — суть всеобъемлющего подхода. Не делать увязок, не накапливать проблемы, а решать их одновременно и параллельно в каждой конкретной сфере. Такой подход соответствует задачам гармонизации международных отношений, укрепления солидарности государств, стабильности мира, не исключающей социальных и иных изменений на основе многовариантности развития.

IV

Точкой отсчета применения нового мышления в делах ООН принято считать предложение о создании всеобъемлющей системы международной безопасности, сделанное Советским Союзом совместно с другими странами четыре года назад, а затем конкретизированное и развитое М. С. Горбачевым в его обращениях к ООН в 1987 и 1988 годах. СССР однозначно высказался за строительство нового мира с опорой на авторитет и возможности Организации Объединенных Наций.

Можно констатировать, что эти инициативы достигли своей цели — развертывания прежде всего широкого демократического диалога о путях и принципах формирования всеобъемлющей безопасности, повышении роли Организации Объединенных Наций и приведения этого диалога в конце концов к какому-то общему знаменателю. Если

учесть, что «холодная война» продолжалась более 40 лет, срок в четыре года совсем невелик.

При сравнении предложения о всеобъемлющей безопасности с резолюцией 44/21 сразу же обнаружатся различия в словесной форме. Но их существо, основные положения в целом совпадают. Раньше речь шла в первую очередь о необходимости объединить усилия государств для формирования системы всеобъемлющей безопасности; в резолюции тоже ставится вопрос о необходимости укрепления системы мира и безопасности. Выдвигался тезис о всеобъемлющем подходе; теперь найдено другое выражение: «многогранный подход» (наверное, более точно). Иными словами, существо остается прежним, но язык найден тот, который устраивает все государства — члены ООН.

В ходе дискуссий удалось выявить ряд сфер согласия, которые дают четкое направление активизации многогранного подхода. Это — укрепление главных органов ООН, наращивание возможностей проведения операций ООН по поддержанию мира, повышение роли международного права и приведение в действие механизма Международного суда. Суть состоит в том, чтобы стимулировать коллективный поиск путей осуществления положений Устава Организации, активное использование ее механизмов и процедур. Открывается, далее, реальная перспектива и для концентрации усилий ООН на превентивной дипломатии, развитии способности принимать эффективные меры для предотвращения перерастания разногласий в конфликты.

ООН переживает сегодня период своего ренессанса. Об этом заявляют ее генеральный секретарь, представители всех государств-членов. Без особого преувеличения можно сказать, что впервые с 1945 года Организация вновь начала действовать во внешних условиях, сравнимых с теми, из которых исходили государства — ее основатели. Тенденция к диалогу, решению проблем путем переговоров, иначе говоря, многосторонность и правопорядок должны возобладать над военно-силовыми подходами и ставкой на односторонние действия. Энергично включившись в общемировые процессы обновления, ООН становится своего рода их мощным ускорителем.

V

Наметился и универсальный инструмент — решение проблем политическими методами, средствами сотрудничества, нацеленность на достижение баланса интересов. Здесь особое значение приобретает парламентская дипломатия, которая означает отказ от мышления устаревшими стереотипами, высокую культуру диалога на трибуне и настойчивый поиск развязок в кулуарах. Применительно к ООН необходимы предварительные консультации во всех без исключения ее органах с выходом на гармонизацию интересов.

Мы убеждены, что мир, порывающий с философией вражды и противостояния, становится более уравновешенным, зрелым, умуд-

ренным. Больше нельзя терпеть любых проявлений национального эгоцентризма, имперских замашек, одержимости в любых формах. Интересам всех отвечает в настоящее время только политика, нацеленная на консолидацию международного сообщества, способствующая его выживанию и развитию.

Для того чтобы осуществить переход на платформу политических подходов, использования переговорных механизмов, верховенства права, требуется отказ от милитаристских рецептов, демилитаризация мышления вообще.

Если в прошлом столетии для политических категорий были характерны параллели с театром (международная сцена, актеры и исполнители, действующие на ней, занавес и т. д.), то в XX веке в обиход вошли такие заимствованные из военной лексики понятия, как «наступление», «фронт», «прорыв» и т. п. Теперь же настоятельно ощущается потребность — и перестройка это ярко высветила — в новом, свежем языке дипломатии, отражающем общие для всех созидательные ценности и оперирующем категориями национально-государственных интересов.

По-новому видится сегодня и принцип универсальности членства в ООН и связанных с ней международных организациях. Система ООН превратилась в уникальный разветвленный механизм взаимодействия государств, оказывающий существенное влияние на внешне- и внутривнутриполитический курс любой страны. Полноправное участие в деятельности ООН отвечает как заинтересованности всего мирового сообщества в нахождении многогранных подходов к укреплению системы мира, безопасности и сотрудничеству, так и долгосрочным интересам каждого участника международного общения. «Проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи» — эта фраза из преамбулы Устава ООН логично предваряет положение Устава об открытости Организации для приема в ее члены всех миролюбивых государств. Сегодняшняя задача формирования периода мирного развития человечества тем более неотделима от реализации на деле принципа универсальности ООН, от преодоления здесь наследия «холодной войны», колониального и расового угнетения.

Необходимо также обеспечить активное участие в ООН всех основных групп государств. Движение неприсоединения — важная сила, и его голос должен быть в полной мере слышен не только на Генеральной Ассамблее, но и в Совете Безопасности. Особая роль принадлежит ныне общественным, неправительственным организациям, которые должны действовать в тесном контакте с ООН, обеспечивая постоянный канал связи с широчайшими массами населения различных стран.

Наиболее эффективный путь поступательного развития международных организаций — это выход на консенсус по максимально возможному числу обсуждаемых проблем. Это подтверждают и позитивные итоги 44-й сессии Генеральной Ассамблеи. Не случайно на сессии стало больше резолюций, согласованных в результате слияния не-

скольких проектов, первоначально представленных различными авторами. Иными словами, приобретает новое качество сама культура ведения международных дел, растет готовность принять во внимание аргументы другой стороны, учесть их при уточнении своей позиции.

Конечно, политикам еще предстоит сформулировать своего рода «консенсус о консенсусе». Но уже сейчас очевидно, что консенсус по юридическому статусу занимает особое место в инструментарии многосторонних форумов. Своей действенностью он отличается от рекомендаций, приближаясь — ввиду морального авторитета мирового сообщества, стоящего за ним, — к обязательным для исполнения решениям. Именно поэтому важно всегда распространять консенсус как на период подготовки, так и на этап реализации принятого документа. Мы видим в консенсусе средство ответственного поведения государств, гарантию соблюдения интересов всех, открывающую перспективу участия каждого в важнейших решениях. Через призму консенсуса иначе выглядит и право вето в Совете Безопасности — теперь оно носит уже позитивный характер, заставляя постоянных членов Совета находить между собой согласие.

VI

Разумеется, дается этот драматический поворот нелегко. На пути возрождения ООН еще много трудностей. От прошлого мгновенно не избавиться. Чувствуются еще рецидивы силовой политики, биполярного видения мира в действиях многих государств в ООН и вне ее.

Чтобы преодолеть отжившие стереотипы, требуется самоочищение. Необходимы и критическое переосмысление опыта прошлого, и создание условий, при которых исключалось бы повторение совершенных ошибок. Мы в Советском Союзе после апреля 1985 года оцениваем историю своей деятельности в ООН именно под таким углом зрения. Видим, что и мы подчас поддавались соблазну силовых подходов, которые ранее господствовали в Организации, внесли свою лепту в снижение результативности ООН на предыдущем этапе. Ныне императивом дипломатии должен быть трезвый учет господствующих в ООН настроений, выход на диалог со всем спектром мировых политических сил, понимание того, что в решении общечеловеческих проблем у нас нет и не может быть противников, а существуют лишь союзники и партнеры.

Но мы не претендуем на монополию в деле самоочищения. Все государства, и в первую очередь ядерные державы — постоянные члены Совета Безопасности, должны критически взглянуть на свою прошлую политику, скорректировать ее, где это необходимо, проецировать этот анализ на будущее. Игнорировать волю ООН сегодня, как и вчера, недопустимо.

Пожалуй, способность и готовность к самокритике — только один из компонентов современной политики. Для закрепления коренного перелома в мировых делах, создания гарантий необратимости пози-

тивных перемен нужны усилия всех. Требуется кумулятивный эффект сложения действий народов, государств, их блоков и группировок, Востока и Запада, Севера и Юга.

Важно добиться и смены стиля межгосударственных связей. Сегодня малоэффективны мессианские подходы, поза мэтра, поучающего других. А если они сопровождаются силовым давлением, то такие акции неприемлемы и опасны. Нет, зрелой и мудрой цивилизации нужны не рецепты одной стороны, а коллективные усилия в духе принципиально нового интернационализма — ответственного и свободного от двойных стандартов.

Постконфронтационная эпоха как никогда нуждается в интеллектуальном ведении мировых дел. Период сотворчества и соразвития как раз и представляет собой, на наш взгляд, настоящий вызов политикам и дипломатам. Ведь нахождение многогранного подхода для решения проблем, стоящих перед человечеством, — дело архисложное, не идущее ни в какое сравнение с упрощенными схемами отношений эпохи «холодной войны». Оно требует от участников постоянного труда, творческой инициативы, большого запаса здравого смысла. Да и конечную общую цель — на основе сотрудничества качественно изменить всю картину мира — нельзя по своему значению сравнить с доминировавшими прежде эгоистическими интересами отдельных стран и блоков.

Путь к этой цели неблизкий: ведь адаптация к изменившимся реалиям всегда происходит непросто. Но обнадеживает то обстоятельство, что диалог уже позволил выявить ряд общих связующих звеньев всеобъемлющего подхода к безопасности. Это демилитаризация мышления и поведения государств, деидеологизация, демократизация и гуманизация международных отношений.

Хрупкость современного мира перед лицом созданных человеком средств разрушения ставит в повестку дня настоятельную необходимость демилитаризации — не только постепенного сокращения вооружений и продвижения к ликвидации оружия массового уничтожения, но и высвобождения мышления от военных стереотипов. Человечество должно окончательно отвергнуть войну как средство разрешения межгосударственных политических и экономических противоречий, идеологических споров.

Демократизация международной жизни — это ликвидация всякого рода «клубов избранных», участие всех и каждого в процессе выработки решений. Она тесно связана с гуманизацией международных отношений, поскольку человеческое измерение приобретает ныне особое значение как цель и средство достижения безопасного мира. Безъядерный ненасильственный мир — это вместе с тем и справедливый мир. И одна из функций человеческого фактора в политике состоит в том, чтобы укрепить нравственное начало последней. Новое мышление утверждает, что человек достоин лучшей участи, чем быть заложником ядерного оружия. От его жизненной и политической по-

зиции все больше зависит, в каком направлении будут развиваться международные отношения, как будут решаться проблемы.

Предпосылкой налаживания сотрудничества на новых началах становится устранение идеологических барьеров. И примат права, и уважение прав человека, и прогресс общества в целом неотделимы от деидеологизации межгосударственных отношений, отказа государств от претензий на знание «абсолютной истины». Конечно, речь не идет об отказе от собственных взглядов и убеждений. Основополагающее право выбора народами своего пути развития неоспоримо. Таким же неотъемлемым является право человека, закрепленное в общепризнанных международных документах, на свободу совести и убеждений. Речь идет о недопустимости делать из столкновения идеологических взглядов поле борьбы между государствами. Претворение в жизнь принципов общечеловеческой морали должно осуществляться на собственном примере и опыте, который страны подают своей внешней и внутренней политикой.

Деидеологизация в многостороннем взаимодействии — это сознательный отказ от идеологизированных подходов к механизмам сотрудничества, преодоление искусственной политизации деятельности ООН и ее специализированных учреждений, концентрация их внимания на выполнении конкретных задач в соответствии со своей компетенцией, повышение профессионализации их деятельности.

Многогранный, всеобъемлющий подход требует повышенного внимания и к проблеме управления самой Организацией, проблеме, не лишенной политической остроты. Задача здесь — оптимальное использование ее финансовых и материальных ресурсов, координация и рационализация деятельности международных организаций, исключение дублирования и параллелизма.

Требование постконфронтационного периода — практические дела. Только встречные односторонние, двусторонние, многосторонние действия могут вселить уверенность в том, что система мира, безопасности и сотрудничества, определенная в Уставе ООН, станет надежным препятствием возврату к конфронтации. И одновременно — гарантией того, что XXI век ознаменуется новым подходом к развитию нашей цивилизации как единого целого, на основе синтеза всего лучшего, что достигнуто человечеством.

Да, образцовое общественное устройство третьего тысячелетия будет характеризоваться, скорее всего, синтезом позитивного опыта, и ООН призвана стать форумом для развития этого процесса. Путем синтеза создаются передовые стандарты, которые могут использоваться во всех странах для образования правовых государств и гражданских обществ. Синтез означает, с одной стороны, новую культуру единого и взаимозависимого мира, отрицающую всеядность и всепрощение, отбрасывающую такие «вывихи» цивилизации, как фашизм и расизм, и не приемлющую угнетения и насилия. С другой стороны — культуру, основанную на терпимости и многовариантности, признающей права на существование различных идеологических и политиче-

ских воззрений, независимо от того, поддерживаются ли они в данный момент большинством или меньшинством.

90-е годы, несомненно, должны стать временем перемен, временем вступления в мирный период. И — этапом целенаправленных усилий мирового сообщества по созданию гарантий устойчивости, необратимости позитивных новаций. Не все просто в мире, не все просто и в дискуссиях, ведущихся в ООН. Придется еще немало поработать, чтобы перевести резолюцию 44/21 в плоскость практических свершений по всему спектру деятельности Организации. Ведь само по себе принятие этой резолюции не самоцель. Смысл ее заключается в том, чтобы дать импульс дальнейшему углублению диалога, конкретизации взаимодействия, стимулировать согласование действий государств.

Главное же, на наш взгляд, состоит в том, что резолюция об укреплении международного мира, безопасности и сотрудничества является собой еще одну ступень диалога о качественно новом, постконфронтационном мироустройстве, опирающемся на Устав ООН.

Концепция мирного сосуществования в свете нового политического мышления

В последние годы многое достигнуто в области теоретической разработки проблем мирного сосуществования. Она поднята на уровень осмысления реальностей современного мира и объективных потребностей человечества. Осуществлен подлинный прорыв: из жестких рамок формационных межгосударственных отношений социалистической и капиталистической формаций концепция мирного сосуществования выведена на широкий простор общецивилизационных параметров.

Для дальнейшего продвижения вперед в этом конструктивном направлении полезно рассмотреть во взаимосвязи следующие аспекты концепции мирного сосуществования.

Во-первых, конкретно-историческая обусловленность, но вместе с тем ограниченность и внутренняя противоречивость формационного подхода к проблемам мирного сосуществования в прошлом.

Во-вторых, универсализация принципа мирного сосуществования и ее значения для мировой политики и в основных компонентах сложившейся структуры международных отношений в наше время.

В-третьих, перспектива перерастания мирного сосуществования в более высшие формы международного взаимодействия, ведущего к созданию целостного цивилизованного мирового сообщества в будущем.

I

Главный императив международного аспекта нашей эпохи заключен в концепции мирного сосуществования. Именно в ней, а не в теории неизбежного раскола мира на противостоящие системы и непримиримого классового противоборства на международной арене, ведущего к смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией во всемирном масштабе. В современном противоречивом, но взаимозависимом и все более целостном мире интересы выживания и прогресса человеческой цивилизации заняли в шкале приоритетов мирового сообщества самое высокое место, выше любых других, в том числе и классовых.

Внутреннее противоречие между двумя во многом несовместимыми курсами — на мирное сосуществование и на мировую революцию — восходит к истокам советской внешней политики. В Октябрьской революции ее творцы видели начало скорого и неминуемого крушения системы капитализма и победного шествия социализма по всей планете. Будучи последовательными противниками эксплуатации человека человеком, захватнических войн, порабощения наций, они рассматривали освобождение от классового угнетения и войн как взаимосвязанные задачи в едином процессе революционного обновления мира. Такое видение исторической перспективы снимало сам вопрос о налаживании долговременных отношений с буржуазными государствами. Стремление как можно быстрее спрямить пути истории порождало в пору революционного романтизма не только неприятие внешнего мира, где продолжал господствовать капитализм, не только расчеты на фатальную неизбежность его распада, но и авантюристические замыслы ускорить этот процесс путем «экспорта революции», вплоть до развязывания «революционных войн» во имя уничтожения всемирной системы насилия и угнетения, во имя братского союза свободных народов.

Действительность оказалась сложнее и суровей, чем она представлялась в самом начале революционного пути. Продвижение к желанным целям, казавшимся такими близкими, натолкнулось на непреодолимые препятствия.

Главные силы старого мира, его крупнейшие государства, заняли по отношению к только что родившейся Стране Советов откровенно враждебную позицию. Классовая нетерпимость подталкивала их к насильственному ниспровержению рождающегося социализма. Война представлялась им «естественной», вполне допустимой и даже желательной. И действительно, старый строй перешел в контрнаступление. Революционные события в Европе лишь назревали, а над молодой Республикой Советов уже нависла вполне реальная угроза уничтожения превосходящими силами империализма. Советская Россия оказалась перед выбором: либо вести войну в надежде на распад этих сил в результате революционных потрясений, сроки которых оставались проблематичными, либо попытаться наладить с буржуазными государствами какие-то мирные отношения, найти некий модус вивенди. По мере затухания революционной волны на Западе и стабилизации капитализма становилась все очевидней жизненная необходимость обеспечить условия для существования единственного пока социалистического государства в чуждом ему окружении. Интересы сохранения революционных завоеваний в России требовали трезвого анализа складывавшегося положения. Основываясь на тщательном изучении реальной обстановки, соотношения сил, потребностей общественного развития, В. И. Ленин обосновал и доказал, с одной стороны, неизбежность одновременного существования государств с различным социальным строем в течение целого исторического периода, а с другой — желательность, с точки зрения интересов народов, прак-

тическую возможность их мирного сосуществования, или, по его выражению, «мирного сожительства».

Идея мирного сосуществования с капиталистическими странами была принята в партии и стране как основополагающий принцип внешней политики социалистического государства не сразу и не без колебаний. Слишком сильна была инерция упрощенного мышления, слишком неординарна была новая концепция. Но главное все же заключалось в другом — в исключительной сложности, можно сказать, уникальности самой исторической обстановки.

Ленинская теория социалистической внешней политики складывалась и развивалась в труднейших условиях ожесточенной гражданской войны, иностранной военной интервенции, экономической и дипломатической блокады, хозяйственной разрухи. На первом плане тогда, естественно, стояла задача выживания только что родившегося социалистического государства. Нужна была передышка. Нужно было хотя бы временное улучшение отношений с теми государствами, которые готовы были пойти на это.

И все же мирная направленность ленинской внешней политики с самого начала была подчинена не только преходящим, тактическим соображениям. Полностью отдавая себе отчет в происшедшем расколе мира на две противостоящие системы, Ленин в своем анализе не замыкался на классовой двухполюсности послеоктябрьской эпохи. Он исходил из широкого понимания диалектики всемирного исторического процесса, включавшего не только столкновение, но и возможность совпадения интересов государств независимо от различий в общественном строе. Революционное обновление мира Ленин не противопоставлял развитию человеческой цивилизации в целом. Классовая противоположность новой и старой формаций не перечеркивала для него возможности и даже неизбежности их совместного существования на одной планете на протяжении целой исторической эпохи. Возможность же мирного сосуществования государств с различным социальным строем как суверенных субъектов международных отношений опирается на ту или иную степень общности их интересов, которая, не затрагивая основ этого строя, может возникать и в их политических взаимоотношениях, и особенно в области их торгово-экономических связей.

Выработанные Лениным новаторские положения стали теоретическим фундаментом и одновременно практическими установками советской внешней политики на дальнюю перспективу, политики, ориентированной на упрочение завоеваний Октября и строительство социализма в условиях капиталистического окружения. Когда Советская Россия вышла из тяжелой вооруженной борьбы против внутренних и внешних врагов, приступила к ликвидации разрухи, приняла новую экономическую политику, ленинский курс на налаживание отношений с государствами другой общественной системы на постоянной, долговременной основе мирного сосуществования начал воплощаться на практике. Этот курс позволил нормализовать отношения со

все более широким кругом капиталистических государств. Речь шла уже не о передышке или перемирии, а о длительном периоде параллельного существования единственного пока социалистического государства с государствами иной формации.

Однако последующее развитие советской внешней политики в отношении капиталистических государств было далеко не однозначным: признание целесообразности параллельного существования с ними соседствовало с изначальными установками на революционное переустройство мира на единой социалистической основе. Капиталистический строй неизменно воспринимался упрощенно — как паразитический, гнивающий и умирающий, как канун социалистической революции. Игнорировалась способность дальнейшего саморазвития капитализма и его приспособления к меняющимся условиям внутреннего и международного развития. Картина будущего виделась как кризис уходящей с исторической сцены формации, как неизбежность войн и революций, ведущих к торжеству социализма во всем мире в недалеком будущем.

Такого рода концептуальный дуализм, воплощаясь в практической политике, углублял классовую двухполюсность международных отношений в условиях, когда руководящие круги капиталистических государств и без того скептически относились к идее «мирного сожительства», а наиболее воинственные из них и вовсе отвергали ее с порога, строя планы насильственной ликвидации народившегося социализма. К этому толкала их классовая нетерпимость, подкрепленная ощущением экономического и военного превосходства.

Внедрение в практику взаимоотношений государств с различным социальным строем принципов мирного сосуществования осложнялось еще и тем, что в противостоянии с капитализмом оказался социализм особого рода — социализм сталинской тоталитарной, бюрократическо-командной, репрессивной, антидемократической модели. Такой социализм не был расположен к конструктивному международному общению. Господствовавшая в стране психология осажденной крепости, замкнутость лишенного демократии общества, духовная автаркия, изоляция от других народов, настороженность и подозрительность — все это помогало инициаторам «крестовых походов» против социализма создавать в нашем лице образ врага. Существенно затруднялись контакты даже с теми буржуазно-демократическими, либеральными силами Запада, которые в межвоенный период проявляли заинтересованность в развитии отношений с СССР на началах мирного сосуществования.

Наращение с начала тридцатых годов военной угрозы со стороны агрессивного блока Германии, Японии и Италии объективно предрасполагало к созданию Советским Союзом и буржуазными демократиями Запада системы коллективной безопасности. Была реальная возможность воплотить в совместные практические действия главный принцип мирного сосуществования — предотвращение войны.

На деле этого не произошло. Тогдашние руководящие круги Англии и Франции избрали путь лавирования и умиротворения агрессора. Далеко не во всем последователен был и внешнеполитический курс СССР, оказавшийся недостаточно настойчивым и гибким в поисках взаимоприемлемых решений. Что же касается сближения накануне и в начале второй мировой войны Советского Союза с гитлеровской Германией, то его нельзя квалифицировать иначе, как грубейшее извращение самого смысла мирного сосуществования, как попрание элементарных нравственных норм мировой политики.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз представляло собой попытку военным путем разрешить раз и навсегда исторический спор между двумя системами. Эта попытка повернуть историю вспять бесславно провалилась. Итогом войны стало изменение расстановки и соотношения сил в мире в ущерб реакции и милитаризму, в пользу демократии и прогресса.

Вместе с тем вторая мировая война убедительно доказала возможность взаимодействия государств с различным общественным устройством. Опыт формирования и деятельности антигитлеровской коалиции трудно переоценить, хотя ее вряд ли можно охарактеризовать как мирное сосуществование. Наши действия совместно с США, Англией и другими союзными странами развертывались не в мирное время, а в условиях войны против общего врага.

В послевоенные годы мир изменился неузнаваемо. Укрепились позиции сил социального и национального освобождения. Возникла мировая социалистическая система. Произошел распад колониальных империй, появилось множество молодых суверенных государств. Заметное влияние на международные отношения стала оказывать растущая активность народных масс, антивоенных движений.

С появлением ядерного оружия произошел подлинный переворот в военной сфере. Сама возможность применения средств массового уничтожения породила беспрецедентную за всю историю человечества реальную угрозу гибели цивилизации. Здравый смысл и просто инстинкт самосохранения диктовали курс не на конфронтацию, а на мирное сосуществование. Опасность всеобщего уничтожения как бы «уравняла» разные социально-экономические формации, различные по общественному устройству государства, все, даже антагонистические, классы. Впервые возникла объективная общечеловеческая заинтересованность в обеспечении всеобщей безопасности. Этому способствовали усиление интернационализации хозяйственной жизни в условиях научно-технической революции и появление проблем глобального масштаба.

В итоге сами межгосударственные отношения социализма и капитализма на мировой арене объективно стали наполняться новым содержанием. Помимо борьбы и противоречий, подспудно все больше давали о себе знать растущая взаимозависимость, необходимость сотрудничать на основе общих или совпадающих интересов, прежде всего в предотвращении ядерной войны. Соответственно, политика

мирного сосуществования, служащая лишь целям отсрочки войны, все более становилась предпосылкой устранения самой возможности ее возникновения. Из необходимого первоначально только социализму условия его сохранения в системе международных отношений она объективно превращалась в неперемнное условие выживания классово-разнородного, но взаимосвязанного мира.

Однако практическая реализация новых благоприятных объективных предпосылок для развития взаимоотношений мирного сосуществования во многом зависела от субъективного фактора, от способности различных социальных сил — классов, государств, партий, правительств, политических деятелей — трезво оценить изменившиеся реальности, принципиально новую ситуацию в международных делах и в соответствии с этим выстраивать свою внешнеполитическую стратегию. История первых послевоенных лет показала, что и на этот раз взяло верх традиционное мышление.

Гегемонистские устремления и имперские притязания правящих кругов США, конкретно выразившиеся в развертывании гонки вооружений, в попытках на основе монопольного обладания атомным оружием добиться господства в мире, в сколачивании военных блоков, в нежелании считаться с законными интересами Советского Союза и других социалистических стран, привели к усилению напряженности в отношениях между государствами двух систем. Развернувшаяся между ними «холодная война», сопровождавшаяся к тому же и «горячими» войнами локального характера, практически не оставляла места мирному сосуществованию.

Нельзя не отметить, что существенный вред конструктивному развитию идеи мирного сосуществования наносил культ личности Сталина. Глубокие деформации социализма в СССР подрывали его международный авторитет как миролюбивой державы. Его облик в глазах многих во внешнем мире становился все более мрачным и угрожающим.

В послевоенные годы двойственность в подходе Советского Союза к проблеме мирного сосуществования сохранилась и даже усилилась. Глубокие сдвиги в соотношении сил на мировой арене расценивались как благоприятные условия для утверждения политики противоборства с империализмом. Это отодвигало мирное сосуществование на второй план, и оно рассматривалось лишь как тактическое средство для достижения сталинских стратегических целей «устранения неизбежности войны путем уничтожения империализма». Вопреки качественно новым реальностям застывшей догмой оставалось положение о неизбежности войн между капиталистическими странами, якобы благоприятствующее социализму. Подъем демократического и национально-освободительного движения рассматривался главным образом под углом зрения подрыва военно-стратегических позиций империализма и опять-таки укрепления военно-стратегических позиций социализма. В результате происходило негативное обоюдное усиление конфронтационных тенденций политики Востока и курса Запада,

ведущих к ужесточению противоборства и взвинчиванию гонки вооружений.

Непоследовательность в теоретическом толковании и практической реализации концепции мирного сосуществования не была полностью преодолена и в послесталинский период. Если, отгораживаясь от внешнего мира железным занавесом, Сталин предрекал «перерастание борьбы за мир в борьбу за свержение капитализма», то, пробивая первые бреши в этом занавесе, Хрущев тем не менее не скрывал намерения «похоронить» капиталистический строй как обреченный историей на гибель. Хотя подлинно исторический XX съезд КПСС пересмотрел устаревшее положение о фатальной неизбежности войн и определил в качестве генеральной линии советской внешней политики мирное сосуществование, еще три десятилетия незыблемым оставался постулат о том, что в случае новой мировой войны «народы не будут больше терпеть строй, свергающий их в опустошительные войны, они сметут и похоронят империализм», — вопреки той очевидной истине, что в пламени ядерного пожара сгорит все человечество, независимо от классовых различий. Персчеркивая суть мирного сосуществования, на правах идеологической аксиомы продолжал оставаться и тезис, сводящий его к «специфической форме классовой борьбы на международной арене».

Совмещая несовместимое, нельзя надеяться на расширение поля деятельности и повышение эффективности мирного сосуществования. Жизненная сила его — в опоре на объективную общность интересов государств с различным общественным строем. Попытки же подчинить эту надклассовую общность классовым, вернее, эгоистическим национальным интересам, а то и имперским амбициям могут только вредить делу мирного сосуществования. Ничуть не умаляя ответственности США и их союзников за развернувшуюся конфронтацию, трудно вместе с тем не признать, что и мы зачастую действовали путем «зеркального отражения» их поведения. Об этом свидетельствуют и наращивание нашей военной мощи сверх уровня, необходимого для обороны, — уже после достижения стратегического паритета, — и наши акции в Восточной Европе, Карибском бассейне, Африке и, особенно наглядно, в Афганистане.

II

Путь к полному выявлению огромного позитивного потенциала мирного сосуществования открылся лишь с началом перестройки в нашей стране, развитием нового политического мышления. Вместе с принципиальной переоценкой основ нашей международной политики в соответствии с реальностями современного мира пересмотру с позиций общечеловеческих ценностей подверглась и концепция мирного сосуществования.

Прежде всего она была очищена от сковывавших и деформировавших ее наслоений прошлого. Сняты как полностью не соответствующие

щие реальностям тезис о возможной гибели только капитализма в итоге мировой ядерной войны и узкоклассовое толкование функции мирного сосуществования в международных делах. Со всей определенностью подчеркнуто, что в ядерный век появился жесткий предел классовой конфронтации на международной арене — угроза всеобщего уничтожения.

Выйдя из недр классовой политики победившего в России пролетариата, ленинский принцип мирного сосуществования через неимоверные трудности и препятствия пробил себе дорогу к широкому признанию как единственно разумный способ международного общения в ядерный век, обрел поистине общечеловеческую значимость. Из концепции выживания во враждебном окружении нового общественного строя мирное сосуществование переросло в концепцию выживания всего рода человеческого перед лицом нависшей над ним угрозы самоуничтожения.

Творческое развитие и обогащение концепции мирного сосуществования — одна из важных составных частей нового политического мышления, нового подхода к решению жгучих проблем современности. Мирное сосуществование, бывшее на протяжении длительного исторического периода принципом межгосударственных отношений социализма и капитализма, ныне трактуется уже как высший универсальный принцип взаимоотношений всех без исключения государств мира.

Трудно переоценить огромное теоретическое и практическое значение такого существенного сдвига в нашем политическом мышлении. Он знаменует собой не просто географическое расширение сферы применения принципа мирного сосуществования, хотя и это само по себе чрезвычайно важно для демократизации международных отношений, поскольку мирное сосуществование мыслится как своего рода общий знаменатель интересов не только социалистических и капиталистических, но и всех других государств, включая, разумеется, государства «третьего мира».

Главный смысл универсализации принципа мирного сосуществования видится в перемещении его в принципиально иную систему координат — из сферы взаимоотношений формационных в сферу взаимоотношений цивилизационных. Такая трансформация уже давно стала назревшей необходимостью. Ведь именно цивилизационные, а не формационные критерии составляют главное содержание межгосударственных отношений нашего времени. В условиях усиливающейся взаимосвязанности современного мира выделение межгосударственных отношений социалистической и капиталистической формаций из глобального контекста цивилизационных в основе своей межгосударственных отношений стало явным анахронизмом. Да и сами взаимоотношения социалистических и капиталистических государств, оставаясь по старой схеме в межформационном диапазоне, во многом не вписывались в картину глобальных цивилизационных отношений.

Признание универсальности и приоритетности общецивилизационного критерия при определении главного содержания обновленной концепции мирного сосуществования является по сути приведением ее в соответствие с реальностями современного мира. Таким образом снимается, вернее, выносятся за скобки межгосударственных отношений изначальное внутреннее противоречие мирного сосуществования, проистекающее из несовместимости его с классовой борьбой на международной арене в целях смены старой общественно-экономической формации новой.

Вывод принципиальной важности о цивилизационной природе межгосударственных отношений мирного сосуществования влечет за собой необходимость дальнейшей разработки общей концепции международных отношений. Если центральное, определяющее звено в международных отношениях составляют межгосударственные отношения, а они должны строиться исключительно на общецивилизационных принципах мирного сосуществования, то почему эти принципы пока не распространяются на взаимоотношения других субъектов международных отношений — на различные политические партии, общественные движения и организации? Отвечает ли нынешним реалиям сохранение для них в международной жизни неких заповедных зон, в которых они могли бы руководствоваться в своей деятельности критериями прежде всего формационного, а не цивилизационного характера? Более конкретно: соответствует ли универсальному толкованию идеи мирного сосуществования перенос категорий классовой конфронтации из сферы внутриобщественной, внутригосударственной — в сферу международную?

Ответы на эти вопросы вряд ли могут быть однозначными, ибо в реальной жизни нет взаимопроникновения формационных и цивилизационных областей общественной деятельности, внутреннего и международного развития, идеологии и внешней политики. И все же в духе нового политического мышления представляется вполне перспективной дальнейшая универсализация принципа мирного сосуществования, распространение его на всю систему современных международных, а не только межгосударственных, отношений. В самом деле, цивилизационное видение международного развития как единого процесса выработки мирными, политическими способами консенсуса разнообразных, даже противоречивых позиций предполагает включение в него всех участников общения на мировой арене, независимо от их формационных различий. И общим для всех них правилом поведения должно быть не враждебное противостояние, а конструктивное сотрудничество на основе общечеловеческих ценностей.

Более широкое, цивилизационное понимание мирного сосуществования требует также нового взгляда на содержание и характер взаимоотношений государств не только в глобальном масштабе. Следует по-новому переосмыслить и весьма важные сдвиги в межгосударственных отношениях внутри каждого из компонентов нынешней структуры международных отношений.

Между социалистическими странами. Присущий им тип взаимоотношений отнюдь не «низводится» до уровня взаимоотношений с капиталистическими странами. Сохраняя все то позитивное, что определяло их принадлежность одной формации, отношения между ними обогащаются такими аспектами, которые раньше были характерны для взаимоотношений главным образом с капиталистическими странами. А именно: отказ от применения силы или угрозы силой как средства решения спорных вопросов, разрешение их путем переговоров; невмешательство во внутренние дела и учет законных интересов друг друга; право народов самостоятельно распоряжаться своей судьбой; строгое уважение суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ; сотрудничество на основе полного равноправия и взаимной выгоды; добросовестное выполнение обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, из заключенных международных договоров.

Некоторые из перечисленных требований не только декларировались, но и осуществлялись в межсоциалистических отношениях. Однако, к сожалению, далеко не всегда и не во всем. Всем памятные события 1956 года в Венгрии и 1968 года в Чехословакии. При возникновении критических ситуаций в отношениях с союзниками нередко доминировали силовые приемы в духе печально знаменитой «доктрины Брежнева». Прямо вытекающий из перестроечных процессов решительный отказ от этой уродливой деформации советской политики позволит избавить наши отношения с государствами Восточной Европы от тех негативных моментов, которые практически отсутствуют в наших отношениях с государствами Запада.

Между социалистическими и развивающимися странами. Раньше этот тип отношений по нашей внешнеполитической иерархии следовал непосредственно за братскими межсоциалистическими отношениями в ранге «дружественных». Но и эти отношения порой страдали от незащищенности со стороны нашей политики — достаточно вспомнить ввод советских войск в Афганистан. Строгая взаимная приверженность принципу мирного сосуществования гарантирует от повторения тяжелых ошибок прошлого, нанесших огромный урон нашим взаимоотношениям как с развивающимися, так и с капиталистическими странами. Распространение принципа мирного сосуществования на государства «третьего мира» чрезвычайно важно, так же как признание равноправия этих государств по отношению ко всем другим членам мирового сообщества. Оно органически сочетается с принципами Бандунга, Движения неприсоединения, Делийской декларации.

Между социалистическими и капиталистическими странами. Хотя видимого изменения статуса этих отношений не происходит, с глобализацией сферы применения принципа мирного сосуществования эти связи приобретают иной международный оттенок. Их развитие на базе мирного сосуществования отныне может не ограничивать-

ся собственными рамками, но взаимодействовать со всеми другими отношениями на международной арене в целом. В этом смысле отход от «исключительности» мирного сосуществования межгосударственных отношений социализма и капитализма полезен и им самим, и всему мировому сообществу.

Между капиталистическими и развивающимися странами. Внедрение принципа мирного сосуществования в эти отношения является насущной потребностью после полного завершения процесса национально-освободительной борьбы и становления молодых суверенных государств. Мирное сосуществование призвано оградить освободившиеся страны от посягательств извне, со стороны капиталистических государств. Оно способствует укреплению их независимости, суверенитета и национального достоинства.

Между развивающимися странами. Утверждение принципа мирного сосуществования не только в отношениях со странами социализма и капитализма, но и между самими развивающимися странами приобретает возрастающее значение, если учитывать глубокую дифференциацию в «третьем мире», чреватую нестабильностью и конфликтами. Условия мирного сосуществования необходимы для предотвращения столкновений и политического разрешения споров между государствами этой обширной зоны мира, для урегулирования региональных конфликтов и недопущения их эскалации на глобальный уровень международных отношений.

Между капиталистическими странами. Применительно к этому типу взаимоотношений принцип мирного сосуществования звучит необычно, особенно если вспомнить прежние догматические прогнозы неминуемых войн внутри капиталистического мира. Тем не менее этот принцип вполне соответствует существу и характеру межгосударственных отношений современного капитализма. При всех внутренних и внешних противоречиях интересы взаимозависимости и стабильности доминируют в отношениях практически между всеми капиталистическими государствами. Применение понятия «мирное сосуществование» к межкапиталистическим отношениям является всего лишь констатацией сложившегося в них положения.

Повсеместно утверждению принципа мирного сосуществования как общепризнанной и всеми соблюдаемой нормы межгосударственных отношений способствует происходящее в наше время интенсивное оздоровление мировой обстановки. Выход из конфронтации, уменьшение военной опасности, развитие политического диалога, начало реального разоружения, укрепление международной безопасности, создание атмосферы доверия, политическое урегулирование региональных конфликтов, расширение взаимовыгодного сотрудничества — все это наполняет мирное сосуществование новым богатым содержанием, создает прочную основу для процесса перерастания его в доминирующую тенденцию международных отношений.

Переход концепции мирного сосуществования из формационной в цивилизационную фазу, обусловленный бурно меняющейся действительностью и обновлением политического мышления, позволяет решить многие старые теоретические и практические проблемы, но сразу же ставит новые, причем фундаментальные. Они затрагивают основы самой идеи мирного сосуществования в его новых измерениях, его прямые и обратные связи с историческим процессом. Действительно, как соотносить новую концепцию мирного сосуществования с традиционной, устоявшейся характеристикой современной эпохи, эпохи перехода от капитализма к социализму и коммунизму? Можно ли ожидать плодотворного развития цивилизационной модели мирного сосуществования, если придерживаться постулата жестко детерминированной смены старого строя новым в пределах некоторого исторического отрезка времени? Не оказываемся ли мы опять, хотя и с обновленной концепцией мирного сосуществования, в тисках старого и неразрешенного противоречия?

Для опасений подобного рода имеются основания. Раньше развитие концепции мирного сосуществования сдерживалось жестко классовым подходом к ней. Теперь же общечеловеческое понимание мирного сосуществования оказывается в явном противоречии со ставшим классическим определением нашей эпохи как «переходной». Если бы такая ее характеристика действительно соответствовала реальностям современного мирового развития, то вряд ли было бы возможно позитивное взаимодействие на международной арене государств уходящей старой формации и государств сменяющей ее новой формации.

Переоценка характера и основного содержания современной эпохи — это самостоятельная теоретическая задача колоссального масштаба. И решать ее предстоит силами всех общественных наук. Не может быть и речи о какой-то «подгонке» нового определения нашей эпохи под новое определение мирного сосуществования. Более логичным был бы, конечно, обратный порядок анализа, то есть выведение сущности международных отношений нашего времени из общих закономерностей мирового развития современности. Но случилось так, что концептуальный прорыв произошел сначала в теории и практике международных отношений, что объясняется более высокими темпами обновления нашей внешней политики по сравнению с внутренними перестроечными процессами. Так или иначе, новая концепция мирного сосуществования уже служит весомым вкладом в разработку более широкой концепции современной эпохи, включая обновление всех наших представлений о путях развития социализма, капитализма и «промежуточных» или «переходных» формаций, о главном противоречии эпохи.

Своеобразное «обратное воздействие» новой трактовки мирного сосуществования на определение характера и основного содержания эпохи помогает выявлять как перспективность ее цивилизационных

параметров, так и ограниченность, а то и неприменимость чисто формационных критериев. Существенные коррективы вносит цивилизационная концепция мирного сосуществования в переосмысление сути всего исторического развития с точки зрения его глобальной целостности, преемственности, непрерывности. Наконец, надформационность обновленной концепции позволяет прогнозировать многомерное и многовариантное общественное развитие, как в обозримом будущем, так и уходящее далеко за видимый исторический горизонт.

Новое международно-политическое мышление способствует глубокому проникновению в суть развивающегося исторического процесса. Сделан огромной важности вывод о том, что человечество не может обеспечить себе будущее в условиях постоянной конфронтации и что противоборство двух систем уже не может рассматриваться как ведущая тенденция современной эпохи. Это во многом разрешает застарелое внутреннее противоречие концепции мирного сосуществования — выводит извечный вопрос «кто кого?» из конфронтационной плоскости. И если наша эпоха все же остается переходной, то, очевидно, преимущественно в цивилизационных, а не формационных измерениях.

Одним из магистральных путей общечеловеческого развития нашей эпохи представляется именно «переход». Но не от одной формации к другой во всемирном масштабе или хотя бы в наиболее развитых странах, а от мира, расколотого сегодня на противостоящие системы, к целостному цивилизационному мировому сообществу при сохранении в нем социально-экономического и политического многообразия. Мощным стимулом для неуклонного продвижения мирового развития в этом направлении как раз призвано стать внедрение в практику международных дел универсального принципа мирного сосуществования на прочной основе общности целей не только выживания, но и прогресса человечества.

На первый взгляд высказанное положение может показаться парадоксальным. Действительно, если человечество вступает в мирный период своей истории, то есть ли необходимость в продолжении курса на мирное сосуществование? Какой в этом смысл, коль скоро конфронтация уходит в прошлое?

Вся сложившаяся в мире обстановка и перспективы ее развития в предсказуемом будущем свидетельствуют о том, что еще рано думать об отказе от принципа мирного сосуществования. Хотя в своем первоначальном, межсистемном измерении он в основном уже выполнил свою миссию, в новом, универсальном качестве ему еще предстоит поработать, и, по всей вероятности, на протяжении длительного времени. Ведь одномоментный переход к мирному периоду нереален.

Разъединяющие и дестабилизирующие факторы еще надолго останутся частью общей картины международных отношений. Нелегко преодолевается наследие противоборства, с трудом осуществляется взаимный демонтаж громоздких структур военного противостояния, медленно устанавливается атмосфера международной безопасности и

доверия. К тому же не исключено появление новых расхождений. И проистекать они могут как из несоответствия внешнеполитических позиций государств — причём не только, а возможно, и не столько по линии Восток—Запад, сколько в разнообразных вариантах международно-политической многополюсности, — так и по причине разнохарактерности и разнородности динамичного внутреннего развития самих стран. Осложнения в международных делах могут вызываться неготовностью либо неспособностью тех или иных стран вовремя «вписываться» в процесс созидания целостного мирового сообщества по таким параметрам, как демократизация, защита прав человека, открытость внешнему миру, демилитаризация, экономическая эффективность, научно-технический прогресс, решение острейших социальных, экологических, этнических и многих других проблем, ранее считавшихся сугубо внутренними. В той же степени это относится к участию стран в совместном решении глобальных проблем — охраны окружающей среды, рационального использования ресурсов планеты, искоренения голода, болезней, неграмотности, экономической отсталости.

Все это предопределяет двуединую функцию новой модели мирного сосуществования: с одной стороны, обеспечивать всеобщую международную стабильность в условиях динамичных и глубоких перемен в современном мире, с другой — способствовать взаимодействию государств и народов в их продвижении по пути к цивилизационной целостности мира.

Можно, конечно, спорить о самом термине «мирное сосуществование», доказывать его пригодность или непригодность применительно к обновленной функции. Судя по всему, назревает необходимость поиска нового термина, хотя нельзя забывать и о возможных негативных последствиях отказа от давно устоявшегося понятия. Как бы там ни было, на нынешнем этапе становления новой формы мирного сосуществования было бы, очевидно, полезней сосредоточиться на ее реальном содержании с учетом аспектов.

Аспект всеобщей безопасности включает в себя последовательное устранение военной угрозы путем разоружения, политический диалог, урегулирование международных конфликтов, нормализацию межгосударственных отношений, установление надежного всемирного правопорядка. Вместе с тем упор делается не просто на предотвращение войны, а на создание всеохватывающего комплекса гарантий, исключающих самую возможность возникновения войны, как глобальной ядерной, так и обычной. Такими гарантиями могут стать следующие взаимосвязанные направления развития мирного сосуществования:

— демилитаризация международных отношений посредством сокращения вооружений и вооруженных сил до пределов разумной оборонительной достаточности и отказа от силовой политики, дальнейшего снижения, а затем и полного преодоления военного противостояния;

— создание глобальной и региональных систем безопасности на основе баланса интересов всех сторон для предупреждения конфликтов и международной нестабильности взамен сложившейся в период конфронтации системы взаимного устрашения и сдерживания;

— обеспечение международной стабильности при резких перепадах политического климата в результате перемен в тех или иных странах и сдвигов во взаимоотношениях государств;

— деидеологизация межгосударственных отношений, точнее, очищение их от тяжелого наследия конфронтационной идеологии и психологической войны, обеспечение условий для свободного сопоставления идей в духе взаимной терпимости и плюрализма, в духе гуманизма и общечеловеческих ценностей;

— налаживание международной системы экстренной взаимопомощи в случае стихийных бедствий, промышленных и транспортных аварий и катастроф, любых других опасных для жизни ситуаций, а также совместная борьба против терроризма;

— подведение под отношения между государствами правовой базы, гарантирующей свободу социально-политического выбора, суверенитет и независимость каждого, строгое соблюдение на международном уровне моральных и правовых норм, отличающих отношения между цивилизованными сообществами;

— укрепление роли ООН и других международных механизмов поддержания мира, их эффективное взаимодействие с миротворческими силами всех государств.

Аспект созидательного сотрудничества. В нем заложены поистине неисчерпаемые ресурсы плодотворного развития мирного сосуществования и перерастания его в нечто более интегрирующее, чем нынешнее международное сотрудничество. По существу, в перспективе речь могла бы пойти о мирном соразвитии различных социально-экономических и политических образований при все более тесном взаимодействии, переплетении их конструктивной международной деятельности с поступательным внутренним развитием. Роль мирного сосуществования в содействии этому набирающему силу глобальному процессу трудно переоценить. Оно необходимо как катализатор в целом ряде конкретных международных дел, в том числе таких, как:

— совместное формирование подлинно интернационального, мирового хозяйства, которое на равноправных началах помогало бы устойчивому развитию каждой страны, включению ее в международное разделение труда и в мировой процесс экономического развития, разумному использованию ее собственных ресурсов и взаимовыгодному доступу к ресурсам других стран;

— обеспечение взаимной выгоды от экономического и научно-технического сотрудничества и использование его для стимулирования здоровой конкуренции и интенсификации партнерства;

— сотрудничество в решении глобальных проблем, начиная от защиты среды обитания и кончая искоренением голода, болезней, наркомании;

— взаимопомощь в случае возникновения внутренних социально-экономических затруднений и кризисных ситуаций в мировом хозяйстве, чреватых осложнением обстановки в целом, совместное преодоление экономической отсталости;

— создание благоприятных международных условий для синтеза всего позитивного, генерируемого различными системами, в интересах общего благосостояния;

— широкий и свободный обмен культурными достижениями и духовными ценностями, создание атмосферы общечеловеческой солидарности;

— взаимодействие стран и народов в обеспечении и защите повсюду на планете прав человека во всей их полноте и многогранности, наполнение главным — гуманистическим — содержанием идеи мирного сосуществования, сотрудничества и соразвития.

Заглядывая в не столь отдаленное будущее, можно с большой долей вероятности предположить, что складывающаяся ныне модель мирного сосуществования, призванная обеспечить переход к целостному мировому сообществу, претерпит дальнейшую существенную эволюцию. Активное взаимодействие и всестороннее взаимообогащение двух глобальных тенденций — укрепления безопасности и расширения сотрудничества — способны породить качественно новую закономерность мирового развития. В ней органически соединятся становление универсального кодекса цивилизованного поведения на международной арене и взаимопереплетение внутриобщественных и всемирных цивилизационных процессов. Мирная, созидательная эра истории человечества откроет дорогу к диалектическому единству разнообразия мира.

Вполне уместен вопрос: а готовы ли все государства, поддерживающие сегодня между собой отношения мирного сосуществования, сообща двинуться к такой манящей, но труднодостижимой цели? Хотя объективные предпосылки общечеловеческого прогресса налицо, не получится ли так, что использовать исторический шанс помешают те, над кем тяготеет тяжелое наследие конфронтационного образа мышления и агрессивных действий? Не встанут ли на пути инертные внутренние и международные структуры и глубоко укоренившиеся эгоистические интересы?

Соблазнительно сходу развеять эти сомнения. Но динамика мирового развития такова, что нельзя учитывать лишь объективные факторы. Велика роль субъективных моментов, которые, если и не в состоянии полностью парализовать действие объективных факторов, способны вносить серьезные поправки в ход событий на международной арене.

И все же общий долговременный прогноз вселяет надежду на конечный успех политики радикальной реконструкции международных отношений на цивилизационной основе и интеграции их в общем историческом процессе. Уже сегодня мы живем в мире, коренным образом отличающемся от того, каким он был всего полвека назад. Иными

стали или становятся отношения между обществами и государствами, которые еще недавно казались полностью несовместимыми и обреченными на нескончаемое противоборство. Глубокие преобразования затрагивают самые основы внешней политики государств различных формаций. Наша перестройка повернута лицом к человеку, насущным потребностям советского общества и одновременно к внешнему миру. И при всей несхожести происходящих перемен у них — общая цивилизационная направленность, созвучная главной тенденции всего мирового развития нашей эпохи. Именно она и предопределяет вопреки всем трудностям и препонам неодолимое продвижение человечества в мирное и созидательное будущее.

**Единство в многообразии:
классовое и цивилизационное
в эволюции мирового сообщества**

Одна из характерных черт мира — это его необычайное многообразие, многоликость. Мировое сообщество пополнилось за последние десятилетия большим числом молодых суверенных государств. Существенно усложнилась и картина формационного развития: человечество еще не знало такого многоцветия палитры государств, не только принадлежащих к различного рода формациям, но и находящихся на неодинаковых уровнях, фазах одной и той же формации. Нарастает тенденция многовариантности общественного развития. Эти явления закономерны и в принципе идут в русле общего цивилизационного прогресса человечества, обогащая и разнообразя его содержание. Однако, наталкиваясь на силы инерции и консерватизма, на проявления застарелого имперского, великодержавного мышления, они порождают острые проблемы, без уяснения и устранения которых мир может оказаться на грани чудовищной катастрофы. К вопросам, которые в этой связи требуют сегодня пристального внимания и более глубокого, освобожденного от прежних догматических установок исследования, относятся и проблемы формационного развития человеческого общества.

Сталинская примитивизация марксистско-ленинской формационной теории не только привела к искажению многих принципиальных и основополагающих положений (например, к отрицанию естественноисторичности процесса зарождения социализма в недрах капитализма, волюнтаристскому толкованию концепции «слабого звена» и пр.), но и блокировала дальнейшее творческое осмысление, развитие и углубление этой теории вообще. На долгие десятилетия она отвлекла наше внимание и от некоторых важных моментов формационного учения, трактовка которых Марксом, Энгельсом и Лениным не получила в дальнейшем своего подтверждения. К числу таковых относится и проблема конкретно-исторической реализации перехода от капитализма к коммунизму. Между тем правильное понимание этого вопроса имело в прошлом и имеет сегодня огромное значение для международных отношений и судеб всей человеческой цивилизации.

Изначально в марксистской теории превалировало мнение, что переход к социализму произойдет примерно одновременно в целой

группе наиболее высокоразвитых капиталистических стран. История не подтвердила ни мысли об одновременности перехода, ни того, что его начало придется на наиболее развитую капиталистическую страну. Представляется, что и при переходе к социализму линия формационной эволюции следовала общим закономерностям перехода от старого общественного строя к новому, взаимосвязей формационного и цивилизационного аспектов прогресса человеческих обществ. На некоторых из этих общих закономерностей развертывания формационных процессов хотелось бы подробнее остановиться в настоящей статье.

Во-первых, вся предшествующая история формационной эволюции не давала особых оснований предполагать, что именно переход к социализму составит исключение и будет проходить более или менее равномерно и в короткие исторические сроки в целом регионе планеты. Да, канва формационной эволюции пронизывает всю ткань исторического процесса. Но по земному шару, по регионам и странам этот процесс развивается неравномерно (в смысле географического распределения эпицентров различных общественных формаций и отдельных фаз каждой из них). В результате те или иные регионы мира не одновременно и по-разному втягивались в общемировой процесс исторического развития. Как известно, первоначально эпицентры формационной эволюции человечества располагались на Востоке, затем они сместились в ареал Древней Греции и Рима и перемещались далее по Европе. Только с развитием капитализма возникают такие производительные силы и средства сообщения, которые позволили ему выступить в качестве первой универсальной формы общественного развития, подчиняя себе, «окольцовывая» и подключая к главному руслу мирового развития (но далеко не до конца трансформируя) все прочие регионы и в этом смысле делая исторический процесс всемирным, хотя пока и неоднородным. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что крупная промышленность сделала конкуренцию универсальной, создавая средства сообщения и современный мировой рынок. «Она впервые создала всемирную историю (выделено мной. — Н. С.), поскольку поставила удовлетворение потребностей каждой цивилизованной страны и каждого индивида в ней в зависимость от всего мира и поскольку уничтожила прежнюю, естественно сложившуюся обособленность отдельных стран» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 60].

Ареалы эпицентров формационного развития никогда не охватывали большинства стран земного шара, в результате по мере эволюции человечества, перехода от формации к формации все большее число стран «выпадало» в зоны вторичных и третичных моделей последующих форм общественного прогресса. Отличие вторичной и третичной модели заключалось в том, что становление новой формации отставало как минимум на одну фазу общественного развития. При этом специфика стран вторичной модели была в том, что развитие новой формации начиналось под воздействием силы примера стран

первичной модели, в то время как в странах третичной модели — колониях и полуколониях — в результате военно-политического нашествия или давления со стороны более развитых государств.

Все это означало, что в масштабах мира разные страны и народы (или даже части народов) постоянно сосуществовали друг с другом, «внутренне» живя в неодинаковых исторических временных измерениях.

Подобная ситуация создавала возможность того, что развитие стран более высокого формационного порядка «подпитывалось», в частности, и за счет ограбления, эксплуатации других народов. Кроме того, неравномерность социального, экономического и политического развития порождала у одних народов сознание превосходства (реального или воображаемого) своей системы над прочими и вызывала стремление навязать другим свою модель общественного устройства, «осчастливить» их своим образом жизни, а еще чаще — утвердить свое господство. Вот почему слова Маркса и Энгельса о создании всемирной истории не следует понимать в том абсолютном смысле, будто все народы одинаково и в равной степени стали участвовать в прогрессе мирового сообщества.

Во-вторых, история свидетельствует о том, что прорыв в цепи государств старой формации происходил в «слабом звене». Например, становление феодализма началось не в Риме, а на варварской периферии империи. В свою очередь зарождение и становление капиталистической формации осуществилось не в стране классического феодализма — Франции, где он достиг своего расцвета, а сначала в покоренных Испанией Нидерландах (где, впрочем, засилие торгово-ростовщического капитала в дальнейшем блокировало этот формационный прогресс) и затем в Англии, которая по тем временам представляла собой периферию феодальной Европы и феодализм которой был исторически не укорененным, привнесенным из Нормандии. При этом после прорыва в «слабом звене» процесс пространственного становления новой формации неизменно бывал растянут во времени. Даже в рамках лишь первичной модели капитализма временной разрыв между Нидерландской и Французской революциями составил 180 лет. Нужно ли напоминать о том, что процесс дальнейшего расширения территориальных рамок капиталистической формации за счет подключения к ней стран вторичной и третичной моделей затянулся практически до сегодняшнего дня. Иными словами, между первым политическим прорывом к новой формации и ее становлением в качестве мировой социально-экономической системы дистанция огромного размера. И нет никакого основания полагать, что переход от капитализма к социализму будет в этом смысле исключением.

В-третьих, формационный переход в «слабом звене» обуславливает в свою очередь и другую закономерность — несовпадение ритмов поступательного движения формационного и цивилизационного процессов.

Высокое развитие или упадок экономики и культуры в какой-либо конкретной стране или группе стран в определенный исторический период могут находиться в обратном отношении к данной фазе формационной эволюции. Это несоответствие особенно характерно для переходных стадий, а именно заключительной фазы, или становления нового общества.

Как свидетельствует весь ход общечеловеческой истории, умирание в формационном плане обычно сопровождается значительным прогрессом в экономике, науке, культуре. Это и понятно, так как диалектическая суть процесса умирания формации заключается прежде всего в зарождении материальных, политических и духовных предпосылок будущего общества в недрах старого, что влечет за собой прогрессивные сдвиги в сфере экономики, науки и культуры. (Данное обстоятельство, по-видимому, недостаточно учитывается нашими мидиевистами (особенно изучающими эпоху абсолютизма) и специалистами по империализму, которые нередко игнорируют принципиальное различие между понятиями общего структурного (формационного) кризиса феодализма или капитализма и кризисов экономического роста, развития производительных сил, науки и т. д., то есть общечивилизационного кризиса. Этим объясняются долгие и жаркие дискуссии о применимости к феодализму XIV—XV веков или современному капитализму категорий «кризис» или «умирание».) Поэтому, например, кризис и упадок феодализма как формации является вместе с тем эпохой Возрождения, роста новых производительных сил в городе и даже деревне. И наоборот, фаза становления новой формации обычно сопровождается существенным понижением в «слабом звене» и без того не самого высокого уровня экономики и культуры. И это происходит как потому, что процесс утверждения нового общественного строя неизбежно связан с определенным разрушением производительных сил и нигилизмом по отношению к культурному наследию, олицетворяемому в сознании новых общественных сил со старыми господствующими классами, так и потому, что в конечном итоге к сравнительно ограниченному в количественном отношении цивилизационному наследию предшествующего строя при становлении новой формации стремится приобщиться несопоставимо более многочисленная масса населения. Этот цивилизационный регресс, разрушение значительной части материальных и духовных ценностей, созданных во время предшествующего развития, сдерживают в течение переходной фазы рост экономики, науки, политической культуры. В дальнейшем, однако, по мере утверждения новой формации происходит «возрождение» старых ценностей, но теперь уже на иной, принципиально обновленной и расширенной основе.

С учетом этих предварительных замечаний попробуем теперь взглянуть на место Октября в мировом революционном процессе и роль нашей страны в мировом сообществе.

В октябре 1917 года в общемировом процессе буржуазного формационного развития произошел прорыв в «слабом звене». Но когда Ле-

нин и большевики брали власть в свои руки, они не переоценивали значение этого факта и не рассматривали его как самодовлеющий или самостоятельный фактор нового (коммунистического) формационного развития. Русской политической революции отводилась лишь роль искры, разжигающей мировой пожар, или импульса, вызывающего новую волну мирового революционного процесса, главные события которого должны были произойти в эпицентрах капиталистической системы. Даже в июне 1920 года надежды большевиков на непосредственное развертывание мировой революции все еще сохранялись. В. И. Ленин писал о «злободневности» задачи «превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)» [Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 165]. Как известно, подобным расчетам не суждено было сбыться, а России пришлось в одиночку начинать свой переход не к коммунизму, а всего лишь к социализму в условиях капиталистического окружения. Все это означало, что возникновение всемирной по своему характеру новой формации пока не состоялось.

Зная, что подлинный социализм возможен только на базе материальных и цивилизационных предпосылок, создаваемых высокоразвитым капитализмом, и трезво оценивая реальный уровень общественного развития России (пониженный к тому же мировой и гражданской войнами, политической революцией), Ленин предложил в 1921 году новую экономическую политику. Социализм, по его мнению, все равно должен был появиться из капитализма, правда особого, госкапиталистического, в условиях существования Советской власти. Это логически предполагало заимствование, перенимание опыта и форм организации производства у высокоразвитых стран Запада. И Ленин провозглашает: «Учиться у руководителей трестов!» Это в свою очередь означало переход от откровенной и лобовой конфронтации на мировой арене к мирному сосуществованию и экономическому сотрудничеству.

Придя к руководству партией и страной, Сталин отбросил ленинскую стратегию перехода к социализму. Он демагогически стал утверждать возможность непосредственно социалистического строительства, свернул нэп и вскоре объявил о построении «в основном» социализма. В этих обстоятельствах стало невозможным свободное и широкое использование достижений западной цивилизации. Логика была простой: если у нас более передовой строй, то чему мы, собственно, можем научиться у этих гнилых и обреченных капиталистов? Но так как в реальной жизни все обстояло наоборот, то пришлось «голому королю» прикрывать «наготу» имитацией превосходства (гигантоманией, «ударными» темпами) и безудержной лживой пропагандой.

Подобный курс с объективной неизбежностью требовал «железного занавеса», самоизоляции страны и неоправданной абсолютизации противостояния «двух систем» (хотя вторая «система» в то время еще попросту не существовала!). Сталинский вариант социализма (на самом деле тупиковой попытки перехода к социализму) был объявлен той самой «печкой», от которой надлежало теперь «танцевать» новому формационному развитию во всемирном масштабе. Научно обоснованный Марксом, Энгельсом и Лениным генезис будущей коммунистической формации в недрах развитого капитализма на его завершающей фазе попросту игнорировался, а широкое и многомерное марксистское понимание мирового революционного процесса стало отождествляться только лишь с теми политическими движениями и событиями, которые являлись прямым или косвенным следствием сталинской политики и воздействия сталинской модели социализма. Тем самым, по существу, блокировалась свобода выбора левыми, да и вообще всеми демократическими силами Запада путей развития для своих стран. Все, что не соответствовало сталинским идеалам и представлениям о социализме, объявлялось оппортунизмом, социал-империализмом и т. п., отвергалось и, по возможности, физически уничтожалось.

Сталинизм нанес, таким образом, огромный ущерб мировому революционному процессу, развитие которого отныне следовало подчинять интересам реального «государственного социализма». Это резко дискредитировало в мировом общественном мнении многие революционные силы и давало повод для появления на Западе стереотипа «руки Москвы», которую с тех пор старались обнаружить даже в тех странах, где возникало спонтанное освободительное движение.

На самом деле коммунистическая формация еще никак не могла претендовать на всемирность и пребывала в своих зародышевых или стартовых (причем преимущественно в грубокоммунистической форме) фазах. (Блестящая и глубокая характеристика грубокоммунистических форм общественного бытия дана у Маркса [см.: М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 42, с. 114—116].) Основной потенциал этой формации все еще накапливается в недрах высокоразвитых капиталистических обществ, где продолжают и ускоряются естественно-исторические процессы формирования социально-экономических и политических структур и предпосылок будущего общества. И пока этот потенциал не раскроется, говорить о всемирности новой, коммунистической формации не приходится (особенно в свете событий, происходящих ныне в Восточной Европе). Ведь и сегодня еще не утратило силы ленинское предсказание о том, что после победы социализма «хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия делается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле) страной» [Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 3—4].

Однако чрезмерное преувеличение всемирной значимости нашего государственного социализма и постоянная констатация существова-

ния мировой социалистической «системы» требовали все же каких-то новых подтверждений фактами. Естественно, что доказательства оправданности такой постановки вопроса шли в основном по «географической» и «арифметической» линиям, то есть по линии территориального расширения и численного преумножения группы стран, в которых, по замыслу «вождя народов», должны были воспроизводиться сталинские модели социализма. Военно-политические методы реализации освободительных процессов начали апробироваться Сталиным еще до Великой Отечественной войны в связи с заключенными с фашистской Германией соглашениями, а война с Финляндией, в ходе которой Сталин попутно попытался было осчастливить финских рабочих и крестьян социальным освобождением, отнюдь не украсила эту страницу нашей истории. Военно-силовой аспект сыграл не последнюю роль и в формировании сталинской внешнеполитической стратегии после второй мировой войны. В итоге появился «лагерь социализма», противопоставленный «лагерю капитализма», и был «теоретически» зафиксирован раздел мировой экономики на «два хозяйства». Капитализм был однозначно представлен лишь как «путь страданий народов», а шествие государственного социализма рисовалось безоблачным и триумфальным.

Такой схематизм (к сожалению, не только теоретически, но и практически) шел вразрез с многообразием исторических традиций и реальных условий стран «социалистического лагеря», скованных в своей свободе выбора вариантов перехода к социализму сталинским догматическим идеологическим пуританизмом, рассматривавшим любое отклонение от собственной модели общественного развития как отход от «основ» марксизма-ленинизма. Это привело не только к определенному обострению отношений с народами тех или иных стран, но и положило начало феномену «отлучения» инакомыслящих, предания их публичной анафеме, занесения в разряд антисоветчиков и противников марксизма-ленинизма, право толкования которого было строго монополизированным. Югославия, которая оказалась первой жертвой подобной политики, нашла альтернативу в Движении неприсоединения. «Именно навязывание или копирование одной модели, к тому же отнюдь не безупречной, явилось в прошлом причиной многих осложнений в развитии мирового социализма. Урок этот мы усвоили твердо», — отметил М. С. Горбачев в своем выступлении перед китайской общественностью в мае 1989 года. Анализируя причины возникновения противоречий между социально односторонними в своем развитии, но отличающимися национальной спецификой странами, он, в частности, сказал: «Два-три ошибочных решения, не учитывающих интересы партнера, попытки навязать ему свою точку зрения, перенос взаимных обид на следующие ступени, вплоть до политического уровня, возведение идеологических споров и разногласий в ранг государственного противостояния — и в результате между некогда дружественными странами встанет стена подозрительности и недоверия» [«Правда», 18.05.89]. (Уместно вспомнить,

что Китай и сам «переболел» великодержавностью. Начиная с 60-х годов часть руководства страны попыталась методом «большого скачка» в коммунизм овладеть главенствующим положением как в социалистическом лагере, так и в международном коммунистическом движении, форсировать процесс мировой революции, настойчиво рекомендуя свою собственную модель и навязывая концепцию «окружения города деревней». Это привело в то время к открытому расколу в обоих случаях (в лагере и в движении). Но в конце концов здравый смысл и здоровые силы в КПК одержали верх. Китай вернулся к пяти принципам мирного сосуществования и объявил себя «развивающейся социалистической страной».)

Военно-политическое сплачивание в едином, а главное — в единообразном лагере и административно-централизованные методы ведения хозяйства внутри него, естественно, вели к ущемлению национального суверенитета, усилению изоляционистских тенденций, отдалению от остального мира, а на деле — к отставанию этой группы стран, так как лишали их питательных соков международного разделения труда, возможности широкого использования научно-технических достижений и опыта более развитых государств. В этом плане наша страна пострадала, возможно, больше других, так как мы почти 60 лет упорно игнорировали соответствующие ленинские заветы.

Мы и сегодня страдаем от инертности такого подхода, от непонимания специфики процессов интеграции в рамках системы строящих социализм государств. Эта специфика во многом определялась особым с самого начала характером нового формационного развития. В этом плане представляется, что мы недостаточно глубоко продумали смысл следующих ленинских слов о нашей революции, сказанных в январе 1923 года: «...Мы начали не с того конца... у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим» [Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 377]. (Следует иметь в виду, что в данном случае Ленин трактует «культурный переворот» в широком цивилизационном смысле, охватывающем самые различные стороны общественного бытия, в том числе и культуру хозяйственной деятельности.) С тех пор многое в новом формационном развитии начиналось «не с того конца». Это относится и к проблеме социалистической интеграции после второй мировой войны.

В отличие от Западной Европы, которая потратила века и массу энергии на культурную интеграцию и формирование европейского рынка и лишь затем приступила к их оформлению в государственно-организационных рамках, восточноевропейские социалистические государства вследствие уже самого характера генезиса, уходящего своими корнями в процесс освобождения этой части Европы советскими войсками, вынуждены были начать с военно-политической интеграции и лишь позднее стали пытаться наполнить эту форму соответствующим экономическим содержанием, что, естественно, сталкива-

лось с большими объективными трудностями. Это и понятно. Ведь выбор пути, форм и методов интеграции в значительной мере был не свободным, а продиктованным всей окружающей обстановкой и во многом навязанным «сверху».

Но политические решения об интеграции, даже принимаемые на самом высшем уровне, не могут сами по себе заменить реальных экономических процессов. Не случайно, очевидно, результаты предшествующего функционирования командно-административной системы СЭВ оставляют желать лучшего. По существу, одна из основных целей — расширение и углубление разделения труда между членами этой организации — не была достигнута. Даже обычный товарооборот между европейскими ее членами оказался во многих случаях убыточным (из-за «идеологического» подхода) и обнаружил тенденцию к сокращению. Многие важнейшие совместные программы, в том числе по научно-техническому прогрессу, остались на бумаге. Иногда было легче наладить сотрудничество с иностранной фирмой, чем с партнером по СЭВ. Так и не был разработан эффективный механизм подтягивания до общего уровня менее развитых стран СЭВ — Кубы, Вьетнама и Монголии. Выявилось несоответствие между интересами административной бюрократической интеграции и национальными интересами некоторых членов этой организации, итогом чего было усиление центробежных тенденций. Стало очевидным, что и политика «социалистической интеграции» сегодня также нуждается в обновлении своего внутреннего механизма, в избавлении от остатков «осадной лагерной» психологии и командно-административной системы, в переходе на сугубо экономические методы взаимосвязей. Об этом говорилось на заседании сессии СЭВ в Софии в январе 1990 года, впервые с предельной откровенностью обсудившей все наболевшие вопросы этой организации и признавшей настоятельную необходимость принципиальной перестройки экономических взаимосвязей и постановки новых целей и задач. Вместе с тем процесс обновления механизма интеграции в рамках СЭВ не следует противопоставлять или делать предварительным условием процесса интеграции членов СЭВ в «общеевропейский дом» (в том числе и на двусторонней основе), равно как и в целом в мировое сообщество. На такую педантичную последовательность история просто не отвела времени. И то, что СССР, Венгрия и Чехословакия уже подписали с Европейским сообществом двусторонние соглашения о сотрудничестве, можно только приветствовать.

Сегодня взаимоотношения между странами социалистического содружества последовательно очищаются от остатков сталинского наследия, от его брежневского послыда — пресловутой концепции «ограниченного суверенитета». Во всяком случае, вслед за перестройкой экономических взаимосвязей в рамках СЭВ на повестку дня поставлен вопрос о серьезных преобразованиях в Организации Варшавского Договора, о приоритете и в этом случае не идеологических постулатов, а реальных национальных интересов участников Договора. Эти

взаимоотношения будут строиться отныне в духе равноправного сотрудничества и строгого невмешательства в сугубо внутренние дела друг друга. События, происходящие сегодня в странах Восточной Европы, — наглядное тому подтверждение. Польша, в частности, является нам пример проявления ее руководством политического реализма и готовности к историческому компромиссу во имя высших интересов всего польского народа. Правда, оппозиции в Польше, получившей возможность сформировать правительство, предстоит еще доказать глубину своей демократичности, в случае если польский народ в последующем изменит свой нынешний выбор. Но как бы то ни было, неизменно гордящемуся своим демократизмом Западу брошен еще один крупный вызов: а смогут ли правители какой-либо развитой капиталистической страны и их союзники в будущем продемонстрировать такую же терпимость и такое же чувство ответственности перед своими народами, если развитие объективной обстановки и волеизъявление народа поставят на повестку дня вопрос, допустим, о полном правом коалиционном правительстве коммунистов и социалистов?

* * *

Учет закономерностей формационного развития важен и для судеб развивающихся стран, в которых проживает более 2/3 населения земного шара. Это тем более актуально, что практически сразу же с подъемом национально-освободительного движения после второй мировой войны на глобальном уровне началась сложная и временами острая борьба за «формационную ориентацию» этих стран, за включение их в противоборствующие блоки и «лагери». Так развивающиеся страны стали крупным фактором международных отношений. Но для правильного понимания современной ситуации необходимо учитывать, как мне представляется, изначальную принадлежность развивающихся государств к третичной модели всемирного капиталистического развития. Поэтому остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Разные фазы мирового капитализма — его зарождение в недрах феодализма, становление после первой буржуазной революции, зрелость и, наконец, умирание — по-разному отражались на судьбах народов Востока. Фаза зарождения капитализма подготовила лишь предпосылки великих географических открытий. Страны Востока, можно сказать, и не подозревали о начале нового времени. Они жили по-старому. Фаза становления капитализма уже вносит существенные изменения — начинается торгово-колониальная экспансия. Но пока еще закладываются лишь предпосылки будущего колониального разделения труда. Традиционные способы производства в странах Востока сохраняются, по существу, в неприкосновенности. Формирование мирового рынка носит относительный характер. Общение между Востоком и Западом можно охарактеризовать как «контактное», причем контакты осуществляются лишь через систему торговых городов.

Первые торговые нации появляются позднее, в XVII—XVIII веках (Голландия, а затем Англия). Тогдашние правители стран Востока получают пока лишь самую общую и, видимо, весьма смутную информацию о существовании другого мира, мира «рыжих варваров», и иного времени (отнюдь не воспринимаемого как «новое»). Короче говоря, в мировых масштабах имело место параллельное сосуществование различных по своему содержанию и характеру исторических эпох. Более существенное, даже принципиальное изменение происходит во второй фазе развития капитализма. Колониальная экспансия приобретает качественно иной характер (вследствие промышленной революции на Западе, обусловившей новую роль колоний). Теперь все больше стран Востока оказываются «окольцованными» военно-политическим господством западных метрополий, но лишь часть их населения и территории уже втянуты в колониальное разделение труда. Однако даже эта часть жителей стран Востока все еще пребывает не в новом времени, а, так сказать, около него и ради него, то есть живет в рамках колониальной эпохи. Действительное включение узкой прослойки населения колониального и полуколониального Востока в новое время начинается лишь с переходом капитализма в монополистическую стадию. С конца XIX века здесь зарождается национальный капиталистический уклад и происходит «пробуждение» Востока. Но при этом широкие массы населения продолжают жить либо в традиционной, либо в колониальной эпохах. Иначе говоря, страны Востока в этот период всеобщей истории фактически живут одновременно по крайней мере в трех конкретно-исторических временных измерениях.

С достижением политической независимости общественное развитие стран Востока еще более усложняется. Модель «догоняющего развития» императивно диктует необходимость включения (пока частичного и верхушечного) в четвертое временное измерение — новейшую историю. Все это создает в самих обществах обстановку глубокого структурного кризиса и повышенной конфликтности, а в международном плане — порождает проблему их интеграции в мировое сообщество на основе принципа свободы выбора (в социально-экономическом, политическом и культурном планах).

В нашей стране вопрос о месте «третьего мира» в мировом революционном процессе трактовался в соответствии с преваляровавшим взглядом о якобы всемирности процесса нового формационного (коммунистического) развития. Причем чем дальше, тем больше он стал рассматриваться лишь в одном конкретном и суженном аспекте, а именно в политическом, подразумевающим пресечение капиталистического развития и непосредственный переход к социализму. И так как необходимость эволюционных социально-экономических и политических сдвигов, ведущих к зарождению социализма в недрах достигших высокоразвитости капиталистических стран, в полном соответствии с догматической сталинской трактовкой этого вопроса в расчет не принималась, то основное внимание стало постепенно концен-

трироваться на «перспективной», как казалось тогда многим, периферии, то есть развивающихся странах. Тем более, что общие условия перехода к социализму там выделялись в чем-то более схожими с нашим вариантом, а потому были более близки нашим теоретикам и практикам от политики.

Справедливости ради надо отметить, что послевоенные события в «третьем мире» давали определенные основания для такого оптимизма и упований на то, что мировой революционный процесс в нашу эпоху меняет свое главное русло и затронет прежде всего в основном три континента — Азию, Африку, Латинскую Америку. Как известно, сразу же после войны в мощной волне национально-освободительного движения наметилась довольно сильная струя народно-демократических революций и движений, возглавлявшихся коммунистическими партиями, в результате чего образовались КНР, ДРВ и КНДР. Правда, все другие многочисленные попытки повторить эту модель революции в странах Азии с уже утвердившимися буржуазно ориентированными правительствами завершились провалом. Казалось, это должно было несколько отрезвить нас. И действительно, к середине 50-х годов наметился процесс изживания иллюзий и признания возможностей и заслуг национальной и мелкой буржуазии в борьбе за освобождение от иноземного господства.

Однако подобного прагматизма хватило ненадолго. Уже в конце 50-х годов возник феномен некапиталистического пути, или, как его позднее называли, социалистической ориентации, и с начала 60-х годов снова стала нарастать волна безудержной эйфории. Оглядываясь сегодня назад, невольно поражаешься тому, с какой самонадеянностью мы полагали тогда, что, следуя самому передовому революционному учению, можем объяснить и научно предсказать единственно правильный ход социально-экономического и политического развития стран бывшей колониальной и полуколониальной периферии. Мы утверждали, в частности, что капитализм в странах трех континентов опоздал родиться и поэтому национально-освободительные революции не ограничатся политической независимостью, а с объективной неизбежностью будут перерастать в социалистические и такая перспектива для этих стран не за горами, она реализуется в течение жизни одного, максимум двух поколений.

На подобной концепции основывались сотни книг и многие тысячи статей, защищались бесчисленные кандидатские и докторские диссертации. В итоге в нашей науке и политике стала укореняться психология «революционного вала». Нам казалось, что в глобальном противоборстве с мировым капитализмом мы сможем круто изменить соотношение сил в мире, непрерывно расширяя круг стран в Азии, Африке и Латинской Америке, избравших ориентацию на социализм. (Вспомним постоянно повторявшийся с высоких трибун и на всех научных форумах тезис об изменении соотношения сил в мире в пользу социализма и демократии.) Но в действительности «революционный вал» оказался связанным с не меньшими издержками, чем внутрен-

ний народнохозяйственный, а его временные тактические преимущества экстенсивного роста обернулись рассредоточением революционного потенциала и сдерживанием его качественного углубления, а подчас и явной дискредитацией идеи социализма как такового. Более того, опыт прошедших десятилетий показал, что пополнение ядра нового формационного развития за счет массового включения в него стран с досоциалистическими и даже докапиталистическими социально-экономическими укладами отнюдь не способствовало ускорению общего хода мирового революционного процесса, а, напротив, отвлекло внимание от насущных задач глубокой структурной перестройки, обновления принципов и механизма формирования подлинно социалистического общества в инициативной группе стран. Короче говоря, исторический опыт еще раз напомнил нам народную мудрость «лучше меньше, да лучше» и ленинскую мысль о том, что обеспечить победу нового строя можно лишь достижением более высокого уровня производительности труда, то есть более высоким общественно-экономическим качеством, а не одним только количественным «валом» политических побед.

Сомнения в абсолютной непогрешимости нашего внешнеполитического курса в отношении развивающихся стран назревали в течение 70-х — начала 80-х годов, особенно по мере увеличения списка стран с неудавшейся социалистической ориентацией, а также в связи с теми нараставшими экономическими и политическими преградами, о которые стали спотыкаться оставшиеся на этом пути государства. Но окончательно нас отрезвила политика по отношению к Афганистану, на горьком опыте которого еще раз подтвердилось известное марксистское положение о противоестественности и бессмысленности экспорта революции, тем более военными методами. И тот факт, что именно после вывода наших войск кабульский режим существенно консолидировался и у политики национального примирения появилась определенная перспектива, служит лишь подтверждением правильности упомянутого тезиса.

Справедливости ради следует сказать, что в предшествующие десятилетия нам, убежденным в собственной непогрешимости, и в голову не приходило, что, навязывая освободившимся от колониального ига народам (вернее, левому крылу их политического авангарда) казавшийся единственно верным путь (а фактически единственную модель единственного пути) развития, мы посягали на их свободу выбора. При этом мы совершенно абстрагировались от генезиса национально-освободительных движений и от того факта, что для развивающихся стран понятия общественного прогресса и революционного процесса мыслятся гораздо более широко и многопланово в связи с той спецификой исторического развития, о которой говорилось выше. Тем более, что В. И. Ленин неизменно рассматривал освободительные национальные движения и революции в неразрывной связи с их буржуазно-демократическим содержанием [см.: Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 385]. Более того, подъем национально-освободи-

тельных движений среди афро-азиатских народов трактовался им как продолжение всемирного, но неравномерно развертывающегося процесса буржуазно-демократических преобразований, как заключительный его этап [см.: Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 260—261, т. 27, с. 61; т. 30, с. 88—90].

Теперь мы знаем, что решающим, переломным историческим моментом для этого движения явились прежде всего разгром фашизма в ходе второй мировой войны и обстановка расширения рамок нового формационного развития, создавшая саму возможность (но не обязательность) альтернативной, то есть социалистической, ориентации развивающихся стран. Но для многих развивающихся стран актуальным и сегодня является выбор одного из многих вариантов капиталистического пути.

Последнее обстоятельство с самого начала игнорировалось и на Западе. С того самого дня, когда там осознали неизбежность краха политической системы колониализма, предпринимались попытки навязать освободившимся странам свои концепции общественного развития. Абсолютное большинство этих рекомендаций можно было бы свести к одному знаменателю: вестернизация, то есть повторение «классического» пути развития капитализма на Западе. Но при этом забывается, что сам Запад потратил на этот путь несколько сотен лет, что история не отвела такого времени современным развивающимся странам и что, следуя этому совету, они еще более увеличат и без того значительный разрыв в уровнях общественно-экономического развития по сравнению с развитыми странами.

В западной историографии прочно утвердилось мнение, что только советская внешняя политика строится на строго классовом основании, хотя так было далеко не всегда. Но то, что внешняя политика развитых капиталистических стран тоже преследовала строго классовые (буржуазно-классовые) цели упрочения и расширения мировой капиталистической системы, а также неокOLONIALISTские интересы консервации асимметричной взаимозависимости Запада с развивающимися странами и сохранения последних в качестве его периферии, почему-то остается в тени. Обвинения в классовом подходе достаются сегодня только нам. Между тем послевоенные десятилетия полны примеров того, как Запад пытался не только настоячивыми советами, экономическим нажимом, но и вооруженным насилием (вспомним Суэц, Индокитай, Гренаду, Панаму и др.) насаждать свои «демократические ценности» и свой образ жизни. Соединенные Штаты, например, на удивление широко трактуя концепцию национальной безопасности, неизменно пытались экспортировать свои представления о политике, в том числе экономической, которой следовало придерживаться той или иной развивающейся стране. Даже те, кто, как Индия и некоторые другие неприсоединившиеся страны, давно уже избрал капиталистический путь, но при этом отстаивает свою национальную самобытность и государственный суверенитет, стремится к экономической самостоятельности и не ограничивает себя искусственно в вы-

боре партнеров, вызывали неудовольствие и нередко различные санкции со стороны американской администрации.

Но никуда не уйти от того факта, что речь идет о специфической группе стран мирового сообщества, в силу исторических причин значительно отставших в своем общественном развитии. Эти страны стремительно втягиваются сегодня в процессы интернационализации, интеграции в мировое сообщество. Но вместе с тем они все еще представляют собой переходные общества, социальные и экономические структуры в них не отличаются органической целостностью и однородностью. Наряду с ядром современных национальных структур здесь сосуществуют остатки традиционных и полутрадиционных отношений (от первобытнообщинных до феодальных), с одной стороны, и существенные пласты остаточных колониальных или неоколониальных структур — с другой. Совершенно очевидно также, что при всей общности современных задач каждая из этих стран имеет свое «индивидуальное лицо»: специфические конкретно-исторические условия, особые цели для каждого данного этапа развития, свои методы и средства достижения этих целей. Неудивительно поэтому, что свобода этих целей и средств является неотъемлемой потребностью развивающихся обществ.

Характерная для развивающихся стран гетерогенность социально-экономических, политических, национально-этнических, конфессиональных и т. п. структур дает основание для прогнозов, что при решении своих проблем они неизбежно столкнутся с социальными напряжениями, структурными кризисами, политическими конфликтами, революциями и контрреволюциями. Ведь историю остановить нельзя. Стало быть, задача, стоящая перед мировым сообществом, заключается не в навязывании развивающимся странам какого-то статус-кво, не в «замораживании» там социальных и национальных процессов, с объективной неизбежностью пробивающих себе дорогу, а в том, чтобы, во-первых, не допустить вплетения этих процессов в ткань глобального соперничества двух систем и превращения их тем самым в детонаторы мировых катаклизмов, а может быть, и всеобщего апокалипсиса и, во-вторых, создать такую международную атмосферу, которая бы максимально смягчала кризисные ситуации в районе развивающихся стран, способствовала более быстрому и менее болезненному разрешению внутренних и региональных конфликтов, обузданию гонки вооружений.

Между тем вся послевоенная история скорее свидетельствует о стремлении вмешиваться в процессы реализации развивающимися странами принципа свободы выбора. Сначала бывшие метрополии, а затем неоколониальные силы не могли в прошлом, да зачастую не желают и сейчас отрешиться от психологии и представлений, сложившихся во времена колониальных империй. Сугубо внутренняя борьба классовых и политических сил в развивающихся странах нередко рассматривалась под углом зрения соотношения сил двух систем. Выбор той или иной ориентации оценивался лишь с позиции «выигрыша»

одной стороны и, соответственно, «проигрыша» другой. Каждый раз с появлением нового режима (или режимов) с новой ориентацией делался вывод об изменении соотношения сил между двумя системами, хотя реального изменения в соотношении экономических и военно-политических сил могло и не произойти. Короче говоря, развивающиеся страны превращались в поле боя и соперничества великих держав, становились объектом вмешательства в целях оказания влияния на выбор пути развития.

Очевидно, пора уже отказаться от стереотипа традиционного мышления: сильный — значит, превосходящий, способный навязывать другим свою волю. Необходимо осознать, что государства, как и отдельные лица, действуют в исторических условиях, созданных предшествующим развитием, и воспринимать эту объективную данность мира (в том числе развивающегося мира), не игнорируя ее и не пытаясь насильственно подогнать ее под свои представления о «справедливости» и «правильности». Народы и правительства каждого государства имеют право самостоятельно решать, каким образом они будут адаптироваться к общемировым реалиям, что именно и у кого они будут заимствовать и как это заимствуемое будет сочетаться с местными структурами и национальными ценностями. М. С. Горбачев в своем выступлении в ООН в начале декабря 1988 года заметил в этой связи: «Самоутверждение многоликости мира делает несостоятельными попытки свысока поглядывать на окружающих и учить их «своей» демократии. Не говоря уже о том, что демократические ценности в «экспортном исполнении» зачастую очень быстро обесцениваются».

* * *

Сегодня мало уже кто сомневается в том, что новое мышление в международных отношениях создает особую атмосферу, способствующую более полной реализации принципа свободы выбора. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на появление в последнее время одного крайне важного исторического фактора, создающего благоприятные условия для концентрации усилий в отмеченном выше направлении, а именно особого характера мирового формационного развития и форм мирового революционного процесса на современном этапе развития человечества.

Сейчас много и правильно говорится о деидеологизации и неклассовом подходе в межгосударственных отношениях. Но всякая истина, вышедшая за пределы ее применимости, может обратиться в свою противоположность. Самые что ни на есть деидеологизированные межгосударственные отношения и общечеловеческий подход не отменяют ни классовых, ни идеологических различий. Для этого потребуются многие сотни лет дальнейшей формационной эволюции человечества. Не исчезнет никуда и мировой революционный процесс, конечно, в его широком научно-историческом понимании, ибо его игно-

рирование равносильно отрицанию прогресса мирового сообщества, но тогда почему сегодня стало возможным говорить о деидеологизации межгосударственных отношений? Неужто из одного лишь страха перед вселенским апокалипсисом?

Да, приходится признать, что человечество вынуждено считаться с возможностью подобной перспективы. К сожалению, научно-техническая революция имела своим побочным и крайне негативным результатом появление и накопление в устрашающих масштабах невиданного доселе по своей разрушительной силе ядерного оружия, поставившего под вопрос само существование человечества. Это сделало практически невозможным урегулирование крупных международных конфликтов традиционными средствами, прежде всего войной. Но несколько не принижая значение этого момента (вместе с тем и не преувеличивая, так как сотни миллионов людей на земном шаре просто не имеют серьезного представления о нависшей над человечеством угрозе), укажем и на другие обстоятельства. Дело в том, что и в идущей на смену капитализму новой формации, и в освободительных процессах в «третьем мире» наступил качественно новый этап. В обоих случаях этап прорыва в новое состояние в основном завершен и легитимирован в глобальном масштабе. Осталось позади время иллюзий, застарелых догм, завышенных ожиданий или, наоборот, глубоких, но не всегда оправданных опасений, преобладания вследствие этого открытых и лобовых столкновений, резких форм разрешения межгосударственных противоречий. Отошли в прошлое не только наши иллюзорные представления об уже близкой всемирности только еще начинающегося нового формационного перехода¹, но и те заблуждения, через которые прошел Запад после Октября 1917 года. Ведь вначале там полагали, что Октябрь — это, как отмечал Ленин, «куръез» или «чужачество» на периферии капиталистической системы [см.: Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 302—303]. Когда же затем убедились, что «чужачество» слишком затянулось, на смену пренебрежительно-снисходительному отношению пришли ярость и настойчивое стремление стереть новый режим с лица земли. Теперь, несмотря на декларативные пропагандистские заявления отдельных консервативных деятелей на Западе о «конце коммунизма» (именно сейчас, когда идея социализма начинает обретать свое «второе дыхание»), в общем и целом пришло понимание неотвратимости эпохи мирного сосуществования и необходимости тесного взаимодействия двух направлений формационного развития.

Такое взаимодействие тем более реально, что, судя по всему, развитая часть мира вступила в эпоху «революций сверху» и преобладания мирных форм революционных изменений. В результате и дальнейший ход мирового революционного процесса становится более спокойным в своих внешних проявлениях, так что некоторые даже вопрошают, а не исчез ли он вообще и не пора ли нам отказаться от этого понятия? На деле речь идет всего лишь о видоизменении этого процесса. Несмотря на свой, казалось бы, стихийно-объективный ха-

ракти, мировой революционный процесс всегда развивался по определенным, наиболее общим законам. Разным фазам формационного развития соответствовали неодинаковые формы проявления этого процесса. Например, для ранних этапов фазы становления буржуазной формации была характерна целая серия остроконфликтных революционных и военных потрясений, в то время как на более поздних этапах формационные процессы приобретают относительно мирные и сглаженные формы. У нас с 1917 года сложилась традиция рассматривать остроконфликтную форму разрешения социальных противоречий как чуть ли не единственную движущую силу истории, тогда как промышленная революция XIX века или современная научно-техническая революция продвинули человечество в его формационном развитии не меньше, чем десяток иных политических революций.

Думается, что сегодня человечество уже подошло к качественно иному уровню своего развития, когда необычайно возрастает роль сознательности в мировом революционном процессе. Объективный и стихийный характер этого процесса, конечно, не исключается, но повышение интеллектуального развития человечества уже сегодня позволяет (при наличии политической воли) усилить осознанное вмешательство в дальнейший прогресс человечества, придавая ему все более цивилизованные формы. В середине XIX века Маркс написал наполненные большим внутренним смыслом слова: «Лишь после того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов, — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 230]. К сожалению, мир пока не может похвастаться тем, что приведенный Марксом способ реализации человеческого прогресса уже исчез из практики общественного развития. Думается, однако, что мировое сообщество уже подошло к той грани своей эволюции, после которой его члены не только могут, но и должны руководствоваться в своих взаимоотношениях прежде всего гуманистическими принципами.

Примечания

¹ Интересно отметить, что уже в октябре 1921 года, осознавая нереальность мысли о непосредственном развертывании мировой революции, Ленин записал: «...После всякого великого политического переворота длительное время на «переваривание», на «усвоение», на обучение пользоваться, на доделку грубой топорной первоначальной постройки» (Полн. собр. соч., т. 44, с. 464).

Из мрака неизвестности

Проблески гласности в царстве военных тайн

В конце января 1989 года в одном из удаленных от центра города современных московских особняков собралась необычная международная компания — ветеранов, к счастью, несостоявшейся катастрофической войны. Официально это называлось советско-американо-кубинский симпозиум по проблемам Карибского ракетного кризиса октября 1962 года. В то время, как считается, человечество подошло к краю ядерной бездны ближе, чем когда-либо. А еще ближе с тех пор не подходило потому, что хорошо усвоило карибский урок.

Двух творцов и участников кризиса — Н. С. Хрущева и Джона Кеннеди, которые подвели нас к краю, а потом, слава богу, отпрянули от него, — уже давно нет на свете. Но многие важные действующие лица, хотя и постарев на двадцать шесть лет, были живы-здоровы. И вот в ярких огнях телевизионных ламп в момент торжественного открытия симпозиума, а потом два дня присутствуя на заседаниях, мне довелось наблюдать вблизи и собственными ушами слышать людей, которые уже только своей причастностью к той октябрьской драме заслужили место на страницах истории. Перечислю имена и тогдашние должности участников симпозиума: министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, посол СССР в Вашингтоне А. Ф. Добрынин, посол СССР в Гаване А. И. Алексеев, министр обороны США Макнамара, помощник президента США по вопросам национальной безопасности Банди, специальный помощник президента Соренсен, заместитель председателя объединенной группы начальников штабов ВС США генерал У. Смит и другие. С советской стороны знаком новых времен было внесение в делегацию своеобразного родственного элемента. Н. С. Хрущев был представлен своим сыном Сергеем, который хорошо помнил те дни и, кроме того, ссылался на мемуары отца, у нас, кстати сказать, тогда еще не опубликованные. Покойного А. И. Микояна тоже как бы представлял сын Серго, известный специалист по Латинской Америке. Что касается кубинской делегации, то ее возглавлял давнишний сподвижник Фиделя Кастро, член Политбюро Компартии Кубы Хорхе Рискет Вальдес, а среди членов находился и тогдашний начальник кубинского генштаба Серхио дель Валье.

Крупнейший кризис ядерного века дает постоянную пищу для исследований, и потому ученые тоже авторитетно были представлены с американской и советской стороны.

Январь стоял необычно теплый. Под статью оказалась атмосфера встречи. Даже кубинцы, не имеющие ни дипломатических отношений с США, ни такого, как у нас, опыта научно-политического общения с американцами, с упомянутыми, уже давно не официальными американцами чувствовали себя вполне непринужденно. Фантастическая новая реальность! Где, когда, в каком из предшествовавших столетий и в каком десятилетии нынешнего были подобного рода симпозиумы, совместные воспоминания давно минувших дней?

На утренних и послеобеденных заседаниях, задавая вопросы и отвечая, заново заряжаясь прежними настроениями, участники воссоздавали драматическую картину того, как вершители политики двух держав входили в опаснейший кризис и выходили из него. Однако подробный рассказ не входит в мои намерения. Я — журналист, то есть человек, профессионально «заостренный» на задачу информирования читателя, общественности. В этом вижу свою ответственность. Прежде всего под этим углом разглядываю карибскую историю. И об этом ее аспекте поведу речь, ибо он тоже по-своему свидетельствует о фантастической реальности, старой и сегодняшней, настолько для нас, советских людей, привычной и традиционной, что о ней не часто задумываются. Участники тройственного симпозиума, воссоздавая картину того, как действовали «верхи», обошли вниманием вопрос информирования «низов». Между тем здесь, на мой взгляд, заключен один из важнейших уроков октября 1962 года, который у нас, в нашей стране, не был извлечен, да и не мог быть извлечен при Хрущеве и Брежневе. Но сейчас, при гласности, он должен быть учтен, потому что без такого учета не может быть демократической, открытой, народной внешней политики.

Прежде чем перейти к своему рассуждению, напомним основные факты.

Карибский кризис разразился из-за того, что на Кубу были завезены советские ракеты. От Кубы до американского берега — 150 километров. Дальность действия доставлявшихся ракет Р-12 равнялась двум тысячам километров. На подходе были еще и ракеты Р-14, дальностью в четыре тысячи километров, но советские суда, на которых их транспортировали, остановила американская военно-морская блокада Кубы, введенная президентом Кеннеди. Успели доставить часть ядерных боеголовок к ракетам, но, как указывают советские источники, ни одна из них не была установлена — даже в часы максимального обострения кризиса. Впрочем, и сам кризис разразился еще в начальной стадии развертывания ракетных баз, когда американская аэрофоторазведка обнаружила следы развертывания и лишь одну (из 42) ракету, установленную на позиции.

Идея размещения ракет на Кубе была советской, точнее, лично Н. С. Хрущева. В Москве ее утвердили летом 1962 года, после визита

в Гавану советской делегации, в составе которой под видом «инженера Петрова» был маршал С. С. Бирюзов, главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения. Как зенитные ракеты «земля-воздух», так и ракеты «земля-земля» с ядерными боеголовками находились в распоряжении советского военного персонала и под его командованием. Запуск ракет предполагалось осуществить только в случае американского нападения и только по команде из Москвы.

Каковы были советские мотивы? Защита Кубы, укрепление ее обороноспособности, которой, по мнению советского руководства, угрожало американское вторжение — еще одно и более массированное, чем неудавшееся, на Плая-Хирон в апреле 1961 года. В своих мемуарах, опубликованных в США и других странах Запада, Н. С. Хрущев излагал мотивы так: «У нас не было другого способа помочь им (кубинцам) отразить американскую угрозу, кроме установки наших ракет на острове с тем, чтобы поставить агрессивные силы Соединенных Штатов перед дилеммой: если вы вторгнетесь на Кубу, вам придется столкнуться с ракетно-ядерной атакой против ваших собственных городов... Без наших ракет на Кубе остров был бы в положении слабого человека, угрожаемого сильным. Я не говорю, что у нас было какое-то документированное свидетельство, что американцы готовили второе вторжение; мы не нуждались в таких свидетельствах. Мы знали классовую принадлежность, классовую слепоту Соединенных Штатов, и этого было достаточно, чтобы ждать худшего».

Какими были кубинские мотивы? Хрущев в мемуарах сообщает, что с Кастро были на этот счет очень жаркие споры, но в конце концов кубинский руководитель согласился с его мнением. Давая согласие на размещение советских ракет, кубинское руководство исходило из соображений повышения обороноспособности не только своей страны, но и всего социалистического лагеря и, судя по заявлениям Фиделя Кастро, готово было даже принести Кубу в жертву во имя революционного долга солидарности и соответственно понимаемых интересов общего дела.

Американские мотивы: любыми средствами, вплоть до воздушных бомбардировок и вторжения на Кубу десятков тысяч морских пехотинцев, предотвратить развертывание советских ядерных ракет, способных накрыть большую часть территории США, включая не только Юг, но и Северо-Восток, со столицей Вашингтоном и такими крупнейшими центрами, как Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Даллас, Сент-Луис, Атланта и другие. Воздерживаясь от рекомендаций военных нанести немедленный воздушный удар, Кеннеди выбрал военноморской «карантин» как первоначальное средство отпора, дающее некоторый выигрыш во времени для попыток дипломатического урегулирования конфликта.

Москва считала ракеты на Кубе оборонительным оружием и фактически средством ядерного сдерживания, а также средством хотя бы частичного возмещения стратегического дисбаланса в американскую пользу; по данным Макнамары, США в то время превосходили СССР

по стратегическим ядерным боеголовкам в семнадцать раз — пять тысяч на триста. Вашингтон считал ракеты на Кубе наступательным оружием, которое нельзя терпеть возле территории США из соображений не только непосредственной национальной безопасности, но и мирового престижа (хотя американские ядерные ракеты были тогда размещены в Турции и «терпелись» Советским Союзом). Москва и Гавана исходили из того, что американская военная угроза Кубе после Плая-Хирон не только сохранялась, но и возрастала. Вашингтон заявлял, что у него — до Карибского кризиса — не было намерения вторгаться на Кубу, и Макнамара решительно отстаивал эту позицию на московском симпозиуме.

Итак, стороны не понимали и не принимали друг друга, не верили друг другу, и эти разногласия в трактовке мотивов и намерений оставались непреодоленными и через двадцать шесть лет — пусть вежливые и смягченные временем, но упорные, потому что уходили корнями в различия двух систем и действия их политических механизмов.

Однако в одном ключевом пункте оценки, если не интерпретации, сходились. Не могли не сходиться. Советские ракеты были завезены на Кубу т а й н о.

Именно тайна, секретность этой акции вызвала особо решительное неприятие со стороны администрации Кеннеди, усилив впечатление, что она носит вызывающе антиамериканский, агрессивный характер. Как отметил на симпозиуме один из американских участников, «острота нашей реакции объяснялась, в частности, тем, что нас обманули, что это был заведомый и сознательный обман». Другой напомнил по аналогии, что из размещения американских ракет в Турции тайны не делалось, о них знала американская и мировая общественность. Впечатление обмана и коварства возникало не только потому, что американская сторона не могла согласиться с советской трактовкой оборонительного характера размещения ракет. Дело еще и в том, что в начале сентября 1962 года, когда в Вашингтоне появились первые сомнения насчет того, какое же оружие завозится на Кубу, но еще не было фотосвидетельств, Н. С. Хрущев в личном послании Кеннеди, переданном через советского посла, прямо говорил, что у СССР такие мощные ракеты, что нет необходимости искать для них место за пределами Советского Союза, например на Кубе. (Взято из книги Артура Шлесинджера «Тысяча дней. Джон Ф. Кеннеди в Белом доме». У нас упомянутый документ не опубликован.)

Именно секретность предпринятого Москвой шага мощно, и прежде всего к пользе сторонников самой жесткой реакции, сработала в Америке на оправдание и усиление образа врага — образа заговорщиков-большевиков, «Советов», для которых все средства хороши ради поражения Соединенных Штатов — главного препятствия на пути к своей исторической цели: мировой революции и мировому коммунистическому господству. Страсти на американской политической сцене были накалены еще и потому, что оставались считанные дни до очередных «промежуточных» выборов в конгресс и местные

органы власти, на них избиратель давал первую, хотя и не прямую, оценку новому президенту через два года после его избрания. В противоборстве с другой ядерной державой ему в таких обстоятельствах полагалось быть «десятью футов ростом».

Между тем Москва, не очень-то вдаваясь в эти американские тонкости, не снисходя до них, всего лишь действовала в своем о б ы ч н о м к л ю ч е — секретно принимая решения, касающиеся военных дел, и секретно их выполняя. Иными словами, Москва действовала в духе традиционного с т а р о г о м ы ш л е н и я, которое сегодня в ключевом постулате секретности и закрытости поколеблено, но все еще не полностью заменено мышлением новым. Вряд ли приходилось ожидать, что этот секрет не раскроет американская разведка, пристально следившая за Кубой и за грузом все возраставшего потока советских судов в сторону карибского острова. Но в том-то и особая сила старого укоренившегося мышления, что оно проявляет себя в вакууме, откуда «выкачано» давление общественного мнения и где авторитарность естественно рождает волюнтаризм (или, если заменить более прямыми русскими словами слова иностранного корня, где самовластие рождает своеволие). В своей иррациональности это мышление даже обретает дополнительную силу, внушающую страх «внешним врагам», а заодно и «своим» — подчиненным, подданным, согражданам, чтобы не рассуждали, а лишь принимали и повиновались.

Судя по свидетельствам советских участников симпозиума, вопрос о поставке ракет на Кубу прорабатывался советским руководством довольно основательно, коллективно и от поставки до реализации занял несколько месяцев. Но образную суть этого шага, его рискованность, авантюризм или, прибегая к комплиментарному тону, его «революционный романтизм» лучше всего, по-моему, выражают слова, приписываемые Н. С. Хрущеву, которого народ за глаза недаром звал просто Никитой. Никита сказал, что американцам «надо запустить ежа в штаны». (Версия подтверждается в мемуарах Хрущева, где говорится, что «империалистического зверя» мы заставим проглотить ежа, которого переварить он не в силах.) Сказано — сделано. И запустили, по-русски сосредоточившись в воображении только на том, как щекотно и страшно будет тому, у кого еж очутится в штанах, и, по-русски же, не дав себе труда подумать, что в таком состоянии объект эксперимента может не только растеряться, но и разъяриться на «революционного романтика».

Возникают, разумеется, попутные вопросы: как откликнулись бы в Вашингтоне, если бы Москва поступила по-джентльменски, открыто доставляя свои ракеты на Кубу в рамках законного соглашения двух суверенных государств? Допустили ли бы там такой открытый вызов американскому влиянию в Западном полушарии? Удалось ли бы вообще в таком случае доставить груз по адресу и использовать его как предмет политического торга, который в конечном счете оправдал себя: ведь пройдя через смертельные рифы Карибского кризиса,

все-таки удалось достигнуть желаемого и до сих пор соблюдаемого соглашения с американцами — обменять эвакуацию советских ракет на обязательство США не трогать Кубу вооруженным путем? Но, во-первых, такая цель не ставилась, и через рифы к ней не стремились. Урегулирование на взаимоприемлемых условиях было выработано в спешке и как бы нечаянно конфликтующими сторонами и разными посредниками, включая и о. Генерального секретаря ООН У Тана, — уж больно в з а м о н е п р и е м л е м ы м оказался вариант ядерной бездны. Во-вторых, за этими попутными вопросами, на которые невозможно точно ответить, стоят всего лишь утешения типа — все хорошо, что хорошо кончается, нет худа без добра. Но привлекая народную мудрость задним числом, мы не можем дать гарантии, что на пути к добру через худо нас не ждало самое худшее — глобальный ядерный конфликт. Даже человек такого несокрушимого спокойствия, как А. А. Громыко, выглядевший и на московском симпозиуме куда большим олимпийцем, чем Роберт Макнамара (признававшийся, что в те октябрьские дни, глядя на закатное небо, он сомневался, увидит ли завтра эту красоту), даже он не считал, что все Москвой было просчитано наперед и безошибочно, и подтверждал, что риск войны был (впрочем, добавляя, что угрозы войны, в отличие от риска, не было).

Однако я оставляю в стороне вопрос о допустимости импровизаций, связанных с риском ядерной войны, вернувшись к главному своему предмету — нашей государственной привычке к максимальной секретности, к тайне, о чем сейчас стало возможно хоть в какой-то степени говорить и писать.

18 октября 1962 года президент Кеннеди в Овальном кабинете Белого дома принимал министра иностранных дел СССР А. А. Громыко. У президента в ящике стола лежали сделанные 14 октября американским самолетом-разведчиком «У-2» свежие фотографии, свидетельствующие, что строительство советских ракетных баз идет вовсю и что по крайней мере одна ракета уже установлена. Разговор, причем острый, шел больше о берлинском вопросе — главной занозе того времени, но также и о Кубе. Президент прямо говорил, что кубинский режим американцам не подходит. Министр говорил, что дело кубинцев, а не американцев решать, что им нравится или не нравится у себя на Кубе. Президент уверял, что у него нет намерения нападать на Кубу, министр защищал право Кубы крепить свою оборону. Но... Но Кеннеди не вынул уличающие фотографии из ящика стола, потому что американский курс действий еще не был окончательно определен и Москва не должна была знать, что Вашингтон готовит контрмеры. А Громыко промолчал, что советские ядерные ракеты доставляются на Кубу и устанавливаются там. Впоследствии это умалчивание министра преподносилось американскими авторами как лишнее доказательство злонамеренности Москвы. На это в своих мемуарах, как и на симпозиуме, Громыко разъяснял, что прямо его о ракетах не спрашивали и потому нужды в прямом ответе не возникало.

Что бы он ответил, спроси его президент? Что толку в гипотетических вопросах? Но тогда Кеннеди, не задавая вопроса о ракетах прямо, может быть, ждал сообщения советского министра, учитывая колоссальную важность предпринятого Москвой шага для самой сути отношений двух ядерных держав.

Громыко о ракетах знал. Но посол Добрынин (и это он снова подтвердил на симпозиуме) не знал. Не знал в том смысле, что официально из Москвы или лично приехавшим на сессию ООН министром не был информирован о ракетах. Не знали — официально — наши дипломаты, журналисты, другие сотрудники в Вашингтоне и Нью-Йорке, хотя неофициально, по предположениям и сообщениям американской печати, могли догадываться — нет дыма без огня. В Москве это был хорошо охраняемый секрет, и от своих, как это у нас водится, его продолжали хранить даже тогда, когда чужие, в Вашингтоне, его раскрыли. Тогда это стало секретностью, доведенной до нелепости и тем не менее не отмененной. В американских газетах, на американском телеэкране уже появились разведывательные фотографии, а советские дипломаты должны были эти факты отрицать, отвергать и даже разоблачать, «доказывая» спрашивающим их американцам, что это совсем не строящиеся ракетные базы или совсем не на Кубе, что это фальсификация и провокация.

Да, секретность, не снятая даже с запозданием, превращалась в нелепость и полнейшую безнравственность, поскольку была равносильна приказу государства своим служащим быть лжецами — во имя государственных интересов и дела социализма во всем мире. Это означало еще большую потерю доверия к нашим представителям со стороны американцев, что в свою очередь наносило ущерб государству и общему делу. Не только безнравственно, но и политически невыгодно ставить себя «выше» общечеловеческой морали. Впрочем, официально мы ее тогда не признавали.

В те далекие дни я работал корреспондентом «Известий» в Нью-Йорке и, надо так случиться, угодил в больницу с острым приступом аппендицита 21 октября, накануне выступления Кеннеди по телевидению, когда тайное стало явным и был объявлен американский военно-морской «карантин» вокруг Кубы. После перенесенной операции я не мог присутствовать на заседаниях Совета Безопасности, куда со срочными запросами обратились все три государства, прямо вовлеченные в конфликт. Лежа в больничной койке с портативным радиоприемником в руках, слушал прямые передачи из зала заседаний Совета Безопасности. Представитель США Эдлай Стивенсон спрашивал советского представителя в ООН, кстати, председательствовавшего в Совете Безопасности в тот месяц: «Отрицаете ли вы, посол Зорин, что СССР разместил и размещает ракеты среднего и промежуточного радиуса действия и базы для них на Кубе? Да или нет? Не ждите перевода. Да или нет?» И по-русски в радиоприемнике раздавался голос В. А. Зорина: «Я не в американском суде, г-н Стивенсон». И известный своим красноречием Стивенсон подхватывал и оборачивал в

свою пользу этот ответ: «Вы в суде мирового общественного мнения». И по его указанию в зал вносились щиты с фотоуликами.

В тассовском изложении речи советского представителя, напечатанной в советских газетах, значилось: «В. А. Зорин разоблачил извлеченные из кучи всякого хлама сотрудниками государственного департамента США утверждения о так называемом «установлении советских ракетных баз» на Кубе...» Еще из одного тассовского сообщения: «По команде Стивенсона в зале Совета Безопасности были выставлены фальшивки центрального разведывательного управления США. Затем делегат США как попугай зачитал сфабрикованные американской разведкой пояснения».

Нашим дипломатам приходилось несладко. Только 25 октября, на четвертый день главной фазы кризиса, Н. С. Хрущев облегчил их положение, назвав ракеты ракетами в беседе с одним американским бизнесменом. Но и после беседы это слово все еще оставалось для нас запретным, поскольку ее изложение — со слов бизнесмена — прошло в американской, а не советской прессе.

Таковыми были тогда специфические муки советских дипломатов и нашего брата-корреспондента. Однако это лишь ничтожный штрих картины рядом с гигантским, но не привлечшим должного внимания фактом: весь наш народ был подведен к краю ядерной пропасти, не зная об этом, будучи не в состоянии понять из советских средств массовой информации, из-за чего возникла чрезвычайная ситуация, из-за чего, собственно, разгорелся сыр-бор. Это был подлинный, мрачный а по ф е о з с е к р е т н о с т и.

Объективно это вполне можно назвать обманом народа или, во всяком случае, полным пренебрежением к его праву знать вещи, от которых зависит его судьба, которые ставят вопрос о его жизни и смерти. Впрочем, о п р а в е как в строго конституционном, так и в фактическом, реальном смысле этого понятия тогда не могло быть и речи. Гласностью в таких вопросах не пахло. И только после 28 октября, когда в экстренном обмене посланиями между Н. С. Хрущевым и Дж. Кеннеди были выработаны условия компромисса и напряжение резко пошло на убыль, в нашу прессу, и то далеко не сразу, робко начало проникать это ключевое слово — «ракеты». Только после того, как от края отошли, наш народ понял, на каком краю стоял. И только задним числом опешил. За исключением, конечно, тех его любопытных и отчаянных представителей, которые, несмотря на строгие предупреждения, ловили и слушали «вражьи голоса».

Мои утверждения могут показаться чересчур резкими. Но полистайте газетные подшивки тех дней. Ни разу в них не мелькнуло слово-разгадка, слово-признание. Американцы знали его, кубинцы — тоже, а советский народ — нет. Оно было строжайшим табу в применении к военному строительству на Кубе и к грузу на советских судах, которым перекрыли путь американские военно-морские силы; до прямых столкновений дело не дошло, потому что суда были вовремя остановлены и повернуты обратно приказом из Москвы.

В советских газетах тех дней вы обнаружите массу материалов о Карибском кризисе, целые полосы с аршинными ритуальными заголовками, клеймящими американский империализм тем ругательным, нечеловеческим языком, который остался — это стоит подчеркнуть — от сталинских времен, когда так привычно было обрушиваться на «врагов народа», «презренных наймитов», «шайки диверсантов и убийц», и который в силу устойчивой инерции сталинизма мы все еще сохраняли для газетных «разговоров» о западном мире со своими людьми.

Приведу несколько примеров газетных «шапок» тех дней. Из «Правды», 24 октября, на первой полосе: Обуздать зарвавшихся американских агрессоров! На третьей: Прекратить безрассудную игру с огнем! 25 октября, на первой полосе: Сорвать агрессивные замыслы империалистов США! На третьей: Народы мира гневно клеймят американских авантюристов! Из «Известий», 23 октября, на первой полосе: США ведут безрассудную игру с огнем! Обуздать провокаторов войны. На второй полосе: Народы гневно клеймят американских агрессоров! Они требуют: положить конец бесчинствам пиратов! 24 октября, на первой полосе: Голос строителя коммунизма: планете не быть в огне! На второй: Властный призыв звучит над миром: обуздать американских агрессоров. 25 октября, на первой: Решительный отпор поджигателям войны. На второй: Усмирить разбойников, отстоять мир!

И во всем этом возбуждающем ненависть дежурно-риторическом словоизвержении нет ничего о предмете кризиса, о причине, если хотите, предлоге для него. В последующие дни заголовки пошли несколько спокойнее, с упором на разум, который «должен восторжествовать», и, наконец, после достижения компромисса — Выдающийся вклад в дело сохранения мира, Все человечество приветствует мудрость и миролюбие Советского правительства.

Огрубляя и усиливая, газеты лишь отражали резкий перепад официального тона — от противостояния к примирению. Так, если брать официальные документы, в заявлении Советского правительства от 23 октября вашингтонские действия квалифицировались как «беспрецедентно агрессивные». А в послании Хрущева Кеннеди от 28 октября говорилось совсем иное: «Чтобы успокоить народ Америки... Советское правительство в дополнение к уже ранее данным указаниям о прекращении дальнейших работ на строительных площадках для размещения оружия отдало новое распоряжение о демонтаже вооружения, которое вы называете наступательным, упаковке его и возвращении его в Советский Союз». Обратите внимание, и тут — «вооружение, которое вы называете наступательным». Даже тут, когда ракеты согласились вывезти, коронного слова опять нет. Не для американцев — они его знали. Для своего народа, которому все еще не положено было знать — чтобы не усомнился в мудрости руководства.

Итак, вначале народ не знал о судьбоносном решении, а потом мог лишь догадываться о настоящей причине разразившегося кризиса. При этом я не хочу создавать впечатление, что Н. С. Хрущева и состав тогдашнего Президиума ЦК КПСС не волновала судьба страны и народа. Как раз обратное доказывает та быстрота, с которой Москва согласовала условия компромисса с Вашингтоном, даже не успев известить об этом Гавану, хотя по официальной версии именно Гавана просила о присылке ракет на Кубу (рану, нанесенную таким образом Фиделю Кастро, потом залечивал посланный на Кубу А. И. Микоян. И это была такая спешная и важная миссия, что он не смог прервать ее даже ради похорон своей жены).

Но следует подчеркнуть другое: судьба народа и страны определялась авторитарно, узким кругом руководителей. Это было в порядке вещей. Несмотря на осуждение Сталина и исторический акт прощания с массовыми репрессиями, в хрущевское десятилетие, как и в последующие брежневские годы, сохранялись самые стойкие родовые черты сталинской системы партийно-государственного управления. И ее антидемократичность, и ее низкое качество, что связано друг с другом и в итоге означает малую эффективность, и сохранение низкого жизненного уровня народа.

В 1962 году перед Хрущевым просто не стоял вопрос, имел ли он и другие руководители того времени право рисковать судьбой собственного народа ради помощи другому, кубинскому народу. Такое право, как и другие авторитарные права в области внешней и внутренней политики, подразумевалось. И озадачивали и пугали буржуазно-демократические правительства Запада, у которых таких прав нет, поскольку в своих действиях они стреножены парламентами. Между прочим, это расхождение в методах государственного управления, даже без учета остальных факторов, усугубляет недоверие и затрудняет практику сотрудничества — даже при согласии относительно общих принципов мирного сосуществования двух систем. Создание в Советском Союзе правового государства устранил многие из препятствий, питающих подозрительность наших западных (и дальневосточных) партнеров. Демократия — понятие сложное и неоднозначное для разных стран, тем более систем, но любая действительная, а не показная демократия означает больше политики на виду — как у собственного народа, так и всего мира. Действия правового государства открыты и более предсказуемы, чем авторитарного, и уже это облегчает диалог и сотрудничество на международной арене.

Во время Карибского кризиса президент Кеннеди советовался не только со своими министрами и ближайшими советниками, но и с лидерами конгресса от обеих партий, учитывал мнение умеренных и твердолобых, лавировал при усиливавшемся давлении сторонников немедленных воинственных действий. Это все детально описано в американской литературе. Через прессу и от официальных лиц американцы знали, как развивается кризис, подвергались идеологической обработке с разных сторон.

Наш народ, даже участвуя в митингах протеста, по существу, безмолвствовал, потому что не имел фактов, достаточных для самостоятельной оценки сложившегося положения. Его роль была ролью статиста, демонстрирующего единодушное одобрение курса партии и правительства — не зная толком того, что он должен был одобрять. И до сих пор мы, по существу, не знаем, что происходило в те дни «на самом верху» и какие прорабатывались варианты. У нас об этом писать не принято даже через десятилетия. По уникальному полувековому участию в мировой политике сейчас на всей планете нет ветерана, подобного А. А. Громыко. Однако в его мемуарах встает знакомый образ человека без каких-либо сомнений, и, рассказывая о беседе с Кеннеди, он умалчивает о том, что докладывал Хрущеву в дипломатических депешах из Вашингтона и по возвращении в Москву. Участие в симпозиуме не очень-то нарушило эту привычку к неразглашению того, как делается политика в Кремле и на Старой площади, как делалась четверть века назад. А ведь не молчание здесь золото, не говоря уже о нимбе непогрешимости над ликом нашей истории, в том числе внешнеполитической. Забота о будущем страны требует нелюбимого разбора прошлого.

Чем объяснить традиционную немногословность и односложность оценок у наших государственных деятелей, когда сама история требует от них поделиться опытом и тем самым внести посильную лепту в устранение одного из острейших наших дефицитов — дефицита политической культуры, который сказывается и на нынешних издержках нового для нас демократического процесса? Особым складом ума, приобретенного к скрытности не только на дипломатической арене, но и в коридорах власти? Или дело, скорее, в общем правиле, в той абсолютизированной секретности, в том особом архивном знаке «хранить вечно» (от народных глаз?), в своеобразном обете молчания, который налагают на себя — из поколения в поколение — наши руководящие товарищи, даже уйдя в отставку, — обете не перед миллионами, а перед себе подобными, перед номенклатурой?

До революции Ленин создавал большевистскую партию на началах конспиративности, чтобы она могла уберечь себя от преследований во имя задачи свержения царизма. Задача давно выполнена, но традиция конспиративности, закрытости, тайны сохранилась и в правящей партии, войдя составной частью в сталинскую бюрократическую систему, которая, занимаясь «самообслуживанием», отказывалась отчитываться и отвечать перед народом. Ленин прожил недолго, не успев оставить на государственных институтах отпечаток своего ума, чутко улавливающего меняющиеся условия и требования жизни. Государственные и партийные структуры были созданы человеком совсем иного склада, для которого равным счетом ничего не значила ни отдельная жизнь, ни жизнь миллионов, а если он и снисходил до объяснения народу и членам партии, то объяснение, по сути, всегда было одно и все списывало на интересы мирового социализма и «классовой борьбы», как ее понимал он и его «верные соратники».

При Сталине конспиративность была возведена в квадрат, чтобы держать в руках все звенья власти, не подотчетной народу. Она въелась в кровь и плоть, стала естественной, простой и удобной формой существования авторитарной власти.

К тому же нигде нет больших традиционалистов и консерваторов, чем в нашей стране, считающей себя вечно революционной. Самое необычное, самое противоестественное становится у нас привычным и десятилетиями не вызывает никаких сомнений в своей правомочности, будь то посылка узбекских первокурсников на хлопок, московских научных работников — на картошку или завоз ядерных ракет на Кубу, тайная операция государства, которое, между прочим, начинало свое существование с разоблачения секретной дипломатии и обещания дипломатии открытой. Когда государство не является правовым, общество бесправно. И не беспокоит власть предрешающую неудобными вопросами, пребывая в состоянии покорной притерпелости ко всему.

Сейчас, пусть с большим запозданием, впервые появилась возможность публично задавать вопросы, которые не могли быть заданы раньше. Эти вопросы не устарели, так как и в сегодняшнем дне нас преследует прошлое. Были ли извлечены уроки из Карибского кризиса? В узком плане — да, поскольку ядерных ракет за свои пределы мы с тех пор никуда не ввозили. А в широком плане — в плане информирования общественности, ее участия в принятии важнейших внешнеполитических решений с риском войны или резкого усиления международной напряженности, приводящих к людским потерям, бессмысленному расходованию несосчитанных миллиардов рублей? В этом смысле вопрос об извлечении уроков вообще не стоял, так же как и вопрос о демократизации внешней и военной политики государства. При Брежневе дело двинулось в противоположную сторону — бюрократизации.

Самое важное по-прежнему творилось за кулисами и до сих пор покрыто, как говорится, мраком неизвестности. В той области, где внешнеполитические вопросы соприкасаются с военными, до сих пор доступны лишь документы общего, часто декларативного характера, но не конкретные стратегические решения, определявшие ход нашего военного строительства, если, разумеется, оно не шло самотеком. Продумывались ли варианты этих решений на годы и годы вперед с учетом их бремени для народа, возможных ответных мер другой стороны, возможных последствий для межгосударственных отношений Восток—Запад?

Рассмотрим вопрос исторического значения — как и какой ценой мы обрели стратегический паритет с Соединенными Штатами к началу 70-х годов. Обращаясь из грядущего века к последней трети нашего, историки международных отношений, быть может, выделяют именно этот момент: как Советский Союз добивался военного равенства, причем не только с США, а практически со всем Западом, и как потом, под гнетом невыносимых военных расходов, трезво проанализи-

ровав ситуацию в период перестройки, отходил на более скромные и куда как более разумные — и ответственные — позиции оборонительной достаточности. Паритет был историческим достижением — это мы услышали от Ю. В. Андропова во время его краткого пребывания на высшем посту, совпавшего — во второй половине 1983 года — с предельным ожесточением советско-американских отношений. Достижением — да. Но не из разряда ли Пирровых побед? Чем мы расплатились за это достижение? Какова оборотная сторона этой медали на ракетно-ядерной груди сверхдержавы? Не жалея средств на военно-промышленный комплекс и на космос (тоже неисследованная тема финансово-безоглядного «революционного романтизма» бесконтрольных руководителей), сосредоточившись в брежневские годы на достижении паритета, мы запустили мирные отрасли промышленности, работающие на удовлетворение потребительского спроса, и сельское хозяйство, в котором заканчивался процесс раскрестьянивания. И то, и другое развивать одновременно было не по силам. Задача достижения паритета неизбежно ставила вопрос выбора, вопрос о приоритете, и, думается, приоритет был отдан не задачам повышения уровня жизни народа, что естественно для мирного времени, а военному строительству — ему ни в чем не было отказа. Приоритет был отдан статусу военной сверхдержавы. И самое лучшее тому доказательство заключается в контрасте, который раньше видели немногие, а при гласности увидели все, — сверхдержава в измерении вооруженной мощи и третьестепенная страна с точки зрения удовлетворения повседневных нужд своего народа. Обратной стороной движения к военному паритету стал внутренний экономический застой.

Говорим о затратной экономике. Но она не возникает сама по себе. Если признать примат политики над экономикой, то следует говорить о затратной политике, в конце концов, о затратной системе. И разумеется, не только в смысле спецпривилегий. Затратная политика, затратная система руководства — это авторитарность, антидемократичность, закрытость, келейность, бесконтрольность. Она затратна уже потому, что в сумме военных расходов не отчитывается перед народом и при ее разработке больше учитываются внешние влияния (что происходит в области военного строительства «за бугром»), чем внутренние (как отзовется на народе дорогостоящий принцип «действие—противодействие»). Затратная, антидемократическая политика, исходя из непрекращаемых соображений секретности, исключает какую-либо серьезную дискуссию внутри страны о целесообразности и приоритетах в государственных расходах, о том, какую их долю мы можем себе позволить на строительство и содержание вооруженных сил, о той черте, которую здесь нельзя преступать и которую, судя по всему, мы долгое время преступали. Нельзя, потому что за ней начинается процесс экономического изнурения и разорения, урон для национальной безопасности, которая обеспечивается отнюдь не только мощью вооруженных сил, но общей мощью государства и общества, упорядоченностью и соразмерностью экономики, уровнем и качест-

вом жизни народа, от чего прямо зависит и сила его патриотизма. У нас попросту не было места для такой дискуссии — ни в нашем чисто номинальном парламенте, ни в средствах массовой информации, подверженных цензуре — под тем же предлогом охраны государственных тайн. Если добавить, что люди, принимавшие решения, исходя из затратной политики, не расплачивались за них ни политически, ни своим, а не народным, уровнем жизни, то остается признать, что условия для такой системы были поистине идеальными. Задача политической реформы — осуществить чрезвычайно трудный, исторически выстраданный переход к противозатратной, демократической политике.

Вот еще несколько более конкретных послекарибских оставшихся без ответа вопросов. Как достигался паритет? Была ли такая цель осознанной, то есть существовал ли генеральный план, разработанный, к примеру, на десять—пятнадцать лет? Или решения принимались стихийно, по очередному запросу военных, без учета последствий, по упомянутому принципу «действие — противодействие», предполагавшему автоматический «зеркальный» ответ американцам, раньше нас вводившим те или иные и все более дорогостоящие системы оружия? Насколько учитывалась стоимость конкретных военных программ — что можем или не можем позволить — или действовало безоглядное, сомнительное даже для военного времени «за ценой не постоим»? Ставился ли вопрос о том, что паритет на все возраставших уровнях превращался в добровольную ловушку для страны, которой не под силу «тягаться» с совокупным экономическим потенциалом Запада?

И другой важный вопрос — о нужности, целесообразности всех этих усилий, иными словами — о подлинной степени агрессивности США и Запада. По моему глубокому убеждению, вполне в духе сталинского наследия недооценивался буржуазно-демократический характер государственного устройства США и стран Западной Европы и преувеличивалась военная угроза с их стороны, а подоплекой нашего мышления и действий был оставленный Сталиным комплекс «осажденной крепости», который, как известно, использовался им для оправдания концепции обострения классовой борьбы и выявления все новых и новых «врагов народа». Расставание со сталинизмом и тут затянулось, и гены Отца и Учителя все еще дают о себе знать в самых неожиданных местах. Новое политическое мышление — это ускорение процесса расставания. По словам Э. А. Шеварднадзе, предприняв с 1989 года крупные односторонние сокращения своих вооруженных сил, Советский Союз и его союзники послали «политический сигнал» другой стороне, и свидетельствует этот сигнал «в первую очередь о новом подходе к оценке вероятности и степени военной угрозы со стороны Запада», а также «о растущей уверенности в том, что безопасность может все в большей степени обеспечиваться не военными средствами».

Но это произнесено в марте 1989 года, а я пока задаю послекарибские вопросы. Для того чтобы констатировать: не зная ответов, возможных обдумавшихся вариантов (если они были), мы не представляем, что могло бы быть, но знаем, что произошло. За пятнадцать-двадцать лет, прошедших после Карибского кризиса, усвоив его уроки, особенно после устранения Хрущева, когда при Брежневе военные, судя по всему, получили карт-бланш, Советский Союз наверстал свое отставание в стратегических ядерных боезарядах (помните, у Макнамары: триста на пять тысяч), увеличив их число более чем в тридцать раз; американские боезаряды умножились за то же время примерно в два с половиной раза. Через десять лет после Карибского кризиса советско-американское временное соглашение 1972 года об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) зафиксировало состояние паритета и на пять лет заморозило существовавшие тогда потолки численности стратегических ракет наземного и морского базирования, но и эти данные, включенные в общедоступные справочники за океаном, у нас долгое время шли по разряду секретных. Были, как и прежде, строго засекречены размах и темпы военного строительства. После нескольких лет разрядки в середине 70-х годов ее американские противники сделали вывод, что по размаху и темпам СССР опережает США и, значит, стремится не к поддержанию паритета, а к достижению превосходства. (Насколько обоснован был этот вывод? Нами он оспаривался, но в обычной манере, без конкретных цифр и данных и потому неубедительно для наших оппонентов и противников.) Взгляды консерваторов возобладали как в американском военно-политическом истеблишменте, так и в широком общественном сознании, что в 1980 году помогло Рейгану победить «мягкотелого» Картера и, став президентом, провести через конгресс отнюдь не засекреченную, открытую, гигантскую (на два триллиона долларов за восемь лет) программу наращивания вооружений. Таков был американский ответ не только на наше военное строительство, но и на нашу секретность.

Другой и самый животрепещущий пример «затратной политики», в которой бюрократическая норма торжествует над нормой демократической, — это Афганистан, наша девятилетняя война, окончившаяся в феврале 1989 года, к великому облегчению народа. Оставим в стороне задаваемые только теперь в открытую вопросы о том, кто виноват, как мы туда попали и почему так долго занимались бессмысленным пролитием своей и чужой крови и разрушением чужой земли. Возьмем другое, то, что можно объяснить лишь необыкновенной притерпелостью общества, находящегося под гнетом тотального идеологического и иного контроля. Государство, структуры власти, в частности Министерство обороны, имели право посылать молодых людей сражаться и погибать на чужой земле в мирное время (ведь мы никому не объявляли войны!), а за обществом, народом, родителями этих молодых людей отрицалось право спросить публично, сколько их там сражается и сколько погибло и ранено. Каждая семья в одиночку переносила свое горе. Конечно, люди писали об этом в учреждения власти и в прессу, которая не опублико-

вала их письма, задавали вопросы лекторам, но «официально» и тут безмолвствовал народ, живший при «развитом социализме». В высший конституционный орган страны — Верховный Совет СССР — за девять лет не было внесено ни одного запроса правительству об Афганистане и о нашем военном присутствии там. Для любого гражданина США или Великобритании, ФРГ или Франции, Японии или Индии и многих других стран этот факт — вещь невообразимая, а мы до перестройки, до гласности иного и не могли представить.

Конечно, мне могут сказать, что удивляться здесь нечему, так как отлично известно, почему это происходило: в сверхцентрализованном однопартийном государстве завеса молчания и секретности одним мановением руки опускается на все многоэтажное государственное здание. Но причина моего удивления состоит еще и в том, что в отличие от большинства соотечественников в течение долгих лет мне пришлось наблюдать другую войну и другое отношение к ней властей, общественности, средств массовой информации. Я имею в виду американскую войну во Вьетнаме, когда конгресс бурлил, телевидение и газеты освещали военные действия в подробнейших деталях, систематически публикуя списки погибших американцев и точные или примерные цифры вьетнамских потерь, а антивоенный протест сотрясал площади и университеты, хотя администрации трех президентов — Кеннеди, Джонсона и Никсона — продолжали по-разному гнуть ура-патриотическую линию об Америке, которая «ни разу не проиграла ни одной войны», пока в конце концов Вашингтон не признал поражение. И я не стесняюсь своего удивления еще потому, что инерция нашего старого мышления и уклада весьма сильна, действует и в пору обновления, изживая себя с великим трудом: общественного напора недостаточно, а у руководства без такого напора, может быть, не до всего доходят руки.

Вот конкретный пример. Только через восемь с половиной лет после начала боевых действий наших солдат в Афганистане и через три года после апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС, только после заключения женевских соглашений, предусматривающих вывод советских войск, и начала первого трехмесячного этапа вывода наш народ через с в о и средства массовой информации узнал, что ограниченный контингент советских войск (ОКСВ) насчитывает примерно сто тысяч военнослужащих. Хотя в остальном мире, в ч у ж и х средствах массовой информации давно приводились такие цифры и сообщалось, что под псевдонимом ОКСВ скрывается 40-я армия.

Тогда же советские люди впервые узнали из официальных данных о числе наших потерь в Афганистане. За потери перед народом отчитались чохом, сразу за восемь с половиной лет. Когда, где и как были обнародованы эти данные? Показательно, что это произошло 25 мая 1988 года в пресс-центре МИД СССР, ориентированном больше на иностранных, чем наших, корреспондентов, в рамках подготовки к советско-американской встрече в верхах. Начальник Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота ге-

нерал армии А. Д. Лизичев сообщил тогда, что на начало мая 1988 года число убитых составляло 13 310 человек, раненых — 35 478, пропавших без вести — 311. До этого советские люди вынуждены были довольствоваться — через «вражьи голоса» — завышенными западными оценками (40—50 тысяч убитыми). Официальные данные о потерях, конечно же, облетели весь мир, причем за рубежом это освещалось шире, чем в Советском Союзе. Советские газеты упрятали горькие цифры на своих внутренних полосах, в середину коротких отчетов о пресс-конференции. Никаких заголовков и, насколько я знаю, ни одного разъясняющего комментария. Напомню: шло время не застоя, а гласности.

Чем объяснить эту бесчувственность? Тем же: отсутствием закрепленной законом обязанности властей отчитываться перед гражданами даже тогда, когда речь идет о самом главном — человеческой жизни. Но, думается, есть и более конкретная причина — отсутствие четкого, действующего как бы в автоматическом режиме механизма информирования общественности. Может быть, привыкнув к старым, жестким путям, просто не подумали о новых, хотя на слуху у всех это реабилитированное слово — «милосердие». Может быть, никто не вошел в инстанцию с предложением о порядке систематической публикации данных о потерях советских войск в Афганистане. Может быть, в государственном делопроизводстве нет положения о том, кто курирует этот аспект военной деятельности. Может быть... Но ведь никто не напомнил об этом «упущении». В эпоху гласности. Значит, не положено?..

В связи с этим уместно напомнить, что цифра наших потерь в Великой Отечественной войне, жутко округленная и явно приближительная, — двадцать миллионов убитыми — впервые была названа не в 1945-м, при Сталине, для которого вопрос о потерях никогда не был существенным, а через несколько лет после его смерти, при Хрущеве. Между тем никакой приближительности в подсчете жертв второй мировой войны нет, к примеру, у американцев: 292 131 человек погиб непосредственно в боевых действиях и еще 115 185 человек умерли от ран и по другим причинам, связанным с войной.

Один счет на миллионы и другой — с точностью до одного человека. Разница говорит не только о другом масштабе войны и участия в ней, но и о разных стадиях истории, через которые проходят две страны, о разном уровне развития, разных обязательствах государства перед гражданами и, в конце концов, о разной степени человеческого достоинства, цене человеческой жизни.

По мере развития гласности все настойчивее ставились вопросы об Афганистане, особенно после первых официальных намеков, из которых следовало, что новое советское руководство подумывает о выводе войск, используя канал малоэффективных и, казалось, чисто формальных женевских переговоров между представителями Кабула и Исламабада при посредничестве личного представителя генерального секретаря ООН Диего Кордовеса. Весной 1988 года, все еще оста-

ваясь затухающим, закрытым для обсуждения, афганский вопрос время от времени всплывал на поверхность в ходе подготовки к XIX партконференции. Правда, в отличие от других наболевших вопросов его ставили мимолетно и боязливо.

Вскоре после партконференции я получил письмо читателя, которое заставило еще раз задуматься над отношениями между государством и обществом, государством и гражданином. Это было письмо от Анатолия Николаевича Шевченко из города Ковеля. Поводом послужило мое выступление по телевидению в программе «Время», где, говоря о десятом, внешнеполитическом, тезисе ЦК КПСС к партконференции, я кратко упомянул наш драматический опыт в Афганистане. Товарищ Шевченко заметил критическую нотку и в других выступлениях журналистов и писателей, за которыми, как видно, внимательно следил. Но его не удовлетворяли всего лишь «недомолвки и намеки о допущенной советским руководством ошибке в афганском вопросе».

И дальше Анатолий Николаевич писал так:

«Как и в прошлые годы, по наболевшим вопросам с народом разговаривают неискренне и лицемерно, с недомолвками, намеками, загадками, отпуская п р а в д у в р а с с р о ч к у... Доколе будет так?

Почему до сих пор, если это не по силам политическим обозревателям, не найдется на самой вершине партийной власти человек, который бы честно и откровенно перед народом высказался по «афганским вопросам», не обойдя при этом причины того, что мы т а м оказались в военно-политической трясине, и конкретных виновников этой непродуманной и ущербной для нас акции?

Например, пусть бы выступил А. А. Громыко, бывший в пору принятия такого рокового решения министром иностранных дел СССР, и доказал правоту Брежнева, Устинова, свою и других членов Политбюро ЦК КПСС в этом подходе тогда к афганским делам...

Об Афганистане, о советско-«душманском» затяжном военном конфликте много сказано и написано, но, на мой взгляд, с официальной (уже устаревшей) точки зрения, без учета свободного мнения широких слоев советской общественности, без его анализа... Посмотрите читательскую почту наших газет и журналов и нигде вы не прочтете это мнение за все три года политики г л а с н о с т и. Молчат и партвожди, не говорят советскому народу г л а в н о е по «афганским вопросам». Неуклюже выкручиваются по этим вопросам советские средства информации. Так где же та гласность? Где же та политика открытости, прямого и честного разговора с людьми?

Хотелось бы услышать ответ от Вас на эти мои вопросы. Желательно с экрана или на страницах газеты».

Дальше шла подпись и скупая душераздирающая приписка: «Написал по праву отца погибшего на войне в Афганистане солдата».

Я пытался пробить публикацию этого письма на страницах «Известий», в демонстрирующую новую смелость рубрику, которую называли «Письма... не для печати». Не получилось. Это письмо действи-

тельно было не для печати. Смелость новой рубрики еще не доросла до смелости товарища Шевченко. Думал, что ему ответить, — и долго откладывал ответ, потому что трудно отвечать отцу убитого солдата. В конце концов написал, что моя попытка опубликовать его письмо в газете не удалась, что он совершенно прав, по Афганистану наша гласность ущербная: не договариваем, кто виновники и как мы там оказались. Конечно, писал я, рано или поздно вся правда будет сказана. Скорее поздно — как не раз было в нашей истории. Напомнил полуофициальные объяснения и оправдания того времени: нечего сыпать соль на свежие раны, когда еще не все наши солдаты ушли из Афганистана и им надо видеть какой-то смысл в своей службе там. И в конце написал, что не могу без слез читать приписку в его письме.

Во втором письме Анатолий Николаевич поблагодарил меня за ответ, «даже если он разрывает мою душу». И снова подписался: «отец солдата», выделив слово «солдат» красными чернилами и взяв его в черную траурную рамку — немое свидетельство молчаливого отцовского горя.

У него отняли сына. Его лишают правды. Между тем, потеряв сына, он жаждет не лжи во спасение, а именно правды, и не мнимой, не «в рассрочку», а той, из которой извлекают уроки, которую имел в виду Твардовский: «Память, как ты ни горька, будь зарубкой на века». Его горе невыносимо, но гибель сына и других сыновей в общесоударственном, общенародном смысле только тогда оправдывает себя, когда предотвратит другие авантюры, когда будет «зарубкой на века». Афганский урок должен был стать предметом серьезного честного разговора, а не дипломатического умолчания: что, дескать, скажут наши и без того находящиеся в критическом положении афганские друзья, если мы будем теперь разрывать рубашку на груди?

В сравнении с тем, что было три года назад, даже год назад, территория гласности и демократии необычайно расширилась, причем завоевана она во многом «с бою», общественностью с ее новыми настроениями, усилиями борцов за перестройку. Но при этом остается в силе следующее: революция, начатая сверху, во многом носит дарованный характер, и можно лишь то, на что нет возражений верха. Пожалуй, больше, чем к внутренней, это относится к международной журналистике и публицистике. По собственному опыту знаю, что еще в 1987 году даже в авторитетном перестроечном журнале не проходила элементарная мысль о том, что нашего военного вовлечения в Афганистан могло бы и не быть, если бы до вынесения решения в самом узком руководящем кругу этот вопрос предварительно обсуждался и «консультировался» (пусть в закрытом, служебном порядке) в более широких кругах научных и иных специалистов. Потом с самой темы было снято табу. Но табу у нас любят заменять дозировкой. Выдавать правду в рассрочку или всю разом? Какая она — вся? Кто ее — всю — знает? Из геронтократии тех дней большинство уже унесли правду в могилу. Но ведь есть документы, и по крайней мере их часть надо опубликовать сейчас, по прошествии лет. Остались в

живых и некоторые члены тогдашнего руководства, их осведомленные помощники. Многие из наших дипломатов, военных, партийных работников, экономических специалистов, журналистов прошли Афганистан.

Работая корреспондентом «Известий» в Соединенных Штатах в те годы, когда они вели вьетнамскую войну, я познал горький, но справедливый афоризм: «Первой жертвой на войне падает правда». С истиной об убитой правде, шовинистически разъяняя ее, перекликался другой часто вспоминавшийся тогда афоризм, представлявший как бы кредо слепого, по-нашему — квасного патриотизма: «Права она или не права, это моя страна». Моя страна, и, значит, я как патриот готов, не задумываясь, оправдать все ее действия за рубежом, включая вооруженную интервенцию, если к тому же во время этих действий погибают мои соотечественники. Люби Отечество, закрыв глаза и подавив совесть.

Такую позицию занимали тогда в отношении вьетнамской войны твердолобые, ястребы, «стопроцентные» патриоты, нападавшие на участников антивоенного движения. Мы в своей прессе сочувствовали критикам войны и осуждали круговую, шовинистическую, имперскую поруку «стопроцентных». Правильно, конечно, делали, что осуждали. Но легко осуждать или одобрять то, что не затрагивает, не касается лично тебя, твоей семьи, твоей страны. Советским журналистам пришлось познать это, когда правда пала жертвой нашей войны в Афганистане. Была убита не только чувством патриотизма, для которого в такие моменты своя рубашка ближе к телу и судьба соотечественников в военной форме заслоняет страдания другого народа. Правда была удушена завесой молчания, умерщвлена в тисках общих и частных руководящих указаний насчет того, как надо и как не надо освещать события в Афганистане и наше в них военное участие. Наши журналисты, прошедшие через Афганистан, будучи в длительных и коротких служебных командировках, подвергаясь опасностям, как правило, добросовестно делали свое дело, стремясь хотя бы намеками очертить объективную картину, но в московских редакциях прокрустово ложе всегда было наготове для их материалов. И разумеется, на этом ложе удобнее других чувствовали себя люди с короткой, складной совестью.

Мне не довелось побывать в Афганистане — громадное упущение, которое не знаю, можно ли извинить тем, что годы были уже не репортерские, а также тем, что, честно говоря, не хотелось добровольцем укладываться на проклятое ложе Прокруста. Но профессиональной и, если хотите, нравственной памятью я помню начало афганской истории так же хорошо, как Карибский кризис. И может быть, не лишним будет короткий рассказ о личном, в котором отразились время и состояние общества, а также проблемы, которые вставали и все еще встают перед журналистом, если по подсказке совести и совету Салтыкова-Щедрина он не хотел бы путать понятие «Отечество» с понятием «Его превосходительство», даже если Его превосходитель-

ство выступает в виде освобождающей тебя от всяких угрызений совести и партийной дисциплины.

О предстоявшем вступлении советских войск в Афганистан я узнал за день-два до срока, 26 или 27 декабря 1979 года. Меня вызвал тогдашний главный редактор «Известий» П. Ф. Алексеев и, сообщив об этом, предложил написать статью. Имелась в виду статья «боевая», которая все объяснила бы и воспела.

Через полтора года после переворота в Кабуле, названного Апрельской революцией, мне, неспециалисту по Афганистану, как и многим другим специалистам и неспециалистам, было ясно, что это езда на спине тигра, который не хотел остановиться и дать отдышаться ездоку. Марксизм, особенно в его левацком и безбожном варианте, не прививался в феодальной, многоплеменной исламской стране, где неграмотной крестьянина невозможно было заманить в другую веру даже змеями, отобранной у помещика. Вооруженное сопротивление новому режиму нарастало благодаря плацдарму в Пакистане и поощрению с двух сторон — Соединенных Штатов и Китая. Они не хотели прямого перехода Афганистана в советскую орбиту, тем более что в то время из американской сферы влияния, сузив ее, только что неистово, с треском «выломился» Иран. Захват власти не ослабил, а, напротив, усилил кровавые, с пытками, тюрьмами и казнями распри внутри НДПА. Лидер апрельского переворота Тараки уже стал жертвой жестокого, темного, властолюбивого Амина, но второй, как и первый, пытаясь удержаться на тигре, обращался к Москве с просьбой о вооруженной помощи, видя, что без нее с моджахедами не справиться и власть не удержать. В советском руководстве, как можно было понять, чаша весов колебалась до тех пор, пока не лег на нее последний, то ли одиннадцатый, то ли тринадцатый по счету запрос о присылке войск, а также мучительное подозрение, что Амин может перебежать, если уже не перебежал, к американцам и Советский Союз вместо пополнения в социалистическом содружестве получит еще одну недружественную страну на своих границах. (Тут было сразу два крупных просчета, уже тогда видных даже невооруженному взгляду неспециалиста: во-первых, ложная надежда, что и Афганистан удастся приплюсовать к странам, идущим «по пути социалистической ориентации», — о, эти схоластические игры теоретиков развитого социализма; во-вторых, преувеличенное опасение, что традиционно добрососедская страна станет «антисоветской», «проамериканской».)

Из кругов политических все это так или иначе просачивалось в круги журналистские, хотя газеты наши привычно молчали о сути происшедшего. И вот уже не слухи ходят, а очевидно, Политбюро приняло решение, еще неведомое народу и миру, и главный редактор вызвал меня для необычного ответственного поручения. У него был вид человека, знающего, что делается, но отнюдь не уверенного, то ли делается, что надо, — распространенное, хотя и подспудное настроение тех дней. На его лице я не заметил воодушевления или даже возбуждения, лишь озабоченность очередным указанием, которое,

хочешь не хочешь, положено исполнять. Редактор был полностью отечавшей духу времени частицей государственной машины и, как все ее частицы, проходя в такие моменты дополнительную проверку на лояльность, должен был функционировать четко. Того же — выполнения указания — он ждал от меня, одного из сотрудников редакции. Редактор не любил длинных разговоров и обычно давал указания стоя или прохаживаясь по кабинету, что в его возрасте было полезно для здоровья. Кабинет был большой, и до сих пор я помню, в каком углу мы стояли друг против друга и как он, слегка вздернув подбородок, выжидающе смотрел на меня сквозь толстые стекла очков в старомодной оправе. Помню, конечно, и что я ему ответил. Нет, я не сказал ему, что не туда влезает и этого делать нельзя. Не сказал, что выполнять его задание, хоть режьте, не буду. Нет, свой отказ я направил не в политическое, а в узкопрофессиональное русло, всего лишь ответив главному, что это не моя тема... И разъяснив для убедительности: я не специалист по Афганистану...

Главный редактор вряд ли допускал возможность отказа в таком экстраординарном случае: при чем тут моя или не моя тема и где он, если следовать предположенной логике, найдет специалиста по оправданию ввода советских войск в другую страну? К тому времени он проработал в «Известиях» лишь три с половиной года и не знал или не придавал значения тому, что у меня, известинского ветерана, был особый опыт долгого, из Нью-Йорка и Вашингтона, освещения американской войны во Вьетнаме и что многие ее перипетии я когда-то пропустил через себя и сохранил в сознании как нравственный урок жизни и профессии. Прежде всего вьетнамским опытом было подготовлено мое мгновенное прозрение относительно Афганистана: грязное дело. Хотя тогда я не мог предположить, что увязнем так надолго. Говорят, те, кто принимал решение, если и учитывали предшествовавший опыт, то скорее наш, августа 1968 года, в Чехословакии, когда «все» было сделано за несколько дней, а не американский во Вьетнаме: по их разумению, это было несовместимо и несравнимо — империалистическая авантюра и «интернациональный долг», и к тому же нам в принципе чужой опыт, как и чужой закон, не писан. Таки были государственные резоны. Но я, соглашаясь воспеть намеченную государственную акцию, должен был бы безжалостно перечеркнуть себя прежнего, потерять достоинство и самоуважение. Главный редактор не подозревал, что своим предложением протянул мне пистолет для нравственного самоубийства. И я не мог прямо сказать ему о пистолете, поскольку мои рассуждения выглядели бы неприемлемым для штатного сотрудника редакции чистоплюйством, а аналогия с американцами во Вьетнаме могла повлечь за собой упрек в политической незрелости. И потому, глянув в глаза за толстыми стеклами очков, я повторил односложное: «Это не моя тема...» И подумал про себя: будь что будет и пропади все пропадом, но через себя не пере-сплю.

И главный редактор, больше не настаивая, отпустил меня несколько неопределенным: «Ну что ж, идите...» И я ушел, потрясенный секретом, который узнал (значит, все-таки влезает), не исключая неприятных последствий своего отказа и все-таки считая их маловероятными. Это были все-таки не сталинские, а брежневские времена, до «врагов народа» постсталинизм заново не дошел, остановившись всего лишь на диссидентах, но опытный, высокого ранга начальник, трезво глядящий на вещи, не хотел затруднять себе жизнь, вскрывая их в своем ведомстве.

Совершив свой акт пассивного сопротивления, я испытал бессильное чувство крепостного человека, от которого требуется слепое послушание барину, а не разумная любовь к своей стране. Плетью обуха не перешибешь. Многие журналисты сторонились тогда афганской темы, не желая кривить душой. А что касается невозможности перешибить плетью обух, то не смущало это лишь редчайшей гражданской смелости людей типа академика А. Д. Сахарова, поплатившегося за свою открытую оппозицию афганской политике ссылкой в Горький. Для него правда была, по определению Достоевского, «выше России», выше власти тех, кто говорил тогда от имени России, и эта индивидуальная, непокорная правда истинного гражданина и патриота оказалась в конце концов более долговечной.

Через несколько дней моя газета напечатала подвал другого своего сотрудника — «Отпор проискам империализма. Афганская революция вступила в новый этап». В нем говорилось о подготовке афганских контрреволюционеров американцами в Пакистане и китайцами — в Китае, о том, как в Вашингтоне и Пекине плетут «сети антиафганских интриг», а также о «кровавой клике Хафизуллы Амина и его приспешников», приговоренных к смерти революционным судом. Там, конечно, не упоминались сведения, которые уже дошли до Москвы от людей, побывавших в Кабуле, — что «приговор» был приведен в исполнение нашими командос еще до его вынесения. О главном в статье было сказано так: «В Афганистан было решено направить ограниченный советский военный контингент, которому поручено исключительно содействовать в отражении вооруженного вмешательства извне. Советский контингент будет полностью выведен из Афганистана, как отпадет причина, вызвавшая необходимость такой акции». В неуклюжести выражений угадывалась другая рука, которую интересовал не стиль, а точная передача чьих-то слов.

Автором подвала, погребенного теперь в газетных подшивках, где история в ее преходящем газетном варианте выглядит странно и скучно, а иногда страшно и смешно, был старший мой коллега, когда-то помогавший и покровительствовавший мне, молодому журналисту. Ему выпало другое, жестокое и крутое время, уже взрослым он прошел через горнило 30-х и 40-х годов, и постоянный выбор — быть или не быть? — сделал его журналистом, выполнявшим любые указания, участвовавшим в любых разоблачительных кампаниях и раз и навсегда убедившим себя, что в этом отрицании самого себя и состоит

его партийный долг и само предназначение на земле. Он чутко учитывал «веления времени» и в последние годы своей жизни, выпавшие, увы, на годы махрового застоя, занимался контрпропагандой, то есть созданием образа врага. Думаю, что втайне он страдал, мучился, во всяком случае, не относился к тем хладнокровным циникам, усилиями которых средства массовой информации «когда надо» превращаются в средства массовой дезинформации.

В ход пошел приличествующий ситуации газетный лексикон. Про «злые происки» внешних «врагов афганской революции» в одной из корреспонденций из Кабула писалось: «Собаки лают, а караван идет...» «Собаки» на Западе лаяли, что безбожная Москва усыпила их бдительность, предприняв свою акцию в дни рождественских каникул.

Развернув газетные подшивки начала января 1980 года, вы найдете заявления Бабрака Кармалы, разоблачающего «агента ЦРУ» Амина (позднее этот ярлык исчез) и обещающего ликвидировать последствия всех его преступлений, исправить ошибки и перекосы. Найдете также ответы Л. И. Брежнева на вопросы корреспондента «Правды», в которых говорится, что вокруг афганских событий «нагромождаются горы лжи, развертывается беззастенчивая антисоветская кампания», что «для нас было не простым решением направить в Афганистан советские воинские контингенты», но что «ЦК партии и Советское правительство действовали с полным сознанием своей ответственности, учитывали всю совокупность обстоятельств».

Вот слова тогдашнего руководителя: «События в Афганистане не являются подлинной причиной нынешнего осложнения международной обстановки. Если бы не было Афганистана, то определенные круги в США, в НАТО наверняка нашли бы другой повод, чтобы обострить ситуацию в мире. Наконец, вся сумма шагов американской администрации в связи с событиями в Афганистане — замораживание договора ОСВ-2, отказ от поставок целого ряда товаров, в том числе зерна, в СССР по некоторым уже заключенным контрактам, прекращение переговоров с Советским Союзом по ряду вопросов двусторонних отношений и т. д. — свидетельствует о том, что Вашингтон снова, как десятилетие назад, пробует заговорить с нами языком холодной войны».

В этом объяснительно-оправдательном заявлении обозначены фрагменты широкой картины, которые и в самом деле надо учитывать, чтобы понять афганскую акцию. В международной жизни возобладали тогда неблагоприятные тенденции. Разрядка в отношениях двух ядерных держав умирала под бременем сохранявшегося недоверия и военного соперничества. Запад, как уже говорилось, тревожили темпы нашего военного строительства, казавшиеся угрожающе иррациональными на фоне экономического застоя, который они отчетливо видели. 1979 год был особенным. С одной стороны, в Вене после семилетних переговоров был наконец подписан советско-американский договор ОСВ-2. С другой стороны, процесс ратификации с таким тру-

дом подписанного договора сразу забуксовал в американском сенате, где у президента Картера не оказалось должной поддержки. С новой силой неожиданно разгорался спор из-за ядерных ракет средней дальности в Европе. Мы меняли старые СС-4 и СС-5 на новые и высокоточные СС-20 (с тремя вместо одной боеголовками каждая), не потрудившись объяснить западным европейцам логику своих действий, резко усиливающих, на их взгляд, советскую угрозу. Североатлантический союз решил в ответ разместить в Западной Европе американские «Першинги-2» и крылатые ракеты, тем самым приблизив ядерный удар к жизненно важным центрам Советского Союза на расстояние восьми—десяти минут подлетного времени. Этот план, который должен был быть реализован в первой половине 80-х годов, в свою очередь усиливал нервозность в Москве, где расценивался как подрыв стратегического паритета.

Советско-американское непонимание усугублялось тем, что в Соединенных Штатах приближалась новая кампания по выборам президента и в затылок Джимми Картеру уже дышал Рональд Рейган, возглавляя старых и новых консерваторов, жаждавших обуздать Советы, если нужно, ценой невиданной, изматывающей гонки вооружений.

Это позже, на XIX партконференции в июне 1988 года, прозвучали слова, что со многими государствами отношения у Советского Союза улучшились и ни с одним не ухудшились. В 1979 году дело обстояло наоборот. Внешнеполитические результаты шедшего к концу (но кто знал это?) брежневского правления выглядели совсем по-иному. Обострившиеся отношения с Вашингтоном и Западной Европой дополнялись почти двадцатилетней глухой враждой с Пекином, который по вполне понятным причинам укреплял связи с США. Воображение, усиленное возраставшей подозрительностью, легко рисовало совместные американо-китайские козни в Афганистане, ставившие целью помешать росту советского влияния. Словом, действовала опасная логика возраставшего непонимания, раздражения, противостояния, и, когда советские войска вошли в Афганистан, все наши оппоненты — США, КНР, Западная Европа, Япония, а заодно и «третий мир» — получили чрезвычайно убедительный пример советского экспансионизма, правильности своих оценок политики Москвы.

В попытке объяснить причины афганской акции стоит выделить занявший непомерное место в нашей политике военный элемент. Как уже говорилось, на фоне отстающей экономики военная сила была самым веским, если не единственным, критерием статуса сверхдержавы, и этим, вольно или невольно, дорожило тогдашнее руководство, что еще больше укрепляло влияние отечественных «ястребов», нашего военно-промышленного комплекса. Силушка играла, если не сказать — бесилась, требовала применения, прокатывания, опробования. Когда-то мудрый сенатор Уильям Фулбрайт, возглавлявший комиссию по иностранным делам сената США, издал книгу, в которой, разбирая природу американского вооруженного вмешательства во

Вьетнаме, дал ему определение — высокомерие, самонадеянность силы. Нравятся нам или нет такие «имперские» сравнения, но самонадеянность силы, к тому же не сдерживаемой уздой демократического, парламентского контроля, существовала и у нас. И так же, как Соединенным Штатам, нам надо было где-то испытать «пределы силы», возможности силового фактора в политике. На этом пути нам — объективно — надо было где-то дойти «до упора». Афганистан стал своеобразной кульминацией негативных тенденций в советской внешней политике брежневского времени. (Я не касаюсь тенденций позитивных, выразившихся в нашей американской и европейской политике, которая определила период разрядки в первой половине 70-х годов. Это факты хорошо известные и широко освещавшиеся, но однобоко преподносившиеся.)

Кстати сказать, в частных разговорах с некоторыми из наших политологов можно услышать, что Афганистан уберег нас от худшего — от посылки войск в Польшу, где в то время нарастал конфликт руководства ПОРП с профобъединением «Солидарность», состояние дел было кризисным и где правительство Войцеха Ярузельского ввело вскоре военное положение. Не буду разбирать эту гипотезу. Но со своей стороны хочу предложить гипотетическое рассуждение иного типа. Как ни кощунственно это звучит в свете понесенных нами потерь, а также жертв и разрушений в Афганистане, объективно, по большому счету наша афганская «экспедиция», может быть, была необходима — для усиления здравомыслящих элементов в решениях советского руководства и прозрения или по меньшей мере ослабления позиций тех догматиков и ортодоксов в политических кругах, которые полагали, что Афганистан может пойти по пути «социалистической ориентации». Насчет того, что незазорно и, более того, исторически оправдано подталкивание афганского дехканина — при помощи нашего солдата — из феодализма в социализм, публично высказались на первых порах и некоторые вполне прогрессивные наши обозреватели, исповедующие принцип в с е р е д с т в а х о р о ш и д л я д о с т и ж е н и я ц е л и, который вел нас семьдесят с лишним лет через тернии и, как оказалось, огню не к звездам.

Вот и представьте при таких умонастроениях: если бы «ограниченный контингент» не был послан и в отсутствие советских войск вооруженная оппозиция взяла верх над режимом НДПА, тогда отечественные твердолобые, которые предпочитают зваться твердокаменными, пожалуй, стали бы говорить, что напрасно проявили мягкотелость, дали слабинку и упустили шанс. Теперь мучительным, дорого давшимся опытным путем мы пришли к реализму, поняв, что шанса на социализм в Афганистане не было... Кстати, и к новому политическому мышлению новое наше руководство, думается, шло не в последнюю очередь трудными дорогами Афганистана. Он помог укрепить один из главных его постулатов — о свободе выбора для стран и народов. Укрепить и придать ему предметную убедительность.

Чтобы извлекать уроки из прошлого, надо не стесняясь называть вещи своими именами. В случае с Афганистаном командно-административная система еще раз показала, что вопросы исторически важные, связанные с судьбой народа она по-прежнему решает, не считаясь с его мнениями и настроениями. Объяснение предпринятой акции было, по существу, такое же, как при решении направить ядерные ракеты на Кубу, — «интернациональный долг». Перед кем долг? Перед НДПА, составляющей незначительную часть афганского населения и разрываемой фракционной борьбой, или перед большинством афганцев, которые об этом долге знать не знали и ведать не ведали? Чей долг? Нашего народа? Тогда почему, перед тем как заставить его платить этот долг, с ним даже не потрудились посоветоваться? Увы, до перестройки и эти вопросы были чисто риторическими, для узкого семейного или дружеского круга.

Общее народное чувство — вернее, народное чутье — с самого начала было верным и заключалось в неприятии того, что сделало руководство. Простые люди, исходя из здравого смысла, не поддаваясь гипнозу политико-теоретических дефиниций, смотрят в таких случаях в корень, и объясняется эта зоркость прежде всего пониманием естественных приоритетов государства и народным чувством самосохранения. Именно самосохранения, в котором на первом плане не сочувствие другому народу, а нежелание проливать свою кровь и разбазаривать ресурсы за рубежом, когда жизнь дома из рук вон плохо организована. Какие бы долги, включая интернациональный, ни брали на себя партийно-государственное руководство, расплачивается за них народ и больше расплачиваться некому.

К сожалению, в силу тех же порядков, при которых господствуют не демократические, а бюрократические структуры, обеспечивающие угодное власти внешнее единомыслие, народное чувство не превратилось в оформленное общественное мнение, в общественное давление, наконец, в антивоенный протест, как у американцев в годы вьетнамской войны. У него не было каналов для самовыражения, выходов на средства массовой информации, оно и помыслить не могло о том, чтобы выступить на улицах и площадях. Это народное чувство не могло развиваться, потому что в эпоху без гласности люди политически отчуждены друг от друга, а война — как бы невидима. Оно заявляло о себе едва ли не шепотом, одиноким горем людей, которые, хороня своих сыновей, доставленных в цинковых гробах из чужой страны, поначалу даже не имели права написать на могиле, где нашла их смерть в возрасте восемнадцатилетних. Так засекались даже мертвые.

С точки зрения журналиста, афганский урок, как и кубинский, как многие другие, заключается в том, что средства массовой информации не могли выполнить свою роль просвещения общественности и тем самым формирования общественного мнения, этого важнейшего фактора государственной и народной жизни. Свою ответственную миссию перед обществом они могут выполнять лишь в условиях га-

рантированной самостоятельности. Будь печать независима, она способствовала бы более разумным и своевременным решениям руководства, и наши «афганцы» были бы дома задолго до 15 февраля 1989 года.

Реакция народа на Афганистан в первые годы предупреждалась старым способом — людей избавляли от ненужных волнений, практически ничего не сообщая о советских солдатах, воюющих там. Когда руководство сменилось, информации постепенно становилось больше, элементы правды о положении дел в Афганистане начали проникать на телеэкран и страницы газет. Но процесс критического переосмысления «наверху» шел поначалу медленно, и свет в конце длинного темного тоннеля мы увидели далеко не сразу. Однако в конце концов Афганистан стал пробным камнем для репутации нового руководства — и внутри страны, и вовне. Без вывода войск, без закрытия этой кровоточащей раны невозможна была бы истинная вера в перестройку, в демократизацию и обновление жизни. Внешнему миру без решения афганской проблемы путем вывода советских войск невозможно было доказать, что новое политическое мышление — это качественно новая политика, а не очередная декларация. От этого в большой степени зависело доверие к нам и нашим намерениям со стороны США, Западной Европы, Китая, «третьего мира».

В начале было слово... У истоков нового политического мышления находится знаменитый манифест Бертрана Рассела и Альберта Эйнштейна с его главной мыслью о том, что в ядерный век все мы — прежде всего люди и выше всего люди, забывшие ради спасения рода человеческого о всех своих разногласиях. Советское государство и Коммунистическая партия тридцать лет шли к осознанию этой мысли и к тому, чтобы положить ее в основание своей внешней политики — к принятию приоритета общечеловеческого начала. При этом очень медленно изживалась как несостоявшаяся — и потому несостоятельная — другая мысль, лежавшая в основе догматического, мессианского взгляда на мир со времени Октябрьской революции, — о неизбежном скором падении капитализма и столь же неизбежной скорой победе социализма нашего типа в мировом масштабе. Результатом этого изживания и стало признание верховенства общечеловеческого начала. И как его логическое продолжение еще одна мысль — о взаимозависимости нашего сложного и противоречивого, но все-таки цельного и единого (своей судьбой!) мира.

Итак, в начале нового политического мышления было слово, и в качестве доказательства его истинности требовалось дело. Но житейский принцип «сказано — сделано» в межгосударственных отношениях осуществляется не сразу, с большим трудом. Тем более, что за «сделано» идет не долгий и медленный, дипломатический процесс движения к соглашению, а готовый результат, который можно предъявить публике.

За первые три года — со времени XXVII съезда КПСС, а еще точнее, со времени первой женеvской встречи М. С. Горбачева и Р. Рей-

гана в ноябре 1985 года — новое слово было переведено в новое дело двумя главными акциями: подписанием с США Вашингтонского договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (декабрь 1987 года) и женевскими соглашениями по Афганистану (апрель 1988 года).

В женевских соглашениях основными участниками были Кабул и Исламабад, а Москва и Вашингтон выступили лишь в качестве гарантов, но их суть, ядро — с нашей точки зрения и, еще очевиднее, с точки зрения остального мира — состояло в том, что они устанавливали международно-правовые рамки для вывода советских войск. Великая ядерная держава получала скрепленную межгосударственными документами возможность упорядоченного выхода из тупиковой ситуации. Как можно было предполагать с самого начала, Пакистан при скрытой и явной поддержке США не выполнил своих обязательств по соглашениям, оставаясь плацдармом вооруженной оппозиции режиму Наджибуллы и перевалочной базой для поставок моджахедам американского оружия. Формально это давало Советскому Союзу возможность отказаться от своей доли женевского пакета и продлить пребывание войск в Афганистане или отсрочить их вывод против согласованного графика. Намеки на такую отсрочку делались Москвой в конце 1988 года, накануне второго — и последнего — этапа вывода. На какое-то время эти намеки встревожили советских людей, но никогда не воспринимались всерьез, к примеру, в Вашингтоне или Пекине, где в них увидели всего лишь попытку оказать дополнительное давление на Исламабад. Серьезные международные наблюдатели исходили из того, что для Советского Союза ставки слишком велики, что советское руководство не может пойти на нарушение, пусть оправданное, женевских соглашений, как по внутрисполитическим, так и по внешнеполитическим соображениям: советский народ жаждал обещанного прекращения непопулярной войны, а что касается международного резонанса, реакции Вашингтона, Пекина, других столиц, то Москва не могла рисковать процессом обретения доверия к своей новой внешней политике.

Войска были выведены точно в срок, чему самыми первыми свидетелями стали матери и отцы, близкие солдат, слетевшиеся отовсюду в Термез, чтобы сразу же, без промедления, в первые же минуты убедиться: живы-здоровы и навсегда осталась позади угроза их гибели на чужой земле. Эти трогательные сцены увлажняли глаза у всех нас, сидевших в те дни у телеэкрана, и разрывали душу тем, кто своих сыновей не дождался. Войска были выведены не так, как брошены в Афганистан, — не тайно, а демонстративно открыто, телевизионно-театрально, с их командующим генералом Громовым, который на последнем бронетранспортере покинул афганский берег Амударьи и перед телекамерами обнимал своего тоже прилетевшего в Термез сына-подростка. Не будем, однако, даже в этот миг великого облегчения забывать о том, о чем еще предстоит сказать тяжелую для нашего самосознания правду, о том, что осталось в тот миг вне поля

зрения телекамер, — разворощенную, разгромленную с нашим участием соседнюю страну с ее пятью миллионами беженцев и более чем миллионом убитых и раненых.

Войска из Афганистана выведены, ядерные ракеты средней и меньшей дальности уничтожаются — тоже по графику и даже с некоторым опережением — как у нас, так и на территории США и их западноевропейских союзников, под наблюдением американских и советских инспекторов. Американские инспекторы — на советском военном заводе в Воткинске, где когда-то родился П. И. Чайковский и где сейчас уже не производятся ракеты СС-20, которые перед уходом в небытие впервые обрели свое советское, а не чужеземное наименование — РСД-10. Американские инспекторы, международная пресса и сторонники мира из разных стран — на полигоне возле казахстанского поселка Сарьозек, где в первый августовский день 1988 года подорвали первую связку ракет меньшей дальности ОТР-22. Такова фантастическая реальность перестройки, отменившая прежнюю, недвижимую как Земля по системе Птолемея, впитанную старшими, можно сказать, с молоком матерей — и с грозными назиданиями и призывами к бдительности Сталина и его наркомов, с обращенными к навеки ненавистному врагу пропагандистскими прибаутками довоенных лет: «Ты не суй свое свиное рыло в наш советский огород».

Поразительно, как быстро и охотно принял эту необходимую открытость народ, хотя и не весь, потому что есть и исключения, главным образом среди старшего поколения. Значит, и эта перемена давно назрела, и тут мы готовы к прощанию с иррациональным культом военной тайны, унаследованным и свято сберегаемым со времен сталинизма. От этого наследства давно надо было отказаться, спокойно разобравшись в его корнях и характере.

Разумеется, в каждом государстве есть понятие государственных секретов и военных тайн, как и суровые меры наказания за государственную измену. В правовых государствах все это строго регулируется законом. Но у нас понятие государственных и военных секретов вышло далеко за рамки общепризнанной необходимости и стало в 30-е годы самым распространенным, непререкаемым обоснованием массовых репрессий, расстрелов, беззакония «особых совещаний». Сколько раз выстраивалась тогда в составленных с помощью пыток сценариях следователей НКВД эта «логическая» цепочка, эта столбовая дорога, которой прошли к высшей мере наказания сотни тысяч, если не миллионы людей: враг народа — агент иностранной разведки — шпион, вынюхивающий военные секреты. Или наоборот — разницы не было. Именно туда уходит корнями наша одержимость «секретами» — в сталинскую маниакальную подозрительность и жестокость, в тотальную систему террора и страха, внушаемого всему народу. Но они так глубоки, эти корни, так «естественны», у них так много нынешних сторонников по долгу службы и добровольных, что и в голову не приходит подумать, откуда они, понять, что в этой одержимости секретностью, в этой излюбленной игре в шпионов, разведчиков и «границу

на замке» мы, нынешние, все еще остаемся детьми Великого Отца и Учителя. Посмертно реабилитированы «враги народа», числившиеся заодно и «агентами» всевозможных иностранных разведок. Теперь они уже не «агенты» — начиная с Троцкого, Бухарина, Тухачевского, а также сонмы остальных, менее известных и совсем неизвестных. По иронии судьбы, из высокого ранга руководителей последним лже-агентом, уже в 1953 году, после смерти Сталина, оказался Берия — ведь и его, чтобы приговорить и расстрелять, объявили «агентом» то ли Тито, то ли «мирового империализма». Конечно, не перевелись и настоящие иностранные агенты и шпионы — ЦРУ не дремлет, и бдительность нужна, но не более чем в пределах разумной достаточности. И не пора ли и здесь восстановить истинную картину тех же 30-х годов: сколько их было, настоящих агентов, и были ли они вообще? Надо дать пропорции действительно существовавшего и выдуманного с преступными целями — чтобы и эту часть нашего самосознания освободить от наслоений сталинских лет.

К двум наиболее важным конкретным акциям нового мышления — уничтожению ракет средней и меньшей дальности и выводу войск из Афганистана — добавляются объявленные М. С. Горбачевым в декабре 1988 года с трибуны ООН односторонние меры по сокращению Советских Вооруженных Сил в 1989—1990 годах. Как известно, общая их численность уменьшается на пятьсот тысяч человек, или на 12 процентов.

На венских переговорах о сбалансированных сокращениях вооруженных сил в Европе мы четырнадцать лет не могли договориться с натовцами, требовавшими больших сокращений с советской стороны, и не двинулись дальше предложения, так и не принятого другой стороной, — вывести 20 тысяч своих солдат в обмен на 13 тысяч американцев. А теперь советские воинские контингенты в Восточной Европе в одностороннем порядке уменьшаются на 50 тысяч человек. Шесть танковых дивизий, то есть около двух тысяч танков, выводятся из ГДР, Венгрии, Чехословакии — и расформируются. Всего в европейской части СССР число танков сокращается на 10 тысяч, артиллерийских систем — на 8,5 тысяч, боевых самолетов — на 820. Из 10 тысяч танков 5 тысяч должны быть физически уничтожены, остальные превращены в тягачи для гражданских нужд и тренажеры; увы, их мирное применение маловариантно. (10 тысяч танков — это эквивалент 33 танковых дивизий. И, добавлю, лишь одна шестая часть общего количества танков у государств — членов Организации Варшавского Договора.) Выводятся 75 процентов советских войск, дислоцированных в Монголии, что с одобрением встречено Пекином, поскольку удовлетворяет одному из китайских требований нормализации отношений наших двух стран и в более широкой перспективе поощряет процесс понижения военного противостояния на самой длинной в мире сухопутной границе.

Три главных дела, осуществляемых в рамках практической реализации принципов нового политического мышления, свидетельству-

ют: успехи советской внешней политики перестроечных лет прежде всего связаны с крупными шагами по пути демилитаризации. Мы двинулись по этому пути решительнее, чем наши партнеры на Западе, не только потому, что нас вынуждают к этому внутренние императивы перестройки, но еще и потому, сдается мне, что дальше своих оппонентов-партнеров зашли по противоположному пути — пути милитаризации. Может быть, такие предположения покажутся ряду читателей по меньшей мере непривычными, непатриотичными. Мы все еще предпочитаем уклончивые формулировки при определении чудовищных ненормальностей в нашей жизни, но если и в этом вопросе отказаться от щадящего режима, то придется признать, что в брежневские почти два десятилетия наша жизнь все сильнее военизировалась, пронизывалась милитаризмом. Для убедительных доказательств нужны, конечно, обобщенные точные цифры и сведения, а между тем острая нехватка их — отнюдь не случайно! — следствие нашей практики запретительства, которая при Брежневе чрезвычайно раздвинула и без того огромные пределы цензурных ведомств — как общегосударственного, так и специфически военного. Когда-то Мандельштам писал о наступившем царстве отчуждения: «Мы живем, под собою не чуя страны, наши речи за десять шагов не слышны...» Однако, как бы ни скрывали от нас нашу же жизнь, словно засекреченную технику под чехлами, мы живем на этой земле этой жизнью и даже под чехлами угадываем ее очертания и без статистики наблюдаем кривую десятилетий, а международники среди нас могут, кроме того, сравнивать наше с тем, что «у них». И если долгие годы была закрыта всякая военная статистика, то на виду все-таки оставались некоторые частные факты, и они били не в бровь, а в глаз, давая представление об общей картине.

Милитаризм вкратце — это такое состояние дел в государстве, когда в мирное время именно военным сторонам, как бы они ни назывались, отдается предпочтение перед остальными, перед главным — уровнем и качеством жизни народа, разумным распределением его трудовых, духовных, интеллектуальных ресурсов, от чего зависит и нынешний день страны, и перспектива на завтра.

Командно-административная система при Брежневе, выхолащивавшая и подавлявшая всякие подлинные проявления общественной жизни, стояла на трех все крепнувших опорах — партийно-государственная бюрократия, органы государственной безопасности и военный комплекс. Пирамиду символически венчал высший политический руководитель, обладавший высшим военным званием Маршала Советского Союза. Кончив войну скромным генерал-майором-политработником с одним рядом орденов на груди, Л. И. Брежнев в мирное время «вырос» в крупнейшего военачальника, четырежды Героя Советского Союза, перещеголявшего всех по числу орденов и медалей (вспомните анекдот о том, как его положили на хирургическую операцию — чтобы расширить грудь, на которой не оставалось

места для новых и новых наград). И эта живая карикатура, это пошмище в глазах собственного народа и всего мира отражало не только индивидуальное тщеславие наградолюбца, не только успехи государственных подхалимов, делавших карьеру на «растлении многолетнего», но и — в более широком плане — образ мышления и действия тех, кто все еще воевал прошлую войну, не считаясь ни с чем, включая изменившуюся международную обстановку.

Другой пример. Разве не через призму военизации жизни и своей непомерной власти глядели на страну и народ те, кто распорядился брать студентов в солдаты, тем самым забывая гвозди электронным микроскопом, как выразился в письме один читатель «Известий»? И это в мирное время, на пятом десятке лет после войны! Кто при этом потрудились измерить всерьез, государственной меркой, прибыль и убытки? Решающую роль сыграли чисто демографический фактор «недобора» и соображения ведомственной «прибыли», а также уверенность военных руководителей, что перед их натиском и ложно понятыми патриотическими резонами не устоят жалкие защитники студентов. Фельдфебеля в Вольтеры дам! — примерно таким, помнится, был ответ одного из видных генералов на страницах «Литературной газеты», когда из научной среды раздались голоса сомнения в мудрости этой меры. Прошло несколько лет, прежде чем, исправляя очевидную глупость, сделали попятный шаг, подтвердив довольно распространенный метод нашего движения: вперед-назад — с соответствующим результатом. Между тем, как сообщил делегатам XIX партконференции председатель Госкомитета по народному образованию, по числу студентов «на душу населения» мы сползли за последние десять лет с 9-го на 23-е место в мире. Зато по числу студентов, призываемых на военную службу, наверняка удерживали первое.

И еще один пример, более общий. Из него приходится делать вывод о более высокой, чем у другой стороны, военизации нашей жизни и более тяжком бремени военных расходов.

В конце января 1989 года произошло примечательное событие. Комитет министров обороны государств—участников Варшавского Договора опубликовал конкретные данные — «О соотношении численности вооруженных сил и вооружений Организации Варшавского Договора и Североатлантического союза в Европе и прилегающих акваториях». Советская общественность впервые получила возможность узнать, сколько войск и вооружений — без разбивки по районам — мы держим в европейской части нашей страны, а также в наших группах войск на территориях других социалистических стран.

Что обнаруживается из этих данных? Картина пестрая. У ОВД танков почти вдвое больше, чем у НАТО (59 470 на 30 690), хотя официальные источники НАТО утверждают, что ОВД все-таки снизила свое превосходство и истинное число танков в вооруженных силах стран НАТО не превышает 22 тысяч. У НАТО в составе фронтовой авиации в полтора раза больше ударных самолетов (4075), а у ОВД в 36 раз (1826) больше самолетов — перехватчиков войск ПВО,

не способных действовать по наземным целям. У них в 1,6 раза (18 070) больше противотанковых ракетных комплексов, а у нас в 1,5 раза (70 330) больше боевых машин пехоты и бронетранспортеров. У ОВД в 11,8 раза больше пусковых установок тактических ракет, а у НАТО в 11,9 раза больше кораблей с крылатыми ракетами и в пять раз больше (499) крупных надводных кораблей, хотя по подводным лодкам в прилегающих к Европе акваториях мы их слегка опережаем. И такой список можно продолжить. Численность вооруженных сил ОВД и НАТО в Европе и упомянутых акваториях примерно одинакова (3573 тыс. на 3660 тыс.).

Подытоживая, министры обороны сделали вывод: «примерный паритет».

Но общество не может удовлетвориться этой чисто военной оценкой. После ознакомления с данными о-военном противостоянии в Европе приходят в голову соображения о другом паритете — не военно-стратегическом, а обыкновенном, человеческом, на уровне не блоков, а «отдельно взятой» жизни. О паритете, которого нет. Речь идет о распределении бремени гонки вооружений. И вот простейшие расчеты. Население США и других стран НАТО составляет около 650 миллионов человек, СССР и других стран ОВД — примерно 400 миллионов. Совокупный валовой национальный продукт (ВНП) стран НАТО примерно в четыре раза превышает ВНП стран ОВД. При таком раскладе, даже сделав всевозможные скидки на относительную дешевизну нашего танка, самолета, реактивной системы залпового огня или содержания одного солдата, не уйти от неизбежного заключения: поддержание военно-стратегического паритета давит на наши плечи неизмеримо сильнее, чем на плечи американские, на плечи других более благополучных жителей Запада. Причем тяжелее всего гонка вооружений оказывается именно для наших, а не, к примеру, польских, венгерских или восточногерманских плечей.

Соединенные Штаты несут меньшую долю расходов в совокупных военных усилиях НАТО в Европе, чем Советский Союз в соответствующих усилиях ОВД. Мы составляем более двух третей общей численности вооруженных сил ОВД. США в НАТО — всего одну шестую часть, включая даже военно-морские силы. Мы своему блоку даем больше трех четвертей боевых самолетов, они — менее одной четверти, мы — более двух третей танков, они — менее одной четверти, мы — более семидесяти процентов боевых вертолетов, американцы — две пятых, мы — 220 из 228 подводных лодок, они — 57 из 200, мы — 101 крупный надводный корабль из 102, имеющихся у ОВД, американцы — 173 из 499, имеющихся у НАТО, и т. д.

Конечно, нужно сделать одно весьма существенное пояснение. Советский Союз — европейская (и азиатская) держава, содержащая все свои вооруженные силы в пределах национальных границ и прилегающих акваториях, а США — пришелец в Европу, у которого на старом континенте расположены пусть очень мощные, но все-таки

аванпосты, а не главные силы. Но верно и другое: по народонаселению и экономическому потенциалу, по месту в мире и научно-технической развитости ГДР — это не ФРГ, Польша — не Франция, Чехословакия — не Великобритания, Венгрия — не Италия и Болгария — не Канада. Все это — факты истории и жизни, в которых, надеюсь, не усмотрят ничего обидного наши союзники. И все это вместе взятое свидетельствует (более того — вопиет!), как тяжела и невыносима для нас ноша паритета — быть по военной силе равными Соединенным Штатам плюс Западной Европе (плюс Японии и другим странам на Востоке).

Имеет ли это отношение к теме милитаризации? Вне сомнения. Как и к теме демилитаризации, одной из главных задач перестройки в том ее направлении, где она одновременно ведет и должна выигрывать две битвы — внутреннюю и международную. Если милитаризация нашей жизни была следствием ее бюрократизации, господства командно-административной системы, устанавливающей национальные приоритеты без совета с народом, то демилитаризация может успешно осуществляться лишь через демократизацию. Демократизация и демилитаризация не могут не идти нога в ногу. Это две стороны новой медали — времен перестройки. Так или иначе, вовлекая народ в процесс управления страной, демократизация ведет к более разумной оценке приоритетов и неизбежному уменьшению военных элементов в нашей жизни, сокращению военных расходов и конверсии военной индустрии, которая должна теперь как бы выплачивать свой огромный долг обществу, уже не обирая мирные отрасли промышленности, а развивая их. Демократизация — а вместе с тем и демилитаризация — будет весьма и весьма ущербной без гласности в военной области, без резкого повышения степени осведомленности народа. Разумеется, и отсутствие военной статистики может способствовать — и до последнего времени способствовало — военно-патриотическому воспитанию, но на какой почве? На почве слепоты, незнания, отсутствия точной ориентировки, какие мы и какое место отведено нам в современном мире.

Например, на каком месте находимся мы в мире по числу военнослужащих на действительной службе? За неимением отечественных воспользуемся американскими официальными данными за 1986 год. На одну тысячу человек населения в Советском Союзе приходится 16,1 военнотружашего, в США — 9,6, во Франции — 10,2, Италии — 9,3, ФРГ — 8,1, Великобритании — 5,9, Китае — 3,9, Японии — 2 военнотружашего. Кто опережает нас по этому показателю? Ирак (49,9), Израиль (47,8), Сирия (38,8), КНДР (38,5), Куба (29,5), Никарагуа (23,4), Тайвань (22,8) и ряд других сравнительно небольших стран, воюющих или чувствующих повышенную военную опасность на своих границах.

Я взял цифры из последнего, 1989 года, издания американского справочника «Уорлд элманак энд бук оф фэктс», который существует уже 121 год, рекламирует себя как национальный бестселлер номер

один с общим тиражом в 52 миллиона экземпляров и может быть без труда куплен в каждом мало-мальски уважающем себя книжном магазине США, в газетно-журнальных киосках крупных отелей, аэропортов, железнодорожных вокзалов и т. д. В этом дешевом и вполне компактном справочнике содержится, как сообщается на обложке, «более одного миллиона современных фактов». Справочник носит общий, отнюдь не специальный военный характер. Тем любопытнее — в качестве примера привычной для американцев открытости в военной области — кратко перечислить по позициям сведения из раздела «Национальная оборона», занимающего всего десять из 928 страниц убогистого текста.

Этот раздел начинается с поименного перечисления, с указанием года занятия должности, всех начальников штабов родов войск и всех главнокомандующих объединенных командований вооруженных сил США в разных частях света. Главное военное лицо страны — председатель объединенной группы начальников штабов находится в подчинении штатского лица — министра обороны, который в этом разделе справочника не упомянут. Затем идет, с точными адресами и почтовыми индексами, перечисление всех главных военных училищ и учебно-тренировочных центров армии, флота, морской пехоты и военно-воздушных сил, включая расположенные за границей, — общим числом 65. Точная численность родов войск по годам, с 1940 по 1988 год, с разбивкой на офицерский, младший командный состав и рядовых, а также на мужчин и женщин. (В сухопутных войсках на 30 марта 1988 года — 764 247 человек. Военно-морской флот на январь 1988 года — 582 246 человек. Морская пехота на 1987 год — 199 525 человек. Военно-воздушные силы на 1988 год — 575 603 человека.)

Отдельно перечисляются генералы армии США — так называемые «пятизвездные» генералы, которых можно приравнять к маршалам Советского Союза. За последние 120 лет таких генералов в американской истории было всего восемь. Последним, еще в 1944 году, во время второй мировой войны, получил это звание Дуайт Эйзенхауэр, и с тех пор в мирное время оно никому не присваивалось. (В годы пребывания Эйзенхауэра на посту президента США звание было у него временно отнято — высшему должностному лицу страны не положено быть военным человеком, хотя по конституции он является главнокомандующим. Звание было возвращено в марте 1961 года, после того как Эйзенхауэр покинул Белый дом.)

Кратко упомяну другую информацию из общедоступного справочника — месячное жалование военнослужащих всех рангов, начиная с трехзвездного генерала или адмирала (от 5485,8 доллара в месяц до 7558,5 доллара с учетом выслуги лет) и кончая рядовым (620,7 доллара). Американские граждане имеют право знать жалование всех лиц на государственной службе начиная от президента, министров и сенаторов, поскольку их содержание оплачивается из кармана налогоплательщика.

Численность вооруженных сил США на 31 марта 1987 года с разбивкой по местам дислокации: на территории континентальных США, на примыкающих территориях типа Аляски, Гавайев, Пуэрто-Рико, Гуама, в Западной и Южной Европе (с разбивкой по странам), в Южной Азии и на Тихом океане, включая Японию и Южную Корею, в Африке, на Среднем Востоке и в Южной Азии — с точностью до одного человека. «Всего на суше — 1 922 936. Плавсостав — 244 787».

Отдельно приводятся данные о стратегических ядерных силах США и СССР, сведения о ядерных испытаниях США, СССР, Франции, Великобритании и Китая, о мировой торговле оружием (по оценкам 1985 года, СССР занимал первое место — 15,3 миллиарда долларов, США второе — 12,3 миллиарда).

Раздел «Национальная оборона» в справочнике завершается цифрами общей численности национальных вооруженных сил (оценки 1986 года): Советский Союз — 4,5 миллиона человек¹; Китай — 4,1 миллиона, США — 2,289 миллиона, Индия — 1,515 миллиона, Вьетнам — 1 миллион.

По принципу «семь бед — один ответ» без передышки подвергну читателя еще одной бомбардировке цифрами — о военном бюджете США 1989 финансового года, начавшегося с 1 октября 1988 года. Они взяты не из справочника, который я использовал. Но так же общедоступны, поскольку каждый год открыто продается отпечатанный в правительственной типографии толстый том бюджета США, одобренный конгрессом и подписанный президентом, и, кроме того, все эти сведения входят в официальные статистические сборники и разные открытые документы исполнительной и законодательной власти. Наряду с американскими гражданами эти сведения без труда могут получить и граждане других стран, иностранные дипломаты, журналисты.

Непосредственные расходы на деятельность Пентагона и на «обеспечение основной разведывательной активности» составляют 282,4 миллиарда долларов. Вместе с расходами на военные нужды, проходящими по статьям на военное строительство и строительство жилья для военнослужащих (9 миллиардов долларов), а также выделенными министерству энергетики на производство ядерных боеголовок (8,1 миллиарда долларов) и на гражданскую оборону (около 400 миллионов долларов), они составят 299,9 миллиарда долларов.

На содержание личного состава вооруженных сил США в бюджете выделяется 78,49 миллиарда долларов, закупки вооружения — 79,32 миллиарда долларов, осуществление различных программ развития вооружений — 31,33 миллиарда долларов, на развитие видов вооруженных сил, проведение испытаний и исследований — 37,66 миллиарда долларов. В частности, на закупку 66 баллистических ракет «Трайидент-2» планируется израсходовать 1,9 миллиарда долларов, одной оснащенной ракетной системой «Трайидент» подводной

лодки — 1,3 миллиарда долларов, на программу развития и модернизации боевого танка М-1 «Абрамс» — 1,4 миллиарда долларов.

Приобретение 84 истребителей «FA-18 Хорнет» обойдется в 2,5 миллиарда долларов, трех эсминцев типа «DDG-51» — 1,1 миллиарда долларов, одной ударной подводной лодки «SSN-21» — 1,5 миллиарда долларов, двух ударных подводных лодок типа «SSN-688» — 1,4 миллиарда долларов, 550 боевых машин пехоты «Брэдли» — 674 миллиона долларов. На разработку ударных вертолетов «AH-64 Апач» выделено 863 миллиона долларов, на программы создания новейших боевых самолетов, в том числе с использованием технологии «Стелс», бомбардировщика «В-2» и новейшего истребителя — 3,1 миллиарда долларов, 32 истребителя «F-15/C/D/E Игл» — 1,4 миллиарда долларов, 4 транспортных самолетов C217 — 1 миллиард долларов, 12 ракет MX — 807 миллионов долларов.

Как видим, в бюджете подробно расписаны все расходы по видам вооруженных сил и единицам приобретаемого вооружения, на осуществление исследований, разработок, проведение испытаний новых видов оружия, на программы военного строительства (баз и других объектов) и строительства жилья для военнослужащих.

Теперь отдохнем от цифр и перейдем к некоторым элементарным рассуждениям. За каждой из этих цифр — борьба интересов. На разных этажах американской общественно-политической пирамиды, не поддающейся простому графическому изображению, в борьбе участвуют тысячи и в конечном счете миллионы людей: пентагоновские чиновники и генералы с их запросами, разработчики вооружений, руководители военно-промышленных корпораций и их толкачи-лоббисты в Вашингтоне, конгрессмены и сенаторы, избиратели, голосующие или не голосующие за них с учетом их отношения к военным расходам, рабочие военных предприятий, чей заработок обеспечивается гонкой вооружений, оппоненты американского милитаризма из прессы и научных кругов, правительственные администраторы, бьющиеся за свою долю бюджетного пирога, разведывательные службы, оценивающие военный потенциал Советского Союза, и т. д. и т. п. — многообразнейшая человеческая деятельность, укрытая от глаз публики во многих своих проявлениях государственного, корпоративного, лоббистского плана. Много жульничества, нечестных посягательств на кормушку, в которой треста миллиардов долларов в год.

В борьбе интересов корысть всегда стояла на одном из первых мест, и совсем не выдуманы, а взяты из весьма типичной американской действительности сенсационно громкие примеры влияния военно-промышленного комплекса и его лоббистов на Капиталийский холм, о которых мы, советские журналисты, не забывали информировать своих читателей. Однако мы сосредоточивались лишь на одной стороне картины, на исключениях, через которые, сколь многочисленными бы они ни были, пробивается конституционное правило, принцип контроля над военными расходами, святой и незыблемый. Гражданин США имеет право знать, что к чему и что почем. Это

историческая опора американской демократии и свободы. Еще в колониальные времена сопротивление британской короне шло под лозунгом: *No taxation without representation* — не может быть налогообложения без представительства, без права голоса тех, кого облагают налогами, без права знать, куда и на что идут их деньги.

Помню, как меня, молодого человека из другого общества, наученного пренебрегать земными реалиями ради веры в высокий социалистический идеал, неприятно поразило такое откровенно меркантильное толкование принципов демократии, когда, попав в США в начале 60-х годов, я впервые услышал старый знаменитый лозунг американской революции. Помню и другое — как министр обороны Роберт Макнамара, бывший президент автомобильной корпорации Форда, не раз жестоко высмеивался и нами, и американскими критиками войны за внедрение в американскую военную деятельность не просто меркантильного, но, казалось, даже кошунственного уравнения «стоимость — эффективность», что означало необходимость добиваться наибольшей результативности от каждого вложенного доллара. И до сих пор я не могу принять этот подход в его нравственном (или, скорее, безнравственном) смысле, потому что в годы вьетнамской войны эффективность заключалась и в возможно более экономном истреблении чужих людей, чужой земли, хотя, надо сказать, правительство и конгресс США, объединенные вполне понятным умонастроением, никогда не сэкономили на защите жизни американских в о ю щ и х солдат.

Теперь я смотрю на вещи иначе, и тогдашнее возмущение американской меркантильностью представляется мне наивным, потому что меня пугает ее антипод у нас: за ценой не постоим! Мы слишком хорошо познали, чем чревато такое неумение и нежелание считать. Пусть это меркантильно, но это и рационально, это и демократично, когда все имеет свою, всенародно объявленную цену — межконтинентальная баллистическая ракета МХ, атомная подводная лодка типа «Огайо», новый танк М-1 «Абрамс» — и практически все остальное, за исключением новейших секретнейших видов вооружений (общий объем трат на которые тоже, впрочем, известен). И все это вместе взятое, включая численность и содержание солдат и офицеров, имеет общую цену — размер военного бюджета. Даже такой сильный и популярный президент, как Рейган, должен был, несмотря на свои аппетиты, урезать и сокращать этот бюджет под давлением главного американского казначея — конгресса, который, взвешивая национальные приоритеты, не хотел отпускать — и не отпускал — большего.

Что могли мы до последнего времени поставить для сравнения рядом с приведенным кратким изложением военного бюджета США? Обратимся к официальному документу — докладу министра финансов СССР Б. И. Гостева «О государственном бюджете СССР на 1989 год и об исполнении государственного бюджета СССР за 1987 год», сделанному 27 октября 1988 года на сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва. В перечислении расходов там есть одна

строка (всего одна!): обеспечение обороноспособности — 20,2 миллиарда рублей. Что составляло, хотите верьте — хотите нет, всего лишь 4,1 процента от расходов госбюджета, то есть в пять раз меньше, чем, например, целевые бюджетные дотации на продовольствие и другие социальные нужды. Впрочем, не верить было официально разрешено с августа 1987 года, когда перед мировым сообществом, с трибуны ООН советским представителем было официально заявлено, что указываемая в госбюджете СССР сумма расходов на обеспечение обороноспособности — это лишь часть наших реальных военных затрат. Она отражает, как было признано, только расходы Министерства обороны СССР на содержание личного состава вооруженных сил, материально-техническое снабжение, военное строительство, пенсионное обеспечение, но не включает финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также закупок вооружений и военной техники.

У нас и тогда не существовало и сейчас еще не существует известной народу и учтенной при составлении бюджета цены межконтинентальной ракеты, стратегического бомбардировщика, подводной лодки, танка, любого вида вооружения, а для того, чтобы утвердить упомянутый выше госбюджет, на сессии старого Верховного Совета ушло ровно столько времени, сколько требуется, чтобы поднять руки в единомышленном одобрении.

У нас до последнего времени сами названия видов оружия держались в строжайшей тайне, а привычка пользоваться их американскими «псевдонимами» так привилась даже на официальных переговорах с Западом, что ей перестали удивляться не только мы сами, но и другая, западная сторона.

Когда в августе 1988 года в Советском Союзе побывал с официальным визитом министр обороны США Фрэнк Карлуччи, ему показали многое, демонстрируя возросшую открытость. Показали среди прочего и наш новый стратегический бомбардировщик — на авиабазе в Кубинке под Москвой. Карлуччи осмотрел его снаружи и изнутри, заглянув в пилотскую кабину. В связи с его визитом я написал в «Известиях» комментарий о раздвигающихся границах возможного и сам, вдохновленный новыми возможностями и запасшись сведениями у знакомого генерала из Генштаба, решил упомянуть название советского бомбардировщика, в чреве которого побывал американский министр обороны, — ТУ-160. Но меня из этих стратосферных высот быстро вернули на землю представители сначала Главлита, а потом — военной цензуры. Они хорошо понимали нелепость ситуации, но не могли ослушаться высоких генералов из ВВС, которые все еще берегли давно уже несекретный секрет, и в своем комментарии мне пришлось написать, что Фрэнк Карлуччи осмотрел советский бомбардировщик с американским названием «Блэкджек».

Чувства юмора нам, как видите, не занимать, но если по-серьезному, то не занимать нам и бесконечного ущемления собственного и национального достоинства, ибо только привычным дефицитом до-

стоинства можно объяснить детскую игру взрослых дядей в иностранные прозвища и псевдонимы для своей военной техники. Под псевдонимом выступала у нас ракета СС-20 вплоть до подписания договора о ликвидации ракет средней дальности, когда нам открыли наконец собственное ее имя — РСД-10. Под псевдонимами «Бэкфайер» и «Блэкджек» прятались советские бомбардировщики. Как я уже упоминал, под псевдонимом ОКСВ (ограниченный контингент советских войск) воевала в Афганистане 40-я армия. Под псевдонимом «вооружение, которое вы называете наступательным», вывозил советские ракеты с Кубы Н. С. Хрущев, уступая давлению американцев.

Многие из нас могли бы привести свои примеры того, как и когда при входе в царство военных тайн узрели надпись: «Оставь надежду на здравый смысл всяк сюда входящий». Иногда это примеры высоко-го официального абсурда. От В. П. Карпова, возглавлявшего в Женеве нашу делегацию, довелось однажды услышать, что, разрабатывая с американцами договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, советская сторона до самого последнего момента не имела своих собственных данных о числе ракет и боезарядов и пользовалась... американскими оценками.

У журналиста примеры мельче, чем у дипломата, но не удержусь еще от одного. Занявшись темой обычных вооружений в Европе и желая придать своим газетным материалам необходимую степень предметности, я в качестве спецкора «Известий» с разрешения и с помощью Главного политуправления Вооруженных Сил СССР весной 1988 года побывал в некоторых соединениях Группы советских войск в Германии (ГСВГ). Принимали меня хорошо, показывали, что можно. Трудности возникли позднее, когда материал был написан и поставлен в газетную полосу. Главлит вежливо предложил обратиться в цензуру военную.

«Может ли повториться прошлое? — спрашивал я в начале своих заметок, рассматривая нынешнее военное противостояние в Европе. — Может ли прийти новый Гитлер? Нет, история не копирует самое себя. Заряются ли на нашу территорию американцы? Нет, потому что придерживаются иных, чем территориальные захваты, концепций поддержания своего влияния в мире». Военный цензор вычеркнул было и эти общие рассуждения, но времена, к счастью, изменились, и поползновения на политическую правку редакция отбила. По другим позициям, однако, мы потерпели поражение. Военная цензура убрала номер танковой дивизии, которую я посетил, хотя название ее оставили, сняла название новейшего танка Т-80², которое частенько мелькает в западной печати, устранила его цену (один миллион рублей), которую сообщили мне военные на местах, хотя я пытался смягчить этот факт, указав более высокую и открыто публикуемую цену новейшего американского танка М-1 «Абрамс» (2,6 миллиона долларов).

Трудно винить военного цензора — он действует в рамках инструкций. Но поставить на обсуждение вопрос о засекреченной — до

сих пор! — стоимости танка просто необходимо. Спросим самих себя: от кого держат в тайне тот факт, что стоимость одного танка составляет по нынешним временам примерно один миллион рублей, — от «чужих» или от «своих», от потенциального противника или от собственного гражданина? Противнику от этого ни холодно, ни жарко, и, кроме того, зная цену своего танка, он может прикинуть и цену нашего. А свой гражданин начнет заниматься прикидками не столько к чужому танку, сколько к своему жилью и зарплате, к детским садам и поликлиникам, к пустым магазинам и очередям за дефицитом. Свой, да еще при гласности, может закричать: что же это творится? Без ножа режут! Особенно когда прикинет, сколько могут стоить те десять тысяч танков, на которые для начала — в одностороннем порядке — мы сокращаем свой танковый парк. Ведь половина из них физически уничтожается. Из групп наших войск в ГДР, ЧССР и ВНР выводится 5300 с о в р е м е н н ы х танков. Это уже миллиарды рублей, на ветер выброшенные. Ведь если в одностороннем порядке, то, значит, у нас этих танков был явный перебор. Выходит, нам средства девать некуда, кроме как в могучие чудища с лазерными пушками, турбинными двигателями, разгоняющими их до скорости девяносто километров в час, и с особой броней, вся в металлических пакетах взрывчатки, которые взрываются навстречу вражескому снаряду, отталкивая его. Нет, никакой западный разведчик не задаст такого количества вопросов, как свой вошедший во вкус гласности гражданин. Похоже, о его спокойствии и душевной уравновешенности как раз и заботится военная цензура, держа в секрете стоимость нашего танка.

Конечно, можно ему, гражданину, сказать, как всегда говорилось: «Так надо!» Можно нажать на его вековую притерпелость, на его нерассуждающую патриотическую самоотверженность, которой в мире не найти, — «лишь бы не было войны». Но прикрикнуть, как прежде, уже не удастся. Гражданин все пристальнее вглядывается в эту прорву — куда же это все проваливается, работаем-работаем, а жить не лучше. Тем более, что в этой прорве кое-что высвечивается первыми и робкими еще лучами гласности, направленными на заповедное царство военных тайн.

Возьмем ту же историю с танками, страшным превосходством в которых мы запугали Западную Европу и дали большие козыри тамошним и американским милитаристам. И посмотрим на нее, вооружившись кое-какими уже опубликованными официальными нашими предложениями. Итак, по упоминавшимся ранее данным министров обороны ОВД, на 1 июля 1988 года на европейском театре страны ОВД имела 59 470 танков и страны НАТО — 30 690 танков (натовцы, не сомневаясь в точности оценки численности наших танков, для своих все-таки настаивают на 22 тысячах). Число советских танков в Европе составляло 41 580, а доля США в НАТО, по нашим оценкам, — 6980 танков. Раньше мы и тут «темнили». Как минимум двойной перевес ОВД в танках над НАТО нами не признавался; возьмите, к примеру, официозную брошюру «Откуда исходит угроза миру», где

утверждается, что «по общему количеству танков (25 тысяч) страны НАТО не уступают странам Варшавского Договора» [Откуда исходит угроза миру. М., Воениздат, 1984, с. 78].

По боевым машинам пехоты и бронетранспортерам ОВД тоже имеет значительное преимущество над НАТО (70 330 на 46 900), причем у одного Советского Союза их в Европе почти столько же, сколько у всего западного альянса (45 тысяч).

НАТО превосходит ОВД по ударным боевым самолетам фронтовой авиации, боевым вертолетам, противотанковым ракетным комплексам, но разрыв много меньше, чем в танках, и сокращать здесь в случае договоренности Восток—Запад тоже придется значительно меньше.

Между тем перспектива поистине исторической договоренности приблизилась в ходе венских переговоров о сокращении обычных вооружений в Европе от Атлантики до Урала. С обеих сторон был продемонстрирован конструктивный подход, выявившийся в первоначальных предложениях-заявках. Позднее, в мае 1989 года, намечалось сближение позиций, ободряющее всех, кто ждет радикального снижения военного противостояния, — речь идет о дополнительных советских предложениях, изложенных М. С. Горбачевым на встрече с госсекретарем США Джеймсом Бейкером, и об ответных предложениях президента Джорджа Буша, выдвинутых в Брюсселе на встрече НАТО в верхах.

Не вдаваясь в детали, напомним, что по танкам, а также боевым машинам пехоты и бронетранспортерам Советский Союз принял лимиты, предложенные НАТО, и изъявил готовность к 1996—1997 годам сократить численность танков в ОВД на 40 000, а боевых машин пехоты и бронетранспортеров — примерно на 42 000 единиц. Наша доля в этих сокращениях будет исчисляться десятками тысяч единиц.

Какие бы причины раньше ни выдвигались, это гигантское преимущество в танках невозможно объяснить соображениями чисто оборонительного характера. И не случайно, учитывая главный лейтмотив в претензиях НАТО, советское руководство столь заметно ослабляет танковый компонент своих вооруженных сил в Европе.

Хотел бы привести одно свидетельство. После опубликования очередной из своих статей я получил письмо из города Иванова от майора в отставке Н. В. Исаева, который дважды, в 50-е и 70-е годы, служил в группе советских войск в Германии. «По роду своей службы, — писал товарищ Исаев, — часто встречался с гражданами ФРГ, и особенно с членами западных военных миссий связи при Главкоме в ГСВГ». И дальше: «В откровенных беседах, длившихся часами (я владею немецким языком в совершенстве), во все времена западники испытывали «животный» страх перед нашими танками и мощью Вооруженных Сил. На мои жалкие неискренние потуги как-то это объяснить они всегда говорили, что страна, имеющая такие силы, не может говорить о мире, а может мечтать только о наступлении, т. е. захвате чужих территорий. В 60-х годах уже было ясно, что американцы не

помышляют ни о каких нападениях на СССР. Они не могут об этом и помышлять (если они задумаются о потерях в войне с СССР), не имея добротных союзников (грубо говоря, пушечного мяса). А их союзники ни тогда, ни сейчас не были готовы на «горячие» дела против СССР».

Считаю, что мой адресат зрит в корень. И наша нынешняя готовность пойти на радикальные меры, в том числе односторонние, по уменьшению военного противостояния в Европе доказывает его правоту. Он ухватил то главное, чем руководствуется теперь советская политика, исходящая из более точного знания меры и более реалистической оценки сил и намерений противостоящей стороны. Американцы и в самом деле не помышляют о нападении на СССР и не готовы на «горячие» дела, как и их союзники, учитывающие демократически выраженную волю своих вполне преуспевающих в мирное время народов. Конечно, никакого намерения нападать нет и у нас, и это, видимо, понимали западные собеседники нашего отставного майора (поэтому страх у них был «животный», а не рациональный), но создается впечатление, что, сосредоточивая вдвое-втрое превосходящую армаду танков в Центральной Европе, наши генералы без учета изменившейся обстановки готовились к повторению той войны, к которой в 1941 году при Сталине как следует не подготовились, и хотели бы осуществить ту воспетую в песнях довоенную стратегию, которая не удалась: «И на вражьей земле мы врага разобьем — малой кровью, могучим ударом».

Однако вернемся к вопросу, с которого началось рассуждение на танковую тему, когда осмелевший от гласности гражданин узнает о десяти тысячах танков, подлежащих сокращению. А ведь десять тысяч танков — это даже не половина того, что пойдет «под нож» в процессе снижения военного противостояния в Европе. В одной лишь Европе. А кроме того, более двадцати тысяч танков мы держим в азиатской части страны, — и танков, и войск, и всего другого, хотя уже выводим часть своих дивизий из Монголии, преследуя цель полной нормализации отношений с Китаем. Прикидывая дебет-кредит, начинающий пользоваться своими правами гражданин может вспомнить, что, согласно договору по РСМД, американцы ликвидируют 859 ракет средней и меньшей дальности и 283 пусковые установки, а мы вдвое и втрое больше — 1752 ракеты и 845 пусковых установок. И не потому уничтожаем больше, что они нас перехитрили, как, увы, еще думает изрядная часть соотечественников, обработанная нашей же пропагандой, а потому, что переусердствовали: и тут гнали вал, в этом-то сумев перегнать Америку, как и всех остальных. Гнали вал по отравляющим веществам («химический вал», о котором открыто говорил Э. А. Шеварднадзе) и при этом до недавнего времени отрицали, что они у нас вообще имеются.

В способе ведения государственных дел всегда есть внутреннее единство, пронизывающее все области управления, и когда это — единство неэффективности, то с военной деятельностью происходит в

принципе та же история, что и с сельским хозяйством, в которое в 70-е и 80-е годы вложили около 900 миллиардов рублей и получили ничтожную отдачу. Только эта история — еще не разглашенная. И если в ней за единицу растранижения взять, предположим, затраты на БАМ, этих единиц наберется, думается, немало.

В номере от 8 августа 1988 года американский еженедельник «Тайм» сообщил: «Маршал Ахромеев во время недавней поездки в США поразил американцев признанием, что военным руководителям в СССР точно не известно, сколько советское руководство расходует ежегодно на разработку вооружений. Закупки вооружения, исследования и разработки финансируются за счет правительства, и эти расходы не фигурируют в военном бюджете. Окончательный вывод состоит в том, что в Советском Союзе практически не контролируются военные расходы, — утверждает Стивен Ларраби, вице-президент нью-йоркского Института по изучению проблем безопасности Восток—Запад. — Большие цифры из докладов для служебного пользования вполне могут потрясти Горбачева».

Маршал С. Ф. Ахромеев, в то время начальник Генштаба Вооруженных Сил СССР, прибывший с первым официальным визитом в Соединенные Штаты, своим признанием подтвердил догадку более осведомленных из американцев, что Москва и в самом деле не знает реальные объемы своих военных расходов. При отсутствии истинных данных советские эксперты или уходили от ответа, или, что хуже, пытались доказать своим зарубежным коллегам, что наши оглашаемые два десятка миллиардов рублей вполне могут обеспечить паритет с их тремястами миллиардов долларов. А за граница занималась и подсчетами, и догадками: какой же процент советского валового национального продукта съедает военный бюджет — то ли втрое, то ли вчетверо больше американских примерно шести процентов.

Теперь гласность берет и этот важный рубеж.

Лед тронулся почти незаметно для широкой публики в августе 1987 года, в Нью-Йорке, где в рамках ООН проходила международная конференция по связи между разоружением и развитием. Главная идея конференции заключалась в том, что сокращение военных расходов будет способствовать решению болезненных проблем развивающихся стран. Она содержалась и в приветствии М. С. Горбачева в адрес конференции. И как бы подкрепляя принцип «разоружение ради развития», советский руководитель заявил в своем послании: «Мы за расширение гласности и открытости применительно к военной деятельности и к военным расходам, настойчиво предлагаем провести сопоставление военных доктрин НАТО и Варшавского Договора. Это позволит подойти к реалистическому сопоставлению военных бюджетов с целью положить конец их разбуханию, ограничить уровнем разумной достаточности».

Затем было сделано и прямое признание — в речи главы советской делегации, заместителя министра иностранных дел СССР В. Ф. Петровского. Он-то первым из официальных лиц и сказал, что

«предпринимавшиеся до сих пор попытки сопоставления военных бюджетов не дали положительного результата вследствие принципиальных различий в структуре цен на вооружения, а также в механизме ценообразования». Он признал, что публикуемый Советским Союзом оборонный бюджет отражает лишь расходы Министерства обороны СССР, но не включает финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также закупок вооружений и военной техники, которое «проходит по другим статьям государственного бюджета СССР». Советский представитель заверил мировое сообщество: «По завершении намеченной у нас радикальной реформы ценообразования появится возможность для реалистического сопоставления общих военных расходов».

Слова были дипломатичными, но отражали подлинно революционную перемену. Впервые, хотя и не называя точных сроков, мы обещали перейти на принятую в развитых странах облегчающую международное понимание и доверие позицию.

После этого мотив открытости в военной области, усиливаясь, звучал в советских официальных выступлениях. Памятной была пресс-конференция М. С. Горбачева в декабре 1987 года по итогам визита в Вашингтон, где он заявил: «Надо выложить карты на стол, обменяться всеми данными, выявить асимметрии в вооружениях и приступить к решению проблем...» Все чаще говорилось о сокращении военных расходов, о конверсии — переводе военной промышленности на выпуск продукции мирной.

В январе 1989 года М. С. Горбачев назвал три важные цифры: на 12 процентов сокращается численность Вооруженных Сил СССР, на 14,2 процента уменьшается военный бюджет, на 19,5 процента — производство вооружения и военной техники. Это произошло во время его встречи с делегацией «трехсторонней комиссии», видные члены которой — бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен, бывший премьер-министр Японии Ясухиро Накасонэ, бывший госсекретарь США Генри Киссинджер и американский банкир Дэвид Рокфеллер — были приняты в Кремле.

Таким образом, были уточнены параметры нашего движения по пути демилитаризации. Конечно, странно, что важные данные мы узнали из опубликованного изложения беседы с иностранцами, а не из выступления перед своей, отечественной аудиторией. Странно было и то, что назывались лишь проценты сокращений, а не абсолютные цифры численности вооруженных сил и военных расходов. Ну что ж, вероятно, это еще одна издержка нового и необычного для нас демократического процесса, когда «верхи» не всегда задумываются, как видятся их действия «низам».

Наконец, на первом Съезде народных депутатов СССР М. С. Горбачев впервые огласил цифру военных расходов, которую назвал «реальной», — 77,3 миллиарда рублей в 1989 году. Тогда же впервые мы узнали, что в 1987—1988 годах военные расходы были заморожены. Это дало экономию в 10 миллиардов рублей по сравнению с теми

данными, что предусматривались пятилеткой и не были доложены народу или прежнему парламенту. Тогда же было внесено предложение снова сократить военные расходы на 10 миллиардов рублей — в 1990—1991 годах. (Надо еще раз заметить, что о сокращениях такого рода сообщается куда охотнее, чем об увеличениях. В тайне от народа держалось запланированное уже при перестройке и, к счастью, не осуществленное резкое увеличение военных расходов на последнюю, 12-ю пятилетку. Об этом мы узнали как бы мимоходом, из доклада М. С. Горбачева на декабрьском (1989 года) Пленуме ЦК КПСС. Вот его слова: «Ведь даже на нынешнюю пятилетку намечался прирост национального дохода — не знаю, говорил ли я это на Пленуме ЦК или нет, — в пределах 22 процентов, а расходы на военные нужды — 40 с лишним процентов. То есть даже прирост дохода в значительной мере должен был поглощаться гонкой вооружений.»)

На том же съезде Н. И. Рыжков впервые дал разбивку военных расходов по статьям. Среди них главные: на закупку вооружений и техники — 32,6 миллиарда рублей, на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы — 15,3 миллиарда, на содержание армии и флота — 20,2 миллиарда. Перечисляя отдельно расходы на космос, глава правительства — впервые — сообщил, что на «военный космос» в этом году ассигновано 3,9 миллиарда рублей. С учетом этой добавки наши реальные военные расходы оказались в четыре раза выше ранее объявлявшихся.

Так что и в военной области гласность и открытость наступают, а туман неизвестности и ненужной, пагубной секретности рассеивается. Но медленно, неохотно, с упорными арьергардными боями. Оглашенные данные до сих пор весьма скупы, что дает повод многим западным обозревателям относиться к ним со скептицизмом. Не сообщается о принципах и методике подсчетов. Нет основательной детализации, которая помогла бы ответить на вопрос: что почем? — относительно разных видов вооружений. Даже краткий анализ военного бюджета США, который приводился выше, отличается в этом отношении большей наглядностью и конкретностью. И дело, разумеется, не в том, чтобы подражать или потрафлять за границе, а в отчете перед своим народом. На это он имеет неоспоримое право и должен знать, как в вопросах военного строительства и поддержания обороноспособности утверждается принцип «стоимость — эффективность», неперемнная составная универсального принципа разумности и демократии.

Без качественно нового — и стабильного — уровня гласности и правды в военной области нам нельзя рассчитывать на стабильное доверие к нашей политике в окружающем мире. Но главную ответственность власть несет перед собственным народом. Нельзя говорить о победе нового политического мышления, пока окончательно не будет опрокинут этот столп мышления старого — выходящая за пределы разумного одержимость секретностью. Без этого нельзя говорить и о рациональном ведении дел в стране, рациональной мобилизации сил

и ресурсов на перестройку. Если мы хотим утвердить народ как действительного хозяина, не подлежит сомнению его право через своих полномочных, должным образом избранных представителей проверять, как ведется хозяйство, куда идет наработанное им богатство, каковы истинные расходы по одной из самых крупных статей — по оборонной. Речь идет не просто о бережливости, но о праве народа демократическим путем определять государственные приоритеты — через приоритеты народные, общественные.

Так же как весь прежний, затратный и безответственный, механизм был связан с антидемократической сталинской системой управления, так надежда на создание нового демократического управления государством связана с политической реформой, с передачей власти Советам, с новой ролью нового советского парламента. Не для формы, а по существу высший законодательный орган страны должен взять полномочия контроля над учреждениями власти исполнительной. Но не приходится сомневаться в чрезвычайной трудности такого поворота. Со времени новгородской республики, с которой Иван Грозный расправился так же жестоко, как Сталин с надеждами на народовластие через Советы, все историческое движение России осуществлялось в магистральном русле авторитарности. Авторитарной традицией — много веков, а демократическая едва рождается.

Тем не менее попытка осуществляется. Появились люди, обещающие вырасти в народных представителей нового типа. Они должны быть самостоятельными. Чтобы служить обществу, они должны следовать гласу своего ума и совести. В портфелях и папках наших парламентариев должны, наконец, лежать подробные сведения о том, во сколько обходится нашей стране поддержание обороноспособности, а в составе Верховного Совета, его комитетов по обороне и государственной безопасности, по международным делам должна утвердить себя и научиться эффективно действовать группа хорошо осведомленных депутатов, испытывающих ответственность перед обществом в целом и не «повязанных» интересами мощного, обладающего огромной силой инерции военно-промышленного комплекса.

Примечания

1

Эта оценка 1986 года оказалась близка к официальным данным на 1 января 1989 года (4,258 миллиона), впервые оглашенным М. С. Горбачевым 7 апреля 1989 года в речи в лондонском Гилдхолле.

2

С тех пор дело двинулось и в этом отношении: названия самолета ТУ-160 и танка Т-80 уже встречаются в советской прессе.

Советские военные приготовления в эпоху нового политического мышления

Глубокая переоценка ценностей, происходящая у нас в последние годы, затронула, несомненно, и проблемы безопасности. Шаг за шагом продвигаемся мы сквозь завалы прошлых лет, с огромным трудом постигая реальную картину окружающего нас мира. По вполне понятным причинам надежная оборона — это один из наиболее чувствительных элементов нашей национальной психологии. Однако это и один из элементов, наиболее беззащитно эксплуатируемых административно-командной системой. В самом деле, долгие годы мы жили как бы в осажденной крепости, окруженные со всех сторон, как без конца повторялось нашей пропагандой, жестокими и крайне агрессивно настроенными врагами, ищущими только удобного случая для нападения на СССР. А если так, то вполне естественна и вся организация жизни в стране, соответствующая условиям постоянной осады.

В годы войны был знаменитый лозунг: «Все для фронта, все для победы!» Фактически и все послевоенные годы, пусть это не всегда говорилось вслух, страна жила под девизом: «Все для Вооруженных Сил, все для обороны!» Но никогда даже не делалось попытки соотнести наши представления и существующую реальность, попробовать непредвзято оценить, какова на самом деле степень внешней угрозы и, следовательно, что именно и в каком количестве действительно нужно для обеспечения надежной обороны. И уж совсем невероятной казалась тогда даже сама возможность выявления той суровой истины, что очень многое в наших военных приготовлениях далеко превышало уровень требований самой надежной обороны. Это не случайно: серьезный и объективный анализ хотя бы одной крупной проблемы неизбежно влек за собой длинную цепь размышлений по всем другим ключевым вопросам нашей жизни. Конечно, некоторые особенно явные признаки тупика уже в течение долгого времени проступали все более и более четко. Во-первых, стало ясно, что гонка вооружений совсем не означает более надежной безопасности и что конца ей не видно; во-вторых, осознание гибельности ядерного конфликта означало и очевидную необходимость отказа от привычного представления о военной силе как единственном инструменте обеспечения безопасности; в-третьих, экономика нашей страны явно не выдерживала гонки вооружений, а экономика стран Запада не только не ру-

шилась «под бременем непосильных военных расходов», но, напротив, продолжает, в общем-то, динамично развиваться.

Поиски выхода из этой ситуации не могли начаться без изменений целого ряда фундаментальных положений, в первую очередь в свете наших отношений с внешним миром, роли и места советских военных приготовлений. Все это стало возможным лишь после 1985 года. Новое политическое мышление потребовало и новых подходов к проблемам безопасности, которые, как известно, были сформулированы на XXVII съезде КПСС. Однако понадобилось пройти еще долгий путь к соглашению по РСМД, к венским переговорам, до начала перестройки военных приготовлений на основе принципов оборонительной достаточности.

Понятно, что и до сего времени во всей этой сфере сохраняется немалая доля эклектизма и даже противоречивости. Процесс «замены» старых представлений и принципов другими идет, конечно, сложно и трудно, ибо связан в целом ряде случаев с ломкой многих устоявшихся представлений не только о других, но и о себе.

Свою задачу я вижу в том, чтобы попытаться рассмотреть эту проблему с точки зрения соотношения того, что уже сделано, делается и может быть сделано в будущем, с точки зрения максимального приближения наших военных приготовлений, военной мощи к существующей реальности, их максимального соответствия тем внешним и внутренним условиям, в которых живет страна. Для этого выделено три аспекта анализа: военная мощь и безопасность (та ее часть, которая обеспечивается военными средствами); военная мощь и экономика; военная мощь и внешнеполитическая ситуация. Конечно, все они очень тесно связаны между собой, но тем не менее существует вполне определенная специфика, характерная для каждого из этих направлений.

I

Итак, попытаюсь вначале ответить на вопрос, в какой степени наша военная мощь обеспечивает безопасность страны, ее жизненные интересы, соответствует сложившейся в мире ситуации. Количественные ее параметры весьма внушительны — у нас в строю танков, БТР и БМП примерно столько же, сколько во всем остальном мире, вместе взят, втрое больше многоцелевых подводных лодок, чем в США (и больше, чем у НАТО в целом), в два с лишним раза — самолетов ПВО и тактической авиации и т. д. [по данным «Military Balance 1987—1988»]. Наконец — и это особенно важно, — у нас устойчивый ракетно-ядерный паритет с США. Ни одна страна в мире не имеет подобного «набора», да, честно говоря, и не может иметь. Парадокс в том, что и мы не являемся исключением, имея то, что иметь не в состоянии и что в значительной степени уже не связано с задачей обеспечения безопасности страны, если, конечно, понимать под этим соблюдение основных, жизненных интересов государства, а не обре-

тение превосходства. Получилось так, что мы, давно уже доведя военное строительство до уровня, необходимого для обеспечения безопасности, как-то «незаметно» для себя продолжали следовать дальше по пути наращивания военной мощи.

Сразу же следует подчеркнуть, что ни у кого из серьезных специалистов нет ни малейших сомнений в том, что военная мощь еще долгое время будет элементом, весьма важным для обеспечения национальных интересов нашей страны. Но военная мощь эффективная, разумная, способная видоизмениться в соответствии со стремительно меняющимися условиями. Мы же удивительно неповоротливы, и весьма сомнительно, что сможем быстро перестроиться в этой области без кардинальных реформ.

Попробуем показать, почему это так. Здесь есть несколько «срезов». Один из них — это масштабы и структура наших приготовлений. Пока не было ракетно-ядерного паритета, СССР не имел гарантии безопасности на высшем, стратегическом уровне, вне зависимости от реальности существовавших планов нападения на нас. В тот период можно было хотя бы понять предпринимаемые в военной области усилия. Но паритет был достигнут, и это стало, как было принято говорить, новым этапом в обеспечении обороноспособности страны. Изменилось ли что-либо в наших военных приготовлениях? Увы, нет. Они продолжались в нарастающем темпе, не только по новым, но и по тем же направлениям, что и в «допаритетный» период. Это было, на мой взгляд, тяжким просчетом — и экономическим, и политическим. Такова была логика действий руководства, не мыслящего, по существу, другими категориями. Беда всей страны, что, за редкими исключениями, оно не поднималось до необходимого политического уровня, до способности увидеть те взаимосвязи и взаимозависимости, которые, как оказалось, в очень большой мере и определяют всю ситуацию. По существу, продолжалась гонка танкового, артиллерийского, химического и т. п. «вала», уже ненужная с точки зрения обеспечения безопасности страны, но чреватая тяжелыми последствиями для экономики и, что не менее важно, вполне понятным крайне негативным восприятием на Западе и Востоке смысла и сути наших приготовлений, растущим страхом перед советской военной мощью.

Едва ли теперь кто-нибудь будет отрицать наличие, скажем, в Европе ряда серьезных асимметрий в нашу пользу, включая не только те или иные количественные показатели, но и наступательную структуру вооруженных сил ОВД, их дислокацию и ряд других факторов (об этом уже писалось и западными, и советскими специалистами). Не будем касаться здесь истории с ракетами СС-20, еще одной иллюстрации все тех же представлений о путях наращивания мощи.

В эти же «послепаритетные» годы особый размах приобрело строительство военно-морского флота — фактор, сыгравший, на наш взгляд, весьма существенную роль в том, что можно назвать развитием событий на геополитическом уровне. За 1978—1987 годы мы даже крупных надводных кораблей построили столько же, сколько США, а

многоцелевых подлодок — в два раза больше. Началось строительство новых типов особо крупных кораблей — авианосцев, атомных крейсеров [Soviet Military Power, 1988, pp. 34, 38].

Флот — особый вид вооруженных сил, с наиболее ярко выраженными политическими, «демонстрационными» функциями, идеальное средство того, что на Западе называется «power projection» (проецирование мощи). При этом не оставлялось сомнений, что речь шла о создании флота, способного в океанах противостоять ВМС США и их союзников, действовать на их коммуникациях, а также в отдаленных районах мира с целью решения политических задач. Иными словами, строился флот, нацеленный на обеспечение нашего глобального военного присутствия. Конечно, эта цель нереальна, ни для того времени, ни, замечу, сейчас. Но она не скрывалась, и именно об этом открыто говорили отнюдь не только наши недоброжелатели в странах НАТО, Японии и т. д.

Адмирал С. Г. Горшков характеризовал ситуацию так: «Военно-морской флот обрел способность открыть новые направления борьбы для вооруженных сил, причем те, которые с давних времен считались для нас недоступными» [Г о р ш к о в С. Г. Морская мощь государства. М., Воениздат, 1979, с. 276]. Далее он пишет, что создание советского океанского флота «сопоставимо по значению» с важнейшими событиями недалекого прошлого, оказавшими решающее влияние на мировую политику, такими, как создание в СССР ядерного оружия [там же, с. 411—412].

Утверждалось, что мы стали «самой влиятельной мировой державой» и поэтому совершенно естественно наше стремление вести внешнюю политику, в том числе и военную, на всех направлениях мирового развития.

Спору нет, мы великая страна, и вряд ли нужно доказывать, что имеем и — хочется думать — будем иметь экономические и политические интересы в самых разных частях мира. Но каковы эти интересы и как соотносятся с ними то, о чем говорилось выше? Ведь не зря наши крупнейшие военные деятели А. А. Свечин, М. Ф. Фрунзе, М. Н. Тухачевский подчеркивали, что нам необходим флот, нацеленный на оборону, учитывающий специфику географического положения страны и ее экономической ситуации. Можно возразить, что прошло более полувека и многое за это время изменилось. Да, это так, но одно принципиальное положение сохранилось — мы остались в первую очередь континентальной страной и не обрели таких трансокеанских политических и экономических интересов, которые требовали бы глобализации нашего военного присутствия и создания флота, обеспечивающего его (тем более, что это самая дорогостоящая часть военных приготовлений).

Можно по-разному относиться к американской политике. Целый ряд ее проявлений действительно заслуживает осуждения. Это бесспорно. Но тем не менее американская глобализация военного присутствия отражает существующие реальности, место США в мире и

характер отношений в нем. К сожалению, Советский Союз так и не стал страной с действительно глобальными экономическими связями. Объем внешней торговли СССР (даже в стоимостном выражении, без учета ее характера) многократно уступает соответствующим показателям ведущих стран Запада, не говоря уже о других формах экономического сотрудничества. Что же касается США, их союзников по НАТО, Японии и многих других развитых и развивающихся государств (при всех различиях между ними), то их взаимозависимость огромна и постоянно увеличивается, а океанские коммуникации действительно представляют собой жизненно важные артерии. Любая, пусть гипотетическая угроза воспринимается не только США, но и другими упомянутыми странами как угроза своему существованию.

Наше стремление присутствовать повсюду, даже в Латинской Америке, явилось одним из решающих факторов создания того, что было названо в свое время «совокупной военной мощью империализма» (СВМ). Происходило парадоксальное явление — чем сильнее становился Советский Союз в военном отношении, тем интенсивнее развивались центростремительные процессы внутри СВМ, тем больше потенциальных противников появлялось на горизонте. Очевидно, у них, столь разных, находилось достаточно аргументов, чтобы рассматривать советскую военную мощь как наступательную, нацеленную не столько на защиту собственных глобальных интересов (имея в виду их ограниченный характер), сколько на обретение возможности затрагивать чужие. И, честно говоря, в 70-х годах использование советской военной мощи (непосредственно или «через представителей») укрепляло такое восприятие. Достаточно вспомнить Афганистан, да и не только его.

Но давайте зададимся вопросом: что же происходило в это время с военной угрозой нам со стороны Запада и вообще с ролью и местом военной силы? Может быть, действительно и дальше следовало «не жалея живота своего» продолжать этот курс, опасаясь военной катастрофы образца 1941 года и поэтому, в частности, раздвинув периметр своей обороны до глобальных масштабов? Думается, что ответ на все эти вопросы уже нельзя искать на пути традиционных решений. Произошли глубочайшие сдвиги во всех сферах жизни, в корне изменившие привычные представления и о характере военной угрозы, и о роли военной мощи в обеспечении безопасности.

Основное, что необходимо отметить, — война между Востоком и Западом стала немыслима как сознательный акт. Неотвратимость губительных последствий ядерного конфликта, собственно говоря, и лежит в основе так называемого «ядерного сдерживания». Но с течением времени в ряде регионов и стран земного шара — Западная и Восточная Европа, европейская территория СССР, США, Япония, Китай и т. д. — по мере развития производительных сил, углубления всей системы хозяйственных связей, совершенствования обычного вооружения создалась ситуация, при которой, говоря словами Д. Г. Язова,

массированное применение неядерного оружия также неминуемо приведет к глобальной катастрофе.

Другим важным фактором растущего понимания опасности военного конфликта, бессмысленности гонки вооружений стало проявляющееся во все большей степени сознание целостности мира, в котором мы живем. Экологические и медицинские проблемы не знают границ. В перспективе неизбежно возникновение и других проблем, столь же глобальных. Они, не говоря уже о сохранении жизни на планете, могут быть решены только общими усилиями. По существу, весь цивилизованный мир глубоко осознал новые реальности. Именно способность понять их и действовать в соответствии с ними в огромной степени становится мерилом цивилизованности.

За послевоенные десятилетия произошли глубочайшие изменения в уровне и качестве жизни самых широких слоев населения на Западе. Хорошо известно, что раньше агрессивные войны начинались, как правило, при поддержке значительной части общества, будучи средством обретения жизненного пространства, ресурсов и тем самым решения внутренних острых проблем. Научно-техническая революция в сочетании с гибкой социальной политикой позволила решать большую их часть иначе. Никому уже не приходит в голову ставить знак равенства между размерами территории, наличием ресурсов и благополучием и процветанием государства (увы, во многом в связи с нашим опытом). И уж тем более ни в одной развитой стране нет сколько-нибудь прочной социальной базы для осуществления агрессивных акций, направленных против СССР, вообще для проведения такой политики, которая могла бы привести к большой войне. Здесь сочетание причин — и жесткий контроль законодательных органов над исполнительными, и развитое гражданское общество (поставившее милитаризм под прочный контроль), и осознание смертельной опасности конфликта. Да и, честно говоря, не очень просматриваются мотивы, могущие толкнуть кого-то на военный конфликт с нами, как своего рода отчаянный жест проигравшего: «Пропадать, так с музыкой!» Такая ситуация нереальна.

В силу всего сказанного война для западных стран сейчас возможна лишь как оборонительная. Значит ли это, что нам вообще не нужна военная мощь, не противоречит ли это тому, что говорится в начале статьи? Отнюдь нет, ибо для исключения случайностей, неожиданностей, связанных либо с техническими, либо с политическими, либо с какими угодно другими причинами, мы должны обладать гарантированной способностью нанесения нападающей стороне неприемлемого ущерба.

Совершенно ясно, что мы обладаем этой способностью и поэтому до той поры, пока «действуют» технические принципы, на базе которых создано все существующее вооружение — и ядерное, и обычное, — пока не настал век принципиально иного оружия (об этом ниже будет говориться подробнее), СССР имеет гарантированное «окно неуязвимости», или «период гарантированной военной безопас-

ности». Его протяженность по времени составляет примерно 10—15 лет, после чего может возникнуть ситуация, требующая уже иных критериев оценки.

Не вызывает сомнений — и мы в этом постоянно убеждаемся, — что и на Западе оценивают ситуацию примерно так же. Там, как уже говорилось, не ищут безвыигрышного, губительного конфликта. Поэтому непонятно, исходя из какой логики можно придерживаться точки зрения, что осуждение ядерной войны в политическом лексиконе и военных доктринах Запада — не более чем декларация для успокоения общественности, что никакой сдерживающей роли в военной деятельности НАТО оно не играло и не играет [см.: «Правда», 13 марта 1989 г.], что нам сейчас нужно готовиться к отражению возможной агрессии со стороны НАТО с применением как ядерного, так и обычного вооружения. Конечно, профессиональная ноша военных руководителей очень нелегка. Но, говоря откровенно, в такого рода рассуждениях просматривается явное стремление использовать старые подходы в новой ситуации. А это может крайне неблагоприятно сказаться как на развитии появляющихся сейчас возможностей значительного улучшения всей международной ситуации, так и на решении конкретных задач обеспечения безопасности страны. Очевидно, что такой подаренный нам историей, всей логикой мирового развития «период безопасности» должен быть максимально эффективно использован во всех сферах, включая военную, о которой сейчас идет речь.

Особенно важно так изменить масштабы и структуру нашей военной мощи, чтобы они соответствовали ситуации, реально существующей сегодня, и подготовили ее эволюцию в будущем. Прежде всего, необходимо продолжать перестройку наших вооруженных сил в соответствии с концепцией оборонительной достаточности. Одностороннее сокращение вооруженных сил и обычных вооружений, осуществляемое СССР, бесспорно, приближает нас именно к такому характеру военной мощи. Но у нас, именно в силу упомянутой уже ситуации, задача куда масштабнее. Конечно, переговоры в Вене, как и другие переговоры, имеют очень большое значение. Но Советскому Союзу не следует связывать только с ними свои шаги по оптимизации военной мощи. Многие вещи мы не только можем, но и должны делать в одностороннем порядке с тем, чтобы наша «грандиозная военная машина» стала более современной, компактной и подвижной. В первую очередь речь здесь идет о тех ее явно гипертрофированных частях (танки, артиллерия и т. п.), которые создают асимметрию, ничего не добавляя к нашей безопасности, а в долгосрочном, стратегическом плане серьезно «убавляя». Речь, конечно же, идет и о тех ее элементах (и тенденциях их развития), которые, вольно или невольно, придают советской военной деятельности весьма нежелательные для нас черты. Это прежде всего флот, точнее, часть его состава и оперативной деятельности, ориентированная как раз на выполнение тех функций, которые по «значению сопоставимы» с созданием ядерного ору-

зия, но в отличие от него лишь множат и экономические, и политические трудности. Особенно это относится к авианосцам — оружию для нас разорительному и ненужному.

Наконец, в структуре нашей военной мощи имеются и такие «экзотические», по современным понятиям, элементы, как огромная система противовоздушной обороны страны. Расходы на нее составляют — опять же по западным оценкам — до 15 процентов военного бюджета [Armed Forces Journal International, Oct. 1988, pp. 30—32], а эффективность, как показывает опыт, не слишком велика. Вместе с тем даже ее текущая модернизация поглощает десятки миллиардов долларов. Разумеется, необходимо трезво оценить, в какой же системе ПВО мы сегодня нуждаемся, учитывая решающую роль ракетно-ядерного оружия. Но то обстоятельство, что ракет «земля-воздух» мы производим в семь раз больше, чем США (и в четыре — чем все страны НАТО), и имеем в 30 раз больше истребителей ПВО, чем страны НАТО, само по себе уже говорит о многом. Да к тому же все это вооружение и несколько тысяч радаров обслуживает полмиллиона военнослужащих.

Оптимизация непосредственно связана и с принципом комплектования вооруженных сил и уровнем боевой подготовки. Вряд ли стоит доказывать, что современная, а тем более перспективная техника требует, чтобы успешно пользоваться ею, растущего профессионализма. Сейчас же, по имеющимся западным оценкам, наш танкист имеет в год почти в 10 раз меньший объем боевой подготовки, чем американский (зато танков у нас в 6 раз больше), летчик — почти втрое меньший налет (зато самолетов тактической авиации почти втрое больше) [1987 JCS Net Military Assessment; Beyond the Bean Count, Wash. DC, Jan. 20, pp. 24, 25] и т. п. Если это так, то положение надо менять, начав с самой системы комплектования вооруженных сил и кончая их численностью и структурой. Эффективность — и военная и экономическая — призывной системы неуклонно снижается. Добавлю, что двухразовый ежегодный призыв, ведущий каждый раз к перемещению почти миллиона человек, сам по себе — с учетом национальных проблем — весьма сложное и спорное мероприятие. Можно, конечно, заменить анализ ситуации заявлениями в печати ряда наших военных руководителей, что к защите Родины должны готовиться все граждане, а иначе будет нарушена социальная справедливость. Но от этого острота проблемы не снижается.

Детальный ее разбор не является сейчас моей задачей. Здесь возникает много сложных вопросов, и не о столь милой нашему сердцу простоте и ясности решения идет речь. Но как бы то ни было, надо иметь в виду следующее: в США при переходе к профессиональной армии расходы на содержание личного состава не увеличились (в постоянных ценах 1987 года они составляли в 1968 году 79 миллиардов долларов, в 1988-м — 72 миллиарда). (Рассчитано по данным «The Budget of the U. S. Government» за соответствующие годы.) Что же касается совокупных экономических издержек, то они, несомненно,

стали ниже [U.S. News & World Report, 1984, April 12, p. 67], прежде всего благодаря более высокой квалификации профессиональной армии и качеству подготовки резерва. Поэтому совершенно непонятно, на чем основано мнение, что профессиональная армия будет стоить нам в 5—8 раз дороже призывной. Это возможно только в том случае, если оставить неизменной структуру и масштабы вооруженных сил, количество техники, а заработную плату довести если не до уровня США, то хотя бы западноевропейских стран.

Суть всего сказанного сводится к тому, что нужна глубокая военная реформа, начиная с разработки концепции национальной безопасности, определения роли и места военной мощи в ее обеспечении, оценки реальных угроз сегодня и завтра, выявления того, что в военных приготовлениях Запада связано с Востоком, а что — с проблемами отношений Север — Юг и т. д. Как и во всех развитых странах, военная деятельность, определение ее масштабов, структуры, тенденций развития должны быть прерогативой соответствующих институтов.

Речь идет не о роспуске или сокращении как таковом на 50 процентов (как, впрочем, и на 30 или 70) наших вооруженных сил, не о «моральной демобилизации». Все гораздо сложнее — речь идет о том, чтобы наша военная мощь обеспечивала безопасность страны с минимальными издержками, чтобы ее параметры соответствовали тому новому облику Советского Союза, без которого нам едва ли возможно будет найти себе достойное место в современном мире.

Нельзя не отметить того важного обстоятельства, что США, например, уже начали серьезную перестройку своих вооруженных сил. Речь идет не только о постепенном, но неизбежном в связи с изменениями международной обстановки и бюджетными проблемами сокращении военных расходов [International Herald Tribune, 1990, Jan. 12], но и об изменении всей ориентации военных приготовлений, нацеленных ранее прежде всего на подготовку к противостоянию с СССР, а теперь предназначенных в первую очередь для решения других задач [U.S. News & World Report, 1990, Jan. 8, p. 22] за пределами отношений Восток—Запад.

Определение параметров военной мощи — одна из важнейших задач и военных, и политиков, и экономистов. Новое политическое мышление — в том числе и в военной сфере — это не маниловщина и не принятие желаемого за действительное. Напротив, это, к сожалению, на долгие годы запоздавший, но все же пришедший благодаря общим усилиям «час истины», позволивший нам осознать всю глубину проблем, всю тяжесть их решения. И военная сфера тоже должна стать одной из тех характеристик нашего общества, которые свидетельствуют о силе, разуме, четком выявлении своих интересов и понимании того, что не бессмысленная вражда движет нами, а стремление вместе с другими решать

огромной сложности мировые проблемы, не забывая, конечно, о тех сложнейших задачах, которые накопились дома.

II

Вряд ли есть сейчас среди этих задач более сложная, чем выход страны из экономического кризиса. Поэтому взаимоотношения между военной мощью и экономикой, острые и противоречивые всегда, в последнее время обрели много новых тревожных черт.

В этих взаимоотношениях важны обе стороны — как воздействие военной мощи на экономику, так и экономики на военную мощь.

Во что же обошлось нам создание той мощи, которую мы имеем сейчас, какова плата за то, что мы в одиночку пытались соревноваться чуть ли не со всем миром? Вначале несколько цифр. Валовой национальный продукт Советского Союза примерно в семь-восемь раз меньше того, что имеют США, европейские страны НАТО и Япония. Добавим сюда еще Канаду, Австралию, Южную Корею и некоторые другие страны, имеющие весьма прочные военные связи с Соединенными Штатами, Великобританией и т. п. Попытаемся ввести сюда качественный коэффициент, учитывающий наше угрожающее научно-техническое отставание. По американским оценкам, из 20 наиболее важных базовых областей технологии мы отстаем от США в 14 и лишь в 6 имеем приблизительное равенство [American Defense Annual, 1987—1988, Lexington Books, 1988, p. 65]. А ведь есть еще Япония и Западная Европа.

Таким и предстает реальное соотношение экономической мощи. Полагаю, трудно сомневаться, что речь идет о разрыве, измеряемом порядковой величиной, только боюсь, что перед нулем будет стоять не единица. Здесь явно просится один из главных (хочу подчеркнуть — не единственный) ответов на вопрос, который миллионы советских людей задают себе каждый день: как же могло получиться, что десятки и сотни миллиардов рублей недовложены буквально во все — от железных дорог до здравоохранения? При таком соотношении потенциалов мы произвели за последнее десятилетие танков в 2,2 раза больше, чем все страны НАТО и Япония (и более чем в 3 раза больше, чем США), БМП и БТ — в 2 раза больше (и более чем в 3 раза больше, чем США), артиллерийских орудий — в 4 раза (в 8 раз больше, чем США), на 20 процентов больше самолетов тактической авиации (в 2,3 раза больше, чем США). Выше уже писалось про подводные лодки и зенитные ракеты. Лишь надводных кораблей основных классов мы построили столько же, сколько США, и меньше, чем все упомянутые страны, вместе взятые [по данным Soviet Military Power, 1988, p. 34]. Честно говоря, хотелось бы видеть сведения отечественного происхождения, опровергающие эти цифры, дающие принципиально иную картину. Но их нет, а весь опыт прошлого показывает, что в условиях современных технических средств разведки и

анализа ошибки в такого рода оценках Запада бывают весьма незначительны.

По наиболее распространенным западным данным, военные расходы поглощают 15—17 процентов нашего валового национального продукта (для сравнения — менее чем 6 процентов в США, примерно 3 процента — в Западной Европе, 1 процент — в Японии). Согласно последним нашим официальным данным, военный бюджет в 70,3 миллиарда рублей составляет около 8 процентов валового национального продукта. Однако цифра военных расходов, вне зависимости от того, насколько она точна арифметически, строится, в частности, на той посылке, что наше вооружение многократно (в 9—11 раз) дешевле американского. Это совсем не так. Многие наши «военные промышленники» прямо отмечали: цены на вооружение и технику у нас либо в несколько раз занижены, либо вообще символические. Без общей реформы цен здесь до конца не разобратесь. Приходится лишь констатировать, что ни эти цифры, ни даже другие — западные, куда менее благоприятные для нас, не дают полной картины того бремени, которое лежит на народном хозяйстве. Кроме того, они не учитывают качественную сторону дела.

У нас на военные нужды идут лучшие ресурсы, лучшее оборудование, лучшие кадры. Всему остальному достается второй и третий сорт. Военно-промышленный комплекс привык к тому же жить как бы вне экономических законов — материалы «фондируются», оборудование производится или «достается» за рубежом любой ценой, зарплата тоже часто отличается от общепринятых в народном хозяйстве норм. А устоявшаяся в нашей военной промышленности, да и у потребителей их продукции, привычка, практически не закончив развертывание одной системы оружия, немедленно приступать к созданию системы следующего поколения [Pacific Defence Report. Dec. 1987/Jan. 1988, p. 52] (в отличие от США и других стран Запада, не делающих так из соображений экономии) тоже стоит огромных дополнительных средств, которые, очевидно, до последнего времени никто и не пытался сосчитать.

Попробуем решить простую арифметическую задачу (причем она действительно арифметическая, так как качественные и некоторые другие параметры остаются за ее рамками). В США в 1987 году производством вооружения и военной техники было занято примерно 3,2—3,4 миллиона человек (15—16 % занятых в промышленности, обрабатывающей и добывающей). Предположим, что «на круг» Советский Союз делает всего в два раза больше, чем США, и производительность труда составляет примерно половину от американской. Всего в СССР в обрабатывающей и добывающей промышленности занято 38,2 миллиона человек [Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987, с. 412]. Получается, что около $\frac{1}{3}$ из их числа занято выпуском вооружения и военной техники. Вычтем из общей занятости работающих в добывающей, легкой, пищевой, местной, полиграфической и т. п. отраслях промышленности, не производящих вооружение.

И представим себе, что же в машиностроительном комплексе и химии — основе основ всей экономики, без решительной перестройки которых ничего реально сделать попросту нельзя, — останется на долю «невоенного» сектора! Вот уж действительно остаточный принцип, только в каком-то неожиданном ракурсе, до предела гипертрофированном виде. Вот они — и железные дороги, и здравоохранение, во всяком случае, немалая их часть. Неужели действительно все, что создавали эти миллионы людей, было нужно для безопасности, для обороны, и это после достижения ракетно-ядерного паритета?

Я полностью согласен с теми, кто говорит, что конверсия военного производства сама по себе может и не дать столь желанного экономического эффекта, если она будет проходить как политическая кампания и ее составной частью будет поглощение гражданских отраслей военными. Все это так, нужен точный анализ — какие заводы на выпуск какой продукции переводить, а какие лучше законсервировать, как быть с положением о том, что у нас не может быть избытков рабочей силы, и как обеспечивать ее мобильность, хотя бы отдаленно напоминаящую американскую, как не вызвать дополнительной социальной напряженности и т. д.

Все это, конечно, так. Но совершенно ясно и другое — без решительного сокращения военного сектора экономики, без внедрения и здесь нормальных экономических отношений, какие бы гениальные люди ни проводили хозяйственную реформу и какими бы благоприятными ни были условия для ее проведения, они вряд ли смогут преуспеть в своей деятельности. Следовательно, осуществляя военную реформу, необходимо в полной мере учитывать и это обстоятельство. Осуществляемое сокращение у нас военного производства почти на 20 процентов — это, бесспорно, шаг в правильном направлении. Но только всесторонний анализ ситуации, пересмотр приоритетов в ходе военной реформы позволит создать условия для глубоких структурных изменений в народном хозяйстве.

Однако эта сторона проблемы напрямую связана и с другой — что означает нынешнее состояние экономики для военных приготовлений, особенно для их перспективы, для решения той задачи, о которой уже говорилось выше.

Новый этап научно-технической революции напрочь разрушает сложившуюся «анклавную» систему функционирования военной экономики, включая прежде всего производство вооружения и военной техники и, конечно, НИОКР. Уже достаточно много примеров того, что именно достижения, полученные в гражданской сфере, способны решительно изменить качественные характеристики обычного вооружения, повысить его эффективность в 10—20 раз. Новые области науки — биотехнология, сверхпроводимость, дальнейшие прорывы в создании ЭВМ — открывают такие перспективные направления в создании средств вооруженной борьбы (или того, что их заменит функционально), потенциал которых сейчас едва ли возможно оценить. Широта охвата научно-технической революции, ее стремительное

воздействие на все без исключения сферы деятельности человека неизбежно ведут к тому, что и в военной сфере уже нельзя будет компенсировать качество количеством, а общую отсталость — невероятными организационными усилиями по концентрации материальных и интеллектуальных ресурсов на одном-двух направлениях (как это было сделано в СССР сначала при создании ядерного оружия, а затем — ракетно-космической техники). Вопрос ставится теперь в такой плоскости — либо страна обладает способностью «идти в ногу» с достижениями НТР, либо не обладает. Иных вариантов не существует. Можно, конечно, отставать в чем-то, но если во всем или почти во всем, то нечего и думать о поддержании своей военной мощи на уровне, требуемом в перспективе даже для оборонительной достаточности.

Очень важно четко представить себе новую ситуацию. Наш действительно самоотверженный народ долгие годы был готов к любым материальным жертвам, чтобы обеспечить обороноспособность страны. Не буду касаться той проблемы, что и на нашей — ученых-международников — совести: откуда у людей эта «осадная» психология? Но как бы то ни было, готовность пойти на жертвы эксплуатировалась просто беззастенчиво. Но сейчас необходимо понять всем, что никакие жертвы, никакие материальные лишения в сложившейся ситуации уже не помогут. Более того, как совершенно справедливо замечает Л. И. Абалкин, без повышения общей культуры — человеческого общения, бытовой, инженерной и т. п. — весьма затруднительно иметь специалистов, обеспечивающих современный уровень технологии [«Огонек», 1989, № 13, с. 12]. Понятно, что это относится и к военной промышленности, и к самим вооруженным силам (парадокс — военные издержки страны огромны, а условия службы и быта и рядовых, и офицеров, и их семей чаще всего просто неприемлемы; вот еще одна грань военной реформы). Поэтому низкий жизненный уровень, низкая культура начинают уже сами себя воспроизводить. Это становится серьезным препятствием на пути решения возникших проблем, делающим поиски выхода на экстенсивном пути бесперспективными.

Словом, сейчас окончательно сложилась ситуация, когда экономика является важнейшей составляющей стратегического (в широком смысле этого слова) баланса. Речь идет не просто о зависимости вооруженных сил от экономики, о чем писал еще Ф. Энгельс, а о том, что возникает тревожная ситуация, при которой без резкого ускорения научно-технического развития страны в целом, серьезных позитивных сдвигов в экономике вооруженные силы рискуют оказаться в положении, когда просто не смогут эффективно выполнять свои функции. Поэтому период «гарантированной безопасности» следует использовать и таким образом, чтобы, осуществив глубокий маневр ресурсами, обеспечить необходимый уровень научно-технического развития.

У кого-то может создаться впечатление, что это призыв к гонке вооружений, только в новом качестве, на новом технологическом уровне. Хотел бы пояснить свою позицию. С подобными оценками

моих взглядов мне приходилось сталкиваться несколько лет назад, когда начиналась работа по исследованию «совокупной мощи» и появились первые публикации, суть которых сводилась к тому, что ресурсы Запада и его военный потенциал неизмеримо больше наших. Уже тогда я пытался доказать, что мы — при продолжении прежнего курса — экономически и политически в конце концов сталкиваемся с неразрешимыми проблемами, с объективно превосходящей нас по всем параметрам мощью, а отнюдь не стремился убедить кого-либо, что, выделяя мы на военные нужды еще втрое большую долю от валового национального продукта, все было бы прекрасно. И сейчас речь идет об этом же: нам надо обеспечить лишь такие качественные и количественные параметры военной мощи, которые вписываются в концепцию оборонительной достаточности, — и не более!

И если через какое-то время те, кто будет заниматься этими проблемами, решат, что обстановка изменилась и что приведенная в порядок — дай-то бог! — экономика позволяет снова создать нечто «сопоставимое по значению», это будет непоправимой ошибкой. Результатом может стать лишь новый цикл формирования противостоящей нам совокупной военной мощи — гораздо более «совокупной» и гораздо более «мощной», чем сейчас. Ведь постоянно возрастает степень взаимосвязи между ее потенциальными участниками и увеличивается число тех, кто способен вносить довольно существенный самостоятельный вклад в ее функционирование со всеми последствиями. Право же, об этом не хочется и думать. Ведь это означало бы новый развал в экономике, отказ от столь долгожданного и необходимого с любых точек зрения повышения жизненного уровня ради целей прежде всего ненужных, не говоря уже о том, что и совершенно недостижимых, — завтра еще более, чем вчера и сегодня. Это означало бы, наконец, изоляцию политическую, и, не сомневаюсь, гораздо более жесткую, чем та, с которой приходилось сталкиваться до сих пор.

III

Следующий аспект нашего анализа — военная мощь и внешняя политика. Проблема пропорционального развития военного компонента, одного из трех (экономический, политический и военный), определяющих роль и место отдельных стран и их объединений в мире [см. подробнее «Военно-экономические связи стран НАТО: цели, масштабы, формы реализации». М., ИМЭМО, 1988, с. 222—224], носит отнюдь не теоретический характер. О том, как важно правильное их соотношение применительно к экономике, говорилось выше. Что же касается политического среза, то, по-видимому, пропорциональность или целесообразность уровня развития военного компонента определяется преимущественно тем, насколько масштабы и структура военной мощи соответствуют долгосрочным политическим интересам государства, насколько способствуют (или препятствуют) созданию политически максимально благоприятной окружающей среды.

Японский исследователь Х. Сейки отмечает, что «глобальная милитаризация фокусируется на международной «силовой структуре», в которой враждебность сверхдержав является преобладающей и распространяется на горизонтальные и вертикальные формы борьбы между государствами, охватывая как промежуточные, так и периферийные части мира» [Hirohary Seiki. *The Asia-Pacific in the global Transformation*. University of Tokyo, Institute of Oriental Culture, 1987, p. 35]. Это, к сожалению, довольно точная картина, и место в ней советской военной мощи сегодня четко просматривается. Думаю, что, исходя из долгосрочных политических интересов, нужно в корне менять ситуацию. Военная мощь должна соответствовать геополитическим реальностям. Иными словами, мне кажется очень важным добиваться такого положения, когда советская военная мощь будет направлена не против кого-то, а станет полноправным элементом нашей новой гибкой, но целеустремленной внешней политики, направленной на снижение уровня военной угрозы и создание по-прежнему конструктивных международных отношений.

Очевидно, по-новому должна рассматриваться и проблема союзов. Военная мощь никак не заменяет естественных союзов, то есть построенных на долгосрочной заинтересованности и стабильности и процветании друг друга вне зависимости от степени внешней угрозы. До сих пор все послевоенные союзы (в первую очередь НАТО и ОВД) создавались как раз под воздействием внешней угрозы. Но их разное состояние сегодня и разные перспективы развития в полной мере отражают степень «естественности» каждого из них. Изменения в НАТО проходят хотя не без сложностей (в нем 16 стран), но весьма целенаправленно. Уже ясно, что в будущем будет возрастать политическое значение этого союза. Такой же путь единственно возможный и для Варшавского Договора, если он, конечно, сохранится (что, честно говоря, сомнительно). Своевременная эволюция подобного рода может в новых условиях сыграть очень большую положительную роль. Перестройка в советских военных приготовлениях, конечно, должна будет при таком развитии событий учесть и этот новый облик НАТО. Вообще, военное сотрудничество уже совершенно необязательно представляется неким необходимым «центральным» пунктом совместной деятельности в рамках любого союза. Что будет в ее основе — это уже другая проблема, требующая специального анализа.

Сколько лет мы упорно шарахались от термина «финляндизация». Не знаю, насколько удачен термин, но опыт Финляндии — политический, экономический и другой, — право же, представляется весьма положительным и заслуживающим самого внимательного анализа. Для нас особенно важно иметь в виду и надежность финской границы, гарантирующую нам интересы безопасности, и внутреннюю стабильность этой страны, и отсутствие мучительных проблем (моральных, политических, даже человеческих) в отношениях с ней. Те коренные перемены, которые произошли в восточноевропейских странах, на мой взгляд, делают весьма актуальной задачу перестрой-

ки отношений с ними по этому образцу, конечно, с учетом специфики каждой из них. Собственно говоря, мы можем только выиграть от этого, так как последние события показали: то, что мы имели в Восточной Европе, было не «поясом безопасности», а пороховой бочкой. Финляндия — едва ли не единственный пример нашего действительно разумного подхода в прошлом к решению задачи обеспечения своей безопасности через отношения с другими странами. И поэтому, наверное, столь контрастный по отношению к остальному и — увы — горькому привычному опыту.

Одним из очень важных с точки зрения внешнеполитических интересов страны моментов является осознание того, что далеко не все и не всегда, что делается в мире в военной сфере, направлено против нас, в расчете на нас или связано только с нами. Такое представление — своего рода анахронизм, рудимент двухполюсного мира, который безвозвратно канул в прошлое. Тогда действительно было так — всегда или почти всегда. Воспринимать же ситуацию подобным образом сейчас — значит игнорировать многие реальности.

Например, уже совершенно справедливо отмечалось, что западноевропейская военная интеграция (не касаясь здесь других ее характеристик) связана отнюдь не только с отношениями по линии Восток—Запад, но и Запад—Запад, а кроме того — во все возрастающей степени — Север — Юг. Именно этой «линией» будет определяться в перспективе возможный нижний предел военной деятельности стран Западной Европы [МЭ и МО, 1989, № 2, с. 106—107].

Серьезной переоценки требует и положение в АТР. Разумеется, американское военное присутствие в этом регионе может дать повод для определенной тревоги. Но, на мой взгляд, если смотреть на вещи трезво, то она вполне «покрывается» теми сдерживающими возникновение любого крупного конфликта факторами, о которых уже говорилось. В самом деле, трудно представить себе, что на Западе не готовится агрессивная война, а на Востоке — готовится. Совершенно очевидно, что при таком положении дел Европа или, наоборот, Япония оказались бы просто в положении заложников. Надо учитывать и другое. Совершенно прав Я. Накасонэ, когда определяет военный баланс в АТР как восточную миниатюру — «несколько тонких и неопределенных штрихов с пустым пространством между ними» [Economist, Dec. 24, 1988] (в отличие от четко сформулировавшейся ситуации в Европе). По мере стремительного развития той или иной страны в АТР может возникнуть множество разных вариантов для заполнения этих пустот. Важно ли здесь поддержание стабильности? Крайне важно. Но дело в том, что существенную роль в этом плане как раз и играет американское военное присутствие, кстати, также сокращающееся. Об этом прямо говорит, например, премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю. Нельзя игнорировать и точку зрения, согласно которой образование «вакуума» в АТР могло бы означать быстрое удвоение и даже утроение военных расходов Японии. А это в свою очередь с учетом общей картины в регионе могло бы привести к нара-

станции нестабильности. Так что же для СССР опасней? Что считать реальной угрозой? И надо ли нам пытаться во что бы то ни стало заполнить пустоты в военном балансе?

Судя по всему, можно утверждать, что наша военная мощь в АТР должна гораздо больше соответствовать тем позициям, которые мы занимаем в этой части света.

Конечно, приведенными примерами список ситуаций, требующих нового подхода к оценке влияния внешних факторов на военные приготовления СССР, отнюдь не исчерпывается.

Итак, вот еще одна область, где надо отказываться от стереотипов, делая это, конечно, без шараханья из одной крайности в другую, но четко представляя себе соотношение плюсов и минусов.

Непосредственно к этой примыкает и еще одна проблема — в какой мере военная мощь может компенсировать другие «компоненты влияния» и служить основой для долгосрочного укрепления позиций в мире. Наш опыт 70-х годов создал, судя по всему, весьма искаженное представление о ее возможностях. Одно время казалось, что найдено верное средство укрепления нашего влияния — непосредственно или через «представителей». Но настал срок, так сказать, платить по счетам. И с каким же невероятным трудом осуществляется эта «плата»! Урок нужно запомнить — военная мощь никак не заменяет экономические и политические средства и в конечном итоге в наше время является средством с весьма ограниченными возможностями во внешнеполитическом плане. Необходимо делать и дальнейшие практические выводы из того, что произошло, а это значит — сокращать не только военное присутствие, но и торговлю оружием. Даже сиюминутные выгоды от нее сомнительны, а общие потери — экономические и политические — огромны. То, что Советский Союз — крупнейший поставщик оружия в мире, не делает нам чести, не усиливает нашего влияния и не прибавляет надежных друзей. Ибо им нужно не только оружие, но и займы, технология, продовольствие. Хотя, честно говоря, продажа оружия и лицензий для его производства должна быть исключена (кроме каких-то особых случаев) из этого перечня пока не поздно, пока ситуация окончательно не вышла из-под контроля.

Это еще одна грань нашей военной реформы и еще один очень важный пункт в повестке дня переговоров с Западом.

Говоря о проблеме «военная мощь и внешняя политика», неизбежно сталкиваешься с тем, что послевоенная эра закончилась.

Бесспорно, создалось принципиально иное экономическое, политическое и военное «пространство» (кстати говоря, оно само во многом — результат войны), в котором деление на победителей и побежденных уже имеет весьма условный характер хотя бы потому, что совсем не адекватно более понятиям «сильный» и «слабый» в той их современной интерпретации, которая обязательно включает в себя категорию экономического процветания и научно-технического лидерства. Полагаю, что новый период, когда появилась и закрепились

эта неадекватность, начался тогда, когда достигла точки необратимости западноевропейская интеграция и стремительно вырвалась вперед Япония и появились другие новые полюса роста в мире.

Поэтому и военная мощь, в течение десятилетий формировавшаяся у нас — да и на Западе — по «послевоенной» схеме, неминуемо должна претерпеть серьезные структурные и векторные изменения.

Что же главное в этой мощи, необходимое ей для обретения органичности? Думаю, ответ уже существует — оборонительная достаточность. Причем оборонительная достаточность, построенная не только на новом требуемом числе дивизий, техники и т. п. Это, конечно, очень важно. Но, как показывает история, ни одно правительство, ни один генеральный штаб с начала века не сумели ни точно подсчитать, какие же силы действительно требуются, ни правильно оценить политическую ситуацию, то, как вписываются в нее, как влияют на нее военные приготовления. Поэтому речь должна идти об оборонительной достаточности, в которой перестройка вооруженных сил находится в полном единстве с важнейшей реальностью нашего времени — невозможностью, бессмысленностью, преступностью военного конфликта между Востоком и Западом. Более того, она должна исходить из того, что коренная задача — уход от деления на Восток и Запад, достижение нашей максимальной экономической, политической и военной совместимости с развитыми странами.

Я не принадлежу к числу оптимистов, считающих, что в обозримой перспективе на земном шаре воцарится мир и покой. Вероятно, предстоит еще долгий и извилистый путь. Поэтому так важно, чтобы и при решении уже существующих острейших глобальных проблем, и при возможных обострениях ситуации наша страна выступала как полноправный, активный участник сообщества многих высокоразвитых стран, включающего и военные аспекты его деятельности. Я бы не исключил и какую-то форму нашего участия в НАТО.

Период гарантированной безопасности необходимо использовать во внешнеполитической сфере для того, чтобы осуществить эту, если угодно, «интеграцию», решительно изменить характер взаимоотношений. Тогда все развитие в ходе и за пределами 10—15-летнего отрезка времени будет выглядеть иначе, а расширению (причем на постоянной основе) границ безопасности будут способствовать не только наши внутренние усилия, а которых говорилось выше, но и изменение нашего международного статуса. Военная мощь должна способствовать, а не препятствовать достижению этой цели. Иначе может создаться впечатление, чреватое тяжелыми осложнениями, о некоей самостоятельной политической функции военной мощи, что, конечно же, недопустимо.

Еще сравнительно недавно борьба двух систем считалась основным содержанием эпохи, а классовый характер внешней политики заводил нас в непролазные джунгли (и в буквальном, и в переносном смысле). И главным, а потом практически единственным инструментом этой борьбы и этой внешней политики являлась военная мощь. К

счастью, мы успели понять, что это — путь в никуда, а наша страна заслуживает лучшей участи. Вот еще одно доказательство того, что необходима глубокая военная реформа.

* * *

Итак, военная мощь — сколько, какая, зачем? Понимая, что ответы будут, конечно, неполными и далеко не все согласятся с ними, предложу все же свой вариант. Сколько — не более уровня, необходимого для защиты жизненных интересов страны в соответствии с характером реальных угроз и экономических возможностей в условиях перехода к принципам оборонительной достаточности и отсутствия и у Запада и у Востока политических, экономических и иных намерений и мотивов для вступления в самоубийственный и бессмысленный конфликт. Какая — гибкая, мобильная, ориентированная на качество, с четко выраженными приоритетными направлениями развития, способная быстро реагировать на изменения ситуации. Зачем — для обеспечения всестороннего участия страны в процессах мирового развития, поддержки основных направлений внешнеполитической деятельности.

Бесспорно, осуществить военную реформу непросто. Но и не сложнее, чем реформы политической системы и экономики, тем более что все они тесно взаимосвязаны. Для нее складываются благоприятные внешние условия. Сокращаются военные расходы США, все больше положительных изменений происходит в Европе и в Азии. Все в этом мире неоднозначно, но дальнейшие шаги СССР в избранном направлении должны ускорить позитивные перемены сегодня и обеспечить нам прочные позиции завтра.

Самый большой риск сейчас — это ничего не менять, остановиться, решив, что сделано уже достаточно. Ведь есть и такая, весьма популярная точка зрения. Кто-то из великих политиков прошлого сказал, что самое неприятное — это принимать решения, а самое опасное — не принимать их. Сейчас наша страна имеет уникальный и, очевидно, последний шанс для того, чтобы стать вновь органичной частью цивилизованного мира. Надо использовать его на все сто процентов.

Ленинизм в контексте мирового развития

Пройдет еще немало времени, прежде чем будет написана правдивая история общественной мысли XX столетия. Пока что в процессе овладения новым политическим мышлением мы только подошли к пониманию, что ни одно из идейных течений нашей революционной эпохи не может претендовать на исчерпывающее объяснение логики происходящих глубоких перемен в самом способе жизнедеятельности мирового сообщества. Необходимо синтетическое осмысление нашего целостного и взаимозависимого мира, охватывающее все многообразие идейных течений и позиций.

И все же, к каким бы выводам ни пришли историки будущего, они всегда будут отмечать огромное воздействие Ленина на общественное сознание человечества. В его идеях наиболее полно воплотилась леворадикальная интерпретация марксизма применительно к революционным событиям мировой истории первой четверти века. Тогда многим казалось, что человечество находилось на пороге эры всемирного торжества социализма. Этот взгляд закрепился на долгие годы, и ленинизм с этой точки зрения воспринимался как воплощение марксистского учения, как марксизм современной эпохи. Сегодня, на исходе века, мы стали мудрее и понимаем, что путь к социализму гораздо сложнее и продолжительней, чем представлялось прежде, а опыт революционных потрясений и прорывов, обобщенный в ленинском учении, — лишь начало многоэтапного исторического процесса.

* * *

На исходе XX века человеческое общество оказалось в потоке перемен, поистине беспрецедентных по глубине и стремительности. Технологическая революция изменяет фундамент общественного бытия человечества, характер труда, место человека в производственном процессе. Быстрые качественные преобразования претерпевает социальная структура современных обществ, кардинально меняется весь образ жизни людей, их сознание, психология. Мировое сообщество столкнулось с острейшими глобальными проблемами, затрагивающими самые основы его существования. Перед лицом этого вызова, пожалуй, впервые в истории человечество начинает по-настоящему сознавать свою родовую общность, приоритет общечеловеческих цен-

ностей над социально-классовыми и национально-государственными. Происходит фундаментальная и часто мучительная переоценка ценностей, переосмысление сущности и критериев общественного прогресса.

Естественно, по-новому видится и роль В. И. Ленина как крупнейшего политического деятеля и мыслителя XX века. Заново вдумываясь в его идейное наследие, мы вносим коррективы в свои оценки. Вокруг этих вопросов разгораются жаркие споры. Особую остроту им придадут перипетии советской перестройки, драматические события в странах Восточной Европы. Ведь долгие годы утвердившиеся там авторитарно-бюрократические режимы освящались именем Ленина. Поэтому их быстрое крушение наряду с кризисным состоянием советского общества породило сомнения и даже смятение в умах. Возникло сильное стремление перечеркнуть историческую значимость ленинских идей, доказать бесперспективность вытекающих из них представлений о социализме, путях его становления и развития.

Такова неизбежная реакция на многолетние попытки догматизировать Ленина, поставить его над временем, превратить его идеи в непререкаемые каноны, пригодные на все случаи жизни. Такова реакция на вульгаризированную модель ленинизма, искусственно созданную в целях апологетики авторитарно-бюрократического социализма, уходящего ныне с арены истории. Критики Ленина стремятся отождествить его наследие с этой извращенной сталинистской моделью. Именно таков смысл концепции, изложенной в недавно вышедшей книге американского профессора З. Бжезинского «Большой прорыв. Рождение и смерть коммунизма в XX веке». Вывод автора однозначен: причины нынешнего кризиса, переживаемого социализмом, коренятся не в сталинизме, а в ленинских идеях. По его мнению, только полный отказ от ленинского наследия в состоянии обеспечить успех происходящей в советском обществе перестройки.

Играя на полуправде, на критике упрощенческих стереотипов ленинизма, нас призывают разорвать нити исторической преемственности с идеями российской революции, аккумулированными в ленинском наследии. Как будто не было великого прорыва в новом направлении истории. Попыткам вытолкнуть ленинизм на обочину мирового прогресса должна быть противопоставлена полная историческая правда. А это невозможно с догматических позиций вчерашнего дня. Необходим новый взгляд на Ленина, соотношенный с уроками истории, с нынешними реальностями, с перспективами развития социализма. Только на этом пути можно избавиться от тенденциозной идеологической мифологии и понять истинное место Ленина и его наследия в современной истории.

Прежде всего, Ленин на протяжении своей жизни не оставался одним и тем же. Более четверти века в его творческой лаборатории концентрировалось и с марксистских позиций обобщалось, теоретически осваивалось все богатство исторического опыта первой четверти XX века. Это был опыт глубочайших революционных перемен начав-

шейся новой эпохи всемирной истории. В ленинизме отразились крупномасштабные повороты общественного развития того времени: вступление капитализма в монополистическую стадию развития, обострение всей системы его противоречий, мировая империалистическая война, подъем рабочего движения, Октябрьская революция 1917 года, гражданская война в России, трудный поиск пути социалистического развития. Общественная практика, насыщенная значительными событиями и спрессованная во времени, непрестанно давала мощные импульсы теоретической мысли Ленина, держала ее в постоянном творческом напряжении. За сравнительно короткий отрезок времени, отделявший ранние труды Ленина от его политического завещания, его взгляды претерпели значительную эволюцию, вобрав в себя многообразие исторического опыта революционной эпохи.

Поэтому Ленин чрезвычайно многогранен. В его трудах не так уж трудно найти цитаты, которые, будучи вырваны из исторического контекста, служили бы оправданием любого политического курса. Эта многогранность требует соотнесения ленинских идей с конкретными условиями и не позволяет использовать их в качестве застывшего свода неизменных нормативных постулатов. Сам Ленин решительно выступал против подобного подхода к ним. Достаточно вспомнить, как резко критиковал он тех старых большевиков, которые после Февральской буржуазно-демократической революции не поняли изменения обстановки и продолжали повторять лозунг диктатуры пролетариата и крестьянства, выдвинутый Лениным в иных условиях. Общие формулы теории, отмечал он в этой связи, способны «в лучшем случае лишь намечать общие задачи, необходимо видоизменяемые конкретной экономической и политической обстановкой каждой особой полосы исторического процесса» [Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 132].

Единственный способ научного истолкования ленинского идейного наследия заключается в том, чтобы рассматривать его в развитии, в органической связи с динамикой общественной среды, в которой он жил и действовал, с состоянием и деятельностью общественно-политических сил в России и на мировой арене.

Теоретически такой подход сейчас общепризнан. Под этим углом зрения произошли заметные сдвиги в оценке ленинского наследия. Можно констатировать, что мы ушли от примитивного идеологического преформизма, согласно которому уже в ранних работах Ленина содержались в зародыше все более поздние идеи. Оставалось только конкретизировать и раскрывать их применительно к новым условиям. Мы ушли и от прямолинейного талмудистского цитирования ленинских произведений ради оправдания текущей политической конъюнктуры.

В последние годы мы осознали всю важность принципа историзма в оценке эволюции ленинских представлений о социализме. Многое из того, что говорилось Лениным о социализме в дооктябрьский период, не выдержало испытания практикой. Напротив, на базе живого

опыта в начале социалистического строительства родились новые идеи, качественно изменившие представления Ленина о социализме и, можно даже сказать, заложившие краеугольный камень новой концепции, освобожденной от иллюзий и заблуждений предшествующего периода.

В те же годы наметились существенные изменения во взглядах Ленина на мировое развитие. Он уловил признаки стабилизации капитализма, указал на объективную необходимость экономических связей между капиталистическими странами и Советской Россией, осознал потребность крупного поворота во всей политике коммунистического движения. Поиски последних лет жизни свидетельствуют о поразительной чувствительности Ленина к динамике мировых реалий, его неподражаемой способности реагировать на эту динамику переменной точкой зрения на принципиальные вопросы теории. Неисторично не замечать этих поисков и перемен во взглядах. Но так же неисторично подгонять ленинскую концепцию мирового процесса под современность.

Ленин увидел, что развитие страны и мира в целом пошло не по той теоретической схеме, которая выдвигалась радикальными марксистами в период октябрьского переворота и сразу после него. Но у него еще не было достаточно эмпирического материала для выработки новой целостной системы теоретических представлений о только еще обозначавшихся более сложных путях мирового прогресса. А главное, те реальности, которые диктуют необходимость нового видения ленинизма, появились гораздо позднее; многие из них рождаются только сегодня и еще далеко не осознаны нами.

Имя Ленина неотделимо от Великой Октябрьской социалистической революции — поворотного события всемирной истории. Этим и измеряется его огромный вклад в марксистскую теорию и политику. Перечеркнуть этот вклад невозможно. Ленинизм был и остается великим завоеванием теории и практики мирового освободительного движения. Претерпевает изменение другое: сам масштаб оценки ленинского наследия. Вначале казалось, что Великий Октябрь — начало мировой революции, которая в обозримый исторический срок одержит всемирную победу. Теперь же, на исходе столетия, теоретически осознана наивность таких представлений. Переход человеческого общества к социализму — гораздо более длительный и сложный процесс, чем это казалось прежде. Октябрьская социалистическая революция — первый акт исторической драмы, охватывающей весьма продолжительный период времени, на протяжении которого человеческая цивилизация претерпевает глубокие качественные изменения. Преобразуются и условия реализации социалистических целей.

* * *

Ленин, как и другие исторические деятели, — дитя своего времени. И дело не только и не столько в том, что ему, как и всем людям,

126

присущи были заблуждения, ошибки, иллюзии, которые он сам не раз критически анализировал на протяжении своей жизни, начиная с критики программы отрезков в сфере аграрной политики и кончая пересмотром ряда принципиальных постулатов концепции социализма. Дело прежде всего в том, что в ленинском наследии нашли выражение черты и тенденции определенного исторического периода, который можно назвать периодом раннего монополистического капитализма. Он характеризовался крутыми сдвигами в экономических и социальных структурах, резким обострением социально-классовых и межимпериалистических противоречий, высокой степенью политической нестабильности и ростом массовых революционных настроений. В классовых взаимоотношениях доминировала политическая культура конфронтационности. В России эти особенности дополнялись полукрепостническими способами эксплуатации масс и деспотическими формами политического насилия.

Конфронтационная культура стала доминантой первого прорыва капиталистической системы. А поскольку этот прорыв воспринимался как начало близкого конца всей системы капитализма, то некоторые специфические черты и формы раннего периода социалистического движения стали трактоваться как общие и безусловные. При таком подходе содержание ленинской политической философии было сведено к незабываемым идеологическим стереотипам, представлявшим собой абсолютизацию ленинских положений, относившихся к вполне определенному периоду политической истории страны. Так именно произошло с той жесткой теоретической моделью партии нового типа, которая была создана на основе положений ранней работы Ленина «Что делать?». В ней подвергается критическому анализу теория стихийности рабочего движения, доказывающаяся необходимость внесения в него социалистического сознания. Функцию соединения революционной теории с рабочим движением призвана выполнить хорошо организованная авангардная партия. Учение о партии нового типа стало альфой и омегой идейно-политического кредо международного коммунистического движения. Ленинские идеи, положенные в основу этого учения, были вполне адекватны состоянию рабочего движения в начале XX века. В канун надвигавшегося революционного периода оно нуждалось в осознании своих классовых задач, в четко сформулированных программных целях. Ощущалась потребность в авангардной партии революционного действия, способной стать интеллектом массового движения. Эта потребность была особенно острой в России, где высокий накал классовых противоречий сочетался с экономической и культурной отсталостью, придававшей массовому движению преимущественно стихийный характер. Революционный прорыв к социализму был возможен только через внесение социалистического сознания в рабочее движение извне, через политическое лидерство авангардной марксистской партии.

Позднее модели авангардной партии, концентрировавшей в себе сознательное начало рабочего движения, связанной строгой дисципли-

линой и централизованной структурой, было придано всеобщее значение, обязательное для любой коммунистической партии, в каких бы условиях она ни действовала. Партия нового типа стала рассматриваться как хранитель истины, способный если не исключить всякую стихийность из рабочего движения, то, во всяком случае, преодолеть ее, подчинив движение своей воле. По сути эти представления противоречат исходным принципам марксистского понимания социализма. Как известно, основоположники марксизма подчеркивали, что социализм для них не состояние, которое навязывается действительности, и не идеал, с которым она должна сообразовываться, а реальное историческое движение. Возведение в ранг всеобщей модели партии того типа, который отвечал конкретным условиям революционного периода начала XX века и соответствовавшей ему конфронтационной политической культуре, таило в себе опасность волюнтаристского подхода к самому способу реализации социалистической идеи. Подход этот нашел наглядное выражение в одном из лозунгов послеоктябрьского периода — «Железной рукой загоним человечество к счастью!».

От подобных представлений всего один шаг до понимания партии как ордена меченосцев, в котором царит всеобщее повиновение, а толкование истины сосредоточивается на самом верху иерархической лестницы. Этот шаг и был сделан Сталиным, который, исходя из расширительного и внеисторического толкования ленинских положений, сконструировал модель авангардной партии мессианского характера, поставленной над массовым движением и ставшей ядром авторитарно-бюрократической системы.

Примечательно, что сам Ленин обычно соотносил идеологическую функцию партии с состоянием массового движения, подчеркивал значение обучения его на собственном политическом опыте. Он отмечал, что партия выражает то, что народ сознает. Разумеется, партия объединяет наиболее сознательную, мыслящую часть своей массовой базы. Но она отнюдь не монополизирует функции сознательного субъекта по отношению к массовому движению, а находится во взаимодействии с ним. Опыт массового движения становится для партии источником идей и представлений о том, куда идет развитие, какие рождаются формы общественных отношений. И чем выше общий уровень движения, тем в большей степени оно питает идеологическую жизнь партии, ее теоретическую деятельность.

Нынешняя действительность убеждает, что для реализации целей демократического и гуманного социализма нужна передовая политическая партия, существенно отличающаяся от того стереотипа авангардной партии, который сформировался в общественном сознании в годы сталинизма и выдавался за «партию ленинского типа». На нынешнем этапе исторического развития партии, соответствующие этому стереотипу, переживают кризисное состояние. Потребностям демократического и гуманного социализма отвечает партия, освобожденная от претензий на непогрешимость и политический монопо-

лизм, являющаяся горнилом переплавки и обобщения многообразного исторического опыта массового творчества. Такая партия не может и не должна быть монолитной. Ее постоянное взаимодействие с различными слоями общества, непрерывное биение в ней теоретической мысли предполагают в рамках демократического единства наличие и сопоставление различных точек зрения, различных политических платформ.

Подобные качества вполне отвечают демократическим традициям истории рабочего движения и могут открыть коммунистическим партиям путь к выходу из нынешнего трудного положения, путь к возрождению мирового социалистического движения на современной основе.

* * *

Влияние конфронтационной политической культуры раннего революционного периода на радикальную марксистскую мысль сказалось и в другом: в преувеличении роли насилия, в расширительном толковании смысла диктатуры пролетариата. Высказанная впервые Марксом и Энгельсом, эта идея имела вполне определенное содержание: необходимость революционной диктатуры, т. е. политического господства пролетариата, на протяжении сравнительно кратковременного переходного периода, характеризующегося высоким напряжением классовой борьбы. В ленинских трудах диктатура пролетариата приобрела значение главной идеи марксизма, важнейшего критерия революционности. Эта идея действительно отражала условия революционного подъема периода раннего монополистического капитализма, когда открывался реальный шанс социалистического прорыва. Без диктатуры пролетариата, притом нередко в суровых формах, рассчитывать на победу революции не приходилось. Однако идея, верная для определенных исторических условий, была возведена в ранг общей закономерности социалистической революции. Она стала трактоваться как всеобщая формула о диктатуре пролетариата, подразумевающей власть, не связанную никакими законами и подерживаемую насилием [см.: Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 245].

Расширительный смысл понятия диктатуры пролетариата породил реальную возможность использования его для оправдания произвола власти и насилия, противоречивших природе социалистического общества. Это обстоятельство сыграло свою негативную роль в утверждении сталинского деспотизма, а затем и в идеологическом обосновании массовых репрессий 30-х и более поздних годов.

Сказанное не означает согласия с утверждением, будто тоталитарная сущность сталинизма неизбежно вытекала из ленинских идей. Нельзя забывать, что представления Ленина о диктатуре пролетариата отражали конкретные условия периода обостренной классовой борьбы, который, как он полагал, должен был в недалекой перспекти-

ве завершиться победой мировой революции. В апреле 1919 года Ленин говорил: «...Теперь только несколько месяцев отделяют нас от победы над капиталистами во всем мире» [Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 295]. А летом того же года он заявлял: «...Следующий июль мы встретим победой международной Советской республики» [Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 89]. С этой точки зрения и диктатура пролетариата представлялась недолговечной. Когда же к концу жизни Ленин начал сознавать, что переход к социализму будет продолжительной исторической эпохой, в его теоретических исканиях наметился явный поворот к исследованию демократических механизмов развития советского общества и самой партии. К сожалению, для обстоятельного обоснования этого поворота у Ленина уже не оставалось времени, а высказанные им на этот счет мысли не были должным образом поняты и оценены. В партии возобладала инерция привычных идей, выросших на почве конфронтационной политической культуры и вошедших в плоть и кровь партийной идеологии.

Оборотной стороной расширительного толкования диктатуры пролетариата стало зауженное понимание демократии. Она рассматривалась лишь как политическая форма государства. Внимание акцентировалось на классовой сути буржуазной демократии как демократии формальной, прикрывавшей диктатуру буржуазии. В этих взглядах опять-таки отражались реальности острой классовой конфронтации, присущей периоду раннего монополистического капитализма. Реальности того времени, но не всей эпохи становления социализма. Только сегодня мы пришли к осознанию содержания и значения тех общечеловеческих ценностей, которые воплощаются в демократических завоеваниях рабочего движения, в практике правового государства капиталистического общества, в преемственной связи этих завоеваний с народовластием социалистического общества. А тогда, после острого противоборства с контрреволюцией, ограничительное понимание природы демократии, абсолютизация идеи диктатуры пролетариата не позволили верно оценить новую ситуацию, помешали советскому обществу совершить безболезненный и своевременный переход от гражданской войны к гражданскому миру, способствовали утверждению в нашей стране авторитарно-бюрократического варианта государственного социализма.

Политическая культура конфронтационности, характерная для периода раннего монополистического капитализма, наложила свою печать на все общественное сознание рождавшегося общества раннего социализма: примат партийно-классового подхода к философии, принцип партийности в искусстве и литературе, нетерпимость к религии, которая, как мы убедились, имеет большое значение в истории культуры и нравственности.

Ленин ушел из жизни, когда лишь начали обнаруживаться исторические границы политической культуры классовой конфронтационности, в традициях которой формировались и развивались его взгляды. Он заметил первые признаки перемен, реагировал на них,

но не успел придать необходимую определенность наметившемуся повороту в развитии теоретической мысли. После Ленина работа в этом направлении не была продолжена. Напротив, началась канонизация ленинского наследия в традициях конфронтационной культуры без сколько-нибудь серьезного учета провидческих размышлений, сохранившихся в политическом завещании. Этот процесс консервации марксистской идеологии распространился и на международное коммунистическое движение, помешав Коминтерну вовремя увидеть изменявшиеся мировые реальности.

* * *

Понимание исторических рамок той политической культуры, в которой рождался ленинизм, дает новую систему отсчета для оценки идейного спора между Лениным и Каутским. Конечно, в момент резкого обострения борьбы за власть в русской революции, в обстановке назревания европейской революционной ситуации центристская концепция Каутского, его иллюзии о мирном завоевании власти рабочим классом через парламентские процедуры, о возможности классового примирения были серьезной помехой для решения практических задач российской революции, для развития интернациональной солидарности с нею рабочего класса западноевропейских стран. С этой точки зрения понятны резкий полемический тон и бескомпромиссность спора Ленина с Каутским. Однако с учетом нынешних представлений о переходе человеческого общества к социализму нельзя не видеть, что Каутский усмотрел действительную опасность недооценки для рабочего движения и борьбы за социализм значимости демократических ценностей и институтов, сложившихся в буржуазном обществе.

В более широкой системе исторических координат, охватывающих все нынешнее столетие, по-видимому, правомерен вопрос и о новой оценке Э. Бернштейна, который в нашей литературе выведен за скобки марксистской традиции и рассматривается исключительно в качестве объекта для опровержений ревизионизма. Свообразный ренессанс Бернштейна на Западе, по-видимому, не случаен. В долгосрочном плане в его идеях отразились некоторые существенные тенденции экономического и социально-политического развития капитализма и рабочего движения в XX веке.

Сильная сторона Ленина как политического мыслителя заключалась в том, что он всегда держал руку на пульсе практической политики. Его теоретическая мысль развивалась в органической связи с практикой рабочего движения, чутко реагируя на ее назревшие потребности. На крутом повороте истории Ленин точно уловил признаки надвигающихся революционных потрясений и адекватно сформулировал и теоретически обосновал задачи рабочего движения в новых условиях. В этом заключалась правота Ленина по отношению к Бернштейну, который не понял специфики условий революционного пе-

риода и потому не мог дать ответа на вопросы, выдвигавшиеся политической практикой. На пороге революционной эпохи у него не было никаких шансов одержать верх в идеологических дискуссиях марксистов. В отличие от Ленина он принадлежал к тому типу мыслителя, который далек от практической политики и сосредоточен на анализе тенденций, зарождающихся в недрах общества, но еще не определяющих его развитие на ближайшую перспективу.

В условиях надвигавшихся революционных перемен, неизбежности которых он не сознавал, Бернштейн шел против течения. Объективно он мешал рабочему движению и был им отвергнут. Однако в отдаленной перспективе Бернштейн раньше других увидел возможные, весьма существенные для социалистического движения последствия еще только зарождавшихся тенденций общественного развития. Он указал на возможность серьезной модификации капитализма, отметил, что изменения в социальной структуре капиталистического общества ведут не к поляризации классов, а к возрастанию удельного веса средних слоев, высказал мысль о том, что классовая диктатура возникает на почве недостаточности развитой политической культуры. Бернштейн предупредил опасность социалистического обобществления, отвергающего принцип «личной хозяйственной ответственности всех административных единиц, равно как и всех совершеннолетних граждан». Без основанного на этом принципе разветвленного самоуправления, писал Бернштейн, «так называемое присвоение средств производства имело бы своим вероятным последствием лишь безмерную трату производительных сил, бессмысленное экспериментирование и бесцельное насилие» [Б е р н ш т е й н Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. Пб., 1906, с. 171].

Конечно, выводы Бернштейна по большей части были результатом довольно далекого от политической практики теоретизирования. Трудно представить себе, чтобы многие его предсказания могли реализоваться, не будь тектонических сдвигов, происшедших в мировом сообществе в результате революционных потрясений начала века, значение которых Бернштейн не оценил и против которых он выступал. Однако в общем контексте развития социалистической мысли XX века Бернштейну следует отвести подобающее ему место.

Вряд ли было возможно в начале столетия предвидеть всю сложность и противоречивость перехода человечества к социалистическим формам организации общества. Ленин и созданная им партия большевиков нашли основное для того времени направление деятельности, открывшее перспективу революционного прорыва к социалистическим целям. На этом направлении ленинизм органично вписался в историю социалистического движения, высветив своим опытом необходимость и правомерность других социалистических течений. От их конструктивного сопоставления, взаимодействия и, возможно, творческого синтеза зависит рождение и реализация современной концеп-

ции социального прогресса. Такими видятся сегодня исторические рамки оценки ленинского наследия.

* * *

Ни у кого сегодня нет сомнений в том, что существует потребность в очищении ленинизма от различного рода сталинистских и догматических наслоений. Сейчас много пишут о «возвращении к истокам», о «новом прочтении Ленина». Все это верно. И это необходимо сделать. Но возвращение к истокам требует движения не назад, а вперед. Нельзя допустить, чтобы за призывами вернуться к первоначальному ленинизму скрывалась лень мысли в исследовании современных сложных проблем. В трудах Ленина не найти их готовых решений. Для этого нужна собственная напряженная мыслительная работа, анализ нынешних, часто весьма необычных, реальностей, разработка современной теории социализма и путей перехода к нему.

На наших глазах происходит широкомасштабный качественный скачок в развитии цивилизации. Можно сказать со всей определенностью, что основные его параметры еще не осознаны, а его содержание и последствия еще не осмыслены достаточно полно. В западной литературе много написано о «постиндустриальном обществе», «постцивилизации», «технотронном обществе». Подчеркиваются глубокие качественные перемены, которые происходят в общественной жизни. В выступлении М. С. Горбачева в Организации Объединенных Наций в декабре 1988 года во весь рост поставлен вопрос о противоречиях и пределах индустриальной цивилизации традиционного типа, о поисках принципиально нового типа общественного прогресса, способного сохранить среду обитания человечества, отвести от него бесчисленные угрозы, обеспечить демократизацию всего миропорядка. Контуры этой гораздо более высокой цивилизации вырисовываются пока лишь в самых общих чертах. На этом направлении открывается широкий простор для творческой деятельности марксистской теоретической мысли.

Под этим углом зрения по-иному видится и перспектива социалистического преобразования общества. Сегодня мы поняли, что становление социализма — мировой процесс, который отнюдь не лимитирован границами социалистических государств. В своеобразных формах он прослеживается как в развитых капиталистических странах, так и в странах «третьего мира». В канун Октябрьской революции Ленин писал об элементах социализма, рождающихся в недрах государственно-монополистического капитализма. В наше время процесс пошел значительно дальше. Вглядываясь в экономические и социально-политические структуры современного капиталистического общества, нельзя не видеть, что оно уже не укладывается в классическое определение капитализма. В нем постепенно формируются целые блоки, узлы и механизмы социалистических общественных отношений и в экономике, и в сфере социального обеспечения, и даже в

политической надстройке. Неодолимая тяга передовых общественных сил к социалистическим целям наблюдается и в развивающихся странах. Все эти процессы создают потребность в теоретических моделях, аналога которым в прошлом просто не существует.

В глубоком теоретическом изучении нуждаются и проблемы государственного социализма, сложившегося в нашей стране. Происходящая перестройка советского общества означает поиск пути перехода от модели раннего социализма, деформированной за долгие годы сталинизма и застоя, к иной модели, отвечающей требованиям современного технологического и культурного прогресса. Накопленный опыт убеждает, что социализм как более высокий тип организации общества утверждается в результате не простого уничтожения капитализма, а его преодоления на базе достигнутых им общецивилизационных завоеваний: высокий уровень производительных сил, развитый рынок, механизмы его регулирования, целостная система налаженных экономических связей. Напомним, что Маркс говорил о «самоотрицании» буржуазной экономики как о конечном результате ее постепенного развертывания [см.: М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 222]. Волевая принудительная ликвидация капиталистических отношений ведет лишь к созданию громоздкого административно-государственного каркаса социализма, из которого выхолщивается действительное социалистическое содержание.

Принципиальное значение для раскрытия политического содержания становления социализма имеет новая политическая культура, которая идет на смену конфронтационной культуре и уже доминирует в современных сложных обществах. Это культура консенсуса, которая во все большей мере определяет нормы взаимоотношений классов и общественно-политических сил, формирует политическую среду их жизнедеятельности. Консенсус, складывающийся на основе компромиссов и согласия, конечно, не устраняет социально-классовых противоречий и противоборства, но последнее осуществляется в цивилизованных формах. Оно включает борьбу как за консенсус народного большинства, так и, в рамках самого консенсуса, за содержание и ориентацию его политической платформы.

Политическая культура консенсуса все больше внедряется и во взаимоотношения общественных систем на международной арене. Целостность многообразного и противоречивого мира стимулирует распространение нового политического мышления. В общественном сознании глубоко укоренился вывод о том, что конфронтация социальных систем недопустима, потому что равнозначна гибели человеческого общества. Однако и этого недостаточно. Острота современных глобальных проблем свидетельствует о том, что мировое сообщество стоит перед настоятельной необходимостью налаживания тесного взаимодействия, соразвития и сотворчества всех стран и народов. Подобный тип межгосударственных и международных отношений уже не укладывается в привычное понятие мирного сосуществования.

Нужны новые понятия, адекватно отражающие вновь рождающиеся мировые реальности.

Жизнь ставит перед теоретической мыслью и вопрос о выработке оптимальной модели будущего. Технологическая революция открыла поистине безграничные возможности для научно-технического прогресса. Какое общественное устройство позволит наиболее эффективно воспользоваться его плодами в интересах общества и каждого человека? В острой идейно-политической борьбе по этому вопросу водораздел проходит между неолиберализмом и социалистическим движением. Неолиберализм первым откликнулся на вызов технологической революции, добившись заметных экономических результатов. Они служат аргументом для обоснования тезиса о «конце идеологии», о якобы безраздельной победе либерального мировоззрения над всеми другими. Однако экономическая эффективность неолиберального курса достигается за счет ограничений социальных завоеваний трудящихся, за счет пренебрежения социальным равенством и социальной справедливостью.

Неолиберальная модель социального устройства, ущемляющая права слабых, вытесняемых на обочину общественной жизни, встречает растущее сопротивление. Идея демократической альтернативы неолиберализму обретает все более широкий круг сторонников. Основной смысл демократической альтернативы — разработка такой модели будущего общества, в которой высокая экономическая эффективность сочеталась бы с социальной справедливостью, с созданием условий для всестороннего развития и самовыражения каждой личности в сообществе свободных людей, объединенных коллективистскими взаимоотношениями ассоциированных производителей. В этом направлении открывается перспектива для социалистической мысли и социалистического движения.

* * *

Конец нашего века очень не похож на его начало. Мир изменился неузнаваемо. Возникли совершенно новые проблемы, по-иному выглядят и старые. Основательные сдвиги происходят во всех пластах марксистского мировоззрения. Значит ли это, что ленинское наследие стало достоянием историков? Нет, оно работает и сегодня. Но не потому, что отражает особенности социально-исторической обстановки начала нынешнего столетия. Ее актуальность в том, что она выражает принципы марксистской методологии, революционный подход к изменяющейся действительности. Здесь марксизм всегда остается марксизмом. И нет необходимости акцентировать внимание на дефи-се для обозначения одного из исторических этапов в его развитии. Термин «марксизм-ленинизм» был введен в оборот, когда в противоречии с духом ленинских идей потребовалось втиснуть марксистское мировоззрение в прокрустово ложе вульгарной апологетики авторитарно-бюрократического государственного социализма. Используя

этот термин сегодня, мы волей-неволей сужаем содержание марксизма, исключая из него другие марксистские течения. Возводится искусственный барьер и в отношениях марксистов с направлениями социалистической мысли, по разным причинам не приемлющими теорию и практику ленинизма. В обстановке интенсивного духовно-идеологического взаимодействия различных социалистических сил такой барьер может только помешать творческому развитию марксистской теории.

В конечном счете современный взгляд на ленинское идейное наследие требует последовательного историзма в самом широком понимании. Важно признать, что никогда не было, нет и не будет идеологических систем, которые стоят вне исторического процесса, не испытывая на себе его детерминирующего воздействия. Любая система идей обусловлена своим временем и выражает вполне определенные тенденции общественного развития в конкретных условиях. Не исключение и ленинизм. Отдавая дань теоретическому гению Ленина, следует видеть в нем не Христа марксистской религии, а классика марксистского разума. Он представлял то поколение марксистов, которое отличала беспредельная вера в силу социалистического сознания, в его способность переделать мир на разумных и справедливых началах. Только историческая практика могла дать оценку этим заветам.

Великий немецкий философ И. Кант поставил перед собой задачу — подвергнуть критике чистый разум. В лучших традициях эпохи просвещения он верил в мощь человеческого разума, но хотел выяснить границы его возможностей. Критика, которую И. Кант провел теоретически в отношении чистого разума, история провела практически в отношении социалистического сознания. За десятилетия, истекшие с октября 1917 года, были выявлены границы его возможностей, его зависимость от реальных исторических условий. Практика вернула нас к исходному положению Маркса и Энгельса о том, что социализм не идеал, а реальное историческое движение. Трезво оценивая приобретенный опыт и открывающиеся возможности, социализм на пороге третьего тысячелетия выходит на новую стартовую площадку.

Столкнувшись с непредвиденными процессами, марксистская теория переживает сегодня настоящую революцию, более значимую и более масштабную, чем та, которая произошла в начале XX века и была связана с именем и идеями Ленина. Начавшаяся идеологическая революция означает, что марксистская мысль после долгих зигзагов и блужданий возвращается в лоно мировой культуры, общечеловеческих ценностей, на столбовую дорожку цивилизации. В этой широкой системе координат и следует определять историческое место Ленина и ленинизма в развитии теоретической мысли и политической практики XX века.

Формационный и цивилизационный подходы и международные отношения

Наш мир переживает сегодня время драматических перемен. С невиданной прежде быстротой ломаются еще недавно казавшиеся прочными политические, экономические и военные структуры, созданные в послевоенный период. Вместе с ними решительно меняются и наши представления о мире, наше сознание, наши взгляды.

Только вчера мы еще робко пытались поставить под сомнение некоторые отдельные стороны нашего мировоззрения, а сегодня критика уже смело берется за самые его основы. Смелость, правда, не всегда сопровождается должной глубиной и обстоятельностью, но это тоже понятно: на новом для нас пути не могли не возникнуть трудности как общеконцептуального, так и общеметодологического характера. От тех и других не свободны сегодня не только исследования в области международных отношений, но вся наша общественная наука в целом. Последняя, подобно всему обществу, переживает серьезный кризис. Преходящая система убеждений и представлений быстро теряет свою значимость — новых еще нет. За какую проблему сейчас ни возьмись, она тут же тянет за собой другие, связанные с ней и тоже требующие пояснения.

Сегодня остро ощущается необходимость выработки новых основ жизни. Роль общественной науки в этом деле трудно переоценить. Однако, чтобы она должным образом сыграла эту роль, ей необходимо прежде всего обновиться самой, — обновиться и концептуально, и методологически. Еще совсем недавно наука казалась нерушимым монолитом, спаянным на цементе диалектического и исторического материализма, где каждый блок был подогнан к другому без сучка и задоринки. Для нее не было неразрешимых проблем, она ни в чем не сомневалась. Однако стоило одному из кирпичиков этого монолита оказаться непрочным, как посыпалось все здание.

Рискуя ошибиться, но, судя по нашим сегодняшним публикациям и обсуждениям, мы, по сути дела, не можем дать сейчас ясного ответа ни на один из кардинальных вопросов, которые ставит перед нами жизнь — а ставит она их много, и один вопрос сложнее другого.

Сегодня мы на каждом шагу упираемся в отсутствие четкого понимания многих ключевых общефилософских и общесоциологических вопросов. Тут и новое понимание формационного подхода, и соотношение формационного и цивилизационного подходов, и

новое осмысление сути социализма и капитализма и их соотношения, и концепция противоборства социализма и капитализма на мировой арене, и связанная с ней концепция мирного сосуществования, и многие другие.

Без прояснения всех этих вопросов нечего и говорить не только об успешном исследовании современных международных отношений, но и о выработке целостной внешнеполитической концепции, чего ждет от нас наша внешнеполитическая практика.

Несмотря на определенные подвижки, мы все еще продолжаем во многом находиться во власти прежних понятий и представлений. Словесный фетишизм, тирания старых понятий, категорий, представлений все еще довлеет над нами. И одним провозглашением нового политического мышления тут ничего не сделаешь.

Если так можно выразиться, «молодое вино» нового политического мышления продолжает пребывать в старых, обветшалых «мехах» отжившей свой век научной методологии. Пока мы не избавимся от них, новое политическое мышление будет оставаться лишь некоторой совокупностью благих пожеланий, нравственно-политических принципов, не имеющих твердой научно-методологической основы.

Сегодня мы движемся по необходимости сверху вниз, от верхних этажей к фундаменту, от общих идей нового политического мышления к фундаменту научной методологии. С научной точки зрения такое движение — не самое, конечно, лучшее. Но сейчас иного просто и не может быть, потому что существующий ныне методологический фундамент — это оплот консервативной мысли, оплот старого, доперестроечного мышления. Дать что-то новое он сам по себе просто не в состоянии.

Неверно, конечно, было бы утверждать, что ничего здесь не делается. Переосмысление прежних представлений имеет уже свою хотя и короткую, но богатую предысторию: первым шагом в ней можно назвать отказ от понимания мирного сосуществования как формы классовой борьбы, затем вообще была отвергнута концепция классовой борьбы в межгосударственных отношениях; следующим шагом было признание необходимости деидеологизации межгосударственных отношений; наконец, мы пришли к заключению, что противоборство двух социально-экономических систем не является больше определяющей тенденцией современного мирового развития.

Однако процессы, происходящие в сегодняшнем мире, и перемены в нашем сознании происходят так быстро, что сделанного уже явно недостаточно; есть ощущение, что мы отстаем, что требуются новые и притом более глубокие проработки. Сегодня мы встали перед необходимостью пересмотра многих наших взглядов на социализм и капитализм, на их взаимоотношения как формаций, а отсюда — на всю перспективу развития современной цивилизации. В этом контексте приобретает принципиально важное

значение выяснение соотношения формационного и цивилизационного подходов.

Начну с общего понимания формационного и цивилизационного подходов и их соотношения. Тема эта настолько всеохватна, в ней так много различных сторон и граней, что сегодня можно в лучшем случае лишь обозначить общий круг вопросов и проблем, не претендуя на сколько-нибудь полное ее решение.

Не стану останавливаться на известной всем пятизвенной схеме формационного деления мировой истории, прочно утвердившейся в наших общественных науках и обретшей статус непререкаемой истины. Сейчас со всей остротой встал вопрос о пересмотре, переосмыслении этой схемы. В связи с этим ряд ученых полагает, что плох, собственно, не сам формационный подход, а так называемый формационный редукционизм, от которого и нужно освобождаться [см., напр.: «Вопросы философии», 1989, № 10, с.34]. Согласно этой точке зрения, именно формационный редукционизм свел все многообразие сторон развития человечества почти исключительно к формационным характеристикам, то есть к характеристикам способа производства, а все богатство социально-экономической, политической и культурной жизни — к соотношению базиса и надстройки, неизменному в своих общих чертах для всех эпох и обществ. Иными словами, формационный редукционизм — это абсолютизированный, доведенный до крайнего выражения Марксов формационный подход.

Однако, думается, и без этой абсолютизации он содержит черты и характеристики, делающие его непригодным в качестве универсального метода объяснения исторического процесса. Так что дело не просто в формационном редукционизме, но и в самом формационном подходе, заслуживающем серьезной и обстоятельной критики. Я ограничусь несколькими, с моей точки зрения, наиболее важными, критическими замечаниями.

Начну с того, что формационный подход представляет довольно упрощенный взгляд на историю как линейно-прогрессивный процесс смены низших общественных форм формами высшими, как процесс последовательного движения человека от одной стадии развития к другой вплоть до высшей, коей является коммунизм.

Эта схема является в какой-то мере отголоском дарвиновской теории эволюционного прогрессивного развития форм жизни от низших к высшим. Однако, как и теория Дарвина, Марксова схема общественного развития оказалась весьма ограниченной, а в ряде аспектов и просто ошибочной. В этом смысле наиболее слабым местом формационного подхода является его однолинейность, представление об истории как процессе смены одной формации другой, неизбежно упрощающее ее, лишаящее ее всего богатства связей, отношений, опосредований. История, замечает русский философ Вл. Соловьев, представляет не смену каких-то состояний или культурно-исторических типов, а процесс постепенного собирания, под-

чинения более узких и частных культурных элементов началам более широкой и универсальной культуры. Более высокая ступень исторического процесса тем самым не просто сменяет, а совмещает в себе все прежние преемственно выступающие культурно-исторические ступени и типы [см.: С о л о в ь е в В. С. Соч. в 2-х тт. Т. I. М., 1989, с. 356].

Через такое совмещение, через сложный синтез старых и новых общественных, культурных, идейно-нравственных исторических элементов постепенно выкристаллизовывалась и рождалась идея единого человечества, единой человеческой цивилизации.

Вряд ли она могла бы родиться и окрепнуть, будь история и в самом деле лишь сменой одной формации другой, одного способа производства другим и соответственно одной политико-идеологической надстройки другой. Она вряд ли могла бы развиваться без этого культурного и нравственного основания, которое, с одной стороны, было заложено многовековым развитием права, философии и искусства и, с другой — становлением религиозного сознания.

В формационном подходе выражено жестко детерминистское, по сути, фаталистическое представление об историческом процессе, неизбежно приведшее к принижению в нем роли человеческого фактора, роли сознания. Последний момент, надо заметить, вообще присущ марксизму, и особенно той его части, которая получила название исторического материализма. В основе своей взгляд Маркса на историю носит обезличенный характер. В этом смысле он является прямым продолжением гегелевского понимания истории с той лишь разницей, что если у Гегеля сущность истории сводится к развитию понятий или движению Мирового духа, то у Маркса она сводится к закономерному развитию экономического базиса — производственных отношений и производительных сил. Относительно этого базиса как сущности всей общественной жизни, следовательно и истории, все остальные стороны жизни имеют второстепенный характер. Политика, религия, искусство, мораль, то есть все, что объединяется понятием «идеология», по отношению к базису выступает лишь как некая «надстройка», не имеющая в общем самостоятельного бытия; таковое принадлежит лишь экономическому базису — он-то и дает жизнь «надстройке», наполняет ее реальным смыслом и содержанием.

Исторический материализм в этом смысле ничем в принципе не отличается от любого метафизического учения, с той разве только особенностью, что в его основе лежит не идеалистический, а материалистический абсолют. Этот момент роднит его и с гегелевской историософией. История, по Гегелю, представляет собой безличный или сверхличный процесс. В ней реализуется то, что он называл «лукавством разума». Суть его в том, что Мировой дух создает у людей ложное впечатление, будто они действуют, исходя из своих собственных интересов и целей, тогда как на самом деле через них осуществляются лишь Его намерения; люди же пред-

ставляют для этого мирового Разума лишь средство, некую материю для реализации его сверхисторических целей¹.

В историческом материализме таким «лукавством» обладает уже экономический фактор, как бы исподволь, через «надстройку», через индивидуальный разум, через частные интересы людей реализующий некие ведомые только ему, но те же сверхисторические цели. При определенном различии в «точке отсчета» обе концепции роднит то, что человеку в них заведомо отведена страдательная, подчиненная роль, роль средства, винтика, получившая в итоге свое чудовищное реальное воплощение в сталинской схеме социализма.

Культура любого народа, общества, рассматриваемая как совокупность традиций, поведенческих норм, взглядов, идей, мировоззрений — этических, эстетических, политических, — отнюдь не «довесок» к базису и не его порождение. Она имеет самостоятельное бытие и свои законы развития. Она есть плод деятельности человека, обладающего разумом и свободой воли (пусть даже ограниченной). Как таковая она представляет своего рода каркас, имеющий огромный запас прочности и устойчивости по отношению и к внутренним, и к внешним воздействиям. Вполне правомерно поэтому утверждать, что сам экономический базис в значительной мере есть порождение культуры в указанном выше смысле. Это подтверждается и исторически. Можно с хронологической точностью показать, что повсюду именно изменения в сознании опережали изменения в производственных отношениях; они исподволь и прямо готовили последние, служили их основой, базой. Как отмечает, например, историк А. Б. Зубов, «реформационные и ренессансные процессы в массовом сознании или начались раньше, или протекали параллельно развитию буржуазных отношений, и притом с намного большей интенсивностью» [«Вопросы философии», 1989, № 10, с. 48]. То же можно сказать и относительно феодализма. Его идейные обоснования в виде стоицизма, христианского учения появились и получили широкое распространение в массовом сознании задолго до становления его материальной базы. О социализме не приходится и говорить: он весь вырос из идеи, из умозрительной схемы; в реальной жизни отсутствовали вообще какие-либо материальные его элементы. Вот одна из причин, почему при реализации этой идеи политическими методами у нас и в других странах реальная жизнь стала жестоко кромсаться, деформироваться, уродоваться, ибо ни одной из своих многообразных сторон она не влезала в схему, в идею.

Данное обстоятельство свидетельствует об опасности абсолютизации какой-либо из сторон жизни: будь то материальной или духовной. Гармония — не в разорванности материи и сознания, не в их противопоставлении, не в абсолютизации того или другого, а в их неразрывном единстве. Вот почему Марксова формула «бытие определяет сознание» носит предвзятый, односторонний характер. Следует поэтому допустить как минимум, что бытие определяет сознание

не в большей мере, чем сознание определяет бытие. Если же быть последовательным в рассмотрении такого удивительного феномена, как Человек, и его индивидуальной и общественной деятельности до конца, то нельзя не прийти к признанию, что именно в словах апостола Иоанна: «Вначале было Слово» — заложен великий смысл человеческой истории.

Собственно, сам Маркс признавал это, утверждая, что самый плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем, что прежде, чем строить, он сначала создает план дома в голове, в сознании. Иными словами, человеческая деятельность тем и отличается от любой другой, что в ней мысль, слово всегда предваряют дело. Дело же, в порядке обратной связи, корректирует, подправляет, подтверждает или отрицает слово. Здесь, как и во всех иных подобных случаях, имеет место единство, взаимосвязь и взаимозависимость как выражение высшей гармонии.

Естественно поэтому и вполне оправданно критическое отношение многих обществоведов к формационному подходу как воплощению, как торжеству главным образом материально-экономического начала в человеческой истории, равно как и их желание если не отказаться от него вовсе, то существенно дополнить его другой стороной человеческого бытия — стороной духовно-нравственной, культурной. Стремление к такому обобщенному, синтезированному взгляду на историю нашло свое выражение в поисках и конструировании того, что условно можно назвать подходом цивилизационным. Предмет его внимания — не одна какая-то сторона человеческого бытия, а совокупность всех форм жизнедеятельности того или иного общества — материальных, идейных, культурных, религиозных, нравственных и т. д. — в их единстве и неразрывности, в их историческом развитии и преемственности. Эта совокупность и рассматривается как нечто такое, что можно назвать цивилизацией в ее локальном или более широком, вплоть до общечеловеческого, выражении.

Сегодня под цивилизационным подходом нередко подразумевается подход с позиций общечеловеческих интересов и ценностей. Он имеет свои несомненные идейно-нравственные и объективно материальные основания. Современному человечеству, при всем несходстве его отдельных частей, присуща общность ряда социально-экономических, политических, научно-технических и культурных характеристик: это и соизмеримость научно-технического и индустриального развития различных обществ, и сходство многих демократических и правовых принципов общественной организации и т. д. К этому можно добавить усиливающуюся тенденцию к взаимозависимости и взаимовлиянию, постепенный выход на первый план общих интересов в решении проблем, которые сегодня называют глобальными. Все эти признаки имеют несомненный общецивилизационный характер, и порождены они собственным движением современного мира в его целостности и единстве.

Под цивилизационным подходом подразумевается также и подход, в основе которого лежат критерии западной цивилизации с ее либерально-демократическими ценностями и научно-техническим уровнем развития. Действительно, Запад сегодня — это не просто географическое понятие и даже не понятие капитализма. Это выражение того высшего на сегодняшний день экономического, научно-технического и демократического уровня развития, без достижения которого ни одно общество не может называться современным. Вот почему Япония — это Запад; Запад — это уже и Сингапур, и Южная Корея; и вот почему мы еще не Запад.

Чтобы стать Западом, мало освободиться от наших архаизмов, от нашей заскорузлости, от нашей экономической отсталости и в то же время претензий на особую роль и место в мире. Корни всего этого гораздо глубже, чем можно себе представить, если подходить к проблеме поверхностно.

Здесь не место вдаваться в глубины истории вопроса. Скажу только, что, хотя вся наша история неразрывно и тесно связана с Западом, шли мы всегда разными путями. Можно с полным основанием говорить о существовании западноевропейской цивилизации, которая прошла долгий путь своего становления от античного мира через средневековье, Возрождение, Реформацию, эпоху Просвещения и революции до сегодняшнего либерального демократизма. В ходе ее развития выработался и определенный тип человека — европейца, воплощающего в себе некоторые общие черты независимо от принадлежности к той или иной стране.

Мы в общем и целом развивались в стороне от этой цивилизации. Мы много и охотно заимствовали от Запада; но то, что заимствовали, странным образом видоизменяли, порой до неузнаваемости, в соответствии со своей почвой. В этом заимствовании была одна характерная черта, на которую обращали внимание многие наши мыслители — и Чаадаев, и Герцен, и Бердяев. То, что на Западе было всегда лишь научной теорией-гипотезой, свободной для любой критики; то, что там было частичной, относительной истиной, у нас превращалось в истину абсолютную, в догму.

Подобная абсолютизация и догматизация коснулась многих западных учений — сенсимонизма, фурьеризма, гегельянства, но в особенности марксизма и социалистического учения. Последнее вообще было низведено до узкоместного понимания.

А ведь марксистская идея социализма изначально носила, в общем-то, общецивилизационный, общечеловеческий характер. Уместно здесь вспомнить, что говорили по этому поводу Маркс и Энгельс. Коммунизм, считали они, эмпирически возможен только как одновременное действие наиболее продвинутых в своем развитии народов. Это же предполагает универсальное развитие производительных сил и связанного с ним мирового общения. Универсальное развитие производительных сил, по их мнению, — абсолютно необходимая практическая предпосылка потому, что без него может иметь место лишь

всеобщее распространение бедности. Оно является необходимой предпосылкой и потому, что лишь с этим универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение людей. Без последнего же, считали они, если коммунизм и мог бы существовать, то только как нечто очень ограниченное, как подверженное всем местным суевериям явление, и всякое расширение общения неминуемо упразднило бы этот местный коммунизм [см.: М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 3, с. 33].

Для западной передовой мысли XIX века положения о невозможности местного коммунизма были сами собой разумеющимися. Даже такой сторонник радикальных революционных действий, как Бланки, писал: «Коммунизм следует рассматривать как общий вывод развития человеческого рода, а не как яйцо, снесенное и высиженное в каком-то уголке земли двуногой птицей без перьев и без крыльев» [Б л а н к и Л.-О. Избранные произведения. М., 1952, с. 222].

Общесовицизационное содержание идеи социализма естественно вытекало из всего предшествующего развития философской и теологической мысли. И сегодня сохранение идеалов социализма возможно только на пути общесовицизационного их понимания.

В свое время это общесовицизационное содержание идеи социализма было редуцировано нами до того самого местного формационного «яйца», о котором говорил Бланки. В начале века, при неразвитости универсальных сил общения, оно не только не казалось отклонением от общего пути, но, наоборот, виделось многими как начало новой эры.

Но это было в начале века. С той поры универсальное развитие производительных сил и связанные с ними универсальное мировое общение и взаимозависимость достигли таких небывалых масштабов, что неизбежно должны были превратить в анахронизм замкнутый, местный социализм. И те процессы, которые идут у нас и в странах Восточной Европы, — лучшее тому свидетельство.

Перед нами встала дилемма: либо мы продолжаем пребывать в архаичной замкнутости и тем самым безнадежно отстаем от движения цивилизации, но зато сохраняем свой уникальный местный социализм, либо подключаемся к этому движению, к мировому универсальному общению, но вместе с тем признаем, что опыт строительства местного, замкнутого от остального мира социализма себя не оправдал, как и предвидели классики марксизма.

Собственно, сама жизнь predetermined our choice. Несмотря на неизбежные и понятные в этом случае колебания, силою судеб мы вынуждены были склониться ко второму пути, пути общесовицизационного развития. Вот, собственно, та реальная объективная почва, на которой возникают наши сомнения относительно научной и практической состоятельности формационного подхода и потребность в выработке подхода нового, как бы он ни назывался.

Сказанное представляет одну сторону проблемы, ее, так сказать, содержательный аспект. Но нельзя, хотя бы кратко, не остановиться и на аспекте главным образом методологическом.

Нам кажется уже давно сам собой разумеющимся тезис о том, что бытие определяет сознание. Однако вся наша общественная практика свидетельствует об обратном, а именно о том, что сознание определяет бытие.

Удивительная и парадоксальная вещь: мы, считавшие себя всегда последовательными материалистами, на поверку оказались идеалистами, я бы добавил — объективными идеалистами. Материальный мир стал для нас полем, на котором мы испытывали свои идеи, мало считаясь с тем, соответствуют ли они ему или нет. Более того, если материальный мир не соответствовал нашим идеям, то мы меняли не идеи, а подгоняли мир под них. Построение социализма в нашей стране — лучшая тому иллюстрация. Мы шли здесь от идеи к материальному миру, а не наоборот. И может быть, во многом поэтому социалистическая формула, рассчитанная в умах, хотя и великих, но все же людей, при воплощении ее в жизнь обрела форму всеобщей казармы.

Тот же самый идеализм можно, кстати, видеть не только в наших внутренних делах, но и в делах внешних. Конфронтация, противоборство двух систем в мире, раскол Европы — все это на поверку лишь материальное выражение некоторой заданной идеи, материальное выражение конфликта в области идеологии, вражды и ненависти идейной, культивируемой в умах людей в течение многих десятилетий.

Маркс говорил: идея, овладевшая массами, становится материальной силой. Мы всегда с большой охотой цитировали эту мысль. (Не отсюда ли, кстати, идут истоки нашего идеализма?) Но ведь материальной силой становится и ложная идея, коль уж она овладела массами; материальной силой становится и идея деструктивная — в том и другом случаях и сама материальная сила в лице овладевших идеей масс становится силой разрушительной, деструктивной. Это мы видели вчера, это мы видим и сегодня на примерах вспышек национализма, сопровождаемых насилием и разрушениями.

Если мы и в самом деле идем от идей к материальному миру, а мы так идем от них, то надо бы по крайней мере привести их в соответствие с реальностью, каким-то образом вывернуть наше во многом извращенное сознание и расставить там все в ином порядке. Но тут-то и главная трудность. Сегодня справедливо говорится, что перестройку нужно начинать с перестройки сознания. Но вместе с тем это утверждение сопровождается несколько легкомысленным убеждением, что нет ничего проще такой перестройки — выкинул старое сознание и вложил новое. Однако развитие событий в нашей стране с неожиданностью выявило, что сознание многих людей и даже народов в основе своей осталось еще дореволюционным, как бы законсервировавшимся на 70 лет и пробудившимся в своей первозданности, как только наступило подходящее для этого время. Перестройка че-

ловека — его сознания и психики — совершается столетиями. Новые идеи, чтобы стать действительностью, должны войти в кровь и плоть человека. Нас же воспитывали столетия покорности и рабопения, столетия угнетения свободы, столетия принижения личности. Последние 70 лет нашей истории только закрепили то, что было сделано предшествующими веками. Без перестройки человека всякая общественная реформа неизбежно будет носить поверхностный, непрочный характер. Мы в этом уже убеждаемся.

Но вернемся к проблемам методологическим. Долгое время наше научное сознание двигалось как бы «спиной вперед», с глазами, обращенными назад, в XIX век, в марксистскую методологию. Все наши идеи покоились на казавшемся незыблемым фундаменте этой методологии. Таким он кажется и поныне.

Однако, думается, пришло время, когда требуется всерьез разобраться с этой методологией и посмотреть, все ли в ней так действительно хорошо и прочно и все ли нам сегодня в ней подходит.

Нам хорошо знакомо сакраментальное положение: марксизм очистил гегелевское учение от идеалистической шелухи и взял его рациональное, материалистическое зерно, или: Маркс поставил гегелевскую диалектику с головы на ноги.

Многие помнят это еще с «Краткого курса», с его знаменитой 4-й главы, и в самом деле верили тогда, что не только «овес растет по Гегелю», не только весь наш грешный мир, но даже вся Вселенная развивается согласно выведенным им законам.

Если мы и в самом деле хотим серьезных изменений в нашем сознании, если мы действительно желаем заново осмыслить происходящее, нужно начинать с методологии, с ее основ, и прежде всего — с гегелевских категорий и законов, которые были возведены во всеобщие, вечные и абсолютные. Ведь они, по сути дела, лежат в основе всего нашего мировоззрения, определяемого диаматом и истматом, которые в свою очередь насквозь пронизаны гегелевским духом.

Один из русских философов назвал гегелевские законы надменными. Это очень верное определение. Ни одна из мировых философий не имела таких претензий на абсолют, на всеобщность, как гегелевская. Хотя, надо заметить, что в этом виноват не один Гегель.

С гегелевскими законами произошла поразительная вещь. В идеалистической системе Гегеля, как бы к ней ни относиться, они были на месте. Дело решительно изменилось, как только они были переложены на мир материальный, на мир политический. И я возьму на себя смелость сказать, что, совершив этот перенос, Маркс тем самым и поставил гегелевскую диалектику с ног на голову, а не наоборот, как думалось ему самому.

Под диалектическим методом или диалектикой, по крайней мере прежде, понималось мышление противоречиями, а под диалектическим путем развития — развитие катастрофическое. Эта диалектика неотрывна от всей гегелевской философии. И там она вовсе и не метод, а сама ее метафизическая сущность. Диалектика относится иск-

лючительно к понятиям. Движение понятия совершается согласно триаде — тезис, антитезис, синтез — не потому, что Гегель использует диалектический метод, а потому, что диалектика составляет саму природу гегелевских понятий, их бытие. Вот почему не только невозможно, но и ошибочно было бы отделять этот способ движения понятий от самого учения о них, а тем самым и говорить о каком-то особом диалектическом методе, будто применяемом Гегелем.

Совершив же это отделение и приложив искусственно выделенный «диалектический метод» Гегеля к практике, Маркс превратил методологию развития понятий в методологию политической борьбы. Вследствие такой метаморфозы она не могла не превратиться в методологию социальных катастроф, в методологию общественного развития через революции-катастрофы.

Взять тот же закон перерыва постепенности, закон скачкообразного развития. Именно из него делался вывод о непреложности революционных взрывов, о том, что именно революции являются «локомотивами истории», «повивальными бабками истории» и т. д.

Природа, в том числе и социальная, не терпит скачков. Вся история служит подтверждением тому, что всякий раз, как общество пытается перескочить через естественные фазы своего развития, природа, как бы в отместку, заставляет его заново пройти прерванный скачком путь, с той лишь существенной разницей, что за это ему приходится расплачиваться немалыми жертвами и потерями.

В 1917 году мы предприняли беспрецедентную попытку скачка через целую формацию. И вот сегодня, 70 лет спустя, после долгих и мучительных блужданий оказались перед фактом, что все те вопросы, которые стояли перед обществом до скачка, вновь неумолимо и с еще большей остротой встали перед нами, требуя своего скорейшего решения. Это и вопросы собственности, и развитие рынка, и ликвидация сословных привилегий, и создание правового государства, и становление гражданского общества, и предоставление гражданских свобод, и наконец, решение национального вопроса.

Несмотря на печальный и деструктивный опыт прошлого, мы и сегодня, к сожалению, не освободились от психологии скачка. Многим и сейчас не терпится совершить новый скачок: на этот раз из тоталитаризма в полную демократию, от административного руководства экономикой к экономике рыночной, минуя всякие переходные фазы. За всем этим видится все та же знакомая методология социальных катастроф, все то же стремление подогнать жизнь под кем-то рассчитанную формулу.

Реальная жизнь, реальная история, однако, развиваются не скачками; им свойственны непрерывность, преемственность, взаимосвязь и взаимозависимость поколений. Эти преемственность и взаимосвязь культур, традиций, нравственных основ и составляют фундамент развития человеческой цивилизации. Скачки же разрушают его.

Обратимся теперь к главному закону гегелевской диалектики, к ее, так сказать, ядру — закону единства и борьбы противополож-

ностей. Борьба противоположностей признавалась у нас чуть ли не единственным источником движения, развития, в том числе и социального. Я не стану здесь много говорить о крайней односторонности этого взгляда, как и о том, что мир, и физический и социальный, развивается на основе иных, более универсальных источников движения, которые порождают непрерывное и естественно-эволюционное его движение, движение без катастроф, без прерыва постепенности.

В своем известном «Фрагменте о диалектике» Ленин отмечал, что борьба противоположностей абсолютна, тогда как их единство — относительно. Это пример того, как гегелевская диалектика доводится до крайности, до абсолютизации одной стороны в ущерб другой, а именно борьбы в ущерб единству, до превращения диалектики в методологию непримиримой партийной и классовой борьбы.

Эти крайности были присущи нам и в трактовке других основных понятий, особенно так называемых диалектических пар: экономики и политики, материи и сознания, социализма и капитализма... В них мы видели главным образом противоположность и гораздо меньше — единство. Противопоставление этих «противоположностей» мы довели до абсолюта. При этом, естественно, исчезало главное, а именно их единство, и оставалась лишь борьба, противоборство, противоречие.

Однако все эти противоположности в высшей степени условны; в такой форме они носят исключительно абстрактный, метафизический характер. «Весь великий ход развития, — отмечал Энгельс, — происходит в форме взаимодействия... здесь нет ничего абсолютного, а все относительно» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 420—421].

Гармония жизни в единстве всех ее сторон; пытаюсь уничтожить это единство, мы лишь сеем хаос и разрушение. Это и есть то, что я называю методологией социальных катастроф.

Когда эта методология переносилась в жизнь, она выливалась в ту непримиримость и беспощадность, с которыми велась борьба против различных партий и социальных групп в послеоктябрьский период; она лежала в основе сталинского тезиса об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма и в основе сталинской же концепции противоборства двух систем (или лагерей) на мировой арене, от которой мы не можем до конца отказаться и по сию пору.

Концепция противоборства, коли о ней пошла речь, являет собой наиболее крайнюю форму выражения формационного подхода применительно к международным отношениям, притом с акцентом на непримиримую борьбу между социализмом и капитализмом. С самого начала в ней была заложена нацеленность на уничтожение одной из противоположностей, а именно капитализма. Понимание того, что это привело бы к уничтожению самого единства, а тем самым, в нынешних условиях, и всего мира, стало приходиться к нам лишь недавно, когда мир и в самом деле подошел к грани катастрофы.

Концепция противоборства вступает сегодня в явное противоречие с новым политическим мышлением. В самом деле, нельзя здесь не задаться вопросом: соемстимы ли призывы к единству мира, к приоритету общечеловеческих интересов и ценностей, к деидеологизации, к свободе выбора с одновременным признанием существования в мире двух противоположных общественных систем и их противоборства, даже если это признание облечено сегодня в несколько смягченную форму?

Здесь налицо совершенно очевидное несоответствие. Нельзя не видеть, что и концепция классовой борьбы на мировой арене, и идеологическая конфронтация между государствами являются производными от концепции противоборства двух систем в мире. Тут все завязано в единый узел: нельзя, сохраняя эту концепцию, отказаться одновременно от идеи классовой борьбы между государствами, так как одно прямо обуславливает другое.

Скажу больше: принципы мирного сосуществования, столь долго рассматриваемые нами как нечто незыблемое, также неотрывны от формационного подхода к международным отношениям, от концепции противоборства двух систем в мире; эти принципы суть их порождение, их, так сказать, логическое завершение. Как бы мы их ни модифицировали, как бы ни пытались приспособить к меняющимся условиям, они в той же мере несут в себе идею раскола мира на две противоборствующие формации, в какой несет ее и сама эта концепция. В них, хотя и в неявной форме, содержится все та же идея неминуемой гибели капитализма и торжества социализма в мировом масштабе. Совсем не случайно поэтому то постоянно настроенное отношение к этим принципам Запада.

Если мы и впрямь всерьез говорим о цивилизованных отношениях между государствами, то принципы мирного сосуществования выглядят попросту неуместными. Нормы цивилизованных отношений уже содержат в себе в полном объеме добрую волю к совместной жизни на планете, добрососедство, невмешательство во внутренние дела друга друга и многое другое — потому-то они и называются цивилизованными. Те, скажем, отношения, которые сложились сегодня между западноевропейскими государствами, вовсе не нуждаются ни в каких принципах мирного сосуществования — они шире, богаче, демократичнее, гуманнее, наконец, нежели те, которые определяются принципами мирного сосуществования.

Зададимся вопросами: что нового могут дать сегодня и завтра принципы мирного сосуществования для международных отношений? Какая сверхзадача может решаться с их помощью в новых условиях? Что еще, кроме привычки и остаточной приверженности прежним нашим представлениям, руководит нами, когда мы продолжаем настаивать на них?

На все эти вопросы я лично не нахожу вразумительного ответа.

В наше время становится все более очевидным — и это признают многие ученые, — что формационный подход к международным от-

ношениям, которого мы долгие годы придерживались в своих исследованиях и который нашел свое наиболее яркое воплощение в концепции противоборства двух социальных систем в мире, в идее классовой борьбы в международных отношениях и в теории мирного сосуществования, лишен всякой конструктивной перспективы и ведет, по сути дела, в тупик. Он стимулирует международную напряженность и углубляет конфронтацию между государствами, он ведет к изоляции Советского Союза от внешнего мира, препятствует его интеграции в мировое сообщество. Подлинная перспектива открывается на путях исторического, цивилизационного подхода, в центре которого — человеческая цивилизация в ее единстве и нерасчлененности.

То, что мы подошли к осознанию этих вещей, уже свидетельствует о начале радикального поворота в нашем сознании, о становлении нового, во многом еще непривычного для нас взгляда на время и пространство, в котором мы живем.

Своевременность и актуальность такого осознания подкрепляется критическим состоянием современной цивилизации. Для выхода из него требуется не разъединение, а объединение усилий всего человечества. Угроза ядерной войны, прогрессирующее загрязнение окружающей среды, духовный и нравственный кризис, повсеместные взрывы иррационального насилия, перенаселение, конфронтация между бедными и богатыми народами, вспышки агрессивного национализма — это и многое другое несет в себе опасность глобальной катастрофы. Вот почему, помимо всего прочего, так остро встает вопрос о формировании общечивилизационного, общечеловеческого сознания, вбирающего в себя все лучшее из достижений человеческого разума и духа и нацеленного на устранение еще сохраняющихся, искусственных в основе своей перегородок между людьми и народами, на сохранение теперь уже общей для всех цивилизации.

В итоге хотелось бы еще раз подчеркнуть, что мы стоим лишь в начале процесса обновления своих концептуальных и методологических взглядов, освобождения их от всего наносного, догматического, устаревшего. Многие поднимаемые здесь вопросы не могут не носить спорного, гипотетического характера. Иначе, собственно, и не может быть: наука тем и отличается от веры, что в основе своей она всегда гипотетична. В столкновении разных мнений, в спорах только и может выявиться сравнительно адекватная картина исследуемого нами мира и направление дальнейших шагов в разработке вопросов, важных для всех нас.

Примечания

1

Совершенно неожиданно гегелевская концепция вновь возродилась в форме идеи окончательного торжества либерального демократизма в нашумевшей статье Ф. Фукуямы «Конец истории?». Мой комментарий на статью см.: «Московские новости», 1990. №2.

Человек в современном мире

Конец XX века, возможно, войдет в историю как время торжества гуманистических ценностей в общественном сознании. Но историки, которые в некоем отдаленном будущем обратятся к анализу этого гуманизма, наверное, отметят его мрачноватую, пронизанную трагизмом тональность. Это далеко не тот триумфальный, оптимистический гуманизм, который в иные, более ранние времена восславлял творческую силу человеческого духа, его способность к безграничному познанию и преобразованию мира. Скорее его можно определить как «гуманизм выживания». На краю бездны, перед лицом угрозы термоядерного самоистребления и истощения природных основ бытия главной ценностью становится сама человеческая жизнь — такова первичная посылка этого нового гуманизма.

Интерес биологического выживания может показаться примитивным по сравнению с более высокими целями человеческой деятельности. Однако в современном мире, на нынешнем уровне развития цивилизации именно этот интерес стал мощным стимулом к переосмыслению всего ее исторического и современного опыта, основ культуры, тех неписанных правил, по которым живут люди в обществе. Ведь смертельную угрозу человечеству создали не какие-то надчеловеческие силы, оно само уверенным шагом приблизилось к пропасти. Поставленная в глобальных масштабах проблема выживания оказалась к тому же связанной отнюдь не только с перспективой термоядерной и экологической катастроф — один из существенных ее аспектов составляет драма нищеты, голода, массовых заболеваний в наиболее многолюдных регионах планеты.

Все это вместе взятое с небывалой остротой поставило вопрос о судьбах и основополагающих ценностях цивилизации, о результатах и смысле всего всемирно-исторического движения, о реальности прогресса.

Таково наиболее глубокое, лишь первично порожденное интересом выживания измерение современного гуманизма, тех коренных проблем, которые пытается решить ориентируемое на него общественное сознание.

В основе этих проблем лежит трагическое противоречие человеческой истории. На протяжении многих поколений человек гордо называет себя разумным, *homo sapiens*, выделяясь из природного мира

способностью мыслить, ставить перед собой определенные цели, выработать и применять средства, ведущие к их достижению. И вот именно эта способность к разумному целеполаганию все чаще предстает не как счастливый дар человека, а источник его бед. Вместе с ней под сомнением оказывается и то, что называют человеческой идентичностью, — представление человека о своем особом месте в мире, о смысле своего существования на Земле.

«Человек разумный» все острее ощущает поразительный иррационализм своей якобы целенаправленной созидательной деятельности. Он сумел поставить себе на службу мощные силы природы — и в результате создал угрозу собственной жизни. Он проник в глубочайшие тайны мироздания — для того чтобы породить оружие вселенского уничтожения. Он сотворил несметные материальные и духовные богатства, но сотни миллионов людей живут в нищете и невежестве, а миллионы других мучаются от пустоты и бессмысленности жизни. Он придумал превосходные планы общественных преобразований, но, осуществляя их, сталкивается с результатами, прямо противоположными тем, к которым стремился. И к тому же с каким-то роковым упорством он постоянно путает цели и средства: то, что вчера было средством, превращается в самодовлеющую цель, а бывшая цель — в собственный призрак.

Разумеется, этот образ человеческого бытия не претендует ни на полноту, ни на бесспорную истинность. Но он отражает действительные процессы и противоречия и — что не менее важно — реально существует в общественном сознании. И именно его интеллектуальная и психологическая реальность интересует нас в данном случае, ибо она дает ключ к пониманию остроты «проблемы человека».

Сомнения в силе человеческого разума, в способности человека быть господином собственной судьбы, конечно, родились не вчера и не сегодня. Образ человека — царя мироздания или меры всех вещей неизменно соперничал с образом «ничтожного червя», игрушки богов, судьбы и жертвы собственных страстей. Но все-таки прогресс общества и человеческой мысли при всех его противоречиях скорее усиливал, чем ослаблял веру человека в самого себя. Даже в рамках религиозного сознания разуму и воле человека отводилась важная самостоятельная роль: проникновения в божественную истину, «правильной» организации собственной жизни, борьбы с собственным природным несовершенством. Рационалистический и оптимистический гуманизм, возникший на заре буржуазной эпохи, широко распахнул перед ним врата в царство суверенного Разума. Правда, сомнения, порывы самоуничтожения возрождались снова и снова, как бы сопровождая каждый новый рывок в интеллектуальном, культурном, общественном развитии человека. Так, к исходу ослепительного по своим достижениям XIX века в европейской культуре резко усилились иррационалистические и декадентские тенденции. Однако из каждого такого провала во тьму немощи и бессмыслицы человеческая мысль в конце концов находила выход. Нараставшая неразумность

бытия рано или поздно представала перед ней как следствие неверных идей или порочных общественных условий; новые идеи, знания, назревшие радикальные перемены в обществе должны были восстановить Разум в его правах. В наиболее полном и последовательном виде такой путь к решению проблемы человека был сформулирован марксизмом.

Современное кризисное обострение этой проблемы отличается от похожих ситуаций прошлого. До недавнего времени мы привычно списывали иррациональные явления в жизни и сознании современного общества на счет пороков капитализма. Марксистская критика капитализма — когда она основана не на идеологических стереотипах, а на добросовестном научном анализе — верна и убедительна. Но ныне многие марксистские авторы осознали несводимость всех противоречий современной человеческой жизнедеятельности к антагонизмам капиталистического общества, считают возможным говорить о кризисе человеческой цивилизации. Такое понятие назрело, поскольку эти противоречия все труднее объяснить недостатком разумных и гуманных идей и знаний или осуществленных проектов социального переустройства. Эти идеи и знания широко доступны цивилизованному человечеству. Очевиден и значительный социальный прогресс, который в неоднородных — революционных или реформистских — вариантах осуществило человеческое общество в середине и второй половине XX века. Поневоле приходит в голову мысль, что нынешний кризис цивилизации коренится не только в тех или иных учениях и социальных порядках, но и *в самом человеке*.

Человек социальный и индивидуальный

Наши размышления о природе кризиса волей-неволей придется начать с напоминаний о некоторых наиболее общих свойствах самой человеческой природы.

Мы привыкли рассуждать о человеке как совокупности общественных отношений, представителе и функциональной единице различных социальных групп, образующих общество. Бесспорно, как бытие, так и сущностные свойства человеческого индивида не могут быть поняты вне межиндивидуальных, социальных связей и отношений людей. Но значит ли это, что индивид сводим к таким связям и отношениям, к своей социально-групповой принадлежности? К сожалению, многие весьма различные по своим теоретическим установкам научные течения объединяет именно такое понимание индивидуального в человеке. При подобном подходе единичное, индивидуальное естественно предстает как простое и адекватное выражение общего, социального и наоборот.

В действительности же, как показывает и исторический, и современный опыт, общность, «социальность» людей материализуется практически в деятельности, сплошь и рядом отчужденной от челове-

ка-индивида, а то и прямо противостоящей его интересам. Субъектом такой деятельности обычно являются социальные группы и институты, необходимые для совместной жизни людей, но обладающие своим собственным самостоятельным бытием, не совпадающим с бытием индивидуальным. Не менее типичны ситуации, в которых люди-индивиды оказываются неспособными объединить свои действия в общих интересах. И в то же время именно эти реальные общие интересы, выработанные коллективным разумом идеи, знания, культурные и моральные ценности часто не могут овладеть сознанием и деятельностью большинства индивидов.

Словом, в реальной человеческой жизни мы постоянно наблюдаем многообразные конфликты между общим и единичным, социальным и индивидуальным.

Говоря о социальности человека, нельзя забывать, что любое социальное и историческое действие осуществляют включенные в те или иные человеческие общности индивиды, что оно становится коллективным действием, лишь воплотив в себе неоднородные «вклады», выработанные психикой, интеллектом, линиями поведения множества взаимосвязанных и взаимодействующих индивидов. О том, к чему ведет пренебрежение к индивиду, говорят уроки нашей недавней истории. В опубликованной в «Новом мире» в 1988 году статье А. Гангнуса превосходно показано, как «левацкий большевизм, наследник народнического утопизма», искажил присущее марксизму понимание «вечной борьбы индивидуального и коллективистского в человеке», объявил «я», по выражению Г. В. Плеханова, «не заслуживающим никакого внимания ввиду интересов «не я»... Именно такие взгляды питали провозглашенное российскими махистами и богостроителями стремление «презойти индивидуалистический разум» (А. В. Луначарский) и, несмотря на их критику В. И. Лениным, проявили удивительную живучесть в последующие десятилетия, были широко использованы сталинской командно-административной системой [см.: Г а н г н у с А. На руинах позитивной эстетики. — «Новый мир», 1988, № 9, с. 150].

Со сталинских времен особенно широкое распространение получили вульгаризирующие марксизм взгляды, отождествляющие человека с классом, а класс с представляющими его политическими институтами — государством, партией. На вершину пирамиды тождеств воздвигалась фигура «вождя мирового рабочего класса», который, олицетворяя возглавляемые им партию и государство, воплощал чаяния и стремления «всех простых людей Земли». Таким образом, присущее сталинизму сведение индивидуального к «классовому» (концепция «человека-винтика») приобретало не только национально-государственные, но и глобальные масштабы.

Ныне пора восстановить в правах элементарную истину. Не существует никаких коллективных разума и воли вне разума и воли индивидуальных; диалектически противоречивое соотношение между индивидуальным и социальным пронизывает жизнь людей, их исто-

рическое бытие и деятельность, вне этого противоречия не может быть правильно понята самая суть «человеческого феномена». Таков один из важнейших принципов научного подхода к проблеме человека, зафиксированной в емкой формуле К. Маркса: человек есть «*индивидуальное общественное существо*» [М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Из ранних произведений, с. 590].

Сочетание социального и индивидуального в человеке исторически конкретно; переходы от одних его исторических форм к другим образуют непрерывную линию человеческого развития, всемирно-исторического процесса в целом.

Есть серьезные основания полагать, что мы переживаем сегодня фазу такого перехода — одного из самых радикальных и бурных в истории человечества, может быть, даже находимся в одной из наиболее напряженных, «взрывчатых» точек этой фазы.

Особенности, содержание изменений, происходящих в современном человеке, имеют отнюдь не только теоретическое значение. В политической публицистике и научной литературе общечеловеческие интересы нередко сводятся к общности угроз, смертельных опасностей, нависших над человечеством. Масштабы этих угроз невозможно переоценить, но думается, что они все же составляют лишь одну, хотя и самую насущную сегодня, сторону общечеловеческой проблематики.

Допустим, что в результате усилий мирового сообщества через какое-то время удастся ликвидировать опасность термоядерной и экологической катастроф. Что же произойдет в этом случае с единством человеческого рода? Неужели люди вновь вернуться к исходному пункту, разойдутся по прежним отгороженным друг от друга национально-государственным и классовым квартирам? Очевидно, что такого возврата, во-первых, просто *не может быть* — общечеловеческую общность питает необратимый процесс развития глобальных хозяйственных, политических, культурных связей; невозможно уйти от необходимости регулирования этих связей в усложняющемся целостном мире.

Во-вторых, этого возврата *не должно быть* — ведь новое воцарение близоруких национальных и классовых интересов, подавление зарождающегося ныне планетарного сознания создало бы почву для возрождения всех сегодняшних угроз человеческому существованию. Даже уничтожив полностью ядерное оружие, совсем нетрудно вспомнить, как его изготавливать; даже прекратив разрушение природы, легко вновь начать его в погоне за сиюминутными выгодами. Стало быть, создание устойчивых, не ограниченных во времени условий безопасного существования человечества требует столь же устойчивой системы выявления и удовлетворения его общих интересов, — системы, способной свести к минимуму те факторы, которые подрывают их общность. Но чтобы решить столь сложную и ответственную задачу, надо прежде всего знать, в чем же состоят эти интересы и их внутренняя противоречивость. А такое знание невозможно без уясне-

ния процессов, происходящих в самом социально-индивидуальном человеке, формирующих его современный духовно-психологический и интеллектуальный облик.

Человек в исторической ретроспективе

Постановка вопроса об особенностях современного человека, точнее, о тенденциях его сегодняшнего развития побуждает как-то отделить современную фазу этого развития от предшествующей. Но как можно это сделать, не насылая надуманными абстракциями колоссальное многообразие как вчерашнего, так и сегодняшнего человека, не игнорируя сосуществования в нем самых различных уровней развития и типов личности, социальных, классовых, национальных, культурных различий между людьми? Как совместить в едином образе профессора Сорбонны и крестьянина из индейского племени в горах Гватемалы, преуспевающего бизнесмена из Калифорнии и рабочего из небольшого городка в Сибири? Полагаю, что эту трудность можно преодолеть лишь одним способом: ни в коей мере не умаляя безграничной гетерогенности человеческого рода, сосредоточить внимание на общности объективных — технико-экономических, социальных, культурных — процессов, которые в растущей мере испытывают сегодня массы людей во всем мире. При всем разнообразии их ситуаций и личностных свойств эти общие процессы не могут — в силу реальности общеродовых свойств человеческой природы — не порождать определенные, тоже общие, типы реакций на изменения. А подобные реакции, запечатлеваясь во внутреннем мире личности, ведут к необратимым изменениям в самих людях. При этом они, конечно, остаются столь же разными, сколь и были, но меняются в сходных направлениях. Именно вектор, тенденция изменений и является тем компонентом действительности, в котором выражается единство общечеловеческого развития.

Из всего многообразия человеческих качеств могут быть выделены две их группы, играющие центральную роль в регулировании жизнедеятельности людей в мире. Это, с одной стороны, мотивы деятельности, основанные на различных человеческих потребностях и воплощающиеся в интересах и целях индивидов и групп. С другой стороны, это знания людей о мире, в котором они живут, образующие в своей совокупности человеческую культуру. Речь идет не только о знаниях прагматических — научных или почерпнутых из обыденного опыта, — но и о знаниях идеальных: ценностях и ценностных ориентациях, верованиях, идеалах, словом, о всей системе представлений людей об окружающем мире, о своем месте в нем, о возможности и путях его изменения. Из этой системы знаний складывается мировоззрение, мировосприятие человека, самосознание личности и сознание больших общественных групп. Причем далеко не все такие знания

носят рационально-логический характер, многие из них интуитивны, существуют в глубинах подсознания.

Мотивы и знания (мотивационная и когнитивная сферы психики) находятся в отношениях тесного взаимодействия, взаимно питают друг друга. Люди формируют свои знания под влиянием собственных потребностей и в то же время определяют свои потребности и мотивы в соответствии со знаниями о мире, о существующих в нем материальных и духовных благах, о возможностях их присвоения. Очевидно, что именно мотивы и знания являются наиболее динамичными компонентами исторического развития человека. Хорошо известно, что человеческие потребности по своей природе безграничны, испытывают процесс возвышения, и столь же безграничен процесс расширения знаний человека о самом себе и о мире.

Можно полагать, что наиболее крупные и радикальные изменения, происходящие ныне в человеке, осуществляются на стыке мотивационной и когнитивной сфер его психики и сознания, широко охватывая обе эти сферы. Общей чертой изменений являются сдвиги в наиболее глубоких основах социально-индивидуальной человеческой природы. С одной стороны, меняется содержание мотивов и знаний людей, с другой — соотношение социального и индивидуального компонентов в процессах формирования мотивов и знаний, во всей системе ориентирования и регулирования человеческого поведения.

На протяжении длительных эпох истории материальные блага, изымаемые у природы и создаваемые в процессе производственной деятельности человека, составляли центральный, приоритетный объект его потребностей. Над большинством людей тяготела угроза голода и нищеты, и в этих условиях материальное богатство, естественно, рассматривалось как решающая основа удовлетворения всех иных, «нематериальных» потребностей: высокого социального статуса, власти, влияния в группе. И хотя люди давно уже знали, что не хлебом единым жив человек, даже институты духовной власти, призванные заботиться прежде всего о душе человека, отнюдь не чурались материального обогащения. Интересы простого выживания и материального благополучия господствовали в обществе, и это обстоятельство в громадной мере способствовало гомогенизации и стандартизации человеческих потребностей, их концентрации на материальных благах, степень владения которыми выступала как главный критерий положения человека в обществе.

Развитие товарно-денежных отношений и товарного фетишизма, становление капитализма еще более усилили эту тенденцию: деньги превратились во всеобщий эквивалент не только рыночного обмена, но и человека как личности в его отношениях с другими людьми; размер богатства стал служить ведущим критерием выделения индивидов и их групповых объединений, социальная по своей природе субстанция — деньги (средство общественного измерения продуктов деятельности человека и его социального качества) — подчинила себе его индивидуальность, задала жесткие рамки формам ее выявления.

Несомненно, человек буржуазной эпохи намного более индивидуален, чем его предшественник, сформированный докапиталистическими общественными отношениями. Он порвал узы, связывающие его с сословием, цехом, сельской или городской общиной, выступает на рынке и в обществе как человек-одиночка, субъект межиндивидуальной конкуренции. Но его индивидуальность ограничена как «изнутри» — узостью денежно-материальных целей и ценностей, стандартизирующих его потребности, так и «извне» — жесткими нормами групповой культуры, «кодексом поведения», принятым внутри каждого из социальных классов и слоев. Классовая структура капиталистического общества утратила сословно-юридический характер, присущий структуре феодальной, облегчила в известной мере переходы из одной группы в другую, но она сохранила жестко детерминированный характер отношений между человеком и его группой, предписывающей личности следовать правилам жизни, принятым в данной социальной среде. Эти правила, распространяющиеся на типы потребления, семейные и личные отношения, методы воспитания и способы оценки личности, эстетические вкусы и формы досуга, образуют в своей совокупности групповую культуру. Характерно, что даже в условиях позднего капитализма, в значительной мере ослабившего глубину классовых различий, границы групповых культур меняются, расходятся с собственно классовыми, но сам феномен таких культур сохраняется. Так, наряду с традиционными рабочей и крестьянско-фермерской и элитарно-буржуазной культурами складывается культура так называемого среднего класса: при всей гетерогенности ее социальной базы и расплывчатости социальных границ она не в меньшей мере, чем другие культуры, способна определять систему мотивов, предпочтений и ориентаций личности.

Общество, назвавшее себя социалистическим, сформировало принципиально иную, чем при капитализме, классовую структуру, но унаследовало от него сам принцип групповой детерминации положения и поведения индивида. Это поведение долгое время диктовалось традиционными или вновь сформированными групповыми нормами — например, связанными с рабочей и крестьянской культурами, с культурой партийно-государственной бюрократии, интеллигенции и т. д. При этом, поскольку речь идет о советском обществе, бурный подъем коллективистских ценностей в 20 — 30-х годах, ужесточение регламентации социального поведения и интеллектуальной жизни, привнесенное репрессивно-деспотической системой, привели к далеко зашедшему процессу деиндивидуализации, обезличивания человека. Естественные групповые ограничители индивидуальности дополнились или даже поглотились искусственными, созданными всеохватывающей деспотичной властью.

В целом при всем различии общественных систем и сдвигах, происходивших внутри каждой из них, примерно до середины XX века сохранилась определенная всеобщая модель соотношения социального и индивидуального в человеке. Человек продолжал проявляться

как индивид, выделяться из себе подобных лишь в пределах, заданных его социальной группой, как бы с оглядкой на нее.

Разумеется, во все времена и во всех обществах существовали одиночки, способные на героический бунт против своей социальной среды. Однако подобные люди-«мутанты», хотя они подчас и играли центральную творческую роль в обновлении типов сознания и поведения людей, все же оставались редким исключением; в основном же даже наиболее мощные героические проявления индивидуальности осуществлялись в русле социально заданных форм. Во многих романах и фильмах описана характерная коллизия: герой войны оказывается робким конформистом, даже трусом в гражданской жизни: очевидно, героизм, социально санкционированный и поощряемый, проявлять куда легче, чем сопротивление общепринятому. Дон Кихот в этом смысле намного героичнее неистового Роланда.

Наши размышления касались до сих пор обществ, сформированных в традициях западной (в широком смысле слова) культуры, достигших или уже прошедших более или менее высокоразвитую фазу капитализма. Понятно, что в обществах с иными традициями — восточных или обладающих значительными пережитками докапиталистических отношений — социальный контроль над индивидуальным сознанием и поведением проявляется в еще более сильных и жестких формах.

Особой разновидностью, отвлечением всеобщей традиционной модели социально-индивидуального человека являлся распространенный в примитивно-общинной крестьянской или рабочей среде коллективизм. Конечно, буржуазный конформистский индивидуализм представляет собой антитезу коллективизму, но нельзя не видеть и общих корней этих противоположных типов сознания и поведения. Буржуа на рынке ведет борьбу не на жизнь, а на смерть против себе подобных; трудящийся-коллективист подчиняет свои личные интересы общим. Но ведь и тот и другой действуют в рамках норм и целей, диктуемых соответствующей группой, эти социально-групповые нормы неизменно сохраняют приоритет над индивидуальной свободой и автономией. Мотивы, сложившиеся на основе этих групповых норм, становятся, таким образом, личными мотивами индивида.

В еще большей мере это относится к знаниям человека об общественной действительности. Типичный для традиционной модели способ приобретения таких знаний состоит в усвоении людьми готовых стереотипов, выработанных теми или иными идеологиями и культурами. В сущности, тип мировоззрения, соответствующий данной модели, является религиозным независимо от того, ходит ли воплощающий ее человек в церковь или считает себя последовательным атеистом. Сознание его религиозно по своей структуре, ибо принятые им представления не выработаны его собственным индивидуальным интеллектом, а основаны на доверии к авторитетам — будь то авторитет церкви или средств массовой информации. Обязательное свойство его убеждений состоит в том, что они приобретаются им в группе, в

массе, принимаются на веру, а не подвергаются индивидуальной практической проверке. Социальное, таким образом, господствует над индивидуальным и в массовых познавательных процессах, в когнитивной сфере сознания.

Традиционная модель индивидуально-социального человека предполагает определенный тип его отношения к природе и к другим людям. Стимулируемая развитием сознания потребность в самоопределении и самоотождествлении побуждает человека к отграничению от остального мира. Вначале он еще осознает себя частью природы, но чем больше его производственная деятельность теряет чисто природные качества и чем больше он воздействует на природу, изымает ее блага, тем больше он разрывает свои связи с природой, воображает себя ее царем. Человек беден, а природа богата, прогресс человека состоит в его обогащении и, следовательно, в безграничном познании и присвоении природных ресурсов — примерно на таких представлениях основан сложившийся в предшествующие эпохи тип производственной деятельности человека.

Вторая сторона самоотождествления человека — это определение его отношений с другими людьми. В условиях господства группового сознания над индивидуальным эти отношения могли быть только групповыми, гипертрофирующими внутригрупповые социальные связи и умаляющими межгрупповые, общечеловеческие. Подчиненный этому господству индивид был не в состоянии ощутить себя просто человеком, поэтому он неизбежно соотносил себя с неким «мы» — племенем, этносом, нацией, сословием, классом, противостоящим другим группам — «они». Конечно, в основе этого противопоставления чаще всего лежала реальная противоположность групповых интересов, но присущая традиционному человеку прикованность к группе побуждала его раздувать такую противоположность, мешала разглядеть общечеловеческое в интересах и стремлениях людей.

Отношения эксплуатации, господства и подчинения, соперничества и борьбы различных групп оказывали громадное воздействие на жизнь людей в течение многих тысячелетий, но на определенном уровне человеческого сознания не столько сами эти отношения, сколько представители противоположной группы, «они», воспринимались как источник зла и несчастья, и священная взаимная ненависть укоренилась в качестве определяющего принципа межгрупповых отношений. Гуманистические религиозные и философские учения, пытавшиеся покончить с этим вечным проклятием человеческого рода, убеждали в противоестественности всеобщей вражды, но в конечном счете они оказывались бессильны перед лицом антагонистических межгрупповых отношений и закреплявших их стереотипов сознания.

Таким образом, человек, соответствующий традиционной модели, — это существо, стремящееся к безграничному расширению своего материального богатства путем завоевания все большей власти над природой и изъятия ее ресурсов. Вместе с тем он представляет собой

существо, стремящееся объединиться в устойчивые группы, опирающееся в своих мотивах и знаниях, нормах и представлениях на те из них, которые приняты его группой.

Иными словами, он тяготеет к бесконечной межгрупповой и внутригрупповой дифференциации — используя эту дифференциацию, образование все новых групп для своего индивидуального выделения, — ведущей в действительности ко все более утонченным формам групповой «запрограммированности» индивида. Межгрупповая борьба, являющаяся ведущим принципом его общественного бытия, побуждает его к формированию многообразных институтов, призванных обеспечивать как сплоченность, упорядоченность группы, так и ее способность защищать групповые интересы перед лицом других групп; эти институты все больше отделяются от самих групп и приобретают самостоятельное существование и свои интересы. Логика межгрупповой борьбы порождает стремление к умножению силы, как материально-экономической, так и военной, превращая изобретение оружия уничтожения в одно из наиболее быстро прогрессирующих направлений развития знаний.

Культура, этика, мораль все чаще внушали человеку мысль о порочности такой организации жизни, которая сохраняла неизменными антагонизмы и ненависть, неравенство и эксплуатацию в отношениях между людьми. В его сознании укреплялась мечта об обществе всеобщей любви и братства. Но все попытки осуществить эту мечту — от самых первых и наивных до основанных на рациональных научных теориях — не достигали своей цели. Причину этого следует искать в закономерностях объективной материальной жизни людей, но, очевидно, не только в них. Не случайно каждый очередной план переустройства человека и общества осуществлялся в конце концов способом, воспроизводившим в новых формах те самые отношения, которые хотели устранить. Христианская проповедь любви к ближнему обернулась в конце концов инквизицией и «охотой за ведьмами», идеи просвещения — гильотиной, построение социализма сопровождалось ГУЛАГом и истреблением миллионов людей, ужасами полпотщины и «культурной революцией» в Китае.

Можно назвать множество конкретных объективных и субъективных причин подобного хода событий, но было бы неверно упускать из виду их общечеловеческую, антропологическую основу. А основа эта состоит в том, что традиционный человек сознательно или интуитивно исходит из примата общности над индивидом, общей истины над ее конкретным воплощением в каждой личной судьбе. Поэтому общий интерес рассматривается как нечто тождественное интересу индивида, что позволяет в действительности пренебрегать этим индивидом, самой его жизнью.

Поэтому же общий принцип переустройства человеческого бытия, выведенный из знания — мифологического или научного, — ставится выше естественного движения самой жизни реальных людей со всеми ее непредвидимыми поворотами и коллизиями; преобразова-

тель уподобляется архитектору, оперирующему материалом с заранее заданными свойствами, забывая, что живые люди — это не кирпичи и камни. И наконец, по той же причине сами люди, являющиеся массовой силой любых общественных преобразований, участвуют в них, опираясь на мотивы и знания, выработанные не ими самими, но освященные традициями и авторитетом группового сознания, овладевших ими учений и верований.

На первый взгляд может показаться, что отнюдь не избыток, а недостаток социальных, объединяющих начал в бытии человека — источник его бед и пороков. Разве не слабость этих начал отражают эгоизм и своекорыстие, ненависть и насилие по отношению к себе подобным? Однако в индивидуальности как таковой нет ничего, что фатально противопоставляло бы человека другим людям; напротив, он нуждается в их солидарности и поддержке. Эгоистическое сознание и поведение взаимосвязаны, как это ни парадоксально, с определенным типом социальности: они покоятся на представлении о другом как «чужом», потенциально враждебном, а это представление восходит к групповому противостоянию «мы» и «они», вообще к групповой дифференциации человечества. И именно это разделение на «своих» и «чужих» — величайшее препятствие на пути утверждения самооценности каждого человека, священности индивидуальной человеческой жизни.

Внутригрупповые связи никогда не служили достаточно надежной основой солидарности людей хотя бы в силу своей неустойчивости, изменчивости: любой сдвиг в групповой структуре общества ослаблял или разрушал их. Кроме того, функциональный характер многих из таких связей, распространявшихся на общие правила поведения и общие интересы группы, отнюдь не мешал внутригрупповой борьбе: известно, например, что солидарность пролетариата всегда сосуществовала с конкуренцией между пролетариями. Следовательно, социально-групповая связь как таковая не может служить подлинным противоядием эгоизму и индивидуализму.

Из всего этого вовсе не следует, что правы теоретические апологеты индивидуализма, провозглашающие его доминирующим свойством человеческой природы. Человек был, есть и всегда будет социальным существом: безудержный, гипертрофированный индивидуализм неизбежно обедняет его, ведет к утрате лучших человеческих качеств. Но не менее пагубно для него подавление индивидуальности (которое, кстати, может сочетаться с самым разнузданным индивидуализмом). Социальная сущность человека не есть нечто неизменное, данное на все времена: образующая ее связь между людьми носит исторический характер, различные ее формы могут в той или иной мере как содействовать, так и препятствовать человеческому прогрессу.

Особенность нашего времени состоит в том, что происходят радикальные, далеко идущие изменения в типе этой связи и соответственно в модели человека. Изменения, бесспорно, весьма неравномерные: сотни миллионов людей сохраняют сегодня все черты традиционной

модели. Точно так же верно и то, что за сотни лет до наших дней жили и действовали люди, успешно преодолевшие ограниченность этой модели. В истории вообще никогда ничего не начинается и не кончается по команде «все вдруг». Тем не менее можно утверждать, что сегодня назревают мощные антропологические сдвиги, охватывающие все главные стороны человеческой природы.

Современная индивидуализация

Радикальный переворот в системе социальных связей человека во многом обусловлен процессами, усложняющими социально-групповую структуру общества. Большие и малые группы, основанные на социально-экономической дифференциации общества, все более теряют свою роль пространства, в котором замыкаются непосредственные отношения между людьми, формируются их мотивы, представления, ценности. Разумеется, классы, слои, профессиональные и иные социально-экономические группы, меняя свой состав и границы, продолжают существовать; сложное взаимодействие их интересов и практические отношения между ними, как и прежде, образуют содержание жизни общества, во многом определяют его динамику. Однако значительно ослабевают связи между каждой из такого рода групп, ее «низовыми», первичными ячейками и личностью.

Во-первых, потому, что в силу резко возросших темпов социальных изменений эти связи теряют устойчивость, определенность, однозначность: для современного человека все более типичным становится такой жизненный путь, в ходе которого он, переходя из родительской семьи в школу, а затем несколько раз меняя свое профессиональное положение и место в жизни, уже не в состоянии целиком идентифицировать себя с какой-либо определенной ячейкой общества. Конечно, с точки зрения теоретического анализа такого человека можно отнести к рабочему классу или какой-либо иной столь же широкой категории, но это будет весьма условно и совсем не обязательно совпадет с реальной социальной идентичностью индивида.

Во-вторых, выйдя из своей былой культурной изоляции, большие социальные группы и их первичные ячейки все меньше способны передавать личности свою специфическую групповую культуру. Эту культуру размывают хорошо известные процессы «омассовления», «усреднения», стандартизации и интернационализации типов материального и культурного потребления, источников и содержания социальной информации, образов жизни и способов проведения досуга. Человек может жить в центре Европы или на побережье Тихого океана, иметь высокий или скромный уровень дохода, быть рабочим или банкиром, но окружающий его вещный мир, его повседневные бытовые занятия и развлечения, продолжая отражать его реальные материальные возможности, тем не менее все больше нивелируются. Джинсы и кроссовки, автомобиль или телевизор приобретаются в за-

висимости от своих качеств за весьма разные деньги, но все же это одни и те же предметы, подчас даже носящие одну и ту же торговую марку (магнитофон «Сони» можно купить и за 100 и за 300 долларов). Еще меньше признаков социально-групповой принадлежности в рок-музыке и вестернах, телепередачах и сообщениях крупнейших информационных агентств, составляющих главную духовную пищу миллиардов наших современников.

Можно, конечно, возразить, что все сказанное относится главным образом к развитым странам. Но ведь поскольку речь идет о ведущих тенденциях изменений в образе жизни, культурном и материальном потреблении, различие между разнотипными по уровню экономического развития и социальному строю обществами носит больше количественный, чем качественный характер: это скорее различие по уровню доступности тех или иных благ, чем по типу вождений и предпочтений. Постоянно голодный и безработный житель латиноамериканской фавеллы еще туже затягивает свой пояс, чтобы купить дешевый телевизор, а молодой москвич или ярославец, несмотря на все предостережения защитников традиций, правдами и неправдами старается достать кассету с модным роком. Нельзя не понять тревогу тех, кто видит в подобных процессах угрозу размывания национальной культуры, «утраты корней», но было бы по меньшей мере наивным рассматривать их как результат чьих-то упущений или злой воли, отрицать реальность их глобальных объективных предпосылок. Предпосылки же эти состоят в размывании традиционных культурных общностей, которое не может в той или иной мере не сказываться и на устойчивости национальных и групповых (например, рабочих, крестьянских) культурных традиций: ведь и эти традиции существуют и воспроизводятся не в безвоздушном пространстве, их носителями являются определенные социальные группы — особенно те из них, которые обладают более стабильными условиями бытия, относительно больше замкнуты и меньше подвержены внешним влияниям. А удельный вес таких групп в современном мире, несомненно, уменьшается.

Было бы, разумеется, грубым упрощением отождествлять процессы, происходящие с социально-классовыми и этническими группами, но нельзя не видеть и их достаточно сложной взаимосвязи. Национальная идентичность гораздо глубже и прочнее укоренена в психологии большинства людей, чем социально-групповая, опираясь на такие мощные факторы, как общий язык, восходящую к далекому прошлому историческую память, мифы, стереотипы и символы, существующие на предсознательном уровне и поэтому относительно независимые от актуального опыта, во многих случаях общую религию. Тем не менее процессы культурной интернационализации затрагивают и этническое «мы».

Можно полагать, что учаившиеся в последнее время бурные вспышки национально-этнических движений, фундаменталистских течений и другие подобные явления отражают не только реальные

проблемы, связанные с национальным гнетом и неравенством, но и реакцию на угрозу утраты национальной идентичности. Более того, подъем национального чувства, усиление этнического или религиозного «мы» может служить своеобразным психологическим выходом из той ситуации одиночества, утраты социальной принадлежности (идентичности), которую создает размывание первичных социально-групповых связей, дестабилизация окружающей человека социальной среды.

По всем этим причинам этнические культуры гораздо сильнее сопротивляются процессам размывания и дестабилизации, чем социально-классовые. Но это не значит, что они не испытывают в той или иной мере этих процессов. В результате и происходит глубокий, можно сказать, эпохальный сдвиг в системе отношений «я» — «мы», индивид — группа, личность — социум.

Одно из наиболее заметных проявлений этого сдвига, привлекшее особенно пристальное внимание современной социологии, — масштабная эволюция доминирующих типов социальной общности людей.

Традиционные, отличавшиеся относительно высоким уровнем культурно-психологической гомогенности группы в той или иной мере растворяются в более аморфных массовых общностях. В работах известного советского социолога Б. А. Грушина убедительно показаны принципиальные отличия массы от традиционных групп: отсутствие четкой структуры, размытость границ, неустойчивость, значительная внутренняя гетерогенность. При этом, подчеркивая с рядом западных авторов, исследователь отмечает, что «никакие массы — ни возникающие внутри классов, ни образующиеся на их пересечении, — конечно же, не заменяют собой данных основных групп в жизни современного общества, ни на йоту не подрывают объективного существования и первостепенного значения социальной структуры последних» (т. е. классов. — Г. Д.). «Массы, — пишет далее Б. А. Грушин, — действуют не вместо классов, а наряду с ними» [Г р у ш и н Б. А. Массовое сознание. М., 1987, с. 210—228].

Последнее утверждение не вызывает сомнений, однако нельзя не видеть, что такое «конкурентное сосуществование» общностей разного типа не может не иметь весьма существенных последствий для сознания и поведения входящих в них индивидов: ведь не разные, а одни и те же люди образуют состав и «классических» групп, и массовых общностей! Очевидно, что выражаемые в массовизации процессы возрастающей неустойчивости социальных общностей людей, их размытости, изменчивости, внутренней дифференциации и т. д. не могут не ослаблять связей индивидов с «классическими» группами.

Это ослабление легко наблюдается на основе данных, относящихся к западным обществам. Как показывают многочисленные эмпирические исследования, жители развитых капиталистических стран, полностью сознавая реальность глубокой классовой дифференциации общества, в то же время с большими трудностями и колебаниями от-

носят себя к какому-либо определенному классу, часто проявляют склонность связывать себя с некоей аморфной общностью («основным классом»), объединяющей большинство населения. При этом классовое сознание, вопреки утверждениям теоретиков правоконсервативного толка, не исчезает, но перестает выражаться в абсолютном противостоянии «мы» и «они», все чаще сочетая понимание специфичности и конфликта классовых интересов с признанием их совпадения в определенных областях. Классы сохраняют свою социально-экономическую реальность, и именно эту реальность, т. е. классовые социально-экономические интересы, отражает и массовое сознание; однако классы гораздо в меньшей степени, чем раньше, определяют всю совокупность психологических и интеллектуальных феноменов этого сознания, типы поведения людей в обществе.

Хотя социально-психологические процессы, происходящие в нашем обществе, известны гораздо хуже, мы знаем, что и у нас имеют место сходные явления. Многие советские люди, воспитанные в духе классовых принципов, сохраняют верность им в своих идеологических представлениях, но в то же время отходят от односторонне «конфронтационного» понимания этих принципов, от жесткого деления фактов общественной действительности на «свои» и «классово чуждые». Под пером некоторых наших и зарубежных левых авторов подобные изменения подчас изображаются в однозначно отрицательном виде и толкуются упрощенно: как проявление влияния буржуазной идеологии, результат ее пропагандистских усилий. В подобных объяснениях не учитываются объективно закономерные процессы развития массового сознания, их относительная независимость от «внешних» пропагандистских влияний, их обусловленность глубокими сдвигами в структуре общественных отношений, в месте и роли индивида в обществе.

В социологической и социально-психологической литературе роль индивида в современных массовых общностях нередко рисуется в весьма черных красках. «Массовый» индивид изображается существом, лишенным собственных устойчивых убеждений и ориентаций, подверженным стандартизации, разного рода внушениям, словом, испытывающим процесс обезличивания. Подобные заключения отражают определенные реальные явления, но, как представляется, страдают односторонностью и искажением исторической перспективы.

Бесспорно, человек, тесно связанный психологически с социально-культурной группой традиционного типа, отличается гораздо большей устойчивостью и определенностью своих взглядов и поведения: ведь он думает и действует в соответствии с жестким, впитанным с молоком матери кодексом групповых норм. Но значит ли это, что он более самостоятелен, индивидуален, чем «массовый» человек? Думается, что дело обстоит как раз наоборот: неустойчивость, противоречивость, изменчивость мыслей и поступков человека массы выражают как раз его большую свободу и от какого-либо определенного, однозначного «социального влияния». Правда, они могут выражать в то же время отсутствие у него столь же определенного своего собствен-

ного «внутреннего» компаса, но ведь такая психологическая ситуация совсем не обязательно означает некое необратимое «обезличивание». У нас не меньше оснований определять ее как «открытость», раскованность индивидуального сознания, его поисковое состояние, подвижность, его способность к выбору разных моделей поведения. Словом, человеческий смысл изменений, обозначаемых словом «массовизация», достаточно амбивалентен, противоречив.

Ясно, во всяком случае, одно. Современные сдвиги в отношениях между индивидом и социумом идут в направлении большей эластичности, многосторонности, меньшей жесткости социальных связей человека и создают, следовательно, больший простор проявлению его индивидуальности. В этих сдвигах выражается качественно новый этап роста автономии индивида, исторического процесса индивидуализации человека. При этом надо отчетливо видеть, что индивидуализация может в принципе проявляться и чисто негативно — как растущее одиночество, социальная дезориентация человека, расширяющая возможность манипуляции его сознанием и поведением. Но она может вести и к реальному возвышению его индивидуальности, способности вносить творческий, уникальный вклад в жизнь общества.

Эта противоречивость тенденций накладывает глубокую печать на развитие потребностей и мотивов современного человека. Освобождаясь от жестких групповых стандартов, они становятся более «раскованными», многообразными. Конечно, в обширных зонах голода и нищеты, столь типичных для стран «третьего мира», в наиболее обездоленных слоях развитых обществ забота о хлебе насущном, об элементарном выживании остается доминантой системы потребностей. Но всюду, где человек хотя бы ненадолго в состоянии отвлечься от этой заботы, он ищет иных точек приложения своим жизненным силам. И ищет их в разных направлениях, отнюдь не сводящихся к одному лишь материальному благосостоянию, обогащению или превосходству над другими людьми. Сколь часто в одних и тех же социальных слоях мы наблюдаем одновременно людей, отдающих себя погоне за заработком и вещами, и тех, кто отказывается участвовать в этой погоне, стремится уравновесить труд ради заработка более протяженной и эмоционально насыщенной внеуродовой частной жизнью. Не случайно в самых разных уголках мира звучат жалобы на упадок трудовой морали, призывы к поиску новых стимулов труда — таких, как его самостоятельность, творческое содержание.

Современный человек поставил под вопрос традиционное для индустриальной цивилизации обожествление роста производства, материального богатства, цели и ценности, выраженные лозунгом «больше!». «Антииндустриальные» теории, получившие широкое распространение начиная с 70-х годов, подъем экологических движений — это лишь видимая верхушка айсберга, их питает глубокий перелом в общественных настроениях.

Некоторые наиболее радикальные экологисты полагают, будто наступает время, когда экономика вообще отходит на задний план

человеческой жизни. Подобные представления наивны и утопичны: экономика нужна людям не менее, чем раньше, но меняется характер требований, которые они предъявляют и к содержанию, и к результатам производственного процесса. Становление этих новых требований в огромной мере способствовали возможности, открытые современной научно-технической революцией. Акцент в них переносится с количественных целей на способность экономики улучшать все стороны качества жизни людей, придавать все более многообразный и индивидуализированный характер процессам выявления и удовлетворения их потребностей. Традиционная ценовая конкуренция уступает место конкуренции, в которой побеждает тот, кто умеет производить более разнообразные и отличающиеся принципиальной новизной блага и услуги. Наиболее привлекательными для производителя все чаще оказываются такие типы производства, которые позволяют не только больше заработать, но и проявить свои индивидуальные способности и автономию (с этим связаны бурное развитие технически передового мелкого производства в ряде капиталистических стран, перспективы арендных форм и кооперации в нашем обществе). В общем, от экономики хотят, чтобы она была более гуманной, отвечающей растущему богатству индивидуальных запросов.

Теоретики «массового общества» утверждают, будто оно способствует унификации и обезличиванию человеческих потребностей. Действительно, становление массового производства и массового потребления привело к глобальному распространению унифицированных потребительских стандартов, превращению гонки за этими стандартами и состязания в сфере потребления (иметь столько же или больше, чем другой!) в одну из ведущих социально-психологических тенденций современного общества. Не случайно его назвали «обществом потребления». В наших условиях эту тенденцию еще более усиливает накопившийся дефицит как самых элементарных, так и «престижных», модных товаров.

И все же унификация и стандартизация потребностей — это лишь один, и притом наиболее видимый, поверхностный аспект их эволюции. Она отражает более глубокий процесс разложения узкогрупповых стандартов потребления и мотивации, символизировавших и закреплявших социальную идентичность личности. Современное массовое потребление вытесняет эти стандарты, но не может заменить их в качестве решающего регулятора потребностей и мотивов. Стремления, запросы, влечения современного человека неизмеримо богаче того набора чисто потребительских ценностей, который задается массовым стандартом. В отличие от ценностей традиционных групповых культур он не дает готового ответа на вопросы: «Кто я и с кем?», «Что для меня более и что менее важно, к чему я должен стремиться и чем могу пренебречь?». Ответ на эти вопросы должен давать сам индивид. Или, говоря точнее, делать собственный выбор из возможных вариантов ответа... Таким образом, за поверхностной массивификацией и стандартизацией скрывается резко расширившееся поле свободного

самоопределения личности. Психологи называют этот процесс определением «личностного смысла»: человек уясняет, какие цели, ценности, виды деятельности выражают подлинный смысл его жизни.

Трудности такого выбора велики, особенно на ранних этапах становления личности. Множество болезненных явлений современной жизни, от наркомании до «безмотивной» преступности, от культа вседозволенности и агрессивности до равнодушия к любой целенаправленной деятельности, особенно широко распространенных в подростковой и молодежной среде, так или иначе связано с этими трудностями. И не потому ли столь популярен рок, что он глушит своим шумом, ажиотажем массовых сборищ мучительные чувства бессмысленности и одиночества, которыми охвачена часть молодежи? Но стоящие в этом ряду кризисные явления — лишь одно из следствий индивидуализации человеческих мотивов. О реальности совсем иных ее последствий говорит идущий в той же молодежной среде напряженный поиск новых форм социальной активности и человеческой общности, выразившийся в повсеместном подъеме неформальных движений. В сущности, они знаменуют собой попытку по-новому определить соотношение индивидуального и социального в системе человеческих мотивов.

Человек-индивид не может не черпать свои мотивы из материальной и духовной культуры общества, в котором он живет, не может не выражать в них свою общность с другими людьми. Но он — инстинктивно или сознательно все сильнее стремится выразить в них и свое собственное, неповторимое «я».

Индивидуализация мотивов тесно сопряжена со сдвигами в способах познавательной деятельности, в отношениях человеческого сознания с объективным миром. Традиционные групповые культуры «снабжали» индивида более или менее четкой системой представлений как о возможных направлениях его действий, так и о пределах этих возможностей. В той мере, в какой групповые культуры выполняли функцию резервуара социальных знаний, они укрепляли самой жесткостью, устойчивостью своей структуры определенность, ясность, целостность подобных представлений. Социальный опыт современного человека, его знания о мире куда более многообразны, противоречивы, «разорваны». Мир, в котором он живет, неимоверно усложнился по сравнению с миром предшествующих поколений. Он требует и принципиально новых способов ориентации в действительности, ее «освоения» человеком.

Такого рода новые способы предполагают, в частности, иное, чем прежде, соотношение между культурой, культурной традицией как воплощением исторической памяти человеческих групп, обобщением их прошлого опыта и ориентациями сегодняшнего, актуального поведения. В быстро меняющемся мире прошлый опыт реже может служить надежным компасом, необходимы гораздо более быстрое освоение нового, большие реактивность, подвижность. В ситуации, в которой возрастают автономия положения и деятельности индивида, неустойчи-

вость и множественность его социально-групповых связей, неизбежно более индивидуализированными, автономными становятся и его познавательные процессы.

Бесспорно, социальное познание в любых условиях — процесс коллективный, оно предполагает постоянный обмен опытом, мыслями, восприятиями между людьми. Но в традиционной модели в этом взаимообмене гораздо большую роль играло простое воспроизводство унаследованных знаний. Теперь же в формировании коллективных позиций возрастает значение знаний, самостоятельно выработанных каждым индивидом. А это означает и его большую свободу от предвзятых групповых представлений.

Та неустойчивость современного массового сознания, та податливость его внешним, нередко стандартизирующим, нивелирующим внушениям, на которые ссылаются его критики, — в сущности, оборотная сторона этой свободы. Отдельные индивиды и массы индивидов далеко не всегда в состоянии, так сказать, квалифицированно воспользоваться ею — трудность самостоятельного познания усложняющейся действительности оборачивается восприимчивостью к мнениям «других», к суждениям, поступающим по каналам массовой информации. Здесь сказываются и намного возросшие масштабы и темпы массовых информационных процессов, громадная сила их напора на индивидуальное сознание. Но влияние этих процессов отнюдь не безгранично — оно постоянно конкурирует с теми представлениями, которые формируются внутри массовых общностей, да и институты информации постоянно вынуждены считаться с такими представлениями, приспосабливаться к ним.

За всеми противоречиями и колбаниями массового сознания просматриваются общие тенденции: с одной стороны, рост его «открытости», динамизма, раскованности, с другой — его индивидуализация, атомизация. Сочетание этих тенденций как раз и порождает как возможность чрезвычайного многообразия, плюрализма индивидуальных мнений, оценок, суждений, так и их «сцепления» в весьма неустойчивые, временные общности. Причем сама их неустойчивость знаменует собой индивидуализацию познавательных процессов, их отход от стабильных коллективных моделей, от опоры на утвердившиеся стереотипы. Податливость массового сознания внушаемым представлениям — это лишь одно из последствий его дестабилизации. Но в то же время эта дестабилизация, возросшая амплитуда колебаний массового сознания означает более адекватное отражение им диалектики реальной жизни. Ведь жизнь по своей природе противоречива, дает повод для различных, нередко противоположных выводов и оценок. Истина, добытая колеблющимся, ошибающимся и исправляющим ошибки сознанием, надежнее истины, уверенно опирающейся на постоянно устаревающие аксиомы.

Самостоятельность человеческого мышления сегодня проявляется более всего в его возрастающем критицизме. Многие мыслители относительно недавнего прошлого были убеждены, что условием любого

общественного действия является разделение людей на «критически мыслящих личностей» и «верующую массу». Этого взгляда придерживались столь разные по своим воззрениям деятели, как, например, русский народник П. Л. Лавров [см.: Л е б е д е в А. А. Последняя религия. — «Вопросы философии», 1989, № 1, с. 44—45] и итальянский марксист А. Грамши, считавший, что «массы как таковые не могут усваивать философию иначе как веру» [Г р а м ш и А. Избранные произведения, т. 3. М., 1957, с. 29]. В наше время вера как основа общественно-политических убеждений и действий людей во многих странах и регионах теряет свое значение, критический склад мышления перестает быть привилегией просвещенной элиты, становится чертой массового сознания.

Речь не идет, разумеется, о том, что все или большинство людей вдруг стали критически мыслящими личностями, способными самостоятельно выработать собственное мировоззрение. Интеллектуальная самостоятельность чаще всего проявляется, как и другие аспекты индивидуализации, преимущественно в негативной форме — в недоверии к интеллектуальной компетентности общественных и политических институтов и распространяемой ими информации. Именно поэтому главным объектом и «жертвой» критицизма становятся идейно-политические доктрины, партии, церковь, средства массовой информации. В США за 20 лет, отделяющих начало 80-х годов от начала 60-х, с 56 до 29 процентов уменьшилась доля людей, верящих в компетентность политического руководства; в 1981 году 40 процентов опрошенных считали, что и правительство, и телевидение, и газеты часто или всегда лгут [Y a n k e l o v i c h D. New Rules, p. 185—186; Public Opinion, 1984, vol. 7, № 2, p. 6—8]. А ведь американское общество всегда отличал особый конформизм массового сознания. В большинстве развитых капиталистических стран в последние десятилетия происходил процесс секуляризации, падало влияние «официальных» церквей и религий. В иных социально-политических условиях и во многом вследствие иных непосредственных причин процесс отчуждения людей от политических и общественных институтов усиливался долгие годы и в нашем обществе.

Конечно, подобные факты и явления можно рассматривать как признак кризиса определенных мировоззренческих систем и политических сил, отнюдь не исключаящего все той же некритической веры в какие-то новые системы и силы. Ведь говоря, например, о кризисе религиозности в определенных обществах, нельзя забывать об ее усилении в других местах, а также об оживлении всякого рода нетрадиционных культов. Не только в странах «третьего мира», но кое-где и на «просвещенном» Западе появляются новые претенденты на роль харизматических лидеров.

Но все же, думается, нынешние приливы религиозной или политической веры не перечеркивают значения принципиально новых рационалистических тенденций в сознании современного человека. Вообще говоря, любые новые тенденции чаще всего наталкиваются на

контртенденции, выражающие сопротивление сложившимся структурам. Кроме того, как уже отмечалось выше, ареал их распространения не может не быть ограниченным в силу крайней неоднородности уровней и типов развития различных обществ. Эта ограниченность сама по себе не может рассматриваться как признак чисто локального характера подобных тенденций: в наше время локальное, если оно порождено причинами, имеющими общее значение, очень быстро становится универсальным.

Именно такой «общей причиной» является происходящее повсюду, хоть в весьма неодинаковых размерах и формах, освобождение человека от подчинения мощной духовной власти традиционного группового мировоззрения. Главный вопрос состоит, конечно, в том, к чему ведет это освобождение. Прав ли Великий Инквизитор, в уста которого Ф. М. Достоевский вложил идею бесперспективности человеческой свободы: «Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклоняться. Но ищет человек преклониться перед тем, что уже бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение».

В формуле Достоевского гениально уловлены два взаимосвязанных момента в переживании свободы современным ему человеком. Во-первых, это мучительность свободы, порождаемая той бездонной пустотой, пропастью одиночества, которая возникает перед человеком, «освободившимся» от привычного подчинения общественной духовной силе. Во-вторых, сильнейшая внутренняя потребность заново включиться в другую, но аналогичную по своей структуре систему такого подчинения. «Бегство от свободы», как скажет уже в середине нашего века Эрих Фромм. Связь этих двух моментов, бесспорная для человека традиционного склада, представляется, однако, сомнительной для человека современного. Развившаяся у него потребность в самостоятельности, в индивидуальности отнюдь не уменьшила его ужас перед социальным одиночеством, но значительно ослабила стремление выйти из одиночества обязательно «как все», в неразрывной слитности с ними, в общем с ними преклонении перед новым идолом (персонифицированным или абстрактным). Скорее, ему хочется как-то соединить, примирить свободу с человеческой общностью. Из стремления к такому соединению и возникают многие, подчас еще только намечающиеся, трудно уловимые новации человеческой жизни.

Развитие и утверждение этих новаций наталкивается на трудно преодолимые препятствия. Многие из них коренятся в объективных общественных отношениях, в которые включен человек, в господствующих над ним институтах власти. Экономическая, социальная, политическая несвобода продолжает, как и тысячелетия тому назад, питать несвободу духовную. Современный человек все более демифологизирует окружающую его действительность, освобождается от слепой веры в авторитеты, от доверия к мнениям других, он стремится утвердить свою индивидуальность — больше опереться на собст-

венный разум, «включить» его в формирование общественного сознания. Но, сбрасывая с глаз пелену привычных представлений, становясь более интеллектуально свободным, «рациональным», он обнаруживает, что живет в иррациональном, бессмысленном, возможно, катящемся навстречу своей гибели мире. И он еще не знает, в лучшем случае лишь смутно догадывается, как избавиться от этой бессмысленности, чем заменить не оправдавшие себя ценности, нормы, проекты. Такова природа кризиса самосознания и идентичности человека, о котором говорилось в начале этой работы.

Любой кризис порождает неуверенность, дезориентацию, шарханья. Кто-то в ужасе перед сложностью реальных проблем пытается повернуть вспять, ухватиться за старые мифы, укрепить уже подточенные жизненные устои. Кто-то старается отгородиться от бессмысленного «большого мира» в предельно суженном индивидуальном мирке, жить эгоистическими заботами и утехами сегодняшнего дня. В подобных феноменах нет ничего необычного: поступательное развитие человека никогда не шло по прямой восходящей линии, неизменно сопровождалось колебаниями вбок и назад. И было бы глубокой ошибкой не видеть в современном состоянии общества ничего, кроме всеобщей деморализации и упадка. Нынешний его кризис скорее принадлежит к числу тех, которые способны породить новый уровень, новое качество развития.

Какие альтернативы?

Кризисы в истории человека и общества — это всегда время выбора. Понять, в чем он состоит, невозможно, не избавившись от традиционного фатализма, весьма распространенных представлений о предопределенности путей исторического развития. Сегодня в наше сознание мало-помалу проникает диалектическая идея альтернативности. Она не ставит под сомнение закономерные тенденции, которые в конечном счете определяют общее направление всемирно-исторического процесса, но освобождает нашу мысль от пут механического детерминизма, органически включает в историю «человеческий фактор», мысли и действия живых людей. Суть этой идеи в том, что каждая конкретная историческая ситуация — и особенно ситуация кризисная — содержит в себе различные, альтернативные возможности дальнейшего развития. Какие из них осуществляются, зависит от сложного стечения обстоятельств, в котором центральную роль играет человеческая воля, одновременно и зависящая от этих обстоятельств, и воздействующая на них. Такой подход к истории предполагает, что альтернативные тенденции саморазвития сосуществуют и борются в самом исторически-конкретном человеческом индивиду, в каждом из нас.

Каковы же эти тенденции в сегодняшнем ломающемся и ищущем человеческом мире? Одна из них культивировалась в последние деся-

тилетия, став центральной темой множества научных трудов, романов, фильмов, публицистических эссе. Ее воплощает человек, отчужденный от других людей, от общества — «человек-улитка». В центре его интересов — дом, семья, потребление. Если он беден и унижен, то в одиночку борется за свое существование или по временам объединяется с себе подобными в отчаянном и бессмысленном бунте, но скорее склонен как-то приспособиться к такой жизни.

Если этот человек принадлежит к «благополучным» слоям, он живет сиюминутными радостями и удовольствиями, главное для него — отдых, уют, спокойствие. Он может проявлять интерес к политике, культуре, общественной жизни, но это интерес пассивного созерцания, не перерастающий в стремление к личному участию в каких бы то ни было общих делах. У людей, принадлежащих к данному типу, общее сопереживание событий, происходящих в «большем мире», соучастие в них все больше заменяется «общением» с телевизором, видеосистемой, персональным компьютером. Голубой экран — главный объект их связи с этим миром, межчеловеческих связей вообще. «Человек-улитка» по праву может быть назван телевизионным человеком. Он не способен к заинтересованному интеллектуальному и эмоциональному общению с себе подобными, его контакты с ними случайны, поверхностны, во многом вынужденны. Конечно, он считается «социальным существом», но его «социальность» — это не более чем имитация общепринятых стандартов, формальное подчинение нормам и правилам, действующим в тех группах и институтах, с которыми его связывают обстоятельства. В сущности, такой человек ведет двойную жизнь: одну — истинную — для себя, другую — показную — в этих группах и институтах.

В нашем обществе подобный тип личности стал одной из примечательных черт застойного периода. В нем причудливо сочетаются гипертрофированный индивидуализм и социальный конформизм. Человек не спорит с начальством, охотно поддерживает тезисы официальной идеологии. Но это «внешнее» подчинение «правилам игры» лишь прикрывает психологическую невовлеченность в труд и вообще в какую бы то ни было социальную деятельность, отсутствие морально-этических регуляторов поведения [см.: Д и л и г е н с к и й Г. Г. Перестройка и общественная психология. — «Рабочий класс и современный мир», 1988, № 6, с. 11, 12].

Нечто похожее происходит и на Западе. Во Франции, по данным опросов середины 80-х годов, более половины населения ориентировалось на идеал «спокойной и удобной жизни... в согласии с окружением», многие опрошенные прямо заявляли, что их не соблазняют «ни деньги, ни великие идеи», а лишь жизнь «в своем углу, по своему вкусу» [C a t h e l a t В. *Styles de vie*. Paris, 1985, t. 2, p. 148].

«Человек-улитка» беспомощен перед лицом грозных событий и процессов, затрагивающих современный мир, не способен к объединению во имя общечеловеческих целей и интересов. Сознавая термоядерную и экологическую угрозы, он и не помышляет вмешаться в

ход событий, лишь глубже прячется в свою раковину. Если же он и проявляет какую-то самостоятельную активность, то чаще всего такую, которая направляется его сиюминутными эгоистическими интересами. Поэтому он нередко становится добычей тех политических сил, которые спекулируют на подобных интересах, раздувают групповой корпоративный или национальный эгоизм. Чем сильнее взаимное отчуждение людей, тем легче они воспринимают идеи, основанные на образе врага, на поисках «козлов отпущения».

Современная индивидуализация порождает и совершенно иные тенденции человеческого развития. «Разложение человечества на массу изолированных, взаимно отталкивающихся атомов, — писал Ф. Энгельс в 40-х годах прошлого века, — есть уже само по себе уничтожение всех корпоративных, национальных и вообще особых интересов и последняя необходимая ступень к свободному самообъединению человечества» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 605]. Конечно, эти слова не примешь за буквально оправдавшееся пророчество. Мы хорошо знаем теперь, что особые (в том числе национальные) интересы — вещь куда более прочная, чем это казалось великим мыслителям прошлого. Но диалектика «атомизации» уловлена здесь с подлинной прозорливостью. Даже весьма далеко зашедшая индивидуализация человека не уничтожает сама по себе его групповых пристрастий. Но, распатывая устойчивые узкогрупповые связи, ослабляя диктуемую ими жесткую интеллектуальную и психологическую взаимозависимость индивидов, увеличивая дистанцию между ними, она способствует свободе человеческих отношений.

Можно, конечно, как мы только что видели, использовать эту свободу, чтобы замкнуться в собственной скорлупе. Но возможен и иной путь — переход от вынужденных, predeterminedных происхождением и иными внешними обстоятельствами форм общности людей к общностям свободным — ассоциациям, в которые они «вступают» по собственной воле. Чем больше они индивидуализированы, свободны от узкогрупповой взаимозависимости, тем шире масштабы таких ассоциаций, тем сильнее они тяготеют к общечеловеческой общности. Ибо чем меньше человек причисляет себя к какой-то одной группе, тем больше он становится просто человеком, носителем общеродового сознания. И определенная дистанция между индивидами, отход от их былой близости внутри групп и групповых культур — необходимое условие преодоления групповой замкнутости, выхода на широкие горизонты общечеловеческой общности. Через индивидуализацию от группового к автономному и вместе с тем универсальному, родовому человеку — *таков вкратце этот путь человеческого развития.*

Еще лет сорок-пятьдесят тому назад подобное рассуждение выглядело бы чисто теоретической абстракцией. Сегодня это уже не так. Разумеется, становлению родового сознания в огромной мере способствует обострение глобальных проблем, понимание угроз, нависших над человечеством. Но существуют и глубинные, коренящиеся во внутреннем мире современного человека источники этого процесса.

Вспомним недавний пример: беспрецедентный по своим масштабам, почти всемирный порыв солидарности и сочувствия, стремление оказать действенную помощь жертвам землетрясения в Армении. И в нашей, и в зарубежной печати его нередко объясняют влиянием перестройки и нового внешнеполитического курса Советского Союза, изменивших его образ в мировом общественном мнении. Объяснение, видимо, верное, но неполное. Ведь оно ведет к новым вопросам: почему перемены в СССР вызвали во всем мире не только естественный интерес, но и сильную эмоциональную реакцию, почему множество людей за рубежом — от политических лидеров до рядовых тружеников — столь близко к сердцу принимают судьбы перестройки? Может быть, вздох облегчения, ослабления страха перед громадной страной с ее растущими ядерными вооружениями, непонятной в недалеком прошлом политикой и намерениями? Да, есть и это, но не только. Думается, что перестройка просто приблизила нас к людям из капиталистических стран, породила у них новое чувство общности с советскими людьми. Ведь ее цели: мир, демократия, большая социальная справедливость, сочетание личной инициативы, конкуренции, эффективной экономики с социальными и экологическими приоритетами, гарантия прав личности — все это очень близко реальным заботам и проблемам, волнующим западную общественность. И уж конечно, ближе, чем «мировая революция» и более поздний лозунг «борьбы двух систем», обещания «закопать» капитализм.

Сближение носит, по-видимому, взаимный характер. Во всяком случае, опрос, проведенный в РСФСР в начале 1989 года, показал, что 64 процента населения федерации относится к американцам доброжелательно, а 7 процентов — с глубокой симпатией, в настороженном же отношении к ним призналось 12, а во враждебном — лишь 0,2 процента опрошенных [«Известия», 4 февраля 1989 г.]. После стольких лет ожесточенной политической и пропагандистской конфронтации подобные соотношения вряд ли можно объяснить только относительно недавним улучшением межгосударственных отношений, тем более что 42 процента опрошенных не удовлетворены их состоянием, а почти половина (48 %) считает, что политика США представляет угрозу безопасности СССР. Быть может, объяснение кроется отчасти в том, что и до политических сдвигов последних лет образ заокеанской страны и ее народа в нашем массовом сознании содержал немало положительного, не совпадал с примитивными пропагандистскими стереотипами. Так, 35 процентов опрошенных москвичей считают, что США демократичнее нашей страны (противоположного мнения придерживается 28 %). Уж чему-чему, а уважительному отношению к западной демократии нас никогда не учили.

Конечно, Америка, как и вообще Запад, остается для нас «они», как и «мы» для них. Но это «они» не противостоит «мы» как абсолютное зло абсолютному добру: наряду с недоверием и опасениями в восприятии «их» пробивается и осознание общности.

Отделение «мы» от «они», возможно, всегда будет присуще человеческому сознанию. Однако, чем менее замкнутыми, сектантски жесткими становятся групповые общности, тем больше размывается их враждебное и отчужденное отношение друг к другу. Развитие межгрупповых связей и взаимопонимания побуждает воспринимать «их» как часть более широкого «мы», многовековое дробление, дифференциация групповых сознаний сменяется их объединением, интеграцией. Таким образом, тенденция к «свободному самообъединению человечества», которую предвидел Энгельс, пробивается через множество противостоящих ей контртенденций.

Торжество этой тенденции предполагает становление принципиально новой модели социально-индивидуального человека. Его отличает стремление к свободному, самостоятельному установлению своих связей с другими людьми, свободному выбору объединяющих его с ними идей, убеждений, вкусов, типов культуры и общественно-политического поведения. И в то же время — множественность этих связей, способность совмещать, интегрировать в своем индивидуальном мире и в своей деятельности самые разные «продукты» человеческой мысли и культуры, формировать из них новое органическое единство. Этот человек нуждается в плюрализме, его потребности отличаются многообразием и динамизмом.

Новый человек все заметнее проявляет себя в различных сферах современной жизни. Как участник производственного процесса он отказывается видеть в зарплатке единственную значимую цель, ищет работу по своему вкусу. Как потребитель он не хочет подчиняться массовым «престижным» стандартам, пытается найти свой собственный, индивидуализированный стиль. В общественно-политической жизни его все менее устраивает однозначная приверженность к какой-то определенной «группе интересов» или институциональной политической организации, бездумное подчинение ее установкам. На Западе с этим связан «кризис доверия», который испытывают многие политические партии, пассивность и возрастающая неустойчивость их состава и массовой базы. И в то же время — подъем нетрадиционных массовых движений, ставящих проблемы, действительно волнующие людей, отражающие широкую гамму их интересов и потребностей, позволяющие им непосредственно участвовать в общественно-политической жизни.

Разумеется, подобные движения не могут просто заменить партии с их спецификой, связанной с завоеванием и осуществлением политической власти, выработкой государственной политики. Поэтому их участники часто являются в то же время членами тех или иных партий. Такой тип общественно-политического поведения как раз и выражает «внутренний плюрализм» современного человека, его потребность участвовать в общественной жизни. В нашей стране та же потребность ярко проявилась в ходе перестройки: многие члены Коммунистической партии и просто люди, поддерживающие провозглашенную ее руководством политику революционного преоб-

разования общества, в то же время участвуют в общественных движениях, стремящихся претворить его в реальность.

Во всем этом выражается тот эпохальный сдвиг в типе социальных связей людей, о котором говорилось выше. Человек новой формации, входя в различные социальные общности, не хочет в отличие от своего предшественника запереться в стенах одной из них, отчуждаясь от всех прочих. Он дорожит множественностью, богатством, свободой своих отношений с обществом. Так, в современном рабочем движении вряд ли нашел бы поддержку столь популярный в прошлом лозунг «пролетарии не имеют отечества». Противопоставление интернационализма и национального сознания, необходимость решительного выбора между ними, казавшиеся императивом в XIX веке, сегодня воспринимаются как музейный экспонат.

Не меньшим анахронизмом выглядят попытки увековечить непримиримую борьбу разных течений и направлений в сфере культуры и художественного творчества. Как, например, стремятся привить молодежи любовь к национальным культурным традициям, осуждая рок. Или когда видят в классической художественной культуре главным образом не ее эстетическую ценность, а орудие борьбы против авангардизма. Подобные методы, как правило, имеют эффект бумеранга — молодежь отворачивается от той культуры, которую ей преподносят под соусом ненависти и конфронтации. Для нее, как справедливо отметил Марк Захаров, «дискуссия: «кто лучше (полезнее) — Суриков или Кандинский» — невозможна. Она покажется им глупой и бессмысленной...» [«Советская культура», 2 февраля 1989 г.].

Появление плюралистического человека побуждает к переосмыслению путей и перспектив общественного развития. Здесь возникает множество нелегких теоретических и практических проблем. И вероятно, самая масштабная и острая из них: как потребности и стремления такого человека соотносятся с хорошо известными императивами общественного бытия, объективными требованиями экономики? Мы понимаем теперь, что нормальное функционирование и развитие современной экономики немислимо без рынка, конкуренции, прибыли, самостоятельности хозяйственных единиц. Как все это может сочетаться с гуманистическими целями и ценностями, с социальной справедливостью, с более совершенным типом общности людей и богатством потребностей, к которым стремится современный человек? Можно ли, сохраняя рыночные отношения, избавиться от всего того, что они порождают в условиях капитализма: борьбы групповых и индивидуальных интересов, погони за прибылью, отчуждения и бездуховности? Не окажутся ли универсальные тенденции прогрессивного человеческого развития «перекрытыми» не менее универсальными императивами экономической жизни? И если выйти за рамки отдельных обществ, можно ли устранить факторы, порождающие конфликты регионального или межгосударственного характера?

Размышляя о подобных действительно острых проблемах, видимо, нужно прежде всего отказаться от столь привычной мечты об абсолютно гармоничном «беспроблемном» обществе. Прогресс цивилизации состоит не в устранении общественных противоречий, но в их смягчении, во все большем их подчинении гуманистическим принципам общежития людей и внутри каждого общества, и в мире в целом. Мы можем и должны идти к такому миру, в котором борьба интересов будет так же отличаться от современной, как спортивный поединок от поножовщины.

Пути, ведущие в этом направлении, видны уже сейчас. В социально-экономической области — это сочетание конкурентного соперничества частных и групповых интересов с общественным регулированием его проявлений и социальных последствий. В международной жизни — реализация принципов нового политического мышления, означающих не пренебрежение интересами наций, государств и общественных систем, но их подчинение интересам общечеловеческим.

Не менее важно помнить о том, что объективные общественные отношения не существуют и не развиваются независимо от потребностей, мотивов, воли участвующих в них людей. Так, из истории капитализма видно, что потребности и воля рабочего класса, масс наемных трудящихся были одним из важнейших факторов, обусловивших эволюцию капиталистических производственных отношений. Чтобы понять масштабы этой эволюции, достаточно сравнить фабрику, описанную Марксом, характерную для нее систему общественных отношений, с той, которую можно увидеть на многих современных капиталистических предприятиях, хозяева которых вынуждены всерьез считаться и с правами, и с требованиями, и с чувством социального достоинства трудящихся.

В нынешний переломный период трудно с уверенностью прогнозировать дальнейшую эволюцию капиталистических отношений, но вряд ли можно сомневаться в том мощном влиянии, которое окажет на нее возвышение потребностей трудящихся. «У меня есть внутренняя потребность выполнять лучшую работу, на какую я способен, независимо от заработка» — так ответили на вопрос о мотивах своей трудовой деятельности большинство (92 %) опрошенных американских рабочих [Yankelovich D., Harman S. Starting with the People. Boston, 1988, p. 240]. Подобные настроения достаточно типичны для современного западного общества. Очевидно, на определенном уровне развития экономики и самого человека чисто экономические мотивы, отнюдь не теряя своего значения, в той или иной мере ограничиваются и контролируются мотивами самовыявления личности. В этом сказывается процесс индивидуализации. И чем дальше он пойдет, тем больше будет влиять на структуру производственных отношений. Работник, стремящийся к индивидуализированному в соответствии со своими склонностями и способностями труду, — это совсем иной человек, чем работник, готовый на любой труд ради хорошей зарплаты. Такой человек вряд ли согласится оставаться

винтиком производственной машины, подчиняться авторитарной власти хозяев производства, навязанной ими системе распределения трудовых функций. Скорее им придется искать вместе с ним какой-то компромисс между его потребностями и императивами капиталистической экономики, встраивать эти потребности в хозяйственный механизм, в систему управления.

В целом связанная с индивидуализацией эволюция потребностей и мотивов людей усиливает тенденцию к демократизации всех видов и уровней общественных отношений — от непосредственно производственных до внутривластных и международных. Ибо большая внутренняя свобода личности требует и ее свободного выражения в обществе, в том числе возможности активно участвовать в политическом процессе. Причем это участие чем дальше, тем больше будет, очевидно, выходить за рамки «представительской» демократии и ее традиционных институтов, выражаться во все более многообразных формах свободных объединений и движений граждан, растущего плюрализма способов и направлений их общественно-политической деятельности. Можно полагать, что развитие подобных тенденций привело бы к крупным изменениям в облике существующих общественных систем, присущих им экономических, социальных, политических отношений.

Подлинно трагическую остроту прибрели в наше время проблемы личной и общественной морали. Индивидуализированный, «атомизированный» человек нередко проявляет себя как существо морально индифферентное и бездуховное, эгоцентрическое и агрессивное. Значит ли это, что он «хуже», «злее» человека традиционного? Такой вывод был бы по меньшей мере наивен. Жалобы на упадок нравов почти столь же стары, как само человечество. Прошлое всегда казалось благороднее и чище настоящего. В действительности же история менее всего похожа на миф о снисхождении от золотого века к железному. Так же, впрочем, как непохожа она и на более новый миф о неуклонном нравственном прогрессе.

Морально-нравственные нормы были различными в разные эпохи, но их реальный «вес» в человеческой жизни зависел от прочности породивших их социально-групповых структур. Каждая традиционная для своего времени мораль разлагалась вместе с разложением соответствующих социальных общностей. Наступал период морального кризиса, но люди объединялись в новые общности и создавали новую мораль. Совершенно естественно, что и в наше переломное время, на этапе усилившейся индивидуализации человека одновременно идут процессы деморализации, даже морального одичания и становления новых, более высоких типов нравственного сознания. Оно, как свидетельствуют многие данные, носит одновременно надгрупповой и как бы вненормативный характер. С одной стороны, как я пытался показать выше, расширяются социальные и географические горизонты человеческого участия и солидарности, с другой — люди стремятся строить мораль не на принятых правилах и нормах, но внимая своему

«внутреннему голосу» — на собственном опыте, на своем отношении друг к другу. Словом, морально-этическое состояние общества, как и его состояние вообще, сегодня противоречиво, чревато альтернативными возможностями.

Попытки более конкретных прогнозов были бы гаданием на кофейной гуще. Конечно, осуществление прогрессивной, подлинно гуманистической альтернативы зависит от общественно-политической деятельности, от сознательного регулирования общественных процессов. И здесь мы подходим к вопросу о том, как новые тенденции человеческой эволюции соотносятся с этой деятельностью, с определением путей общественного развития.

К новой цивилизации

Современные общественные изменения ставят под вопрос привычное для нас жесткое противопоставление различных социально-экономических формаций. Представление о социализме как полном отрицании капитализма, фатально сменяющей его стадии общественного развития во многом основано на убеждении, что тип общества целиком определяется структурой экономических отношений и прежде всего формами собственности. В XIX — начале XX века причинно-следственная связь между такими явлениями, как товарное производство, частная собственность, анархия рынка, власть капитала в экономике и обществе, капиталистические эксплуатация и отчуждение, казалась жесткой и нерушимой, и все они представлялись частями единого неразрывного целого. Гуманистическая альтернатива капитализму — социализм — мыслилась поэтому как замена всех этих компонентов общественной действительности диаметрально противоположными: рыночных отношений — планированием, частной собственности — всеобщей, т. е. государственной, власти одного класса властью его антагониста и т. д.

История рассудила иначе. В XX веке выяснилось, что дегуманизирующие и эксплуататорские свойства частной собственности, рынка, наемного труда могут быть значительно ослаблены, что содержание общественных, в том числе производственных и социально-политических, отношений относительно независимо от типа хозяйственной системы, форм собственности и способа связи работника со средствами производства. А также, что в условиях парламентской демократии, основанной на всеобщем избирательном праве и предполагающей самостоятельную организацию различных социальных сил и договорно-правовые отношения между ними, политическая власть перестает быть монополией экономически господствующего класса. Превращаясь в органический регулятор хозяйственного механизма, она значительно ограничивает анархический характер товарно-рыночных отношений и в то же время обеспечивает ту или иную степень социальной защищенности работников. В результате в условиях ка-

питализма реализуются — по крайней мере частично — выдвинутые социалистическим учением цели радикального улучшения материального положения и расширения социальных прав наемных трудящихся.

Все эти тенденции, особенно полно проявившиеся во второй половине XX века, расшатывают традиционное представление об абсолютной несовместимости капиталистических и социалистических принципов общественной жизни. Современную капиталистическую экономику пронизывают отнюдь не свойственные ее собственной природе социальные ценности и приоритеты. С другой стороны, биполярную систему представлений о двух формациях существенно подорвала попытка ее практической реализации в процессе строительства социализма. Замена частной собственности государственной, а плюралистической демократии якобы классовой, в действительности же бюрократически-тоталитарной диктатурой привела к результатам, противоположным ожидаемым. Капиталистическую эксплуатацию сменила эксплуатация трудящихся государственной машиной, вместо обещанной свободы возникла всеохватывающая тотальная зависимость человека от государства, огосударствление экономики лишило ее стимулов нормального функционирования и развития, привело к застою и деградации. Таким образом, выяснилось, что развитые капитализмом экономические принципы и механизмы — рынок, конкуренция, прибыль, самостоятельность хозяйственных единиц — воплощают не узкокапиталистические, но универсальные закономерности экономической жизни.

И исторический опыт капитализма, и главные направления нынешней перестройки обществ, ранее провозгласивших себя социалистическими, свидетельствуют: общественный прогресс идет по пути соединения выработанных капитализмом экономических отношений, развивающихся при нем форм общественно-политической жизни с социальными, гуманистическими ценностями и приоритетами, выраженными социалистической идеей. Материальные условия и возможности для движения по этому пути создают современный научно-технический прогресс, мощный подъем производительных сил, но техническое и экономическое развитие само по себе не гарантирует прогресса социального. Его движущая сила — совершенствование общественно-индивидуального человека, его потребностей, знаний, интересов. И прежде всего того «рядового», трудящегося человека, который все более способен воздействовать на собственную ситуацию, обладает волей и стремлениями, отнюдь не ограниченными, как казалось многим, лишь законами функционирования социально-экономических систем или присущими им классовыми антагонизмами.

На определенных стадиях развития капитализма классовая борьба трудящихся была ведущей силой гуманизации общественных отношений и на первый план выдвигались соответственно социально-групповые качества человека, классовый коллективизм. По мере расширения социальных завоеваний, которые еще К. Маркс оценивал

как «победы политической экономии рабочего класса», складывалась система относительно «мирного» регулирования классовых отношений, согласующая и объединяющая различные групповые интересы; прямые классовые конфликты мало-помалу превращались из постоянного действующего в резервное средство реализации интересов наемных работников. В этой ситуации возрастающее влияние на всю систему общественных отношений стали оказывать индивидуальные качества трудящегося человека, его все более высокие требования к экономическим, социальным, политическим условиям своей жизнедеятельности, к ее содержанию, к общественным институтам, претендующим на выражение его интересов. *Развитие человека становится все более мощным детерминантом развития общества.*

Именно эта относительно автономная историческая роль собственно человеческой эволюции, может быть более, чем что-либо другое, вызывает сомнения в правомочности моделей общественного развития, сводящих его преимущественно к развитию экономики и социально-экономических отношений. Основаны ли эти модели на принципе смены общественно-экономических формаций или стадий экономического роста, они если не игнорируют вовсе, то по меньшей мере отводят на задний план или рассматривают как нечто производное собственно человека как демиурга истории. Справедливости ради надо признать, что для такого подхода имелись основания — многие столетия зависимость человека от внешних по отношению к нему обстоятельств превалировала над его способностью к собственному историческому действию. Однако сравнительно недавний кратко охарактеризованный выше опыт позволяет усомниться во всеобщем, абсолютном, неизменном характере этой зависимости. Бесспорно, и уровень технико-экономического развития общества, и присущий ему тип социально-экономических отношений образуют сегодня, как и раньше, совокупность тех общественных условий, которые определяют исторические рамки человеческого развития и автономной человеческой воли. В этом смысле марксистская парадигма, постулирующая роль технико-экономического и социально-экономического развития — производительных сил и производственных отношений — как первичного звена исторического движения обществ, остается неопровержимой. Однако это первичное звено не является монопольным — люди не только подчиняются логике и законам техники и экономики, но и проявляют растущую волю и способность преобразовывать эти законы, подчинять их логике своих собственных субъективных потребностей и стремлений.

Еще Ф. Энгельс разглядел в свое время опасность вульгаризации Марксова учения в духе механического экономического детерминизма. Мы вправе пойти дальше и поставить вопрос о правомерности такого подхода к истории, который рассматривает социально-экономические отношения как единственные или главные в конкретной общественно-исторической действительности. Не вернее ли будет, признавая детерминирующее значение этих отношений, обратиться к са-

мому реальному, живому человеку? Разумеется, социально-экономические отношения — это отношения между людьми, но рассматриваемые в значительной мере абстрактно от этих людей, индивидов, преимущественно как отношения между большими социальными группами. Между тем человеческое общество — это общество людей, и каждый из них несводим лишь к системе социальных связей и отношений, является индивидом, личностью. Не пора ли место и роль человека в системе общественных отношений, направление и мотивы его деятельности взять за основу при определении типа общества, для научного понимания его исторического движения?

Очевидно, подобное определение невозможно в рамках таких критериев, как способ производства, общественно-экономическая формация или преобладающий тип экономической деятельности (индустриальное и постиндустриальное общество). Современная действительность убеждает в том, что ни замена определенных способа производства и формации противоположными, ни переход от преимущественно индустриальной экономики к такой, в которой доминируют сферы услуг и информации, сами по себе не меняют направленность человеческой деятельности и развития общества.

Любой современный способ производства имеет своей целью развитие производительных сил и умножение материального богатства, человек и его деятельность функционально подчинены этой цели. Разница между капитализмом и его формационным антиподом состоит в способах ее реализации: в первом случае цель достигается посредством максимизации интересов, взаимодействующих и конкурирующих на рынке, во втором ее пытаются достичь через коллективный интерес, воплощаемый всемогущим государством. Этот второй путь оказывается неэффективным и тупиковым, тотальное подчинение частных интересов государственным разрушает стимулы экономической деятельности. Неэффективность средств не меняет, однако, сути целей. Те же изменения, которые обозначаются расплывчатым понятием «постиндустриализм», представляют собой — во всяком случае, на первых порах — лишь сдвиг в способах добывания богатства и в его структуре: в экономической деятельности возрастающую роль приобретают новые знания, информация, формирование и удовлетворение разнородных потребностей, обозначаемых термином «услуги».

Современные общества, стремящиеся к умножению материального богатства, могут быть отнесены по сформулированному выше критерию к единой глобальной цивилизации. Поскольку решающим фактором в процессе ее становления явилась техника, технико-экономический прогресс, эту цивилизацию можно назвать техногенной. Исторически она заменила традиционные локальные цивилизации, основным принципом которых было не развитие, но стабильность, самовоспроизводство. Сегодня этот процесс формирования универсальной цивилизации, начавшийся с генезисом капитализма, отнюдь не является завершенным: во многих обществах «третьего мира» он еще

не разрушил полностью «островки сопротивления» старых локальных цивилизаций, опирающихся как на докапиталистические социально-экономические отношения, так и на силу культурных традиций техногенной цивилизации, где зарождается та новая модель человека, о которой шла речь выше.

Одна из важнейших особенностей этого нового автономного человека состоит в том, что он отказывается быть пассивным материалом, подчиненным императивам технического прогресса, экономического роста, институциональных или групповых интересов, далеких от его собственных индивидуальных запросов. Напротив, он стремится подчинить этим запросам и само развитие техники, и характер труда, и формы групповых сообществ, и деятельность общественных институтов. В самых различных сферах жизни он отстаивает принцип личной свободы и личной ответственности, свободу выбора и независимость от каких-либо внешних детерминантов. Главными ценностями для него все чаще становятся не вещи и деньги, но содержание собственной деятельности, взаимообогащающие отношения с другими людьми и с природой, свободное созидание своей собственной общественной жизни. Становление такого человека означает исторический предел техногенной и рождение новой, антропогенной цивилизации.

Движение к антропогенной цивилизации не является ни фатально неизбежным, ни безальтернативным процессом. Те ее эмбриональные черты, которые просматриваются в сегодняшней действительности, могут развиваться в разных направлениях. Стремление к личной свободе может обернуться торжеством эгоизма и индивидуализма, индивидуализация потребностей — более утонченным гедонизмом и потребительством, освобождение от навязанных социальных связей и зависимостей — углублением атомизации общества, утратой человеческой солидарности, пренебрежением к нуждам обделенных людей, групп и народов. В этом случае человек, разумеется, не сможет продвинуться к идеалам подлинной свободы — атомизированное общество эгоцентриков и гедонистов нельзя скрепить не чем иным, как сильной властью и внешним по отношению к личности социальным контролем, обеспечивающим соблюдение ею стабильных норм поведения. Отдельные черты такого сценария можно разглядеть в идеологии современного неоконсерватизма.

И все же многие весьма существенные явления и тенденции современной эволюции говорят о реальности перспективы нового этапа гуманизации общества. Скорее всего, движение к антропогенной цивилизации будет противоречивым и непрямолинейным, проходить через острые кризисные коллизии и, возможно, периоды регресса.

Как соотносится эта перспектива с будущим противоположных формаций? В свете процессов, происходящих ныне в социалистических странах, кажется вероятным прогрессирующий размыв определяющих межформационных различий — в типе собственности на средства производства, соотношении рынка и государственного регулирования. Конечно, в ряде этих стран государственный сектор эко-

номики может еще какое-то время играть большую роль, чем в странах Запада, однако сложившийся в них этатистский способ производства скорее всего обречен, они уже переходят или перейдут к регулируемой рыночной экономике и плюрализму форм собственности. Применение к такого рода экономике эпитета «социалистическая» является в этих условиях достаточно проблематичным: выведенная из-под подчинения идеологии, она становится просто экономикой, характеризуемой лишь собственно экономическими показателями: уровнем эффективности, темпами роста, валовым национальным доходом и т. д. и т. п. Неизбежная в условиях взаимосвязанного целостного мира интеграция экономики СССР и стран Восточной Европы в мировую будет важным фактором ускорения ее модернизации, приведения ее в соответствие с общеэкономическими закономерностями.

Все это, однако, не означает неизбежной конвергенции, автоматического превращения этих стран в общества «западного типа», их «капитализации». Понятия «экономика» и «общество» отнюдь не равнозначны — этого, видимо, не понимают те, кто рассматривают такую перспективу как фатальное следствие рыночных отношений, приветствуют ли они ее или осуждают. Облик, тип общества определяется не только экономикой, но и теми приоритетами и ценностями, которым подчинено использование результатов технико-экономического развития, влиянием различных социальных сил, социальным характером экономической и политической власти.

Путь западных обществ к нынешнему уровню их гуманизации и демократии шел от первоначального «варварского», крайне антигуманного капитализма через постепенный процесс формирования социальных сил, ограничивающих эксплуататорские аппетиты, через напряженную борьбу противоположных интересов, многочисленные экономические, социальные и политические кризисы. Обязательно ли для стран, рвущих ныне путы государственно-бюрократического диктата, повторение всех этапов этого в любом случае достаточно длительного пути? Или они смогут, творчески используя опыт Запада, избежать многих из таких этапов, найти свои собственные формы эффективной рыночной экономики, подчиненной гуманистическим, социальным приоритетам, социалистическим идеалам и ценностям? Возможно ли существование живущей по своим собственным законам рыночной экономики без класса буржуазии, без власти капитала, хотя и ограниченной по сравнению с прошлым, но все еще мощной и реальной в странах Запада? Или, может быть, возможен вариант, при котором объем частного денежного капитала и социально-политический вес его обладателей ограничен такими пределами, его функционирование подчинено такому общественному контролю, которые практически исключают феномен «власти денег»? Сложатся ли в этих странах такие формы демократии, которые в чем-то будут качественно превосходить западную модель?

От ответа на эти вопросы зависит реальность особого, социалистического пути развития в рамках единой гуманистической цивилиза-

ции, такого общественного строя, который можно будет назвать социалистическим. Но сегодня убедительный ответ на них еще преждевременно. Страны, вставшие на путь обновления, переживают период напряженной борьбы различных тенденций. Во многих из них крах навязанного извне государственного «социализма» резко повысил привлекательность западной модели, однако трудно сказать, к каким социально-политическим коллизиям приведут попытки ее реализации и чем эти коллизии завершатся. Еще более противоречива ситуация в нашей стране, где курс на рыночную экономику сталкивается не только с сопротивлением укоренившихся социально-экономических структур, но и с колебаниями массового сознания.

Во всяком случае, ясно одно: в обществах, ниспровергающих государственно-бюрократическую систему, мощный массовый порыв к демократизации и гуманизации общественных отношений сочетается с глубоким экономическим кризисом. Именно поэтому экономический фактор остается там решающим, и это обстоятельство связывает свободное собственно человеческое развитие, ограничивает его автономную роль в формировании типа общества.

В условиях кризиса, неудовлетворения элементарных жизненных потребностей усиление активности масс порождает накал таких социальных страстей и эмоций, которые направляют человеческое поведение в привычное русло межгрупповой борьбы и поиска врага, возрождают наиболее примитивные, подчас дикарские групповые инстинкты. В этом одна из причин трагических межэтнических столкновений в ряде наших республик. Во многих отношениях положение в СССР и ряде других стран Восточной Европы схоже с ситуацией, типичной для «третьего мира»: и здесь и там экономическая и социальная отсталость тормозит развитие гуманистических тенденций в сознании и поведении людей, — развитие, без которого невозможен переход к новой цивилизации. Но нельзя в то же время не видеть, что в более культурных, просвещенных слоях нашего и восточноевропейских обществ борьба против тоталитарных структур во многом способствует формированию этих тенденций.

В свете прошлого и современного опыта социалистический выбор, очевидно, не может состоять в разработке некоего долгосрочного плана строительства общества, в подгонке под него всех сложных, во многом непредсказуемых экономических, социальных и иных процессов. Жизнь богаче любых планов, и сознательное руководство общественным развитием означает анализ возникающих явлений и тенденций, возможностей, заключенных в технике, науке, культуре, социальном поведении людей, стимулирование тех из них, которые соответствуют целям и идеалам общества, разрешение противоречий и проблем в соответствии с этими целями и идеалами. Не стоит пытаться строить общество, как строят новый дом, — такой подход неизбежно приводит к насилию и над объективными явлениями жизни, и над живыми людьми, а воздвигаемое здание приобретает мрачные черты тюремного строения.

Социалистический выбор не имеет ничего общего с изобретением каких-то особых, «чисто социалистических» форм хозяйственной, политической, культурной жизни. Он предполагает использование любых форм, выработанных человечеством, их творческое обновление и развитие — лишь бы они отвечали материальным и духовным запросам человека, всех людей, составляющих общество, содействовали развитию гармоничных, нравственных отношений между людьми, гармоничных отношений человека с природой. Жизненность социалистических ценностей состоит в их последовательном гуманизме; она может быть подтверждена только реальным приоритетом гуманистических ценностей в решении всех конкретных проблем общественного развития.

Что же касается западных обществ, то их гуманизация также становится с наследием их истории — с общественным влиянием капиталистических структур, соответствующих им моделей мышления и поведения. Капитализм остается капитализмом; даже если его проявления сдерживаются мощными социальными и культурными ограничителями, они не замыкаются в чисто экономических рамках, прорываются в социальную и политическую, культурную и социально-психологическую сферы.

Было бы наивным упрощением думать, будто современное западное общество шаг за шагом изживает капитализм. Даже «шведская модель», в которой особенно весомы социалистические начала, основана, как считают местные социал-демократы, на двух столпах: сильным капитализме и сильном рабочем движении, через посредство государства подвергающем изрядной «социальной стрижке» капиталистические доходы. В других странах, например в США, где рабочее движение также сыграло в свое время гуманизирующую роль, главный фактор сдерживания капиталистической антигуманности все же иной: исходно высокий уровень личного и социального достоинства, демократического сознания рядового, в том числе рабочего, человека. Но так или иначе, как бы далеко ни зашла в этих обществах тенденция к рациональному консенсусу и социальному партнерству, к взаимной притирке рыночно-экономических («капиталистических») и социально-гуманистических («социалистических») приоритетов, конфликт между ними остается реальностью. Ныне он ярко проявляется в столкновении неоконсерватизма и враждебных ему сил, которого, кстати, не избежала даже традиционно спокойная и мирная Швеция. И сегодня во многом неясно, как будут развиваться подобные конфликты. Во всяком случае, перед западными обществами стоит немало острых проблем и в социальной, особенно социально-психологической, и в культурной, моральной сферах, в которых дегуманизирующее воздействие капитализма, созданного им «общества потребления» ощущается с большой силой. Их разрешение в духе гуманизма предполагает применение принципиально новых механизмов как внутри каждой из этих сфер, так и в их взаимодействии с технологическим и экономическим развитием.

Так или иначе, очевидно, что современные общества далеки от развития по некоей единой «конвергентной» модели. Но различия между ними, исторически обусловленные экспериментом по созданию новой социально-экономической формации, явно уменьшаются, и на первый план выходят различия в уровне технико-экономического развития, в социальной структуре, связанные с культурными и иными конкретными факторами. И в то же время через все эти различия пробивается, хотя далеко еще не перекрывает их, тенденция перехода к единой антропогенной цивилизации, основа которой — новый тип человеческой личности.

Толерантность

Итак, закон нетерпимости нелеп и варварски жесток; это закон тигров. Но он еще ужаснее потому, что тигры разрывают свою добычу только для того, чтобы ее съесть, а мы истребляем друг друга во имя догмы. Этот труд о терпимости не что иное, как ходатайство, которое человеколюбие смиренно подает властям и благоразумию. Я бросаю семя, которое когда-нибудь может дать урожай.

Вольтер. Трактат о веротерпимости, 1763 год

Философские аспекты политики мира

Как ни молоды Перестройка и новое политическое мышление, а они уже имеют свою определенную историю. Это становится отчетливо заметным, когда заглядываешь в НАЧАЛО процесса, и если оно было положено радикально и верно, то вся последующая — хотя бы и короткая — история подтверждает и реализует его правоту, тем самым расширяя плацдарм плодотворного начинания, превращая его в принципиально новую фазу уже не только локальной (национальной), но и всемирной Истории.

Особенно выпукло и ярко это проявилось во внешней политике советского руководства, начиная с первого же Заявления М. С. Горбачева от 15 января 1986 года, которое тогда выглядело как своего рода очередное «Кремлевское мечтание», а теперь, спустя четыре года, будучи подкрепленным рядом акций, договоров и соглашений, принесло весьма зрелые плоды взаимопонимания и договоренностей в острейших — до того — международных отношениях.

Эта статья была написана тогда же, по горячим следам первого шага советских мирных инициатив. Поскольку она тогда не увидела света [фрагмент ее был опубликован в «Вопросах философии», 1987, № 8], то автор, приглашенный к участию в данном сборнике, решил сначала просмотреть свой старый материал и не без удовлетворения отмечает, что он нисколько не устарел и даже напротив, представляет особый интерес как своего рода документ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО философского осмысления и историко-культурного обоснования неизбежности НОВОГО МЫШЛЕНИЯ.

Сегодня автору, ничего не меняя ни в концепции, ни даже в деталях, осталось только дописать несколько фраз комментария к цепи последующих внешнеполитических событий, явившихся логическим продолжением взятого нового курса.

Сегодня как никогда необходим диалог между Востоком и Западом, былым социализмом и былым капитализмом¹ — по множеству вопросов, но, конечно же, в первую очередь по проблеме № 1 — СОХРАНЕНИЯ МИРА, т. е. жизни на Земле. Эта проблема приблизится к разрешению, если она станет делом не только политиков и тем более не только военных, но деятелей общественных, искусства, науки, культуры, философии. Думается, незрело время обсудить общественно-философские аспекты политики мира или, как называют их за рубежом, культурфилософские и гуманитарные.

Ныне запасы ядерного оружия у пяти держав мира в тысячи раз превышают те две небольшие бомбы, что закрыли занавес второй мировой и открыли новую эру — войны беспрецедентной, глобальной, «всеобщей ядерной войны», как было определили ее американские теоретики еще в начале 50-х годов.

Это кардинально изменило саму СИТУАЦИЮ МИРА, которая сохраняется вот уже четыре десятилетия, но становится все тревожнее и тревожнее, потому что тень ядерного Франкенштейна, в отличие от мирной тени отца Гамлета, является теперь уже не только своему «сыну» — бывшему майору ВВС США Клоду Изерли, бомбившему 6 августа 1945 года Хиросиму, сведя его с ума от ужаса содеянного, но и многим нынешним, небывшим тогда, военным, только с совершенно иным эффектом...

Отступление в историю

От нас — поколения еще предвоенного — естественно обращение к молодому поколению философов и социологов, культурологов и эстетиков, этиков и психологов — ко всем гуманитариям и к КАЖДОМУ, кто, подобно вольтеровскому Кандиду, «воздвигает свой огород» и наивно полагает, совсем как в безмятежную эпоху Просвещения, что и дело его свято, и «огород» вечен. Собственно, его — пусть малое — дело потому-то и свято, что при всей относительности (т. е. смертности) каждого «огородника» он самоотверженно отдает свои силы Истине — Вечному Делу духовного совершенствования человечества. Но вопреки его былой, освященной веками уверенности в правоте своей «огороженности», т. е. отгороженности от «чужих» проблем, от «общего дела» Истории, сегодняшний Кандид не прав. Сегодняшнее — НОВОЕ! — мышление требует отказа от старых якобы «вечных» перегородок между своим и общим.

Все дела нынешнего человечества пребывают под знаком inferнального вопроса, поставленного не воображением поэта, создавшего

свой первый «Ад» на земле, а, увы, простейшей реальностью — Inferno Ядерной Войны, и, стало быть, никто нынче уже не может «работать для вечности», коль скоро сама вечность стала сомнительной.

Иное ныне время, как бы облученное вдруг разверзшимся взрывом высоких и вечных надежд рода человеческого.

Чернобыльский взрыв на мирной атомной станции, небольшой по своей абсолютной величине, недаром всколыхнул и притянул к себе внимание всей планеты. Неведомая и — главное — невидимая смерть вдруг расплзается по внутренним тканям людей, животных и растений, по воздуху, воде и почве, расплзается по ткани жизни... У жителей Земли открылись глаза на непредсказуемую возможность подобной аварии в масштабах планеты.

Да, иное ныне время, иным должно быть и наше Просвещение, поскольку мысли о ядерной смерти — эти «воспоминания о будущем» — стучат во все сердца, в том числе сегодня даже и в те, что привыкли предаваться созерцательному философскому спокойствию.

Указанная же перспектива разом отбрасывает как лейбницианское упование на то, что «все к лучшему в этом лучшем из возможных миров», коему сначала следовал и над которым потом посмеялся Вольтер, так и тот деизм, что Просвещение предложило взамен: бог, сотворив мир, не принимает в нем более никакого участия и не вмешивается в закономерное течение его событий. В конце XX века события повернулись так, что не осталось места ни для каких упований, — единственная реальность заключается во всеобщем ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ УЧАСТИИ в делах мира. Время таким образом перевело разом и провиденциалистскую и деистскую программы «спасения человека» из МЕТАФизического плана — в физический, так что теперь они просто отпали сами собой; НОВАЯ философия истории подсказывает, что это спасение — в руках только самого человека, овладевающего новым мышлением.

Впрочем, как известно, история повторяется и, по остроумному наблюдению Маркса, повторяется уже, так сказать, с комическим оттенком. Так и в интересующем нас здесь плане старая просветительская идея о «лучшем из возможных миров» всплыла через двести лет у одного из самых популярных сегодня мыслителей Запада К. Р. Поппера, который заявил: «Несмотря на наши большие и серьезные проблемы, несмотря на то что наше общество — не лучшее из возможных обществ, я утверждаю, что наш свободный мир есть самое лучшее из обществ, когда-либо существовавших в ходе человеческой истории» [P o p p e r K. R. The History of Our Time: An Optimist's View. — In: P o p p e r R. Conjectus and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. L., 1963, p. 369]. Сказанное относится всецело и категорично только к странам Атлантического сообщества, где сей лейбницианец XX века узрел следование традиции «отказа от насилия, свободы дискуссии, умения учиться на собственных ошибках и, наконец, взаимной терпимости».

Сказано превосходно! И теперь, четверть века спустя, пора бы уже и всем от объявленных превосходных принципов перестать отлучать остальной мир; ныне та же терпимость начинает действовать и в отношении, скажем, марксизма, который попперианцы пытались в 60-е годы «окончательно отвергнуть без какого-либо шанса на восстановление» [S p i n n e r Н. Popper und die Politik: Rekonstruktion und Kritik der Sozial-Politik und Geschichtsphilosophie des Kritischen Rationalismus. Bd. 1. Berlin — Bonn, 1978].

Если бы от коммунизма «защищались» только так, как любит говорить Поппер: «Пусть умирают теории, не люди». Но иные западные политики, увы, предпочитают опираться не на «теории», а все еще на военно-технократическую мощь — такова, скажем, СОИ. Эта новейшая идея «звездных» войн является тем не менее итогом вековойной «логики прошлого», ее последним проявлением, закрывающим двери в будущее. Да, по логике всей истории войны существовали как определенные необходимые формы «продолжения политики иными средствами» (Клаузевиц), и эта логика прошлого является именно прошлой логикой. «Стратегическая оборонная инициатива» предлагает бороться с войной ... по извечной матрице силы, а это теперь стало вообще невозможным, ибо нет таких технических средств, которые позволили бы исключить угрозу для одной стороны и гарантировать ей выживание.

Однако новое мышление, новая логика, так сказать «Новый Органон-XX», чтобы утвердить себя в мире и мир в себе, должны пройти насквозь через все пласты общественного сознания, всех людей всех стран. Это и станет Просвещением нашего времени.

Позвольте напомнить, что на ПОЛИТИЧЕСКОМ УРОВНЕ эта новая логика конструктивно изложена в целом ряде советских мирных инициатив, начиная с Заявления М. С. Горбачева от 15 января 1986 года.

Теперь очередь за всеми другими уровнями и формами общественного сознания, как в обыденной психологии (уровень общечеловеческого здравого смысла), так и в науке, искусстве, культуре, философии. Представляется чрезвычайно важным продолжить обсуждение этой идеи на других уровнях и срезах. В частности, ставлю своей задачей показать, что и философия в сложившихся условиях глобальной угрозы тоже «НЕ МОЖЕТ МОЛЧАТЬ».

* * *

Специфика и, по-видимому, уникальность теперешней ситуации состоят в том, что разрешить глобальную задачу современности одними своими силами политики оказались не в состоянии, даже при самых героических усилиях. Это понятно: «Появление новых систем оружия массового уничтожения неуклонно сокращает время, сужает возможности для принятия в случае кризисов политических решений по вопросам войны и мира» [Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС, с. 82].

Проблема войны и мира — ТРАНСИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА, но вопрос теперь стоит так: или она будет наконец разрешена в пользу мира, или книга истории на этом закончится, как в романе «Сто лет одиночества» Габриэля Маркеса: планета превратится в «могучий смерч из пыли и мусора, вращаемый яростью библейского урагана», а роду человеческому «не суждено появиться на земле дважды...» Не правда ли, сколь симптоматична дословно точная переключка образов из романа колумбийского мастера и Политического доклада, где было сказано: «...ядерное оружие таит в себе смерч, способный смести род человеческий с лица Земли» [там же, с. 80].

Так существует ли сама возможность решения этой проблемы номер один планеты?

Да, существует! И реальные возможности решения проблемы, нависшей дамочным мечом над страждущим человечеством, были изложены в конкретной программе, выдвинутой советским руководителем. Думается, что эта программа явилась не только политическим феноменом эпохи; она содержит в себе и поныне потенциал всеобщего по своему содержанию ответа современности в конце XX века на важнейший вопрос всей человеческой истории. Поэтому ее проблематика может и должна быть раскрыта в контексте не только политики, но, например, и философии истории и философии культуры.

Специалисты давно подсчитали, что за всю историю цивилизации (около 6000 лет) было более 14,5 тысячи больших и малых войн, унесших в общей сложности около 4 миллиардов человеческих жизней (т. е. все нынешнее население Земли). Сухость статистических цифр только подчеркивает всю чудовищность стоящей за ними ЗНАЧИМОСТИ (вот проблема «знака и значения» применительно к живой Истории) — ведь человечество, так сказать, свылось с войнами как с некоей естественной закономерностью, неотвратимостью и неизбежностью, к тому же воспетой в свое время в героическом эпосе многих народов мира от «Илиады» до «Махабхараты» (хотя ни греки, ни тем более индусы отнюдь не отличались агрессивностью).

На протяжении многих и многих столетий устанавливалось спокойное — «философское» — отношение к вооруженной кровавой борьбе между народами как «части искусства (!) политического» (Платон). Позвольте напомнить, что эта линия достаточно протяжена в веках: от Гераклита, провозглашавшего: «Война — отец всего и всему царь», и Аристотеля, видевшего в ней «естественное средство», до Гегеля и современных геополитиков, выступивших с апологетическим «обоснованием» бойни народов, плюс прямой шпенглеровский милитаристский фатализм (О. Шпенглер еще в 1933 году предрекал неизбежность третьей мировой войны через 25 лет после окончания второй, действительно предсказанной им).

Только последние две мировые войны, погубившие десятки миллионов человеческих жизней, «расшатали» наконец традиционное «философское» отношение к войне народов.

Конечно, в истории философско-общественной мысли случались и некоторые счастливые исключения: такова идея «вечного мира», которую еще в X веке развивал араб Абу-Наср Фараби на Среднем Востоке, а на Западе много позже американец В. Пенн (1693), француз Сен-Пьер (1712) и Руссо (1782). «Отец» немецкой классической философии И. Кант попытался соединить дотоле невозможное — политику как практику с моралью как теорией: «Морально-практический разум произносит в нас свое неотменимое Veto: НИКАКОЙ ВОЙНЫ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ, ни войны между мной и тобой в естественном состоянии, ни войны между нами как государствами — это не тот способ, каким каждый должен добиваться своего права» ("Метафизика нравов. Учение о праве", ч. II). Однако в условиях окружающей исторической реальности, исполненной перманентно возникающих межгосударственных раздоров и войн, проект «вечного мира» тогда, в эпоху кенигсбергского провидца, имел чисто формальный характер. Поэтому теоретики международного права разрабатывали различные аспекты, лишь как-то ограничивающие право войн, тем самым само ПРАВО ВОЙНЫ признавая незывлемым содержанием международной юриспруденции. Так что на подобном реально-историческом фоне люди могли найти «вечный мир», по горькой иронии самого же Канта, разве лишь в вечной могиле, скрывающей все ужасы насилия вместе с их виновниками.

Впервые в истории от формальной стороны идеи «вечного мира» к ее конкретно-историческому содержанию пришел марксизм, который соединил принципы права, политики, философии и морали: мир между народами, исключающий всякие войны и подготовку к ним, был объявлен программным принципом коммунистического общества [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 5], отчасти реализованным в жизни после создания первого в истории социалистического государства, ПЕРВЫМ практическим шагом которого в международных отношениях был ленинский Декрет о мире. Так что для истинных ленинцев это был не абстрактный идеал, а практическое требование, которое выдвигали и за которое боролись коммунисты [см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 304], хотя оно и с трудом соединялось с их же идеей Мировой Революции. Таким образом, идея мира перестала быть уделом того или иного мыслителя-одиночки, она вылилась в цельную программу политической партии (хотя и не однозначно, с теми или иными попытками экспорта Революции).

Спустя десятилетие после окончания второй мировой катастрофы XX съезд КПСС заявил о том, что фатальной неизбежности войны более не существует в современных условиях, ибо сложились исторически новые условия для того, чтобы обуздать агрессивные милитаристские силы. В Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран и Манифесте мира (Москва, ноябрь 1957 года) на это было указано, если дать оценку с сегодняшних позиций, как на потенциальную и, так сказать, номинальную возможность.

Дело в том, что, как мы теперь уже знаем, к сожалению, реальная политика авторитарного социализма (сталинизма, да и постсталинизма) мало способствовала выработке доверия к нашим словам и программам, они были инфлированы прежде всего собственной внутренней политикой, однозначной и нетерпимой, — «революционистской», несущей идею насильственного переустройства [об этом подробнее см. в моей книге «Конец Утопии». М., изд-во АПН, 1990].

Совсем иное дело сейчас, в эпоху нашей революционной перестройки, когда, как и во всякой революции, слово и дело становятся нерасторжимыми и искреннее пламенное и конструктивное слово уже есть деловое предложение.

Таковым явилось Заявление от 15 января 1986 года, где была изложена конкретная программа реализации такой возможности, при осуществлении которой на место былых конфронтационных тенденций может и должно прийти «ДОВЕРИЕ в качестве неотъемлемого компонента отношений между государствами». А в следующем Заявлении, от 18 августа, указывалось на сложившуюся новую философскую традицию отношения к войне: «Наше стремление перевести ход международного развития на рельсы разрядки отвечает нашей философии, нашей социалистической нравственности»².

Как видим, это — проблема не только политическая, но и философско-культурная и этическая. Сколько искусственных пропаганд создавали друг другу народы и государства, чтобы в них сгинули инакомыслящие, инаковерующие, «чужие». Этнографы показали, что вся предыстория человечества, и, к сожалению, история тоже, проходила под знаком непримиримой вражды и презрительной ненависти «своих» ко всем остальным — «чужим». Даже высокочивилизованные эллины относились ко многим другим народам как к «варварам» (вспомним хотя бы Софокла: «Для рабства варвар рожден, лишь грек — для свободы»; вот сколь далеко во мглу веков уходят корни шовинизма, тогда еще самого себя не осознававшего). А кровожадные «крестовые походы» благочестивых христиан против иноверцев в мрачном средневековье?!³ И их зловещее эхо, кое пристало лишь дикости и отсталости, абсолютизирующим все «свое», вдруг воскресало все вновь и вновь в объявлении «крестового похода против коммунизма».

Спрашивается — почему?

Не потому ли, что это был ответ на «красные» агрессивные заявления и притязания от «мировой революции» 20 — 30-х годов до сталинского злокозненного проклятия капитализму 40 — 50-х годов и постсталинских интервенций против Венгрии в 1956-м, Чехословакии в 1968-м и Афганистана в 80-х годах?

Современная социальная этология (наука о поведении) со своей стороны пытается объяснить кажущееся исконным для людей деление мира на «своих» и «чужих» тем, что люди якобы «генетически наделены стремлением отвергать чужаков» и поэтому склонны к насилию. Постепенно, однако, институт войны сходит с историче-

ской сцены, и тогда энергия агрессии, находившая прежде выхлоп вонючей, по отношению к другим социальным системам, ныне обращается внутрь собственного общества, так что «теперь мы должны изобретать (!) чужаков» [A r d r e y R. The Social Contract. N.Y., 1970; см. также: L o r e n z K. On Aggression. N.Y. 1967; S t o r r A. Human Aggression. Harmondsworth, 1974; T i n b e r g e n N. On War and Peace in Animals and Man-Science. Washington, 1968, v. 160, p. 3835]. Из концепции американского писателя-этолога Р. Ардри вытекает агрессивное отношение многих членов супернации к мелким этническим группам внутри своего государства, напряженность конфликта между молодежью и старшим поколением в США, насилия в Ольстере, расово-национальные волнения во многих странах мира, а ныне в СССР, как неизбежное следствие внутренней политики: здесь тоже насилие, агрессия порождает встречное насилие (хотя бы и запоздалое).

Что же касается основоположника учения об «инстинкте агрессии», крупного этолога К. Лоренца, то главной причиной вспышек агрессивности он считает «простую неспособность понять значение движений и ритуалов ЧУЖОЙ культуры, что вызывает недоверие, подозрение и страх, которые легко могут привести к открытой агрессии» [Л о р е н ц К. Эволюция ритуала... «Природа», 1969, № 11, с. 46].

Нам, считающим себя наследниками долгой культурной истории, трудно представить, что прогресс всегда шел по колено в крови, утверждаясь на слезах и костях сначала инаковыглядающих, потом инаковерующих, а затем и всех инакодумающих (в том числе и собственных соплеменников).

Есть уникальный пример в истории мирового искусства — попытка в одном емком образе-понятии отобразить самую существенную черту всемирной истории человечества, это старый фильм американского режиссера Д. У. Гриффита «Нетерпимость» (1916), самая идея которого и ее масштабное воплощение прославили имя автора. Здесь на огромном историческом материале — от древнего Вавилона до классовых битв в Америке 1910-х годов Гриффит попытался отыскать причины того универсального социально-психологического зла, что отравляло людям жизнь во все времена и у всех народов.

В этом уникальном произведении найден замечательно точный образ-понятие, философски обобщающий целый комплекс причин бесконечных распрей, междоусобиц, религиозной и гражданской розни и резни. НЕТЕРПИМОСТЬ — вот что противопоставляло людей друг другу, отравляло им собственную жизнь и не давало жить.

Современная этнография и социальная этология показали, что вся долгая предыстория человечества (т. е. первобытное общество на протяжении более миллиона лет) и, к сожалению, история тоже (примерно 6000 лет цивилизации) проходили под знаком непримиримой вражды и ненависти «своих» ко всем остальным — «чужим» (ксенофобия). В самом деле, что же могло быть психологической подопле-

кой этой вражды и ненависти, войн и взаимоистребления ("войны всех против всех"), помимо очевидных мотивов: грабежа, захвата, насилия как упоения своей властью?

По-видимому, действительно это — «онтологическая» НЕТЕРПИМОСТЬ.

В разные эпохи нетерпимость имела различные смыслы и лики, но всегда одну и ту же психологическую платформу — неприятие субъектом (им мог быть и отдельный человек, семья или группа, класс и целый народ) всего, что не напоминает ему его самого, его облик, язык, цвет кожи, вероисповедание, образ мыслей, выражение чувств и т. д.

Такой субъект в течение весьма долгого исторического времени мог ощущать себя неким «пупом Земли», весь гигантский круг которой был полем его нетерпимости уже в силу неизвестности, закрытости для него почти всего, кроме малого, крохотного собственного круга существования. Поначалу это был круг чисто этнического порядка: только мой род и племя — «свои» (кровные родственники), все остальные — «чужие». Только внутри этого круга «своих» действовали какие-то принципы, из коих постепенно вырастала мораль — взаимопомощь, коллективизм. По отношению же ко всем остальным людям, «чужим» племенам и народностям действовала сплошная жесткая нетерпимость, не позволяющая признать их за себе подобных и тем самым за людей вообще.

Этническая нетерпимость подкреплялась языковой, когда чужеземная непонятная речь объявлялась «варварской» (*barbaros* — тарабарщина), не «наше» — значит, и нечеловеческое [ср. у Овидия: «*Barbarus hic ego sum, quia non intelligor illis*» («Я кажусь здесь варваром, потому что никто меня не понимает». — «Скорбные элегии», V, 10)].

Эта нетерпимость перетекала в лингво-культурную, т. е. взаимонеприятие культур тем больше, чем дальше они отстоят друг от друга территориально и по духу. Было бы опрометчиво социально-психологическую нетерпимость ставить на биологическую почву и объявлять ее чем-то вроде следствия «инстинкта агрессии», якобы присущего человеку от природы, в качестве необходимого инструмента социального приспособления (от фрейдовского Танатос до «агрессии» К. Лоренца). Известно, что многие племена аборигенов, скажем индейцы Латинской Америки, встречали европейских пришельцев более чем дружелюбно, но конкистадоры, опьяняемые силой и властью вооруженных бандитов над безоружными мирными людьми, поставили это на идеологическую (религиозную) платформу: «За Христа, за Веру!» — уничтожив с чрезвычайной и труднообъяснимой кровожадностью за два века конкисты 60 миллионов индейцев, включая женщин, детей, стариков.

Религиозная нетерпимость принесла народам чудовищные плоды — достаточно к сказанному добавить хотя бы «крестовые походы» против иноверцев или преследования ересей и отклонений «внутри»

своей собственной христианской веры (Варфоломеевская ночь, суды и казни «святой» инквизиции, еврейские погромы и т. д.). Русский естествоиспытатель XIX века Р. Энгельгардт однажды просмотрел всю историю человечества под углом зрения нетерпимости, агрессии и жестокости и объявил историю «эволюцией жестокости». Трудно не согласиться с этим выводом, если иметь в виду статистические масштабы кровожадности и человекоубийства — только две мировые войны в XX веке унесли более 80 миллионов жизней. Однако не следует забывать, во-первых, про большой естественный прирост народонаселения, а во-вторых, — и это самое главное! — изменение психологических мотивов традиционных взаимоотношений между народами, что и позволяет марксистам, несмотря ни на что, все-таки говорить об историческом прогрессе.

И ведь все это отнюдь не отошло вместе со средневековым фанатизмом: и ныне действует и «гонит людей по кругу земному» (Овидий) расовая и религиозная ненависть, геноцид, а то и просто безмотивный экстремизм как бунт против всего человеческого и человеческого⁴.

Очевидно, таким образом, что прогресс в этом плане выражает себя во все большем сужении круга нетерпимости к последующему его уничтожению и замене принципом интернациональной солидарности, культурного общечеловеческого взаимоуважения и взаимодействия.

Но у нетерпимости осталось еще одно убежище — социально-политическое; здесь, особенно на базе мощных военных цитаделей и экономической власти, сохраняются странное для конца XX века былое, вполне анахроническое по духу неприятие иных социально-политических систем и стремления, аналогичные эпохе «крестовых походов». Анахронизмы оказались живучи ныне в некоторых цитаделях былой политики — не пора ли понять, что наступила эра всеобщей, всеохватывающей толерантности, в том числе и политической, каковая заняла весь жизненный круг большинства современных народов, за исключением некоторых политических течений. Вот что такое новое мышление, приходящее на смену былому, нетерпимому, агрессивному, этнически самовлюбленному, которому пора устроить веселые похороны, пока оно в своей слепой необузданности не похоронило весь мир.

Пора начинать народам и их политикам — всем — руководствоваться принципом толерантности — этим знаменем нашего времени. Правда, в последние столетия европейского развития можно обнаружить несколько голосов гуманистов, взывавших к терпимости, точнее, к терпимости в вопросах религиозной веры (tolerance): в XVI веке Монтень, в XVII — Бейль, в XVIII — Вольтер, написавший первый пламенный «Трактат о веротерпимости» (1763). Но даже и в конце XIX столетия все это не помешало англичанам в Индии вести себя подобно христианам-конкистадорам в Вест-Индии, а Р. Киплингу стать бардом сего колониального похода и опозэтизировать трагедию

колониализма как некое якобы извечное культурное противостояние Запада и Востока. Свою имманентную идею «крестового похода» (подчинение всех «чужих» своему «кресту») и дух нетерпимости Запад вольно (европоцентризм), а порою и невольно (идея «культурных кругов», «замкнутых цивилизаций», противостоящих друг другу) приписывал всем остальным культурам.

А ведь в реальности дело обстояло совсем не так! Укажем только на один пример — политику независимой Индии.

Индийский курс, в том числе и внешнеполитический, строится на совершенно иных, можно сказать, диаметрально противоположных западной традиции основаниях. Когда-то Платон, «отец» западного идеализма, автор первой в истории концепции «совершенного государства», высказал завет, оставленный последующим векам европейского развития: «До тех пор не будет конца бедствиям рода человеческого, пока власть и философия не сольются в одном лице». Однако сам автор завета отказался быть реальным правителем, когда его пригласили на царство. Вся последующая европейская история подтверждает невозможность осуществления подобного слияния, теоретически постулированная тем же Кантом: «Нельзя ожидать, чтобы короли философствовали или философы стали королями; да этого и не следует желать, так как обладание властью неизбежно извращает свободное суждение разума; государство не должно предпочесть принципы философа принципам юриста (представителя государственной власти), но оно должно его ВЫСЛУШАТЬ!» («К вечному миру», 1795).

А вот в Индии завет Платона — вопреки Канту! — как раз реализовался и в известной степени продолжает реализовываться. С первых же лет образования республики ее вице-президентом (1952—1962), потом президентом (1962—1967), а до того послом в СССР (1949—1952) был крупнейший философ С. Радхакришнан. Авторитетный знаток истории национальной философии и культуры, он обвинял западную политику и культуру в культе наживы, социальном и национальном неравенстве, милитаризме — словом, принципе насилия и нетерпимости, что калечит дух человека, лишает его исконной веры в братство и дружбу между всеми людьми («Религия и общество», 1947). Поэтому особое значение в обновлении ущербного духа Запада приобретает опыт народов Востока и прежде всего Индии, живущей необычайно длительной духовной традицией, подарившей миру одну из трех великих религий — буддизм. Мертворожденная западная «материальность» должна быть оживлена «восточной духовностью», и этот синтез послужит спасению человечества от угрозы новой мировой войны («Дух в человеке», 1952).

Далее, в течение всего времени с начала века общественно-политический курс зарождающейся национальной политики руководствовался религиозно-философской доктриной ГАНДИЗМА — от ее основоположника М. Ганди через Дж. Неру и Индиру Ганди до Раджива Ганди. К своей философии политики Мохандаса Ганди, прозванный Махатма («великая душа») и «отцом нации», пришел еще в конце

XIX — начале XX века, положив в ее основу отвечающий многотысячелетней национальной традиции «принцип ненасилия» и разработав тактику «сатьяграхи» («упорство в истине») — ненасильственной борьбы за независимость в формах несотрудничества с колониальными властями и гражданского бескровного неповиновения. Все социальные противоречия разрешаются путем переговоров и соглашений на основе взаимных уступок. В противоположность западной политике, традиционно основывавшейся на принципе насилия и нетерпимости и потому безразличной к принципам культуры и нравственности (от пресловутого тезиса иезуитов «цель оправдывает средства» до оправдания войны как «продолжения политики иными средствами»), гандизм подчиняет свою политику нравственным принципам. Он провозглашает примат не «цели», а как раз «средства», поскольку именно через характер выбираемых средств определяется нравственная воля человека, поэтому она становится мерилом и политических акций.

Собственно, преодоление разобщенности людей, освобождение их от гордыни, порожденной чувством разобщенности, «путь к единству людей — подлинно индийский путь», — говорил Рабиндранат Тагор.

Опять-таки вопреки западному воззрению, М. Ганди видел в истории человечества движение от перманентного насилия — ХИМСЫ (например, в древнейшую эпоху каннибализма) неизменно в сторону АХИМСЫ (синоним ненасилия) — к земледелию, оседлому образу жизни и к цивилизации. Словом, химса постепенно ослабевала, тогда как ахимса (ненасилие, терпимость) неуклонно прогрессировала, а из этого опыта истории следует, что человечество и дальше должно прогрессировать в этом направлении [Б х а т т а ч а р я Б. Эволюция политической философии Ганди, 1967]. В противоположность западной теории и практике религиозных войн с их перманентными «крестовыми походами» индуизм всегда учил людей уважать все другие религии — в этом заложен секрет и провозглашенной Ганди РАМ-РАДЖЬИ («государства Рамы»): истинный «путь жизни» — это путь Истины, Ненасилия и Любви. Поэтому и современная политическая деятельность должна рассматриваться, говорил Ганди, в понятиях социального и нравственного прогресса. (Разумеется, подобные идеи можно встретить и на Западе, скажем у Тейяра де Шардена, но там это идеи одиночек философов, историков, культурологов, долго не оказывавшие на политику сколько-нибудь реального влияния, а в Индии это САМА ПОЛИТИКА.)

Вот почему гандизм в целом во главе с его основоположником сочувственно относился к социализму: ведь коммунизм как бесклассовое общество есть «идеал, достойный того, чтобы к нему стремиться» [Г а н д и М. Коммунизм и коммунисты. Ахмедабад, 1959]. Еще в 1928 году Ганди завещал своим соотечественникам это доброе, сочувственное отношение к стране Ленина, ибо «идеал, которому посвящали себя такие титаны духа, как Ленин, не может быть бесплодным. Благородный пример их самоотверженности бу-

дет прославлен в веках и будет делать этот идеал все более чистым и прекрасным» [Т е н д у л к а р Д. Т. Великая душа: жизнь М. Ганди, 1951].

На базе таких воззрений естественно вырос постулат, который хотя и не был развернут во всеобъемлющую обоснованную программу, но стал достаточно четким обозначением политического курса Индии в современной мировой политике: «Если мы хотим выжить и внести существенный вклад в мировой прогресс, то нашим путем безусловно и прежде всего должен быть ПУТЬ МИРА» (М. Ганди, 1929).

И гандистская политика, продолженная в миролюбивом внешне-политическом «курсе Неру», первого премьер-министра независимой Индии, и его преемницы Индиры Ганди, исключала любые насильственные акции, вооруженные вмешательства, действуя посредством обращений, призывов, заявлений, адресованных как народам, так и главам государств. Достаточно вспомнить, что в сентябре 1982 года во время официального визита в СССР Индира Ганди, оценивая значение своих учителей, отметила, что они учили не вступать «в конфликт с интересами других» народов и что «законы жизни в наш ядерный век требуют активного сосуществования и позитивного сотрудничества со всеми». Достойным продолжением этой политики явились и недавние мирные инициативы индийского руководства — такие, как организация «делийской шестерки».

Вот почему в беседе с индийскими журналистами накануне своего визита в их страну М. С. Горбачев подчеркнул, что у нашей страны к Индии — «особое отношение». Оно продиктовано уважением к такой государственной политике, которая вобрала в себя высокую традицию национальной и общечеловеческой культуры, став таким образом КУЛЬТУРПОЛИТИКОЙ, отвечающей общечеловеческим ценностям, поднимающимся над локальными традиционными барьерами Запада и Востока.

Однако этот курс, объявленный еще Рабиндранатом Тагором, за «освобождение людей от гордыни, порожденной чувством разобщенности», словно бы и не существовал для Запада, долго склонного к экспансионизму. Вместо трудных попыток взаимопонимания куда проще и легче было вырыть теоретическую пропасть между «рационалистическим» Западом и «иррациональным» Востоком. В начале XX века, сразу после первой мировой войны, философ Шпенглер подыскал для этого весьма сакраментальные метафизические и культурфилософские аргументы и объявил противостояние и несовместимость «душ» различных культур: западной — «фаустовской» и восточной — «магической» (имелся в виду мусульманский мир). (С точки зрения политической это следовало бы обозначить так: «нетерпимость Запада и терпимость Востока», т. е. «противостояние» силы было не культурным, а политическим, причем односторонне направленным, что и получило свое саморазоблачение в доктрине европоцентризма.)

Арнольд Тойнби в 1934—1961 годах развернул эту концепцию в грандиозное 12-томное «Исследование истории» человечества. И лишь совсем недавно, в 60-е годы, на склоне своих лет этот западный «историк № 1» XX века возмужав мужество ученого отказаться наконец от концепции противостояния культур — в пользу идеи, провозглашенной и социально реализованной... марксизмом, а именно идеи **КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ** народов, взаимоузнавания и взаимопонимания. Так что **ТЕРПИМОСТЬ** — уже не только религиозная, но и лингво-культурная, этическая и эстетическая, назовем ее поэтому более емким термином — **ТОЛЕРАНТНОСТЬ**, универсальная толерантность — совсем недавнее для западной мысли, но величайшее завоевание цивилизации, оплаченное колоссальной ценой, когда в жертву нетерпимости — религиозной, расовой, национальной — приносились величайшие сокровища культуры и даже целые народы.

Сейчас, в конце XX века, наступило время сделать следующий шаг — распространить принцип толерантности на последнее убежище былой нетерпимости — убежище политики (недаром это слово приобрело юридический статус, так что «еретики» XX века просят о «политическом убежище»), где старая, заматеревшая и лютая Нетерпимость еще укрывается и откуда совершает опасные и дикие вылазки, противоречащие духу исторического времени, исключаящего нетерпимость всякого рода.

Итак, бьет час политического взаимонепонимания и вражды: нетерпимых более не терпит сама «госпожа История», т. е., говоря конкретнее, историческая необходимость, обусловленная разверзшейся зловещей перспективой всеобщего уничтожения: «Новое мышление, в котором нуждается современный мир, несовместимо с представлением о нем и как о чьей бы то ни было вотчине...» (Заявление от 18 августа), и с точки зрения этого **НОВОГО — ТОЛЕРАНТНОГО — МЫШЛЕНИЯ** сейчас перед всеми государствами «стоит задача фундаментального порядка: не закрывая глаза на социальные, политические и идеологические противоречия, овладеть наукой и искусством вести себя на международной арене сдержанно и осмотрительно, жить цивилизованно, то есть в условиях корректного международного общения и сотрудничества» [Политический доклад ..., с. 83].

Ведь уже сегодня существующий ракетно-ядерный потенциал превращает первый же акт агрессии — буде он произойдет — одновременно в акт самоубийства. Итак, печальная потенция вселенского самоистребления жизни... и ключи от перехода в небытие находятся в руках политиков? А дальше? Дальше «обстановка в мире может приобрести такой характер, когда она уже не будет зависеть от разума или воли политиков. Она окажется в плену техники, военно-технократической логики» [там же].

Подобной ситуации Земля еще не знала. Пора же наконец понять, что проблема небытия, «ничто», пустота Вечности актуальна теперь не для эзотеричной группки теологов или мистиков; она уже зияет всем

через ядерную «амбразуру» конца второго тысячелетия — несравненно более ощутимо, чем это казалось ранним христианам, ожидавшим «конца света», предсказанного в Апокалипсисе. В этом плане можно сказать, что и древнеримское напоминание *temenno mori* («помни о смерти») претворилось ныне в ежевечерние радио- и телесводки о вандальских операциях в том или ином уголке мира — от вчерашней Гренады до сегодняшней Ливии. Тут не помогут бывшие коллективные моления, необходим иной поворот — к всеобщему Слову-Делу, и опять-таки не только политиков, но и философов, призванных профессией к вскрытию корней всего сущего. Если верно, что «в начале было Слово», а с гетевской поправкой — Дело, так пусть же они будут и в «Конце»! Слово каждого специалиста в своем деле.

Позволим себе одну парадоксальную догадку: а не явится ли освобождение от страха вселенской смерти... решением вековой эсхатологической проблемы сегодня, на пороге третьего тысячелетия? Может быть, апокалипсическая всемирная эсхатология (учение о конечных судьбах мира и человека, о «конце света») и жила, как раз паразитируя на вечных страхах людей перед неизбежностью не столько индивидуального «конца», сколько летальных конфликтов между народами, и, так сказать, «сумма (Summa) эсхатологии» не была ли всегда просто суммой этих страхов и неутоленных надежд на примирение? А если единственно реальный «конец света» — ядерное уничтожение, то можно ли предотвратить и надежно примирить противостоящие стороны? Вот Советский Союз и предложил начать с 1986 года осуществление программы освобождения человечества от страха перед ядерной катастрофой. Главнейшая из акций этой программы — полная ликвидация оружия массового уничтожения (в том числе и химического); такого масштаба вопрос еще никогда не вставал и не мог встать, потому что, согласно Марксу, человечество ставит себе только такие задачи, которые при ближайшем рассмотрении способно разрешить.

Причем страх гибели — это еще не все, и даже не самое страшное. Поскольку главным объектом конфронтации (теперь уже можно с удовлетворением добавить — былой) для нас долго была Америка, а в этой связи вспоминается великий американский писатель, может быть самый глубокий выразитель общечеловеческого духа на американской земле, Уильям Фолкнер, который еще в 1951 году, обращаясь к молодежи Оксфорда (Миссисипи), сказал: «Не атомная бомба и даже не ужас перед ней... Нет, опасность для нас — те мировые силы, которые используют страх человека, чтобы лишить его индивидуальности, духовности; подачками и запугиванием пытаются низвести его до состояния неразмысляющей массы... — ради собственного возвеличивания или из-за того, что сами растеряны и боятся или не верят человеческой смелости, стойкости, способности к самопожертвованию».

На протяжении всей культурной истории выкристаллизовались в качестве наивысших три ценности — Истина, Добро и Красота. Но

чтобы теперь они могли засветиться новым светом, а не погаснуть вовсе навеки, цивилизация не должна в страхе перед уничтожением удушать духовность человека; ВОСХОЖДЕНИЕ к ним не может поступать непременно только ценою человеческой жизни, оставим эту безмерную плату минувшим векам вместе с последней войною. Стало быть, в иерархии ценностей на первое место выходит теперь МИР как условие жизни, как абсолютная сверхценность бытия, как основание аксиологической лестницы. Современной аксиологии, по-видимому, следует рассматривать понятие «мир» символически — как сверхусловие всех других ценностей, объект центральных устремлений и желаний нынешнего человечества.

В гигантском диалоге Бытия — Небытия гамлетическая проблема to be or not to be стала делом уже не рефлексирующей личности, а противоестественной РЕФЛЕКСИЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, кажется впервые начинающего себя осознать чем-то единым перед пустотой возможного Ничто. И Советский Союз предлагал отнюдь не words, words, words, а силу примера, терпеливо продлевая не единожды свой, увы, односторонний мораторий на любые ядерные испытания.

Погоня за несбыточной мечтой о военном превосходстве есть политика, недостойная того уровня цивилизации, которого достигло современное общество. В самом деле, с философской точки зрения подчинять себя стихии безудержной гонки вооружений есть тяжкая форма несвободы, рабской зависимости от силы, самим же собой вызванной к жизни, а ведь «свобода воли» со времен Иммануила Канта считается высшим достижением западной цивилизации! Что же касается традиции «воли к жизни», то и ей не дает проявляться тяготеющая над нею, подобно проклятию, воля к смерти — не фрейдовский ли Танатос, обретший планетарные масштабы, опредмеченный в системах оружия массового уничтожения?! И это даже не просто несвобода.

В западном обществе по понятным причинам приобрел популярность в форме литературной и кинофантастики миф о Франкенштейне, когда-то придуманный женою великого романтика — Мэри Шелли в качестве образа СОВРЕМЕННОГО ПРОМЕТЕЯ (кстати, он, видимо, не случайно весьма приглянулся еще тогда и Шелли и его другу Байрону, хотя они-то сами писали совсем другого Прометея). Этот инженерный «демон», созданный гением изобретателя, очень быстро становится независимым от своего создателя и, набравши силу, обращается против своего творца и убивает его...

Образ Франкенштейна, демона инженерии, в отличие от сократовского daimonion («внутреннего голоса») волнует ныне воображение не только пылких фантастов-кинематографистов, но и «сухих» ученых. Так, американские специалисты по философии психики в середине 70-х годов выдвинули «аксиому Франкенштейна», суть которой сводится к следующему: «Точная физическая копия чувствующего существа, как бы эта копия ни была изготовлена, сама должна

быть чувствующим существом» [У. Мэтсон. — В кн.: М а р г о л и с Дж. Личность и сознание. М., 1986, с. 279].

Если среди психофизиологов эта жутковатая «аксиома» еще вызывает сомнения и споры, то среди военспецов к ней отношение, конечно, однозначное: современное оружие, как известно, — самокорректирующееся, оно оборудовано «сенсорами» (не больше не меньше, т. е. своеобразными «органами чувств»!) для «сканирования» (на языке спецов это означает последовательный просмотр путем перемещения радио- или лазерного луча) горизонта подходящих целей. Каково? Франкенштейн-XX, оснащенный сенсорами, «чувством цели» (но, разумеется, уж никак не эмоциональным резонансом, не человеческой эмпатией — сопереживанием), не зависит более в выборе поведения от оператора: настроенный на цель, в случае ее появления он действует однозначно. А если сама цель возникла лишь в результате аварии, непредсказуемого случая?... Ведь ничто не может исключить трагическую случайность. Разве уход в Небытие (29 января 1988 года) именно через космос семи астронавтов «Челенджера» на глазах у своих родных, друзей и коллег — уход, чей ужас умножен бессчетно телеэкранами планеты, — не является ли трагичнейшим и поэтому реальнейшим из предупреждений?

Эта космическая «американская трагедия», повергшая страну в национальный траур, была еще одним сигналом «оттуда» — о том, сколько бесконечно хрупка человеческая жизнь...

И там, где прежде в светлом эллинском космосе свободно и прекрасно располагались олимпийские обитатели, завтра готова развернуться «стратегическая оборонная инициатива», которая, буде уже внедрена, 29 января могла бы обрушить апокалиптический ядерный град на наши земные головы, приняв за вражескую вылазку собственный несчастный случай ...

Президент Римского клуба (объединяющего 100 авторитетных деятелей науки и культуры из 47 стран разных политических режимов) Александр Кинг полагает, что «больше всего следует опасаться случайного возникновения ядерного конфликта в результате неисправности компьютера или ошибочно принятого сигнала» [К и н г Ф. Какой видится модель будущего. — «Проблемы мира и социализма», 1987, № 4, с. 37].

Так что ныне призрак ядерного Франкенштейна бродит по планете, бродит, угрожая уничтожить своего творца. Перед лицом этой беспрецедентной угрозы необходимо объединиться сегодня же, ибо завтра может оказаться просто поздно. Объединились же СССР с Соединенными Штатами Америки перед лицом гитлеровского нашествия, «коричневой чумы», пожиравшей народы, и ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ стала символом нашей совместной Победы над фашистской гидрой. ВСТРЕЧА В ЖЕНЕВЕ, «дух Женевы», невольно воскресила в памяти «дух Эльбы» как существующая возможность диалога и сотрудничества во имя добра и культуры (нашедшая дальнейшее про-

должение в Рейкьявике — вплоть до исторических договоров о сокращении РСД и уничтожения химического оружия ныне).

Имеющий уши да услышит. Зов советских Заявлений нельзя было не услышать, а услышав, не откликнуться. Вот почему это и вылилось в глобальное движение по обузданию ядерного Франкенштейна, могущего восстать в любую минуту, — в том числе и в соответствующее движение философской и социальной мысли.

А программа «звездных войн?» Разве не парадокс истории, что космос издревле, со времен древнейших цивилизаций служивший исходным образом Гармонии (Пифагор «слышал гармонию вселенной, воспринимая всеобщую гармонию небесных сфер»), нечто противостоящее первозданному Хаосу, хотя и возникающее из него, — именно теперь, в пору начала космической эры, т. е. эры его реального освоения человеком, — ныне, благодаря программам типа СОИ, становится источником не гармонии, а inferнальной Угрозы, нового беспросветного Хаоса?! Вот почему в качестве альтернативы «звездным войнам» СССР представил в ООН программу строительства «звездного мира», создания всемирной космической организации.

Новое, толерантное мышление позволяет подняться над любой былой кичливостью — религиозной, национальной, политической.

Мы призываем всех «стать выше национального эгоизма» (М. Горбачев). Здесь стоит прислушаться именно к голосу СССР, как это в 60-е годы сделал уже упомянутый Арнольд Тойнби, когда он в своем открытом письме советскому историку Н. И. Конраду в 1967 году заявил, что именно СССР представлял собою оптимальную «модель будущего человечества», в коей нет места ни для чьей национальной кичливости. Между прочим, уместно вспомнить, что в заключение своего письма, ставшего широко известным, английский историк-философ сказал: «В атомный век в нашей власти сделать выбор — уничтожить себя или объединиться, ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ во всемирном масштабе».

В святом деле спасения мира на Земле не может быть посторонних и безучастных, это дело всех и каждого. И разве это не имеет свой философский, социологический аспект? Да, в этом призвании нас сейчас Историей сам собою получает разрешение тот феномен Alienation-ПОСТОРОННОСТИ, что был поразительно угадан и открыт Альбером Камю еще в 40-е годы, т. е. задолго до его нынешнего обнаружения, а в 60-е годы перенесен американским социологом Вэнсом Пакардом на свое общество, которое он так тогда и обозначил «нацией посторонних» (A Nation of Strangers).

Диалог политики и культуры

Когда-то в условиях локальных войн, развязанных тем или иным «национальным эгоизмом», у отдельных интеллигентов оставалась

гордая возможность занять высшую позицию — «над схваткой» (Р. Роллан). Но «НАД» атомной или химической «схваткой» это стало физически невозможным, поэтому немислимо более и не замечать ее «с высоты духа», переключая, как бывало прежде, внимание, скажем, на вопросы культуры, искусства. Сегодня существование культуры в целом, как и отдельной духовно и душевно богатой личности, всякой вообще «экзистенции», поистине «витально» зависимо от решения главной и острейшей проблемы современности, так что обойти ее, спрятав голову под крыло, никому не удастся.

В былые времена толерантность была уделом одиночек-гуманистов, провозглашавших веротерпимость и уважение человека к человеку несмотря ни на что, вопреки окружающей — дикой и чудовищной! — социальной практике насилия и попиранья всех «чужих». Это был принцип сначала РЕЛИГИОЗНОЙ (Монтень, Бейль, Вольтер), а потом и КУЛЬТУРНОЙ толерантности (гетевский «западно-восточный синтез», эстетическая «всеядность» Бодлера, «всемирная отзывчивость» русской культуры от Пушкина до Достоевского и А. Блока: «Нам внятно все: и острый галльский смысл и сумрачный германский гений...»). Но это был именно ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП и — немногим более того! — благородная позиция одиноких умов (к тому же разделявшаяся отнюдь не всеми умами даже в сфере культуры, не говоря уже о политике, всегда защищавшей только собственные национальные интересы и уже хотя бы поэтому нетерпимой к «чужим» интересам).

На первой встрече с деятелями мировой культуры («Иссык-культурский форум», 20 октября 1986 года) М. С. Горбачев обратил внимание на то, что в недавнем прошлом отдельные направления в искусстве и культуре или их представители нередко уходили от реальной жизни, более того, становились в интеллектуальную позу, вместо того чтобы мужественно разобраться в причинах тех или иных социальных потрясений. Если же это все-таки случалось, то, как правило, лишь после того, как беды уже свершались.

Давайте задумаемся, отчего же это так происходило; не оттого ли, что долгое время на Западе камнем преткновения для истого интеллигента была ПОЛИТИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ, от которой шарахались, как от чумы; культура и политика рассматривались как вещи несовместные. Это и понятно: культура толерантна (т. е. стала таковой к XX столетию), она адресуется к общечеловеческим началам и в этом смысле «обслуживает» все человечество. Политика же, преследуя чисто национальные интересы, исполнена недоверия и нетерпимости к интересам других наций и государств. Поэтому истинный интеллигент, подчеркивая аутентичность своей культурности, объявлял о своей аполитичности⁵.

Весьма показательно в этом плане эволюция крупнейших «мастеров культуры» (к которым и обращался М. Горький со своим знаменитым вопросом «С кем вы, ”мастера культуры?“»).

Например, Томас Манн, великий писатель века, в годы первой мировой войны, разделяя доминирующую тенденцию отторжения гуманитарной интеллигенции от политики, выпустил своеобразный манифест этой позиции отторжения и от «власти», и от «демократии» («толпы») — «Размышления аполитичного».

Хорошо известны итоги такой АПОЛИТИЧНОСТИ КУЛЬТУРЫ. На уровне демократическом она породила целое «потерянное поколение» (Lost Generation), выпукло отраженное в героях раннего Хемингуэя и раннего Фолкнера, Дос Пассоса, Олдингтона, Ремарка, которых при всех различиях объединяет общая пацифистская платформа. На уровне аристократическом она породила теорию и практику «элитарной» культуры, которая видела единственное спасение духовных ценностей в их отстраненности от «толпы» и «политики» (см. теорию элиты у Х. Ортеги-и-Гассета).

Однако война, с одной стороны, и Октябрьская революция (по точному определению Джона Рида, «потрясая мир») — с другой, сильно поколебали описанную позицию, и в лице Томаса Манна, провозвестника силы самосознания, передовая ветвь западной интеллигенции, в отличие от «потерянного поколения», пришла к коренному переосмыслению собственной аполитичной позиции. В самый канун второй мировой (т. е. несколько запоздало, когда уже ничего нельзя было сделать культуре против взбесившейся политики пришедших к власти фашистов) Т. Манн заявил: «Я осознал себя сторонником демократии ... я пришел к убеждению, что политическое, социальное составляет неотъемлемую часть человеческого (!!!), принадлежит к единой проблеме гуманизма, в которую наш интеллект должен включать его, и что в проблеме этой может обнаружиться опасный, губительный для культуры пробел (!), если мы будем игнорировать неотторжимый от нее политический, социальный элемент» («Культура и политика», 1939).

И вот под воздействием социально-исторической реальности, все более приближаясь к ней, Томас Манн, как и другие великие писатели Запада — У. Фолкнер, Э. Хемингуэй, — повернулся лицом к Человеку, стал борцом за человеческое, а значит, и социальное, и демократическое, и политическое. Правда, экзистенциалисты упорно оставались на «надмирных» позициях (вопреки собственной практике участия во французском Сопротивлении!). Так, Альбер Камю в своей Нобелевской речи резко обвинял социалистический реализм за его «ангажированность» [подробнее об этом см. мою вступительную статью к сборнику «Социалистический реализм». М., «Прогресс», 1990], а спустя всего несколько лет передовое французское, итальянское, американское искусство само объявило себя АНГАЖИРОВАННЫМ («независимое кино» Америки, франко-итальянский политический «ангажированный кинематограф»). Вот в каком направлении развивалась политизация западной культуры.

Те же, у кого не хватило силы духа или гражданского мужества принять такую позицию, соединяющую культуру с политикой в еди-

ном поле борьбы за социальное, человеческое, эволюционировали по прежней линии аполитичности и после второй мировой войны стали соответственно «развитым поколением» — битниками (Beat Generation) в США, «рассерженными молодыми людьми» (Angry young men) в Англии, «поколением вернувшихся» в ФРГ и т. п. вплоть до полного отстранения от жизни (хиппи и children flowers) и даже устранения собственной жизни, либо, наоборот, безумный и безудержный экстремизм, «безмотивное» насилие — как месть самой жизни, бессмысленно произведшей их на свет.

В системе европейской культуры существует философская традиция, пытающаяся быть независимой от окружающего с его «тщетой и суетой», как говорили некогда, с его «отчуждением» человека, как стали говорить после Гегеля и Маркса, или даже в контексте «смерти человека», как стали говорить теперь последователи М. Фуко. Сама по себе эта традиция гуманна и благородна, ее суть прозрачно выражает тезис Э. Мунье «*amore ergo sum*» («люблю — следовательно, существую»); к ней примыкают, скажем, «религиозная интимность непосредственных отношений» у М. Вебера и М. Шелера, диалогика «Я и Ты» у М. Бубера, всеохватывающая Любовь к миру как основа прогресса у Тейяра де Шардена или этика «благоговения перед жизнью» А. Швейцера и многое другое, не менее высокое и прекрасное. Но не бледнеет ли и не исчезает как дым эта чисто духовная традиция в перспективе не воображаемого, а чудовищно реального атомного гриба? Гуманизм вообще и прекраснодушная Любовь (уместны лишь в гетевско-шиллеровские времена *Schöne Seele* и «бури и натиска» просветительского Духа) должны быть заменены более отвечающей нашему времени страстной и неистовой в своей последней самоотверженности УВЕРЕННОСТЬЮ в реальном предотвращении тотальной войны, вообще и навсегда — в виде уничтожения оружия массового уничтожения, т. е., говоря языком диалектического закона отрицания — УНИЧТОЖЕНИЕМ УНИЧТОЖЕНИЯ.

Так что «пробел» былой аполитичности, о котором говорил Т. Манн, оказался гибельным не только для культуры, но и для жизни; поэтому после второй мировой войны западная интеллигенция стала относиться к мировой политике уже иначе.

В середине 50-х годов группа крупнейших ученых во главе с А. Эйнштейном и Б. Расселом выпустила ставший широко известным «Манифест мира», где, в частности, говорилось: «Мы должны научиться «мыслить по-новому» (!), мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достижения военной победы тем лагерем, к которому мы принадлежим, ИБО ТАКИХ ШАГОВ БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ; мы должны задавать себе следующий вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой будет катастрофическим ДЛЯ ВСЕХ ЕЕ УЧАСТНИКОВ ... Мы должны научиться «мыслить по-новому»... (!) Перед нами лежит путь непрерывного прогресса, счастья, знания и мудрости. Изберем ли мы вместо этого гибель только пото-

му, что не можем забыть своих ссор (с теми, кто зачислен в извечный стан «чужих». — М. К.)? Мы обращаемся ко ВСЕМ, КАК ЛЮДИ К ЛЮДЯМ: помните о том, что вы принадлежите к человеческому роду, и забудьте обо всем остальном. Если вы сможете сделать это, перед вами открыт путь в новый рай, если вы этого не сделаете — перед вами опасность всеобщей гибели».

Тогда, в 50-е годы, эпоху холодной войны, этот голос науки и культуры остался гласом вопиющего в пустыне, гласом политики Запада и Востока, нетерпимых друг к другу; однако с конца 80-х годов Восток на уровне политических конкретных предложений последовательно реализует это новое мышление.

Итак, наука и культура, открывшие принцип толерантности как историческую неизбежность, передают его мировой политике; происходит их взаимное сближение — ПОЛИТИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И АККУЛЬТУРАЦИЯ ПОЛИТИКИ. Новая фаза исторического мышления и представляет собой их синтез — это политико-культурное или *культурполитическое* мышление. Его распространение на обе конфликтовавшие донные мировые общественно-политические системы явится ДОСТАТОЧНЫМ условием для нормальной дальнейшей жизни на Земле.

Первой ступенью такого нового мышления и явилась всеобщая политизация, т. е. участие деятелей культуры, науки и философии в политических манифестациях, декларациях, совместных акциях мировой политики, направленной на прекращение войн. Напомню, например, о Декларации 9235 ученых, направленной в ООН, об опасности радиационного заражения от атомных испытаний, чьим следствием было запрещение таковых. Можно привести примеры и заметных индивидуальных акций философов, пытавшихся повлиять на ход «безумной», то бишь агрессивной, политики.

Это прежде всего упомянутый Бертран Рассел, за свою уникально долгую среди крупных мыслителей жизнь (без малого сто лет: 1872—1970) имевший возможность все перевидеть и, казалось бы, прийти к выводу о том, что история — это «ужасный свод глупости, жестокости и несчастий, которые до сих пор составляли большую часть человеческой жизни» («Есть ли у человека будущее». Лондон, 1961). Однако английский мыслитель пришел к иному выводу: импульсу непонимания, конфликта и агрессии может и должен быть противопоставлен импульс сопротивления агрессии, созидания и гармонии, и именно от широты культивирования этого импульса зависит выживание человечества... И Рассел посвятил значительную часть своей необычайно продуктивной творческой жизни тому, чтобы вносить ИМПУЛЬС КУЛЬТУРЫ В МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ, что, на наш взгляд, и является следующей ступенью НОВОГО МЫШЛЕНИЯ.

В 60-е годы он — философ, математик, логик, Нобелевский лауреат по литературе — получил титул «апостола мира», находился в интенсивной переписке с ведущими политическими деятелями пла-

неты (было бы весьма полезно издать эти письма сейчас на нескольких языках международного общения) — всем этим так или иначе он пытался повлиять на безумный ход событий и отвести нависшую над миром угрозу, в частности в пору Карибского кризиса, обратившись напрямую международной открытой телеграммой к тогдашнему советскому руководству.

Будущее человечества стало вопросом (книга «Есть ли у человека будущее?», 1961), и самую большую опасность планете представляют действия правительства США, которое под прикрытием борьбы с коммунизмом ведет злодейские войны (книги «Миф об американской свободе», 1963, и «Преступление войны во Вьетнаме», 1967). Он организовал Международный военный трибунал, предъявивший обвинения президенту Джонсону. Наступил решающий момент истории, предупреждал без устали Бертран Рассел, так что человечество должно сделать ВЫБОР: либо погибнуть в результате всеобщей войны (поскольку современное оружие поражает обе стороны, и победитель исключается), либо исключить войну.

Как известно, истина всегда конкретна, и Рассел был весьма конкретен в своем культурном анализе мировой политики: «Американские политики от имени национальной безопасности санкционируют любой акт подавления кого-либо, а всякий призыв к свободе именуют симпатизированием русским» («Миф об американской свободе»). За истекшую четверть века, как показала реальность нового мышления, этот диагноз весьма изменился. Но, наблюдая за американской политикой в 60-е годы, Рассел считал еще тогда, что она обрекает себя на самоизоляцию в цивилизованном мире, более того: «Чем более изолированными станут США перед лицом мирового отрицания их ценностей, тем с большей вероятностью мы преуспеем в избежании ядерной катастрофы» («Преступление войны во Вьетнаме»).

Другой пример — Арнольд Тойнби. В своем гигантском исследовании всемирной истории он пришел к выводу, что прежде войну рассматривали как некое «дитя цивилизации», она была ее установлением и господствующим инструментом: «Институт войны занимает место возле сердца этой трагической темы» («Война и цивилизация», 1950). Однако ныне стала вполне очевидной тенденция к возрастанию «злокачественности войн», и Тойнби отмечает «самоубийственность милитаризма», коль скоро из «слабо напряженного спорта королей XVIII века» он превратился в чудовищную тотальную войну.

Тойнби так же, как и Рассел, поначалу (тогда это еще казалось наивным!) уповал на «власть, контролирующую атомную энергию», а именно на «всемирное правительство». Интересно, однако, что, по его мнению, ООН не способна стать ядром такого правительства, эту роль скорее может выполнить одна из двух крупнейших держав, обладающих атомным арсеналом. Сначала (в 50-е годы) его симпатии

склонились в сторону США, однако менее чем через десятилетие он пришел к иному выводу: «Я утверждаю, — писал Тойнби в 1962 году, — что после 1917 года роль Америки в мире в корне изменилась... Она превратилась из архиреволюционной в архиконсервативную силу ... она уступила свою историческую революционную роль России» («Америка и мировая революция», 1962).

И хотя этот западный «историк № 1 XX века» в принципе, так сказать, в душе негативно относился и к теории и к практике коммунизма, тем не менее в одной из своих последних книг с весьма симптоматичным названием «Как выжить в будущем» он пришел к четкому выводу о том, что на данном историческом этапе вряд ли есть другое реальное средство для выживания человечества, нежели установление с молчаливого согласия большинства государств (из имеющихся более 140 в мире) всемирной власти «нового мирового Ленина»: «У меня предчувствие, что восхождение Ленина может оказаться тем, что мы называем волной БУДУЩЕГО» («Как выжить в будущем», 1971).

Разве не симптоматична поразительная перекличка между тем, что говорил о ленинской политике в начале 20-х годов крупнейший английский писатель Герберт Уэллс и спустя столетия в начале 70-х годов — крупнейший английский историк-философ? Не пора ли сейчас новому поколению философов Запада на гребне еще более крутого выража истории (если не последнего) прислушаться к голосам этих гигантов европейской философско—исторической и культурной мысли нашего времени?

Из сказанного следует, что историческое мышление вступило в новую фазу своего развития; старое мышление, как мы видели, характеризовалось перманентной нетерпимостью (включая и то, что Бейль остроумно назвал «полутерпимостью»), расположим ее по фазам: этническая—религиозная—культурная, ныне — политическая (последнее убежище вымирающей дикости в международных отношениях). Повторю еще раз: культура, вобравшая в себя принцип толерантности, передает его мировой политике, происходит их взаимное сближение. Новая фаза исторического мышления и представляет собой их синтез — это политико—культурное или культурполитическое мышление. Его распространение на обе конфликтовавшие донныне мировые общественно—политические системы явится условием для нормальной жизни на Земле.

...Теперь пора дифференцировать понятие толерантности с точки зрения самой биологической науки, т. е. науки о жизни.

Собственно говоря, раннеисторическая человеческая реакция на «чужих», т. е. инородцев (дихотомия «своих—чужих», описанная этнографией), имеет известную биологическую подоплеку. Медицина и биология знают первоначальную реакцию организма, заложенную в него природой для выживания, которая проявляется в трех основных формах: а) ОТТОРЖЕНИЕ организмом инородного тела, попавшего в него; б) выработка своего ИММУНИТЕТА (т. е. внутреннего

освобождения от действия чего-то инородного) и в) **НЕСОВМЕСТИМОСТЬ**.

Эта биологическая подоплека отразилась в соответствующих психологических реакциях отторжения чужого (инородного), психологической несовместимости и психологического иммунитета, действовавших на протяжении всей истории в сферах столкновения типологически далеких друг от друга этносов, их языков, религий и культур. Но социальная «природа» постепенно вытесняла биологическое начало; прогресс шаг за шагом вел к тому, что «закон нетерпимости» (несовместимость — иммунитет — отторжение), как «закон тигров», по Вольтеру, изгонялся из интерперсональных и интерэтнических, межнациональных отношений (оставаясь, впрочем, функционировать на микросоциальном уровне — в малых антисоциальных, например преступных группах).

В результате произошло нечто невероятное (что, впрочем, вполне согласуется с новейшими данными строгих наук: ведь математики и физики сегодня описывают мир именно как «невероятный», скажем, в термодинамическом плане, «странный аттрактор» и т. п.), а именно: современная медицина научилась побеждать реакцию отторжения и несовместимости, осуществляя, казалось бы, невозможное — отменяя сам «закон природы». Так, с начала 50-х годов медикам пришлось ввести понятие **ИММУНОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ** — для обозначения иммунной «терпимости» организма к пересаженным инородным тканям. И дело, понятно, не в том, что несовместимость более не действует, а в том, что силами разума научились побеждать силу биологического закона (!), то есть на самом фундаментальном, неотменимом витальном уровне — **УРОВНЕ ЖИЗНИ**.

Думается, пришло время вытеснить нетерпимость (отторжение, несовместимость) и из последнего социального уровня — в отношении к «инородной» политике (т. е. государств с иной социально-политической системой). Конец века, таким образом, может и должен быть отмечен наступлением эры **ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ**. (Разумеется, речь идет о терпимости в отношении явлений, лежащих в орбите общечеловеческих критериев, орбите гуманных явлений, соответствующих человеческим ценностям; терпимость же в отношении негуманных, бесчеловечных явлений — скажем, терроризма или фашистских режимов — была бы бессмысленна, ибо вызывала бы «огонь на себя» и тем обрекла бы себя на самоуничтожение.)

На встрече с деятелями мировой культуры («Иссык-кульском форуме») М. С. Горбачев сказал: «... Политика должна питаться всем тем, что заключает в себе интеллектуальное богатство каждой нации и всей человеческой цивилизации... Политика, которая не оплодотворяется раздумьями о человеческих судьбах, — это плохая, аморальная политика, и она не заслуживает уважения». Вот чем вызвана потребность у политиков и представителей современной культуры общаться, встречаться, взаимодействовать...

Если с тех самых пор, как человек встал с четверенек на ноги и стал «с поднятым челом к звездам обращаться» (Овидий), до наших дней свывался и, конечно, СВЫКСЯ с идеей нетерпимости и как ее следствием — неизбежностью войн, то отныне он призван Историей СВЫКНУТЬСЯ с идеей диаметрально противоположной — неизбежностью тотального мира, толерантным сосуществованием. Для этого данная идея должна пройти все слои мирового общественного сознания; если она пройдет через умы и души миллионов людей, то тогда только через их тела не пройдет ... радиация. И нет другого способа предотвратить это! Вот что следует понимать под «разоружением, проведенным снизу», как об этом говорят иные из наших толерантно мыслящих зарубежных коллег.

В январском Заявлении (сейчас, спустя 4 года, ясно, что оно было историческим) есть место, которое не может буквально не потрясти всякого непредубежденного человека: «К концу 1999 года на Земле больше не остается ядерного оружия (!). Выбатывается универсальная договоренность о том, чтобы это оружие больше никогда не возродилось».

Возможно, у кого-то это вызвало сомнения: «Фантазия! Мечта!» Но пусть скептики вспомнят, как в страшное для молодой Советской России время — после гражданской войны, голода и разрухи — в сердце этой огромной растерзанной страны, пребывавшей «во мгле», великий английский фантаст Герберт Уэллс (1920 г.) беседовал с великим политиком Лениным, видящим сквозь окружающую «мглу» свою будущую страну, залитую электричеством, и глубоко уважительно назвал его «кремлевским мечтателем» (кстати, книга Уэллса «Россия во мгле», получившая международную известность, сыграла немалую роль в распространении правды о Советской России)⁶.

Только в 1922 году Анатолий Франс с присущим ему духовным мужеством признал: «Республика Советов родилась бедной и непобедимой. Она несла с собой обновление, ставившее под угрозу все правительства угнетения и несправедливости, которые поделили между собой земной шар. Старый мир не ошибся. Его вожди поняли, что является их врагом. Они использовали против молодой республики клевету, богатство, насилие. Они хотели задушить ее и послали против нее орды бандитов. Республика Советов бросила в бой свои красные армии и разгромила бандитов...»

Нынешняя реальность СССР, одной из великих держав современного мира, показывает, что «кремлевским мечтателям» стоит доверять — тем более когда они сами призывают к всемирному доверию как неотъемлемому компоненту отношений между государствами: «В нашей политике нет ловушек. Мы протягиваем Западу не кулак, а раскрытую ладонь. Хочу подчеркнуть: мы ищем пути к взаимопониманию, к ограничению гонки вооружений не по слабости. Мир нам нужен, но он нужен и всем. Наша политика продиктована заботой о выживании человечества, может быть единственной цивилизации в

звездных просторах галактики» (из речи М. С. Горбачева в ГДР 18 апреля 1986 г.).

В этих словах не просто очередной постулат в устах высокого политика-профессионала. Здесь очевидно то, что, увы, столь редко удается встретить в выступлениях даже выдающихся, даже прогрессивных деятелей современности, — ФИЛОСОФСКОЕ ОБОБЩЕНИЕ обсуждаемой проблемы, причем взгляните: на совершенно конкретном материале. Мы — государство с мощнейшим военно-промышленным потенциалом, и только после ряда тяжелейших уроков новое политическое мышление учится толерантности у общечеловеческой Культуры и всемирной Цивилизации. Речь идет о нашей сегодняшней, современной, цивилизованной политике (жизнь не стоит на месте), мы говорим, взываем к ВЗАИМОПОНИМАНИЮ — на фундаменте, возведенном всей тяжелой и кровопролитной человеческой историей, которая ВЫСТРАДАЛА ПРИНЦИП ТОЛЕРАНТНОСТИ, наряду с более глубоким, но зато и требующим больших усилий и большей конкретности принципом гуманизма. Ведь гуманизм действителен только в условиях взаимотерпимости; в противном случае под его флагом, как то не раз бывало в истории, возможно любое, самое вопиющее насилие, когда те или иные социальные группы или целые народности «просто за людей не считают» — от конкистадоров до «белокурых сверхчеловеков» — фашистов с их цинично-издевательским тезисом в концлагерях «каждому — свое».

Видеть, научиться видеть и понимать в другом человеке, любом другом народе или иной социальной системе нечто «себе подобное», такое же человеческое, имеющее точно такое же ПРАВО НА ЖИЗНЬ — с этого НАЧИНАЛАСЬ МОРАЛЬ, начиналась человеческая цивилизация (о том же гласило и золотое правило нравственности, сформулированное почти одновременно, примерно около VI в. до н. э. Конфуцием и Буддой, Зороастром и Сократом, а затем в Евангелиях).

Умению в конечном счете все-таки увидеть в «чужих» себе подобный на заре истории научила людей суровая борьба за существование (борьба с природой); человечество тогда сумело выжить в борьбе с внешним врагом (голодом, хищниками, оледенением и т. п.) только благодаря тому, что сумело преодолеть внутренние, внутрисоциальные барьеры (противопоставление «своих» «чужим»), и зоополитикон — «животное общественное» стал homo sapiens — «человеком разумным». Вот и ныне виток спирали истории подошел к аналогичному пункту (поистине все повторяется!), когда вопрос стоит о выживании homo sapiens, а не какой-то социально-политической системы, и Советский Союз, наученный горьким опытом собственной истории, исключавшим толерантность, думает теперь уже не столько о себе, сколько о человечестве в целом.

Как известно, у входа в ООН посетителя встречает замечательный текст из Саади на ста языках мира: «Человечество — это общий организм, единый организм. Когда жизнь наносит удар по одному из

суставов этого организма, то болят и другие суставы». (Между прочим, сам Саади, мусульманин, пережил ужасы монгольского нашествия и побывал в плену у христиан-крестоносцев).

К величайшему сожалению, известно также, что «жизнь», то бишь мировая агрессивная политика некоторых государств, бравящих своей военной мощью, без конца наносит удары по различным «суставам» организма человечества (позавчера Вьетнам, вчера Афганистан, сегодня Ливия, завтра, возможно, любая другая жертва). Но ... вопреки певцу любви Саади, вопреки Этому, выработанному историей нравственности и культуры, а также вопреки Уставу ООН — от этих «ударов» (например, внезапных бомбардировок мирных городов малых стран в мирное время) болят почему-то далеко не все «другие суставы». Время взывает к реализации «принципа Саади» во всеобщем сознании; поэтому представляется весьма симптоматичным, что на встрече деятелей мировой культуры, представленных в «Иссык-кульском форуме» с советским руководством, английский писатель, актер, режиссер Питер Устинов словно бы возродил этот принцип, сказав: «Если поранить палец и не вылечить рану, то заболит кисть руки. Если и ее не начать лечить, зараза пойдет по всей руке, а если и это проигнорировать, то можно умереть. Теперь, очевидно, надо всем довести до сознания, что человечество требует от нас такого же отношения, как и наше собственное тело. Если ты живешь на ладони у судьбы, то не надо думать, что люди, которые живут на пальцах ее ноги, очень далеки от тебя».

Вот почему новое мышление в современной политике содержит в себе и этический, эстетический, поэтический планы. Если глава советской политики указывает сегодня на человечество как на «может быть, единственный феномен цивилизации в звездных просторах галактики», то под этим можно понимать и некоторую скрытую силу — с одной стороны, в сфере идеального — объединяющую духовную силу культуры, власти поэтической фантазии, а с другой — своеобразную силу объединения, таящуюся в «коллективном бессознательном»; то и другое соединяет молния воображения и объемлет века, народы и мирозданье:

Ты посмотри, какая в мире тишь:
Ночь обложила небо звездной данью,
В такие вот часы встаешь и говоришь
Векам, истории и мирозданью.

Строки эти принадлежат не лирику и не философу, а маяку в, так сказать, агрессивной поэзии русской революции — Владимиру Маяковскому; как видно, в «биополе» нашей все-таки революции переkreщивались и сливались потоки излучений политики, поэзии и философии. Так, от мировой политики через проблемы мировой философии мы незаметно дошли до поэзии — не правда ли, сколь же тесно и органично оказываются связанными все эти гуманитарные сферы,

когда они обращены ко всеобщему, высокому, к «Духу — высшему цвету материи» (Ф. Энгельс) и его носителю — человеку.

То или иное ощущение собственного трагизма было свойственно многим из прошлых эпох, но это была трагедия столкновения несправедливого социума и доблестной личности, не могущей исправить «свихнувшийся мир», поэтому, скажем, для Шекспира «порвалась связь времен»; в прошлом веке для Гейне «мир раскололся, и трещина прошла по середине сердца поэта...». В наше же время эти поэтические гиперболы могут ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ физически предметиться, материализоваться в реальную вселенскую катастрофу: «Вот так кончится мир ... не вскрик, но всхлип» (Т. С. Элиот) и, скажем, вышеприведенный библейский смерч из «Ста лет одиночества». Вот эту-то жгучую тревогу-предчувствие современного Поэта западного мира и разделяет мудрая и челоуечная стратегия советского политика-гуманиста, обрамленная соответствующей новой дипломатией, — КУЛЬТУРПОЛИТИКА, что впервые в истории довела принцип толерантности до уровня мировой политики, изгоняя таким образом тысячелетнюю нетерпимость из ее последнего убежища.

Итак, в середине текущего столетия аполитичность писателя, мыслителя указывала не на что иное, как на его антидемократизм; соответственно, напротив, политизация культуры, мышления может существенно повлиять на неблагоприятный ход социальных (демократических) процессов, предотвратить катастрофу, затеваемую «чистыми» политиками, обуреваемыми жадной власти. Однако тогда, в канун второй мировой, далеко не все деятели литературы, культуры думали, как Томас Манн, и литературная классика того времени — великие художественные создания — мало чего успели сделать для ее предотвращения, они еще не включали в свой контекст антивоенную тематику (не исключая и самого Т. Манна, работавшего над далекой от бурь XX века гениальной тетралогией «Иосиф и его братья», а действительно антивоенная тетралогия, создаваемая на другом конце Европы — «Тихий Дон», — увидит свет целиком только к самому началу войны).

Существенно иное положение сейчас, нынешняя классика уже с необходимостью включает в свой художественно-философский контекст этот аспект, ставший первостепенным по важности. Мы уже говорили о Габриэле Маркесе, а сейчас укажу на более свежий по времени пример — творение Чингиза Айтматова «Плаха». Это первый советский роман-трагедия, заставляющий вспомнить всемирную проблематику Достоевского (думаю, мимо него тоже не пройдет Нобелевский комитет).

После «Мастера и Маргариты» и «Доктора Живаго» здесь в третий раз на нашей современной литературной сцене появляются Понтий Пилат и Иисус Назаретянин. Автор «Плахи» писал ее в атмосфере ядерного противостояния мира, что внутренне электризовало мыслительский план книги, заставило перекинуть мост от первого появления в истории апокалиптической идеи «конца света» до нынешней ее

вариации, судя по всему последней. Фантазия художника, работающего в 80-е годы XX века, поэтому радикально переосмысливает хрестоматийную ситуацию «Моления о чаше» и дерзко вкладывает в уста Христа позднейшую концепцию Апокалипсиса, к тому же нагруженную всей последующей историей человечества, что и позволяет определить основную причину грядущего «конца света»: «Неужто к этому дикому концу привела НЕСОВМЕСТИМОСТЬ людей с людьми, несовместимость границ имперских, несовместимость идей, несовместимость гордынь и властолюбий, несовместимость пресыщенных безраздельным господством великих кесарей и следовавших за ними в слепом повиновении и лицемерном славословии народов, вооружившихся с ног до головы, кичащихся победами в неисчислимых междоусобных битвах? Так вот чем кончилось пребывание на земле людей, унесших с собой в небытие божественный дар сознания».

Так пример «Плахи» наглядно показывает, что современная культура конца 2-го тысячелетия после «рождества Христова» (новой эры) вбирает в себя апокалиптические перспективы, какой бы тематикой она ни занималась, а стало быть, и философские аспекты политики мира. Если запаздывавшая политизация культуры и общественно-философского мышления не успела повлиять на ситуацию второй мировой, то нынешний ее размах призван предотвратить Третью — Последнюю.

Венгерский фильм «Пятая печать» снял апокалиптическую печать с невинных душ, убиенных гитлеровским фашизмом; советский фильм «Иди и смотри» также воспользовался символикой «Откровения Иоанна Богослова», из той же главы 6-й.

Вся кровавая История говорит нам ныне как бы громовым голосом: «ИДИ И СМОТРИ», а нынешняя, политизирующаяся культура и аккультурирующаяся политика добавляют: зри мировую ситуацию и — действуй!

Что же остается философу?

Философия есть учение о бытии (природе, обществе, человеке), следовательно, также и о небытии — только последнее всегда оставалось на уровне глубоко индивидуального размышления об индивидуальном же небытии на фоне коллективного, родового бессмертия (которое удивительный русский мыслитель Николай Федоров полагал возможным персонифицировать и сделать это уделом «общего дела» человечества). Оружие массового уничтожения перевело стрелку небытия за границы индивида и приблизило к границам рода. Характерно, однако, что первым это понял не философ, а физик: «С открытием атомного оружия человечество стало смертным» (Эйнштейн). Так не пора ли спохватиться и философии, повторю еще раз, — на новом историческом уровне, обусловленном теперешней ситуацией?!

В заключение не могу не вспомнить все-таки неумолчного в XX веке представителя русской классической культуры (хотя, адресуясь преимущественно к западной интеллигенции, я специально исполь-

зовал арсенал только их собственного наследия). Федор Достоевский, величайший провидец, которому — единственному из писателей мира — пришлось совершить не гипотетическое, как «суровому Данту», а вполне реальное «сошествие во ад» (после инсценировки коллективного расстрела, когда он ощутил и запах и вкус — укус — Небытия): «Если все должны страдать, чтобы страданиями купить вечную гармонию, то при чем тут дети ... этого я и не могу принять. И пока я на Земле, я спешу принять свои меры».

Поспешим же и мы, пока мы на Земле, исполнить этот завет высокой человечности и принять свои меры!

Собственно, мы, философы, располагаем только одним инструментом — это НЕУМОЛЧНОЕ СЛОВО, разоблачающее и тем обезоруживающее силы мирового зла и безумия, но оно должно быть и толерантным, исполненным доверия к тем, с кем нельзя не объединиться перед лицом небывалого врага — Франкенштейна-XX, грозящего столкнуть мир в пропасть небытия, Хаоса. Пусть каждый из нас, «возделывая свой огород» (по Вольтеру) в своей профессиональной сфере, своем непосредственном деле говорит, твердит неустанно вслед библейскому пророку: «Не слышно будет более насилия в земле твоей, опустошения и разорения — в пределах твоих ...

Я исполню слово: МИР, мир дальнему и ближнему ... [Библия. Книга пророка Исайи. — гл. 57, 19; гл. 60, 18].

Сегодня это СЛОВО — ДЕЛО РАЗОРУЖЕНИЯ.

В этом и будет состоять постепенное, незаметное, но зато и всеохватывающее действие идеи разоружения в недрах мирового общественного сознания. Если мы сумеем эту идею максимально, тотально распространить во всех формах социальной жизни (помните: идея становится материальной силой, когда она овладевает массами), то всеобщее слово разоружения снизу станет делом его политической ратификации сверху.

Итак, накануне второй мировой войны выдающиеся деятели западного искусства и философии осознали необходимость слияния культуры с политикой; сейчас, перед сверхугрозой возможной третьей, мировая политика должна осознать необходимость восхождения на уровень, достигнутый в целом современной мировой культурой — уровень Толерантности.

Политика Востока (т. е. советская) это осознала четко (таковы, мы видели, философские аспекты нынешних советских мирных инициатив); теперь очередь за политикой Запада.

М. С. Горбачев первым из наших руководителей указал на ленинскую мысль колоссальной глубины (добавлю от себя, и плехановскую тоже)⁷.

Однако последующие вожди советской политики — до Горбачева, — в сущности, проигнорировали этот архиважный, говоря ленинским словом, момент — о приоритетности интересов общественного развития, общечеловеческих ценностей над интересами того или иного класса. Сегодня, в ракетно-ядерный век, значимость этой мыс-

ли ощущается особенно остро. И очень хотелось бы, чтобы и в другой части мира тоже поняли и применяли тезис о приоритете общечеловеческой ценности мира над всеми другими, которым привержены те или иные люди.

Вот почему неотторжимой от культуры (а следовательно, и от философии — этой вершины пирамиды всей культуры и науки) становится «проблема проблем» мировой политики — уничтожение ядерного вооружения, поскольку этот «пробел» (говоря словами Т. Манна, т. е. если этой проблемой не заниматься всей интеллигенции неустанно) явится гибельным уже не только для какой-то локальной культуры, но и для жизни вообще.

Подобный перелом в политике, вбирающей в себя опыт мировой культуры (что свидетельствует о мере культурности самой политики), не только необходим, но и вполне возможен. Об этом наглядно и ярко свидетельствует опыт советско-индийских взаимоотношений⁸. В особенности акты визита М. С. Горбачева в Дели и подписание совместной Декларации. Во встречной речи, адресованной советскому руководству, Раджив Ганди подчеркнул глубочайшую преемственность своей политики по отношению к великим предшественникам Индире Ганди, Дж. Неру и Махатме Ганди и специально отметил, что индийская революция, избравшая путь ненасилия, была «ЕДИНСТВЕННОЙ В СВОЕМ РОДЕ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ». При этом, как ни странно, она оказалась теснейшим образом связанной с наследием Октябрьской революции, свидетельством чего является долгая историческая дружба наших народов и полное взаимопонимание их политиков. Так что вопреки барду западного (британского) колониализма, опыт демократического развития показывает, что Запад вполне может «сойтись» с Востоком при всем различии систем (причем именно с Индией, которую прежде всего имел в виду Киплинг).

Со своей стороны советский руководитель заявил: «Лично для меня совершенно очевидно, что именно в общении Советского Союза и Индии **ВПЕРВЫЕ В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ** проявилось многое из того, что мы называем новым политическим мышлением».

Наконец, в совместной Делийской декларации одним из важных пунктов провозглашается **НЕНАСИЛИЕ** как основа жизни человеческого сообщества и следует такое заключение: «Построение свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира требует революционной перестройки в умах людей, воспитания народов в духе мира, **ВЗАИМНОГО УВАЖЕНИЯ И ТЕРПИМОСТИ**».

Убедительнейшие примеры подобного взаимоуважения и толерантности, культурной и политической, поданы. Дело — в их повсеместном продолжении и развитии.

1986, 1990 годы

Примечания

¹ «Былым» потому, что ныне эти термины былой конфронтации систем уже не работают: они остались в силе только для «ястребов» на Западе да «ниноандреевщины» на Востоке. Прозорливо угаданный академиком А. Д. Сахаровым еще в 60-х годах «третий путь» (имевший параллель в идее конвергенции Гэлбрейта — Бэлла) сегодня является единственно спасительным между Сциллой экстремизма и Харибдой консерватизма.

² В последующие годы развития советского общества мы научились понимать, что необходимо от «нашего» классового, национального идти к общечеловеческому.

³ Один из первых апостолов идеи всеобщей веротЕРПИМОСТИ Пьер Бейль отмечал: «Вот турки, которые терпят всевозможные религии, хотя Коран предписывает им преследовать неверных; а вот христиане, занятые одними лишь преследованиями, хотя Евангелие им это запрещает ...» (Бейль П. Исторический и критический словарь. Т. 1, с. 284).

⁴ Автор посвятил этому вопросу свою книгу «Культура и насилие», написанную в 1979 году (до сих пор не опубликована).

⁵ Как сказал еще Наполеон в беседе с Гете: «Рок — это политика». Но Культура вправе дать противоположное определение: политика — это Рок. Гонимый М. Булгаков в письме к Сталину это выразил так: писатель всегда будет в оппозиции к политике, пока эта политика будет в оппозиции к культуре.

⁶ До него о нашей стране писали так: Габриэль Домерг «Красная Россия»: удовольствия, грязь, кровь (1918); Серж де Шессен «В стране красного безумия»: русская революция (1918); Робер Воше «Большевистский ад» (1919); Людовик Надо «В тюрьме при русском терроре» (1920). Серж де Шессен утверждал: «Русская революция — это заблуждение», а Габриэль Домерг призывал напрямую «снова (?) покорить их, хотя бы они того или нет, для спасения как их самих, так и нас».

⁷ Это была всегдашняя плехановская идея (см. об этом мою книгу «Конец Утопии (куда идет социализм)», изд-во АПН, 1990, главу 2-ю). Что же касается Ленина, то он, по-видимому, отказался от идеи мировой революции на закате своей жизни, и умирающий вождь пришел к прямо противоположной мысли: от революционного насилия к ненасильственному пути «двинуться догонять другие народы».

⁸ Сейчас, в 1990 году, сюда с громадным удовлетворением можно добавить: и советско-американских, и советско-английских, и... кто следующий?!

Победа реформизма

Тема «Запад и мы» — это, в числе многих других, и общие проблемы в сфере философско-исторической мысли, общие процессы духовного развития человечества, связанные с переходом его в нашем веке, после второй мировой войны особенно, в некое качественно новое состояние. У этого состояния много различных определений — в зависимости от того, какой критерий кладется в основу: «богатое общество», «постиндустриальное общество», «мировое сообщество» (а как локализация понятия — «общий европейский дом») и пр. Но, кажется, все признают, что это поистине новый мир, в ряде важнейших характеристик коренным образом отличающийся от всей предшествующей истории человечества. В области исторической теории и политической практики одним из наиболее важных и знаменательных проявлений этого поистине тектонического по своим масштабам сдвига является вытеснение классического марксизма ревизионизмом, победа реформизма над революционностью¹.

«Ревизионизм» — одно из самых бранных слов в нашем общественно-политическом словаре, а к отцу ревизионизма, немецкому социал-демократу Эдуарду Бернштейну, вскоре после смерти Энгельса выступившему с критикой ряда основных положений марксизма, нам со школьной скамьи прививалось примерно такое же отношение, какое в описанной Дж. Оруэллом стране «партия» культивирует к своему главному идейному врагу Эммануэлю Голдстейну. Вспомним сцену, когда во время ежедневной «двухминутки ненависти» в телеэкран, где появляется его отвратительное изображение, служащие Министерства правды с криками «Подлец! Подлец! Подлец!» швыряют что попадетсЯ под руку.

В нашей стране не только внешность Бернштейна, но и действительное содержание его сочинений известны лишь редким специалистам, однако «двухминутка ненависти» к нему продолжалась все 70 лет Советской власти. В каталоге Ленинской библиотеки целый ящик заполнен карточками только коллективных монографий под почти (а нередко и полностью) одинаковыми заглавиями «Критика буржуазных и ревизионистских концепций...», и едва ли хотя бы в одной из них обойдено вниманием трижды проклятое бернштейнианство. Сколько сотрудников и аш е г о министерства правды (то есть академических институтов и вузовских кафедр философии, политэконо-

мии, истории, научного коммунизма и пр.) «остепенялось» и кормилось на этом! Особенно в брежневские годы, когда в качестве заведующего Отделом науки ЦК КПСС советским обществоведением руководил С.П. Трапезников, самолично подававший пример партийной непримиримости к бернштейнианству.

Однако если, минуя все эти «критики» (разоблачавшие наших идейных противников так, чтобы одновременно «не предоставлять им трибуну»), мы обратимся непосредственно к Бернштейну, то с изумлением обнаружим, что с ним сегодня почти не о чем спорить. Правда, когда он пытается возражать Марксу по некоторым общетеоретическим вопросам, в особенности когда берет под сомнение то, на чем стоит «Капитал», — двойственную природу товара и трудовую теорию стоимости, его попытки явно несостоятельны. Правда и то, что ни как мыслитель, ни как публицист он не идет ни в какое сравнение с оспариваемыми им основоположниками марксизма, что он бывает и эклектичен, и сбивчив, и не строг в аргументации и что, по-видимому, сам, опасаясь собственной смелости, нередко недоговаривает, а то и впадает в прямое противоречие с самим собою. Но сила его в том, что он — можно сказать, в зародыше — уловил в современном ему капиталистическом обществе совокупность таких явлений и тенденций, которым позднее, порой много десятилетий спустя, суждено будет стать преобладающими и увести почву из-под ног классического революционного марксизма. И не прошел мимо них, не стал искать компромисс между новыми фактами и старыми выводами марксистской теории.

У меня перед глазами книга Карла Каутского «К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»)», Москва — Петроград, 1923. Впервые опубликованная в том же 1899 году, что и книга Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», книга Каутского имеет двоякий интерес: давая подробное, с многочисленными и нередко обширными выписками, изложение этого и некоторых других сочинений Бернштейна, она вместе с тем содержит едва ли не исчерпывающую сводку тех фактов и соображений, которые т о г д а могла им противопоставить ортодоксально-марксистская мысль.

Итак, что же говорит Бернштейн?

Он в целом не отрицает той общей характеристики капитализма, которая дана основоположниками марксизма, но на вопрос, верно ли то, что «концентрация (капиталистического производства. — Ю.Б.) со всеми сопутствующими ей явлениями происходит в указанных Марксом формах», отвечает: «И да, и нет. Оно верно прежде всего в тенденции. Изображенные силы живут и действуют в указанном направлении... Если же картина не соответствует действительности, то это происходит не от ложности, а от неполноты высказанного. Факторы, оказывающие ограничивающее действие на изображенные противоречия, Маркс или совершенно обходит, или, если обсуждает при случае, то позднее, при сводке или противопоставлении указанных

фактов, он упускает их, так что социальное действие антагонизмов кажется более сильным и непосредственным, чем оно есть в действительности» [цит. по: «Антибернштейн», с.97 —98].

Восполняя эту «неполноту высказанного» своими учителями, Бернштейн преимущественно и указывает на «факторы, оказывающие ограничивающее действие» на изображенные Марксом противоречия, и это, по его мнению, радикально меняет всю картину происходящего, дает возможность по-иному взглянуть на настоящее и будущее капиталистического общества. В противовес убеждению, что неизбежными спутниками капитализма являются анархия производства и все более разрушительные, все более катастрофические экономические кризисы, постоянно увеличивающаяся пролетаризация трудящихся масс за счет «вымывания средних слоев» и уменьшения численности собственников, сам же пролетариат идет по пути (по крайней мере «относительного») обнищания, Бернштейн утверждает, что «в современном обществе... обнаруживается все растущее вмешательство разума в законы развития, и именно экономического развития... способность р у к о в о д и т ь экономическим развитием... При этом и здесь общий интерес берет верх над частным, и во всех областях, где это совершается, прекращается (лучше было бы сказать: ограничивается. — Ю.Б.) стихийное действие экономических сил» [там же, с.9]. Констатируя «расширение поля деятельности независимых идеологических и в особенности этических факторов», Бернштейн считает, что «благодаря этому причинная связь между технико-экономическим развитием и развитием других социальных элементов становится все менее непосредственной, а вместе с тем первое все более теряет свое влияние на второе» [там же, с.11, 48]. По его наблюдениям, «число собственников не уменьшилось, а увеличилось. Колоссальный рост общественного богатства сопровождается не образованием небольшой и все уменьшающейся кучки магнатов капитала, а увеличением числа капиталистов всех степеней. Средние слои изменяют свой характер, но не исчезают со ступеней общественной лестницы»; «Мы нигде не видим убыли этих последних; напротив, они почти повсюду сильно распространяются. Что отнимается у них сверху, то они пополняют, подкрепляя себя снизу...» [там же, с.137, 142]. В условиях экономической системы, для которой характерно постоянное увеличение «массового производства потребительских благ», никакое сверхпотребление господствующего класса не в состоянии их поглотить: «либо... увеличение благосостояния пролетариата, либо многочисленный средний класс — такова единственная альтернатива, которую допускает непрерывный рост производства» [там же, с.169 — 170]. Впрочем, по мнению Бернштейна, в действительности имеет место даже не альтернатива, а параллельное развитие обоих процессов, в том числе медленный, но неуклонный рост жизненного уровня рабочего класса. По словам Каутского, признавая, что

эксплуатация рабочих капиталистами — «общеизвестное явление», Бернштейн и его единомышленники заявляют: «Да, все это верно, но тенденция к обнищанию пролетариата — только переходящее явление, присущее зачаточному состоянию капиталистического способа производства, но преодолеваемое с течением времени» [там же, с.185—186]².

Убеденный, что в современных ему условиях «движущую силу рабочего движения образует не крайняя материальная нужда, но растущие культурные требования рабочих... и прогрессирующее сознание своего равноправия» [там же, с.244], Бернштейн, пишет Каутский, «указывает нам на значение кооперации, профессиональных союзов, так называемого «муниципального социализма», «указывает на демократию, которая означает в принципе уничтожение классового господства», «хотя и не означает фактического уничтожения классов» [там же, с.248, 258, 261]. В противоположность коренному убеждению Маркса и Энгельса, «можно, — полагает он, — считать демократию... обозначением такого социального строя, при котором ни один класс не пользуется политическими привилегиями по отношению ко всему обществу» [там же, с.261]. В прямой связи с этим Бернштейн рекомендует «соблюдать до известной степени сдержанность при объявлении войны либерализму». «Правда, — говорит он, — великое либеральное движение нового времени прежде всего принесло выгоду капиталистической буржуазии, и партии, присвоившие себе имя либеральных, были или стали с течением времени простыми защитниками капитализма... Но что касается до либерализма как всемирно-исторического движения, то социализм является не только с хронологической точки зрения, но и по своему духовному содержанию его законным преемником» [там же, с.265].

Все эти соображения, резюмирует Каутский, приводят Бернштейна к «оптимистическому представлению» о ходе развития буржуазного общества и соответственно к мысли о том, что Маркс и Энгельс совершили ошибку «в оценке продолжительности социальной и политической эволюции» капитализма [там же, с.68]. Не отрицая в нем классовой борьбы, он полагает, однако, что эта эволюция ведет не к обострению, а, наоборот, к смягчению социальных антагонизмов, то есть «совсем не следует направлению, указанному Марксом и принятому, вслед за Марксом, в социал-демократических программах» [там же, с.242]. Допуская возможность новых кризисов, он вместе с тем воспринимает удлинение периодов процветания как доказательство способности капиталистического хозяйства к саморегуляции и ставит вопрос: «Не стал ли вследствие этого общий промышленный кризис, подобный предыдущим, невероятным по крайней мере в течение более или менее продолжительного времени?» [там же, с.227]. А поскольку именно с таким кризисом марксистская мысль не раз связывала предстоящее крушение буржуазного общества, то и сама эта «теория крушения»

вызывает у него по меньшей мере сомнение: «Чтобы считаться «имманентной экономической необходимостью», триумф социализма должен быть обоснован доказательством неизбежности экономического крушения существующего общественного строя. Но такая неизбежность еще не была и не могла быть доказана. Общественное развитие в некоторых пунктах сошло с пути, по которому оно должно было бы направиться, чтобы крушение стало неизбежно по чисто экономическим причинам» [там же, с.92].

Это не значит, что Бернштейн отрицает возможность социализма или не хочет его осуществления. Но, во-первых, среди необходимых предпосылок социализма он на первое место ставит не «экономическое принуждение», а «свободу воли» людей, «живущих обществами в цивилизованных странах», прошедших длительную школу воспитания в условиях демократии, полагая, что «и в социалистическом движении правовое сознание, стремление к более справедливому общественному строю является по меньшей мере столь же важным и сильным фактором, как материальная необходимость» [там же, с.92]. А поскольку вызревание этих факторов — дело длительное, поскольку «несмотря на большие успехи, которые сделал рабочий класс в интеллектуальном, политическом и экономическом отношении с того момента, когда писали Маркс и Энгельс», его и теперь еще нельзя считать «достаточно развитым, чтобы взять в свои руки политическую власть» [там же, с.281 — 282] и «изъять из частных рук руководство сконцентрированными средствами производства» [там же, с.140], то и социализм для Бернштейна — весьма отдаленная перспектива («Если бы общество конструировалось или развивалось согласно прежней доктрине, тогда экономический переворот был бы только вопросом очень короткого времени. Но этого, как мы видели, нет». — Там же, с.19). Во-вторых, его страшит революционный путь перехода к социализму, «революционные народные волнения», стремящиеся «главным образом к р а з р у ш е н и ю» [там же, с.71] и, безусловно, отвращает идея диктатуры пролетариата. Не соглашаясь с тем, что преобразование общества может быть делом т о л ь к о рабочего класса, он, по словам Каутского, ужасается мыслью о классовом господстве пролетариата и ищет в демократии такого средства, которое «принципиально» уничтожает возможность диктаторской власти одного класса над другими, даже если таковой составляет большинство. Признавая «подавление личности обществом», безусловно противным «современному сознанию», он пишет: «Опыт показал, что чем дольше существовали в современном государстве демократические учреждения, тем больше признавались и уважались права меньшинства, а партийная борьба становилась все менее ожесточенной» [там же, с.263].

Альтернатива разрушительной революционности состоит для Бернштейна в своего рода политике «малых дел», в постепенном изменении общественного уклада в социалистическом направлении, что, в пересказе Каутского, предполагает «медленное, но верное про-

грессивное движение по пути демократизма и социальных реформ» [там же, с.255]. Принципиальный р е ф о р м и з м Бернштейна — оборотная («положительная», программная) сторона его «ревизионизма», естественное продолжение последнего. В этом — смысл и его известного афоризма: «Движение — все, конечная цель — ничто», и его настоятельных рекомендаций социал-демократии в интересах успеха ее деятельности превратиться из партии рабочего класса в широкую народную партию «демократически-социалистических реформ» [там же, с.269, 274, 281 и др.].

Такова была в основных пунктах позиция Бернштейна. Не стану пересказывать, что отвечал ему Каутский. Поскольку моя задача — отнюдь не в том, чтобы предложить свой вариант описания идейной борьбы в марксизме, а лишь в пунктирном обозначении общего направления этой борьбы и в констатации ее современного исхода, ограничусь просьбой к читателю поверить мне на слово (а к желающим — удостовериться самолично), что ни одно из приведенных утверждений и сомнений Бернштейна не осталось без немедленной критики и развернутых контраргументов со стороны Каутского, а также Плеханова (еще в 1898 году одним из первых давшего бой бернштейнианству), Ленина, да и вообще большинства тогдашней социал-демократии. При этом противники Бернштейна в борьбе с ним опирались не только на авторитет Маркса и Энгельса, но и на собственный анализ обширного новейшего статистического и иного материала.

Однако бернштейнианство всей этой критикой отнюдь не было убито, и, таким образом, в послемарксовском марксизме произошел первый глубокий теоретический раскол (в России это был раскол с так называемыми «легальным марксизмом» и «экономизмом»). Второй не менее глубокий раскол, совершившийся вскоре после первого, также имевший международный характер, но раньше всего и с особой резкостью разделивший именно русскую социал-демократию, связан был ближайшим образом с именем Ленина, с появлением того, что принято у нас называть ленинизмом.

Почему я говорю отстраненно: «принято называть»? Потому что этот термин, на мой взгляд, неудачен. Усиленно внедрявшийся Сталиным, уже в год смерти Ленина выпустившим брошюру под названием «Об основах ленинизма», он заключает в себе некую презумпцию того, что Ленин как мыслитель един, что в своем оригинальном содержании его теоретические взгляды (а соответственно и политическая деятельность) представляют собой нечто более или менее целостное. Между тем это не так. Не в том смысле не так, что с течением времени взгляды Ленина развивались, обогащались новыми идеями, — это естественная черта всякой живой целостности. Возражать против термина «ленинизм» меня заставляет одно в высшей степени важное обстоятельство — тот крутой поворот, который вызвал и сопровождал переход к нэпу и который сам Ленин обозначил чрезвычайно вескими слова-

ми: «перемена всей точки зрения нашей на социализм» [Ленин В. И. Полн. собр. соч., т.45, с.376]. Поворот, конечно, как извне, так и изнутри многим подготовленный, а с другой стороны, ни в какой мере не завершённый, оборванный смертью на самых первых шагах, но тем не менее настолько глубокий и радикальный, что Ленин эпохи «военного коммунизма» и Ленин своих последних работ — это во многом два разных человека, об одних и тех же вещах (ну, допустим, о торговле) высказывавшихся не просто неодинаково, но часто диаметрально противоположным образом. Как же все это объять одним понятием «ленинизм»?

Любопытная вещь: в упомянутой брошюре Сталин ни единым словом не касается указанного поворота; Ленин периода нэпа для него как бы не существует (да и само слово «нэп» не употребляется там ни разу!). Всего через пять лет станет понятно, что такая «забывчивость» (или выборочность по отношению к ленинскому наследию) отнюдь не была случайной.

Вернемся, однако, к вышеназванному второму расколу в марксизме.

Если бернштейнианство было ревизией марксизма и программы социал-демократии (как его партийного выражения) справа, то возглавляемый Лениным большевизм представлял собой отход от социал-демократического «центра» влево. Отход этот, внешним проявлением которого стало размежевание только что оформившейся РСДРП на меньшевиков (отечественный сектор того ортодоксального социал-демократизма, или центризма, который считал себя прямым престолонаследником марксистского учения и одним из ведущих представителей которого был Каутский) и большевиков (также, вместе с радикальным крылом в западноевропейской социал-демократии, претендовавших на это престолонаследие), обнаружился уже в самом начале XX века и довольно быстро превратил различие между течениями во все более непримиримое противоборство. При этом, в то время как «центр», храня верность марксистской классике и нередко с блеском ее защищая, находил в новых фактах действительности главным образом подтверждение старых истин и не предлагал сколько-нибудь существенного «нового слова», большевизм все в большей степени приобретал самостоятельное идейное содержание, противостоящее не только бернштейнианству, но и центризму. В наиболее отчетливом виде оно проявилось, как известно, в ленинской концепции социалистической революции.

Не ограничивая свое значение национальными рамками, концепция эта все-таки имела в виду прежде всего Россию, что уже само по себе было более чем нетривиально.

В самом деле, если верно, что л ю б я социалистическая революция, произойди она в прошлом или в нынешнем веке даже в странах капиталистически наиболее развитых, убивает обществен-

ный строй, развивающийся и перспективный, и вынуждена создавать самый базис будущего общества, систему его производственных отношений, то что же тогда сказать о самодержавной России, где капитализм имел за плечами всего полвека, где пролетариат, сосредоточенный в немногих промышленных центрах, составлял незначительное меньшинство населения, а огромное его большинство жило в деревне, лишь начинавшей — правда, все быстрее, особенно благодаря революции 1905 года и столыпинской реформе, — выходить из патриархального состояния? Ни о какой, даже минимальной, зрелости предпосылок для пролетарской революции, — если понимать их так, как понимали основоположники марксизма: ни экономических (общий уровень развития производительных сил и буржуазных производственных отношений), ни политических (рабочий класс, прошедший достаточно длительную школу классовой борьбы в условиях демократической республики), — в данном случае не приходилось и говорить. Допуская такую возможность, что «русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.19, с.305], Маркс и Энгельс имели в виду русскую буржуазную революцию и удивлялись тем, кто мог в обозримый исторический период ждать какой-то другой.

Между тем общий смысл ленинских поправок и добавок к Марксу заключался преимущественно в том, чтобы мотивировать возможность и необходимость социалистической революции именно в такой, именно в этой стране.

Неравномерность экономического и политического развития как «безусловный закон капитализма» [Ленин В. И. Полн. собр. соч., т.26, с.354] и следующий отсюда «непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах» [там же, т.30, с.133], он победит «первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране» [там же, т.26, с.354], притом необязательно в самой развитой, так как революционная ситуация может в определенных обстоятельствах возникнуть и там, где «нет, как выражаются разные «ученые» господа... объективных экономических предпосылок для социализма» [там же, т.45, с.380];

— характеристика России как страны, где все противоречия империализма, отягощенные неизжитым наследием крепостничества и политической реакцией, оказались особенно обострены, благодаря чему (а также «краху II Интернационала») центр мирового революционного движения переместился в Россию;

— лозунги превращения империалистической войны в гражданскую и непосредственного перерастания русской буржуазно-демократической революции в социалистическую, социальной базой которой является союз рабочего класса с беднейшим крестьянством, а руководящей силой — «партия нового типа», пусть немногочисленная, но

монолитная, спаянная единством воли, целеустремленно и решительно действующая, — эти и другие положения Ленина в совокупности своей подвели теоретическую базу под невозможную для Маркса и Энгельса и их ортодоксальных учеников идею немедленной пролетарской революции в России. Вопрос об объективно-исторических предпосылках такой революции как формы перехода от капитализма к коммунизму при этом действительно уходил в тень. Если Бернштейн по сравнению с ортодоксальным марксизмом значительно повышал порог требований, осуществление которых могло сделать указанный переход возможным и оправданным, то Ленин, напротив, резко его понизил. На первый же план выдвигались вопросы практической осуществимости и условий успеха революционного переворота, совершаемого при благоприятном стечении обстоятельств хорошо организованном, сплоченном, ни перед чем не останавливаемом меньшинством.

Сумеют ли большевики взять, а взявши, удержать государственную власть, сумеют ли они силою этой власти подавить всех своих противников и начать строительство социалистического общества? — суть проблемы пролетарской революции состояла для Ленина именно в этом, и едва ли не только в этом. В противоположность принципиальному реформисту Бернштейну, считавшему революционность злым духом марксизма [см. «Антибернштейн», с.72], и в отличие от «центристов», которым слова Энгельса: «Маркс был прежде всего революционер» [М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т.19, с.351] — должны были бы казаться полемически односторонними, Ленин был, так сказать, революционер в квадрате. Недаром он вслед за Марксом не раз повторял девиз «мастера революционной тактики Дантона»: «смелость, смелость и еще раз смелость!» [См. например: Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т.33, с.307]. А в заметках «О нашей революции» говорил: «Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот мы и ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой... И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу. Нашим Сухановым (то есть меньшевикам. — Ю.Б.), не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции» [там же, т.45, с.381].

Не нужно иметь слишком сильное воображение, чтобы представить себе, что не только для бернштейнцев, но и ортодоксально-марксистского центра эти слова должны были прозвучать прямо-таки как манифест самого крайнего авантюристического революционаризма³.

Нет, конечно, — можно было бы ответить автору, о б щ а я л и н и я мировой истории от этого не изменилась, но мы-то, к сожалению, выпали из нее. Ведь революция как раз и занималась тем, что на захваченной ею территории пресекала, сметала важнейшие общемировые «посылки цивилизации», чем в свою очередь предопределял-

ся (хотя и не без альтернатив) путь развития, уводящий далеко в сторону от «общей линии мировой истории». Что касается тревоги, то она здесь даст себя знать обилием не по-ленински неуверенных, вопросительных интонаций. Как и во всех последних выступлениях Ленина (статья «О кооперации», лихорадочные попытки найти способ противостоять наступлению партийно-советского бюрократизма, великодержавности, бесконтрольной узурпаторской власти и пр.), внутренней темой заметок являются его тяжкие предсмертные раздумья о перспективах страны и революции.

Впрочем, к тому моменту, когда писались заметки «О нашей революции», взаимные отношения трех основных течений в марксизме были уже оформлены давно и прочно. Последняя точка была поставлена еще в 1918 году, когда несколько абстрактно звучащий тезис Маркса о диктатуре пролетариата предстал перед европейскими социал-демократами в конкретной ленинской расшифровке — как «власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» [там же, т.37, с.245], а главное — в такой «общественной практике», что им оставалось лишь молить бога, чтобы по крайней мере в их цивилизованных странах не наступило что-либо подобное. В тот год автор «Антибернштейна» выпустил брошюру «Диктатура пролетариата», прямо обращенную против большевиков как узурпаторов власти и душителей демократии, и тотчас получил в ответ гневную отповедь Ленина в виде книги «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Круг, таким образом, замкнулся. Горький упрек в ренегатстве («видный марксист», один из «наиболее ярких ортодоксов», пишет книгу, в которой «торжественно сжигает все, чему до сих пор поклонялся, и поклоняется всему, что сжигал»), адресованный в свое время Бернштейну Каутским [«Антибернштейн», с.25], с удесятенной резкостью брошен был теперь ему самому. Каутский, внушавший Бернштейну, что «лишить марксизм его революционности равносильно лишению его жизни» [там же, с.72], уже в собственный адрес слышал, что он и ему подобные «из марксизма... выхолащивают его революционную живую душу...» [Ленин В.И. Полн. собр. соч. т.37, с.238]. Каутский, характеризовавший эволюцию Бернштейна как превращение марксиста в либерала, буржуазного демократа, имел теперь возможность прочесть о себе как о человеке, который «дошел до виртуозности в... искусстве быть марксистом на словах, лакеем буржуазии на деле» [там же, с.242]. Ну и, разумеется, тоже не остался в долгу.

Кто был более прав в этих спорах — рассудит история. А пока просто констатируем факт: два глубочайших раскола и в результате — три основных течения в марксизме начала XX века, различающихся между собой прежде всего одним главным признаком — степенью своей революционности, своим отношением к идее пролетарской революции. А соответственно — и своим отношением к наследию основоположников марксизма.

Первое — «бернштейнианство» (в разных его национальных и индивидуальных вариациях). Это марксизм минус революция (а тем

более диктатура пролетариата), марксизм, освобожденный от своей уже устаревшей, немодной, ограниченной (хотя еще продолжающей оставаться опасной) классовой непримиримости; это исторически наиболее ранняя попытка создать симбиоз марксизма с либерализмом.

Второе — «каутскианство». Это марксизм, свято верный заветам основоположников... «но воин скромный среди мечей». Он теоретически за пролетарскую революцию и при определенных условиях не исключает диктатуру пролетариата, но его революционность, уравновешенная парламентаризмом, охлаждена скепсисом в отношении «зрелости предпосылок» и многими другими вполне резонными соображениями, в совокупности сводящимися к щедринскому «надобно погодить».

Третье — «ленинизм» (со сделанной выше оговоркой насчет условности использования этого термина: ленинизм без Ленина того периода, который нам как раз сегодня близок). Это марксизм, целиком, даже в усиленном виде сохраняющий, а главное, претворяющий в жизнь свою изначальную пламенную революционность, но по необходимости делающий это ценой отказа от ряда важнейших постулатов марксистской философии истории. В том числе — и главное — от представления о развитии общества как об объективном естественно-историческом процессе, где социальная революция лишь доделывает работу, уже в основном выполненную предшествующим эволюционным процессом (а не наоборот), где переход от одной общественной формации к другой, в том числе от капитализма к коммунизму, происходит как реализация революционным классом исторически назревшего и неизбежного, а отнюдь не по произволению той или иной радикальной партии, уловившей благоприятный момент для своей дерзкой попытки. То есть хотя это по многим позициям тоже марксизм, но, если вдуматься, настолько далеко ушедший от первооснов учения, что никаким «своеобразием» и никаким «творческим развитием марксистской теории» тут не обойдешься. Поэтому, кстати сказать, мне не кажется оправданным и другой общепринятый у нас термин — «марксизм-ленинизм». По причинам, изложенным выше, он имеет, на мой взгляд, не больше прав на существование, чем, например, «марксизм-бернштейнианство» или «марксизм-маоизм».

Вернемся, однако, к основной нити нашего рассуждения. Неизбежный вопрос: чем объясняются как множественность модификаций марксизма в XX веке, так и почти изначальная удаленность их друг от друга, быстро перешедшая в яростную взаимную борьбу?

Поиски ответа естественно начать с самого марксизма в первоначальном, классическом его варианте. И тут не нужно никакого специального анализа, чтобы заметить, что при всей своей монолитной целостности это явление весьма многогранное. Революционер сосуществует в Марксе с ученым, и хотя эти начала в целом, в основном питают и усиливают друг друга, их взаимные отношения не полностью бесконфликтны. Остро чувствуя страдания трудящихся масс, бесче-

ловечие такого порядка вещей, который не только обрекал рабочего человека на пожизненную изнурительную и безнадежную борьбу за существование, но и убивал в нем личность, превращал в некое сугубо функциональное, «частичное» существо, а используя, выбрасывал как ненужную ветошь⁴, отдавая борьбе с этим порядком все свои силы, Маркс и Энгельс оставались вместе с тем реальными политиками, трезвыми и объективными аналитиками происходящего. Пронеся через всю свою жизнь убеждение в близкой гибели капиталистической формации и даже подчас называя вероятные сроки, они, однако, столь же часто указывали на то, что путь к победе тернист и, быть может, долог, и предостерегали рабочий класс от преждевременных, недостаточно подготовленных выступлений. Известно, с каким восхищением писал Маркс о Парижской Коммуне как первом опыте социалистической революции, но ему же принадлежит и, например, такое замечание в письме к Ф.Д. Ньюенгейсу (1882): «...Обладая некоторой долей здравого смысла, она могла бы добиться выгодного для всей народной массы компромисса с Версалем, — единственно, что тогда было достижимо» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.35, с.132]. С одной стороны, через все творчество Маркса и Энгельса проходит идея насильственного свержения буржуазного строя. С другой — допущение Маркса, что «Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами» [там же, т.23, с.34], и идущее еще дальше предположение Энгельса (1891): «Можно себе представить, что старое общество могло бы мирно впасть в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия, где... династия бессильна против воли народа» [там же, т.22, с.236 — 237].

Не ясно ли, сколь различными могли быть «продолжения» такой живой, подвижной, диалектически сложной позиции в качественно новых исторических условиях и какую различную расстановку акцентов она в этом смысле не то что допускала, но как бы даже определяла?

И все же главное-то, конечно, не в этом. Не в свойствах классического марксизма, каковы бы они ни были, а в самой действительности конца XIX — первой четверти (трети) XX века. В ее кризисном состоянии, в ее глубокой противоречивости, в одновременном развитии таких социально-экономических тенденций, которые, казалось бы, с равной силой толкали тогдашнее капиталистическое общество в прямо противоположных направлениях. Гигантские концерны, вызванные к жизни новой промышленной революцией (электричество, двигатель внутреннего сгорания, химия), многомиллиардные состояния всяческих Рокфеллеров в вызывающем контрасте с положением трудящихся, из которых, несмотря на сокращение рабочего дня, конвей-

ер и другие потогонные системы организации труда выжимали все жизненные соки, а повышение заработной платы, поднимая часть населения до уровня «средних слоев», большинству рабочих и мелких служащих все еще не позволяло оторваться от черты полуголодного прожиточного минимума. Их недовольство, злое отчаяние — бомба, готовая взорваться в любую минуту. Капиталистический мир, на глазах богатея, переживает вместе с тем неустойчивое, двойственное состояние, в равной мере характеризующееся возрастающей возможностью как самостабилизации и мирного прогресса, так и глобальных революционных потрясений, вероятность которых вдруг оказывается во много раз увеличена бедствиями, принесенными чудовищной по своей нелепости мировой империалистической войной.

Разумеется, социальная действительность никогда не бывает одноцветна, никогда не укладывается ни в какие схемы. Противоречивость — ее всегдашнее состояние. Но при этом в ней обычно можно выделить какую-то доминанту, какую-то достаточно явную для всех равнодействующую противоборствующих общественных сил. Такова была и действительность XIX века, отраженная и теоретически осмысленная в «Капитале», ставшая почвой мировоззрения Маркса и Энгельса, источником их неслабеющей убежденности в правоте своих идей, равно как и быстро расширяющегося влияния последних на демократическую интеллигенцию и рабочий класс. Начало, даже только начало, века, до которого они не дожили, — это было уже совсем другое время. Это был один из тех переломных, кризисных моментов мировой истории, когда доминирующая тенденция (а соответственно и перспектива) общественного развития отнюдь не была очевидна, в том числе и для самых умных, внимательных глаз, не ослепленных партийными страстями. Знаменательно, что именно к 1917 году относятся известные часто цитируемые слова Ленина о том, что любая социальная концепция может при желании найти себе в подтверждение достаточное число подходящих фактов...

Сказанное, пожалуй, объясняет (лучше сказать, дает направление для объяснения), почему в XX веке марксизм не мог сохранить своей прежней целостности, — не отменяемой ни внутренней сложностью, ни наличием у него своих слабых сторон, — не мог не распасться на резко различные и враждующие между собой течения. И почему среди множественности таких течений не оказалось ни одного «настоящего», вполне аутентичного марксистской классике. Наконец, почему между ними довольно долгое время поддерживалось, так сказать, равновесие сил, не позволявшее ни одному из этих течений одержать решающую победу над остальными.

Десятилетиями шла острейшая «борьба идей». Казалось, враждующие стороны никогда не примирятся, даже не сядут за стол переговоров. Достаточно вспомнить взаимоотношения между II (Социалистическим) и III (Коммунистическим) Интернационалами в 20-е, а особенно в 30-е годы, когда это стало уже вопросом жизни и смерти для тех и других, когда за свою неспособность

прийти к компромиссу хотя бы перед лицом фашистской угрозы немецкие коммунисты и социал-демократы вскоре расплатились собственной кровью, а затем и кровью тех народов, на земли которых наступил гитлеровский сапог. Если наши, советские отношения с тем же Гитлером знали и моменты нежной дружбы, то социалисты, социал-демократы на протяжении жизни целого поколения оставались для нас не иначе как «социал-предателями» и «прихвостнями буржуазии».

И все же чего только не делает в конце концов неумолимое время!...

Повторяю, я далек от мысли писать историю идейной борьбы в марксизме XX века и потому от «эпохи империализма» позволю себе перешагнуть сразу в наш сегодняшний день, чтобы посмотреть, что же за истекшие полвека произошло в положении основных участников турнира. Речь, понятно, не о лицах. В 1924 году умер Ленин, в 1932-м — Бернштейн, в 1938-м — Каутский. Речь о судьбе их идей, о тенденциях, которые они представляли.

Бернштейнианство (правое крыло в социал-демократии). Я не без умысла начал со сравнительно подробного изложения позиций Бернштейна. Полагаю, что если непредубежденный читатель заново перелистает первые страницы, то согласится с тем, что едва ли не все на них представленное — на сегодняшний взгляд уже просто-напросто общее место. Что сейчас можно этому противопоставить всерьез? Как «ревизионизм» Бернштейна (критика ряда положений Маркса с опорой на некоторые новые тенденции, забрезжившие в тогдашнем капиталистическом обществе), так и его «реформизм» (программа действия, вытекавшая из установки на эволюционное развитие этих тенденций, подталкиваемое борьбой рабочего класса и других демократических сил) — это то, к чему сегодня в той или иной форме пришли все его сколько-нибудь серьезные, умственно честные оппоненты слева. Одни открыто, другие смущаясь и пряча глаза, но все они пришли к тому, от чего в свое время решительно и даже с отвращением отвернулись. Не потому, что оказались менее сильными интеллектуально или нестойкими в борьбе, а потому, что так распорядилось время. По той же причине современные бернштейнианцы, опираясь на успехи особенно послевоенного Запада, пошли гораздо дальше своего учителя и, вероятно, подчас снисходительно критикуют его за половинчатость, излишнюю осторожность. Если так, то это было бы одним из проявлений, увы, обычной несправедливости младших поколений к старшим: ведь решаясь поставить под сомнение некоторые из своих прежних убеждений, Бернштейн видел перед собою мир, еще как земля от неба далекий от нынешнего.

Каутскианство, а точнее, вся остальная часть социал-демократии, ее большинство. За 90 лет после выхода «Антибернштейна» и особенно за последние 40—50 лет оно становилось все терпимее к своему изначальному противнику, все более сближалось с ним, уступая ему одну позицию за другой. Его ортодоксально-марксистская революци-

онность становилась с течением времени все более ритуальной, словесной, постепенно вытесняясь оппортунизмом, как — в зачаточном виде — определил эту тенденцию еще Энгельс. Тезисы о пролетарской революции и диктатуре пролетариата довольно долго держались в программных документах социал-демократии, но все больше как дань священной традиции, а не как реальный ориентир в повседневной политической деятельности. Претворение их в жизнь по вполне почтенным соображениям политического реализма откладывалось на все более отдаленное будущее. Со временем они и вовсе выпали из социал-демократических программ, перешли на положение сначала «забытых слов марксизма» (Ленин), а затем и таких, которыми не принято пользоваться в хорошем обществе. Реально же как в программных установках, так и в практической деятельности (в том числе все чаще в качестве правящей партии, формирующей правительство либо входящей в правительственную коалицию) социал-демократия в возрастающей степени превращалась из партии рабочего класса в общедемократическую (обычно левоцентристскую) партию, из партии революционных преобразований в партию постепенных и умеренных социальных реформ.

Конечно, в каждой стране подобные превращения совершались в разные сроки и в несколько различных формах, где с большей, где с меньшей внутренней борьбой, но направление процесса и его результаты повсеместно были примерно одинаковыми, а суть его можно определить одним словом: «бернштейнизация». К настоящему времени этот процесс в развитых странах давно уже завершился. 60 лет тому назад, когда Ленин писал, что «рenegат Бернштейн оказался шенком по сравнению с рenegатом Каутским», который совершил «такое полное отречение от марксизма, что... далеко опередил Бернштейна» [Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т.37, с.250, 240], — это было, конечно, сказано в ярости и представляло собой явное полемическое преувеличение, рассчитанное лишь на то, чтобы побольше задеть противника. Но столь же очевидно, что нынешние «каутскианцы» (имея в виду теперешний социал-демократический «центр») в громадной степени больше бернштейнианцы, чем сам Бернштейн.

«Ленинизм» («марксизм-ленинизм»), официальная идеология социалистических стран, а также коммунистических партий в капиталистическом мире. Он, как известно, долгие годы противился искушениям не только бернштейнианства, но и социал-демократизма вообще, вел с ними чуть ли не столетнюю войну, в ходе которой не раз объявлял о своей победе. Так, в статье «Международный характер Октябрьской революции», написанной к десятилетию Октября, Сталин торжественно провозглашал: «Отныне е д и н с т в е н н ы м носителем и оплотом марксизма является ленинизм, коммунизм. (...) Нынешний социал-демократизм есть и д е й н а я о п о р а капитализма. (...) Н е в о з м о ж н о п о к о н ч и т ь к а п и т а л и з м о м, н е п о к о н ч и в с о ц и а л - д е м о к р а т и з м о м в р а б о ч е м д в и ж е н и и. Поэтому эра умирания капитализма является вместе с

тем эрой умирания социал-демократизма в рабочем движении. Великое значение Октябрьской революции состоит, между прочим, в том, что она знаменует собой неизбежную победу ленинизма над социал-демократизмом в мировом рабочем движении. Эра господства II Интернационала и социал-демократизма в рабочем движении кончилась. Наступила эра господства ленинизма и III Интернационала» [Сталин И.В. Соч., т.10, с.249 — 250].

Увы, товарищу Сталину гораздо лучше удавалось «покончить» с людьми, чем с эрами. Все получилось совсем не так, как он указал. «Эра умирания капитализма», а вместе с ней и «эра умирания социал-демократизма в рабочем движении» по крайней мере сильно затянулись, и ничто нынче не свидетельствует о близости их конца. Зато «эра господства (!) ленинизма» (не говоря уже о III Интернационале, просуществовавшем после этого всего 16 лет) оказалась намного короче. В этой связи стоит вспомнить еще одно сталинское изречение; теперь уже обычно без имени автора, оно еще имеет хождение и поныне: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции» [там же, т.6, с.71]. Связав ленинизм с «эпохой империализма и пролетарской революции» — а она оказалась как раз недолгой, — Сталин, сам того не желая, обозначил не только «нижнюю», но и «верхнюю» временную границу непосредственной исторической значимости ленинизма (напомню: ленинизма в его толковании, ленинизма без нэпа), его временный, преходящий характер.

В самом деле, что наблюдаем мы сегодня, прежде всего в капиталистическом мире? Какое уж там «господство»! Неуклонное падение значимости коммунистических партий — даже там, где еще лет двадцать назад они могли претендовать на вхождение в правительство (Франция, Италия). В подавляющем же большинстве стран это и вовсе маленькие группки, мало кому известные, не оказывающие почти никакого влияния на общественную жизнь. Но это все же внешняя сторона дела. А внутренняя состоит в том, что в условиях западного «богатого общества» и коммунистическим партиям не оставалось ничего другого, как вслед за социалистическими постепенно превратиться из классовых, пролетарских, революционных в партии «демократического социализма», демократических социальных реформ, отличающиеся от партий Социтерна лишь несколько более радикальной окраской.

Выражением такого превращения явилось выпадение из все большего числа партийных программ святая святых «марксизма-ленинизма» — лозунга диктатуры пролетариата, а также идея никоим образом не насильственной социалистической революции, не предполагающей ни отмены частной собственности, ни ломки институтов «буржуазной демократии» — практически ничего, кроме расширения государственного сектора, более активной социальной политики, более энергичных антимонополистических мероприятий. В 60-е годы, когда эта тенденция была еще внове, ее окрестили словом «еврокоммунизм» (в нашей печати писавшимся только в кавычках), как бы

подчеркивая тем самым ее сугубо локальный характер. Рассуждали, видимо, так: ну что ж, вошла, дескать, им в голову некая блажь, как вошла, так и выйдет, проявим терпение. Блажь, однако, получила все большее распространение; реформизм постепенно стал в коммунистических партиях (о «коммунистическом движении» сейчас уже почти не упоминают) нормой, так что сегодня «средний» западный коммунист — это человек по крайней мере не более радикальный, чем «средний» же социал-демократ полвека назад и чем тот же Бернштейн в 1899 году.

Таким образом, вместо обещанного Сталиным «господства» ленинизма и базировавшегося на нем коммунистического движения мы повсеместно наблюдаем глубокий кризис этого движения, его «социал-демократизацию», «бернштейнизацию». Разумеется, еще с сохранением между коммунистическими и социалистическими партиями известной дистанции — как в отношении тех и других к Марксу и Ленину, так и в политической тактике, — но не более того.

Ну, а официальный ленинизм социалистических стран? Может быть, хотя бы он продолжает оставаться «оплотом марксизма»? Куда там! Возведенный в ранг официальной идеологии, не подлежащей не то что критике — самым лояльным и осторожным сомнениям, он пережил худшее, что ему могло угрожать. Не просто «выхолащивание» и «засилье догматизма», как стали говорить с некоторых времен. Полностью утратив свою духовную самостоятельность, он превращался был в лакея, идеологически обслуживающего (и, конечно, во всем оправдывающего) антинародный диктаторский режим, начисто освобожденного своим господином как от мысли, так и от совести. Воистину это было хуже, чем смерть. А когда ему наконец позволили выйти из этого жалкого состояния, то первыми же его словами стали «конкуренция», «допущение частной собственности», «правовое государство», «парламент», «стачечный комитет», «многопартийность», «приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми» и т.д. и т.п. Словом, весь лексикон трижды проклятого «демократического социализма», в порядке дискуссии с которым в Венгрии в 1956-м и в Чехословакии в 1968 году пришлось пускать в ход наши танки, в Польше в 1980 году вводить военное положение, а в Китае в 1989 году расстреливать студентов. И который тем не менее с силой травы лезет из всех пор «социалистической системы»⁵. Что делать! Гони природу в дверь — она войдет в окно. Объективный ход вещей сильнее любых благих намерений, любых обетов, запретов и заклинаний. В этом смысле XX век лишь подтвердил правоту Маркса. От Нью-Йорка до Токио, от Стокгольма до Мадрида и от Будапешта до Москвы мы все теперь, с теми или иными оттенками, социал-реформисты, а значит, в известном смысле все бернштейнианцы. Притом это почти в равной степени относится не только к тем, кто когда-то был левее Бернштейна, но и правее его. Ибо и сегодняшний христианский демократ или английский консерватор, если они ориентированы на реальную

и ответственную социальную политику, не могут не быть в своем роде социал-реформистами. Совершенно независимо от того, как они относятся к идеям «демократического социализма» и говорит ли им что-нибудь имя Эдуарда Бернштейна.

Просто-напросто таков дух времени. Таков современный мир.

Итак, старый марксизм принадлежит истории, уже далеко от нас отошедшей. Возможен ли новый, точнее, обновленный марксизм?

Для многих тут нет и вопроса. Разве в настоящее время миллионы людей не считают себя марксистами, и в то же время разве они обязательно догматики? Разве не внесли они в свои марксистские представления большее или меньшее число существенных коррективов? Кто от Вебера и Белла, кто от Вл. Соловьева и Бердяева — вариаций много, на любой вкус. И не эти ли люди составляют сейчас интеллектуальную элиту марксистской мысли?

Да, конечно. Однако я полагаю, что в свете изложенного существуют веские основания усомниться в к а ч е с т в е их марксизма. Они не догматики, это верно, но они эклектики. Более или менее беззаботно они соединяют в своих головах, сочинениях, а порой и в руководящих речах вещи, логически взаимоисключающие: обрывки действительно марксистских представлений с тем, что к марксизму не только не имеет ровно никакого отношения, но находится в прямом противоречии с ним. И не дают себе серьезного труда как-то примирить эти противоречия, сопрячь надерганное отсюда и отсюда в рамках какой-то новой духовной целостности.

Ибо плох или хорош марксизм, но он целостен. Он не машина, в которой можно оставить одни, хорошо работающие части, а другие, устаревшие, отвинтить, заменить улучшенными, современными и ехать на ней дальше. Марксизм нельзя освободить от таких невыгодных, на сегодняшний взгляд, «деталей», как убеждение в близкой гибели капиталистического строя в результате неразрешимого обострения его коренных экономических и социальных противоречий, как классовый подход при рассмотрении любых общественных явлений, как идеи социалистической революции и диктатуры пролетариата, — освободить и при этом считать, что имеешь дело все-таки с марксизмом. Ведь это примерно то же самое, что, лишив человека сердца, легких и печени, продолжать как ни в чем не бывало обращаться к нему за советами и указаниями.

Конечно, позиция эклектика — всегда самая выигрышная и подчас весьма уважаемая, но по бесплодности своей она ничуть не уступает самому замшелому догматизму. Те, кто сегодня выступает от имени «современного марксизма» («современного марксизма-ленинизма» тож), либо морочат нам голову, либо в лучшем случае сами не ведают, что творят. Ибо «современный марксизм» — это жареный лед.

Всякому овощу свое время. Марксизм — продукт своего времени, и с этим ничего нельзя поделать. Никакая, даже самая глубокая соци-

альная теория, родившаяся полтора столетия тому назад, не может служить «руководством к действию» в обстоятельствах, изменивших-ся столь сильно, что впору — в другом, не предвиденном Марксом смысле — вспомнить его слова насчет предыстории и истории человеческого рода. Либо уж это, вправду, должна быть не просто теория, а нечто вроде религии, некая, по его же словам, «универсальная отмычка в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.19, с.121].

Значит ли все это, что марксизм уже сыграл свою роль и больше не нужен? Мне представляется, что думать так было бы не меньшим заблуждением, чем жить с головой, повернутой назад либо набитой кашей из Маркса и Вебера, Бердяева и Конста. Леонтьева. Просто надо взглянуть на него совершенно по-иному. Ленин перед смертью сказал о необходимости «перемены всей точки зрения нашей на социализм». Примерно такая же по глубине перемена нужна нам сегодня в отношении к марксизму. Суть ее — перестать относиться к нему, во-первых, как к истине в последней инстанции, во-вторых, как к явлению современной жизни, перестать видеть в нем «идеологию современности». И тогда все сразу станет на свои места: и марксизм (в открытом, корректном, сближающем диалоге с любыми другими общественно-историческими идеями и теориями) еще послужит человечеству, и для ревизионизма, между прочим, исчезнет всякая почва.

Сейчас мы все (включая и тех, кто не подозревает об этом) — ревизионисты в большой мере поневоле, только потому, что в качестве вечных истин нам и через сто лет после смерти Маркса продолжают навязывать то, что отчасти успело устареть уже в эпоху Бернштейна. Стоит вернуть марксизм в его реальные временные рамки, стоит из разряда господствующей идеологии, «руководства к действию» «переквалифицировать» его в теоретическое обобщение исторически ограниченного социального опыта прошлого и начала нынешнего века, как тотчас на свете не останется ни одного ревизиониста.

Это не значит, что марксизм перестанут критиковать. Напротив, можно надеяться на то, что критическое осмысление марксизма в его взаимоотношениях с меняющейся действительностью поднимется на более высокую ступень, станет более глубоким, системным, историчным, конструктивным. Но поскольку это будет уже не война, а именно критика, смысл и тон ее станут совершенно другими. А главное, при таком изменении взгляда и сам марксизм сразу же повернется к нам не столько слабыми, сколько сильными своими сторонами.

Действительно, многое зависит от взгляда. Перемените угол зрения, посмотрите на Маркса и Ленина не как на окаменевшее в своем величии «начальство», которому можно только отдавать честь и кланяться, а как на люд е й, которые жили когда-то в ином, уже далеко от нас и не без усилия понимаемом нами мире и умерли раньше, чем большинство из нас появилось на свет, — можно предположить, что в таком случае их заблуждения покажутся вам хотя бы отчасти

извинительными, а их обретениям и прозрениям вы сами, по доброй воле дадите справедливо высокую цену. Иными словами, вместо «ахиллесовой пяты», сейчас поневоле приковывающей ваше повышенное внимание, вы в полный рост увидите самого Ахиллеса — самого могучего из героев Гомера.

Скажут, пожалуй: это будет мертвый Ахиллес.

Да, разумеется. Но, во-первых, мертвый не станет живым оттого, что мы условимся не считать его мертвым. А во-вторых, мертвы ли, например, Толстой, Достоевский, Шекспир, Гете, Кант? Разве их мысль, их гений, их значение для вашего духовного существования умерли вместе с ними? Стоит марксизму сбросить мундир официальной идеологии, давно уже истлевший на его плечах, как он станет интересен сам по себе, а не для стола под красной материей и не для зачетной книжки. В самом деле, разве не интересно сейчас, в свете опыта нашего века (опыта «реального социализма» в том числе) заново и всерьез обдумать такие, например, «истматовские» темы, как соотношение общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки, личности и общества, стихийности и сознательности, исторической необходимости и свободы, — тем более что в каждой из них, если слегка копнуть, гнездится нечто остроактуальное для сегодняшнего дня, для судеб той же перестройки.

А возьмите столь жгучую сегодня проблему национальных отношений и свободно, не робея перед Владимиром Ильичем, не теряясь перед категоричностью его суждений, взвесьте как сильные, так и слабые стороны его позиции в этом вопросе. Его лозунг «права наций на самоопределение», его яростная борьба против великодержавного шовинизма как основа демократических взаимоотношений в многонациональном государстве покажутся вам, пожалуй, более «перестроечными», чем формула «сильный центр, сильные республики», а с другой стороны, решительное неприятие им лозунга «культурно-национальной автономии», возможно, вызовет большие споры. То же и с нэпом. Противоречивость этой наиболее светлой страницы советской истории, противоречивость самих ленинских работ, относящихся к этому последнему и лучшему периоду его политической биографии, — как непосредственно важно для наших ближайших перспектив обсудить их совершенно свободно, не ежась заранее от обвинения, что посягаешь на святыню. И опять-таки как интересно!

Те, кто противится десакрализации фигур Маркса, Энгельса, Ленина, заботятся не о них, а единственно о самих себе. О своих нынешних постах и завтрашних пенсиях, о привычном комфорте своего существования. И это как раз тот случай, когда усердие жрецов лишь разрушает веру в бога. Официальное почитание классиков марксизма тем больше, чем дальше многие из их идей расходились с действительным ходом истории, совершало с ними то, чего не пожелаешь и лютому врагу: убивало их вторично. Напротив, сойдя с пьедесталов, они обретают способность вновь реально войти в нашу жизнь. Не в качестве непогрешимых учителей или — еще меньше — «наших со-

временников», как принято льстить выдающимся покойникам (возможно, и не захотевшим бы принять подобной чести), но в качестве полномочных, хотя и не единственных, представителей именно своего времени, чей опыт — и по сходству, и по контрасту с нашим собственным — весьма ценен для наших сегодняшних размышлений и выбора, для выработки действительно современного миропонимания.

Какие очертания оно примет — этого, пожалуй, сегодня не скажет никто. Можно лишь предполагать, что в противоположность прежней непримиримости люди постепенно научатся видеть в добросовестном инакомыслящем не врага, а партнера, что, признавая естественным и полезным плюрализм мнений, будут в каждом из них, даже самом экстравагантном, искать присущую ему крупницу истины, то есть человечности. И пытаться сближать, сращивать эти крупницы между собою. Иными словами, основанное на широко принятом критерии человечности современное миропонимание будет, мне кажется, в возрастающей степени включать в себя сознательное стремление к синтезу, в равной мере далекое как от сектантской односторонности, так и от эклектического смешения всего и вся. Признаки такого стремления, подкрепляемого и стимулируемого объективным ходом вещей, все отчетливее прорисовываются в наше время. Если это предположение верно, то можно надеяться, что складывающееся современное миропонимание, не будучи ни исключительно, ни хотя бы доминантно марксистским, не сможет не вобрать в себя многого из марксистской традиции — на равных правах с тем, что дали или дадут другие течения человеческой мысли.

Так или иначе, каждая новая эпоха вырабатывает свое, адекватное ей миропонимание заново и самостоятельно. Нынешняя — тоже. Как и отдельный человек, она имеет право сказать словами Александра Твардовского:

Все я приму поученья, внушенья,
Все наставленья в дорогу возьму.
Только за мной остается решенье,
Что не принять за меня никому.

Да, да, надо думать и решать самим. Хватит строить наше настоящее и будущее на формулах столетней давности, хватит прятаться за спину классиков марксизма, равно как и перекладывать на них всю ответственность за нашу судьбу. Они в ней изрядно поучаствовали, это верно, но все же, что ни говори, их давным-давно нет на свете. Так что главная-то ответственность нынче не на них, а на нас с вами. В особенности на тех, кто сегодня у власти. Применительно к нашей стране, это ответственность и за Афганистан, и за Чернобыль, и за неспособность преодолеть прогрессирующий хозяйственный развал, и за эпидемию межнациональных страстей, и за попытки обуздать процесс демократизации — единственную надежду нашего общества.

Конечно, удобно и покойно с новыми словами на устах, но вполне по-старому, как и десять, и двадцать, и пятьдесят лет назад, сидеть за упомянутыми красными столами на фоне высокой мраморной фигуры с протянутой рукой и словно бы у нее под защитой. Однако если и дальше мы намерены находиться в таком положении, то как бы не превратилась она в ту статую Командора, вместе с которой мы все, и теперь уже окончательно, провалимся в тартарары.

Примечания

¹ Нижеследующее представляет собой пятую, заключительную главу статьи «Ахиллесова пята исторической теории Маркса» («Октябрь», 1989, № 11 и 12).

² Бернштейн: «Теория обнищания почти всеми оставлена; если не все ее выводы отвергнуты, то, по крайней мере, ее пытаются по возможности перетолковать на другой лад» [там же, с. 184].

³ Я здесь не останавливаюсь на том, что в 1923 году, когда, с одной стороны, дело было сделано, а с другой — на Ленина надвинулись трудные вопросы, как быть дальше, подобная ретроспективная оценка Октября имела в его устах существенно иной смысл, чем, скажем, могла бы иметь тремя-четырьмя годами раньше. Ленин с удовлетворением говорит о победе революции и даже, с определенными оговорками, ставит ее в пример будущим революциям Востока, но сам-то он при этом мало похож на торжествующего победителя. Общий тон заметок — это скорее тон самооправдания и тревоги. «Самооправдания» — не перед Сухановым, конечно, ибо ясно, что не для полемики с ним Ленин воспользовался трудно добытым разрешением Политбюро не более 10 минут в день что-то диктовать секретарю! — но перед своими учителями, в заочном диалоге с которыми он как бы просит принять во внимание в ы н у ж д е н н о с т ь октябрьской победы: «Что если полная безвыходность положения, удесятая тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории?» [там же, с. 380].

⁴ Здесь главная точка пересечения марксизма и с Диккенсом, и с Гюго, и с Некрасовым, и с Достоевским, и вообще со всей нашей классикой — печальницей за народ.

Статья была написана еще до того обвала демократических революций, который в считанные недели конца 1989 года смел, как картонные домики, режимы «государственного социализма» во всех странах Центральной и Восточной Европы, кроме Албании и СССР.

Мировая революция, мирное сосуществование или единство мира? Поиски фокуса внешней политики СССР

С момента образования Советский Союз стал мощнейшим революционным фактором в мировой политике. Само существование государства, основанного на отрицании освященных веками принципов частной собственности, рынка, демократических «буржуазных» свобод, не могло не восприниматься мировым сообществом как вызов, как угроза не просто политическому статус-кво на мировой арене, но значительно более глубоким основам миропорядка и нравственности. Если же учесть, что это государство и победившая в нем партия открыто исповедовали доктрину мировой революции, которая, как казалось, неизбежно должна была увлечь за собой все страны, понятно, что появление СССР должно было встретить активную враждебность со стороны правительств остального мира и желание устранить эту опасность.

Сила возникшей угрозы подкреплялась и фактом свержения Временного правительства России не самой крупной по размерам, но дисциплинированной и сплоченной партией. Из этого делался только один вывод: партия заговорщиков, использующая железную дисциплину для своих членов и насилие — для противников, будет стремиться распространить свое влияние и доктрину на другие страны теми же методами, что, собственно, и подтвердилось на примере непродолжительно существовавших в 1919 году Баварской и Венгерской советских республик, а в 1922 году — революции в Монголии. В сознании политиков, а также в массовом сознании формировалось представление об СССР как о какой-то постоянной, исчезающей опасности, готовой вот-вот появиться у порога дома или даже в самом доме.

С другой стороны, от победившей революции и нового государства правительства других стран ожидали определения своей позиции по существующим договорам и обязательствам. Легитимность нового режима во многом зависит от того, насколько он готов подтвердить существующие обязательства, являющиеся частью общей ткани международных отношений. И в этом плане правительство Советской России, отказавшись разом от целого ряда серьезных и крупных обязательств предыдущего режима, не замедлило продемонстрировать полное пренебрежение к нормам и правилам международного обихо-

да, которому оно не придавало особого значения, считая его чем-то временным и обреченным на исчезновение с победой мировой революции.

Выход из первой мировой войны без консультаций с союзниками России по Антанте был воспринят ими как неприемлемое одностороннее решение, наносившее явный урон их интересам (конечно, империалистским). Отказ от уплаты царских долгов, опубликование тайных документов — все это, естественно, вызвало не просто враждебную реакцию со стороны других государств, но желание разгромить новую власть, поставить на ее место более приемлемую форму правления, не исключая и восстановления царского режима.

Важно в данном случае отметить, что и с идеологической точки зрения, и в практическом плане правительство Советской России с самого начала противопоставило себя тому миру, который окружал ее, и с этого вызова, видимо, и надо вести отчет всем последовавшим трудностям внешнеполитического плана, с которыми столкнулась страна. Еще один небольшой эпизод, имевший место в декабре 1917 года, придавал определенную эмоциональную окраску враждебности, которую вызывала у правительств других стран Советская Россия. Речь идет об аресте персонала румынского посольства в Петрограде, когда стало известно, что правительство Румынии интернировало часть русских войск, находившихся на ее территории и самовольно оставивших позиции на румынском участке германского фронта. Эта акция была объяснена большевистским правительством как акт возмездия румынской буржуазии (и, само собой разумеется, буржуазным дипломатам), посягнувшей на революционных солдат России.

Явное нарушение норм и традиций дипломатии, когда дипломатам в любом цивилизованном обществе предоставлено право неприкосновенности, конечно, не могло пройти незамеченным. Этот факт был использован в дальнейшей борьбе против Советской России, когда и статус советских дипломатов неоднократно нарушался со ссылками на «неуважение» норм права со стороны правительства СССР.

Одним словом, и сама революция, и рожденная ею внешняя политика были разрывом с традициями прошлого и объяснялись не столько наивностью и неопытностью правительства революционеров, сколько их вполне сознательным поведением, направленным на слом старой государственной структуры, включая ее внешнеполитический аппарат. В этом никаких сомнений нет. Но в значительной степени такая позиция объяснялась ожиданием, что другие страны последуют примеру России и не ей придется подстраиваться под сложившийся механизм и традицию внешних связей, а новому миру, новому окружению придется следовать в фарватере пролагаемого первой пролетарской революцией руслу. Получилось же наоборот, и революционному государству пришлось в течение длительного времени существовать в окружении стран старой формации, приспособливая к ним свои интересы.

Система взаимодействия СССР с окружающим миром только сейчас, в период нового политического мышления, приходит к какой-то норме цивилизованных отношений. До этого на протяжении почти 70 лет было противоборство, в котором каждая из сторон — мы или Запад — имела свой собственный счет и свои собственные претензии, и подвести итог им было практически невозможно. В этой системе переплелись факторы разного характера — идеология, дипломатия, геополитика, соображения национальной и государственной безопасности, экономической выгоды и т.п. Все они, каждый по-своему, влияли на взаимоотношения Советского Союза с внешней средой и вносили свои коррективы в формулировку целей и интересов, определение путей и способов решения внешнеполитических задач. Некоторые из этих факторов по прошествии времени забыты, хотя их воздействие и ощущается до сих пор; другие продолжают активно влиять и на внешнеполитический курс СССР, и на отношение к нему со стороны других государств.

Следует особо подчеркнуть, что проблема отношения к СССР и его внешней политике со стороны других государств играет исключительную роль в истории советской внешней политики. Государство, сразу же поставившее себя в оппозицию к остальному миру, решительно ломавшее традиции международных отношений, бросавшее им вызов, должно было ожидать, что его внешняя политика будет восприниматься крайне настороженно и привлекать особое внимание. Такое понимание в советской внешней политике было (достаточно вспомнить бесконечные инструкции выезжающим за рубеж с призывами «сохранить достоинство»). Но о нем забывали, когда считалось, что СССР может позволить себе то же, что делали другие страны: например, подписание договора о ненападении с гитлеровской Германией в августе 1939 года. То, что сходило с рук другим, не прощалось Советскому Союзу именно из-за того, что он взял на себя особую миссию и выступил поборником новой дипломатии.

В этом плане особую роль приобретает идеологический фактор во внешней политике СССР. Без его учета невозможно понять ни ее основ, ни тех форм, в которые она воплощалась. Вместе с тем нельзя, как это делают иногда зарубежные специалисты по внешней политике СССР, сводить все дело к идеологии. В совокупности факторов, определявших и определяющих внешнюю политику СССР, фактор идеологии занимал видное место, но никогда не был единственным и даже доминирующим.

Идеологическое содержание

Любая политика связана с идеологией в том смысле, что она ориентируется на определенные ценности, идеи, взгляды, интересы, а также ищет свою аудиторию, где ее не только поймут и поддержат, но и воспримут как руководство к действию. В этом смысле политика

революционной России не отличалась от политики революционной Франции или революционных США. Каждая революция такого масштаба обязательно выдвигает в своей программе новые лозунги и идеалы, которые становятся идеологическим содержанием ее внешней политики, обращением к тем людям и социальным группам в других странах, на поддержку которых она может рассчитывать. Это нужно и как средство самозащиты от попыток экспорта контрреволюции, и как средство экспансии собственных идей в дружественной среде.

Таким образом, идеология не может не стать частью внешней политики, во всяком случае той ее части, которая определяет выбор друзей и врагов, интересов и целей, направлений и средств их реализации. Тем более если эта идеология основывается на боевом пролетарском интернационализме, выдвинувшем лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и прямо говорит о своей миссии не как об освобождении отдельной страны или отдельного народа, а об освобождении всего человечества от эксплуатации со стороны капитала. Такая идеология обязательно прямо воздействует на международные отношения, причем в одном направлении: она создает очаги напряженности как вокруг страны, ее исповедующей, так и в тех «звеньях» старой системы, где более всего накопилось горючего материала.

При этом крайне важно различать роль идеологии (в подлинном смысле слова) в формировании внешней политики и внешнеполитическую пропаганду, идеологическое оформление внешнеполитического курса. В большинстве работ по вопросам идеологии, просто в обыденном понимании чаще всего именно пропагандистский аспект внешней политики принимается за идеологию или за ее проявление во внешней политике. Более распространенное заблуждение трудно придумать. Идеологическое обрамление политики очень часто, слишком часто столь же далеко от подлинного влияния идеологии, как политические декларации от истинных политических интересов. Господствующая в стране и, соответственно, в политике идеологическая доктрина не выступает, подобно зобу на горле больного, из политики, а, наоборот, растворена во всей системе взглядов и концепций, формирующих политику: идентификация проблем, их оценка, понимание собственных интересов и интересов других сопричастных стран, оценка возможностей или угроз, таящихся в той или иной проблеме, ситуации, выбор альтернатив — все это пронизано идеологией, воздействием определенного комплекса идей и представлений на политические решения.

Каково же в этом смысле влияние идеологии на внешнюю политику СССР? Вопрос этот в нашей литературе сейчас только ставится, потому что нам также необходимо понять, как и чем диктовались те или иные решения и были ли альтернативы этим решениям, если в конечном итоге они нанесли ущерб стране, народу, просто отдельным людям? За рубежом на эту тему написано немало, но даже с большой натяжкой трудно основную массу этой литературы принимать всерьез. Очень часто она писалась лишь для того, чтобы в очередной раз

доказать «истинное лицо империи зла», не имея при этом даже представления о таком сложном механизме, как внешняя политика революционного государства в идеологически враждебной среде. Думается, что разобраться в этом вопросе все же придется нам и нам надо будет выносить свой приговор по делу об идеологическом содержании внешней политики. При этом, разумеется, желательнее не забывать и об интересах других стран, волею судеб живущих рядом с нами.

Итак, с чего можно было бы начать анализ роли идеологии во внешней политике? Наверное, с того, что внешняя политика Советской России прежде всего должна была защищать дипломатическими средствами победившую революцию. Каждый, кто знаком с историей подписания Брест-Литовского мира 3 марта 1918 года, знает, что эта мысль пронизывала все выступления В.И. Ленина, когда ему в тяжелой борьбе приходилось доказывать то, что сегодня кажется само собой разумеющимся, а в то время не укладывалось в сознании «левых коммунистов» и других противников мирного договора. Внешняя политика Советской России должна была в первую очередь защищать не страну как территориальное образование с проживающим населением, а определенную доктрину и определенный строй. В рамки этой, безусловно, продиктованной идеологией задачи укладывалось все понимание целей внешней политики в период, когда революция висела на волоске и надо было точно сформулировать главную внешнеполитическую задачу правительства.

Между прочим, именно эта формулировка вызвала обострение борьбы не только внутри ЦК партии и в правительстве, между участниками правительственной коалиции — большевиками и левыми эсерами, но и между революционным правительством и формирующейся оппозицией. В частности, как известно, и формирование Добровольческой армии весной 1918 года, и выступление чехов летом того же года были теснейшим образом связаны с реакцией на Брестский договор, а высадка союзников в Мурманске и Архангельске, в Одессе и Крыму предпринималась как мера, предназначенная для стабилизации восточного фронта в связи с наступлением германских войск весной-летом 1918 года.

Главное, на что следует обратить внимание в данном случае, — это то, что идеология победившей революции диктовала и основную сверхзадачу внешней политики: раз уже эта идеология победила только в «одной отдельно взятой стране», то и задачей внешней политики была защита этой самой идеологии. Вопрос этот как-то долгое время ускользал от внимания исследователей, наверное, прежде всего потому, что казался чем-то само собой разумеющимся. Но для многих жителей страны, для всего народа в целом это имело свои последствия. В 1918 году они обернулись оккупацией, пусть на небольшое время, огромных просторов страны германскими войсками, подчистую вывезшими с этих территорий запасы продовольствия, сырья и материалов. В менее драматических обстоятельствах мирного времени примат идеологической задачи оборачивался различного рода

«кордонами», «блокадами», иными ограничениями (комитет НАТО по контролю за экспортом — КОКОМ, знаменитая поправка Джексона—Вэника), которые лишали страну возможности полноправно участвовать в мировой торговле, в международном разделении труда и пользоваться их благами.

Другим следствием влияния идеологии на постановку внешнеэкономических задач Советской страны было желание каким-то образом использовать ситуацию в других странах для демонстрации «победного шествия» собственных идей. И это также проявилось в первые же годы Советской власти.

По мере успокоения внешнеполитической обстановки в конце 1918 — начале 1919 года в связи с ноябрьской революцией в Германии и окончанием первой мировой войны на первый план во внешнеполитическом курсе РСФСР вышла проблема реакции на складывающуюся ситуацию в Европе. Революция в Германии, распад Австро-Венгрии, брожение в Польше и Прибалтике — все это выдвигало задачу поддержки революционной волны в ранг первостепенных. На какой-то период абстрактные разговоры о мировой революции начали казаться реальностью. Несмотря на тяжелейшее положение в стране, вызванное гражданской войной и разрухой, во внешнеэкономическом плане наметился определенный оптимизм и желание поддержать те силы в отдельных странах, которые могли бы либо стать союзниками победившей революции (Венгрия, Афганистан, Китай), либо помочь делу мировой революции (активизация подготовки созыва конгресса Коммунистического Интернационала).

Здесь и обнаруживается другой аспект идеологии во внешнеполитическом курсе СССР: ставка на революционное движение и партии как на основных партнеров страны за рубежом, в то время как правительства тех же стран рассматривались лишь как «управляющие делами буржуазии». Наркоминделу СССР на первых порах трудно было приспособиться к такому двусмысленному положению, когда официальные отношения с правительствами стран, устанавливающих дипломатические связи с СССР, сопровождались неофициальными, но неизмеримо более важными межпартийными связями с коммунистическими и рабочими партиями. Проблема эта в принципе не решена до сих пор. Пока в СССР — политическая власть безраздельно принадлежала коммунистической партии, что было закреплено и в конституции страны, межпартийные отношения поневоле ценились выше, чем отношения межгосударственные.

Это, конечно, не означает, что когда-либо существовала точная грань между идеологическими и межгосударственными отношениями. Политика великой державы — СССР — поневоле следовала курсу партийной логики и ставила превыше всего отношения со странами или режимами, которые квалифицировались как «братские» и «дружественные», в то время как неизмеримо более важные для судьбы страны и народа отношения с такими странами, как США, ФРГ, Великобритания, в этом плане отходили на второе место. В данном слу-

чае идеология просто диктовала свою систему приоритетов, которая далеко не всегда совпадала с приоритетами национальной безопасности. Идентификация интересов партийных с интересами государственными, национальными часто вела к решениям, которые трудно согласовывались с логикой безопасности, сохранения народа и страны как единого целого, их благополучия. При каких-то расхождениях этих интересов приоритет явно отдавался первым.

Одним из наиболее опасных и поучительных эпизодов в этом отношении остается Карибский кризис 1962 года. Уже хрестоматийными стали объяснения этого кризиса как следствия активной антикубинской кампании Вашингтона, которая и вынудила советское руководство принять решение о развертывании советских ракет с ядерными боеголовками на Кубе. Все это так. Но остался до сих пор неясным вопрос: какая логика, какие такие интересы высшего порядка вынудили Н.С. Хрущева рисковать опасностью ядерной войны, ставить под угрозу миллионы жизней в своей стране и в других странах? Хорошо, когда кризис завершается мирным дипломатическим урегулированием, и еще лучше, что у советского руководства в тот период хватило разума пойти на такое урегулирование. Но у историка, политолога есть право поставить вопрос: а если бы в силу каких-то причин кризис пошел по нарастающей? Если бы Кеннеди оказался менее сговорчивым или, например, пуля убийцы настигла его не 22 ноября 1963 года, а 20—22 октября годом раньше? Что было бы тогда? Может быть, и осмыслить сейчас всю опасность этого кризиса было уже некому.

И в этом плане нельзя не дать оценку роли идеологии во внешнеполитическом курсе СССР. То, что она навязала этому курсу задачу своей защиты всеми имеющимися в распоряжении государства ресурсами, вышла на международную арену и установила связи с соответствующими политическими силами, видимо, можно объяснить. Во всяком случае, трудно ожидать, что победившая в стране политическая партия, да еще к тому же единственная, будет по-иному ставить задачу. Но тут возникает один очень серьезный момент: до каких пределов возможно совпадение или несовпадение этих интересов — интересов идеологии и партии как ее носителя и интересов страны, нации? Исходить только из одного постулата, что эти интересы всегда будут совпадать, трудно, да и нельзя, ибо политическое развитие никогда не бывает равномерным и обязательно будут моменты, когда эти интересы разойдутся. Что тогда?

У Сталина на этот вопрос был только один ответ: интересы страны всегда должны быть подчинены интересам партии, или же, если говорить точнее, интересам той группы, которая от имени партии руководила страной. Защищая интересы этой группы, Сталин шел на уничтожение руководящих кадров армии и промышленности, науки и культуры, не думая о возможных последствиях для страны в целом в случае войны или кризиса. Поражения и жертвы 1941—1942 годов достаточно ясно говорят об этом. Но оказалось, что даже после раз-

венчания культа личности в сфере внешней политики вся система приоритетов и порождающих их интересов осталась неизменной. Пример с решением Н.С. Хрущева по Карибскому кризису классически подтверждает такое положение, и никакие ссылки на его положительный исход не могут здесь служить оправданием. Подобная же логика завела страну в тупик афганской войны.

Как известно, ставка на мировую революцию, на подъем революционных движений в других странах в качестве внешнеполитической доктрины Советского государства просуществовала недолго. Уже в 1920—1921 годах формируется идея «мирного сожительства», которая официально становится одной из основ внешнеполитического курса на многие годы. Тогда пришлось признать, и хорошо, что вовремя, нереалистичность, даже провокационность ультрареволюционных лозунгов, абсолютно неподходящих для установления на долгие годы мирного сосуществования с классово и идейно враждебным окружением. Вместе с тем это отнюдь не означало снижения роли идеологического фактора во внешней политике и в каких-то отношениях даже выдвигало ее на первый план. В частности, это относится к роли Коминтерна как одного из активных внешнеполитических проводников политики СССР вплоть до его роспуска в 1943 году, а позже — к проблеме взаимоотношений с национально-освободительными движениями в странах «третьего мира».

То, что Советский Союз сыграл одну из наиболее активных ролей в развитии и развертывании национально-освободительного движения, не должно удивлять. Идейно оно родилось помимо Октября и его лозунгов, скорее, это — наследие XIX века и его освободительных идей, приведших к созданию национально-независимых и единых Италии, Германии, Греции, Сербии и других европейских стран. Но в условиях, когда на мировую арену вышел столь сильный фактор, как революционный Советский Союз, идеи национального освобождения не могли остаться безучастными и во многом заимствовали его освободительные лозунги, его стратегию и тактику. С середины 50-х годов, когда угроза возможного окружения Советского Союза поясом блоков и зависимых от США государств стала обретать реальные очертания (создание блока СЕАТО в 1954 году и подписание Багдадского пакта в 1955 году), вопрос о поддержании национально-освободительного движения был решен советским руководством раз и навсегда: национально-освободительное движение в целом и его отдельные отряды в разных странах должны были стать стратегическим союзником КПСС и СССР в борьбе с противоположной системой.

Довольно быстро в конце 50-х — начале 60-х годов под этот вывод был подведен идеологический базис, исходящий в основном из теории этапов общего кризиса мировой капиталистической системы и утверждающий, будто развал колониальных империй знаменует третий, чуть ли не «решающий» этап. Как-то ускользало от внимания то, что в годы второй мировой войны советское руководство совместно с администрацией США обсуждало проблемы будущей деколонизации,

что у американцев была своя позиция по этому вопросу, в целом не одобрявшая традиционные формы европейского господства в колониях. Разумеется, у американских правящих кругов были свои резоны осуждать колониализм, и диктовались они, конечно же, желанием иметь свободный доступ к рынкам колоний, но сбрасывать со счетов значение американской позиции никак нельзя. В конце концов, именно позиция США по отношению к Китаю, известная как «доктрина открытых дверей», в начале века предотвратила расчленение и поглощение этой страны европейскими колонизаторами и Японией. И в отношении судеб колоний после окончания второй мировой войны позиция США также сыграла весьма заметную роль.

Чтобы понять, почему вдруг США решили занять столь вызывающую позицию, надо вспомнить «новый курс» Рузвельта и его последствия для всей мировой капиталистической системы. Начав с перестройки капитализма в самих США после кризиса 1929—1932 годов, президент Рузвельт многого добился в придании современному капитализму динамизма, саморегулирования, демократичности, гуманности. Потребовался столь сильный политический кризис капитализма, как вторая мировая война, чтобы рузвельтовская модель не только доказала жизнеспособность, но и стала приемлемой для других капиталистических стран — как победителей, так и побежденных. В эту модель традиционный колониализм никак не вписывался, в связи с чем США и занимали хотя и далеко не последовательную, но тем не менее принципиальную позицию, осуждавшую колониальные методы господства и поощрявшую «умеренную», «постепенную» деколонизацию.

Тем не менее тезис о третьем этапе общего кризиса капитализма подвел теоретическую базу под политику всемерного расширения связей СССР с освободительными движениями и освобождающимися странами. Когда же, нередко из конъюнктурных соображений, многие лидеры этих движений и стран провозгласили «социалистическую ориентацию», то круг замкнулся: идеологически эти движения и страны стали настолько близки, что удостоились звания «третьего потока» революционных сил современности (и это несмотря на то, что многие из них не стеснялись использовать явный антикоммунизм во внутренней политике). Таким образом, идеология и здесь определила свои приоритеты, создав еще ряд сложных, напряженных проблем во внешнеполитическом курсе СССР. Расцвет этого направления приходится уже на 70-е годы, когда неизмеримо возросшая активность советской политики в «третьем мире» послужила обоснованием тезиса об «обострении идеологической борьбы» по мере развития разрядки напряженности.

Вывод нового политического мышления о необходимости деидеологизации межгосударственных отношений появился не на пустом месте. Ему предшествовал большой период и в советской внешней политике, и в мировой политике в целом. Ведь «холодная война», что бы ни писали о ней и как бы ни старались объяснить ее причины,

была прямым следствием фактора идеологии и его влияния на международные отношения. Если первым и основным следствием идеологического фактора во внешней политике СССР стало отчуждение страны от остального мира, своего рода самоизоляция, сопровождающаяся мечтами о новом устройстве, в котором первое социалистическое государство займет подобающее ему центральное место, то вторым следствием явилась вражда с этим миром, неприятие его ценностей. Две системы, противостоящие друг другу во всемирном масштабе, — вот что, собственно, и стало следствием идеологического фактора, и, чтобы преодолеть его разъединяющее влияние, пришлось приложить немало усилий, пройти через чреватый военными столкновениями период «холодной войны», цикл кризисов и конфликтов, пока наконец не появилось четкое понимание общности земных судеб цивилизации, общечеловеческого содержания жизни на земле, которая и является высшей ценностью.

Новое мышление не отрицает значения идеологии. Идеология, как функция общественной жизни, всегда будет присутствовать в жизни общества. Но во-первых, должен быть положен предел монополии одной идеологии. Как бы ни была она хороша для кого-то, всегда найдутся люди, верящие во что-то иное, приверженные другой доктрине. Если эта доктрина не противоречит нормам человеческого общения, она должна иметь право на существование, ибо, в конце концов, духовное развитие человечества не может ограничиваться рамками только одной доктрины. Во-вторых, идеологии могут соперничать, доказывать свои преимущества, не пуская в ход столь увесистые аргументы, как военная мощь государства или его репрессивный аппарат. Когда идут в ход кулаки, а не аргументы, от идеологии практически ничего, кроме пропагандистского обрамления, не остается.

Геополитика и имперская традиция

Геополитика не случайно долгое время была бранным словом в нашей науке и международных отношениях. Если ее и упоминали, то обязательно в связи с британским имперским мышлением или доктриной гитлеровского фашизма. Считалось, что для советской внешней политики геополитика вообще неприемлема, а какие-либо намеки, что внешняя политика социалистического государства тоже развивается в определенной геополитической среде, вызывали яростный отпор со стороны ревнителей «чистоты идеологии». Столь же печальная участь постигла и попытки выявить наследие имперской традиции во внешней политике СССР. Одно упоминание об этом могло грозить автору суровым наказанием. Враждебность по отношению к этим понятиям часто увязывалась с прекрасной работой Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма», в которой дан марксистский анализ влияния обеих традиций — геополитической и имперской —

на внешнеполитический курс России. Видимо, боязнь обнаружить параллели между политикой России и Советского Союза и вызывала столь сильную идеологическую реакцию.

Между тем трезвый анализ внешнеэкономического курса СССР, особенно в период становления новой общественной системы, просто невозможен ни без оценки геополитических факторов, ни без учета влияния имперской традиции, которая была тесно связана с геополитической.

Как географическое пространство, населенное определенными народами со своим культурно-идеологическим прошлым, СССР находится в специфическом положении. Своей западной частью, заселенной преимущественно славянским населением (если не считать Прибалтики, Молдавии и Закавказья), хранящим память о тысячелетней истории своего государства, о тысячелетии христианской веры, обо всех тяжелых и славных перипетиях своей судьбы, страна выходит в Европу. Географически это часть Европы, политически — весьма специфическая ее часть. Но тем не менее это — европоцентристский мир, издавна тяготеющий и к культурной Византии (и сохранивший в церкви память о своей привязанности), и к торговой Ганзе, и к родственной Центральной Европе. По мере развития торговых и культурных связей русские все больше и больше приближались к европейскому миру, пока наконец усилиями Петра I они не ворвались в этот мир и не стали его неотъемлемой частью. Символом того периода остается заброшенная наша вторая столица — город на Неве, Петербург, Петроград, Ленинград.

Другой своей частью Советский Союз выходит в Азию, причем Азию самую разную — от ярких оживленных рынков Бухары и Самарканда до холодных и суровых вод Охотского моря. Огромные просторы советской Сибири до сих пор поражают богатством своих ресурсов, Туркестан и Средняя Азия — это регионы страны, играющие немаловажную роль в ее истории и современной внешнеполитической жизни. Прошло достаточно времени с тех пор, как они стали неотъемлемой частью России, а затем — и Союза, и считать связь с ними чем-то временным, зыбким, ненадежным было бы большой ошибкой. Здесь СССР выходит на прямое соседство с Китаем, всем массивом Гиндукуша, где соприкасаются Афганистан, Индия и Пакистан, делит общую границу с Ираном и Турцией. Ситуация уникальная для современного мира, поскольку геополитически СССР окружен настолько разными мирами и цивилизациями, что формирование какого-то единого, связанного и целостного внешнеполитического курса в этих условиях становится действительно сложной, многоплановой задачей, решать которую далеко не каждому по силам.

Русские всегда были слишком динамичной нацией, чтобы долго усидеть на месте. Вначале тоненькими ручейками казачества, а затем и бурным потоком государственной колонизации они устремились на юг, восток, юго-восток Московского государства. Вся логика исторического развития толкала их к этому. Скучные земли российского Не-

черноземья не могли прокормить растущее население. В Европе, все сильнее тяготевшей к капиталистическому способу производства, открывался огромный рынок продовольствия. Нужны были земли, причем земли плодородные, свободные от оседлого населения, и чем больше, тем лучше. Земли эти были рядом, в Диком поле, с помощью которого веками Россия отгораживалась от воинственных кочевников, живших за счет примитивной работорговли, захватывавших пленников в русских селах и продававших их через Стамбул в Западную Европу.

Поэтому уже где-то в XV—XVI столетии сформировалась внешнеполитическая модель России: освоение богатых черноземом земель по южным и восточным границам, выход к Балтике и активная торговля хлебом, рыбой, лесом, всем, что бог послал, а в обмен — ввоз европейских богатств: золотой монеты (своей не было), оружия, технических новинок, предметов искусства. Задача — по объему неимоверная, и Ивану IV, первым дерзнувшему ее осуществить, пришлось в этом с горечью убедиться. Двадцатипятилетняя Ливонская война истощила все силы государства. Нужно было еще время, нужны были дополнительные ресурсы и национальная воля, чтобы приняться всерьез за решение этой задачи. Более ста лет Россия готовилась к этому: воссоединилась с Украиной, отобрала у Речи Посполитой старые, исконно русские города, освоила Дон и Терек, вышла на Урал, покорила Сибирь, прошла ее до Берингова пролива, достигла Амура и придвинулась вплотную к казахским степям. На новом историческом этапе, интуитивно понятом Петром I, она наконец дерзнула выполнить свою миссию и после этого почти двести лет исправно кормила Европу, получая за это богатства, заполнившие Эрмитаж и до сих пор вызывающие наше благоговение.

Такая экспансия, конечно же, не могла не родить империю. Сейчас «империя» — ругательное слово, хотя в свое время оно означало славу, почет, уважение. Но если разобраться, то имперская организация государства на своем историческом этапе была весьма удачной. Империя покорила и присоединила народы и страны, находившиеся на разных стадиях развития. Были древние Грузия, Армения, Бухара, Самарканд. Были слабо организованные племена. Были вечно служившие яблоком раздора прибалтийские провинции. И все это силой оружия, разума, дипломатии было объединено вокруг одного ядра. Центр обеспечивал безопасность, втягивал в торговый оборот, давал образование, открывал горизонты. Русская аристократия, особенно после репрессий во времена Ивана IV и Петра I, расизмом или национальной нетерпимостью не отличалась, принимая в свои ряды и потомков татарских мурз, и детей украинской казачьей старшины, и выходцев из Европы, и выходцев из низов. Все переплавилось в имперском тигле, все шло на пользу и во здравие империи.

Появились образцы имперского мышления. Были среди них дерзкие и амбициозные, вроде «третьего Рима», сформулированного монахом Филофеем еще в XVI веке, или «империи всех славян», пред-

ложенной в XVII веке хорватским писателем Юрием Крижаничем царю Алексею Михайловичу. Были и вполне здравые, учитывающие естественное положение России между Европой и Азией и поэтому отводившие ей серьезную роль буфера или мостика между двумя мирами. Споры о месте России в мировой цивилизации, о ее исторической миссии стояли в центре общественной мысли XIX века, когда империя наконец сформировалась и появились первые признаки национального самосознания. Острые дискуссии славянофилов и западников рождали геополитическую доктрину, воздействовавшую на формирование внешнеполитической традиции, которая не могла исчезнуть бесследно в октябре 1917 года.

Необъятные размеры России, ее историческая миссия неоднократно наводили на размышления самых разных людей. Наполеон в своих записках на о. Св.Елены писал о формировании двух центров мирового тяготения — Запада и Востока, связывая с первым Западную Европу, а со вторым — Россию. Французский историк и политический деятель А. де Токвиль в своей книге «О демократии в Америке» также предвидел в далекой перспективе период, когда атлантический мир Америки и Западной Европы будет противоборствовать с континентальным миром России. К этому выводу приходил лорд Бальфур, один из столпов геополитической мысли, и многие другие.

О чем здесь речь? Неужели еще тогда хотели столкнуть нас с Америкой и Западной Европой? Нет, наверное. Просто анализ геополитических процессов, основанных на учете географии, политического и экономического развития, подсказывал, что в силу своей специфики Россия должна стать той политической величиной, которая будет контролировать «ось» евроазиатского массива. Даже не столь многолюдная, как Китай или Индия, не столь технически развитая, как Германия или Япония, она все равно будет в состоянии обеспечить территориальную и экономическую целостность всего этого огромного массива и стать центром тяготения окружающих народов и племен. В противовес ей должен был развиваться мир прибрежный, океанический, ориентированный на морскую торговлю, на экспансию в море. И эти два разных мира должны обязательно противоборствовать, потому что такова природа человека и природа вещей.

Геополитические величины наиболее устойчивы в международных отношениях. Конечно, со временем меняется конфигурация этих величин, некоторые из них исчезают, остаются только в воспоминаниях, как исчезли Рим и Карфаген, Афины и Спарта, Священная Римская империя и империя Османов. Когда-то они определяли всю геополитическую картину современного им мира, сейчас — страны как страны, живут своими заботами и даже не посягают на мировой баланс. Но в течение обозримого периода времени геополитические образования, категории сохраняют свою устойчивость. И для современного этапа международных отношений Советский Союз, Соединенные Штаты, Западная Европа, Япония, Китай, Индия — устойчивые и неменяющиеся категории мирового баланса, в котором каждая

из них играет выпавшую на ее долю роль. Так Советский Союз выступает как крупнейшая географическая величина, простирающаяся от Балтики и Черного моря на Западе до Тихого океана на востоке, имеющая свои неотъемлемые интересы безопасности в Восточной Европе, на Среднем Востоке, в северной части Тихого океана.

Можно ли после этого отрицать преэминентность геополитических интересов России и Советского Союза? Можно ли бросить обоснованный упрек советской внешней политике, обвиняя ее в «имперском мышлении», если интересы безопасности СССР в нынешней стратегической обстановке требуют его активной роли в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, на Дальнем Востоке, в Арктике? Думается, любой честный аналитик признает, что географическое положение СССР, характер происходящих в нем политических процессов, травмы недавнего прошлого — все это требует самой активной роли Советского Союза как в мировых делах в целом, так и в соответствующих районах мира. И эта роль будет всегда обоснованна, потому что будет отвечать законным интересам безопасности государства и нации.

Но иное дело — как играть эту роль. Здесь мы сталкиваемся не просто со сталинским наследием, не просто со сверхдогматическим пониманием и трактованием места идеологии, а с наихудшим вариантом разработки и осуществления политики — неграмотностью и некомпетентностью. Внешнеполитическая традиция формируется веками. Она состоит не просто из суммы знаний, которыми может овладеть любой старательный студент, а из тонкого, порой интуитивного понимания внешнеполитической ситуации, партнера по дипломатической игре, правил этой игры, своих собственных интересов, их вариантов, терпения и многого другого. Бывают периоды, когда нужны натиск и атака, бывают периоды, когда надо ждать созревания ситуации. В истории дипломатии встречаются люди, способные постигнуть все эти тонкости внешней политики сразу, по наитию, как говорится, от бога. Но их мало. Сплошь и рядом эта история пестрит именами авантюристов, невежд, которые загубили порученное им дело или брались за него только для того, чтобы сделать карьеру. По меньшей мере половину войн в истории человечества надо отнести на их счет.

Советская дипломатия создавалась практически на пустом месте. Какая-то часть бывших дипломатов первое время еще помогала новичкам овладеть трудным искусством разработки и осуществления политики. Но затем и они были изгнаны и уступили место первому поколению советских дипломатов, многие из которых пришли в наркомат, что называется, «от сохи». Между прочим, представляется, что именно с тех пор завелся у нас порядок, когда мало-мальски серьезный вопрос политики (а других у нее, как правило, не бывает) сразу же выносился на рассмотрение высших органов политической власти, поскольку только там и могли принять соответствующее решение. Всех этот порядок удовлетворял, но породил невиданную волокиту. Уровень ответственности самого корпуса дипломатов от этого

не повысился, что стало серьезным препятствием на пути к разработке многовариантной политики, всегда имеющей в своем арсенале набор интересных альтернатив.

Сталинское наследие в области внешней политики замешано на густой смеси незнания окружающего мира, его боязни и одновременно презрения, великодержавного шовинизма и упования на грубую силу. Вследствие этого развился комплекс прагматизма, который заменил долгосрочное видение, умение проникнуть в психологию партнера, понимание таких простых истин геополитики, как «самая надежная граница — та, которую никто не оспаривает», как «надо стремиться иметь друзей в соседних странах, а не рабов», «не спеши заполнять то, что кажется пустым пространством» и многие другие. Из этого и проистекали такие серьезные ошибки сталинской дипломатии, как договор с Германией о ненападении, а тем более договор о границах и о дружбе 1939 года, решение об установлении берлинской блокады в 1947 году, ссора с Югославией, политика в Польше и многие другие.

В целом, например, вся политика в Восточной Европе (плоды которой мы пожинаем сегодня), когда почему-то считалось, что самым безопасным для СССР будет пояс государств однотипной политической системы, установленной в результате насильственных действий, достаточно ясно указывает на тип и характер внешнеполитического мышления той поры. К числу других ошибок геополитического характера того времени можно отнести политику в отношении Китая, корейскую войну, политику в Турции и Иране, отказ от присоединения к международным финансовым институтам и многое другое, с чем приходится сталкиваться сегодняшнему руководству страны.

К числу заслуг Сталина относили его решение о расколе Германии и сохранении сильного военного присутствия СССР на территории ГДР. Действительно, с точки зрения простой и грубой логики все выглядело правильно: западная граница СССР была прикрыта передовыми позициями вдоль границы ФРГ, Варшавским Договором, сильными западными округами. Но насколько оправданным политически оказалось это решение? В Западной Европе итогом стали ядерное присутствие США, ядерные силы Великобритании и Франции, сильный блок НАТО, комплекс страхов, посеянных советскими танковыми армиями. Западная Европа, объединенная общими заботами, создает сильнейшее экономическое образование и довольно прохладно относится к идее сотрудничества с СССР (и это после Генуэзской конференции 1922 года, весь смысл которой состоял в налаживании кооперации технически развитого Запада и русских природных ресурсов). А сегодня, в период бурных перемен в Восточной и Центральной Европе, мы наблюдаем рост требований вывести советские войска, дышащий на ладан Варшавский Договор и объединившуюся Германию. Хватит ли у нас прозорливости и мудрости найти достойный «модус вивенди» с этой новой реальностью?

Обычно в сфере внешней политики процессы разворачиваются медленно до тех пор, пока не наступает период быстрых и решительных перемен. И поэтому выявить сразу же дурные или, наоборот, положительные последствия принятого решения крайне трудно. Нужны годы и неоднократные перепроверки, прежде чем появится ясность в понимании последствий такого решения. Поэтому, как правило, в дипломатии царит осторожность и осмотрительность, неоднократное просчитывание на несколько ходов вперед, консультации и обмена мнениями. Но если делается какая-то коренная ошибка, а во внешней политике Сталина это было самое простое, самое примитивное сочетание геополитических расчетов с имперскими амбициями, тогда внешняя политика на много лет вперед становится зараженной бактериями сложившейся инерции. Отсюда Венгрия 1956 года, Чехословакия 1968 года и Афганистан 1979 года. Отсюда неуважение и неумение считаться с законными интересами других стран — будь то союзники или же несоюзники, — желание опереться в продвижении своих интересов не на разум, не на дипломатию, а на количество дивизий.

Советский Союз — великая держава и, несмотря на нынешние внутренние передраги, остается таковой. Это уже закономерность истории и геополитики. Странники силы в международных отношениях, которых хватает и у нас, сегодня страдают по «великому прошлому», когда весь авторитет страны, по их мнению, сводился к количеству боеголовки, средств их доставки, танков и артиллерии, количеству солдат под ружьем. Они и сегодня считают, что без авианосцев СССР вот-вот скатится к положению второразрядной державы. Но суть дела не в этом. Великая держава потому и великая, что она ставит в своей внешней политике во главу угла не только интересы собственного престижа или собственной безопасности (при всем уважении к этим понятиям), а неизмеримо более крупные цели согласования своей роли в мире с развитием самого мира в соответствующем направлении. И если еще при этом она умеет найти средства, которые точно отвечают цели, не задевают законных интересов других стран, то ее роль в международных отношениях, ее значение от этого только увеличивается.

Нынешнее руководство СССР и советской внешней политики, как представляется, нашло правильный ключ к сочетанию интересов страны, государства и мирового сообщества. Его первые усилия по демонтажу угрозы ядерной войны, по исправлению вектора мирового развития в сторону, противоположную кризису, уже принесли огромные дивиденды. Неспроста поэтому считается и у нас и за рубежом, что перестройка в СССР самые ощутимые результаты принесла именно в сфере внешней политики. Сейчас наступил следующий этап, когда в дополнение к демонтажу механизма военной конфронтации начался демонтаж системной конфронтации, противостояния «двух миров». В конце концов, признание единства и целостности мира и исходит из того, что тезис о «двух мирах» не более как замешан-

ная на идеологии попытка создать глобальную империю, причем отнюдь не совпадающую по своим очертаниям с геополитическими интересами страны.

Конечно, категории имперского мышления не могут при этом исчезнуть сразу и окончательно. Тем более если они вкочлачивались в головы совместно с геополитическими категориями, когда соображения безопасности были тесно привязаны к интересам «мира социализма», под которым подразумевалась группа стран с импортированным социальным строем, бдительно охраняемым советским военным присутствием. Безопасность страны обеспечивать надо. Но надо и следовать при этом неоднократно сделанным выводам о том, что односторонней безопасности в наше время достичь невозможно, что она может быть только совместной, всеобщей, а для этого надо стремиться не создавать «сферы влияния», не строить заборы и отгораживаться ими от чуждых влияний друзей и союзников, а смело идти на серьезную перестройку системы интересов, опираясь при этом на учет геополитических соображений, но предав забвению наследие имперского мышления.

Геополитически Советский Союз все равно продолжает оставаться великой частью мирового баланса. Это понимают даже те, кто в принципе хотел бы, чтобы в один прекрасный момент и СССР и его политическая система провалились в тартарары. Поэтому в работах на темы о мировой политике и звучит обеспокоенность судьбами Союза, его частей, его центра, их единства и взаимоотношений. Современному миру объективно нужен Советский Союз как единая политическая величина, хотя, конечно, без того уродующего тоталитарного режима, каким он был почти семьдесят лет; демократический Советский Союз мог бы продолжать играть роль одной из опор мировой стабильности на обозримый период времени. Это понимают и на Западе, и на Востоке, и в самом СССР. Но, конечно, принятие такого Советского Союза уже на других основах в состав мирового сообщества в качестве равноправного и желанного партнера будет обусловлено рядом необходимых требований, не прислушаться к которым было бы серьезной ошибкой. И, как представляется, одним из самых главных требований или условий является вопрос о нравственных основах, моральных устоях советской внешней политики.

Нравственные основы

По мнению итальянского политического мыслителя Н. Макиавелли, мораль и политика не должны соседствовать друг с другом, одно мешает другому. Макиавелли за такую откровенность дружно осуждали в течение многих веков и тем не менее следовали его советам. Считалось, что мораль — это нечто для домашнего употребления, для общения с Богом, а политика должна быть очищенной от ненужных сантиментов и выполнять свои, не всегда приятные, задачи. И долгое

время жило убеждение, что обмануть другую сторону в политической борьбе не только не зазорно, но даже полезно; нарушить же данное обещание, если этого требуют «высшие» интересы, надо, чего бы это ни стоило, и вообще не следует допускать в политику проповедников с их убогим представлением о добре и зле. Если эти категории все-таки обнаруживались в политике (а чем больше к ней примешивалось идеологии, тем меньше она могла обойтись без них), то олицетворением добра всегда оставалась собственная политика, собственные интересы (разумеется, всегда законные), в то время как противник был олицетворением зла и интересы его были незаконными, продиктованными узкими эгоистическими целями, противоречащими интересам добра, справедливости.

Такова была логика борьбы, и такой арсенал нравственных категорий она сформулировала. Возможно, будущий историк будет потрясен, когда станет читать речи и заявления представителей Запада и Востока периода «холодной войны». Что ни речь, что ни заявление, то практически одна и та же фразеология, одни и те же ценности и символы — «мир», «демократия», «свобода», «прогресс», только каждый раз с разными знаками: если это произносил представитель Запада, то в его речах звучала похвала в адрес политики Запада, которая как раз и боролась за эти идеалы против «подрывной деятельности» коммунизма; если же слово предоставлялось представителю Востока, то все то же произносилось в обратном направлении. Слова явно теряли смысл, росло расхождение между словами и делами.

Насколько серьезно это расхождение и насколько сильные следы оно оставило в мировой политике, можно судить по истории войны в Корее 1950—1953 годов. Сколько уже раз исследовалась эта война в нашей и зарубежной литературе, сколько исписано чернил и написано слов, а до сих пор так и нет единого мнения, как же она началась. Наши оппоненты приводят свои факты, согласно которым северокорейские войска без объявления войны неожиданно перешли 38-ю параллель и атаковали Южную Корею. Приводятся воспоминания, документы, фотографии, киноплёнки. Но им противостоит другая версия: война была спровоцирована нападением южнокорейских войск на северокорейские гарнизоны, и со стороны КНДР это была оборонительная акция. Казалось бы, вопрос этот уже давно утратил актуальность. Ан нет. Если не произойдет серьезных перемен, стороны могут еще лет тридцать утверждать каждая свое, клянясь при этом говорить правду и только правду.

Но Запад Западом, а советская внешняя политика, к сожалению, пошла на эту игру. Поскольку расхождение слова и дела во внутренних наших делах давно стало привычным, то и во внешней политике эта болезнь не замедлила проявиться. За примерами далеко ходить не надо. Достаточно хотя бы вспомнить всю историю с так называемыми ракетами СС-20 (РСД-10) в Европе. Пропаганда наша просто из кожи вон лезла, чтобы объявить черное белым (или, наоборот, белое черным), дипломатам приходилось в глаза отрицать очевидное, и тем

не менее истина все же всплыла и за ней следовало иногда смущение, а чаще простодушное признание: мол, было дело, черт попутал, и вообще мы — хорошие, ну а ошибки, у кого же они не бывают?

Дело, конечно, не столько в расхождении между словами и делами, хотя в серьезной политике, как это видно из исторических документов, никогда не лгут. Можно, наверное, представить, что в дипломатической борьбе бывает допустимо и даже полезно сокрытие информации, предотвращение ее утечек и применение методов, которые серьезные американские теоретики называют «стратегическим обманом». Хуже другое — когда в политике теряются нравственные ориентиры и происходит малозаметная или вовсе незаметная подмена понятий. Когда борются за мир и вводят войска на территорию чужой страны, провозглашают идеалы равенства, демократии, свободы и топчут тут же эти идеалы в своей и чужих странах, арестовывают их руководителей, объявляют волеизъявление народа «подрывной деятельностью» и все это делается от имени державы, претендующей на роль вершителя судеб человечества, строителя нового общества, свободного от эксплуатации, лжи и угнетения. Вот это уже может стать источником опасности глобального масштаба.

Несколько факторов выдвинули Советский Союз в разряд держав, сформировавших нынешнюю международную систему: это идеологический фактор, размеры и потенциал СССР, его огромная военная машина, особенно ракетно-ядерный потенциал. Все они потребовали высочайшего напряжения воли и совести, безукоризненного соблюдения точности между словами и делами. Если какая-нибудь второразрядная держава и может позволить себе «вольность» в виде обмана, искажения истины и это будет иметь разве что последствия регионального характера, то держава такого масштаба, как СССР, позволить себе этого не может. Представьте себе, что ваш партнер по международным делам, в арсенале которого хранятся десятки тысяч ядерных боеголовок, допустит вольности в толковании достигнутых договоренностей, в освещении тех или иных событий, в разъяснении своей позиции. Вряд ли кто будет чувствовать себя в этой обстановке уютно и безопасно.

Именно такое впечатление и производила советская внешняя политика на другие страны до наступления гласности, открытости в нашей стране. «Советская военная угроза» — не просто пропагандистское клише. Это — образ огромной, до зубов вооруженной страны с жесткой однопартийной политической системой, с наглухо закрытым процессом принятия решений, с подобострастной прессой и послушными средствами массовой информации, давно и прочно поставившей себя в оппозицию к большинству стран мира, лелеющей, если верить ее доктрине, мысль о мировой революции или на крайний случай о создании и преумножении своей сферы влияния. У европейцев, причем самых разных классов и социальных групп, страх перед этим колоссом стал частью жизни, частью образа мыслей. На страхе перед «советской угрозой» выросло не одно поколение американцев. При-

существование огромной и оснащенной современной армии на границе лишило покоя китайцев, а вступление войск в Афганистан посеяло тревогу и у самых южных наших соседей. Образ Советского Союза как угрозы миру и человечеству, к сожалению, стал одной из слагаемых картины еще совсем недавнего времени.

Новое политическое мышление, став серьезной заявкой на перестройку международных отношений в сторону большей стабильности, упорядоченности, большего доверия, потребовало весьма существенного пересмотра сложившейся практики — как внешне-, так и внутриполитической. Нам пришлось доказывать, что новому советскому руководству можно верить, можно полагаться на его слова и на его обязательства. Скрупулезно изучается положение с правами человека в нашей стране, с выполнением принятых обязательств, с открытостью той информации, к которой имеет доступ общественность в других странах: внешнеполитические обязательства, военные расходы, поставки оружия и техники за границу и многое другое. Конечно, до того времени, когда в СССР полностью восторжествует гласность во всех сферах, кроме имеющих сугубо оборонное значение, еще далеко. Но главное в том, что новое политическое мышление как политическая доктрина сразу же придало исключительное значение проблеме доверия и верификации, проверки провозглашаемых инициатив.

Думается, что решить проблему сочетания морали и политики на данном этапе в советском внешнеполитическом курсе можно именно путем доверия. Мало объявить, что политика должна вернуться к человеку и перестать служить мертвым догмам. Такие вещи объявлялись и раньше, когда мы претендовали на бытие «впереди планеты всей» во всех областях. Достаточно вспомнить, сколько раз наши пропагандисты обвиняли США в 70-е годы в том, что они-де в отличие от нас не ратифицировали Декларацию ООН о правах человека. Но оказалось, что у нас не выработан механизм гласности в наиболее сложных и уязвимых вопросах — права человека, в том числе свобода выезда из страны, военные расходы, состояние экологии и т.п., а главное — открытость (до разумных пределов) процесса разработки и принятия политических решений.

Создание комитета Верховного Совета СССР по международным делам, конечно, добавило гласности и открытости в процесс разработки и принятия внешнеполитических решений. Но не до конца. Если сравнивать зарубежный опыт в этой области, то нам, как кажется, не хватает в первую очередь такого звена, как активное обсуждение в печати и на страницах научных изданий постановки тех или иных внешнеполитических проблем, возможных вариантов их решений, публичного обсуждения всех «за» и «против». В этом плане нельзя не согласиться с теми публицистами, например С. Кондрашовым, которые считают, что как раз в сфере внешней политики нам сейчас остро недостает гласности. Затем нужен более широкий и отработанный механизм взаимосвязи между наукой и политикой, о чем писал министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе. Причем этот механизм должен,

конечно же, включать и возможность оценки внутривнутриполитических последствий принимаемых в области внешней политики решений. Нужны конституционное упорядочение процесса принятия важных решений, например объявления войны или направления войск за рубеж, и возможность контроля за этими решениями.

Все это не связано напрямую с вопросом о нравственных устоях внешней политики. Но предлагаемые и обсуждаемые меры хотя бы всерьез ограничат возможности нарушения наших же собственных принципов внешней политики, сделают процесс принятия решений в этой области и более открытым, и более сбалансированным, ориентированным на учет как можно более широкого спектра альтернатив и интересов. Наконец, такая система мер ликвидировала бы разрыв между нашим общественным мнением, которое становится заметной силой в решении внутренних проблем, и внешнеполитической областью, которая в СССР долгое время считалась чем-то настолько далеко оторванным от жизни общества, что не было и смысла ставить вопрос о национальных интересах в международных отношениях (понимаемых как интересы всего общества, всего народа, а не только государственных).

Дискуссия в СССР о национальных интересах, видимо, еще впереди. И это должна быть весьма серьезная дискуссия, потому что она потребует глубокого анализа и прошлого нашей политики, а следовательно, открытия архивов, и ее нынешнего дня, и будущего. Но без такой дискуссии не обойтись. Любое общество, выходящее на простор демократического развития, должно определить, чего же оно намерено добиваться за пределами своих границ. Оно хочет знать, почему одни страны считаются друзьями, а другие — противниками. Оно хочет знать, как и куда расходуются средства, что они дают стране и чего ее лишают. В принципе новое политическое мышление предоставляет возможность более широкого участия населения страны в обсуждении ее внешней политики, но сделать здесь много пока нельзя, потому что нужен надежный демократический механизм вовлечения разных точек зрения во внешнеполитические задачи, их учета, сведения воедино и отражения во внешнеполитическом курсе.

Настоящая статья не претендует на серьезное научное исследование, так как для этого нужна хорошая информационная база, нужны живые свидетели тех или иных событий, нужны многочисленные обсуждения острых вопросов в печати и других средствах массовой информации. Но процесс такого обсуждения уже начался: достаточно привести пример слушаний Верховного Совета по истории заключения в августе 1939 года договора о ненападении между СССР и Германией, обсуждение и осуждение решения о вторжении в Афганистан, осуждение решений 1956 и 1968 годов о военном вмешательстве в Венгрию и Чехословакию. Это — позитивный процесс, позволяющий вскрыть самые больные места, хотя бы немного очистить нашу внешнюю политику от заразы великодержавности и нетерпимости,

двуличия и своеволия. Понятно, что процесс этот болезненный, потому что задевает престиж страны (как его понимают очень многие), требует признания прошлых ошибок, просто покаяния. Но он нам нужен, потому что мы хотим жить в мире открытых границ, доброжелательства, взаимопомощи и взаимопонимания.

Кроме того, этот процесс задевает многих непосредственно, лично. В условиях доперестроечных приходилось писать не то, что хотелось, и не так, как хотелось. Действовали свои, и довольно жесткие, законы политики, требовавшие самоотречения во имя сомнительных интересов государства, интересов партии даже тогда, когда совесть не могла мириться с несправедливостью. И пишущие на международные темы находили утешение хотя бы в примитивном патриотизме, повторяя вслед за американцами: «Хоть и неправая, но это — моя страна». Параллельно этому накапливались знания о других странах, о законах мировой политики, о том, что и как думают люди в других странах о внешней политике СССР. Все это не могло не подготовить почву для нового политического мышления, для серьезного и глубокого пересмотра целого ряда основ внешнеполитического курса. И выводы о целостности и единстве мира, о взаимозависимости, о примате общечеловеческих ценностей, о необходимости соблюдения единства слова и дела легли в эту подготовленную почву.

**Региональные
аспекты внешней
политики**

Конец послевоенного периода

Сейчас заканчивается послевоенный период, и мы вступаем в новый мир, контуры и правила игры которого совершенно не ясны. В прошлом отношения между Советским Союзом и Америкой в периоды разрядки фактически не очень отличались от их отношений в периоды напряженности, например в 1980—1981 годах, и при их анализе можно было быть достаточно уверенным, что будущие изменения не выйдут за пределы относительно узких параметров. Теперь это не так. Мы, напротив, не сомневаемся, что через 25 лет мир будет совсем иным, однако характер перемен и их темпы все чаще остаются неопределенными.

Тем не менее, хотя неясность будущего и затрудняет предсказания, она означает, что мы сейчас переживаем редкий момент, когда это будущее можно формировать.

Международные отношения в послевоенный период

История послевоенного периода крайне сложна, и политика различных лидеров и их советников была куда более противоречивой, чем внешне казалось. Андрей Вышинский, роль которого в советской истории часто была весьма непривлекательной, в апреле 1954 года выступил в «Правде» за проведение внутренней и внешней политики бухаринского типа¹. Сыгравший неприглядную роль в ленинградском деле Георгий Маленков, похоже, отличался новаторским мышлением в вопросах внешней политики². Никита Хрущев, который мог бы преобразовать послевоенный мир благодаря проведенным им с 1955 по 1960 год крупным сокращениям вооруженных сил, подорвал свою политику ультиматумами по вопросу о Берлине. И хотя часто говорят о живом воображении Генри Киссинджера и тяжеловесности Андрея Громыко, можно допустить, что именно Громыко, а не Киссинджер проявлял хитроумную изощренность Меттерниха.

Сложность послевоенного периода не ограничивается политикой отдельных лиц. Она типична для всего периода. Большинство амери-

---

* Джерри Ф. Хаф (США), профессор политических наук Университета Дьюка, старший научный сотрудник Брукингского института.

канцев рассматривают его как время тотальной советско-американской враждебности, смягчавшейся лишь скромными соглашениями по контролю над вооружениями, а Мао Цзэдун говорил о наличии советско-американского союза. Обе точки зрения являются крайними, однако Мао Цзэдун был гораздо ближе к истине, по крайней мере если рассматривать советско-американскую политику в промышленно развитом мире.

Однако, пытаясь дать характеристику этому периоду, мы также должны помнить, какими понятиями оперируем. Мы говорим о международных отношениях как о сумме внешнеполитических курсов, проводимых правительствами различных стран, тогда как отношения между двумя народами могут весьма сильно отличаться от суммы внешнеполитических курсов их правительств. Например, когда мы говорим о советской внешней политике, мы имеем в виду советскую политику в области контроля над вооружениями, советскую политику по отношению к Китаю, к Ближнему Востоку и т.д., однако для меня гораздо более существенным символом внешних отношений русских является тот факт, что в Москве — не говоря уж о других советских городах — нет ни одного французского или итальянского ресторана.

Мне представляется, что лучше всего можно охарактеризовать послевоенный период (конечно, в самой упрощенной форме) как время крайне ненормальных отношений русского и американского народов с внешним миром (в том числе друг с другом), и вместе с тем довольно согласованной политики в промышленно развитом мире, направленной на сохранение выгодных результатов второй мировой войны. Великий парадокс послевоенного периода заключается в том, что воинственный язык и внешняя враждебность довольно хорошо служили обоим целям.

Хотя американцы нередко говорят о советском экспансионизме в послевоенный период, было бы гораздо правильнее говорить о советском изоляционизме, особенно если не принимать во внимание 1945—1946 годы. Американцы часто говорили о сдерживании Советского Союза, однако их рассуждения о железнном занавесе были более точны в том смысле, что Советский Союз сдерживал себя сам. К середине 30-х годов внутренняя политика была направлена на изоляцию советского народа от западной культуры XX века и прежде всего от рыночных сил Запада. Но каковы бы ни были причины такой политики, не следует приуменьшать ее притягательность для широкого слоя людей, которые, впервые приобщившись к городской жизни, испытывали чувство неуверенности и опасения которых еще более укрепились в результате великого кризиса, разразившегося на Западе в 30-х годах.

Международные отношения американского народа были более сложными. С одной стороны, американские экономические институты были заинтересованы в экспорте капитала и многих товаров (включая продукцию американской культуры). Это означало, что американские идеи, культура и язык формировали мир, чего не мог-

ли делать русские в силу различий в экономических институтах и изоляционистской политики. В этом смысле экспансионизм был в гораздо большей степени свойствен Соединенным Штатам, чем Советскому Союзу, однако американский военно-промышленный комплекс играл при этом второстепенную роль.

С другой стороны, американский народ, как и русский, вступал в послевоенный период с чувством большой неуверенности. Джордж Вашингтон предостерегал от заключения обязывающих союзов во многом потому, что знал: вовлеченность в европейские конфликты может привести к расслоению нации, которая стремилась объединить европейских иммигрантов в единый американский народ [Lipset S. The First New Nation. The United States in Historical and Comparative Perspective. N.Y., 1963, p.65—66]. И действительно, вступление Америки в первую мировую войну вызвало сильные настроения против американцев немецкого происхождения, а дебаты между интервенционистами и изоляционистами в 30-х годах носили в основном характер этнического спора (прежде всего между американцами английского и еврейского происхождения, с одной стороны, и американцами немецкого и в меньшей степени ирландского происхождения — с другой). Франклин Рузвельт проявил себя как гениальный руководитель военного времени, когда предотвратил повторение настроений первой мировой войны, назначив деятелей с явно немецко-американскими именами на два самых важных военных поста: Дуайта Эйзенхауэра — командующим союзными силами в Европе и Честера Нимица — командующим тихоокеанским флотом³. Однако после войны американцы продолжали инстинктивно опасаться международных отношений, видя в них нечто нарушающее социальную ткань Америки, и в 1945 году Соединенные Штаты стали мировой державой, почти не располагая опытом обычного для великих держав взаимодействия по принципу «ты мне, я тебе».

К тому же чувство особой неуверенности возникло из-за того, что главный противник бросил Америке идеологический вызов. Американцы — выходцы из стран с самыми различными языками и политическими культурами. Иммигранты и их дети могут подсознательно чувствовать себя неуверенно в атмосфере новой идеологии, тогда как американцы в нескольких поколениях могут опасаться, что новая иммиграция затопит здешнюю культуру. (Нынешние опасения, что иммигранты из Латинской Америки будут продолжать говорить на испанском языке или что иммигранты из Азии потребуют заменить в колледжах учебные курсы по западной цивилизации на курсы по мировой цивилизации, далеко не так сильны, как опасения, существовавшие ранее.)

Даже европейскую социал-демократию американцы считали чуждой Америке, а к идеологическому вызову коммунизма отнеслись с таким страхом, что теперь в это трудно и поверить. Первые послевоенные годы представляются нам сейчас периодом, когда Соединенные Штаты возвышались над миром, лежавшим в руинах, однако в то

время американцы верили, что неудачи Соединенных Штатов можно объяснить лишь предательством своих коммунистов. (Следует напомнить, что маккартизм возник не по причине какой-либо предполагаемой советской угрозы, а из-за опасности со стороны американских коммунистов.)

Конечно, была объективная причина для идеологической нервозности. 1945 год отделяли от Великой депрессии тридцатых годов только семь лет, и многие считали, что она, возможно, снова повторится. Советский экономист Евгений Варга видел признаки двадцатых годов — короткий экономический спад в течение двух-трех лет, а затем спустя 10 лет серьезная депрессия. Многие на Западе соглашались с этим, включая финансовые круги Уолл-стрита. Несмотря на экономический бум конца сороковых годов, показатель деловой активности Доу Джонса оставался с августа 1945 до весны 1950 года на уровне 160 — 215 пунктов, каждый год возвращаясь к цифре 160. Покупатели акций верили, что обозначившийся рост доходов в эти годы скоро прекратится.

Если послевоенный период фактически предвещал Великую депрессию, то сталинская социалистическая система, возможно, выглядела очень привлекательно. Сегодня мы видим только депрессию тридцатых годов, но в 1945 году многие помнят очень быстрый промышленный подъем в Советском Союзе и то, что в этот период там была полная занятость. Сталинская система могла бы выглядеть для многих на Западе еще более привлекательно, если бы капитализм оказался не способным решить проблему экономического роста и технологического обновления, и никто как в Советском Союзе, так и на Западе не мог бы в 1945 году уверенным в исходе борьбы двух систем.

Итак, послевоенный период начался с того, что две державы, бывшие региональными в 1939 году, неожиданно превратились в сверхдержавы в эру абсолютно нового оружия, причем их население испытывало острый страх за свою безопасность. Это чувство было гораздо сильнее, чем страх перед военной политикой правительства другой страны, и трудно представить себе советскую или американскую политику, которая могла бы предотвратить развитие весьма напряженных отношений.

Правительственные связи в послевоенный период

Но если вы посмотрите ретроспективно на геостратегическое расположение и правительственные связи в послевоенную эру, то вы будете поражены не их огромной неопределенностью и нестабильностью, а напротив — большой стабильностью в индустриально развитом мире.

Сопоставим ее с более ранними периодами. Россия была союзницей Германии в 80-х годах прошлого века, а затем начиная с 90-х годов и до 1917 года вступала в союзы против нее. В 1922 году Россия стала тесно сотрудничать с Германией после Рапалло, однако с 1934

по 1939 год вновь поддерживала антигерманский союз с Францией. С 1939 по 1941 год проводилась диаметрально противоположная политика, а затем в июне 1941 года Германия вновь повернула ее на 180 градусов. Конечно, в системе союзов произошло и много других изменений, и в течение столетия до второй мировой войны границы европейских стран неоднократно изменялись. За последние 40 лет в промышленно развитом мире каких-либо изменений границ или союзнических обязательств не происходило вообще.

По существу, мы принимаем послевоенную геостратегическую стабильность в промышленно развитом мире как само собой разумеющуюся или относим ее на счет главного идеологического конфликта между капитализмом и социализмом. Однако резкий идеологический конфликт 20-х или 30-х годов текущего столетия не оказал подобного воздействия, и, на мой взгляд, геостратегическая стабильность стала определяющей характеристикой послевоенного мира.

Мне представляется, было бы весьма полезно оценить послевоенный период через призму исследования уроков истории, осуществленного Эрнестом Мэем [M а у E. «Lessons» of the Past. N.Y., 1973]. Генералы часто готовятся к прошедшей войне, и Мэй утверждает, что вообще все люди формируются под сильным влиянием важнейших событий их юности, которые и становятся конкретными «уроками истории», усваиваемыми часто слишком хорошо.

Какие крупные уроки прошлого можно было бы выделить как оказавшие воздействие на руководителей послевоенного мира? Фактически в этот период доминирующую роль играли два поколения. Первым было поколение Сталина—Молотова—Трумэна—Эйзенхауэра, родившихся в 90-х годах прошлого века. Вторым — поколение родившихся на 15—20 лет позже, поколение Брежнева—Громыко—Кеннеди—Рейгана.

Для представителей старшего из этих двух поколений главным уроком истории было то, что конфликты между Англией, Францией и Германией разрушили их жизнь, когда им было по 20 лет, а затем еще раз — в 40—50-летнем возрасте (включая, как было показано, и политическую стабильность в Соединенных Штатах). Младшее поколение помнило лишь об истоках второй мировой войны, однако помнило о них крепко. В 1941 году Брежневу было 35 лет, Громыко — 32, Рейгану — 29, а Кеннеди — 24 года.

Если посмотреть на послевоенный период ретроспективно, поражает, как хорошо были решены проблемы, беспокоившие в молодости эти два поколения, управлявшие послевоенным миром. В течение 40 лет Советский Союз осуществлял достаточный контроль над Восточной Европой, чтобы предотвратить конфликт, подобный тому, что стал искрой для первой мировой войны. Западная Европа и Япония признали Соединенные Штаты военным лидером, и убежденность в необходимости общей обороны против Советского Союза положила конец конфликтам в Западной Европе, которые привели к обоим мировым войнам. Несмотря на опа-

сения Запада, что превосходство Советского Союза в обычных вооружениях и размещение ракет СС-20 могут привести к «финляндизации» Европы, советские действия имели противоположный результат, а именно тот, который предсказывала «реалистическая» теория международных отношений: ощущение угрозы привело к возникновению направленного против нее союза, оказавшегося самым длительным военным союзом в истории.

Можно спорить о том, были ли эти черты послевоенного периода результатом целенаправленных действий. Лично я полагаю, что многие из представителей старшего поколения вполне отдавали себе отчет в том, что сделали, даже если и редко говорили об этом публично. Союз НАТО начался с требования Франции, чтобы Соединенные Штаты обязались сохранить свои силы в Европе при условии вывода французских войск из оккупационной зоны в Германии. И французы дали ясно понять, что не стремились к американской защите от русских в такой же мере, как к защите от немцев. Конрад Аденауэр был франкофоном из Рейнской области, он всегда с большим подозрением относился к Пруссии и очень стремился к германо-французскому примирению. Он также считал американское присутствие весьма полезным, и многие полагают, что на самом деле он не очень возражал против утраты Пруссии в пользу Польши и ГДР.

Я подозреваю, что многие из советских лидеров старшего поколения точно так же создавали свои приоритеты. В 1944 году Сталин сказал находившейся в СССР югославской делегации, что он предвидит еще одну войну с Германией через 15—20 лет [D j i l a s M. Conversations with Stalin. N. Y., 1962, p.115]. Его намерение разделить Германию, несомненно, было вполне осознанным, и он, возможно, проводил еще более макиавеллевскую политику, намеренно стремясь сохранить американский контроль над Европой⁴.

В послевоенной идеологии Сталина, несомненно, наблюдается интересное противоречие. Он всячески настаивал на том, что капиталистические правительства подчиняются монополистам своих стран и что войны между капиталистическими странами в силу экономических причин остаются неизбежными. Тем не менее он также считал, что Соединенные Штаты всецело господствуют в капиталистическом мире даже над такими правительствами, как правительство Неру в Индии и Моссадыка в Иране, которые заявляли о своем нейтралитете и даже об антизападной направленности. Но если капиталистические правительства подчиняются своим монополистам, а экономические факторы достаточно сильны, чтобы вызвать войну между капиталистическими странами, то почему они не должны согласиться с господством Америки? И если Соединенные Штаты по каким-то причинам достигли господствующего положения в капиталистическом мире, каким образом война между капиталистическими странами могла быть неизбежной?

Возможно, на самом деле Сталин имел в виду, что капиталистические страны сами по себе неизбежно начали бы войну, как это было в 1914 и 1939 годах, и что американское господство было желательным, чтобы избежать повторения. Когда Сталин отверг предложение об участии представителя СССР в голосовании Совета Безопасности, с тем чтобы наложить вето на интервенцию ООН во время корейской войны 1950 года, нельзя по крайней мере исключать, что он считал эту интервенцию полезной.

Точно так же политика, которой следовал Андрей Громыко, привела к укреплению западного союза. Некоторые считают это признаком некомпетентности, однако вряд ли можно оставаться на посту министра иностранных дел в течение 28 лет, если политика не обеспечивает целей, которые преследуешь ты и твои политические руководители. Вся риторика о «германском реваншизме», по-видимому, служила защитой целенаправленной политики. Из нее следовало, что ФРГ в отрыве от НАТО дестабилизировала бы ГДР, сильнее стремилась бы к ядерному оружию, что повысило бы вероятность опасных внутриевропейских кризисов. По этим причинам, как только Советский Союз обзавелся межконтинентальными ракетами и Западная Европа утратила свое военное значение в возможной советско-американской войне, такая политика стала не только ответом на «уроки прошлого», но и правильной политикой для Советского Союза с геостратегической точки зрения.

Изменения в отношениях между народами

Однако к середине 70-х годов возникли факторы, разрушающие основы послевоенного мира, причем не в межправительственной сфере, а в отношениях между народами.

Во-первых, конечно, в послевоенный период психологическая неустойчивость начала постепенно снижаться. Мир становился более привычным к ядерному оружию и уже начал понимать, что лучше покончить с авантюризмом, чем вести дело к нестабильности. Страх перед угрозой сталинизма по сравнению с привлекательной альтернативой западного образа жизни угасал по мере того, как становилось ясно, что Великой депрессии не будет и послесталинские советские лидеры полны решимости расстаться с наихудшими чертами сталинской системы.

Огромные изменения произошли в психологии русских людей. Малообразованные рабочие и крестьяне в начале этого века были напуганы быстрой ломкой их старого мира и экономической неопределенностью, вызванной опасностью голода и новыми действующими на них рыночными силами. Они были потрясены поражением России в русско-японской войне, а затем бедствиями первой мировой войны. Им не очень нравился сталинизм, но они не жаловались, ибо была полная занятость и защита от странных идей современного Запада.

Подростки периода гражданской войны — поколение Брежнева—Громыко — еще сохранили до конца своей жизни некоторую настороженность по отношению к Западу.

Однако к началу 50-х годов стало ясно, что русский народ изменился в корне. Юноши 50-х годов не боялись Запада, они стремились послушать западную популярную музыку, приобрести западную одежду и сувениры. Они хотели смотреть западные фильмы, совершать поездки за границу. В 1959 году один из западных наблюдателей советской действительности Эдвард Крэнкшоу сравнивал чиновника средних лет, поколения Брежнева, с молодыми служащими и специалистами, рожденными после 1924 года: «В настоящее время ничто в этом мире так не угнетает, как сравнение советских служащих в возрасте 40 и 60 лет. Огромной надеждой Советского Союза является молодежь, те молодые люди, которым меньше тридцати пяти лет... В дюжине профессий, в которых партия имеет особо жесткий контроль — в учреждениях Министерства иностранных дел, на юридической службе, в журналистике, экономике, в высшей гражданской службе, имеющей много подразделений, в вооруженных силах, в университетах, — всюду вы встретите хорошо одетых молодых людей, которым под тридцать, обычно они члены партии, спокойны и просты в обращении, часто с приятным, ироническим подходом к жизни и хорошо разбираются в различных реалиях действительности... Я говорю о сливках молодежи, начинающих подниматься в так называемых либеральных профессиях, на государственной и партийной службе. До последнего десятилетия подобные молодые люди могли лишь только мечтать о такой карьере» [Edward Crankshaw, *Khrushchev's Russia*, Baltimore; Penguin Books, 1959, p.90 — 91 and 130].

Бывшие двадцатилетними в 50-х годах к середине 80-х годов стали 50-летними. Молодые служащие, которых описал Крэнкшоу, стали такими людьми, как Горбачев и Шеварднадзе, выдвинутыми в члены Политбюро, а подростки 50-х годов оказались так называемыми консервативными бюрократами в возрасте до 55 лет. Советские интеллектуалы считают их консерваторами, но фактически они были непривилегированным административным аппаратом, средним классом, жаждущим зарубежных поездок и получения привилегий, какие имел административный аппарат капиталистического мира, с глубоким интересом к благам, которые можно позволить себе лишь при частной собственности. Подростки и двадцатилетние 70-х годов были детьми двадцать лет тому назад, когда состоялся XX съезд партии.

Американский народ также пережил опасные времена маккартизма и вновь обрел веру в свою систему и ценности. И несмотря на то что государственные устройства Японии, Южной Кореи и даже Соединенных Штатов были далеки от капитализма 20-х годов, в действительности это не беспокоило американцев. Реальные заботы даже американской буржуазии не представляли опасности для чистой капиталистической экономической системы, но они угрожа-

ли институту частной собственности и особенно индивидуальным ценностям плюрализма и политических институтов в «надстройке» капитализма.

Угрозы этой надстройке, исходившие от Советского Союза, кажется, исчезли с его поддержкой таких ценностей, как демократия, плюрализм и правовое государство.

В то же время смягчение конфликтов в Западной Европе привело к большей спаянности многих групп американцев европейского происхождения. Фактически различия между этими американцами стали такими несущественными, что им трудно рассматривать Англию, Францию и Германию как страны с особыми национальными интересами. Американцы европейского происхождения имеют в виду лишь Европу, поскольку ощущают себя достаточно единой группой — возможно, группой белых в отличие от чиканос и американцев азиатского происхождения.

В то же время, когда менялась психология советского и американского народов, менялся и экономический мир, в котором они жили. Советская экономическая модель, развивающаяся после 1929 года, базировалась на полной изоляции от мировых рыночных сил. На практике эта изоляция означала полный протекционизм для советской промышленности. По сравнению с таким уровнем протекционизма Япония выглядит страной абсолютно свободной торговли. Даже когда Советский Союз импортировал технологию, советские производители не теряли сбыта и не были вынуждены повышать качество своих товаров для успешной борьбы с иностранной конкуренцией (а в этом-то и заключается главная выгода от импорта иностранных товаров для страны с большим внутренним рынком). В отличие от ведущих японских фирм советскую промышленность ничто не заставляло экспортировать товары на открытые для конкуренции рынки, а поэтому в отличие от производителей из ГДР, которые торговали на рынке ФРГ, советским производителям не нужно было повышать качество своих товаров, чтобы противостоять конкуренции. Советский Союз не допускал ни иностранных инвестиций у себя, ни советских инвестиций за рубежом, что приводило к таким же последствиям. Полный протекционизм принес результаты, которые предсказывает любой западный учебник по экономике: низкое качество продукции, низкие темпы технического обновления и отсутствие реакции на запросы потребителей.

В это самое время зарубежные экономические связи на Западе менялись коренным образом. Первоначально транснациональные корпорации имели два типа предприятий за рубежом: одни добывали сырье за рубежом с последующей переработкой его дома, другие создавали небольшие предприятия — дублеры домашних предприятий по производству продукции для зарубежного рынка (как правило, продуктов или потребительских товаров).

Однако в последние десятилетия транснациональные корпорации стали по-настоящему транснациональными в своем производстве.

Корпорации начали производить продукцию за рубежом, где это было наиболее экономично. Так, отдельные части для американского воздушного авиалайнера производились в различных странах. Например, носовой конус для самолета «боинг» производился в Китайской Народной Республике. Некоторые корпорации, например «Найкшус», производили всю свою продукцию за рубежом и импортировали ее в свою страну.

Последствием этого интернационального производства было не только получение дома большого количества недорогостоящих товаров, но и массовая передача управленческого опыта, самого важного аспекта «технологической передачи», странам «третьего мира». Уменьшились проблемы конвертируемой валюты, так как страна, имеющая ее мало, могла разрешить корпорациям экспортировать компоненты в качестве своих «прибылей» вместо валюты (некоторые быстро развивающиеся страны, такие, как Южная Корея и Тайвань, не имеют конвертируемой валюты).

В послевоенный период в социалистическом мире продолжался подъем (советская экономика была мощнее японской, а по некоторым расчетам — японской и германской, вместе взятых), но качество управления и продукции повышалось медленнее, чем в капиталистическом мире. Социалистическая идеология была рассчитана на то, что социализм и планирование создадут условия для большего технологического выбора, чем капитализм, но в ходе последующих событий был нанесен удар по закономерности старой социалистической идеологии, что весьма осложнило интеграцию социалистических стран в мировую экономику. Капиталистический мир сильно изменился, поэтому для реинтеграции в мировую экономику потребовались более решительные меры, чем в первые послевоенные годы.

Изменения в отношениях между правительствами

Русский и американский народы обрели большую самостоятельность в мышлении. Три важных изменения в геополитических реальностях мира определили действия правительств.

Во-первых, лидеры послевоенного периода проявили необычайную настойчивость в решении основной задачи, которая стояла перед ними в 1945 году. Европейцы (а я включаю в их среду американцев и русских) покончили с 400—500-летним периодом средствами, которые казались немыслимыми в 1939 или 1945 годах. От реки Эльбы до Калифорнии был создан общий европейский дом, в котором мирно проживало 600 миллионов европейцев. Советская угроза способствовала предотвращению конфликтов, которые вызвали первую, вторую мировые войны и положили начало подготовке к третьей мировой войне. Многие американские лидеры были очень обеспокоены исчезновением угрозы с приходом Горбачева, и действительно, возможность возникновения военных конфликтов в Западной Европе стала

настолько мала, что отпала необходимость в столь долго остававшихся огромными военными расходах из-за советской угрозы.

Эти финансовые соображения оказались особенно сильны у советской стороны.

Если в определенном смысле в промышленно развитом мире существовал некий советско-американский союз с целью сохранения результатов второй мировой войны, то Советский Союз нес в нем непропорционально большие издержки, финансовое бремя. После того как к концу 60-х годов опасная напряженность в Европе в основном была устранена и в 1972 году закончилась война во Вьетнаме, единственным оправданием неизмеримо более высоких советских военных расходов были внутрисполитические соображения Леонида Брежнева: пока Запад продолжал говорить о советском военном превосходстве, оппонентам Генерального секретаря сложно было утверждать, что при его руководстве советская мощь уменьшалась, как это было в последнее десятилетие его жизни. Теперь же советское руководство, так же как и китайское, похоже, намерено направить ресурсы из военной области на модернизацию экономики, а достичь этого можно лишь сокращением расходов на обычные вооруженные силы. Поэтому мне представляется, что Советский Союз вряд ли смирится с еще одним десятилетием бесплодных венских переговоров по обычным вооружениям.

Во-вторых, создание общеевропейского дома в Западной Европе и Соединенных Штатах изменило поле деятельности, особенно для Советского Союза. Несмотря на огромные проблемы, созданные Японией в первой половине XX века, обе страны, как Советский Союз, так и Соединенные Штаты, были сильно обеспокоены угрозой и потенциалом, сконцентрированным в Европе. Сегодня на горизонте Европы нет такой геостратегической угрозы. Этот фактор имел огромное значение для Советского Союза, который больше не нуждался в военных буферных государствах в Центральной Европе, какими были Польша и Чехословакия. Если отбросить психологический аспект, теперь для Соединенных Штатов и Советского Союза вовсе не представляется геостратегически важным, будет ли объединенная Германия членом НАТО, нейтральной страной или членом Варшавского Договора.

Но имеется еще более важный аспект. Реалистическая теория международных отношений, в центре внимания которой была необходимость сохранения баланса сил против потенциальной угрозы, никогда не уделяла достаточно внимания фактору времени, но именно он является решающим в геостратегическом мышлении.

Если потенциальная угроза является фактором ближайшего времени, как это было в конце 30-х годов, то государства должны с этим считаться. Они должны создавать союзы независимо от классовой структуры и политического строя потенциального союзника, тратить огромные средства на производство вооружения, которое они вскоре смогут использовать.

Если время угрозы и даже ее источник недостаточно четко определены, как это было на протяжении всего послевоенного периода, то оборонная политика становится некоторым компромиссом. Необходимо иметь крупные силы, способные к быстрой мобилизации в случае чрезвычайного положения, как, например, США во время берлинского кризиса 1948 года и в 1958—1961 годах или где-то в «третьем мире» или СССР во время революций в странах Центральной Европы или нападения на границе со стороны Китая. Несмотря на то, что роковая опасность непосредственно не нависала, США и СССР вынуждены были бы выделить огромные ресурсы на дорогостоящую модернизацию оружия и развитие военной промышленности для того, чтобы справиться с возможной опасностью в будущем.

Но хотя и не было этой опасности, целью проводимой США геостратегической политики во второй половине XX столетия было: сохранять военные расходы на низком уровне и направлять огромные ресурсы на экономическое развитие, чтобы модернизировать промышленную базу для производства оружия на тот возможный период, когда возникнет угроза. К тому же, несмотря на память о британском колониальном владычестве и войне с этой страной в 1812 году, США поддерживали дружеские отношения с Великобританией, рассматривая ее как союзника на случай будущей угрозы. В целом это была политика, целиком подчиненная геостратегическим интересам Соединенных Штатов в XX столетии.

Если за эти годы ничего не случится, США и СССР пока имеют одинаковые геостратегические интересы в отличие от тех, что были у США век тому назад. Ни одна из сверхдержав ныне и в ближайшем будущем не стоит перед большой опасностью.

Если мы обратим свои взоры в середину XXI века, то вполне возможно, что Китай и Индия с населением свыше миллиарда человек каждая станут поистине военными сверхдержавами. Мы можем надеяться, что они не повторят ошибок европейских держав и не вступят в опасное соревнование за доминирование в Азии, и мы должны сделать все возможное, чтобы помочь им развиваться в благоприятном направлении. Реалистическая теория баланса сил в международных отношениях предполагает, что эти страны в первую очередь подумают об этом сами, учтут опыт других стран и свои сегодняшние намерения. Тем более, что характерная для них большая экономическая, этническая и социальная напряженность может однажды привести к непредсказуемым политическим переворотам.

В заключение необходимо отметить, что объективная реальность ведет к тому, чтобы Советский Союз и Соединенные Штаты, перед которыми сейчас нет опасности, заглянули в далекое будущее. Если сверхдержавы когда-нибудь будут иметь более миллиарда населения в каждой, то, возможно, европейцам следует подумать об этом. Запад уже создал общеевропейский дом, в котором от Эльбы до Калифорнии проживает 600 миллионов европейцев, поэтому должно быть естественным для европейцев, живущих на восток от Эльбы, стремление

приобщиться к дому западнее Эльбы и действовать в этом направлении.

Будущее

Легко увидеть многие факторы, которые размыли структуру послевоенного периода и сделали ее замену неизбежной. Но нелегко выявить черты их будущего развития, особенно в ближайшие и более отдаленные сроки.

Имеет место одна проблема в прогнозировании советского поведения. Многие аспекты советского мышления совершенно ясны, особенно в военной области. Черты нового мышления в зарубежной экономической сфере также просматриваются, но решительность и скорость, с которыми Советский Союз интегрируется в мировую экономику, оставляют желать много лучшего. Несомненен тот факт, что за пятилетний период изменения в зарубежных экономических отношениях незначительны, и можно представить, что к 2000 году они останутся такими же. А СССР с экономическим потенциалом в 3 триллиона долларов является китом, который, к сожалению, действует как мелкая рыбешка. Если СССР поймет, что в экономическом отношении он сверхдержава, и сразу начнет вести себя в соответствии со своим положением, то это коренным образом изменит структуру зарубежных экономических взаимоотношений и управление ими. Поживем — увидим.

Другой загадкой является экономическое положение капиталистического мира в 90-е годы. Можно возразить, что капиталистические страны научились хорошо управлять экономическим ростом и что 90-е годы явятся продолжением 80-х годов. И действительно, новые рынки в Центральной Европе и эффективность интеграционных процессов ЕЭС создали предпосылки для ускоренного роста. Можно добавить, что советская угроза явилась отрицательным фактором в управлении экологическими процессами Запад—Восток и что эти процессы ждут еще большие трудности. Можно предположить, что чрезвычайные успехи на японской бирже и рынке этой страны в сочетании с огромным долгом США и стран Латинской Америки вызовут мощный экономический кризис. Экономическое положение на Западе, очевидно, затронет международную политику, международные экономические отношения и внутреннюю политику всех стран мира по мере разрывания этих отношений.

Американская реакция на развитие событий в Советском Союзе также остается в чем-то непредсказуемой. Американцы не могут поверить в то, что изменения действительно происходят в Советском Союзе, и поэтому многие впадают в крайность, считая неизбежной полную дезинтеграцию не только социализма, но и Советского государства.

Многие деятели из администрации Рейгана считали, что они способны дестабилизировать советскую систему, и в своей политике сле-

довали этой цели. Администрация Рейгана отказалась ответить на советские предложения о контроле обычных вооружений, считая, что это снизит напряженность в советской экономике. Она продолжила проталкивать стратегическую оборонную инициативу (СОИ), пытаясь (по заявлению Рональда Рейгана) заставить Советский Союз пойти на адекватные шаги и тем самым подорвать его экономику. Она оказывала сопротивление всем попыткам улучшения советско-американских экономических отношений.

Для администрации Буша противником является «нестабильность и непредсказуемость», поэтому даже вице-президент от консервативной партии Дэн Куэйл высказал опасение, что дезинтеграция Советского Союза может привести к тому, что ядерное оружие и ракеты окажутся в непредсказуемых и опасных руках. Проблема состоит в том, что конец послевоенного периода неизбежно означает непредсказуемость, и поэтому администрация Буша стремится сохранить значительное американское военное присутствие на Европейском континенте и на Тихом океане, пытаясь стабилизировать структуру послевоенного периода. Очевидным решением проблемы для администрации Буша является общее с Советским Союзом взаимоконтролируемое сокращение вооруженных сил. При этом кажется, что Советский Союз стремится к более полному и быстрому сокращению, чем администрация Буша. Возможно, Советский Союз в решении вопроса о переговорах обгонит США, и это создаст чувство нестабильности и принудит администрацию Буша к действиям.

Аналогичной является и советская экспортная политика, которая базируется на низких ценах на товары, во-первых, из-за их низкого качества, а во-вторых, из-за предоставления льготных условий для дружественных стран путем установления низких тарифов на товары. Полная советская интеграция в области экономики предусматривает скрытность технологических связей, которая возможна только при условии резкого снижения технологического контроля.

Легко представить себе сценарий, в котором «наказание» Соединенными Штатами советского поведения, скажем, коснулось бы Литвы, что привело бы к затруднениям в проведении переговоров по экономическому договору между двумя странами, поэтому в их политических взаимоотношениях в это время решающих испытаний необходимо учитывать также Германию. Легко представить себе, что произошло бы с принимаемыми решениями, если бы они не оставались оптимальными на долгий срок действия...

В течение длительного времени США стремились сохранить достигнутый союз с западными странами. В экономической войне, как и в ядерной, обе стороны несут потери, нанесение экономических ударов противнику означает, что в результате интернационализации мировой экономики эти удары обернутся потерями и в своей собственной стране.

Одной из неотъемлемых черт периода трансформации являются трудности в прогнозировании. Одной из положительных черт этого

периода является возможность предсказания будущего в общих чертах. Наша задача — понять наши цели и попытаться сделать все, чтобы они были осуществлены. Ясно, что создание общеевропейского дома от Эльбы до Калифорнии является великим достижением и все европейцы, включая американцев и русских, проявляют к нему ягучий интерес...

С моей точки зрения, сегодня мы далеки от создания общеевропейского дома и война между русскими и европейцами (включая американцев в США) немыслима к концу этого века, как и война между немцами и англичанами. Наша задача в 90-х годах заключается в том, чтобы создать институты, которые помогли бы быстрому сокращению размеров вооруженных сил, противостоящих друг другу в Центральной Европе, с сохранением стабильности в Западной и Центральной Европе до достижения стадии объединения в будущем. В середине 80-х годов Михаил Горбачев несколько раз цитировал лорда Пальмерстона: «Англия не имеет вечных друзей и вечных врагов, но имеет только вечные интересы». Если мы будем твердо придерживаться этого и четко осознавать наши интересы, то мы обрeтем ту политику, которая будет наилучшим образом служить нам.

Примечания

¹ См. его статью в «Правде», опубликованную 21 и 22 апреля 1945 г. Ответ Вышинскому с жестких позиций был дан главным редактором «Правды» Петром Поспеловым в статье, опубликованной 22 и 23 апреля.

² См., например, прекрасную статью Э. Бурджалова, опубликованную в № 4 журнала «Коммунист» за 1953 г. в связи со смертью Сталина. Бурджалов, бывший в то время лектором Высшей партийной школы и работавший в тесном сотрудничестве с Маленковым, в статье на первый взгляд превозносил Сталина, однако, по сути, он пересматривал его внешнюю и (косвенным образом) внутреннюю политику и даже намекал, что последняя работа Сталина по вопросам идеологии была ошибочной и меньшевистской. Содержание этого номера журнала «Коммунист», подписанного к печати в то время, когда Маленков был секретарем Центрального Комитета и Председателем Совета Министров, в принципе представляло собой перечень реформ в различных областях на следующее десятилетие.

³ Пытаясь понять политику друг друга, Соединенные Штаты и Советский Союз сталкиваются с колоссальными трудностями в силу основополагающих различий между обеими странами в национальном вопросе. Например, армяне, живущие в Нагорном Карабахе, настаивают на сохранении армянского языка и культуры, в то время как армяне, уехавшие в Соединенные Штаты, полностью соглашаются с тем, что их дети и внуки ассимилируются в англоязычной культуре. Каждая из этих различных моделей вызывает к жизни мощные политические императивы, однако они настолько отличаются друг от друга, что одна страна вряд ли сможет понять другую.

⁴ «Уроки прошлого» также важны для понимания более ранних решений Сталина. Сталин, несомненно, помнил, что мобилизация 1914 года неизбежно вела к войне, и он усвоил этот урок столь прочно, что отказался провести мобилизацию до июня 1941 года, когда он должен был бы сделать это.

В поисках нового мышления. О политике СССР в отношении Японии

I

На фоне продолжающегося ухудшаться экономического положения нашей страны, обострения ее внутренних — социальных, идейно-политических, межнациональных — проблем и адекватной этим процессам поляризации общественных сил сфера внешней политики выглядит сегодня как наиболее благополучная. Именно здесь достигнуты реальные большие успехи, прямо и непосредственно ассоциируемые с преобразованиями перестройки. Закончена позорная война в Афганистане, подписан советско-американский договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, нормализованы отношения с Китаем, практически подтверждена приверженность СССР принципу полной свободы выбора путей и форм развития всеми без исключения странами мира. Существенно изменился к лучшему имидж СССР в мире, позитивные сдвиги заметны во всем комплексе наших внешних связей.

Столь очевидная асимметрия результатов вполне объяснима. Внутренняя политика и экономика — это сложнейшие многофункциональные системы, в каждой из которых на разных уровнях участвуют сотни и тысячи акторов (предприятий, учреждений, организаций, отдельных людей), в конечном счете все население страны. Цена одной конкретной ошибки здесь достаточно велика, но все же относительна, ибо и внутренняя политика, и экономика складываются из огромного множества факторов. К тому же и последствия ошибок сказываются часто не сразу. В силу этого провал в экономике или кризис во внутренней политике возникает чаще всего как результат накопления многих ошибок, просчетов, порожденных неверными общими установками, то есть стратегией. Поэтому устранение последствий одной, даже очень серьезной ошибки не ведет к немедленному улучшению общего положения в стране. Преодоление внутреннего кризиса — это в первую очередь вопрос разработки и реализации новой стратегии.

Внешняя политика носит во многом иной характер. В масштабах одного государства это не система, а всего лишь курс, в осуществлении которого участвует весьма ограниченное число акторов. Трудности и неудачи внешней политики, конечно, тоже обусловлены неверными концепциями, но конкретные ошибки видны здесь гораздо от-

четливее, чем во внутренней. Порой бывает достаточно одного неверного шага, чтобы внешняя политика оказалась в предкризисном состоянии. Ну, а если несколько крупных ошибок накладываются одна на другую, как это произошло в СССР во второй половине 70-х годов, кризис внешней политики государства неизбежен.

Централизация и, соответственно, управляемость внешней политики неизмеримо выше, чем внутренней: важные решения принимаются здесь только высшими руководителями государства. Поэтому для выхода из кризиса часто бывает достаточно исправить конкретные ошибки. Сделать это, конечно, непросто. От принимающих решение требуется немалое политическое мужество. Велика цена и возможной новой ошибки. Однако, если «лечение» выбрано правильно, улучшение наступает достаточно быстро. Что, собственно, и произошло в нашей стране. В результате сегодня налицо улучшение внешнеполитического положения СССР. Но наступило ли полное выздоровление советской внешней политики? Иными словами, избавились ли мы от груза прошлых ошибок, застрахованы ли от совершения новых? Ведь всем понятно, что ошибки, которые пришлось срочно исправлять новому советскому руководству, возникли не на ровном месте. Все вместе и каждая в отдельности они были порождены порочной стратегией или даже ее отсутствием. А коль скоро так, то не заслоняют ли имеющиеся внешнеполитические успехи проблем, накопивавшихся во внешней политике СССР годами? Проблем, связанных с пониманием окружающего мира, с осмыслением интересов и целей, с рутинной повседневной дипломатической работой?

Слова «новое политическое мышление» вошли в наш лексикон недавно и быстро завоевали популярность. А популярность, как известно, вещь далеко не безопасная, ибо нередко ведет к упрощению сложного понятия, в конечном счете к его замене лозунгом. В самом деле, мы, не замечая того, начинаем наделять новое политическое мышление некоей магической силой. Все, что предпринимает СССР в области внешней политики сегодня, мы связываем с новым политическим мышлением. Как же, однако, быть с теми направлениями внешней политики, где успехов пока нет? Велико искушение, как обычно, обвинить в отсутствии результатов наших партнеров: дескать, именно они не проявили пока нового мышления. Они, очевидно, не без греха. И все же причины топтания на месте следует в первую очередь искать в себе самих.

Чтобы приблизиться к пониманию этих причин, уместно поставить такой вопрос. Было бы решение о выводе советских войск из Афганистана столь быстрым и окончательным, если бы положение наше там было чуть менее катастрофическим, если бы продолжение войны не сказывалось столь отрицательно на наших внешнеполитических позициях в мире в целом? Или другой вопрос. Согласились бы мы на полную ликвидацию ракет средней и меньшей дальности (на так называемый «двойной ноль»), если бы, скажем, европейские партнеры США по НАТО в силу каких-то причин отказались от раз-

мещения соответствующих американских ракет на своей территории? Моделирование ситуации задним числом — дело неблагоприятное. И все же мне кажется, что в обоих случаях ответ был бы отрицательным. Не вывели бы войска. Не пошли бы на «двойной ноль». Причина в том, что в этих случаях и проблема Афганистана, и проблема РСМД не приобрели бы столь отчетливо кризисный характер. В силу особенностей нашей системы, в частности ее «зацикленности» на центр во всем, от объявления войны до снабжения населения мылом, наше руководство всегда было перегружено заботами сверх всякой мыслимой меры. Думается поэтому, что тем более в годы перестройки нашлись бы у него дела поважнее.

В итоге получается парадокс: для проявления нового политического мышления нам непременно нужен кризис и полный тупик прежней политики. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Но внешняя политика, как и политика вообще, не может быть цепью преодоления кризисных ситуаций. Она немыслима без четкой перспективы и комплексности, в противном случае ее успехи будут, во-первых, фрагментарными, а во-вторых, запаздывающими.

Ни минуты не сомневаюсь, что при нынешнем руководстве мы гарантированы от повторения крупных трагических ошибок во внешней политике. Но, во-первых, руководство рано или поздно меняется, и, стало быть, без серьезной реформы всех надстроечных институтов гарантии могут оказаться в будущем не столь прочными. (Политической системе государства нужен механизм, называемый в электронике «защитой от дурака». Это, впрочем, из области внутренних преобразований.) А во-вторых, не видно гарантий от менее крупных и трагических, рутинных ошибок в ситуациях, где нет осязаемого кризиса и где, следовательно, необходимость решительных и радикальных шагов не осознается достаточно отчетливо. Не означает ли это, что внешнеполитические позиции СССР будут подтачиваться и впредь, только менее интенсивно?

Выход видится в том, чтобы бесповоротно избавить новое политическое мышление от присущего ему ныне иерархического характера, при котором революционные идеи генерируются только на самом верхе. Поступая затем в низовые звенья внешнеполитического аппарата, они дают толчок к разработке необходимой инфраструктуры новой позиции. Обратного движения почти не бывает. А между тем именно узкие специалисты призваны разбираться в своей проблематике, кому, как не им, предвидеть надвигающийся кризис в ситуации, которая внешне может казаться вполне удовлетворительной. Иными словами, инициатива выдвижения новых идей в неявно кризисных ситуациях должна, видимо, принадлежать профессиональному аппарату внешней политики.

Как, однако, добиться этого, если право принятия внешнеполитических решений в любой, даже самой идеальной системе — прерогатива высшего руководства страны¹. Ведь объективно это ведет к выработке у аппарата стойкой склонности к конформизму: главным кри-

терием целесообразности новой идеи становится не столько ее оптимальность, сколько приемлемость для руководства. Под тем же углом зрения анализируется аппаратом и поступающая информация. Возникает замкнутый круг, где информация препарируется и фильтруется в соответствии со взглядами руководства, что еще больше убеждает последнее в правильности этих взглядов. Аналогичная тенденция характерна и для отечественных научных исследований. В описанных условиях носителем оптимальной идеи может стать разве что «самоубийца», готовый рискнуть своим положением, бросив вызов всему аппарату, состоящему, кстати, из вполне компетентных специалистов. Выходит, вся надежда на таких «самоубийц»-одиночек. Надежда, впрочем, весьма призрачная, ибо взгляды одиночки либо вообще не дойдут до политического руководства страны, либо их перевесят суждения большинства специалистов. При этом противостоять новой идее чаще всего будут отнюдь не беспринципные карьеристы, а люди, искренне верящие в свою правоту, опирающиеся в своей вере на множество заведомо бесспорных для себя истин.

Среди главных причин несоответствия между организационной структурой и эффективностью внешней политики следует назвать, во-первых, отсутствие адекватных представлений о ее объекте, то есть конкретной стране, во-вторых, вытекающую отсюда невозможность выработки оптимальных целей и средств.

Новое политическое мышление претворяется в жизнь пока во многом на ощупь. На уровне общих деклараций мы говорим, например, о необходимости поиска баланса национальных интересов, признавая, что такие интересы реально имеются у любого государства, в том числе и капиталистического. На практике же сплошь и рядом не готовы без соответствующих руководящих указаний воспринять ту или иную позицию страны-партнера как отражающую ее национальные интересы. Утверждаем, что реальный вес государства на международной арене все меньше определяется его военной мощью. Но продолжаем порой расставлять страны мира по этому отжившему ранжиру. Провозглашаем деидеологизацию внешней политики, но, хотя и меньше, чем раньше, руководствуемся идеологическими мотивами при оценке наших партнеров. Развенчиваем сталинизм во всех его проявлениях, но с огромным трудом признаем его конкретные внешнеполитические ошибки и преступления, по-прежнему исходим из идеологической близости нам ортодоксально сталинистских партий и режимов за рубежом. Строим правовое государство, но оказываемся не в состоянии даже допустить мысль о юридической неправомерности собственных прошлых действий. Наконец, крайне редко применяем формирующиеся объективные критерии оценки капитализма при анализе положения в конкретных странах. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку лишает возможности понять, кто есть кто на политической арене страны-партнера.

Существо проблемы можно сформулировать как необходимость борьбы с пережитками сталинизма в области внешней политики. За

годы перестройки немало сказано о преступлениях И.В. Сталина и его режима перед нашим народом. Здесь, казалось бы, уже не осталось темных пятен: скрупулезному анализу подвергся едва ли не весь жизненный путь диктатора. Сегодня кое-кого уже раздражают продолжающиеся разоблачения. Поговаривают даже, что критика прошлого нужна нынешнему руководству, чтобы отвлечь внимание общественности от собственных неудач, получить на них некую индульгенцию. Доля истины в таком восприятии антисталинской темы, возможно, и есть. Но именно доля, и притом небольшая. Гораздо важнее, что сплошь и рядом критика сталинизма сводится к критике самого И.В. Сталина. Культ личности уже давно превратился в своеобразный культ антиличности, под сенью которого, хотелось бы сказать, доживают свой век, но нет, благополучно здравствуют постулаты сталинской политики. И вот здесь действительно возникает впечатление, что, сводя все к критике И.В. Сталина, мы невольно (а возможно, и намеренно) оберегаем эти постулаты. А ведь именно они мешают перестройке буквально на каждом шагу. Это и отождествление социализма с его командной моделью, и идеализация вссобщей уравниловки, и идеологическая призма, через которую норовят рассматривать проверенные мировой практикой экономические и политические концепции. Аналогичная картина наблюдается в области внешней политики, где борьба с пережитками сталинизма требует критического осмысления, ревизии буквально каждого шага страны на международной арене. Особенно сложно сделать это применительно к последнему периоду, поскольку его перипетии напрямую связаны с современностью, одни уже давно оторвались от личности И.В. Сталина, другие же никогда прямо и не ассоциировались с ней.

Из сказанного ясно, что новое мышление еще не стало практической системой взглядов, руководством в повседневной работе, существует пока как политическая надстройка здания внешней политики. Чрезвычайно показателен в этом смысле пример политики СССР в отношении Японии. Пример настолько типичный и поучительный, что, если бы он не существовал в реальной жизни, его следовало бы выдумать.

II

Как известно, Япония потерпела сокрушительное поражение во второй мировой войне и в соответствии с логикой сталинской внешней политики, которой весьма добавила сил эйфория от великой победы, оказалась списана нами в третьеразрядные государства. На территории Японии не была создана советская оккупационная зона: с самого начала там заправляли американцы. В условиях взаимной психологической и политической настроенности СССР и США на bipolarное соперничество это обстоятельство предопределило наше не просто нейтральное, но активно отрицательное отношение к Японии. С другой стороны, как азиатская страна, сохранившая массу феодаль-

ных пережитков и отличавшаяся высоким уровнем концентрации производства и эксплуатации трудящихся, Япония явно рассматривалась как созревшая для социалистической революции. Тем более, что рядом находился Китай, где движение к такой революции шло весьма быстро и скоро закончилось провозглашением КНР. Тот факт, что в Японии ничего подобного не произошло, был однозначно объяснен американским господством. Восприятие Японии как фактической американской колонии утвердилось в советской внешней политике очень основательно. Это в свою очередь полностью исключило возможность даже незначительного объективного анализа послевоенных преобразований Японии советскими обществоведами в годы сталинской диктатуры. Мощный импульс к оптимальному экономическому, социальному и политическому развитию, который получила Япония в годы американской оккупации и в последующее десятилетие, остался в итоге незамеченным.

Первая попытка развенчать сталинизм, предпринятая Н.С. Хрущевым, почти не затронула философские основы и идеологию нашей внешней политики. Разве что поставила более четкий акцент на «солидарности» с народами Азии и Африки, борющимися против господства американского и любого другого империализма. Такой акцент предполагал сочувствие и поддержку народов этих стран и классификацию их лидеров по степени враждебности к США. Поэтому не было ничего удивительного в том, что японские лидеры, твердо ориентировавшиеся на союз с США, продолжали восприниматься нами как марионетки.

Экономическое развитие Японии в 50-е годы, да и в начале 60-х годов тоже интересовало нас мало: лишенная природных богатств страна была, казалось, обречена на прозябание. Первые экономические успехи Японии объяснялись высокой степенью эксплуатации трудящихся масс, что в нашем тогдашнем понимании лишь приближало революционный взрыв. Сам же этот взрыв рисовался нами как направленный против не только своих, но и американских капиталистов. Здесь снова уместно сказать, что антиамериканский подтекст нашего отношения к Японии породил немало ошибок в действиях советской стороны, причем нередко чисто эмоционального свойства.

В 1956 году СССР восстановил дипломатические отношения с Японией. Таким образом, грубая ошибка сталинской политики, выразившаяся в отказе от подписания в 1951 году Сан-Францисского мирного договора с Японией, была частично исправлена. Сам по себе этот факт можно было только приветствовать, но стоит вдуматься в обстоятельства восстановления отношений, точнее, в нашу мотивацию. К началу советско-японских переговоров в Японии произошла смена кабинета. Проамерикански настроенного премьер-министра С. Иосида сменил И. Хатояма, человек, биография и взгляды которого вряд ли вызвали бы у нас особый энтузиазм, если бы не его вполне отчетливое стремление отдалиться от США. Стремление это было продиктовано отчасти соперничеством с С. Иосида, отчасти традиционными

националистическими убеждениями, а в чем-то и личными мотивами. Ведь в годы оккупации И. Хатояма подвергся чистке как военный преступник. Кто, однако, задумывался тогда о мотивах И. Хатояма? Важен был факт некоторого отхода Японии от США, видимо единственно расценивавшийся как начало необратимого процесса. В таких условиях мы с легким сердцем пошли на подписание Совместной декларации о восстановлении дипломатических отношений, включившей знаменитое ныне обязательство СССР передать Японии острова Хабомаи и Шикотан сразу после подписания мирного договора. Строго говоря, в этом обязательстве не было ничего предосудительного. Скорее наоборот, оно было вполне оправданно и как совершенно необходимый для восстановления дипломатических отношений шаг, и с точки зрения элементарной справедливости: Хабомаи и Шикотан не принадлежат к Курильской гряде, от прав на которую Япония отказалась по Сан-Францисскому договору. Однако дальнейшее развитие событий со всей очевидностью показало, что упомянутое обязательство мы были склонны рассматривать как некий «аванс» Японии за дальнейший отход от США.

В 1960 году Япония заключила с США новый договор о взаимных гарантиях безопасности. Это событие было воспринято нами чрезвычайно болезненно. Последовали заявления советского правительства, аннулирувавшие положение о передаче островов Хабомаи и Шикотан. Юридическая неправомерность таких действий сегодня очевидна. Никто не вправе в одностороннем порядке отказываться от обязательства, вытекающего из двустороннего соглашения, равно как никто не может диктовать суверенному государству, какой договор с третьей страной заключать, а какой нет. Все это, впрочем, никак не помешало СССР вплоть до настоящего времени настаивать на справедливости заявления о невозможности передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан. Больше того, постепенно из нашей позиции исчезла даже сделанная в 1960 году оговорка, обуславливавшая возвращение к обязательству о передаче островов полным выводом иностранных (т.е. американских) войск с территории Японии. Отказ СССР от выполнения своего договорного обязательства приобрел тем самым безвариантный характер.

Почему и ради чего мы пошли на столь явное нарушение общепринятых норм международного права? Не хотелось бы, да и нельзя сводить объяснение лишь к проявлению великодержавного высокомерия, хотя наивная в своей прямоте уверенность в том, что великой державе и в самом деле разрешено если не все, то очень многое, еще долго наблюдалась и в других внешнеполитических шагах СССР. Более конкретная и важная причина состояла, как представляется, в эмоционально упрощенном, а в конечном счете и неверном восприятии японо-американского союза. Упомянутые заявления Советского правительства возникли не на пустом месте, они были сделаны под впечатлением массовых выступлений японцев против договора безопасности. Казалось бы, все шло по предвиденному нами сценарию.

Антиамериканские настроения, которые мы «уловили» в середине 50-х, наконец вылились едва ли не в народное восстание. Но антинародное правительство не выказало намерения считаться со столь явно выраженными интересами трудящихся. Вот она, классическая революционная ситуация, в которой наши симпатии были, естественно, на стороне участников антиправительственных выступлений. О какой же верности договоренностям с правительством антинародным и «марионеточным» могла идти речь в таком случае?

Конечно, в 1960 году мы не придали значения тому, что в правовом демократическом государстве, которым все более становилась Япония, кроме массовых демонстраций, существуют и иные, упорядоченные парламентские процедуры принятия международных договоров. Сейчас, когда новый советский парламент сам сталкивается с проблемой «большинство — меньшинство», перипетии ратификации договора безопасности были бы нам, наверное, более понятны. Тогда же мысль о том, что правящая партия, имея большинство в парламенте, вправе проводить через него необходимые решения, считалась крамольной, а возможно, и была недоступна для понимания.

Мало кто задумывался и о том, что выступления японцев против договора безопасности приобрели массовый характер в значительной мере благодаря участию в них политических сил, не имевших между собой, помимо неприятия договора, ничего общего. Много позже, когда один из лидеров борьбы 1960 года И. Симидзу выступил с призывом к Японии обзавестись собственным ядерным оружием, стать великой военной державой, мы были склонны считать его перерожденцем, чуть ли не предателем дела революции. А между тем ничего неожиданного в поведении И. Симидзу не было. Он всегда был японским националистом, отнюдь не помышлявшим о «пролетарской революции». Борьба против договора безопасности в 1960 году объединила левых и правых. Но это конъюнктурное «единство» рассыпалось так же быстро, как и возникло.

Последствия столь явного непонимания логики внутренней политики Японии оказались для советско-японских отношений крайне неблагоприятными. Документально зафиксированный факт вмешательства СССР во внутренние дела Японии, естественно, ухудшил восприятие нашей страны японской общественностью, открыл путь к массовому распространению территориальных требований. На первый взгляд неожиданно, а на деле вполне закономерно в рядах движения за возвращение «северных территорий», то есть островов Хабомаи и Шикотан, а также островов Кунашир и Итуруп (обсудить вопрос о которых мы фактически обещали японцам накануне подписания Совместной декларации)² оказались многие участники борьбы против договора безопасности. В ответ на это мы выдвинули тезис об инспирированности кампании территориальных претензий, о малочисленности ее участников. В этом тезисе причудливо переплелись правда и вымысел, увенчал же его принципиально неверный практический вывод. Не приходится сомневаться, что движение за возвра-

щение «северных территорий» было инспирировано японским правительством и поднимавшими голову националистическими элементами. Бесспорно, однако, и то, что это движение довольно быстро стало массовым. Одни участвовали в нем активно, другие просто одобряли, третьи — пассивно соглашались с доводами своего правительства. В связи с этим перед СССР встала острая проблема нейтрализации подобных настроений. Собственно говоря, ничего удивительного в таком повороте нет. Никому не дано игнорировать массовые общественные настроения, даже если поводом для них послужили чьи-то злонамеренные действия. В конце концов, общественное мнение нигде и никогда не возникает само по себе, без начального толчка извне. Порой такой толчок оказывается неэффективным, и тогда начавшая зарождаться тенденция общественного мнения умирает естественной смертью. Но если толчок извне ложится на подготовленную почву, тенденция развивается и приобретает объективный характер. В этом случае игнорировать ее уже невозможно: чем больше мы пытаемся не заметить ее, тем сильнее она становится.

В описываемой ситуации сработала именно такая логика. Год за годом мы успокаивали себя тем, что территориальные требования поддерживаются ничтожно малым числом оголтелых врагов (впрочем, и у себя дома мы нередко игнорировали подспудно накапливавшиеся общественные настроения, сводя их к злой воле «кучки отщепенцев»). Год за годом мы требовали от японского правительства прекратить подстрекательство, не понимая, что, даже будь у него такое желание, сделать это становилось все труднее, а в конечном счете стало просто невозможным.

Малейшие попытки обратить внимание на бесперспективность игнорирования объективной реальности отметались с порога. Поступавшая из Японии по разным каналам информация препарировалась в нужном направлении, и цель (или антицель) была достигнута. Советское руководство утвердилось в мнении о том, что никакой проблемы просто не существует, а потому единственно верная линия поведения сводится к максимальной твердости и непреклонности. Вырос целый айсберг иллюзий, холодный, скрытый большей частью под водой и практически неподвижный в силу своих гигантских размеров. В последние годы этот айсберг начал потихоньку оттаивать: мы поняли наконец, что территориальные требования к СССР пользуются массовой поддержкой, что уже хотя бы поэтому их нельзя игнорировать. Но сегодня, спустя много лет после совершения ошибки, признать ее очень непросто.

За истекшее время юридически неправомерный отказ СССР от своих договорных обязательств многократно подтверждался на официальном уровне и всячески обелялся и обосновывался на уровне массовой пропаганды. Имел место тот самый описанный в начале статьи случай рутинного накопления ошибок, когда при отсутствии острого кризиса высшее руководство не удосуживается вникнуть в суть вопроса, а аппарат внешней политики идет своим запрограммированным

путем, как караван в пустыне. Правда, примерно с середины 70-х годов мы предпочитаем не упоминать о заявлениях 1960 года. Но ведь и прямо их опровергнуть тоже не решаемся. Не хотим ворошить прошлое? Но как же тогда быть с настоящим и будущим? Причем не только с настоящим и будущим советско-японских отношений, но и с нашим стремлением к созданию правового государства. Не означает ли это, что восстановить справедливость мы должны не только ради японцев, но и ради самих себя?

Вернемся, впрочем, к советско-японским отношениям. Если следовать нашим прежним догмам, Японии, безусловно, не повезло. Причем не повезло многократно. О самом главном «несчастье» Японии уже говорилось. На свою беду, эта страна избрала ориентацию на союз с США. А ухитрившись «под пятою заокеанских колонизаторов» преуспеть едва ли не во всем, не торопится менять эту ориентацию и сегодня. К существованию японо-американского союза мы привыкли долго и трудно. Но, даже смирившись с ним, продолжаем заключать слова «договор безопасности» в саркастические кавычки, намекая на его субъективную, классово ограниченную природу. По-прежнему мы склонны к абсолютизации японо-американских противоречий, руководствуясь при этом фундаментальным тезисом о нарастании межпериалистического соперничества, а более конкретно — вырванными из давнишнего исторического контекста словами В.И. Ленина о том, что Япония и США вот-вот «бросятся друг на друга». По-прежнему почти не учитываем того, что прочность японо-американского союза уже давно определяется не столько военными гарантиями США, сколько теснейшей и всесторонней взаимозависимостью двух стран, ставшей для каждой из них неотъемлемым компонентом повседневной жизни. По-прежнему не решаемся заявить во всеуслышанье, что союз с США отвечает национальным интересам Японии и мы в своем стремлении к стабильному балансу интересов с ней намерены исходить из этой посылки. Чему же удивляться, если едва ли не за каждым шагом «японской» политики СССР японцам видится попытка оторвать их страну от США?

О других японских «несчастьях» упоминалось выше лишь коротко или не упоминалось совсем. Это и положение побежденной нации, о котором приходится говорить спустя столько лет, ибо кое-кто у нас по-прежнему воспринимает его как статус, отрицающий некоторые элементарные права суверенного государства, например право на самооборону. И географическая принадлежность к Азии, применительно к которой все еще, похоже, не «отменены» марксистские догмы об абсолютном обнищании трудящихся как процессе, ведущем к революционному взрыву. И одновременно ее принадлежность к империалистическим странам, алчно тянущим свои финансовые, технологические и какие угодно щупальца во все страны в надежде закабалить народы. И достаточно сильная до сих пор, хотя и размываемая, поляризация в Японии политических сил, дающая немало материала для нашей традиционной газетной рубрики «борьба труда и капитала». И

существование относительно немногочисленных, но крикливых, а потому заметных правых организаций, сделавших СССР постоянной мишенью своих выступлений. И непонятное, раздражающее упорство в выдвижении территориальных требований. И относительная военная слабость вкуче с характерной для японской дипломатии осторожностью и недоговоренностью. И, наконец, непостижимые экономические успехи, бескризисность, бьющая в глаза зажиточность объективно бедной страны, обидно контрастирующие с бедностью нашей собственной объективно обильной державы.

Здесь следует сделать оговорку. Несостоятельность многих из перечисленных постулатов хорошо понятна нам сегодня. Но лишь на общетеоретическом уровне. Что же касается информации о японской конкретике, то здесь власть старых постулатов все еще весьма ощутима.

Примеров этому немало. Скажем, исчезновение из практического обращения тезиса о все более углубляющемся общем кризисе капитализма ничуть не мешает нам по-прежнему трактовать внутреннюю политику Японии с позиции классовой борьбы. К этому общему знаменателю приводятся самые разнородные движения социального протеста, и таким образом моделируется, теперь уже больше по инерции, классическая революционная ситуация. В этой застывшей схеме забастовка все еще расценивается как классовое выступление, а отказ от нее — как забвение и даже предательство классовых интересов, презренное соглашательство. По сути дела, имеет место некритическое отношение к японским левым силам, все больше теряющим свои позиции. Напротив, реальное положение вещей, и прежде всего высокая стабильность общественного строя Японии, списывается на репрессии и тактическое маневрирование правящего класса, то есть трактуется как нечто сугубо субъективное.

Из работы в работу кочуют тезисы о «длительном кризисе существующей политической системы», о «разочаровании широких масс в буржуазной демократии». Последнее утверждение, прозрачно намекающее на то, что японский народ, устав от буржуазной демократии, жаждет чего-то другого, сегодня, когда мы болезненно, порой на ощупь движемся по пути демократизации, звучит особенно нелепо.

По нашей традиционной логике, обязательно все положительное в политической и общественной жизни Японии является результатом борьбы трудящихся масс, и, наоборот, все отрицательное — это продукт политики буржуазного государства. Если принять такую схему рассуждений, то остается констатировать, что политическая система Японии на практике весьма жизнеспособна, может быть, даже более жизнеспособна, чем наша, коль скоро она позволяет трудящимся добиваться столь больших успехов.

На деле все, конечно, по-другому. Борьба всех групп трудящихся, точнее, населения (поскольку движения социального протеста отнюдь не обязательно формируются по производственному или профессиональному признаку), принося конкретные результаты, не ве-

дет страну в целом к революционной ситуации, а уводит от нее. Эта борьба является сегодня для правящего класса своего рода предохранительным клапаном, то есть превратилась уже в необходимую часть политической системы.

Если включить, точнее, вместить все многообразие проявлений социального протеста в формулу борьбы труда и капитала, то вывод, скорее всего, будет весьма однозначен. Эта борьба не носит деструктивного, дестабилизирующего характера по отношению к существующему в стране общественному строю, не ослабляет, а укрепляет его. Революционное преобразование японского общества представляется поэтому совершенно нереальным.

На закономерность такого вывода указывают, например, усиление на политической арене Японии центристских партий, возникновение нового профцентра «Рэнго» и одновременно отсутствие перспектив у левых партий, в первую очередь, конечно, у КПЯ. Такое же положение характерно, кстати, и для большинства других стран развитого капитализма, что говорит о типичности, неконъюнктурной сути явления, требующего поэтому теоретического осмысления.

Конечно, требует решительного переосмысления и так называемая проблема возрождения японского милитаризма. Здесь едва ли не все наши выводы притянуты за уши, по большому счету просто смехотворны. Все послевоенные годы мы упорно говорим о возрождении японского милитаризма, ничуть не смущаясь тем, что этот прогноз не сбывается. И по роли военных в общественной жизни и государственной политике, и по удельному весу военного производства, и по своему военному потенциалу Япония является сегодня одним из наименее милитаризованных государств мира.

По-видимому, настало время разобраться в проблеме серьезно. В частности, проанализировать, почему обвинения Японии в милитаризме оказались столь живучи, достались ли они нам в наследство от риторики прошлых лет, или порождены общим состоянием советско-японских отношений, или, наконец, навеяны взглядами японской левой оппозиции.

Есть здесь и еще одна, возможно, даже самая важная сторона. Сейчас, когда нашей страной поставлен вопрос о ликвидации милитаризма, именно объективное изучение японских реалий может дать важный материал для позитивных обобщений, позволяющий на примере из жизни этой страны показать, к чему мы призываем мировое сообщество. Ведь ясно, что очень трудно пропагандировать общечеловеческую идею на уровне абстракции, без обращения к конкретному опыту других стран.

Особенно много неадекватных оценок существовало до самого недавнего времени при изучении внешней политики Японии. Среди них и откровенно беспочвенная критика якобы складывающейся оси Вашингтон — Токио — Сеул, и тезис о так называемом «тихоокеанском сообществе» как «Восточном НАТО», и, наконец, тот факт, что анализ едва ли не любых действий Японии на международной арене обя-

зательно заканчивается их осуждением и выводом о неудаче. Строго говоря, и сегодня еще трудно припомнить хотя бы какой-то позитив в наших оценках японской внешней политики. Всегда она изображается в виде жалких и злонамеренных махинаций, непременно терпящих провал. Такой подход представляет собой оборотную сторону изображения советской внешней политики как непрерывной серии побед. Он очень плохо вписывается в новое политическое мышление. Не пришло ли время признать очевидное, в частности то, что экономическое и политическое проникновение Японии в страны азиатско-тихоокеанского региона уже почти не встречает неприятия соседних стран, как это имело место в первой половине 70-х годов, а в ряде случаев даже приветствуется. Что процесс превращения Японии в неформального лидера региона приобретает объективный и закономерный характер, ибо несет реальные выгоды не только ей самой, но и другим. Что, наконец, рост регионального влияния Японии вовсе не связан с военным аспектом, практически прямо противоположен стремлению к военно-силовой конфронтации.

Заметное невооруженным глазом повседневное искажение японской действительности, осуществляемое привычными рутинными методами, далеко не безобидно в контексте политики СССР. Оно как раз и способствует выработке неадекватных взглядов на Японию на уровне принятия политических решений. А уж сами эти взгляды по описанной выше схеме обратной связи заряжают внешнеполитический аппарат (включая журналистов и исследователей) на соответствующее препариование новой информации. К тому же следует, наконец, понять, что накопившиеся за долгие годы несостоятельные оценки Японии не только осложняют жизнь советскому руководству, но и стимулируют появление в нашей стране достаточно тенденциозного общественного мнения. Совсем недавно эта проблема не стояла в советской внешней политике. Сегодня же, в условиях гласности и демократизации, не исключено, что на пути к новым, более эффективным политическим действиям в отношении Японии советскому руководству придется столкнуться и с неприятием их нашей общественностью.

Ну и, наконец, немаловажно то, что сами японцы, внимательно наблюдающие за нашей информацией о своей стране, крайне болезненно реагируют на любые неточности и искажения. Все это нередко воспринимается ими как свидетельство недоброжелательности, нежелания понять. Подобное восприятие совершенно естественно для любого народа, тем более для такого сплоченного и обособленного от других, как японцы. В этом смысле наши тенденциозные оценки Японии, несомненно, являются негативным фоном в советско-японских отношениях.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что сегодня, как, пожалуй, никогда раньше, объективное и недогматическое изучение Японии — не только вопрос научной состоятельности исследований, но и весомый фактор улучшения советско-японских отношений. Ведь без

лишенного стереотипов и прямых запретов понимания любого объекта политики невозможно выработать и саму политику.

III

Нередко приходится слышать, что СССР поддерживает с Японией вполне нормальные отношения, причем гораздо более насыщенные и выгодные, чем с очень многими, фактически с большинством стран Запада. Отсюда делается вывод о том, что серьезных поводов для беспокойства нет и никаких особых «сверхусилий» для улучшения отношений с Японией от нас не требуется.

В подкрепление такой точки зрения еще совсем недавно приводили традиционный тезис о необратимом изменении соотношения сил в мире в пользу социализма, под которым однозначно понимали всестороннее укрепление международных позиций СССР, вынуждавшее именно капиталистические страны искать нашего расположения. Тезис этот был основан на абстрактно-теоретическом убеждении в том, что на нашей стороне автоматически действуют объективные законы общественного развития. Сейчас вроде бы ясно, что это далеко не так. На смену развенчанному перестройкой тезису постепенно приходит другой, согласно которому уж теперь-то, в условиях нового политического мышления, мы обязательно будем крепнуть год от года и... Япония никуда не денется, придет как миленькая к нам на поклон.

В таком подходе таится сразу несколько заблуждений, характерных для старого политического мышления. И наш выработанный годами и политическими перетрясками «исторический оптимизм», согласно которому уж теперь-то все обязательно будет хорошо. И традиционная переоценка своих возможностей, легко уживающаяся с недооценкой возможностей другой стороны. И, наконец, привычка измерять состояние отношений экстенсивными мерками: количеством контактов, суммой товарооборота, т.е. примерно так же, как мы все еще оцениваем нашу экономику ее валовыми показателями. Однако главный недостаток нашего подхода к советско-японским отношениям заключается в том, что мы практически даже не пытаемся соотнести их нынешнее состояние с какими-либо конкретными целями. Строго говоря, таких целей вообще не видно. На разных этапах у нас, правда, были отдельные, чисто практические ориентиры. В 60-е годы, например, СССР явно стремился подорвать союз Японии с США. При всей своей несуразности и неоправданности с точки зрения желаемого результата (некоторые и сегодня считают, что разрыв с США привел бы Японию к настоящей милитаризации) это была задача, требовавшая по логике приоритетной концентрации усилий, равно как и готовности пойти на необходимые жертвы ради ее достижения. Ничего этого сделано не было. Мы оказались не готовы заплатить требуемую цену, ограничившись примитивным давлением. Не приходится удивляться, что японо-американский союз еще больше

укрепился, а наше собственное положение осложнилось, в том числе и в связи с неспособностью добиться поставленной цели.

Во второй половине 70-х годов примерно так же мы пытались не допустить заключения японо-китайского договора о мире и дружбе. Не имея при этом четкого представления о масштабах задачи, целесообразности ее выдвижения, усилиях, которые следует приложить к ее реализации. Опять почти все свелось к туманным угрозам, публичному осуждению. И опять цель не была достигнута. Японо-китайский договор был заключен, а СССР как бы в назидание Японии разместил на Южных Курилах свой воинский контингент. Используя терминологию афганской войны, контингент этот был ограниченным. Однако и такого оказалось достаточно, чтобы породить проблему его вывода, о чем постоянно напоминают японцы.

На протяжении многих лет мы рассматриваем Японию как перспективного экономического партнера. И в самом деле, Япония способна предоставить нам практически любые виды продукции, технологии, услуг, стать мощным источником кредитов. Является ли получение от Японии всех этих богатств целью советской политики? И да, и нет. Мы берем у японцев то, что они готовы дать, порой просто затыкая собственные дыры, но, похоже, так и не составили представления о том, что и насколько нужно и, главное, какую цену, в том числе политическую, мы готовы заплатить. Торговля СССР с Японией и Финляндией сопоставима по товарообороту. С учетом же несопоставимости экономической мощи двух этих стран не означает ли это, что с Японией мы ведем дела крайне неудовлетворительно?

Как уже отмечалось, на протяжении тридцати с лишним лет Япония предъявляет территориальные претензии к СССР. Тема территориальных претензий в том или ином виде присутствует практически в любых контактах с японцами, всякий раз наталкиваясь на нашу более или менее жестко сформулированную «принципиальную» позицию неприятия этих претензий. Существующий тупик, естественно, оказывает на советско-японские отношения явно неблагоприятное влияние. Можно ли в таком случае говорить о том, что целью советской политики является разрешение вопроса территориальных претензий? Если считать, что отказ Японии от своих претензий есть форма разрешения вопроса, то, видимо, можно. Конечно, такую откровенно одностороннюю цель трудно назвать реалистичной. Но здесь важно другое. За тридцать с лишним лет мы не приблизились к ее достижению и при этом не выиграли, а скорее проиграли время, доводя эмоциональный фон вопроса почти до точки кипения. Опять-таки и здесь налицо удивительное однообразие средств: декларативное осуждение, порой разбавленное увещеваниями, без готовности определить цену решения вопроса и заплатить ее.

Кроме перечисленных выше целей, есть еще у нас и ряд желаний к Японии, которые так и остались четко не сформулированными. Мы бы хотели, например, чтобы Япония была лояльным по отношению к СССР государством, надежным, заинтересованным, а то и бес-

корыстным торговым партнером, чтобы она с пониманием и одобрением относилась к нашим политическим инициативам в регионе и т.д. Все это не превратилось в осмысленные цели и, разумеется, не было подкреплено соответствующими усилиями. Вполне понятно, что и благие пожелания оказались чистой воды маниловщиной.

Спрашивается, можно ли считать удовлетворительным состояние советско-японских отношений, если ни одна из как бы прочерченных пунктиром целей нашей политики не была достигнута, если мы, в сущности, и сегодня не знаем, чего мы хотим от Японии и какими средствами намерены добиться желаемого. Бесспорно, сегодня советско-японские отношения лучше, чем в начале 80-х годов, хотя мы скорее восстановили потерянные тогда позиции, чем вышли на новый качественный рубеж. Но главную роль в таком относительном подъеме сыграли в комплексе все благоприятные перемены в нашей стране, включая и область внешней политики в целом. Продуманной же «японской» политики по-прежнему не видно. С таким выводом, скорее всего, не согласятся практики. И будут, кстати, по-своему правы, ибо в силу специфики их работы перспективы советско-японских отношений измеряются для них не годами и десятилетиями, а месяцами или даже неделями. На повседневном практическом уровне действительно может сложиться впечатление, что все не так уж плохо: работы хватает с избытком, а количественные характеристики советско-японских отношений выглядят на общем фоне вполне благополучно.

Между тем перспективы советско-японских отношений неразрывно связаны с их качеством. И здесь поводов для успокоенности крайне мало, скорее даже нет совсем.

В настоящее время в советско-японских отношениях сложилась противоречивая и даже парадоксальная ситуация. За время, прошедшее с января 1986 года, когда министр иностранных дел СССР после десятилетнего перерыва посетил Японию, объем и уровень двусторонних контактов заметно выросли, однако качественного улучшения отношений так и не наступило.

Среди развитых капиталистических стран Япония явно остается наименее заинтересованной в развитии отношений с СССР. Японское руководство, по-видимому, отчетливо сознает, что СССР не представляет угрозы его политическим и оборонным интересам. Собственно говоря, советские и японские интересы в сфере политики и безопасности почти не соприкасаются. Ушла в прошлое и столь характерная для Японии в 70-е годы боязнь отстать от других стран в деле развития отношений с СССР. Ныне Япония достаточно уверена в себе, чтобы самостоятельно, без оглядки на США устанавливать пределы этих отношений и даже призывать своих друзей и партнеров к сдержанности.

Нормализация советско-китайских отношений, по-видимому, на короткое время дала Японии повод для традиционных геополитических опасений. Эти опасения, судя по всему, довольно быстро сошли почти на нет, уступив место пониманию того, что возврат СССР к

силовой политике, опирающейся на идейно-политическое сближение с Китаем, невозможен.

Расчеты так называемой «экономической дипломатии» также не побуждают Японию проявлять активность в отношении СССР. Умозрительно огромный советский рынок является для Японии скорее абстракцией, нежели чем-то реальным. Неуклонно снижается и заинтересованность Японии в импорте советского сырья.

В итоге возник своеобразный замкнутый круг, где политические отношения нуждаются в экономической мотивации, а торгово-экономические связи — в политической. Две эти модели взаимно исключают друг друга, и отношения СССР с Японией если и идут вперед, то лишь черепашьями шагами. В таких условиях и без того крайне ограниченные возможности развития отношений не исчерпываются полностью, что позволяет сохранять иллюзию прогресса, отождествляя его с каждым сделанным шагом. По большому же счету советско-японские отношения сохраняются пока на стабильном уровне: за спадом следует относительный подъем, за которым уже маячит новый спад.

Оценивая состояние советско-японских отношений, следует прежде всего учитывать, что мы имеем дело не просто с крупной, высокоразвитой державой, но с явным лидером азиатско-тихоокеанского региона, где наши собственные позиции очень непрочны. При этом рост влияния Японии продолжается, в то время как тенденцию к ослаблению позиций СССР переломить еще далеко не удалось. В ближайшие годы эта разнонаправленность, скорее всего, не исчезнет, а еще больше углубится с учетом постепенного снижения роли военного фактора в международных отношениях.

Долгое время главным компонентом международного влияния СССР была военная мощь. Собственно говоря, такое положение мало изменилось и сегодня, хотя, конечно, мы поняли, что стремление компенсировать экономическую слабость, неубедительность в целом модели реального социализма наращиванием военных мускулов ведет в тупик. Причем, естественно, как во внутренней, так и во внешней политике. Бесспорно, что по мере изобавления мира от гонки вооружений, от всеобъемлющей идеологизации внешней политики — а ведь именно такой мир мы хотим построить — наша страна окажется перед растущей необходимостью заменить военный компонент своего международного влияния другими — политическими, экономическими, нравственными. Пока что процесс такой замены идет более или менее удовлетворительно. Причина в том, что по-прежнему действует военный фактор, а сокращение вооружений и начавшийся переход к сугубо оборонительной военной доктрине с лихвой перекрываются позитивным международным эффектом кардинального поворота в политике. Однако недалек, видимо, день, когда политические завоевания перестройки будут восприниматься как необратимая реальность, не конечный, а отправной пункт взаимоотношений СССР с окружающим миром. Когда этот день наступит, к нашей стране будут

подходить с общепринятыми в цивилизованном мире мерками без или почти без поправки на страх перед обремененной внутренними проблемами, а потому непредсказуемой в своих действиях военной сверхдержавой.

Быть готовым к этому, не допустить существенного падения международного влияния — приоритетная задача внешней политики СССР. Резонен, конечно, вопрос, так ли уж необходимо нашей стране большое международное влияние. Ведь многие страны мира прекрасно без него обходятся. Как представляется, вопрос этот не столько философский, сколько конкретно-исторический. Начать с того, что в силу исторической специфики, а еще больше — своих гигантских размеров наша страна не может не иметь жизненно важных глобальных интересов. Даже ограничив свои интересы рамками граници, мы все равно поневоле вовлечем в сферу этих интересов едва ли не половину мира. Ну а если исходить из того, что в настоящем и в будущем мы намерены утвердить наш общественный строй в его новой интерпретации социализма «с человеческим лицом», пусть во многом сблизившегося с капитализмом, но все же отличающегося от него, то путь превращения во второразрядную державу нам попросту заказан историей.

В таком случае приоритетная задача советской внешней политики может быть сформулирована как необходимость стать как в Европе, так и в бассейне Тихого океана полноправным членом региональных сообществ государств, активно участвующим в региональном разделении труда, политическом диалоге, культурном, научно-техническом и гуманитарном обмене, разделяющим с соседями общие ценности и, главное, строящим свои отношения с ними на строгом балансе национальных интересов. Необходимой внутренней предпосылкой такой трансформации является, конечно, успех перестройки. (Впрочем, и сам этот успех немыслим без радикальных перемен во внешней политике.) Что же касается внешних предпосылок, то они, естественно, различны в различных регионах. В азиатско-тихоокеанском регионе одной из таких главных предпосылок является свободное, ничем не ограниченное развитие отношений с Японией. Без содействия Японии, а тем более при ее прямом противодействии политика СССР будет неизбежно сталкиваться с растущими трудностями. Какими конкретно окажутся эти трудности, насколько необходимо их преодоление и, наконец, в какой форме проявится «нелояльность» Японии, сказать пока очень трудно, скорее невозможно. Ясно, однако, что уже сегодня необходимо строить отношения с Японией не только во имя сиюминутных тактических выгод, но главным образом во имя перспективы. Вот такого незамутненного видения горизонта в советско-японских отношениях нам пока не хватает. Мы по-прежнему склонны взвешивать советско-японские отношения буквально на аптекарских весах взаимных уступок, черпая при этом свое понимание потерь и приобретений в основном в контексте политики прошлого и совсем немного настоящего, но никак не будущего.

IV

Кардинальное улучшение советско-японских отношений невозможно без правильного восприятия национальных интересов Японии. В противном случае поиск баланса интересов окажется напрасным. Вначале, впрочем, стоит разобраться, почему еще совсем недавно мы пренебрегали этой категорией, считали ее непригодной для анализа политики других стран. Как представляется, в основе всего лежало догматическое понимание интереса как сугубо классовой категории. Схема, которой мы руководствовались, проста, если не сказать примитивна. В эксплуататорском обществе интересы противостоящих друг другу классов неизбежно и абсолютно расходятся. В то же время интересы эксплуатируемого пролетариата независимо или почти независимо от его национальной принадлежности объективно совпадают. Посему национальные интересы эксплуататорского государства, той же Японии, ни при каких обстоятельствах не могут совпасть с национальными интересами государства пролетарского, т.е. нашего собственного. Неминуемо следовал вывод, что пытаться учитывать интересы эксплуататорского государства — значит предавать свои собственные интересы, равно как и интересы угнетенных классов этого государства. В силу сказанного баланс интересов воспринимался как случайность или тактическая уловка, а несовместимость интересов — как стратегическая посылка, опирающаяся на основополагающую теорию.

Описанное логическое построение давно не отражает реальности, хотя бы потому, что подавляющее большинство «эксплуатируемых» уже не ставит своей целью радикальное переустройство общества. Коль скоро так, то нет и полярного расхождения интересов и хотя бы в виде гипотезы следует допустить, что совпадение основных интересов эксплуататоров и эксплуатируемых в рамках одного государства — это не результат злонамеренных махинаций первых, а некая закономерность социального развития. В этом первопричина прочного положения буржуазных партий (в Японии — ЛДП) и успешного выступления лояльной оппозиции, равно как и растущих трудностей оппозиции радикальной. Вполне очевидно, что пришедшее к власти правительство, какие бы идеологические ярлыки мы на него ни навесили, пользуется большей поддержкой народа, чем оппозиция, и уже поэтому получает мандат на выражение национальных интересов. Злоупотребив этим мандатом, правительство рискует лишиться власти. До тех же пор, пока этого не произошло, мы должны принимать национальные интересы государства в том виде, в котором они сформированы и заявлены правительством, а отнюдь не силами оппозиции. И уж тем более недопустимо пытаться диктовать стране-партнеру ее национальные интересы.

Вот типичный пример подхода к определению национальных интересов Японии в нашем недавнем прошлом. Много сил было потрачено нами на то, чтобы убедить Японию, что ее национальным инте-

ресам лучше всего отвечает полный нейтралитет, который мы даже собирались гарантировать! Между тем с самого начала было ясно, что японское правительство не считает нейтралитет адекватным воплощением национальных интересов Японии, а правящая партия не рискует поражением на выборах, провозглашая верность союзу с США.

Представляется, что в самом крайнем случае, т.е. если страна-партнер не заявляет четко о своих национальных интересах сама, в нашей политике мы должны исходить из наилучшего для нас варианта этих интересов.

Изложенные выше рассуждения нуждаются, впрочем, в одной существенной поправке. Под национальным интересом следует, очевидно, понимать не всякую декларацию, а лишь такую, на претворение которой в жизнь государство готово затратить в приоритетном порядке силы и средства национальной политики.

При таком восприятии категории национальных интересов у нас, видимо, не будет оснований отрицать, что решение проблемы «северных территорий» является для Японии остроприоритетной задачей национальной политики. В реализацию этой задачи уже давно вкладываются немалые силы и средства. Ее не может игнорировать ни один серьезный японский политик, к какой бы партии он ни принадлежал. Все остальные обращенные к СССР национальные интересы Японии выражены гораздо менее четко и определено. Вполне понятно поэтому, что фактически «советская» политика Японии строится вокруг проблемы «северных территорий». Поэтому поиск баланса интересов между СССР и Японией не может вестись в обход этой проблемы.

В последние годы в советско-японских отношениях сложилась любопытная практика, когда претендующие на значительные официальные посты политические деятели Японии стремятся нанести визит в Москву. При этом в целях обеспечения высокого уровня приема с японской стороны обычно следуют заверения, что гость не намерен касаться проблемы «северных территорий», по крайней мере в деталях. Как ни странно, такая тактика срабатывает, хотя, кажется, уже никто у нас не питает особых иллюзий относительно отказа Японии от своих требований на официальном уровне. В результате раз за разом, с завидным постоянством возводятся, в сущности, «потемкинская деревня», что не помогает, а, напротив, мешает нам самим понять японцев. Между тем вполне очевидно, что любые предложения, которые делают наши партнеры, рассматриваются ими в первую очередь как предпосылка к серьезному диалогу по проблеме «северных территорий».

В целом представляется, что качественный сдвиг в советско-японских отношениях в конечном счете окажется весьма затруднен, если не невозможен, во-первых, без четкого осознания глубины японских требований, а во-вторых, без нашей готовности отнестись к ним серьезно и уважительно, не останавливаясь перед самокритикой.

В том, что проблема «северных территорий» пустила столь мощные корни в сознании японцев — от школьника до премьер-минист-

ра, — вина отнюдь не только наша. Так сложилось исторически. Беспрецедентно успешное экономическое развитие Японии, которое превратило ее в экономическую сверхдержаву, было достигнуто благодаря сознательному отказу от активных ролей в мировой политике, ориентации на американское политическое лидерство. Экономическое преуспевание и все еще сохраняющаяся политическая второстепенность — это во многом две стороны одной медали. Однако в наши дни, когда почти все экономические вершины взяты с запасом, внимание японской общественности и ее политического руководства все чаще фокусируется на проблеме политического статуса, решение которой немыслимо без преодоления комплекса «младшего партнера» великих держав. Сделать это, однако, непросто, коль скоро союз с США даже в его нынешней раздражающей многих японцев форме по-прежнему отвечает национальным интересам Японии. Волею обстоятельств на проблеме «северных территорий» оказались поэтому сфокусированы и неудовлетворенность Японии своим нынешним местом в мировой политике, и ее стремление это положение существенно улучшить. Без особого преувеличения можно, очевидно, сказать, что решение проблемы «северных территорий» ассоциируется для японских лидеров с превращением своей страны в великую политическую державу.

Мало кто, наверное, полагает, что японцы рассчитывают на быстрое и тем более полное удовлетворение своих требований в той безапелляционной форме, в которой они выдвигают их сегодня. Их жесткость тесно связана с нашей непреклонностью. Искомое же решение проблемы может видаться и нам, и японцам как взаимоприемлемый компромисс. И начинать путь к этому компромиссу нужно уже сегодня, как бы трудно это ни было нам с нашими внутренними проблемами и японцам с их годами внушавшейся общественному мнению мыслью о безальтернативности полной победы.

Какими конкретно могли бы стать первые шаги на нашем отрезке пути? Один из них вполне очевиден — необходимо ликвидировать на Южных Курилах наше военное присутствие. Как уже отмечалось, размещение там советских войск с самого начала имело сильную политическую окраску и было воспринято японцами как недружественный жест. Сегодня ничто не мешает сделать жест прямо противоположный — дружественный.

Дальше, однако, вырисовывается несколько вариантов, не взаимоисключающих друг друга, но все же различных по существу. Можно, например, пойти на упрощение вплоть до полной отмены визовых процедур для въезда японских граждан на Южные Курилы. Можно попробовать создать на этих островах советско-японскую зону совместного предпринимательства. Все это в принципе в наших силах. Другой вопрос, удовлетворит ли это японцев. Сегодня их позиция сводится к непризнанию права СССР устанавливать визовой режим въезда на те острова, которые Япония считает своими. На этом основании японская сторона настаивает на безвизовом режиме. Но ведь вводя

или отменяя иммиграционные правила, СССР равным образом осуществляет свой суверенитет. А Япония, требуя у нас изменить въездные правила, фактически этот суверенитет признает. Не возникнет ли на такой почве новый тупик? Главное же в том, что и отмена визового режима, и создание зоны совместного предпринимательства, шаги полезные сами по себе, не затрагивают существа проблемы.

А ведь проблема эта хорошо известна обеим сторонам: юридическая неурегулированность линии границы. С международно-правовой точки зрения окончательно зафиксировать границы после войны может только мирный договор. Его же, как известно, по-прежнему нет. Отсюда проблема, существование которой мы неофициально фактически признаем, а на официальном уровне — отвергаем. Но межгосударственные отношения потому и называются межгосударственными, что в них все решается на официальном уровне. Что же мешает нам сделать напрашивающийся шаг, без которого мы все равно не сдвинемся с места? Только и единственно приверженность заявлениям прежних лет, многое в которых с позиций сегодняшнего дня, пожалуй, не выдерживает критики.

Советско-японский диалог вокруг проблемы еще недавно напоминал театр абсурда. «Территориальный вопрос решен соответствующими международными соглашениями», — заявляли мы. «Какими соглашениями?» — спрашивали японцы. «Соответствующими», — стыдливо уточняли мы. Известно, что скрывалось за таким содержанием «обменом мнений»: наше стремление опереться на Крымское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока от 11 февраля 1945 года и японское нежелание принять его в качестве документа, определившего послевоенное урегулирование. Что же это за соглашение, которым мы руководствуемся, но нередко избегали даже назвать? Не что иное, как секретная договоренность союзников военного времени о территориальном и ином вознаграждении СССР за его вступление в войну с Японией. Договоренность, добавим, которая не прошла, да и не могла пройти процедуру ратификации. В наши дни, когда II Съезд народных депутатов СССР дал политическую оценку секретного приложению к советско-германскому договору 1939 года, а в исчерпывающем докладе А.Н. Яковлева указано на неправомерность и неприемлемость тайного передела территории, приверженность Крымскому соглашению может вызвать только досаду. Не говоря уже о том, что оно несколько не усиливает нашей переговорной позиции и лишь раздражает партнеров. Не пора ли восстановить справедливость и сказать, что Крымское соглашение, не фигурировавшее позже в официальных документах союзников, — это не более чем страница нашей истории, да к тому же не самая лучшая.

Реальных трудностей, о которых СССР и Японии предстоит вести разговор, и так немало. Это, в частности, отказ Японии от прав, правоосвоений и претензий на Курильские острова по Сан-Францисскому мирному договору, в трактовке самой японской стороны лишающий ее возможности высказываться об их принадлежности. Неуча-

стие СССР в указанном договоре не освобождает Японию от этого обязательства. И неубедительность, а скорее и правовая недействительность оговорки, сделанной главой японской делегации в Сан-Франциско С. Иосида о том, что острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп не входят в состав Курил, от которых отказалась Япония. И упоминавшаяся ошибка Японии, допущенная при подписании Совместной декларации 1956 года. И фактически действующий уже 45 лет статус-кво. И наконец, настроения не только японской, но и советской общественности. Для того чтобы преодолеть эти и еще многие другие трудности, возможно, потребуются годы кропотливой работы.

Но именно в процессе этой работы и должно будет родиться подлинное взаимопонимание между СССР и Японией, возникнут предпосылки для действительно взвешенного баланса их интересов.

Примечания

¹Так было всегда и везде. Другое дело, что у нас механизм централизованного принятия решения до сих пор был далеко не идеален. Подробностей его работы мы, конечно, не знаем. Общее же впечатление таково, что коллегиальное решение внешнеполитических проблем в Политбюро, большинство в котором составляли люди, мало связанные с внешней политикой, неблагоприятно влияло на ее характер. Можно также указать и на явный анахронизм подмены государственных органов партийными. Один из выходов из тупика дает создание института президентской власти, исключающей «распыление» ответственности. Правда, в интересах оптимального функционирования этого института центральные партийные органы должны, по-видимому, полностью отказаться от вынесения директивных решений, в нашем случае в области внешней политики.

²Согласие обсудить территориальный вопрос после восстановления дипломатических отношений в контексте переговоров о заключении мирного договора содержалось в послании А.А. Громыко, в то время первого заместителя министра иностранных дел СССР, на имя полномочного представителя Японии С. Мацумото. Коль скоро согласие СССР на передачу Хабомаи и Шикотана было уже получено, а японцы претендовали еще на Кунашир и Итуруп, то в их трактовке объектом переговоров по территориальному вопросу должны были стать именно два последних острова. Так оно, в сущности, и было. Далее, однако, японцы допустили серьезную ошибку. Упомянутое послание А.А. Громыко предшествовало подписанию Совместной декларации о восстановлении дипломатических отношений. В самом же тексте декларации согласие на обсуждение территориального вопроса не фигурировало. С международно-правовой точки зрения приоритет подписанной позже и ратифицированной Совместной декларации над посланием А.А. Громыко очевиден. Поэтому возникшее разночтение формально должно толковаться в пользу Совместной декларации.

Перестройка и Северо-Восточная Азия: плюсы и минусы

Историческое значение перестройки

1989 год фактически стал третьим годом перестройки в Советском Союзе. Как совокупность фундаментальных реформ, охватывающих все стороны жизни советского общества, как «революция сверху» перестройка, в сущности, началась только после трагедии в Чернобыле в апреле 1986 года. Ведущими сторонами всего процесса перестройки были новое мышление и гласность. Новое мышление есть новая философия внешней политики, основанная на новом восприятии мирового сообщества. Благодаря практическим успехам действий, направляемых этим мышлением, существенно изменилась ситуация в мире, подтвердив тем самым правоту и самой философии, и идущего процесса внутренних реформ. Сначала слово «гласность» означало открытость информации, но затем ему было возвращено историческое значение периода великих реформ 60-х годов XIX века, а именно «свободный голос», свобода речи, отмена цензуры.

В 1987 году было объявлено, что основой всей перестройки является демократизация. Началось проведение экономической реформы. В следующем году борьба за выбор курса перестройки привела к победе группы Горбачева над консервативными силами. Перестройка стала означать полное разрушение сталинского государственного социализма, который теперь часто называют «казарменным социализмом».

Однако на пути проведения экономической реформы возникли большие трудности и произошли беспорядки, вызванные проблемами этнического характера. В 1989 году была проведена политическая реформа и установлен режим парламентской демократии. Новый парламент добился успехов в практической работе, и стала очевидной неизбежность перестройки самой Коммунистической партии. В настоящее время Коммунистическая партия не контролирует политическую жизнь в СССР. С другой стороны, экономические затруднения и этнические конфликты привели к возникновению кризисной ситуации. Но именно это явилось показателем того, что перестройка значительно продвинулась вперед.

Под воздействием перестройки начался процесс крушения государственного социализма в странах Восточной Европы. При всей дра-

---

* Харуки Вада (Япония), профессор Токийского университета.

матичности этого революционного процесса количество жертв его остается минимальным. Ликвидация Берлинской стены окончательно убедила нас в том, что эра мировых войн ушла в прошлое. Что касается государственного социализма, то он был внутренне тесно связан с этой эрой, являясь средством протеста и ответа на ее вызовы и в то же время неизбежным продуктом и фактором ее существования; дни государственного социализма сочтены, и он постепенно трансформируется в социал-демократию нового типа.

Этот процесс оказывает воздействие и на наш регион — Северо-Восточную Азию. Однако именно в этом регионе пока не отмечается какого-либо прогресса в деле разоружения, за исключением ликвидации советских ракет СС-20. Каких-либо ответных мер со стороны Соединенных Штатов и Японии не последовало. Что касается советско-китайских отношений, то они недавно нормализованы, но после июньских событий 1989 года в Пекине дальнейшие перспективы отношений стали более неопределенными. Наконец, перестройка оказывает воздействие и на подходы к двум застарелым проблемам этого региона — проблемам «северных территорий» и Корейского полуострова.

Советско-японские отношения

Проблема «северных территорий» вот уже в течение тридцати лет не дает возможности нашим странам заключить мирный договор. До сих пор мы остаемся соседями лишь в географическом смысле этого слова. Как показали результаты опроса общественного мнения, проведенного одной газетой на острове Хоккайдо в декабре 1985 года, 75 процентов населения выступают за возвращение северных островов, и в то же время 66 процентов опрошенных полагают, что Советский Союз не вернет эти территории. Хотя 56 процентов населения признают необходимость поддержания японским правительством дружественных отношений с Советским Союзом, 79 процентов японцев высказывают по отношению к Советскому Союзу неодобрительные чувства. Не решив проблему «северных территорий», невозможно устранить столь неблагоприятный образ Советского Союза из сознания нашего народа. В то же время следует признать, что в целях решения данной проблемы нашим людям следует отказаться от уклончивости и пассивности и продемонстрировать свою способность к конструктивным действиям. Может быть, просто трудно понять, почему Япония и Советский Союз не смогли найти общего языка для урегулирования тревожащих их проблем в течение столь долгого времени. Вероятно, нам следует обратиться к фактам истории, чтобы советский читатель мог получить минимум необходимых знаний, имеющих отношение к проблеме «северных территорий».

В 1855 году Япония и Россия заключили договор в Симода, что означало установление дипломатических отношений. В соответствии

с этим договором была определена граница, проходившая между островами Итуруп и Уруп: весь остров Итуруп принадлежал Японии, а весь остров Уруп с другими Курильскими островами, лежащими севернее, являлся владением России. Это соглашение стало результатом признания русской стороной факта продолжительного и успешного владения Японией островами Кунашир и Итуруп.

В 1875 году наши страны после мирных переговоров заключили еще один договор, по условиям которого Япония отказалась от своих прав на Сахалин, но получила взамен группу Курильских островов, принадлежавших до этого Российской империи: всего 18 островов, включая Уруп.

В ходе русско-японской войны Япония оккупировала весь Сахалин и по Портсмутскому договору 1905 года получила южную часть Сахалина. Дальнейшие отношения между нашими двумя странами подпали под действие закона джунглей. Но несмотря на японское четырехлетнее военное вмешательство в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 годы) и столкновение японских и советских вооруженных сил в районе Халхин-Гола (1939 год), каких-либо территориальных изменений не произошло. В период второй мировой войны наши две страны поддерживали неопределенно-мирные взаимоотношения в соответствии с пактом о нейтралитете 1941 года.

Однако после многократных просьб Соединенных Штатов Советский Союз в конце концов согласился в феврале 1945 года вступить в войну против Японии на стороне союзников, несмотря на наличие пакта о нейтралитете. Условия вступления в войну Советского Союза, которые приняли союзники в секретном Ялтинском соглашении, предусматривали возвращение южной половины Сахалина и передачу Советскому Союзу Курильских островов.

Советский Союз объявил войну Японии 8 августа 1945 года, и это в сочетании с американской атомной бомбардировкой Хиросимы стало главной причиной, вынудившей японское правительство принять условия Потсдамской декларации. Некоторые японские высшие руководители, боровшиеся против военных и выступавшие за окончание войны, восприняли вступление Советского Союза в войну как «помощь Всевышнего». Заявление японского правительства о согласии с условиями Потсдамской декларации было передано союзникам 14 августа. Статья 8 Потсдамской декларации определяет территориальные условия таким образом, что должны были быть выполнены условия Каирской декларации, суверенитет Японии — ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми малыми островами, на которые укажут союзники.

18 августа Советский Союз решил атаковать остров Шумушу, самый северный из Курильских островов. Поскольку советские вооруженные силы смогли занять все остальные Курильские острова, не применяя оружия, в соответствии с соглашением, достигнутым с Соединенными Штатами 17 августа, это нападение на остров Шумушу через четыре дня после капитуляции Японии было бесполезным в во-

енном отношении и по существу преступным действием, повлекшим за собой тяжелые потери с обеих сторон. Я также должен отметить, что после двухнедельной войны 600 тысяч японских солдат были отправлены в Сибирь в качестве военнопленных и 60 тысяч из них там умерли. Этот факт также должен быть убедительно объяснен советской стороной. В феврале 1946 года, почти одновременно с публикацией Ялтинских соглашений, Советский Союз односторонним актом аннексировал Курильские острова и Южный Сахалин.

В 1951 году в Сан-Франциско был подписан мирный договор союзников с Японией. Представитель Советского Союза не подписал его. По условиям этого договора Япония отказывалась от всех прав на Курильские острова и Южный Сахалин. Во время проведения переговоров о мире Джон Ф. Даллес, автор этого договора, заявил, что Курильские острова не включают островов Хабомаи и Шикотан. Японский представитель С. Иосида указал на то, что Южный Сахалин, Южные и Северные Курильские острова не являются территориями, захваченными Японией в результате агрессии. Он подчеркнул также, что острова Хабомаи и Шикотан являются частью острова Хоккайдо и незаконно оккупированы советскими вооруженными силами. Выступая в парламентских дебатах по вопросу о ратификации мирного договора, представитель японского министерства иностранных дел К. Нисимура ответил, что слова «Курильские острова» в тексте мирного договора относятся и к Северным, и к Южным Курильским островам.

В этом контексте японское правительство, возглавляемое И. Хатояма, проинструктировало своего полномочного представителя Ш. Мацумото добиваться конечной цели — возвращения островов Хабомаи и Шикотан на советско-японских переговорах по поводу заключения мирного договора, начавшихся в Лондоне в июне 1955 года. Эта позиция была согласована и с правительством Соединенных Штатов. 25 сентября 1959 года последнее направило Советскому правительству ноту в связи с уничтожением самолета Б-29 над островом Иури. В ноте было сказано, что односторонний захват и продолжающаяся оккупация советскими силами островов Хабомаи и Шикотан являются со стороны Советского правительства грубым нарушением условий всех соглашений с союзными державами. В ноте содержалась следующая достаточно выразительная формулировка: «Географическое название «Курильские острова» в контексте мирного договора и в контексте Ялтинских соглашений... не включает и никогда не предполагало включения в них острова Иури, который входит в группу островов Хабомаи, всегда бывших и остающихся отдельными и не входящими в состав Курильских островов».

Мацумото вначале потребовал возвращения Южного Сахалина и Курильских островов, а советский представитель Я.А. Малик отверг это требование, потребовав в свою очередь признания советского суверенитета над всеми этими островами. Однако после Женевской конференции Н.С. Хрущев сделал неожиданный шаг, намереваясь, по-видимому, осложнить отношения между Японией и Соединенны-

ми Штатами. 5 августа Малик заявил Мацумото, что Советское правительство готово передать Японии острова Хабомаи и Шикотан.

Это привело в ужас некоторых высокопоставленных должностных лиц в японском министерстве иностранных дел (в основном последователей бывшего премьер-министра Японии С. Иосида), во имя дружбы Японии с Соединенными Штатами стремившихся заблокировать установление дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом. Они полагали, что одного требования о возвращении островов Хабомаи и Шикотан вполне достаточно, чтобы сделать переговоры бесплодными, поскольку, как выразился Джон Ф. Даллес, «ничто не заставит русских убраться оттуда, кроме войны» (из его доклада президенту Д. Эйзенхауэру 1 декабря 1954 года). Японские дипломаты поняли, что они совершили ошибку. Поэтому они тут же выдвинули новое требование: о возвращении еще двух островов — Итуруп и Кунашир, составляющих цепь Южных Курил, а также предложили перенести вопрос о суверенитете над Южным Сахалином и Северными Курильскими островами на рассмотрение другой международной конференции. Министр иностранных дел М. Сигемицу также опасался, что переговоры будут завершены на данной стадии, и решил, что следует их продолжить. Новые требования и предложения вполне соответствовали его желаниям. В конце августа в Лондон были направлены телеграфом дополнительные инструкции, которые немедленно привели к срыву переговоров. Сам же Мацумото, вернувшись в Токио, попытался убедить политических руководителей и общественное мнение в необходимости принятия советских предложений, но потерпел неудачу.

В ноябре была создана новая правящая партия — Либерально-демократическая, образованная путем слияния Демократической партии Хатояма и Либеральной партии Иосида. В программном документе новой партии было зафиксировано требование возврата четырех островов и проведения еще одной международной конференции.

Переговоры были в конечном счете завершены визитом Хатояма в Москву, где в октябре 1956 года он подписал совместную декларацию. Обе страны согласились восстановить дипломатические отношения и продолжить переговоры о заключении мирного договора. Советское правительство согласилось передать Японии острова Хабомаи и Шикотан после заключения мирного договора.

Во время этих переговоров правительство Соединенных Штатов несколько раз меняло свое отношение к данной территориальной проблеме. Наконец 23 мая 1957 года оно направило Советскому правительству ноту в связи с еще одним случаем уничтожения самолета Б-29. В этой ноте мы обнаруживаем новую формулировку, которую имеет смысл сравнить с формулировкой 1954 года: «Слова «Курильские острова» в этих документах (т. е. в Ялтинских соглашениях и в Сан-Францисском мирном договоре. — *Авт.*) не включают и никогда не предполагали включения в них ни островов Хабомаи и Шикотан, ни островов Кунашир и Итуруп».

В 1960 году был заключен новый японско-американский договор об обеспечении безопасности. Протестуя против него, Советское правительство выдвинуло новое условие возвращения Японии островов Хабомаи и Шикотан, заключающееся в выводе из Японии всех иностранных вооруженных сил. Это было нарушением обязательств, зафиксированных в ранее официально ратифицированном двустороннем соглашении 1956 года.

Инициатором выдвинутого в 1961 году требования о возвращении «северных территорий» являлся верный ученик Иосида премьер-министр Х.Икеда. Главным обоснованием этого требования был аргумент о том, что острова Итуруп и Кунашир не входят в состав Курильских островов, уступленных Японией по условиям Сан-Францисского мирного договора. Икеда заявил в парламенте, что Курильские острова не делятся на северные и южные и что высказывания Нисимура в парламенте были явно ошибочными. Свою точку зрения он подкрепил тремя доводами. Во-первых, в договорах 1855 и 1875 годов Курильскими именовались только северные острова, начиная с острова Уруп. Во-вторых, принцип отказа от территориальной экспансии, провозглашенный в Каирской декларации, был обязательным для союзных держав и при подписании Потсдамской декларации, вследствие чего он служил основой и при заключении мирного договора 1951 года. Поскольку Итуруп и Кунашир ранее на законном основании входили в состав Японии, ее нельзя было принудить отказаться от этих островов в мирном договоре, и она действительно никогда от них не отказывалась. В-третьих, правительство Соединенных Штатов придерживается мнения, что Итуруп и Кунашир в группу Курильских островов не входят.

Когда Икеда направил Хрущеву послание с изложением своей точки зрения, последний не стал рассматривать аргументацию Икеды, но ответил, что территориальная проблема уже решена, и, таким образом, полностью отверг точку зрения Японии.

Начиная с этого времени обе стороны только повторяли ранее изложенную позицию, что напоминало бесконечное проигрывание одной и той же пластинки. Время, необходимое для решения проблемы, было упущено, и позиции обеих сторон становились все более неуступчивыми. Соответственно японское общественное мнение о Советском Союзе ухудшалось. Проблема «северных территорий» блокировала улучшение отношений между Советским Союзом и Японией и укрепляла американо-японский союз, но затем, по мере укрепления этого союза, ее нерешенность уже стала давить как тяжкий и лишний груз.

Перестройка принесла новые возможности. В 1985 году наконец-то ушел из советского министерства иностранных дел А.А.Громыко и министром иностранных дел стал Э.А.Шеварднадзе. В январе 1986 года новый министр посетил Японию, и в марте в Москве было подписано соглашение о культурном обмене. Японцы начали подумывать о возможности визита М.С.Горбачева. В этом году, через 30 лет после

восстановления дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом, в Японии было сделано несколько попыток переосмыслить свою позицию в отношении лозунга «немедленного возврата четырех островов». Японской общественности были предложены конструктивные варианты постепенного решения проблемы, включавшего первоначальный возврат двух островов. Авторство одного из таких вариантов принадлежит мне.

Я исходил из трех основополагающих факторов. Во-первых, в настоящее время большинство японцев выступает за возвращение Японии четырех островов, что означает желание восстановить первоначальную границу, установленную мирным договором 1855 года. Это требование нельзя считать шовинистическим и реваншистским. Во-вторых, у Советского правительства есть причины для стремления сохранить границы, установленные по окончании второй мировой войны. В-третьих, Япония отказалась от всех прав на Курильские острова по условиям мирного договора в Сан-Франциско. Довод японского правительства о том, что Итуруп и Кунашир не входят в состав Курильских островов, следует признать необоснованным. Следовательно, возврат двух островов, обещанный в Совместной декларации, должен быть осуществлен и послужить основой для решения проблемы. Однако уже невозможно просто вернуться к ситуации, существовавшей в 1956 году. Чтобы пойти навстречу требованиям нашего народа, следует установить режим демилитаризации и совместной эксплуатации всех четырех островов, включающий защиту природных ресурсов и обеспечение свободного доступа на эти территории обоих народов.

Эти предложения в духе нового мышления подверглись нападкам со стороны представителей консервативной японской общественности. В 1987 году совместно с профессором С.Мураяма мы проделали критический анализ аргументов японского правительства. Я указал на то, что в целях получения устраивающего их определения понятия «Курильские острова» японское министерство иностранных дел приняло во внимание только ошибочные японские переводы текстов договоров 1855 и 1875 годов, согласно которым могло создаться впечатление, что Итуруп и Кунашир будто бы не входят в состав Курильских островов. Голландский и китайский тексты договора 1855 года и официальный французский текст договора 1875 года не дают никаких оснований считать обоснованной такую противоречащую истории интерпретацию. Кроме того, изложенный в Каирской декларации принцип отказа от территориальной экспансии не служил основой при составлении условий мирного договора. Авторы проекта договора, говоря об исходных его положениях, всегда ссылались на часть вторую статьи 8 Потсдамской декларации.

В 1988 году наконец-то советские ученые и различные органы печати включились в обсуждение территориальной проблемы, все более склоняясь к гибкой политике. Было предложено несколько путей решения. В июле 1988 года бывший премьер-министр Я.Накасонэ посе-

тил Советский Союз, чтобы обсудить территориальную проблему с М.С.Горбачевым. Появилась надежда на возобновление официальных переговоров. Наконец в декабре Японию посетил Э.А.Шеварднадзе, и официальные переговоры начались. Была создана рабочая группа для подготовки текста мирного договора, начавшая действовать в марте 1989 года. В ходе начавшихся переговоров обе стороны подтвердили свои старые позиции, подкрепив их новыми аргументами. Однако в дальнейшем именно советская сторона, основываясь на так называемом новом мышлении, выдвинула идею об урегулировании разногласий путем компромисса. Японская сторона эту идею отвергла.

Начиная с весны 1989 года советские ученые, представители общественности стали обсуждать различные варианты решения более активно. Г.Ф.Кунадзе и К.О.Саркисов, ведущие советские японоведы, опубликовали статью, в которой они указали на необходимость соблюдения положений Совместной декларации обеими сторонами [«Мировая экономика и международные отношения», 1989, №5]. Были определены обязанности Советского Союза по передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан и обязанности Японии, связанные с их получением. Таким образом, эти авторы выдвинули положение о возможности и необходимости вернуться к обещанию, данному в Совместной декларации, если Япония ответит согласием на компромисс. Последовали и другие инициативы. Б.Н.Славинский внес предложение сделать Южные Курильские острова специальной экономической зоной [«Проблемы Дальнего Востока», 1989, №3]. А.Богатуров написал в журнале «Новое время», что он предлагает рассмотреть вопрос о выводе вооруженных сил с четырех островов. Посол в Токио Н.Соловьев в журнале министерства иностранных дел [1989, №8] высказал мнение, что японо-американский договор об обеспечении безопасности не может служить препятствием для заключения между обеими странами мирного договора. Это можно понять так, что он допускает возможность возвращения к позиции, выраженной в советско-японской декларации 1956 года.

Осенью 1989 года было объявлено о времени визита М.С.Горбачева в Японию. Он приедет в начале 1991 года. А.Н.Яковлев, второе лицо в горбачевском руководстве, посетил Японию в ноябре во главе делегации советского парламента. Эта поездка была своеобразной подготовкой к визиту М.С.Горбачева. В беседе с И.Озава, генеральным секретарем Либерально-демократической партии, А.Н.Яковлев высказал мысль о необходимости найти «третий путь». Хотя эту фразу интерпретировали различным образом, нет сомнения, что советский представитель предлагал решение вопроса путем компромисса.

В октябре, еще до визита А.Н.Яковлева, Японию посетили два сопредседателя оппозиционной группы в новом советском парламенте, Ю.Н.Афанасьев и Г.Х.Попов. Выступая на одном из симпозиумов, Афанасьев высказал мысль, что острова следует вернуть Японии и что, учитывая могущие возникнуть при этом трудности, желательно

принять предложение профессора Вада о демилитаризации и совместном использовании этих островов в качестве промежуточного шага. Он завершил свое выступление замечаниями о том, что проблеме следует решить, полагаясь на компромисс.

Его выступление было искажено передано и подвергнуто критике корреспондентом «Правды» в Токио И.Латышевым. Однако в конце октября, как раз накануне визита А.Н.Яковлева, политический комментатор московского телевидения В.Цветов опубликовал в еженедельнике «Огонек» [1989, №44] интересный «репортаж будущего» о Южных Курильских островах в 2009 году, когда они будут уже демилитаризованы и на них возникнет, наподобие своеобразного Диснейленда, советско-японское туристическое предприятие.

В.Гулий, народный депутат СССР от Сахалинской области, включающей Курильские острова, выступил по московскому радио 30 октября в поддержку идеи демилитаризации, совместного советско-японского владения четырьмя островами. Позднее он объяснил, что это предложение возникло на основе бесед, которые он провел с жителями Южных Курильских островов. С другой стороны, в ноябре японское агентство Киодо Пресс распространило опросные листы среди японцев, которые ранее жили на четырех островах. Почти половина из них поддержала предложение о первоначальном возвращении двух островов и треть из них высказала мнение о желательности совместного управления и совместной эксплуатации четырех островов.

Таким образом, выход из тупика будет виден, если обе стороны согласятся на решение проблемы путем компромисса. Для этого важно, чтобы изменилось общественное мнение Японии и позиции ее государственных деятелей. И такие изменения за последнее время происходят. В январе 1990 года М.С.Горбачева посетил Ш.Абе, бывший министр иностранных дел Японии. Он говорил о том, что для разрешения территориальных проблем необходима «мудрость». Уже упоминавшийся И.Озава сначала в японской прессе, а затем в интервью газете «Правда» высказал мнение, что в вопросе об островах нужны взаимные уступки. В общем, японская сторона все более склоняется к здравому компромиссу.

Правда, за последнее время, как мне кажется, трудности возникли у советской стороны. Осложнение национальных отношений, сложившаяся ситуация в Прибалтике обостряют проблему сохранности национальных границ. Нарастает недовольство в центре России, где болезненно относятся к любому изменению территориальной целостности державы. Все эти факторы, конечно, могут влиять на советско-японские переговоры и политическую волю М.С.Горбачева.

В настоящее время, как мне представляется, экономическое сотрудничество с Японией является для Советского Союза предметом острой необходимости. В то же время успех советской перестройки имеет большое значение для стабильности и безопасности Северо-Восточной Азии, всей Азии и мира в целом. Следовательно, необходимо

добиться решения территориальной проблемы и заключить мирный договор. Перестройка сделала это гораздо более вероятным. Ответные действия со стороны Японии могут помочь поставить точку в многолетнем споре.

Проблема Корейского полуострова

Положение на Корейском полуострове хорошо известно, и нам нет необходимости вдаваться в подробности. Освобожденная от японского империализма Корея 15 августа 1945 года была поделена на две части, оккупированные соответственно вооруженными силами Советского Союза и Соединенных Штатов. В 1948 году были созданы два корейских государства: Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика, причем каждая из них претендовала на монопольное право владения всем Корейским полуостровом и считала другую сторону марионеткой иностранной державы. Казалось, единственным путем объединения может быть только объединение военной силой. В ходе корейской войны попытка Севера поглотить Юг и установить единое коммунистическое правление и попытка Юга разбить Север под знаменем Объединенных Наций оказались одинаково неудачными и оставили после себя глубокое недоброжелательство и ужасные разрушения.

В 1954 году соглашение о перемирии было заключено, ожесточенные военные конфликты продолжались. Однако в 1972 году оба правительства согласились подписать Совместное заявление о принципах воссоединения Кореи. Начался период предварительных переговоров, но стороны, используя в обращении друг к другу официальные названия государств, в то же время не соглашались полностью признать существование этих государств. Газеты Корейской Народно-Демократической Республики постоянно называют правительство на Юге марионеточной кликой, а в Республике Корея все еще действует Акт о государственной безопасности, в соответствии с которым правительство на Севере является для Республики Корея «антигосударственной организацией». Вследствие этого диалог Севера с Югом не может нормально развиваться, ибо его постоянно отбрасывают назад противодействующие факторы.

Мы могли бы выделить четыре таких фактора, препятствующих официальным переговорам. Первый — превышающее разумные пределы достаточности военное присутствие Соединенных Штатов. Оно постоянно воздействует на Север и дает ему аргументы в пользу непризнания правительства Республики Корея. Второй — борьба по вопросу о преимуществе систем. Республика Корея подчеркивает значение своих экономических достижений в 70-е и 80-е годы, в то время как КНДР всегда делает упор на национальную независимость. В-третьих, КНДР сохраняет свою традиционную государственную структуру, которую я назвал бы «государством партизанского отряда»

(«Давайте работать, учиться и жить, как антияпонский партизанский отряд» — типичный для КНДР лозунг). В этом государстве каждый гражданин должен быть бесконечно предан Великому Вождю — точно так же, как партизан должен быть предан своему командиру. Окруженное со всех сторон «врагами», это государство всячески старалось показать себя более могущественным и дееспособным, чем оно есть на самом деле.

Мне представляется, что сплоченность народа вокруг своего вождя при этом остается очень сильной. В противоположность этому в Республике Корея традиционно, и в особенности с 1973 года, активно действует демократическая оппозиция. Нарастание и ослабление демократического движения происходит там с регулярностью морских волн. В 1987 году наконец были достигнуты значительные успехи в демократизации. Однако на пост президента был избран бывший генерал Ро Дэ У, который пока не успел создать широкий консенсус народа, включая студентов и рабочих. Когда правительство Юга желает поддерживать диалог с Севером с целью повышения своего престижа, это не нравится тамошней оппозиции. Правительство на Севере считает себя обязанным помогать любой оппозиции на Юге. Оно склонно прекращать диалог в любом случае, когда противоречия между правительством и оппозицией на Юге становятся достаточно заметными. В-четвертых, остаются опасения, что признание существования двух корейских государств окружающими державами затруднит процесс воссоединения Кореи. Если бы две Кореи получили международное признание, это могло бы затянуть раздел надолго.

Перемены начались с начала 80-х годов. На положение на Севере стала оказывать воздействие реформа в Китае, направленная на модернизацию экономики. В Северной Корее начали осторожно изучать китайский опыт, материалы о работе совместных предприятий и функционировании свободных экономических зон. Китай в свою очередь укреплял экономические связи с Югом, всячески стараясь при этом не затрагивать вопросов политики. Возможно, по совету китайцев Пхеньян постарался улучшить отношения с Москвой. Во времена К.У.Черненко Ким Ир Сен посетил Москву в 1984 году, а советская сторона согласилась прислать самолеты МИГ-23 и другую помощь.

Перестройка опять изменила ситуацию. Она означала демократизацию, представляющую большую опасность для государственной системы КНДР. В то же время на Советский Союз и на некоторые восточноевропейские страны производили большое впечатление экономические успехи Республики Корея, и они пожелали установить с ней более тесные отношения. В сентябре 1988 года дипломатические отношения были установлены между Южной Кореей и Венгрией. КНДР обрушилась на Венгрию с резкой, но безрезультатной критикой, заявив, что она предала дело социализма. Советский Союз принял участие в Олимпийских играх в Сеуле, направив туда также оркестр и балетную труппу.

Помимо развития экономических отношений, был усилен обмен в сфере науки и культуры. Эти предпринятые Советским Союзом шаги помогли южнокорейскому населению избавиться от предрассудков в отношении коммунистических стран. Раздражение Севера было сглажено в результате визита Э.А.Шеварднадзе в Пхеньян в декабре 1988 года. В следующем году связи между Советским Союзом и Южной Кореей продолжились.

Теперь к сотрудничеству двух стран добавился новый компонент. Речь идет о представителях корейской национальности, проживающих в Советском Союзе. Советские корейцы когда-то жили поблизости от своей родины, в Приморском крае. Однако в 1937 году по приказу Сталина 160 000 корейцев были насильственно переселены в Среднюю Азию. Писать об этом было в то время запрещено. Корейцев принудили стать советскими гражданами, лишенными национальных корней.

В процессе перестройки советские корейцы стали в полный голос говорить об этой трагедии и о необходимости возрождения своей национальной самобытности. Они резко осудили действия Сталина и потребовали восстановления исторической справедливости.

Среди советских корейцев есть немало людей, которые одно время работали в КНДР в качестве высокопоставленных руководителей и партийных работников, но были изгнаны из страны Ким Ир Сенем во второй половине 50-х годов. Кроме того, примерно с того же времени в Советском Союзе живет некоторое число политических беженцев из КНДР. Теперь советские корейцы получили возможность посетить Сеул. Наибольшее внимание среди них привлек Ли Сан Чо, бывший заместитель главного представителя КНДР на переговорах о перемирии в Паньмыньчжоне и затем — посол Северной Кореи в Москве, откуда он не вернулся в свою страну. Он весьма откровенно говорил о Ким Ир Сене и о корейской войне на встрече с сеульскими журналистами.

В то же время Сеул стали посещать видные советские ученые и директора научных институтов. Они говорили о том, что Советский Союз готов поддержать предложение о признании двух корейских государств со стороны США, Японии, Китая и СССР и о приеме их по отдельности в Организацию Объединенных Наций. В декабре Советский Союз и Республика Корея подписали соглашение об открытии консульских учреждений и торговых представительств соответственно в Сеуле и Москве. В полном объеме дипломатические отношения между Советским Союзом и Республикой Корея были установлены в сентябре 1990 года.

Столь активные действия Советского Союза, направленные на развитие отношений с Республикой Корея, можно объяснить тремя причинами. Во-первых, Советский Союз хотел бы извлечь выгоды из экономических связей с Южной Кореей. Во-вторых, Советский Союз хочет побудить Японию пересмотреть свое отношение к Советскому

Союзу: мол, если вы не желаете иметь с нами хорошие отношения, то мы тоже можем сделать иной выбор. В-третьих, Советский Союз желает подтолкнуть корейский Север к признанию Юга и развитию сотрудничества с ним.

Воздействие со стороны Советского Союза в сочетании с волнами радикальных перемен в Восточной Европе сильно беспокоит руководителей КНДР. В конце ноября 1989 года им казалось, что единственным обнадеживающим событием является очередной съезд Румынской коммунистической партии. Обращаясь к Чаушеску, заместитель главного редактора газеты «Нодон синмун» говорил: «В настоящее время силы империализма и реакции настойчиво осуществляют планы антикоммунистического и антисоциалистического заговора и используют любые средства, чтобы сокрушить социалистические страны изнутри, подрывая их политико-экономические и культурно-идеологические основы». Отвечая на изменения в мире социализма усиленной идеологической обработкой населения и все более плотным закрытием дверей, Пхеньян оказался в еще более трудном положении.

Чтобы обеспечить действенный диалог между Югом и Севером, Республика Корея должна быть также в достаточной мере демократизирована, с тем чтобы появилась возможность прочного консенсуса в южнокорейском обществе. Пока правительству противостоит весьма влиятельная оппозиция, Пхеньян не перестанет относиться к сеульскому правительству как к «военно-фашистской диктатуре». С другой стороны, КНДР, по-видимому, предостит принять продуманные меры по открытию страны для внешнего мира и по новаторской перестройке экономики.

Для этого нужна хотя бы частичная демифологизация национальной истории, изменения в идеологической сфере. Однако необходимы не только внутренние усилия двух корейских государств, чтобы общая ситуация на полуострове изменилась к лучшему. Большим тормозом продолжает оставаться фактор внешний. Как я полагаю, основная ответственность здесь ложится на Японию и Соединенные Штаты (если учесть, что Советский Союз уже начал активно действовать на Корейском полуострове в духе перестройки).

Японское колониальное владычество в Корее закончилось 45 лет тому назад. Однако японское государство за это время ни разу не выразило раскаяния по поводу преступлений, совершенных им против корейского народа. Корейский народ так и не мог простить этого японскому народу. В 1965 году был заключен японско-южнокорейский договор. В то время премьер-министр Э.Сато говорил в парламенте, что прежнее колониальное правление основывалось на договоре об аннексии, что этот договор являлся выражением взаимной воли и согласия и что власть Японии в Корее была законной до тех пор, пока Корея не стала независимой. Республика Корея настаивала на том, что статью 2 договора следует интерпретировать таким образом, чтобы договор об аннексии объявлялся не имеющим силы с самого

начала. Такая интерпретация была отвергнута японским правительством.

Представляется, таким образом, что японцы еще не устранили все темные пятна в своих взаимоотношениях с народом Южной Кореи. В отношении же Северной Кореи японское правительство вообще ничего не сделало. Оно полностью игнорировало это государство. Правда, в последние годы японское правительство попыталось вступить в переговоры с КНДР с целью добиться освобождения двух японцев, отбывающих там срок заключения (капитана и помощника капитана судна «Фуджисан-мару II»).

В январе 1989 года министерство иностранных дел КНДР сделало заявление, в котором оно подвергло критике позицию японского правительства. Было, в частности, сказано, что японское правительство так и не принесло извинений за превращение Кореи в колонию. В отличие от своей обычной практики министерство иностранных дел Японии немедленно выступило с заявлением, указав на то, что сразу после окончания войны японский народ выразил чувство раскаяния за страдания, причиненные народам соседних стран, включая Южную и Северную Корею. Однако это заявление было недостаточно конкретным, проникнуто не критическим подходом к оценке послевоенного курса Японии и не содержало ни слова о колониальной эксплуатации.

31 января 1989 года на пресс-конференции группы японских ученых и руководителей христианской церкви было оглашено заявление, в котором содержится призыв к японскому парламенту принять резолюцию с выражением раскаяния по поводу колониального господства в Корее. Если эта резолюция будет принята, представители парламента смогут посетить обе части Кореи, чтобы выразить там чувства японского народа. Это может способствовать созданию новых отношений не только между японским народом и Республикой Корея, но и между Японией и КНДР. Как уже отмечалось, государственная идеология КНДР основана на традиции антияпонской партизанской борьбы в Маньчжурии. Искреннее выражение японцами чувства раскаяния в сочетании с рядом сопутствующих мер может ослабить антияпонские настроения КНДР. В 1990 году отмечается восьмидесятая годовщина аннексии Кореи Японией, и японцам давно уже пора сделать надлежащие решительные шаги.

Соединенные Штаты также могут способствовать разрядке напряженности на Корейском полуострове. Им следует наконец ответить на требование КНДР о замене соглашения о перемирии мирным договором. В настоящее время граница является лишь линией перемирия и, конечно, говорить о прочном мире пока не приходится. КНДР, Соединенные Штаты и КНР, которые подписали соглашение о перемирии, должны заключить мирный договор. Республика Корея, которая соглашение о перемирии не подписывала, тем более имеет основания быть приглашенной и также подписать мирный договор. В мирном договоре должно быть сказано, что вплоть до объединения Кореи

мирным путем существующая линия перемирия должна считаться государственной границей между КНДР и Республикой Корея.

Трудно представить себе какое-то иное содержание мирного договора между участниками корейской войны. На нынешний год приходится сороковая годовщина начала корейской войны, и давно пора установить мир на этом полуострове.

* * *

Если в ближайшие годы, кроме установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Республикой Корея, удастся добиться заключения советско-японского мирного договора, установления новых взаимоотношений между Японией и КНДР на основе парламентского заявления о раскаянии по поводу колониального господства, а также подписания мирного договора между участниками корейской войны, в данном регионе восторжествует подлинное взаимопонимание. В этом случае появится возможность создать систему экономического сотрудничества при участии Советского Союза, Китая, КНДР, Республики Корея, Соединенных Штатов и Японии. Такое сотрудничество необходимо и для успешного хода перестройки. Оно может послужить также основой для учреждения в Северо-Восточной Азии регионального органа по обеспечению безопасности и разоружения.

Становление новой Европы

1989 год можно было бы, пожалуй, сравнить по значению для судеб Европы с 1789 годом. 200 лет назад французский народ, взяв штурмом Бастилию, возвестил наступление новой эры демократии как антипода феодальному правлению. Сущность перемен образно выразил Беранже: «Земных владык постигнет злая кара — потонут все бедняжки короли». Ныне очистительная буря народного гнева смела тоталитарные режимы в Восточной и Центральной Европе. Было ликвидировано ужасное порождение сталинизма. Рухнул «железный занавес», отделявший одну часть Европы от другой.

Революции, охватившие страны Восточной Европы, были бы немыслимы без советской перестройки. Именно она явилась началом великих преобразований и предпосылкой возвращения Советского Союза и восточноевропейских государств в лоно европейской цивилизации. Десятилетиями страны Европы к востоку от Берлинской стены насильственно удерживались в стороне от движения современности — глобальных процессов демократизации общества и освобождения как народов, так и отдельной человеческой личности, ставших главной тенденцией мирового развития человеческой цивилизации после второй мировой войны. Ныне эти процессы охватили наконец, правда с большим запозданием, и вторую половину Европейского континента.

Для многих резкий поворот в развитии политической ситуации в Восточной и Центральной Европе явился полной неожиданностью. Особенно неподготовленной к нему оказалась советская общественность. Из года в год ей внушалось представление, что Европа разделилась на две части — отживавшую свой век капиталистическую и восходящую социалистическую. Строй, установленный в восточной части Европы, объявлялся венцом творения человеческого духа. Объективность, правда подменялась победными реляциями, самообманом и обманом других. В массовом сознании, да и в мышлении представителей политической элиты глубоко укоренились примитивные понятия о классовой борьбе на международной арене. Политика строилась на ложных ценностях.

И вот политическая система, господствовавшая более 40 лет в странах Восточной и Центральной Европы, стала разваливаться под напором масс, как картонный домик. Советские и местные консерва-

торы, скрытые и открытые сталинисты забили тревогу: «социализм в опасности», «социалистическое содружество разваливается», «капитализм реставрируется» и пр. Не обошлось без попытки обвинить во всем советскую перестройку и лично М.С. Горбачева. Внутренняя политическая борьба вокруг реформирования социализма стала захватывать и международную область. Чаушеску, например, призывал к созданию «интернационала» консерваторов — противников перестройки, чтобы военной силой повернуть вспять развитие событий в Польше и других восточноевропейских странах. Он заявлял, что реформы придут в Румынию, когда на яблонях вырастут груши. Но история распорядилась иначе. Народы отвергли казарменно-тюремный режим Сталина — Чаушеску. Что он нес им? Подавление личности, материальное и духовное обнищание, низкую эффективность производства, экономическую и технологическую отсталость, моральное и нравственное разложение, тираническую диктатуру одного лица или олигархии, беззаконие и произвол. Все это было естественно и держалось на насилии. Стремление во что бы то ни стало сохранить сталинский псевдосоциализм, продлить его существование привело страны Восточной и Центральной Европы к глубокому кризису.

Можно ли было избежать этого кризиса и возникновения революционных ситуаций в странах восточной части Европы? Наверное, нет. Ибо для этого нужен был демократический механизм власти, умеющий чутко реагировать на веление времени, не скормивший отжившими свой век догмами, подконтрольной общественности и способный устранять от дел некомпетентных или просто невежественных руководителей. Как свидетельствует исторический опыт, господство тоталитарных систем, как правило, заканчивалось для общества трагедией или катастрофой. Ведь и во времена Брежнева было немало попыток предотвратить скатывание стран Восточной Европы к кризисному состоянию. Вспоминаю, например, как Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР еще в 1978 году сигнализировал в докладе для ЦК КПСС об опасности экономического и политического кризиса в Польше. Реакции не последовало. И таких сигналов, оставшихся без ответа, было множество. В одной из подготовленных мною в 1982 году записок института для ЦК партии говорилось о неблагополучии в нашем содружестве и необходимости глубоких реформ. Вот выдержка из этой записки: «Наиболее характерная черта развития взаимоотношений социалистических стран на данном этапе продолжает состоять в том, что оно осуществляется исключительно через высшие эшелоны государственной надстройки, т.е. «по вертикальным связям». Это обусловлено однотипной системой жесткой централизации политического и экономического управления в каждой социалистической стране... Но в современных условиях она уже не вполне отвечает требованиям как внутреннего, особенно экономического, развития социалистических стран, так и их взаимного сотрудничества и взаимодействия.

Одна из важнейших задач ныне состоит, очевидно, в том, чтобы заставить активно работать на социализм весь общественный организм, а не только власть. Ныне существуют многочисленные «приводные ремни» власти к обществу. Теперь важно создать «приводные ремни» общества к социализму. А ими могут быть в первую очередь промышленные и сельскохозяйственные единицы и организации, наделенные большой самостоятельностью в принятии решений и в деятельности. Централизация власти должна разумно сочетаться с инициативой, предприимчивостью, творческим простором на местах, в низовых, базовых звеньях общества. Надо именно в этих звеньях создавать материальные и духовные стимулы, заинтересованность каждого отдельного гражданина в социализме. Без этого общество обречено на экономическую и социальную деградацию и кризис. Если власть наделала глупостей, разложилась, как это было в Польше, социализм не должен ставиться под угрозу. Общественные институты социализма могут предотвратить такое развитие. Если же они отсутствуют, образуется вакуум власти, который может быть заполнен преданной социализму военной силой, либо создается угроза контрреволюции. Следовательно, развитие «горизонтальных связей» и взаимодействий, в первую очередь в экономике, в дополнение к главенствующим «вертикальным связям» важно не только с точки зрения социальной эффективности общества, его экономического, научно-технического и культурного прогресса, но и для гарантии безопасности социализма в каждой отдельно взятой стране. Речь идет, следовательно, о том, чтобы максимально расширить массовую базу социализма через народовластие и тем самым до предела снизить зависимость его от всяких случайностей, аномалий и волюнтаризма.

В этом, по-видимому, должен состоять смысл экономических и социальных реформ в социалистических странах. И они будут иметь в случае осуществления громадное значение для углубления всестороннего сотрудничества социалистических стран. Известно положение, согласно которому для реальных социальных действий необходима общественная потребность, материальный интерес, соответствующие материальные условия. При сотрудничестве социалистических стран на основе «вертикальных связей» эти предпосылки либо отсутствуют вовсе, либо играют несущественную роль. Ведь известно, что хозяйственные единицы одной социалистической страны пока не имеют никакой заинтересованности в сотрудничестве (кооперации) с хозяйственными единицами другой страны. Больше того, такое сотрудничество нередко воспринимается ими как навязанное сверху бремя.

Для того чтобы были созданы материальные условия и возник интерес к такому сотрудничеству, необходимо открыть широкие возможности для «горизонтальных связей», т.е. прямых деловых отношений между предприятиями и организациями социалистических стран. В таком случае сотрудничество вступит в качественно новую, более высокую стадию развития. Возникнут не только предпосылки,

но и общественные потребности в образовании общего рынка и даже общей валюты стран СЭВ. Это двинет вперед дело сближения стран содружества, действительного переплетения их хозяйственных и политических интересов, взаимопроникновения их культур. Интеграция перестанет носить искусственный характер, станет органичным процессом (в смысле свободного передвижения через границы людей, идей, капиталов). Конечно, это дело будущего. Но уже сейчас надо начинать движение к этой цели, и начинать с главного — проведения внутренних экономических и социальных реформ, чтобы высвободить инициативу, творческие силы в базовых звеньях общества соответствующих стран.

Ныне же приходится констатировать, что в рамках мировой социалистической системы значительно замедлились, а в ряде случаев вовсе прекратились процессы интернационализации, которые В.И. Ленин рассматривал как важнейший показатель и предпосылку прогресса человечества. Причина этого состоит прежде всего в том, что жесткий централизм неизбежно порождает стремление к замкнутости, автаркизму, национальной ограниченности, монополии. А всякая монополия, учил В.И. Ленин, ведет к загниванию».

В записках с аналогичными рекомендациями не было недостатка. Они направлялись институтом в адрес ЦК КПСС и другие руководящие органы. Но о них либо не докладывали высокому начальству, заведомо зная, что они вызовут его негативную реакцию и раздражение, либо они отвергались или сводились на нет самым высоким начальством, невосприимчивым к новым идеям, которые не укладывались в рамки заскорузлых догм и сложившихся представлений. Брежневское руководство ничего не хотело менять в существующей системе. Оно готово было идти лишь назад, отбросив даже те небольшие новшества, которые были внесены в сталинскую модель социализма и его теорию после XX съезда КПСС. Так оно само постепенно подготавливало, не сознавая того, почву для революций 1989 года в Восточной и Центральной Европе. А путь к ним шел через разрыв отношений с Югославией в 1948 году, подавление венгерского восстания 1956 года и антисталинских выступлений польского народа в том же году, военный разгром «пражской весны» в 1968 году, через фактический запрет Москвы на проведение венгерской реформы в конце 60-х и на протяжении 70-х годов, через тщетные попытки удержать Польшу на кризисных переломах ее развития в 1970 году и в 80-х годах в рамках сталинской системы правления. Так прежнее советское руководство шаг за шагом теряло морально-политический авторитет Советского Союза как освободителя народов Восточной и Центральной Европы от фашизма. В глазах этих народов Советский Союз из освободителя превращался в жандарма, исключительно консервативную силу, насильно навязавшую им свой негодный строй, препятствующую проведению прогрессивных реформ, не позволяющую жить народам этого региона так, как они хотят, обрекающую их на материальное и духовное прозябание.

Такой подход брежневых, черненко и им подобных к Восточной Европе, как и вся их «философия» и психология, уходит своими корнями в теорию и практику сталинизма. Высшим приоритетом их европейской политики являлось сохранение и закрепление (а при возможности и расширение) «результатов второй мировой войны и послевоенного развития». При этом под «результатами» имелись в виду не разгром германского фашизма, спасение советского и других народов Европы от нацистского порабощения, создание условий для их свободного самоопределения и развития, а распространение сферы советского влияния на всю Восточную и Центральную Европу и утверждение в этом регионе сталинистской командно-административной системы, называемой социализмом. Эту систему они рассматривали как основу советского господства в Восточной и Центральной Европе, что было, конечно, глубоким заблуждением. В брежневской политике в отношении Восточной и Центральной Европы воедино сплелись по сталинскому образцу великодержавные амбиции, идеологическое мессианство и превратно понимаемые интересы национальной безопасности Советского Союза. Прежние вершители судеб советской политики не задавались вопросом: а выгоден ли на деле послевоенный статус-кво для Советского Союза и можно ли вообще сохранить его? Им было невдомек, что ответ на оба эти вопроса может быть только отрицательным. К тому же, изображая себя марксистами, они начисто игнорировали очень важную мысль Маркса, что не может быть свободен тот народ, который угнетает другие народы. Действительно, господство в Восточной и Центральной Европе отрицательно сказалось на внутривнутриполитической и экономической ситуации в Советском Союзе, стимулируя консервацию сталинской системы, подавляя стремления к демократизации.

Но этим дело не ограничивалось. Послевоенный статус-кво скрывал и советскую внешнюю политику. Отличительными его особенностями стали раскол Европы и Германии, конфронтация двух военно-политических и экономических блоков, новые границы, зафиксировавшие территориальные изменения в Европе, противостояние западной демократии и восточного тоталитаризма, структурная несовместимость рыночной экономики Западной Европы и командно-бюрократической экономики Восточной Европы, создавшая почти непреодолимые политические, финансово-экономические, административные, правовые и прочие барьеры в хозяйственном сотрудничестве между двумя частями континента.

С точки зрения советских национально-государственных интересов наиболее ущербным следствием сложившегося статус-кво явилось то обстоятельство, что Советский Союз оказался втянутым в более чем 40-летнюю борьбу с объединенным фронтом западных держав и их союзников, многократно превосходивших по своему экономическому потенциалу нашу страну. В дополнение к этому брежневское руководство еще более усугубило международное положение Советского Союза, обострив до предела, вплоть до военных конфликтов,

отношения с Китаем, ничего не сделало для того, чтобы нормализовать отношения с Японией, бросилось в авантюры в Африке и Юго-Восточной Азии. Верхом политического и стратегического безрассудства с его стороны было открытие еще одного фронта борьбы в «подбрюшье» Советского Союза — Афганистане. Еще никогда в своей истории, за исключением, быть может, кануна 22 июня 1941 года, наша страна не была в столь критической международной ситуации. Проявления сталинизма во внешней сфере достигли к началу 80-х годов, пожалуй, своего апогея.

В ретроспективе ныне отчетливо видно большое отклонение вектора советской внешней политики от курса, соответствовавшего национально-государственным интересам Советского Союза и не наносящего ущерба интересам других народов. Сталинские деформации внутренней политики неизбежно вели к столь же тяжелым деформациям во внешней политике. В 1945—1947 годах перед последней открылся редкостный шанс содействовать созданию вдоль западных границ Советского Союза полосы подлинно дружественных стран от Финляндии на севере до Румынии на юге. Народы Восточной, как, впрочем, и Западной Европы питали чувство глубочайшей благодарности к советскому народу, неподдельного восхищения им, ценою колоссальных жертв и невиданным мужеством спасшим европейскую цивилизацию от фашистской тирании.

В Восточной Европе сложилась совершенно иная, нежели до войны, политико-психологическая атмосфера, исключительно благоприятная с точки зрения надежного обеспечения безопасности Советского Союза. Не могло быть и речи о возрождении какого-либо антисоветского санитарного кордона в этом регионе, как это было после первой мировой войны. Страны Центральной и Восточной Европы встали на путь народной демократии. Это означало государственное устройство на основе народного волеизъявления, политического плюрализма, свободных выборов, парламентской системы с учетом национальных особенностей, традиций и уровня развития каждой страны. Рабочие и коммунистические партии этих стран и многие их руководители (Г. Димитров, В. Пик, В. Ульбрихт и др.) считали этот путь развития наиболее правильным, способным привести к демократическому социализму. «Мы придерживаемся взгляда, — говорилось в Программе ГКП, принятой 12 июня 1945 года, — что было бы неправильно встать на путь навязывания Германии советской системы, ибо этот путь не соответствует нынешним условиям развития Германии. Мы склоняемся больше к мнению, что в современной обстановке решающие интересы немецкого народа предписывают иной путь для Германии, а именно создание антифашистского демократического режима, парламентской демократической республики со всеми демократическими правами и свободами для народа».

Если бы страны Восточной Европы пошли таким путем, то Европейский континент не был бы расколот на две изолированные и враждебные друг другу части, не возникло бы ожесточенной и опасной

конфронтации Восток — Запад, против СССР не образовалась бы объединенная коалиция западных держав и он получил бы возможность сосредоточить усилия на решении внутренних задач — повышении благосостояния народа, развитии политических институтов, экономики, науки, техники и культуры. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы выбрал такой вариант развития. Тоталитарный, сугубо антидемократический характер его власти постоянно толкал его все дальше на насилие как внутри страны, так и в сфере внешней политики. Поэтому вскоре после разгрома Германии он продолжил свой довоенный великодержавный экспансионистский курс на расширение сферы советского влияния в Европе, начало которому было положено в пакте с Гитлером от 23 августа 1939 года. Теперь речь шла уже о господстве над всей Восточной и Центральной Европой и установлении там режима сталинского типа. Трудно пока сказать, отдавал ли Сталин себе отчет в том, что такая политика неизбежно столкнет Советский Союз с объединенным фронтом стран Запада, для которых советское господство над восточной частью Европейского континента виделось в политическом и геостратегическом плане как величайшая угроза их позициям. Так или иначе, следование этим курсом ввергло Советский Союз в состояние «холодной войны» и небывалой военно-политической конфронтации со всем Западом, конфронтации, которая надорвала силы страны и самым пагубным образом отразилась на ее политическом, экономическом положении, моральном состоянии общества. Сталин нарушил завет Ленина о том, чтобы ни в коем случае не допускать образования единого фронта западных держав против Советской страны. Не учитывал он и трагических уроков авантюрной политики Гитлера, объединившего против Германии все великие державы и приведшего немецкий народ к национальной катастрофе. Сталин грубейшим образом нарушил основополагающий принцип внешней политики — всегда ставить перед ней цели, соответствующие реальным возможностям их осуществления. Все шло от его некомпетентности и необразованности, безграничного властолюбия, великодержавного тщеславия, патологического стремления войти в историю в качестве великого деятеля, от его неспособности предвидеть ход развития событий, от примитивизма мышления, скованного идеологическими догмами.

Первые робкие попытки отойти после XX съезда КПСС от сталинского курса в отношении Восточной Европы, выразившиеся в признании за каждым народом права выбирать путь своего развития (как это зафиксировано, например, в советско-югославской декларации 1956 года), были перечеркнуты в 1956 году кровавым подавлением восстания венгерского народа, поднявшегося против навязанного извне тоталитарного правления клики Ракоши. Слишком глубоко укоренился дух сталинизма в тогдашней советской политике, слишком многочисленны и влиятельны были его носители, чтобы построить отношения Советского Союза и стран Восточной Европы на качественно новых, демократических принципах. После неосталинистского переворота в

1964 году всякие идеи о демократизации и либерализации этих отношений были преданы забвению и запрету. Они уступили место «доктрине Брежнева». Страны Восточной Европы были посажены на «короткий поводок». Да и в них самих выросли «маленькие сталины» в образе Чаушеску, Хонеккеров, живковых и других, олицетворявших собой отжившую командно-бюрократическую систему, которая никак не вписывалась в постиндустриальный век научно-технической и информационной революции.

Для сохранения и укрепления господства над Восточной и Центральной Европой и охраны насажденной в ней сталинистской системы требовались гигантские вооруженные силы. Логика борьбы с НАТО, противостояния его стратегии «сдерживания», «отбрасывания», «устрашения» требовала постоянного их качественного и количественного роста. Брежневское руководство дошло в этом деле до абсурда, поставив задачу добиться военно-стратегического паритета со всеми окружающими Советский Союз внешними силами. Такая военная мощь требовалась брежневскому руководству и для обеспечения «заморской экспансии» с целью насаждения режимов «социалистической ориентации» в совершенно не готовых для этого странах на отдаленных континентах. К началу 80-х годов советским вооруженным силам не было равных в мире по численности личного состава и боевой техники. Они далеко превзошли оборонные потребности страны. Ясно, что на Западе размеры советской военной мощи и ее наступательный характер вызывали большую тревогу. Это служило лучшим цементирующим материалом для НАТО. Вместе с тем там поняли, что если поглубже втянуть Советский Союз в водоворот гонки вооружения, то это подорвет его экономику. И это лучший способ ослабить Советский Союз, расшатать его позиции в Восточной Европе и других регионах. Ведь советский ВВП в два с лишним раза меньше американского. А тут еще потенциалы ФРГ, Франции, Англии, Японии и др. С ними ни в какое сравнение не идут по экономической и военной мощи восточноевропейские союзники СССР. Красноречивая цифра: советская доля в военных расходах Варшавского Договора всегда составляла более 90 процентов, а американская в аналогичных расходах НАТО — около 50 процентов. На протяжении десятилетий Советский Союз вынужден был выделять на военные цели во много раз большую долю своего ВВП, чем США и их западные союзники. Конечно, это не могло не привести к разорению советской гражданской экономики, последствия чего мы остро ощущаем ныне. Другим результатом столь безрассудной политики явилась небывалая милитаризация советского общества, его экономики, массового сознания и массовой психологии. Так, с советским господством в Восточной и Центральной Европе оказались теснейшим образом связаны и «холодная война», и конфронтация Восток — Запад, и раскол Европы, и небывалая гонка вооружений, и бесправие народов Восточной Европы, и подрыв советской экономики, и милитаризация нашей страны. Таково сталинское наследие во внешней политике.

Став хранителем этого наследия, брежневское руководство сделало основную ставку на военную силу и командно-бюрократическую систему, полагая, что они будут надежными гарантами незыблемости статус-кво. Это было глубоким заблуждением. Оказалось, что можно обладать колоссальной военной мощью и быть политически бессильным, не способным влиять на развитие событий. Под покровом военной силы все более бурно нарастали процессы эрозии советских позиций в Восточной и Центральной Европе. Военной силой нельзя было компенсировать органические пороки сталинистской политической и экономической системы, которая все глубже втягивала страны этого региона в тяжелый внутренний кризис. Из зоны воображаемой безопасности для Советского Союза Восточная и Центральная Европа все больше превращалась в регион нестабильности и социально-политических потрясений.

И тем не менее находятся сегодня деятели, которые в своем великодержавном ослеплении пытаются представить преобразования в этих странах, направленные на преодоление кризиса и воссоздание демократических основ общества, как крушение послевоенных усилий и достижений советской политики, как упразднение ялтинского и потсдамского соглашений, подрыв интересов Советского Союза. Они не видят или не хотят видеть, что процессы, развернувшиеся в Восточной и Центральной Европе, отвечают самым насущным интересам как нашей страны, так и остальных европейских стран.

Какие же преимущества сулит Советскому Союзу нынешнее развитие в этом регионе? Прежде всего — это окончание «холодной войны» и изнуряющей конфронтации со всем Западом, поскольку исчезает их главная причина — советское господство над Восточной Европой. Громадная заслуга перестройки советской внешней политики состоит именно в том, что после 1985 года начался систематический и целенаправленный демонтаж первопричин конфронтации Восток — Запад, а не ее последствий, как это было раньше, при брежневском руководстве (например, в вопросе сокращения гонки вооружений). Воплотилось это в новом мышлении и новой внешнеполитической практике. «Доктрина Брежнева» уступила место универсальному принципу свободы выбора и невмешательства во внутренние дела, ущербный и опасный классово-идеологический, левосектантский подход — приоритету общечеловеческих ценностей, произвол — уважению международного права, попрание нравственности — следованию моральным нормам. Этот поворот в советской внешней политике подготовил почву для коренного изменения характера отношений Советского Союза со странами Восточной Европы. Не диктат, не подчинение стали его отличительной особенностью, а полное равноправие, уважение суверенитета и национально-государственных интересов, свободы развития, не формально-показные, а подлинно дружественные, партнерские, гармоничные, основанные на доверии взаимоотношения. Советское господство над Восточной и Центральной Европой оказалось не то что ненужным, а даже контрпродуктивным с точки

зрения национальных интересов Советского Союза. Приверженцы старой политики пугали: США и их союзники заполнят «вакуум силы», который возникнет в Восточной Европе, если она перестанет быть в сфере советского влияния. Но ничего подобного не происходит. Во-первых, сама постановка такого вопроса ложна. Это взгляд прошлого века. В Восточной Европе не может быть «вакуума силы», ибо она превращается в регион самостоятельных, суверенных государств. Во-вторых, западные державы дали понять, что будут уважать особые интересы безопасности Советского Союза и не предпримут в этом регионе ничего, что могло бы поставить их под угрозу и нарушить европейскую стабильность. С обеих сторон возобладал здравый смысл, отход от конфронтационного духа, общая заинтересованность в постепенном демократическом и мирном переходе к новому качеству международных отношений в Европе. Так открылись возможности для решения многочисленных международных проблем, доселе казавшихся неразрешимыми. Началось реальное разоружение и сокращение вооруженных сил обоих блоков до минимальных размеров, так как стратегия «устрашения» НАТО лишилась оправдания, а бывшие функции советских войск в Восточной Европе утратили свое значение, и их дальнейшее пребывание на территории восточноевропейских стран становится просто излишним; противостояние двух блоков сменяется их сотрудничеством в поддержании европейской стабильности и безопасности. Эта роль сохранится и даже усилится на ближайшую перспективу, пока в Европе не возникнет и не утвердится новый, мирный порядок. Контуры этого нового европейского порядка начинают уже постепенно вырисовываться. Разумеется, он будет характеризоваться не расколом Европы, а полным восстановлением ее единства, созданием целостного политического, экономического, культурного и правового европейского пространства от Атлантики до Урала, возвратом к единой европейской цивилизации, основанной на общих гуманистических и демократических ценностях и нормах общечеловеческого бытия. Блоковая структура международных отношений в Европе постепенно сойдет на нет. Что же придет ей на смену? Станет ли Европейское сообщество с его зародышами общеевропейских институтов, теснейшим переплетением экономики его стран, с Европейским парламентом и единым европейским гражданством прообразом будущей Европы? Или на Европейском континенте останутся региональные интеграционные группировки, тесно взаимодействующие между собой? Или, может, они будут дополнены субрегиональными интеграциями — придунайской, центральноевропейской, северо-европейской и другими? Наиболее приемлемой представляется концепция европейской конфедерации, приобретающая все большее число сторонников. В пользу такой конфедерации высказался президент Франции Миттеран, еще ранее — съезд СДПГ. В конфедерацию могли бы войти все европейские государства, которые учредили бы общеевропейский парламент и общеевропейские органы политического, экономического, научного, гуманитарного и экологического сотрудничест-

ва. В такой конфедерации каждый народ смог бы сохранять свою самобытность, вносить свой вклад в общеевропейское развитие и пользоваться благами общеевропейского сотрудничества. В новой Европе не должно быть места для вражды, великодержавности, стремления к господству, для идеологического и социально-политического мессианства, нетерпимости, национализма, национальной изолированности. Границы перестанут быть барьерами на пути общения народов. Через них свободно станут перемещаться люди, идеи, капиталы. Утопия? Нет. Вполне реальное будущее. К нему Европу подвело прошлое с его бесчисленными войнами, невероятными страданиями народов, безрассудством, глупостью и преступлениями, возведенными в ранг государственной политики.

Стремление к преодолению этого прошлого нашло свое отражение в Заключительном акте общеевропейского совещания в Хельсинки и в последующем развитии общеевропейского процесса. Однако Хельсинкский акт был призван создать модус вивенди между двумя блоками государств. Для середины 70-х годов это было большим достижением. Но брежневское руководство усматривало в Хельсинкском акте прежде всего средство для закрепления «послевоенных реальностей», консервации раскола Европы. Все остальное — демократические, гуманные, нравственные нормы поведения государств на международной арене — просто не вписывалось в неосталинистскую по своей сути концепцию Брежнева и его единомышленников. Своей последующей внутренней и внешней политикой они фактически перечеркнули то позитивное, что было в Хельсинкском акте, и подорвали общеевропейский процесс.

Ныне М.С. Горбачев в повестку дня европейской политики выдвинул созыв новой общеевропейской конференции — Хельсинки-2. Эта инициатива получила широкий резонанс. В центре внимания конференции должны быть вопросы преодоления противоестественного раскола Европы и германской нации, строительства общеевропейского дома, радикального сокращения вооруженных сил и вооружений в Европе, укрепления европейской безопасности, стабильности и сотрудничества. Она должна наметить реальные меры и определить содержание наиболее ответственного и сложного переходного периода в движении Европы к новому, мирному порядку. Европейские народы уже вступили в этот период. Сущность его состоит в адаптации и сближении политических и экономических структур стран Восточной и Западной Европы, восстановлении насильственно разрушенных традиционных связей между ними, в формировании общеевропейских политических, экономических и морально-этических ценностей как идейного фундамента общеевропейского дома. Необходимые предпосылки для этого создают общественные преобразования, развернувшиеся в Советском Союзе и странах Восточной и Центральной Европы. Процессы, происходящие уже в этих странах, можно было бы охарактеризовать как восстановление социальной среды обитания человеческой личности и общества, которая была

варварски разрушена политикой сталинизма. Результатом этой политики явилась неспособность общества нормально функционировать и развиваться, удовлетворять свои материальные и духовные потребности, его самоизоляция от мирового развития, враждебность внешнему миру. В устранении сталинских деформаций и извращений страны Восточной и Центральной Европы уже опередили Советский Союз. Там значительно быстрее идет восстановление разрушенных или деформированных компонентов социальной среды. В сфере политики — это воссоздание правового, демократического государства на принципах верховенства народной воли, разделения властей, свободы альтернативных выборов, свободы личности, совести и информации, отказ от монополии одной партии на всеохватывающую власть и введение политического и мировоззренческого плюрализма, признание законности и необходимости оппозиции, деполитизация государственного аппарата, армии, полиции, госбезопасности, обслуживавших ранее диктатуру одного лица или партийной олигархии, открытость внешнему миру; в экономической сфере — это переход от государственно-бюрократического к рыночному хозяйству, восстановление непосредственной связи между рынком и производством, обобществление государственно-аппаратной собственности с передачей права распоряжаться ею непосредственным производителям, восстановление самостоятельности предприятий как субъектов народного хозяйства, воссоздание денег как всеобщего эквивалента стоимости, введение конвертируемой валюты; в моральной сфере — это возврат к таким нормам, как достоинство личности, честь, человечность, терпимость, милосердие и др. Многие из этих ценностей еще совсем недавно объявлялись порождением капиталистического общества. На самом деле они — продукт, венец длительного развития человеческой цивилизации, выстраданы ею. Никакое общество не может без них существовать и нормально функционировать, не подвергаясь опасности деградации и разложения. Тем более социалистическое. Опыт сталинизма в политике, экономике, науке и культуре более чем достаточно продемонстрировал это.

Без полного восстановления этих общечеловеческих ценностей в своей общественной жизни Советский Союз и страны восточноевропейского региона не смогут быть полноправными и уважаемыми членами общеевропейского дома и эффективно, с большой отдачей для себя участвовать в общеевропейском экономическом и научно-техническом сотрудничестве. Больше того, без них вообще трудно представить себе возведение общеевропейского дома, а также создание нового европейского мирового порядка, свободного от страха войны, угнетения всех видов и вражды, порядка, который сможет обеспечить всем европейским народам благоденствие и прогресс.

Узы, которые связывают: отношения Советского Союза с Восточной Европой

Система контроля при Сталине

Многие разногласия в области изучения Советского Союза и стран Восточной Европы связаны с оценкой роли сталинизма как системы, оказавшей влияние на политику и повседневную жизнь в СССР и экспортированной в страны (Восточного) блока в период 1945—1953 годов. Что касается стран Восточной Европы, то основное внимание обращается на степень советского контроля. Одна группа исследователей считает отличительными чертами сталинского правления в странах Восточной Европы культ личности, авторитарный характер московского правления и подчеркивает значение террора и чисток. Другие исследователи придают наибольшее значение не переходящим чертам этого периода, которые умерли вместе со Сталиным, а созданию и действию тотальной системы контроля, которая Сталина пережила.

Однако обе эти позиции не исключают друг друга. Период 1945—1953 годов характеризовался как насильственными действиями, которые были подвергнуты критике самими Советами после 1953 года, так и созданием основ для последующего формирования блока социалистических стран. Советская терпимость к разнообразию несколько возросла после 1953 года, но обширная, хотя и далекая еще от совершенства система контроля, заложенная в сталинский период, выжила. И хотя Варшавский Договор не был заключен до 1955 года, большая часть рычагов, использованных Советами для воздействия на события в Восточной Европе, уходит своими корнями именно в этот период.

Вследствие десталинизации, большей сплоченности блока, а также укрепления позиций стран Восточной Европы в их отношениях с Советским Союзом характер и степень советского контроля в последующие годы изменились. Однако, несмотря на возросший, в общем, уровень терпимости по отношению к изменениям и реформам, терпи-

---

* Д-р Карен Давиша является профессором университета штата Мериленд в Колледж парк. Данная глава взята из второго издания ее книги «Восточная Европа, Горбачев и реформы» («Кэмбридж юниверсити пресс», 1990).

мости, которую проявили сменявшие друг друга руководители после- сталинского периода, нельзя забывать того факта, что преемниками Сталина были приняты такие решения, как строительство Берлинской стены и вторжение в Венгрию и Чехословакию. Поэтому трудно не согласиться с заявлением советского историка Роя Медведева о том, что, хотя социализм и «не порождает беззакония... мы знаем, что сам по себе он не является гарантией от беззакония и злоупотребления властью». Более того, несмотря на значительные изменения в использовании Советским Союзом средств и методов обеспечения своего влияния в Восточной Европе, вряд ли можно, даже с переходом СССР в эру Горбачева, опровергнуть сделанное Медведевым раньше заключение о том, что «не все, связанное со Сталиным, мы оставили позади, далеко не все» [R o y A. M e d v e d e v. *Let History Judge: The Origin and Consequences of Stalinism*. N.Y.: Knopf, 1972, p.566].

Большинство авторов считают сталинизм внутренней для СССР системой, и лишь некоторые из них проследили основные черты сталинизма в международных отношениях. Что представляют собой эти черты и к каким методам прибегали Советы в начальный период с 1945 по 1953 год? Можно выделить три основных элемента сталинизма в международных отношениях. Первый из них — внедрение единой политической модели. Хотя сталинизм формировался в СССР на протяжении двух десятилетий, только после его повсеместного и единообразного внедрения в страны Восточной Европы появилась возможность выявить, как отмечает польский эмигрант, экономист Владзимерж Брус, основные признаки этой сталинской модели, перенесенные в Восточную Европу в период 1945—1953 годов: культ личности; авторитарная власть, при которой нижестоящие органы служат приводными ремнями, обслуживающими руководство; широкое использование методов террора и регулярных чисток как средств контроля над всеми слоями населения; подчинение всей деятельности в сферах культуры, экономики и социальных отношений интересам государства. Повсеместное внедрение этой модели под непосредственным руководством Сталина означало качественный отход от ленинских принципов. Лишь немногие восточноевропейские коммунистические лидеры смогли или предпочли воспротивиться внедрению в их странах этой модели. Югославский лидер Тито смог оказать сопротивление и предотвратить проникновение в его страну наихудших проявлений сталинизма. Польский лидер Владислав Гомулка был еще одним деятелем, который оказал сопротивление, но он стал жертвой советских чисток, проводившихся по образцу чисток 30-х годов и накрывших своей тенью Восточную Европу в конце 40-х годов. После смерти Сталина Гомулка был реабилитирован и избран руководителем правящей Польской объединенной рабочей партии. В то время он предложил следующий убедительный анализ «революции сверху» и культа личности, ранее экспортированного в Восточную Европу:

«Культ личности является определенной системой, которая господствует в Советском Союзе и которая внедрена, по-видимому, во все коммунистические партии...

Сущность этой системы состоит в том, что создается персональная иерархическая лестница культов.

...В блоке социалистических стран именно Сталин стоял на верху этой иерархической лестницы. Все те, кто стоял ниже на ступенях этой лестницы, преклоняли перед ним свои головы... Первые секретари центральных комитетов партий различных стран, стоявшие на второй ступени лестницы культа личности, в свою очередь покрывали себя мантией непогрешимости и мудрости. Но их культ действовал только на территории тех стран, где они занимали верхние ступеньки национальной культовой лестницы. Такой культ можно было бы назвать отраженным сиянием или заимствованным светом. Он светил так же, как светит луна» [Zbigniew Brzezinski. The Soviet Bloc, Unity and Conflict Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967].

Вторым решающим элементом сталинизма как системы международных отношений было отрицание независимости, суверенитета и равного статуса любого государства блока. В то время как двусторонние договоры, подписанные после войны, создавали иллюзию возникновения межгосударственной системы, Сталин фактически не рассматривал свои отношения с блоком как сферу международной политики. Он скорее считал отношения с этими странами продолжением своей внутренней советской политики. Поэтому все обычные механизмы и каналы межгосударственных отношений были при Сталине развиты слабо и даже деформированы. Советское министерство иностранных дел также не предпринимало никаких шагов для развития системы межгосударственных отношений, а стремилось лишь служить инструментом расширения сферы сталинского правления. Казалось поэтому вполне естественным, что заместителем министра иностранных дел был назначен Андрей Вышинский, бывший главным обвинителем на показательных судебных процессах 30-х годов, который в своей новой должности наблюдал за проведением подобных судебных процессов в Восточной Европе. Более того, советские советники и служащие посольств занимали в этих странах ключевые позиции, нередко руководя делами этих стран, как будто они были республиками, входящими в состав СССР. Советские послы срочно вызывали восточноевропейских лидеров в посольства на инструктажи и консультации. Советские советники были размещены во всех частях структуры вооруженных сил и аппарата госбезопасности в каждой из стран, так что они неофициально, но весьма эффективно контролировали их деятельность.

Так, по словам бывшего генерального секретаря правящей Польской объединенной рабочей партии Эдварда Охаба, «чаще всего за советскими советниками оставалось последнее слово во многих мини-

стерствах, и особенно в министерстве государственной безопасности» [«Them»: Stalin's Polish Puppets. N.Y.: Harper & Roy, 1987, p.49]. В той же Польше должности министра обороны и многих старших офицеров занимали или советские граждане, или лица, имеющие двойное гражданство.

Третьим элементом сталинизма в международных отношениях был упор на двусторонние отношения в ущерб многосторонним. Подчиненным Москве социалистическим странам мешали развивать самостоятельные связи друг с другом. Надежды на послевоенное сотрудничество стран блока не оправдались, так как Сталин придерживался политики «разделяй и властвуй», отвергая любые самостоятельные попытки сближения между отдельными восточноевропейскими странами, в частности установления более тесного сотрудничества между Польшей и Чехословакией или предложение о создании союза Балканских государств. Правда, в течение этого периода Советы создали несколько многосторонних организаций. Самой известной из них была организация Коминформ, образованная в 1947 году; официально она предназначалась для обмена информацией и опытом, но фактически стала инструментом советского идеологического контроля, как это поняли югославы уже на следующий год, когда Коминформ использовался для объединения стран блока против них. Кроме того, в 1949 году был создан Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) по аналогии с планом Маршалла, но первый пошел по пути авторитарического развития. Цели этих организаций были почти полностью подчинены советским интересам.

Таковы, следовательно, основные черты сталинизма в международных отношениях: экспорт культа личности под видом «революции сверху»; отрицание независимости, суверенитета и равенства восточноевропейских стран и вместо этого полное их подчинение советским интересам; изоляция восточноевропейских стран друг от друга. Используемые для этих целей средства включали непосредственное вмешательство Сталина, контроль со стороны советских эмиссаров, размещение советских офицеров связи на ключевых политических постах в службах безопасности, в военных ведомствах и, конечно, обширные связи и взаимодействие с промосковскими фракциями восточноевропейской коммунистической элиты.

Как будет показано в последующих разделах, Москва вовсе не отказалась от использования всех этих механизмов после 1953 года, однако Советы стали в большей мере полагаться на партийные связи и уступчивость самих восточноевропейских элит.

Состояние блока после Сталина

Десталинизация ограничила проявления своеволия в Восточной Европе. Хотя угроза применения силы осталась, преемники Стали-

на фактически отказались от практически прямого и открытого контроля деятельности всех ключевых министерств и ведомств в каждой из столиц блока. Десталинизация способствовала также развитию многосторонней дипломатии, что привело к созданию в 1955 году Организации Варшавского Договора и к укреплению Совета Экономической Взаимопомощи. Сначала Георгий Маленков, а затем и Никита Хрущев руководили проведением политики «нового курса» во внутриблоковых отношениях, обещая положить конец эксцессам сталинизма и признавая возможность «различных путей к социализму».

Хрущев был обвинен в 1964 году неосталинистскими правыми силами в том, что в стремлении устранить наиболее изжившие себя рычаги управления он почти «выплеснул из корыта ребенка вместе с водой» [Roy Medvedev's Political Diary, ed. in *An End to Silence*. N.Y., Norton, 1982]. Но какими бы ни были намерения сторонников твердого курса советского руководства, к 1964 году сталинские методы стали неприемлемыми и прибегались лишь на крайний случай. Советы вынуждены были внедрить более тонкие, не столь вызывающие методы и формы сохранения контроля уже на «нормальной» основе. В частности, они сделали межпартийные связи стержневым механизмом для обеспечения блокового консенсуса, поддерживающего советские интересы.

Межпартийные отношения

Из всех методов и форм после смерти Сталина выделилась система отношений между правящими коммунистическими партиями, ставшая стержнем гегемонистской позиции Советского Союза в блоке. С роспуском Коминтерна в 1956 году и усилением соперничества со стороны китайского коммунизма и еврокоммунизма в 60-х и 70-х годах появились предсказания о том, что институты Варшавского Договора заменят коммунистические партии в качестве ключевых средств реализации взаимосвязей и влияния внутри блока. Однако, рассматривая военно-партийные отношения, генерал Алексей Епишев, в течение длительного времени занимавший должность начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, подчеркнул главенствующую роль партии в отношениях внутри блока. Назвав партию «главным фактором» в укреплении союза и сплоченности социалистического содружества, он процитировал по этому вопросу следующее высказывание лидера КПСС Леонида Брежнева:

«Основа основ нашего тесного сотрудничества, его живая душа и направляющая организующая сила — это, конечно, нерушимый боевой союз коммунистических партий стран социализма, единство их мировоззрения, единство целей, единство воли» [Е п и ш е в А.А. Партия и армия. М., Воениздат, 1980, с.345].

Важность сохранения связей между правящими коммунистическими партиями для Советского Союза постоянно подчеркивалась всеми генеральными секретарями ЦК КПСС, включая Горбачева, до тех пор, пока эти партии в 1989 году не начали терять власть.

Эти отношения базировались на принятых в Восточной Европе трех ключевых принципах, сформулированных в основном Советским Союзом. Первым из них является социалистический интернационализм; этот принцип был вновь выдвинут после 1968 года в так называемой доктрине Брежнева, или доктрине ограниченного суверенитета. До этого Советы отказались от сталинской формулировки, гласящей, что «интернационалистом является тот, кто неуклонно способствует усилению Советского государства», и провозгласили свою приверженность принципу полного равенства между социалистическими странами. Однако сомнения в отношении этого принципа, высказанные китайцами, албанцами, румынами и чехословаками в середине 60-х годов, привели к его основательному пересмотру. После вторжения в Чехословакию интернационализм стал означать признание того, что величайшей силой блока социалистических стран является их классовое единство. Поэтому суверенные государства должны были подчинить свои национальные интересы исторически более прогрессивным интересам социализма. Так как Советский Союз считался самым опытным в строительстве социализма, этот принцип на практике ограничивал суверенитет восточноевропейских стран в гораздо большей мере, чем суверенитет СССР.

Коллективная приверженность принципу социалистического интернационализма упрощала и легализовала создание внутри блока формальных и неформальных механизмов, которые фактически сильно ослабляли государственный суверенитет. В число этих механизмов входила целая система постоянных консультаций на высшем уровне, практика обменов и переворотов между Советами и лидерами всех коммунистических партий восточноевропейских стран. Межпартийные соглашения между Москвой и «восточноевропейской пятеркой» (куда входили ГДР, Чехословакия, Польша, Венгрия и Болгария, но не входили Румыния, Югославия и Албания) обеспечивали функционирование перекрещивающихся партийных связей, которые позволяли Советам осуществлять подготовку кадров и одновременно следить за событиями внутри блока.

Именно эта система партийных связей была наиболее эффективным средством повседневного влияния, координации и консультаций внутри блока.

Москва использовала также принцип социалистического интернационализма для убеждения в том, что, хотя она и является старшим партнером, укрепление единства блока является обязанностью всех входящих в него государств. Вследствие этого урегулирование и предотвращение кризиса в какой-либо стране блока становилось делом коллективной ответственности всех его членов. Основным механизмом преодоления кризисов были двусторонние каналы, но

Москва часто использовала и многосторонние форумы блока, чтобы заручиться согласием партнеров на применение тех или иных средств преодоления кризисов или предотвращение их распространения. Так, во время кризисов в Чехословакии и Польше Советы использовали формальные и неформальные многосторонние встречи, чтобы найти пути борьбы с возникающей угрозой.

М.С. Горбачев, придя к власти, постепенно отошел от ограничительного толкования концепции социалистического интернационализма. Так, в одной из наиболее важных речей, посвященной 70-летней годовщине Октябрьской революции, он изложил свою точку зрения по этому стержневому вопросу следующим образом. Подтвердив формулу Н.С. Хрущева о различных путях к социализму, он заявил, что «все партии полностью и необратимо самостоятельны. Мы сказали об этом еще на XX съезде. Конечно, потребовалось время для того, чтобы освободиться от старых привычек. Однако теперь это — непреложная реальность». Продолжая обсуждение практики социалистического интернационализма, он выделил необходимость безусловного и полного равенства, ответственности правящей партии за положение дел в своем собственном государстве... серьезной оценки того, что было достигнуто или испробовано друзьями, ... добровольного и разнообразного сотрудничества. Однако расширение понятия социалистического интернационализма ни в коем случае не свидетельствовало о том, что он больше не считается основным принципом внутриблоковых отношений. Наоборот, подчеркнул Горбачев, «знали мы и об ущербе, какой могут наносить ослабление интернационалистского начала во взаимоотношениях социалистических государств, отступления от принципа взаимной выгоды и взаимопомощи...» [Г о р б а ч е в М.С. Речь, посвященная годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. 2 ноября 1987 г.].

Только в 1988 году из Москвы начали поступать официальные сообщения, убеждавшие в том, что Советский Союз в своих отношениях с другими партиями больше не будет придерживаться принципа социалистического интернационализма. В важном заявлении, сделанном совместно с югославами 8 марта 1988 года, были подтверждены принципы независимости и суверенитета всех государств, «неотъемлемое право» всех партий «принимать решения при выборе путей социального развития» и «недозволенность вмешательства во внутренние дела под каким бы то ни было предлогом» [«Правда», 19 марта 1988 г.]. В своей речи на XIX партийной конференции в июне 1988 года Горбачев также отметил, что «навязывание извне — любыми средствами, не говоря уже о военных, — социального строя, образа жизни, политики это опасные доспехи прошлых лет» [Г о р б а ч е в М.С. Доклад ЦК КПСС на XIX Всесоюзной конференции КПСС. 28 июня 1988 г.]. Многие из его высших советников в области внешней политики, включая работников Центрального Комитета Николая Шишлина и Георгия Корниенко, недвусмысленно заявили в ответ на вопросы западных репортеров: «Мы считаем, что

суверенитет государства, каким бы оно ни было, не должен быть ничем и никем ограничен... Мы отказались от брежневского принципа ограниченного суверенитета».

В самый разгар далеко идущих преобразований, охвативших Восточную Европу осенью 1989 года, когда Запад внимательно следил за тем, попытается ли Москва стабилизировать ситуацию в этом регионе, выступив в защиту своих традиционных интересов, советское руководство еще дальше отошло от своих старых принципов социалистического интернационализма. В важной декларации, подписанной совместно с Финляндией в октябре 1989 года, советская сторона связала себя следующим обязательством: «Не может быть оправдано никакое применение силы: ни одним военно-политическим союзом против другого, ни внутри этих союзов». Далее в декларации излагались принципы, которые, в сущности, должны прийти на смену социалистическому интернационализму как норме взаимоотношений между социалистическими странами: «Свобода социально-политического выбора, деидеологизация и гуманизация межгосударственных отношений, подчинение внешнеполитической деятельности международному праву, верховенство общечеловеческих интересов и ценностей» [«Правда», 27 октября 1989 г.]. Эти принципы были подтверждены на первом же пленуме ЦК КПСС, проведенном после смены руководства в ГДР, Польше, Чехословакии и Болгарии; тем самым была выражена готовность Москвы строить свои отношения с другими коммунистическими партиями (многие из которых к тому времени фактически уже не были правящими) на новых основах. Полное отсутствие в этих заявлениях всяких упоминаний о социалистическом интернационализме является недвусмысленным указанием на признание Советами того факта, что они не могут больше полагаться на «классовую солидарность» братских партий, чтобы автоматически обеспечить себе влиятельное положение в Восточной Европе [см. «Правда», 10 декабря 1989 г.].

Вторым ключевым принципом является демократический централизм. Этим принципом организации деятельности внутрипартийных структур руководствовались все коммунистические партии с момента его провозглашения Лениным, который настаивал, чтобы все братские партии, входящие в Третий Интернационал (он назывался также Коммунистическим Интернационалом, или Коминтерном), приняли этот принцип в качестве главной организационной концепции. В дальнейшем коммунистические партии перенимали советский опыт, придавая своей структуре пирамидальный характер и создавая внутри каждой из партий одинаковую влиятельную прослойку освобожденных кадровых партийных работников для контроля за менее влиятельными органами, демократически избранными членами партии. Именно эта характерная модель партийной организации, исторически сложившаяся внутри коммунистических партий, отличала их от других социалистических и социал-демократических групп. Она же была основой успехов этих — как подпольных, так и правя-

щих — партий, тогда как структуры социал-демократических или других традиционных политических партий не соответствовали организационным требованиям ни в той, ни в другой роли. Внедрение социализма советского типа в Восточной Европе сопровождалось внедрением этого принципа во вновь создаваемых марксистско-ленинских партиях; при этом каждая коммунистическая партия в Восточной Европе была организована таким образом, чтобы в максимальной мере усилить централизованный контроль прежде всего со стороны местных партийных лидеров, а затем, вследствие преданности последних идеям социалистического интернационализма — со стороны Москвы. Сочетание этих двух принципов давало КПСС неограниченные возможности для получения информации и осуществления влияния на всех ступенях иерархической лестницы в каждой из восточноевропейских коммунистических партий.

В то время как демократический централизм позволял установить контроль по вертикали, третий принцип — руководящая роль коммунистической партии — обеспечивал контроль по горизонтали. Взаимоотношения между руководящей коммунистической партией и другими коалиционными партиями, а также министерствами, государственными органами и массовыми организациями строились таким образом, что последние могли свободно выполнять предписанные им функции лишь при условии признания ими своей конечной ответственности перед коммунистической партией.

Этот принцип, вошедший в конституции стран блока, давал коммунистическим партиям исключительное право создавать свои организации на любом предприятии и в любом учреждении, а также держать освобожденных партийных работников в учреждениях, учебных заведениях, общественных организациях, воинских частях, полиции и издательствах. Это давало партии широчайшие возможности изучать настроения всех слоев общества, не нарушая при этом законов. Партийные органы могли контролировать любой вид деятельности, наблюдать за персоналом, осуществлять цензуру средств массовой информации и делать многое другое, не прибегая к помощи тщательно разработанных законодательных норм, ибо было вполне достаточно одной простой формулировки в конституции, делающей каждую из этих партий «руководящей и направляющей силой в строительстве социализма».

Вот почему начиная с 1989 года дебаты об отмене этой статьи были одними из первых в повестке дня всех оппозиционных сил советского блока. Лишившись монополии на власть, указанной в конституциях, коммунистические партии, по существу, имеют лишь два возможных пути действий: или вернуться к нелегальной, подпольной работе, с которой большинству их руководителей уже не справиться, ибо они привыкли разъезжать на автомобилях, отдыхать на летних дачах и т.д., или в открытую бороться с другими партиями за власть в ходе демократических выборов. Однако, как показали летние выборы 1989 года в Польше, второй путь станет для этих партий самоубийст-

вом, если им не удастся отмежеваться от четырех десятилетий привилегий и злоупотреблений властью. Партии в Венгрии, Польше и ГДР изменили свои названия и платформы в знак того, что они порывают с прошлым, некоторые партии, например в Румынии и Восточной Германии, подвергли своих бывших партийных лидеров судебному преследованию, чтобы возложить на них всю ответственность за созданную в стране систему. В других странах, например в Чехословакии, прибегли к приему вращающихся дверей, уволив своих коммунистических руководителей и поставив на их место тех коммунистов, которые в свое время сами были жертвами проводившихся ранее чисток. В таких странах, как Польша и Болгария, пытаются привлечь народ реализмом, откровенностью и умеренностью в надежде на сохранение частично своего прежнего влияния.

Какой бы стратегической линией ни придерживались эти партии, рядовые коммунисты в подавляющем большинстве почти повсеместно в странах блока следуют одной и той же стратегии — они просто выходят из партии. Карьеристы, которые вступали в партию, когда членство в ней было необходимым условием служебного роста, стали оставлять ряды партии, едва ветер подул в другую сторону. Только в Болгарской коммунистической партии, которая отказалась от переименования на своем чрезвычайном съезде в январе 1990 года, массового выхода из партийных рядов не наблюдается. Во всех других странах Восточной Европы политика переименования коммунистических партий и попыток отмежеваться от четырех десятилетий плохого руководства не смогла предотвратить массового выхода из партии. Так, в партиях Венгрии, Польши и Румынии количество членов сократилось примерно до 10 процентов их прежнего числа в 1989 году.

Обо всем этом известно в Москве, где сам Горбачев испытывает давление со стороны либералов, отдающих предпочтение примеру восточноевропейских стран. Первоначально его ответом было указание на то, что КПСС является «единственной консолидирующей и объединяющей силой», способной сохранить единство Советского Союза перед лицом сепаратистских и националистских угроз [«Правда», 10 декабря 1989 г.]. Хотя принципы, которыми руководствовалась КПСС в отношениях с Восточной Европой, подвергались критике и к концу 1989 года претерпели существенные изменения, два из них — руководящая роль партии и демократический централизм — все еще оставались в силе в пределах СССР. Но даже в Советском Союзе эти принципы стали предметом разногласий и подвергались оживленному обсуждению на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1990 года.

В дополнение к трем принципам были созданы три механизма, которые должны были ограничивать деятельность непартийных организаций строгими рамками руководящей роли партии. Первым таким механизмом была параллельная партийная бюрократия, функции которой были отражением функций государственного механизма; ее кадровые работники осуществляли контроль за деятельностью всех

упомянутых организаций. Это был «восьмой департамент государственной администрации», который во всех восточноевропейских странах, за исключением Румынии, Югославии и Албании, следил за деятельностью полиции, юридических служб, военного ведомства и разведывательной службы. Секретари, отвечавшие за деятельность этих министерств и ведомств в Восточной Европе, работали в тесном контакте с соответствующими министерствами и секретарями ЦК КПСС в Москве.

Вторым механизмом сохранения руководящей роли партии была система номенклатуры, которая давала возможность центральному партийному аппарату в каждой стране контролировать назначения на все ключевые посты в партии и правительстве. И в этом случае Советы через свой Центральный Комитет выполняли направляющую роль в номенклатурном процессе в Восточной Европе. Можно привести много примеров советского вмешательства в подбор, повышение в должности или смещение восточноевропейских партийных лидеров, особенно в период до прихода к власти Горбачева. Например, в июле 1956 года советский министр Анастас Микоян немедленно по прибытии в Будапешт направился на заседание Центрального Комитета, которое к тому времени уже началось, и потребовал отстранения лидера Венгерской коммунистической партии Матиаса Ракоши. В этот раз Советы обошли Яноша Кадара (который стал Генеральным секретарем в ноябре 1956 года) и предпочли ему Эрне Гере.

Вслед за советским вторжением в Чехословакию в 1968 году советский посол попытался сформировать марионеточное «правительство рабочих и крестьян» взамен партийного руководства. Поскольку сделать этого не удалось, Дубчеку разрешили оставаться на своем посту, но только после подписания им Московского протокола, в котором выражалось согласие «снять с постов тех лиц, дальнейшая деятельность которых не соответствовала бы нуждам укрепления руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии» [R o b i n R e m i n g t o n, ed., *Winter in Prague, Documents on Czechoslovak Communism in Crisis*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1969, p.379]. На следующий год и сам Дубчек был снят в начале кампании политической чистки, в результате которой было исключено более половины членов Коммунистической партии Чехословакии и была подтверждена роль Советов в подборе руководящих кадров.

Советское влияние использовалось не только для предотвращения реформ. Десталинизация в Восточной Европе преследовала цель упрочения сторонников твердой линии. В 1970 году в связи с изменением политического климата в Центральной Европе был снят восточногерманский лидер Вальтер Ульбрихт, поскольку стало ясно, что он мешает проведению московской политики сближения с Западной Германией. В том же году в Польше Советы не помешали замене Гомулки более современно мыслящим Эдвардом Гереком. В то время для Москвы важно было не то, к кому относится восточногерманский лидер — правым или левым, — а то, что он выбран после консультаций

с Москвой и способен изменять свои взгляды в соответствии с изменениями политики в Кремле.

Советское влияние в подборе руководителей не ограничивалось лишь партийными постами. Через восточноевропейские партии Москва сохраняла контроль также и в других областях управления. Не подлежит сомнению, например, то, что ни одно назначение на ключевой пост в системе госбезопасности не могло быть сделано без советского одобрения. Этому вопросу было уделено особое внимание на переговорах в Москве между Советами и чехами после вторжения в Чехословакию. Поучая чехословацкое руководство и поясняя, какую большую личную поддержку он оказал в первые месяцы 1968 года Дубчеку, Брежнев напомнил, в частности, что в январе того года он сказал Дубчеку: «Вы хотите сменить министра внутренних дел? Но вы считали в то время, что в этом нет необходимости... И вот я неожиданно узнаю, что вы заменяете министра внутренних дел, министра обороны... и секретарей Центрального Комитета...» [Zdeněk Mlýn a r. Night Frost in Prague: The End of Humane Socialism. London: C. Hurst & Co., 1980, p.298]. Что касается Брежнева, то для него проблема в данном случае заключалась не в том, чтобы выбор обязательно пал на сторонника твердой линии. Ведь ранее он лично одобрил замену Новотного Дубчеком. Вопрос скорее заключался в том, что коль скоро чехословацкий лидер решил осуществить замену правительственной и партийной элиты, то советский партийный лидер, веря в свое право участвовать в подборе этих кадров, давал понять, что Москва никогда не пойдет на потерю полного контроля над этим процессом.

Однако подбор руководства не всегда осуществлялся по желанию Москвы. Во время кризиса в Польше в 1956 году Хрущев был так обеспокоен тем, что к власти в Польше придет не одобренный Москвой руководитель, что лично возглавил направившуюся в Варшаву военно-политическую делегацию высшего уровня, предприняв, таким образом, отчаянную попытку помешать избранию Гомулки. Столкнувшись, однако, со свершившимся фактом, Хрущев, как утверждают, сказал следующее: «Мы пролили кровь за эту страну, а они пытаются продать ее американцам и сионистам» [Christopher D. Jones. Soviet Influence in Eastern Europe: Political Autonomy and the Warsaw Pact. N.Y.: Praeger, 1981, p.29]. В сообщении поляков об избрании Гомулки на пленуме было сказано более сдержанно: «Русские представители... проявили интерес к нашим предложениям по составу руководства... Они отметили, что... несмотря на существующие между нами тесные связи, мы не информировали советских товарищей» [Ibid.]. Однако впоследствии Гомулка получил возможность воспользоваться поддержкой со стороны Советов, которая оказалась решающей при защите его от попытки переворота, сделанной в 1968 году ультранационалистами, возглавлявшимися министром внутренних дел Мечиславом Моцаром.

Имеются и другие примеры успешного сопротивления Восточной Европы советскому давлению при смене руководства. Есть сведения, что болгары в 1979 году назначили дочь болгарского лидера Тодора Живкова Людмилу членом Политбюро, несмотря на советские протесты, мотивировавшиеся тем, что это будет способствовать дальнейшему усилению болгарского национализма. Сведения об этом споре разошлись по Болгарии и, по-видимому, послужили основой для слухов, что ответственность за ее преждевременную смерть в следующем году лежит на КГБ. В Румынии с установлением культа личности Чаушеску КПСС фактически лишилась рычагов воздействия на наследование власти. Поэтому влияние на смену руководства в этой стране, которое Москва все же сохранила, нужно было осуществлять по другим, непартийным каналам. В Чехословакии избрание Милоша Якеша генеральным секретарем вместо Густава Гусака в декабре 1987 года, по-видимому, также обошлось без явного вмешательства Москвы, хотя он и был там хорошо известен. Однако несмотря на то, что советское вмешательство стало в 80-е годы менее явным, все же без него не обходилось ни одно избрание генерального секретаря, пришедшего к власти до 1985 года, за исключением, возможно, Станислава Каня в Польше, пребывание которого на посту генерального секретаря (1980—1981 годы) было кратковременным. Также скорее правилом, а не исключением было и то, что на другие важные посты в партии, госбезопасности и военном командовании избирались кандидаты, приемлемые для Москвы.

Таким было наследство, оставленное Горбачеву. Совершенно очевидно, что, когда он в 1985 году пришел к власти, у него не было намерения становиться лишь свидетелем падения советского влияния в блоке, реальность которого подтвердили события 1989 года. Однако его призывы к тому, чтобы коммунистические партии несли ответственность перед своими народами в Восточной Европе, стали воспринимать всерьез, и в результате в течение четырех лет было отстранено от власти все поколение лидеров, которые, чтобы сформулировать свою политику, сначала консультировались с Москвой и лишь после этого — с силами внутри своей страны. На их место пришла новая плеяда коммунистов, многие из которых лично пострадали вследствие несогласия с Москвой (такие, как Александр Дубчек, который вернулся из двадцатилетней внутренней ссылки, чтобы принять должность председателя Чехословацкого Национального собрания); некоторые из них были сыновьями и дочерьми коммунистов, сражавшихся в Испании в 30-е годы, а позже боровшихся против фашизма и сталинизма в своих странах. Грегор Гизи, избранный руководителем вновь переименованной Социалистической объединенной партии — Партии демократического социализма в ГДР и заменивший Эгона Кренца в декабре 1989 года, — адвокат, который в последние годы был занят защитой реформаторов и диссидентов. Его отец был членом Германской коммунистической партии еще до второй мировой

войны, бежал во Францию. Ион Илиеску, назначенный временным президентом Румынии после кровавого восстания в декабре 1989 года, в результате которого пал режим Чаушеску, ранее сам был смещен с должности за критику этого режима. Он является сыном основателя небольшой довоенной подпольной коммунистической партии Румынии.

Быстрота, с которой эти новые партийные лидеры объявили о своем желании установить тесные отношения с Европой и формировать политику в соответствии с национальными интересами, является явным показателем понимания ими необходимости подалеже отойти от Москвы в политическом плане. В программных заявлениях правительств Солидарности в Польше, Гражданского форума в Чехословакии, Демократического форума в Венгрии и Национального фронта спасения в Румынии провозглашается сильная проевропейская ориентация их политики.

Несмотря на это, многие факты свидетельствуют о том, что прекращение помощи Москвы оставшимся в странах Восточной Европы сторонникам жесткой политики тесно связано с усилением оппозиции существовавшему тогда руководству. Это со всей очевидностью можно сказать о Чехословакии, куда Горбачев нанес визит в апреле 1987 года, подготовив почву для смещения Густава Гусака; правда, либералов при этом к власти не допустили, создав временный режим Милоша Якеша. 22 августа 1989 года состоялся телефонный разговор, в котором Горбачев убеждал Мечислава Раковского войти в новое правительство на правах меньшинства, оставив руководство за Солидарностью. Это означало, что Восточная Европа вступила в новую, посткоммунистическую стадию развития.

Визит Горбачева в Восточную Германию в первую неделю октября 1989 года стал предвестником устранения с политической арены Эриха Хоннекера, который, как утверждают, неоднократно и безуспешно обращался за советской помощью для разгона массовых демонстраций в Лейпциге, Дрездене и Берлине, в результате которых он в конечном счете лишился власти. Один восточногерманский дипломат сообщил, что во время встречи с членами Политбюро СЕПГ Горбачев ни словом не обмолвился о том, что должны делать восточные немцы. Однако «он дал ясно понять, что факты бегства из страны многих тысяч людей и попытки удержать их силой не оказывают ему помощи в его собственной нелегкой ситуации» [«New York Times», November 19, 1989]. Главный идеолог СЕПГ, 77-летний Курт Хагер, вернувшись неделю спустя из Советского Союза, призвал к обновлению. Через три дня Хоннекер был снят со своей должности на чрезвычайном заседании Политбюро, а его преемник Эгон Кренц через две недели вылетел в Москву, чтобы заручиться поддержкой на начало перестройки по советскому образцу.

Описанный пример большой заинтересованности и доверительных консультаций был повторен и в других странах блока. В Болгарии, например, на чрезвычайном Пленуме Центрального Комитета

лидером был избран Петр Младенов вместо Тодора Живкова. Эта замена последовала после короткой остановки Младенова в Москве на обратном пути из Китая. Поразительная скорость, с которой в Румынии возник Фронт национального спасения, провозгласивший свою политическую платформу и избравший Илиеску лидером, побудила многих обозревателей предположить заблаговременное планирование передачи власти. Илиеску был лично знаком с Горбачевым еще в дни их учебы в Московском государственном университете, и это делает правдоподобным предположение, что Советам удалось в течение всего периода натянутых отношений с режимом Чаушеску привлечь на свою сторону некоторую часть лишенной власти элиты.

Как только стало ясно, что режим Якеша в Чехословакии может сохранить власть, только применив силу против массовых мирных демонстраций, Москва прибегла к давлению, чтобы заставить это правительство уйти в отставку. Несомненно, однако, что Советы не замешаны в избрании временным президентом страны Вацлава Гавела. Передача власти от Кренца к Гизи в Восточной Германии также обошлась без советского вмешательства. Нечто подобное имело место и в Венгрии, где без всякого видимого сопротивления со стороны Советов убежденный социал-демократ Ирме Пожгаи, не имеющий никаких связей с СССР и не питающий к нему особых симпатий, неожиданно выступил в роли кандидата в президенты от новой Венгерской социалистической партии (наследница распущенной в октябре 1989 года Венгерской социалистической рабочей партии). Все это указывает на то, что если в конце 80-х годов правило советского вмешательства в подбор руководства стало нарушаться чаще, чем соблюдаться, то в начале 90-х годов, с наступлением новой эры демократических выборов, это вмешательство практически полностью прекратилось.

Однако не все новые коммунистические лидеры в Восточной Европе предпочли отстраниться от Москвы. Они продолжали поддерживать существование Варшавского Договора и другие договорные обязательства. А некоторые из них, учитывая шаткость своих позиций в стране, опасались того, что Москва может пожертвовать ими ради улучшения отношений со вновь возникшими и более представительными социал-демократическими партиями данного региона. В Польше, например, Польская объединенная рабочая партия, столкнувшись с фактом падения ее авторитета среди народа и получив при опросах общественного мнения только 11 процентов голосов по сравнению с 66 процентами, отданными за Солидарность, начала проводить политику большей опоры на помощь Москвы, чтобы не оказаться оттесненной в результате налаживания связей между Москвой и возглавляемым Солидарностью правительством. Используя популярность Горбачева, Мечислав Раковский, Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии, попытался повысить престиж своей партии в стране, привлекая внимание к тому, что Москва поддерживает планы реорганизации ПОРП. После встречи с Горбаче-

вым, состоявшейся в Москве в октябре 1989 года, Раковский сообщил журналистам: «Мы можем полагаться на поддержку КПСС в наших усилиях по перестройке партии применительно к ситуации, которая сейчас сложилась в Польше, и в интересах придания партии нового облика. В общем, мы можем, как и раньше, опираться на Восточно-славянскую стену». В прошлом существование коммунистических партий поддерживалось за счет советского военного присутствия, теперь же некоторые из них пытаются сохранить свой авторитет за счет личной популярности Горбачева. Однако эта тактика потерпела в Польше крушение, так как рядовые члены отказали в доверии и Объединенной рабочей партии и руководству Раковского и решили в конце 1990 года разделиться на две партии.

Третьим механизмом, обеспечивавшим главенство партии, являлись партийные комитеты, размещенные во всех министерствах, правительственных учреждениях и массовых организациях. Такие комитеты имели освобожденных сотрудников, в задачу которых входило как наблюдение за работой того учреждения, которому они приданы, так и — в соответствии с принципом демократического централизма — отчеты о работе этого учреждения вышестоящему партийному комитету. Так, желание Солидарности создать независимый профсоюз ставило под угрозу этот принцип именно потому, что Солидарность отказалась признать руководящую роль партии и согласиться на партийный контроль своей внутренней деятельности.

Принцип руководящей роли партии распространялся и на восточноевропейские военные структуры, на всех уровнях которых имелись партийные ячейки, подчиненные Секретариату ЦК и Главному политическому управлению. Все эти органы были связаны соглашениями о сотрудничестве с соответствующими советскими органами, включая советское Главное политическое управление. Последнее подчинено как советскому министерству обороны, так и ЦК КПСС. Его задача в Восточной Европе заключалась в том, чтобы постоянно следить за проявлениями антисоветизма в армиях блока и, как сказал генерал Епишев, «укреплять военное единство социалистических стран... и воспитывать воинов в духе патриотизма и социалистического интернационализма» [Е п и ш е в А.А. Партия и армия, с.346].

Конституционные поправки, предусматривающие изъятие статьи о «руководящей роли партии», которые широко обсуждались и были приняты зимой 1989 года во всех странах Восточной Европы, привели к роспуску партийных комитетов на предприятиях и в учреждениях. Тем самым Советы лишились важного механизма, позволяющего следить за проявлениями общественного недовольства в этих странах. Более того — присяга, которую приносит новое поколение политических и военных лидеров, уже не требует от них верности партии и целям социализма. Теперь во многих странах партийные организации запрещены не только в вооруженных силах, но и в частях пограничных войск, в вооруженных формиро-

ваниях министерств внутренних дел и в органах государственной безопасности и разведки.

Короче говоря, используя эти три ключевых принципа — социалистический интернационализм, демократический централизм и руководящая роль коммунистической партии, — КПСС удалось создать систему взаимоотношений и механизмов (параллельная партийная бюрократия, номенклатура и партийные ячейки внутри непартийных организаций) для руководства союзом стран, не имеющую аналогов на Западе. Эта система претерпела существенные изменения после смерти Сталина; при Сталине межпартийные связи, в сущности, утрачивали свое значение, так как заменялись деспотическим контролем со стороны Сталина, его эмиссаров и посольских заместителей. Брежнев очень полагался на эту систему, но, когда в его руководстве появились признаки загнивания, начала приходиться в негодность и эта система.

Начиная с 1985 года Советы стали уделять больше внимания повышению числа и содержательности межпартийных соглашений и связей на всех уровнях. Горбачев и многие другие члены Политбюро и Центрального Комитета говорили о необходимости оживления этих связей, результатом чего явилось беспрецедентное число визитов и обменов делегациями в первые годы пребывания Горбачева у власти.

В то же самое время Горбачев и другие члены Политбюро стали подчеркивать, что такие встречи нельзя расценивать как попытки Советов осуществлять контроль.

Как отметил Егор Лигачев во время своего визита в Венгрию в апреле 1987 года, «в отличие от прошлого каждая страна решает все вопросы независимо. Неверно, что Москва будто бы использует дирижерскую палочку или что московская рука видна во всем... Каждая страна имеет право идти своим собственным путем».

Настойчиво провозглашаемый Советами отказ от прежних жестких методов контроля лишь усилил необходимость более активной дипломатической деятельности в целях достижения консенсуса среди различных коммунистических партий. Не подлежит сомнению, что далеко идущие цели Горбачева, связанные с преобразованиями в Восточной Европе, невозможно было осуществить, не проявляя большего внимания к потребностям и острым проблемам стран блока, что в свою очередь можно было сделать наилучшим образом, укрепляя взаимосвязи в межпартийной сфере. Возросшее число визитов Горбачева, министра иностранных дел Шеварднадзе, партийных секретарей Яковлева и Медведева в Восточную Европу в течение бурных последних шести месяцев 1989 года наводит на мысль о том, что Советы не хотят поворачиваться спиной к Восточной Европе, а, наоборот, стремятся поддержать позитивные тенденции и снизить потенциал дестабилизации. Многочисленные встречи секретарей по идеологическим вопросам из стран блока, которые состоялись в Варне и Берлине в сентябре 1989 го-

да, также свидетельствовали о том, что, хотя межправительственные отношения могут прийти на смену межпартийным и стать решающими средствами связи, Советы и их союзники в восточноевропейских коммунистических партиях, как гласит декларация в Варне, «подтвердили готовность своих партий и дальше активно развивать всестороннее сотрудничество и взаимодействие на международной арене в интересах дела социализма и мира» [«Правда», 30 сентября 1989 г.].

Взаимодействия в области военного дела и государственной безопасности

Советский контроль в Восточной Европе постоянно подкреплялся угрозой применения силы. Но если сила удобна для контроля над территорией, она оказывается неэффективной и непродуктивной, когда задача состоит в контроле над людьми. Вся сложность позиции Советов состояла в том, что Варшавский Договор, а также двусторонние военные связи в рамках блока должны были строиться таким образом, чтобы создать реальную военную угрозу для стран НАТО и в то же время не дать возможности восточноевропейским армиям, поодиночке или объединившись, бросить вызов приоритету Советского Союза.

Эта дилемма стала очень острой, когда всего лишь через год после создания Организации Варшавского Договора возникли кризисные ситуации в Венгрии и Польше. В обоих случаях важные составные части военного комплекса в этих странах выразили готовность противодействовать советским войскам и выступить на стороне населения. Соппротивление венгров было жестоко подавлено советскими войсками, и венгерские вооруженные силы пришлось полностью перестроить. В 1956 году в Польше советские силы не были использованы, поскольку заранее стало известно, что польские войска встанут на сторону «национальной» фракции Польской объединенной рабочей партии, поддерживавшей кандидатуру Гомулки на пост Генерального секретаря независимо от намерений советского руководства и советских офицеров на командных должностях в польской армии...

Таким образом, неуверенность в отношении конечной лояльности польских военных повысила степень независимости Польши от Москвы.

В Румынии, лидеры которой добились полного вывода советских войск в 1958 году, военные руководители открыто придерживались доктрины обеспечения обороны страны национальными силами по югославскому образцу. Этой доктрине следовала также и Албания. Заявляя, что румынская доктрина народного сопротивления уходит корнями во времена средневековья, когда Влад Пронзающий вел борьбу с нашествием турок, президент Николае Чаушеску пытался узаконить свое собственное правление, создав вооруженные силы, не подлежащие контролю из Москвы.

Однако такие примеры являются скорее исключениями и лишь подтверждают общее правило, так как Москва могла использовать силы госбезопасности и военные силы в качестве важных рычагов своего влияния во всей Восточной Европе. Со временем для осуществления этих целей Советами были созданы соответствующие структуры и средства. В области сбора разведывательных данных с самого момента заключения Варшавского Договора восточноевропейские режимы приняли советскую точку зрения, в соответствии с которой для успешного ведения разведки и контрразведки против НАТО необходимо самое тесное взаимодействие между Советами и их восточноевропейскими союзниками. Поскольку именно восточноевропейские страны граничат с Западом, они оказывали гостеприимство советским служащим из Комитета государственной безопасности и Главного разведывательного управления. Вдоль всей границы между Восточной и Западной Европой было размещено значительное число станций радиоперехвата, которые обсуждались преимущественно советским персоналом; занимаясь официально слежкой за деятельностью НАТО, они были способны также принимать, контролировать и записывать передачи по средствам связи внутри восточноевропейских стран, что было замечено и, хотя и неохотно, допускалось восточноевропейскими лидерами.

Уже в середине 60-х годов были основания полагать, что в случае войны или восточноевропейского кризиса, связанного с угрозой советского вторжения, Москва имела возможность перехватывать или заглушать помехами все переговоры на уровне высших эшелонов власти с использованием сетей как внутри стран Восточной Европы, так и между ними. Это сделало попытки сопротивления советским военным акциям еще более безнадежными. Принятие советских предложений о необходимости взаимодействия фактически давало Советам гораздо больший доступ к разведывательной односторонней информации стран блока. Это соглашение, кроме того, позволяло советскому разведывательному персоналу постоянно находиться в столицах стран блока, где должно было следить за деятельностью министерств внутренних дел и обороны. И хотя постоянное советское присутствие в несоветских частях и соединениях Организации Варшавского Договора было после 1956 года сокращено, восточноевропейские офицеры утверждают, что число советских военных и офицеров разведки в штабах и соединениях местных армий сильно возрастало во время кризисов. Это наблюдалось местными офицерами в 1968 году в Чехословакии и в 1980—1981 годах в Польше.

Более того, такое присутствие нередко долго сохранялось после ослабления политического кризиса, и у советских военных властей было достаточно времени, чтобы оценить степень лояльности и компетентности своих местных коллег. Например, один эмигрировавший чешский офицер сообщил, что во время учений 1969 года чешская дивизия была непосредственно подчинена советскому командованию

Military Reliability, an Emigre-based Assessment. Santa Monica, Calif.: The Rand Corporation, 1986, R-3480, p. 55].

Такие действия были бы затруднены, если бы не было тесного сотрудничества с руководством разведывательных служб Восточной Европы. Это сотрудничество обеспечивалось не только советским участием в подборе, обучении и продвижении по службе руководителей разведки, но и наличием обширной сети «служащих двойного подчинения», также оплачивавшихся Москвой. Такие служащие, по оценке одного чешского официального лица, имевшего доступ к документации, по состоянию на 1968 год составляли одну треть всего аппарата Пражского центрального управления Министерства внутренних дел [K a r e n D a w i s h a. The Kremlin and the Prague Spring (Berkeley: University of California Press, 1984, p. 53)]. Во время «Пражской весны», несмотря на явный либерализм Йозефа Павела, которого назначили министром внутренних дел, не испрашивая у Советов одобрения и даже не ставя их в известность, эта тщательно разработанная система, включающая офицеров связи, станции радиоперехвата, просоветских заместителей министров и служащих двойного подчинения, свела на нет все усилия Дубчека по либерализации системы. Наличие такой сети объясняет и тот факт, что Дубчека неоднократно будили звонки советских лидеров, выражавших недовольство какими-нибудь действиями или публикациями, о которых сам Дубчек еще не успел узнать.

Хотя Советы могли внимательно следить с помощью разведывательной сети за всеми событиями в Восточной Европе, десталинизация привела к тому, что в течение некоторого времени КГБ сам по себе не мог препятствовать развитию любого движения за проведение реформ. Когда, например, во время событий 1968 года в Чехословакии стало ясно, что государственные органы не желают и не способны принять «административные меры», которых настойчиво и публично требовала от них Москва, Советы были вынуждены применить военную силу. Во время кризиса 1980—1981 годов в Польше исход был другим именно потому, что тайная полиция осталась лояльной по отношению к Москве и хотела использовать силу против местного населения, воспользовавшись поддержкой польских военных верхов. Хотя истинной причиной таких намерений могло быть стремление предотвратить «наихудшие возможные последствия» — советское вторжение или гражданскую войну, — действия секретной полиции, несомненно, принесли пользу Советам, и им не пришлось открыто и в большом масштабе задействовать ни КГБ, ни войска. Заметим, что среди множества слухов, сопровождавших радикальные перемены 1989 года в Восточной Европе, не было ни одного упоминания о вмешательстве КГБ с целью поддержать или, наоборот, не допустить какие-либо конкретные действия. Как представляется, советские посольства в этих странах значительно увеличили свои штаты, чтобы внимательно следить за бурными событиями, однако обращает на себя внимание малое число сообщений о «скрытой руке» Москвы, хотя обычно в Вос-

точной Европе их бывает предостаточно. Несомненно, либералы во всех странах блока боялись, что в случае потери Горбачевым власти московские консерваторы немедленно примутся за восстановление старых структур. Советские воинские части также старались не привлекать к себе внимания. В ГДР советские войска лишь на короткое время в ноябре были приведены в состояние полной боевой готовности, когда толпы врывались в помещения местной милиции и министерства внутренних дел. А в Праге советские дипломаты сообщали высшему партийному руководству, что, если чехословацкие войска двинутся к столице, они могут быть остановлены. Однако ни в ГДР, ни в Чехословакии советские войска не покидали своих баз.

Москва стремилась также усилить свое влияние путем подбора наиболее перспективных офицеров. Как правило, высшие военачальники и руководители разведывательных ведомств восточноевропейских стран частично получали профессиональную подготовку в СССР. Цель этой подготовки заключается в том, чтобы стимулировать в среде офицеров просоветские чувства, а также, как сообщали эмигранты, завербовать офицеров в качестве советских агентов. Офицеров, которые подписывали такое «соглашение о сотрудничестве», не следует, по мнению одного эмигранта, «считать постоянными агентами, которые сотрудничают с Советами регулярно. Скорее они образуют звенья сети, которой Советы могут при необходимости воспользоваться» [Alexiev and Johnson, op. cit., p. 58]. Помимо этой скрытой связи, происходили постоянные открытые обмены офицерами на всех уровнях между генеральными штабами и на уровне частей и соединений между советскими западными военными округами и соответствующими восточноевропейскими частями и соединениями. Исключением всегда была Румыния, офицерский корпус которой полностью готовился у себя на родине; в конце 1960-х годов Чаушеску уволил из армии всех офицеров, кто ранее провел некоторое время в СССР.

Политическая лояльность и моральное состояние военных кадров в странах Восточной Европы оценивались также Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота. В задачу Главпура входила, например, оценка влияния политических и экономических реформ на моральное состояние армий стран Варшавского Договора. И хотя это можно было бы считать внутренним делом любой восточноевропейской страны, как только Главпур решало, что данная реформа может затронуть моральное состояние и надежность военных кадров, реформа переставала быть чисто внутренним делом. Делегация Главпура обычно выезжала на место, чтобы определить, в какой мере пострадали военные кадры. В этих случаях издавались совместные коммюнике с обязательными ссылками на то, что «подрывные действия являются первоочередной задачей империалистических сил, стремящихся ослабить единство и сплоченность сил Варшавского Договора, но такие попытки обречены на провал, так как солидарность социалистических армий, несмотря на все совершенные

в последнее время провокации, остается, как никогда, прочной» [British Journal of Political Science. Vol. 10, No.3, 1980, pp.341—363]. Таким образом, реформы, которые могли бы быть внутренним делом, становились предметом заботы Советского Союза и всего блока. Способность Главпура осуществлять политическое влияние в вооруженных силах Варшавского Договора зависела, однако, от согласия коммунистических партий стран Восточной Европы и их военных властей на подписание соглашений, предусматривающих право доступа Главпура. Фактическое устранение конституционных положений, дающих коммунистам право на создание своих организаций в вооруженных силах стран Восточной Европы, положило конец действию этих соглашений и тем лишило Советский Союз важного механизма контроля.

Поскольку восточноевропейские вооруженные силы в течение многих лет были достаточно оснащены для того, чтобы выполнить свои задачи в борьбе против НАТО, Советы не могли полностью полагаться лишь на заверения в их лояльности. Поэтому они были вынуждены создать структуру, которая, сохраняя свою эффективность в противостоянии Западу, тут же теряла бы свою эффективность, лишившись советского контроля. Поэтому Советы должны были добиться подчинения восточноевропейских армий созданному им Варшавскому Договору, структура которого, если не считать небольших изменений в 1969 году, сохранялась в сущности неизменной. Все армии блока, кроме румынской, оснащены исключительно советским оружием и боевой техникой. В отличие от западноевропейских стран НАТО ни одна из восточноевропейских стран Варшавского Договора не имеет сколь-нибудь значительной или самостоятельной оборонной промышленности. Если исключить польское кораблестроение, чешские и венгерские предприятия по производству стрелкового оружия, восточногерманское производство электроники и оптики и ограниченное производство танков по советской лицензии, Восточная Европа полностью зависима от поставок советского оружия и боевой техники.

Это означает, конечно, что Советский Союз в одиночку несет тяжелое бремя расходов на ведение научно-исследовательских работ, разработку и производство всех новых систем оружия. Восточноевропейские страны также имеют оборонные бюджеты, оплачивают содержание своих вооруженных сил и боевую технику, но их расходы значительно ниже, чем расходы Советского Союза. В соответствующих показателях по странам есть, конечно, различия, связанные в том числе с разной методикой подсчета, но в целом восточноевропейские страны расходуют на оборону примерно 6 процентов своего валового национального продукта по сравнению с 12—15 процентами в Советском Союзе. После известных споров в НАТО Советы также попытались побудить своих союзников взять на себя несколько большую долю общих расходов, но особого успеха не добились. Только ГДР за период с 1965 по 1982 год увеличила свои расходы на оборону

на один процент от объема ВВП, в то время как страны Варшавского Договора в целом (кроме СССР) за тот же период снизили расходы с 6,1 процента от объема ВВП в 1965 году до 5,9 процента в 1982 году (по текущим ценам в долларах). К тому же вооруженные силы всех восточноевропейских стран в 80-е годы сократили свои расходы на закупку военной техники (в среднем на 2,7 процента за период с 1981 по 1986 год), в то время как ВВП у них возрос за тот же период на 1,5 процента [John P. Hardt and Richard F. Kaufman, «Introduction», 101st Congress, Joint Economic Committee Pressures for Reform in the East European Economies Washington, D.C.: US Government Printing Office, 1989. Vol.1, p. XIII]. Думается, что руководители восточноевропейских стран, хорошо осведомленные о том, что Советы руководствуются прежде всего соображениями безопасности, ожидали, что Москва в ответ пойдет на большие экономические жертвы.

Что касается военной доктрины, то, без всякого сомнения, ни одна военная академия или иное военное учреждение в Восточной Европе не могли самостоятельно разрабатывать какую-либо военную доктрину независимо от Советского Союза. Конечно, в рамках Варшавского Договора обсуждались вопросы тактики. Однако за исключением Румынии ни в одной стране блока ни разу не проводилось какого-либо официального обсуждения важнейшего вопроса, специально посвященного обороне против вторжения агрессора с запада или востока. По свидетельству чехословацких офицеров-эмигрантов, сопротивление спланированной Советами реорганизации повлекло за собой необходимость разработки независимой военной доктрины. На совещании в 1965 году чехословацкие офицеры «выступили и заявили генералу К., что вся реорганизация бессмысленна, поскольку чехословацкая армия не основывает свои действия на собственной доктрине». Участники совещания заявили также о «невыполнимости задач», возложенных на вооруженные силы Чехословакии, и затем, как известно из одного источника, перешли к критике неравноправных взаимоотношений Чехословакии и Советского Союза в системе Варшавского Договора [Alexiev and Johnson, op. cit., p. 53]. Эта критика возобновилась с новой силой в 1968 году, когда военная академия им. Готвальда в Праге разработала проект документа, призывающего к ведению общей территориальной обороны. Дискуссия по этому вопросу была немедленно прекращена по указанию чехословацкого партийного руководства, отдававшего себе отчет в том, что это может послужить дополнительным поводом для вмешательства Советов.

Более того — все функции командования, контроля и связи национальных вооруженных сил стран блока были интегрированы в структуру Варшавского Договора, а по мнению западных специалистов, в случае войны эта структура должна перейти под непосредственный контроль советского министерства обороны. Как уже указывалось выше, восточноевропейские министерства обороны вряд ли смогли бы

осуществить мобилизацию своих сил без помощи Советов; к тому же, как показали события в Чехословакии и Польше, Советы имели возможность глушить передачи по военным сетям связи в странах блока. В любом случае количество имеющихся запчастей и предметов материально-технического обеспечения в восточноевропейских странах поддерживалось на столь низком уровне, что возникшие на местах намерения направить силы для борьбы против СССР сразу оказались бы несостоятельными. Соглашения о статусе советских вооруженных сил, определяющие порядок их перемещения в различных странах блока, позволяют советским войскам осуществлять переход в состояние полной боевой готовности и разворачиваться в боевые порядки на территориях стран блока без предварительного разрешения правительств этих стран. В отдельных случаях им даже представлялось право входить в центр города, чего были лишены собственные вооруженные силы данной страны.

В силу этих и ряда других причин военный состав во всех восточноевропейских странах (кроме Румынии) оказался очень надежным инструментом советского контроля. Можно было бы привести аргументы в пользу того, что в Польше армия была более надежной стороной режима при возникновении угрозы последнему, чем правящая Польская объединенная рабочая партия, хотя вопрос о конечном выборе войск в случае советского вторжения остается невыясненным. В сходной ситуации в Чехословакии, даже оказавшись перед фактом вторжения, сопротивления ему и интернирования популярных национальных лидеров, войска чехословацкой армии подчинились приказу своего командования и остались в казармах. Вопрос о том, могли ли они или даже хотели поступить по-другому, не имеет особого значения. Суть дела, скорее всего, в том, что советский метод использования местных военных структур в качестве рычагов своего контроля успешно выдержал большинство испытаний (хотя и не все испытания). Руководители восточноевропейских армий сами готовы были признать ограниченность своей независимости, как поступил в 1980 году генерал Ярузельский, решительно заявив тем полякам, которые думали иначе, что во всех сферах сотрудничества в рамках Варшавского Договора Советский Союз «играет решающую и бесценную роль» [W o j s i e s h J a r u z e l s k i, 25 lat w służbie pokoju i socjalizmu. — «Wojsko Ludowe», 1980, №5, p.8].

Когда Михаил Горбачев приступил к осуществлению своих далеко идущих реформ, вряд ли можно было предсказать, какую роль он отводит Варшавскому Договору и взаимодействиям вооруженных сил и органов безопасности в рамках этого договора. Ясно, что появление новой военной доктрины в Советском Союзе, делающей упор на оборону в противовес наступлению и достаточность в противовес непрерывному наращиванию вооружений, влекло за собой переоценку значения Восточной Европы, ранее считавшейся передним краем для советских наступательных операций в случае войны. Уже начался пересмотр роли Восточной Европы в защите советской территории и

открылись пути для заключения важных соглашений по сокращению обычных вооружений, за которыми последует вывод советских войск, что уменьшит возможность использования их в качестве инструмента советского контроля в Восточной Европе. Вслед за заявлением Горбачева с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 года о сокращении Советским Союзом своих вооруженных сил на 500 000 человек и выводе частей советских войск из Восточной Европы последовали другие советские предложения о сокращении военных расходов и заключении соглашения о ликвидации всех военных баз на чужих территориях к 2000 году. Эти инициативы имели следствием сокращение военных расходов в Восточной Европе, когда лидеры блока воспользовались возможностью высвободить дефицитные ресурсы и уменьшить свои военные бюджеты в 1989—1990 годах в среднем на 10 процентов. События, происшедшие в 1989 году в данном регионе, еще больше понизили вероятность того, что советское военное присутствие не претерпит изменений. И действительно, первым актом нового чехословацкого министра иностранных дел Гиры Динстбиера было заявление о том, что соглашение 1968 года, разрешающее пребывание советских войск на территории Чехословакии, следует признать недействительным, потому что оно было заключено под давлением; он предложил начать переговоры с Москвой, которые привели бы к выводу советских войск. Эта акция последовала за призывами Польши и Венгрии пересмотреть официальные соглашения, определяющие условия членства этих стран в Варшавском Договоре. Лидер Венгерской социалистической партии Резе Ньер заявил, что «суверенитету, праву на самооборону и обеспечение независимости» необходимо уделять большое внимание «также и в Варшавском Договоре».

Советской реакцией на эти предложения было проведение многосторонних совещаний таких институтов Варшавского Договора, как Политический консультативный комитет, Комитет министров иностранных дел и Комитет министров обороны. Представляется, что это соответствовало задачам Москвы по расширению и пересмотру функций Варшавского Договора, а именно уменьшению значения его военной роли и усилению его политической координационной деятельности.

Москва была обеспокоена тем, что с потерей приоритета коммунистических партий в Восточной Европе будут ослаблены межпартийные связи, служившие ранее главным каналом получения информации и усиления влияния на страны блока. В связи с этим прозвучали призывы к созданию постоянных центральных органов Варшавского Договора, которые позволят упорядочить все существующие разнородные и находящиеся на разных уровнях связи, строившиеся на использовании сетей связи, обслуживавших коммунистические партии. «В наши дни, — как подчеркивается в заявлении из одного влиятельного источника, — обстановка быстро меняется... Такое развитие событий не сможет не подорвать эффективность и надежность взаимодействия между членами (Варшавского Договора) через сети

связи правящих коммунистических партий. Варшавский Договор явно нуждается в том, чтобы диалог между его членами обеспечивал более нейтральные политические структуры».

Таким образом, в связи с ослаблением межпартийных связей Москва надеялась переключиться на политизированные структуры Варшавского Договора с целью сохранить стабильность и сплоченность блока. Даже наиболее радикальные лидеры Восточной Европы, по видимому, единодушны в желании проводить больше встреч министров иностранных дел и обороны блока. На встрече Политического консультативного комитета в Бухаресте в июле 1989 года было принято больше решений по широкому кругу вопросов внешней и внутренней политики, чем это удавалось сделать раньше. Однако первые же отклики восточноевропейских лидеров и общественности на предложения о создании постоянных политических центральных органов оказались негативными. Это говорит о том, что Москве будет очень трудно добиться согласия на создание качественно новых структур.

Экономические рычаги: кто кого?

Рассматривая вопрос о рычагах контроля, мы до сих пор не упомянули о том, что заметным рычагом такого рода является система объединяющих страны блока многосторонних и двусторонних экономических связей. Этот вид связей требует особого внимания, потому что в послевоенный период он претерпевал наибольшие систематические изменения, имеет сейчас и обещает в будущем наилучшие возможности для обратного воздействия восточноевропейских стран на Москву. Хотя Советский Союз является крупнейшей страной блока по общему объему производства, он отстает от большинства восточноевропейских стран по производству ВВП на душу населения. Кроме того, жители восточноевропейских стран считают, что союз с Москвой задержал их развитие, в то время как Советы придерживаются мнения, что прогресс в экономическом развитии восточноевропейских стран был достигнут лишь благодаря всесторонней советской помощи, предоставляемой в ущерб советской экономике. Трудно вспомнить какой-либо другой исторический пример имперского «центра», живущего беднее своих «колоний», и на Западе часто задавали вопрос, когда Советский Союз в конце концов сбросит с себя это «имперское бремя». Именно по этой причине и поставлен вопрос: «Кто кого?» Другими словами, кто кем управляет в этом сложном сплетении экономических связей, объединяющих Советский Союз и Восточную Европу.

С самого начала следует подчеркнуть, что Советы никогда не считали себя империалистами в Восточной Европе. Смотря сквозь призму своей собственной идеологии, они полагали, что только капиталистические государства стремятся строить свою внешнюю политику в

интересах укрепления империи. В соответствии с ленинской теорией империализма внутреннее развитие капитализма вынуждает коммерческие предприятия и банки расширять рамки операций за пределами национальных границ, где под защитой империи создаются наилучшие возможности для поиска рынков сбыта, источников сырья, дешевой рабочей силы и сфер приложения капитала. Советский взгляд на империализм может действительно помочь понять скрытые мотивы столкновения европейских стран за обладание территориями в Азии и Африке во второй половине XIX века. Недостаток этой теории состоит в том, что она не полностью объясняет хорошо известный в истории феномен территориального расширения, одним из примеров которого являются действия Советов накануне второй мировой войны.

Среди главных причин заинтересованности Советов в делах Восточной Европы экономические интересы не были упомянуты. Установление и сохранение советского контроля в странах Восточной Европы никогда не вызывалось желанием извлечь из этого экономические преимущества. Но это вовсе не означает, что Советский Союз никогда не извлекал экономических выгод из тесных отношений с той или иной страной Восточной Европы в какой-то период времени. И действительно, сразу же после войны Москва установила двойную систему взимания репараций и иных платежей равно с побежденных и победителей из числа восточноевропейских стран, что было очень выгодно для разрушенной войной экономики СССР, но замедлило послевоенное восстановление экономики в Восточной Европе. По оценке Пола Марера, за 1945—1953 годы «размеры некомпенсированного потока ресурсов из Восточной Европы в Советский Союз были приблизительно равны потоку ресурсов из США в Западную Европу по плану Маршалла и достигли примерно 14 миллиардов долларов» [Paul Marer, Has Eastern Europe Become a Liability to the Soviet Union? III — The Economic Aspect. — In: Charles Gati, ed., The International Politics of Eastern Europe (New York: Praeger, 1976), p.61]. Однако это был побочный результат, а отнюдь не причина советского движения вперед.

Другим нередко приводимым аргументом является то, что, какими бы ни были первоначальные намерения Советов, после введения своего контроля в Восточной Европе они создали в этих странах такие экономические структуры и установили такие двусторонние и многосторонние торговые отношения, которые были им выгодны. Конечно, за малым исключением экономические системы стран Восточной Европы были в основном построены по советской модели, и во внешних экономических связях этих стран доминирующими были торговые связи с Москвой. Но если это и было на пользу советскому военному и политическому контролю в блоке, то далеко не всегда давало выгоду советской экономике.

В некоторых западных исследованиях делаются выводы о том, что ради построения и сохранения восточноевропейских экономических структур Москва фактически пошла на предоставление субсидий. В 360

одной из таких работ сообщается, что за десятилетие с 1971 по 1980 год «Советский Союз передал восточноевропейским странам ресурсы на сумму почти 80 миллиардов долларов по ценам 1980 года» [Sarah Meiklejohn Terry, ed., *Soviet Policy in Eastern Europe* New Haven: Yale University Press, 1984, p.174]. Аналогичное, хотя и не столь впечатляющее заключение делается в исследовании, проведенном «Рэнд корпорейшн» по заказу министерства обороны США. По расчетам авторов этого исследования, советские торговые дотации восточноевропейским странам СЭВ достигали в среднем 4,63 миллиарда долларов в год (возрастая с 0,39 миллиарда долларов в 1971 году до 16,48 миллиарда долларов в 1980 году) [Charles Wolf, Jr., et al., *The Costs of the Soviet Empire* (Santa Monica, Calif.: The Rand Corporation, 1983), R—3073/i-Na, prepared for the Director of Net Assessment, Office of the Secretary of Defense, p.28]. Кроме того, большую часть этого периода времени Советы имели значительное активное сальдо в торговле с Восточной Европой (что, в сущности, означало предоставление торговых кредитов). В работе корпорации «Рэнд» делается вывод о том, что сохранение всех своих позиций в Восточной Европе обходилось Советскому Союзу ежегодно примерно в два процента его валового национального продукта. Эти данные относятся лишь к 70-м годам, то есть к исследуемому периоду, и свидетельствуют о том, что бремя, которое несла советская экономика, примерно в пять раз превышало затраты США на выполнение всех их зарубежных обязательств в тот же период времени.

Однако эти выводы не избежали аргументированной критики. Прежде всего, поскольку они сделаны на основе изучения данных за 70-е годы, то не могли не отражать отклонений, вызванных благоприятными ценами на нефть, поставляемую в восточноевропейские страны из Советского Союза. Механизм ценообразования в СЭВ был изменен в 1975 году таким образом, что цены на нефть стали меняться ежегодно (вместо одного раза каждые пять лет) в соответствии с изменениями средней за пять лет скользящей цены. Этот механизм ценообразования был явно невыгоден СССР до тех пор, пока цены росли, хотя по сравнению с ранее действовавшим механизмом он и был более чувствительным к быстро и резко растущим ценам на нефть. Однако в середине 80-х годов, когда цены стали падать, настала очередь восточноевропейских стран жаловаться на то, что система пятилетних скользящих цен для них невыгодна. Субсидии стали естественным следствием порядка ценообразования внутри СЭВ, причем дополнительные издержки приносили выгоду попеременно то Советскому Союзу, то восточноевропейским странам в зависимости от движения цен на международных рынках.

По сравнению с ценами на нефть и другое сырье гораздо более трудными оказались расчеты, касающиеся субсидий на промышленные изделия. В отличие от сырья, цена на которое в долларах может быть точно установлена, цены на промышленные изделия, произведенные в рамках стран СЭВ и предназначенные в основном для по-

требления в этих странах, не могут быть точно определены, поскольку сами эти изделия не обладают сравнимой стоимостью. Авторы работ, делающие заключения о значительных советских субсидиях Восточной Европе, используют данные о качественном превосходстве товаров западного производства и делают вывод о том, что, покупая продукцию более низкого качества, СССР тем самым субсидирует Восточную Европу. Однако, как утверждают Пол Марер и другие специалисты, «должно быть немало примеров того, когда восточноевропейская продукция не в меньшей и даже в большей мере подходит для советских условий по сравнению с самой современной продукцией Запада» [T e r r y, op. cit., p.177].

Тем не менее даже Марер признает, что в период 1971—1978 годов СССР предоставил странам СЭВ нетто-субсидию в размере до 14 миллиардов долларов [ibid., p.179]. Другими словами, даже по самым приблизительным подсчетам, в течение 70-х годов Советы вернули Восточной Европе большую часть того, что они взяли в течение 1945—1953 годов. За период оставшихся 50-х годов, в 60-е, а также в первой половине 80-х годов позитивные и негативные стороны взаимной торговли более или менее уравнивали друг друга, хотя сами размеры советской экономики и решающая роль СССР в создании механизма ценообразования и других структур СЭВ были на пользу Москве.

Кроме вопроса о субсидиях, необходимо отметить, что политическая зависимость восточноевропейских стран в немалой мере объяснялась большой зависимостью Восточной Европы от поставок советского сырья и энергии. Более того, Советы всегда могли перевести экспорт сырья на Запад в обмен на товары, продаваемые за твердую валюту, в то время как восточноевропейские страны этого сделать не могли, вследствие чего Советы занимали более прочные позиции в торговых переговорах со странами Восточной Европы. В этой связи возникает вопрос, использовали ли Советы, и если да, то в какой мере, свое экономическое положение, чтобы добиться изменений в Восточной Европе. Прежде всего создается впечатление, что льготы и субсидии в торговле распределялись в том числе в зависимости от политической лояльности, в связи с чем Румыния оказалась единственной страной СЭВ, не получавшей нетто-субсидии от Советского Союза в течение 70-х годов. Более того, имеются данные, что в 60-е годы Советский Союз покупал в Восточной Европе промышленные изделия по ценам выше мировых, для того чтобы осуществить в рамках СЭВ специализацию (или разделение труда), с которой восточноевропейские лидеры не хотели соглашаться на совещании высшего уровня в СЭВ в 1961 году [E d w a r d H e w e t t, Foreign Trade Prices in the Council for Mutual Economic Assistance. Cambridge University Press, 1974].

Какую бы точку зрения ни высказывали западные аналитики, экономические рычаги, расходы, эксплуатация и субсидии были очень болезненными проблемами советско-восточноевропейских от-

362

ношений. Восточноевропейцы единодушно придерживались мнения, что их развитие сдерживается и замедляется из-за связей с Москвой, а Советы считали их неблагодарными. В ходе любого кризиса эти вопросы быстро всплывали на поверхность вместе с обвинениями и контробвинениями в использовании Советами экономических рычагов для достижения политического согласия. Так, в 1968 году Чехословакия обвинила Москву в срыве квартальных поставок пшеницы с целью оказания нажима. Советский Союз решительно отрицал это, и во время вторжения Советы предъявляли претензии к чехословацкому руководству и прессе за заявления о том, что экономические отношения между СССР и Чехословакией строились на выгодных для Москвы условиях...

Во время польского кризиса 1980—1981 годов советский Центральный Комитет потребовал положить конец возрождению в Польше «националистических, антисоветских настроений». Обвинение было сформулировано так:

«Эти клеветники и лжецы не останавливаются ни перед чем. Они даже заявляют, что Советский Союз «грабит» Польшу. И это говорится несмотря на то, что Советский Союз предоставлял и продолжает предоставлять Польше в это трудное время огромное дополнительное количество материальных средств. Это говорится о стране, которая практически питает основные отрасли польской промышленности, поставляя нефть, газ, руду и хлопок по ценам, которые на 33—50 процентов ниже мировых цен» [«Правда», 12 июня 1981 г.].

Добавим, что отказ Советского Союза продавать Румынии нефть по сниженным ценам в период острого энергетического кризиса в начале 80-х годов, по-видимому, имел целью дать понять румынскому населению, каковы последствия вызывающего поведения Чаушеску по отношению к Москве.

Трудно найти явные признаки какой-либо связи отказа Советов предоставить субсидии с мерой наказания или использования срочной помощи в качестве рычага контроля в кризисных ситуациях. Ясно только то, что значение субсидий в комплексе средств, использованных Советским Союзом для оказания давления на восточноевропейские страны, постепенно снижалось. Москва проявляла все больше заинтересованности в создании стабильной основы для сотрудничества данного типа и предпочитала не прибегать к использованию экономических механизмов в качестве средств сохранения контроля в периоды кризисов.

Вероятно, именно понимание того, каких огромных затрат требует от советской экономики сохранение «неэкономичных» и очень жестких структур централизованного планирования в Восточной Европе, побудило Советы в середине 60-х годов снять свои возражения против проведения чисто экономических реформ в странах блока. Москва в общем положительно отнеслась к изменениям в экономике этих стран, обговорив, однако, что реформы бу-

дут направлены на совершенствование социалистической экономики, а не на ее разрушение.

Два типа реформ, на которые было получено разрешение, включали частичную передачу прав на принятие экономических решений предприятиям и введение в действие жестко регулируемого рыночного механизма. Владзимерж Брус, бывший профессор Варшавского университета и участник многих конференций блока по экономической реформе, писал о своем опыте следующее:

«...строго говоря, вряд ли можно найти много доказательств того, что Советы пытались блокировать экономические реформы; в особенности это относится к тому, что я называю «второй волной» реформ (с начала 60-х годов), когда ушли первые страхи о неизбежности «подрывных» политических мотивов реформ, а идеологическое неприятие «рыночного социализма» частично утратило свою политическую актуальность. Вследствие этого, как мне кажется, в общем неудачные до сих пор попытки осуществления реформ сейчас вряд ли можно считать результатом советского давления, а единственный пример сравнительно успешной реформы (в Венгрии) — завоеванной в трудной борьбе и исключительной уступкой» [D a w i s h a and H a n s o n, op. cit., p.85].

Не настаивая на однородности внутренних экономических структур, Советы какое-то время пытались сохранять экономическую сплоченность блока путем поощрения большей степени интеграции (или «сближения»). На XXV съезде советской Коммунистической партии в 1976 году Брежнев выступил со следующим заявлением, породившим политическую полемику: «Несомненно, процесс постепенного сближения стран социализма вполне определенно проявляется ныне как закономерность». Далее он перешел к критике идей «национальной исключительности», не называя, впрочем, конкретных социалистических стран [Б р е ж н е в Л.И. Отчет Центрального Комитета КПСС и ближайшие задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., АПН, 1976, с.9]. Восточноевропейские режимы, признавая главенство Москвы в формулировании доктрин, постоянно опасались того, что их собственная способность маневрировать пострадает в результате «открытия» кремлевскими лидерами еще какого-нибудь «объективного закона». Вследствие этого в последние годы восточноевропейские лидеры проявляли большую неуступчивость по отношению к любым предложениям Москвы по координации процесса планирования или подготовке совещания глав государств СЭВ. Москве пришлось отказаться от ссылок на какие-либо «объективные законы» в докладе на съезде партии в 1981 году, когда Брежнев фактически принес извинения: «...На прошлом съезде говорилось о том, что идет процесс сближения социалистических государств. Этот процесс продолжает развиваться. Но он не стирает национальной специфики, исторических особенностей стран социализма. В разнообразии форм их общественной жизни, организации экономики следует видеть то, что есть в действительности: богатство путей и

методов утверждения социалистического образа жизни» [Брежнев Л.И. Отчет ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и ближайшие задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., АПН, 1981, с.17].

В вопросе координации при составлении пятилетних планов Брежнев проявил несколько больше решительности. Хотя он и воздержался от упоминания слова «закон», он постарался заменить его в равной мере универсальным и привносящим беспокойство словом «жизнь», заявив, что «жизнь ставит перед нами задачу дополнить координацию наших планов координацией экономической политики в целом. Очередными задачами становятся также выравнивание структур экономической организации, дальнейшее расширение прямых связей между министерствами, объединениями и предприятиями, принимающими участие в сотрудничестве, и создание совместных фирм». Исходя из того, что все эти «важные проблемы» требуют решения, Брежнев, пусть и с гораздо меньшим энтузиазмом, предложил: «...Вероятно, было бы полезно, чтобы руководители братских стран совместно обсудили их в ближайшем будущем» [там же, с.13].

Брежнев не дожидаясь до такого обсуждения. Лишь в июне 1984 года советским руководителям удалось созвать глав государств стран СЭВ на совещание на высшем уровне, первое после 1971 года. Сравнение текстов речей, произнесенных на этом совещании делегатами восточноевропейских стран, с одной стороны, и представителями Советского Союза — с другой, дает возможность выявить существенные расхождения во взглядах на «сближение». Советские руководители часто упоминали эту проблему, особенно призывая к координации планов в области науки и техники. Они предложили также, чтобы экономика во всех странах — членах СЭВ развивалась одинаково быстро (имелось в виду «выравнивание»), указывая тем самым на заинтересованность Москвы в распределении между всеми странами блока размера помощи Кубе, Вьетнаму и Монголии. Эти три страны были полными членами СЭВ, но Советский Союз оказывал им помощь непропорционально большую. Афганистан, Эфиопия и другие просоветские режимы не были полноправными членами СЭВ, хотя некоторые из них и имели статус наблюдателей, вследствие чего Москва не могла автоматически рассчитывать на «разделение бремени» со стороны своих отнюдь не проявляющих энтузиазма восточноевропейских союзников.

Речи восточноевропейских участников совещания на высшем уровне были примечательны почти полным отсутствием ссылок на обе указанные проблемы. Вместо этого в них множество раз повторялись призывы к укреплению сотрудничества на базе взаимных интересов. О росте влияния стран Восточной Европы в последнее десятилетие свидетельствует заключительное коммюнике, содержащее тщательно продуманное сочетание двух точек зрения (уступки Восточной Европе помечены взятыми в скобки буквами В.Е., а уступки Москве — буквами С.С.):

«Подтверждена правильность и своевременность коллективно выработанного курса (В.Е. — уже нет выражений типа «жизнь учит» и «объективный закон»), на углубление сотрудничества (В.Е.) и развития социалистической экономической интеграции (С.С.), которые стали важным фактором всестороннего прогресса каждой из братских стран (В.Е. — прогресс отдельной страны поставлен выше прогресса блока в целом) и сближения их уровней экономического развития (С.С.). Прочно утвердились принципы социалистического интернационализма (С.С.), уважения государственного суверенитета, независимости и национальных интересов (В.Е.), полного равноправия (В.Е.), взаимной выгоды (В.Е.) и товарищеской взаимопомощи (С.С. — в отношении этого выражения восточноевропейские участники не высказывали особого энтузиазма, после того как оно было использовано для оправдания советской интервенции в Чехословакии)» [«Правда», 16 июня 1984 г.].

Конечно, было бы неправильно предполагать, что по каждому вопросу и во всех случаях восточноевропейские страны выступали единым фронтом против Советского Союза как до 1985 года, так и после прихода Горбачева к власти. У стран Восточной Европы имеется много существенных различий в экономических интересах, к тому же они отличаются друг от друга по уровню развития и концентрации производства, а также характеру экономических структур. Однако сильные колебания мировых цен на нефть, начавшиеся в 70-е годы и продолжавшиеся в 80-е, несомненно, создали напряженность в отношении между СССР и Восточной Европой.

Обе стороны были заинтересованы в снижении негативных последствий этого напряжения. Восточноевропейцы старались диверсифицировать источники снабжения своих стран энергоресурсами путем расширения торговли с нефтедобывающими странами Ближнего Востока, но их возможности в этом отношении были ограничены отсутствием необходимых резервов твердой валюты, которую они в любом случае предпочитали использовать для закупок самых необходимых товаров на Западе.

Советы в свою очередь выражали открытое недовольство качеством товаров, которыми страны Восточной Европы расплачивались за сырье и энергоресурсы. На совещании в 1984 году и в нескольких выступлениях Горбачева специально затрагивались эти вопросы, но в них не содержалось предложений о пересмотре структуры цен, а лишь говорилось о более активном участии стран Восточной Европы в добыче сырья и энергоресурсов в СССР. Особенно выделяется следующая часть заключительного документа, где, учитывая недовольство СССР, однозначно утверждается:

«Для создания экономических условий, обеспечивающих... поставки из СССР... сырья и энергоносителей... заинтересованные страны... должны последовательно развивать свою структуру производства... с целью предоставления необходимой Советскому Союзу продукции, в частности продовольственных и промышленных товаров

народного потребления, некоторых видов машин и оборудования высокого качества и на мировом техническом уровне» [«Правда», 16 июня 1984 г.].

В течение 70-х годов восточноевропейский импорт товаров, покупаемых за твердую валюту на Западе, значительно вырос, однако он не сопровождался сопоставимым ростом восточноевропейского экспорта. В результате этого возникла аномальная ситуация: после десятилетия активной торговли с Западом восточноевропейцы, поняв рискованность и убедившись в неблагоприятных результатах такой торговли (сведения об их общей задолженности в твердой валюте за этот период представлены в таблице 1), снова обратились к СССР с предложениями об увеличении торговых сделок.

Однако в связи с изменениями цен на мировом рынке и механизма ценообразования торговли с Москвой уже не была так же выгодна для Восточной Европы, как раньше. Совершенно очевидно, что Москва не хотела, чтобы ее использовали в качестве свалки для недостаточно качественных изделий восточноевропейского производства, в особенности в обмен на сырье, за которое она могла бы получить твердую валюту.

Стремление Горбачева перестроить советскую экономику и основы советско-восточноевропейской торговли привело к ряду срывов, которые, как надеялись Советы, будут кратковременными. Планы создания межнациональных совместных предприятий оказались сорванными из-за недостатка информации, устаревших ценообразования и валютной системы, а зачастую и из-за недостатка политической воли у советских и восточноевропейских бюрократов. Результатом было открытое признание генеральным секретарем СЭВ: «Мы несколько обеспокоены задержкой с заключением соглашений о про-

Таблица 1

Валовая задолженность Восточной Европы в твердой валюте в 1971 — 1988 годах
(в миллиардах долларов)

Страны	1971	1975	1980	1981	1982	1984	1987	1988
Болгария	0,7	2,6	3,5	3,0	2,8	2,2	6,1	7,8
Чехословакия	0,5	1,1	4,9	4,5	4,0	3,6	5,9	6,7
Восточная Германия	1,4	5,4	14,1	14,9	13,1	12,4	20,4	20,7
Венгрия	1,1	3,1	9,1	8,7	7,7	8,8	17,7	19,3
Польша	1,1	8,0	25,0	25,5	24,8	26,8	39,2	39,2
Румыния	1,2	2,9	9,4	10,2	9,8	7,1	4,9	1,9
Итого	6,1	23,2	66,1	66,8	62,3	60,9	94,3	95,6

Источник: CIA, Directorate of Intelligence, Handbook of Economic Statistics, 1987, 1988; Plan Econ Report, Vol.5, №42-3. November 3, 1989, p. 53.

Советский Союз: торговля с Восточной Европой в 1985 — 1987 годах
(в миллионах рублей)

Категория и страна	1985	1986	1987
Экспорт	34 022	35 895	34 370
Болгария	6 456	6 752	6 276
Чехословакия	6 830	6 947	6 777
Восточная Германия	7 670	7 884	7 636
Венгрия	4 577	4 678	4 600
Польша	6 532	6 814	6 542
Румыния	1 957	2 823	2 539
Импорт			
Болгария	6 056	6 191	6 552
Чехословакия	6 632	6 556	6 907
Восточная Германия	7 592	7 128	7 093
Венгрия	4 892	4 873	5 080
Польша	5 600	6 127	6 329
Румыния	2 303	2 415	2 347
Торговый баланс	947	2 605	62
Болгария	400	561	-275
Чехословакия	198	391	-130
Восточная Германия	78	752	543
Венгрия	-315	-195	-480
Польша	931	686	213
Румыния	-346	408	192

Источник: СССР, «Внешняя торговля», квартальные показатели и годовые отчеты.

изводстве, специализации и кооперировании» [Népszabadság, May 1, 1987, FBIS-SOV, May 12, 1987, p.BVi].

Это беспокойство представляется вполне обоснованным, особенно если учесть, что, несмотря на настойчивые призывы СССР к странам Восточной Европы не допустить повторения долгового кризиса начала 80-х годов и оказать помощь СССР в модернизации его промышленной базы, советский импорт из трех экономически наиболее развитых стран Восточной Европы — Восточной Германии, Чехословакии и Венгрии — в СССР в 1986 году фактически снизился (см. данные таблицы 2). Импорт из Восточной Германии — технологического лидера блока — снизился более чем на 6 процентов, в то время как общий объем экспорта из ГДР уменьшился лишь на 3 процента. Ясно, что Советы были озабочены тем, чтобы приостановить снижение темпов роста объема импорта из Восточной Европы; темпы роста этого импорта после 1982 года постоянно снижались. В качестве ответной меры Москва пыталась улучшить условия торгового обмена как с государственными ведомствами, так и с отдельными предприятиями в Во-

сточной Европе, однако, когда это не привело к существенному увеличению притока импортных товаров, Советы стали сокращать положительное сальдо в своей торговле с этими странами. В результате в 1987 и 1988 годах объем советского экспорта в восточноевропейские страны был меньше, чем в предшествующие годы. Стремление сбалансировать свою торговлю с Восточной Европой фактически привело в 1989 году к значительному советскому рублевому дефициту в торговле с этими странами, превысившему три миллиарда «переводных» рублей [PlanEcon Report (Washington, D.C.), Vol. 5, No.46—7, November 24, 1989, pp.27, 32].

Это замедление необходимо рассматривать с учетом следующего: СССР остается единственным самым крупным рынком для восточноевропейского экспорта, равно как и единственным самым крупным источником восточноевропейского импорта, включая импорт стратегического сырья. Таким образом, хотя СССР и зависит от импорта из Восточной Европы определенных видов товаров, которые сравнительно трудно приобрести в другом месте, асимметрия зависимости ставит страны Восточной Европы в невыгодное положение в их отношениях с СССР. Большая эффективность экономики восточноевропейских стран является лишь частичным фактором, дающим преимущества Советскому Союзу, включая сюда и сам размер его экономики, и специфику развития экономических институтов блока, которая также благоприятна для СССР. Хотя эти институты и начали атрофироваться в последнее время, обе стороны в ближайшие годы, по-видимому, сохранят большие объемы торговли друг с другом — по крайней мере до тех пор, пока их экономики не станут достаточно сильными, чтобы полностью интегрироваться в мировую экономическую систему. Учитывая огромные проблемы, которые им предстоит решить, можно предположить, что это произойдет не скоро.

Мы и «третий мир» в свете нового политического мышления

I

Когда в середине XX века рухнули колониальные империи и на их развалинах возникли десятки независимых государств, в истории человечества оказалась перевернутой еще одна страница. В мире сложилась принципиально новая ситуация. Раньше история «делалась» в основном в Европе, затем к ней добавились Северная Америка и позже — Япония. Мировая политика была как бы сосредоточена в нескольких столицах, а основная масса населения земного шара была от нее «отрезана». Казалось, так и будет. Политическая карта мира была вроде бы стабильно и надолго раскрашена в цвета великих империй Запада.

И вот всему этому наступил конец. Искаженное колониализмом лицо человечества обрело наконец нормальные черты. Угнетенные освободились, «безголосые» обрели голос. Мировые, глобальные проблемы уже нельзя решать без участия бывших колоний и полукolonий — новых суверенных государств, юридически полноправных членов ООН, составляющих большинство в этой организации. Появилось понятие «третий мир» — этим условным и иногда вводящим в заблуждение термином принято обозначать страны Азии, Африки и Латинской Америки, именуемые развивающимися. При огромном различии между ними все они составляют как бы периферию мирового хозяйства, экономически еще зависимую от мировых «центров» — индустриально развитых государств. И проблема отсталости этих стран встала перед всем человечеством.

Когда была оценена нами эта новая мировая ситуация? Поскольку распад колониальных империй пришелся на период «холодной войны», жесткой конфронтации двух систем, сразу же возник вопрос: как быть с новыми независимыми государствами, как рассматривать сам факт появления целой группы таких государств, явно не укладывавшихся в бескомпромиссную схему «двух лагерей»? Ведь эта группа не могла быть отнесена ни к социалистическому, ни к империалистическому лагерю. Более того — она сама декларировала свое нежелание примыкать к какому-либо лагерю. Было поднято знамя Бандунга, провозглашена афро-азиатская, а затем и трехконтинентальная соли-

дарность, образовалось Движение неприсоединения. Идея биполярности мира уже не соответствовала реальному положению вещей. И тогда у нас стали говорить о том, что существуют две системы мирового хозяйства (это сфера экономическая), но в политическом плане такого жесткого дуализма нет: наряду с двумя лагерями имеются страны, стоящие как бы где-то посередине. Но подразумевалось, что это — дело временное. Ведь «в мировом масштабе» по-прежнему господствовал принцип «кто — кого», по существу неотделимый от другого: «кто не с нами — тот против нас». Это убеждение разделялось и на Западе — вспомним Даллеса с его тезисом о том, что нейтралитет аморален: либо вы со «свободным миром», либо — с «безбожным коммунизмом».

Временность, недолговечность существования неких «промежуточных» групп стран должна была логически вытекать как из социально-экономических, так и идеологических предпосылок. Поскольку у нас считалось, что время капитализма во всемирном историческом масштабе уже прошло и мы живем в эпоху перехода от капитализма к социализму, казалось естественным, что отсталые страны «опоздали сесть на уходящий поезд». Мы полагали, что, во-первых, поскольку капитализм органически не способен решить тяжелейшие насущные проблемы освободившихся стран, народы этих стран именно поэтому отвергают капиталистические методы преодоления отсталости и зависимости, во-вторых, эти народы, пробудившись, придя в движение, уже не удовлетворятся достижением национальной независимости, а «схodu» переведут национально-освободительное движение в русло глубоких социальных преобразований и, в-третьих, мировая система социализма, ставшая ведущей, наиболее могущественной силой мирового развития и идущая от успеха к успеху, уже самим фактом своего существования революционизирует развивающийся мир, подает ему вдохновляющий пример, указывает на новые ориентиры, оказывает ему неоценимую помощь в борьбе с империализмом и неокOLONиализмом.

Национально-освободительное движение рассматривалось как один из потоков мирового революционного процесса, один из важнейших факторов сокрушения империализма и соответственно — как естественный союзник мирового социализма. Это движение, выполнившее свою первоочередную задачу — добиться политической независимости, — все в большей степени приобретало, по нашему убеждению, черты социальной революции, призванной спрямить ход исторического процесса, вывести отставшие в своем развитии страны к «передовым формам общественного устройства».

В плане реальной политики развивающийся мир рассматривался как наиболее слабое звено капиталистической системы, ее уязвимое «мягкое подбрюшье». В военных терминах наш подход можно было бы описать так: идет позиционная война, обе стороны сидят в своих траншеях, Европа жестко разделена: «там» пока что не видно признаков близкой революции, зато «здесь» контрреволюция не пройдет

(водоразделом было то, что за рубежом называли «железным занавесом», а его зримым символом служила Берлинская стена). А вот «третий мир» — это поле открытой, маневренной войны, «серая зона», где можно осуществить прорывы, подрывая цитадель мирового капитализма.

В целом, поскольку все политическое мышление базировалось на идее борьбы двух систем на мировой арене (а борьба, естественно, должна закончиться чьей-то победой, и, естественно, тех, кто олицетворяет прогресс), «третий мир» с его колоссальными людскими и природными ресурсами представлялся увесистой гирей: на чью чашу весов во всемирной борьбе эта гиря ляжет — тот получит серьезное преимущество. Конечно, мы не разделяли идеи Мао о том, что «мировая деревня» (бывшая колониальная периферия) окружит «мировой город» (капиталистический центр) и вынудит его капитулировать, но все же мыслилось, что, если империализм лишится своих тылов в «третьем мире», это станет существенной предпосылкой его тотального краха: ведь он и так понес «невосполнимый ущерб» в результате распада колониальной системы.

Поэтому распространение прогрессивных общественных тенденций в развивающихся странах — что в рамках практической политики было неотделимо от роста советского государственного влияния — всегда рассматривалось как исключительно важная задача. Особенно это относилось к геополитически значимым для нас регионам, в частности к Ближнему Востоку. Любой молодой дипломат, поступаая на работу в высотное здание на Смоленской площади (как, впрочем, и его коллега, приходящий работать в госдепартамент США), заранее знал, как аксиому, что Ближний Восток — это такой жизненно важный район, где нельзя уступать противнику ни пяди земли, что за Ближний Восток надо драться. Подразумевалась, конечно, не военная конфронтация, а политическая. Но тем не менее эта конфронтация представлялась как «игра с нулевой суммой»: что потеряешь ты, то приобретает противная сторона. Главное было — «набирать очки». При этом как-то упускалось из виду, что времена изменились и Ближний Восток и в стратегическом, и в экономическом отношении для нас, по существу, не так уже и важен. Ведь в эпоху межконтинентальных ракет прежние понятия, такие, как плацдармы, военные базы, союзы, утрачивают свое былое значение, и ни наш генштаб, ни Пентагон не могли всерьез планировать сухопутные операции на Арабском Востоке в случае мировой войны. А проблема овладения нефтью Персидского залива для нас и неактуальна, и нереальна. Фактически оставалась лишь идеологическая сторона дела; но именно она в период, когда межгосударственные отношения были насквозь «идеологизированы», и приобретала решающее значение.

Считалось само собой разумеющимся, что в «третьем мире» надо усилению продвигать нашу политику и идеологию. При этом вряд ли думали о том, во что это выльется и что конкретно это даст самим народам развивающихся стран, да и вообще — станет ли от этого бли-

же победа социализма в мире. Ведь, по сути дела, категориями «мировой революции» никто не мыслил уже с двадцатых годов. Положено было считать, что крушение «загнивающего капитализма» не за горами, но когда именно и как это произойдет — практически никого не занимало. Тоталитарно-бюрократическая система, неотделимая от таких явлений, как «показуха», приписки и прочее, была заинтересована не столько в сути мировых процессов, сколько в их благополучной видимости. Например, на очередном партийном съезде генсеку надо было подтверждать, что «идеи социализма шагают по планете» или что-либо в этом роде. Приход к власти в какой-либо отдаленной африканской стране политиков, декларирующих курс на социализм, сразу же рассматривался как очередной успех, независимо от того, на чем такие декларации основывались. Численность компартий в развивающихся странах считалась серьезным и важным показателем. Когда они терпели крах, подвергались разгрому, никто за это не отвечал, все как бы списывалось по графе убытков. В политической бухгалтерии важно было, чтобы на каждый данный момент «силы прогресса» оказывались более мощными, чем «силы реакции». «Временные неудачи» никого не должны были смущать — всегда находились спасительные формулы о «трудностях роста», о «двух тенденциях» в любом явлении и т.д., не говоря уже о «происках империализма», подрывной деятельности спецслужб и заговорах. Главное — чтобы в целом все было «в ажуре».

Конечно, в ведомствах, занимавшихся внешнеполитическими делами, — и государственных, и партийных, и пропагандистских — работало немало способных, высококвалифицированных и честных людей, но ведь система сильнее человека... Число таких людей уменьшалось по мере продвижения в высшие эшелоны аппарата, на самом верху сидели обычно люди совсем иного типа. Лет тридцать тому назад автору этих строк довелось работать над одним документом в составе «бригады», которой руководил секретарь ЦК КПСС Мухитдинов, одно время «курировавший» проблематику национально-освободительного движения. Когда он, диктуя нам установки, произнес: «Югославские ревизионисты, как цепные псы империализма...», я не выдержал и возразил: «Нурэддин Акрамович, неудобно получается, ведь совсем недавно Никита Сергеевич говорил «Дорогой товарищ Тито», и все это помнят, и вдруг сейчас мы их так будем называть...» Его ответ был неподражаем: «Так ведь мы не говорим «цепные псы», а «к а к цепные псы». От людей такого интеллектуального уровня иногда зависело очень многое...

Тем не менее многие из решений, принимавшихся по вопросам, связанным с нашими отношениями с «третьим миром», были объективно достаточно разумными и полезными для развивающихся стран. Если говорить, например, об экономической помощи развивающимся странам, то нельзя преуменьшать или зачеркивать ее значение для определенного периода развития этих стран. Речь идет не только о таких всем известных гигантах, возведенных при нашем участии, как

Бхилайский металлургический комбинат в Индии или Асуанская плотина в Египте (хотя по поводу последней высказывались различные мнения). Нельзя отрицать, что Советский Союз действительно помог многим странам заложить основы экономики современного типа. Наши кредиты, предоставленные под низкий процент на довольно большой срок, выручили некоторые из развивающихся стран на весьма тяжелом начальном этапе становления независимой экономики. Одним из наиболее ярких примеров успешного экономического сотрудничества являются наши отношения с Индией, о которых индийцы и сейчас говорят с теплотой и благодарностью. Другое дело, что по мере повышения уровня развития освободившихся стран они испытывали все большую потребность в сложной технологии такого типа, которую мы уже были не в состоянии им предоставить. В этой области мы чем дальше, тем больше обнаруживали свою неспособность конкурировать на равных с развитыми капиталистическими государствами. Для ряда стран, особенно ближневосточных, Советский Союз все больше превращался в основном в поставщика оружия.

В политическом плане наш «прорыв» в развивающийся мир связан с именем Н.С. Хрущева. Смело порвав со сталинскими догмами, Хрущев протянул руку помощи новым, утверждавшимся у власти силам революционно-националистического типа. Стали нашими союзниками, провозгласили курс на социализм Насер и Бен Белла. Той же ориентации придерживались пришедшие к власти бирманские, сирийские, ганские, гвинейские и другие революционно-демократические, как их тогда называли, лидеры. Всем памятен суэцкий кризис и другие события конца 50-х — начала 60-х годов, в которых СССР сыграл важную роль, помогая государствам «третьего мира» отстоять свою независимость. Хрущев совершил, как представлялось тогда, исторический прорыв в Азию и Африку, найдя новых союзников и в международном, и в социальном плане.

Эта действительно революционная, новаторская, но сугубо эмпирическая политика нуждалась в теоретическом обосновании. Концепции классиков марксизма-ленинизма, доказывавшие возможность минования отсталыми странами капиталистической стадии развития, стали основой для теории некапиталистического пути, или социалистической ориентации, о чем речь пойдет ниже. Дав этим концепциям «второе дыхание», применяя их в реальной исторической ситуации, мы чувствовали себя революционерами в теории, избавившимися от пут узкологических и бесплодных схем сталинского времени. Казалось, найден свежий подход, нащупываются новые, не изведенные еще в истории пути революционного преобразования мира. Над всем этим витал дух XX съезда партии, открывавший, как мы думали, дорогу к свободному научному творчеству, к ломке устаревших догм.

Однако в последующий период, который сейчас принято (весьма неточно) называть «застойным», этот свежий дух выветрился. Воцарились новые догмы. Идеи, выдвинутые, так сказать, в порядке гипотезы

тезы, эксперимента, нуждавшиеся в проверке и подтверждении жизнью, превратились в набор закорючатых доктринерских тезисов, все более не совпадавших с реальным ходом событий, но зато утвержденных в высоких кабинетах, записанных в «основополагающих» документах и посему ставших неоспоримыми.

Тем не менее в области практической политики дела шли своим ходом, и любопытно, что наиболее плодотворные как в межгосударственном, так и в экономическом плане отношения (и при этом вполне стабильные) установились у нас с государствами, шедшими отнюдь не по «некапиталистическому» пути, такими, как Индия, Иран, Марокко, Аргентина, Афганистан. Политика была вполне прагматической и достаточно гибкой. Эту конкретную политику по отношению к конкретным странам нельзя назвать «идеологизированной». И именно поэтому стало возможным все более заметное противоречие между принципиальным, сугубо идеологизированным подходом к международным и межгосударственным отношениям в целом, построенным исключительно на конфронтации, борьбе двух систем, и реальными внешнеполитическими, геополитическими задачами. «Третий мир» в рамках прежнего политического мышления был не столько новой самостоятельной мировой общностью с собственными интересами и специфическим путем развития, сколько «объектом для завоевания» — конечно, не в военном, а в политико-идеологическом смысле. И только утверждение политического мышления, в основу которого легли, в частности, принципы свободы выбора и деидеологизации межгосударственных отношений, позволило взглянуть на вещи по-новому.

II

«Деидеологизация»... Да разве это может быть? — скажут ревнители простых и заскорузлых истин, воспитанные на «незыблемых основах». — Как же можно устранить идеологию из международной политики?! Из спортивного общения — еще куда ни шло, из культурного обмена — пожалуйста, но из сферы межгосударственных отношений — ни-ни! Ведь это и есть классовая борьба на мировой арене, ведь только на этом поле и борются две системы, тем более сейчас, когда о вооруженной, то есть ядерной, борьбе не приходится и думать. Остается только борьба политическая, международная — как же устранить из нее идеологию?

Да, не всем легко принять концепцию деидеологизации, равно как и многое другое в новом политическом мышлении. Но этого требует логика реальной жизни человечества в нашу эпоху, столь непохожую на все предшествующие. Сказав «а», надо сказать и «б». Признав, что военный путь решения спора двух систем, двух противоборствующих идеологий немыслим, ибо равносителен взаимному самоубийству, признав тем самым необходимость, неизбежность длительного и, более того, перманентного мирного сосуществования

обеих систем (и идеологий), приходится думать о том, как жить рядом, бок о бок, капитализму и социализму во взаимосвязанном состоянии на одной планете. Волей-неволей приходится разграничить две сферы: классовую, в том числе идеологическую, борьбу и отношения между государствами.

«Требованием нового этапа, — сказал М.С. Горбачев, выступая в ООН 7 декабря 1988 года, — стала деидеологизация межгосударственных отношений». Руководитель Коммунистической партии и государства подчеркнул при этом: «Мы не отказываемся от наших убеждений, от нашей философии, традиций, не призываем никого отказываться от своих».

Итак, задача состоит в том, чтобы, полностью отдавая себе отчет в противоположности и, следовательно, несовместимости идейных установок и социальных целей двух мировых общественных систем, пойти тем не менее на взаимоприемлемое мирное сосуществование. И не просто со-существование в смысле «жить рядом, не воевать, не трогать друг друга» — нет, такое параллельное развитие в «изолированных квартирах» уже нереально в наш век. Ведь научно-техническая революция — одна на всех. Разумно ли жить и можно ли вообще жить, не заимствуя друг у друга ее достижения, не обмениваясь ее плодами, не развивая — каждый со своей стороны, в более близком ему аспекте — те или иные направления этой революции?

Ведь и окружающая нас природная среда — тоже одна на всю планету: государственными границами не перегородишь воздух и воду. Разлагающиеся экосистемы в капиталистических странах завтра отравят окружающую среду в социалистических странах, и наоборот. Так может ли здравомыслящий человек злорадствовать, наблюдая, как гибнет природа у его идейного «противника»? Чернобыльская радиация моментально пересекла границу не только между Украиной и Белоруссией...

Но и проблема «слаборазвитости» — голода, болезней, неграмотности сотен миллионов людей — тоже проблема глобальная. Ведь на каждого из этих сотен миллионов приходится в среднем меньше 80 долларов дохода в год — столько, сколько стоит, скажем, в США пара дамских туфель. Не говоря уже о безнравственности такого положения вещей, можно предсказать, что бесконечное и безграничное накопление богатства на одном полюсе и нищеты — на другом чревато серьезными, возможно, катастрофическими последствиями для человечества в целом.

И наконец, самое главное, самое страшное — угроза ядерного уничтожения всего рода людского. Ее не устранишь, замкнувшись в своих пределах и отвернувшись от других государств, у которых, кстати, тоже в наличии такое же оружие. Одностороннего разоружения быть не может — только многостороннее. Но сколько же для этого надо взаимных усилий — именно взаимных: контактов, диалогов, переговоров... Вспомним, сколько встреч в верхах понадобилось лишь для того, чтобы дать первоначальный толчок про-

цессу разоружения, сократить гигантский арсенал оружия массового уничтожения на несколько процентов. И сколько еще подобных встреч должно состояться, чтобы стало фактом подлинное, всеобщее разоружение!

И если подход ко всем этим проблемам будет проникнут духом идеологической непримиримости, классовой вражды — как же можно надеяться на какой-то прогресс? Ведь тогда каждая сторона должна будет в первую очередь радоваться неудачам другой, выискивать у нее слабые места и бить по ним, «набирать очки» где только возможно, щелкать на политических счетах, суммируя успехи в распространении по планете своего мировоззрения и в увеличении числа своих сторонников, союзников, клиентов... О каком же сотрудничестве в решении глобальных, общечеловеческих проблем может в таком случае идти речь? Задача заключается именно в налаживании сотрудничества, а не просто в существовании «рядом с другой стороной».

Именно поэтому наше руководство провозгласило отказ от конфронтационного подхода в пользу сотрудничества и призвало другую сторону перейти к новому типу взаимоотношений. Настолько новому, что трудно сразу представить, сколько же устоявшихся стереотипов, привычных представлений надо менять.

Менять их, конечно, надо обоим сторонам. Бесполезно пытаться подсчитывать, у кого больше предубеждений по отношению друг к другу — «у нас» или «у них». Эти предубеждения сложились исторически, они не просто результат лживой и злонамеренной пропаганды. Тем более важно в них разобраться, проанализировать их истоки. Укоренившиеся представления, закаменев, превращаются в трудно-преодолимые догмы. Но ведь часто догмы — это те идеи и установки, которые были, возможно, правильными для того времени, когда они зародились. Изменилось время, иными стали условия, а сознание людей за ними не угналось (или ему не дали угнаться, намеренно его притормаживая и консервируя).

Если проанализировать с начала, то есть со времени Октябрьской революции, формирование отношения советского народа к вопросам международной политики, то некоторое время доминантой был тезис о мировой революции, первым очагом которой должна была стать Советская Россия — «подлинная родина трудящихся всего мира». По мере стабилизации мирового капитализма (которая у нас всегда мыслилась лишь как временная) и утверждения принципа построения социализма в одной стране формула мировой революции отходила в тень, но дух ее оставался, поддерживаемый параллельным тезисом (тоже верным для своего времени) о капиталистическом окружении. Образовался стойкий стереотип — «мы и они», причем «они» только и ждали удобного момента, чтобы задушить «нас». Приход к власти Гитлера и возникновение реальной угрозы войны придали жизненность и огромную силу общей убежденности в неминуемости последней, смертельной схватки.

Разгром гитлеризма отнюдь не привел к ослаблению этой убежденности, постоянной готовности к битве — просто переменялась фигура врага. Образ Америки, стремящейся к мировому господству и жаждущей уничтожить социализм, в течение десятилетий определял отношение советского народа к проблемам мировой политики, тем более что политика США действительно давала основания для того, чтобы ощущать постоянную угрозу агрессии. Официальная пропаганда рисовала во многом искаженный образ главной державы капиталистического мира, вплоть до того, что люди, у которых еще свежи были воспоминания о 22 июня 1941 года, всерьез опасались, а не пошлет ли американский президент ракеты на Советский Союз неожиданно и без предупреждения, так, как бросил Гитлер свои дивизии на нас. Вся международная обстановка рассматривалась через призму «великого противостояния».

Наряду с этим усиленно распространялся тезис об усиливающемся упадке и загнивании капитализма, терпевшего одно сокрушительное поражение за другим — образование мировой системы социализма, распад колониальной системы. Оба стереотипа совпадали в массовом сознании: капитализм слабеет, он охвачен неотвратимым кризисом, но именно поэтому он, чувствуя свою неминуемую гибель, становится еще опаснее, еще свирепее. По закону обратной связи эти представления, пройдя через массовое сознание, возвращались «наверх» и ложились в основу политики, главной задачей которой было «набирать очки» по всему миру, нащупывать слабые места противника (в частности, в зоне национального освобождения, в «третьем мире»). Аналогичный, «зеркальный» процесс имел место и в противоположном лагере, где раздувался миф о «советской агрессии» и проповедовались концепции «сдерживания» и «отбрасывания» мирового коммунизма. На такой идеологически подготовленной почве процветала и развивалась безудержная гонка вооружений, которая и подвела человечество к опаснейшему последнему рубежу...

Здесь, в критической точке, произошла остановка гибельного процесса скольжения по наклонной плоскости. Начался (только начался и еще не стал необратимым) противоположный процесс отхода от края пропасти. Первым и решающим звеном в этой цепи стали перемены в Советском Союзе, появление после долгих лет застоя нового руководства. Перестройка, демократизация, гласность — именно эти наши отечественные явления стали катализатором благотворных перемен в международной жизни, позволивших констатировать уменьшение угрозы войны. Образ «коммунистического врага» довольно быстро оказался размытым, по крайней мере среди значительной, если не преобладающей части населения капиталистических стран.

Коль скоро Советский Союз уже не выглядит как «агрессивная сталинская деспотия», способная внезапно двинуть танки на Западную Европу, отпадает и нужда в сохранении атмосферы перманент-

ной «сверхбдительности», в стремлении иметь постоянное военное превосходство, в политике «перехвата инициативы» и готовности к «превентивному удару». Рухают старые стереотипы, лозунг «лучше быть мертвым, чем красным» уже мало кого вдохновляет. Монолитный, казалось бы, айсберг «холодной войны» тает на глазах. И чем более прочной, необратимой станет наша перестройка, тем более уязвимым будет плацдарм антисоветчиков, сторонников «политики силы» на Западе.

В эту новую международную атмосферу органично вписались мысли о приоритете общечеловеческих ценностей над всеми остальными, в том числе классовыми, идеологическими. В рамках нового политического мышления стала утверждаться идея деидеологизации межгосударственных отношений.

Равносильно ли это понятие деидеологизации международных отношений? Видимо, нет: последнее понятие шире первого, отношения между государствами — это лишь часть, хотя важнейшая, всей системы международных отношений, включающей в себя общественные и политические движения, течения, партии и т.д. Очевидно, всю систему международных отношений «освободить от идеологии» нельзя. Существуют, например, и будут существовать особые связи, основанные на идейной общности, между теми или иными компонентами международного коммунистического и рабочего движения, между ними и социалистическими государствами, между последними и странами социалистической ориентации в «третьем мире». Всегда будут государства, по своему общественному устройству и господствующей идеологии стоящие ближе к Советскому Союзу и мировому социализму в целом, чем другие, и наоборот — никуда не денутся, например, проамериканские режимы в тех или иных странах. Нельзя запретить людям, классам, партиям, государствам испытывать симпатии к близким или родственным им силам, помогать им. В этом плане о деидеологизации не может быть и речи.

Не похожие одна на другую, чуждые одна другой идейные ориентации будут всегда, и наивно было бы полагать, что симпатии, классовые интересы, общие идейные позиции вообще не будут влиять на ход мировых дел. Но и тут есть нюанс: замыкаться только в кругу своих ценностей, «вариться в собственном соку», беспрестанно повторяя: «А вот это не наше», «Это нам не нужно», — означало бы невероятно обеднить собственную жизнь, как материальную, так и духовную, отказаться от обмена всем тем оригинальным, что создается каждой нацией самостоятельно.

Такого рода обмен, естественно, может быть и обменом идеями (а почему бы нет? Здоровые и полезные идеи могут появляться при любом общественном устройстве), но не слиянием идеологий, конвергенцией общественных ценностей, идейно-политических устоев. Каждый на своем и будет стоять, признавая право другого делать то же самое, доказывать свои преимущества. Такого рода честная борьба идеологий, по выражению М.С. Горбачева, «не должна пе-

реноситься на взаимоотношения между государствами». В этой конкретной сфере, от которой, собственно говоря, и зависит судьба мира, необходимы совместные поиски пути к приоритету общечеловеческой идеи.

Пора привыкнуть к мысли, что капитализм совсем не собирается рухнуть на наших глазах. Процесс смены общественных формаций, результатом которого, по убеждению каждого марксиста, станет торжество социализма, является процессом очень и очень долговременным, уходит далеко за горизонты, которые нам сегодня дано видеть. Мы будем жить рядом, на одной планете, при всем многообразии общественных форм. И при наличии доброй воли и взаимопонимания, взаимоуважения отнюдь не следует опасаться нежелательных для нас результатов в свободном и честном идейном соперничестве. Капитализм оказался более жизнеспособным, чем мы предполагали, он лучше нас сумел использовать достижения научно-технической революции, но это вовсе не значит, что он только и помышляет о том, как бы нас задушить. Крупные корпорации развитых капиталистических стран заинтересованы не в войнах и катастрофах (даже если многие из них извлекают громадные прибыли от производства вооружений), а в бизнесе, для которого нужна стабильная обстановка в мире. Сейчас выдвинут тезис о том, что в принципе современный капитализм в состоянии существовать без милитаризма. Реализация этой возможности будет во многом зависеть от общей психологической атмосферы в мире.

Могут возразить: это, мол, все одна голая теория, а каковы реальные факты? Что ж, есть и факты. Во-первых, напомним о том, что уже в течение десятилетий существует Движение неприсоединения, на деле воплотившее в себе идею деидеологизации межгосударственных отношений. Множество стран с самым различным общественным строем, с отличной одна от другой политической ориентацией объединены в движение, поставившем перед собой общие для всех задачи, вытекающие из своего рода глобальных проблем на уровне главным образом «третьего мира». Движение неприсоединения, в которое наряду с консервативными режимами входят также и некоторые социалистические страны, успешно развивается и вносит позитивный вклад в мировую политику.

Во-вторых, обратимся хотя бы к недавним событиям. Достигнуто соглашение об урегулировании проблем Юго-Западной Африки. Казавшийся почти безнадежным конфликт получил реальную перспективу разрешения политическими средствами. Расистская ЮАР и социалистическая Куба согласились на взаимный вывод войск.

Стронулась с места кампучийская проблема, начались конкретные поиски урегулирования тяжелейшего конфликта на компромиссной основе.

Происходит заметный сдвиг в отношениях между Индией и Китаем, омраченных территориальным конфликтом более чем четвертьвековой давности.

Спадает напряженность во взаимоотношениях между африканскими странами, Эфиопией и Сомали, Ливией и Чадом, еще недавно рвавшими свои споры на полях сражений.

Появились некоторые обнадеживающие признаки в деле урегулирования затяжного конфликта по вопросу о Западной Сахаре, заметно уменьшилась напряженность в отношениях Марокко с Ливией и Алжиром.

И наконец — а может быть, это следует поставить не в конец, а в начало всей цепи рассматриваемых событий, — вывод советских войск из Афганистана. Сложность обстановки в этой стране не может лишить мировую общественность уверенности в том, что затянувшийся кровавый конфликт можно и нужно разрешить на компромиссной деидеологизированной основе.

Бросается в глаза, что во всех упомянутых случаях было, по существу, продемонстрировано новое политическое мышление: идеологические соображения отодвинуты на второй план по сравнению с задачей достижения урегулирования, прекращения кровопролития. В каждом из перечисленных фактов заметно одно: физическая возможность продолжать конфликт оставалась у всех заинтересованных сторон, никто не потерпел поражения, враждовать и воевать можно было и дальше — при условии, что господствовал бы принцип: мы, и только мы, правы, мы, и только мы, должны силой доказать справедливость нашего дела, свое превосходство. Но в том-то и дело, что этот императив был сознательно принесен в жертву общим интересам в деле достижения мира. Это было невозможно без признания того, что и у противной стороны есть интересы, которые необходимо учитывать.

Свобода выбора — вот что лежит в основе нового мышления. Марксисты верят в превосходство социалистического устройства общества и в конечное торжество социализма, но если в силу ряда исторических причин общество в той или иной стране не готово еще принять социализм, не следует его навязывать, экспортировать революцию в страну, не созревшую для этого. Точно так же, как, разумеется, недопустимо препятствовать стране, избравшей социалистический путь, развиваться в этом направлении. В этой связи уместно напомнить о том, что самоопределение народов является важнейшим пунктом Устава ООН.

Все сказанное, естественно, в первую очередь относится к «третьему миру». Именно Азия и Африка (а также Латинская Америка) — континенты, наиболее «нестабильные» с точки зрения поддержания мира и безопасности на всей земле. Причина очевидна: на этих континентах, в отличие от регионов, более развитых в экономическом и социальном плане, все находится еще в стадии становления, формы общественного устройства не утвердились окончательно, не выкристаллизовались, возможны повороты на 180 градусов. Тяжелое экономическое положение, сохраняющаяся отсталость и нищета, социальные контрасты, неурегулированность этнонациональных проблем,

политическая нестабильность — все это создает благоприятную почву для длительных конфликтов. Политическая жизнь пропитана насильем, экстремизм разных видов вспыхивает то тут, то там. И у внешних сил всегда может возникнуть соблазн вмешаться в ход бурных событий, кого-то «перетянуть» на свою сторону. Последствия этого могут быть поистине трагическими.

К счастью, сейчас наблюдается более зрелый и ответственный подход к спорным вопросам со стороны как великих держав, так и самих участников конфликтов в «третьем мире». Выступая в Токио с докладом «К новым международным отношениям», Э.А. Шеварднадзе сказал: «Мир явно повзрослел в своем подходе к взрывоопасным ситуациям. И сразу же достигнут огромный прогресс в урегулировании региональных конфликтов. Везде положение меняется к лучшему».

Сохранить этот позитивный импульс — важная задача наших дней. А это возможно лишь при условии, что принцип деидеологизации межгосударственных отношений станет неотъемлемым компонентом мировой дипломатии, более того — окажется органически вплетенным в ткань современного общественно-политического мышления.

III

Тезис о том, что колонии и вообще отсталые страны могут, минуя капитализм, перейти «сокращенным путем» к социализму, был выдвинут, как известно, классиками марксизма-ленинизма. Мысля категориями неминуемой и, как тогда представлялось, достаточно близкой пролетарской революции в центрах мирового капитализма, Маркс и Энгельс, естественно, задумывались и над вопросом: а что тогда будет с колониями, с «периферией», где еще господствуют докапиталистические отношения? Если капитализм рухнет в метрополиях, если мировое хозяйство, в котле которого варятся колонии, будет развиваться в социалистическом направлении, не абсурдно ли полагать, что отсталые страны все равно должны проходить все ступени общественно-экономического развития, включая капитализм со всеми его стадиями? Не вернее ли предположить, что ставшие уже социалистическими метрополии «потянут» за собой целиком зависимые от них азиатские и африканские страны и помогут им избежать длительного и мучительного прохождения по ступеням капиталистического развития? Мысль простая и мудрая.

Все высказывания Маркса и Энгельса по данному вопросу, равно как и знаменитая, ставшая основополагающей для всех теоретических разработок формулировка В.И. Ленина, выдвинутая на II конгрессе Коминтерна¹, не оставляют сомнения в том, что решающим условием успешного перехода отсталых стран к социализму, минуя капитализм, классики марксизма считали воздействие мощного внешнего фактора. Имелся в виду переход к социализму в передовых,

промышленно развитых странах. Но история оправдала эти надежды лишь частично. Социалистическая революция произошла только в России, и здесь прогноз классиков марксизма подтвердился: победивший пролетариат центра повел за собой почти не знавшие капитализма окраины бывшей царской империи. Но этого не произошло в западноевропейских государствах, т.е. в главных метрополиях, владевших наибольшим числом колоний в Азии и Африке. Котел мирового хозяйства, в котором продолжают вариться, несмотря на достигнутую уже политическую независимость, бывшие колонии, остается капиталистическим. Вести за собой отсталые страны вчерашние метрополии могут, естественно, лишь к капитализму, но никак не к социализму. Социалистические государства оказывают посильную помощь развивающимся странам, но эта помощь отнюдь не адекватна тому мощному воздействию, которое оказывает на «третий мир» в экономическом, а также социальном плане мировой капитализм.

Тем не менее и в совершенно иных исторических условиях, при отсутствии решающего внешнего фактора как рычага в процессе «минования» капитализма, возник ряд стран, руководство которых заявило о своем намерении проложить, в основном собственными силами, самостоятельный маршрут к социализму. Образовалась группа государств некапиталистического развития, или, как их стали называть позднее, социалистической ориентации. Это произошло в начале 60-х годов, и тогда же получила второе рождение теория перехода отсталых обществ к социализму, минуя капитализм, ставшая известной как теория некапиталистического пути.

Автору настоящей статьи довелось в то время принимать участие в разработке данной теории. Необходимо напомнить, на каком историческом фоне все это происходило. Рухнула колониальная система империализма, появились десятки новых независимых государств. Куда они пойдут? — вот вопрос, который тогда волновал всех. Убогие сталинские представления о мировом развитии оставляли лишь два варианта: диктатура пролетариата или диктатура буржуазии. Реально же получалось, что ни для того, ни для другого варианта подходящих условий в большинстве отсталых стран нет — именно потому, что и пролетариат и буржуазия, «основные классы» в анализировавшемся основоположниками марксизма развитом капиталистическом обществе, не являлись таковыми в обществе отсталом — крестьянском, патриархальном или в лучшем случае мелкобуржуазном. Жизнь показала, что в большинстве освободившихся стран к власти пришли силы, которые нельзя было квалифицировать ни как пролетарские, ни как буржуазные. Возникали режимы нового типа, не укладывавшиеся в известные исторические схемы, — власть брали военные националисты, и прогрессивное крыло их объявляло о социалистическом выборе, хотя с пролетарской диктатурой эти режимы имели весьма мало общего.

Было выдвинуто положение о том, что в нашу эпоху дать толчок преобразованиям, ведущим к социализму в слаборазвитых странах,

могут первоначально силы, не исповедующие марксизм, но убежденные в неспособности капитализма решить насущные проблемы своих стран, непролетарские революционеры, и сама жизнь будет постепенно подтверждать правоту марксистско-ленинской теории. Эти силы получили в наших трудах название революционной демократии. Положение стало краеугольным камнем всей теории.

Разумеется, ученые-востоковеды отдавали себе отчет в одном существенном изъяне своей концепции: было очевидным отсутствие того решающего внешнего фактора, воздействие которого основоположники марксизма-ленинизма считали важнейшей предпосылкой всего процесса перехода к социализму, минуя капитализм. Революция в центрах мирового капитализма не произошла, а именно к ним-то периферия и оставалась накрепко привязанной экономически. Но объяснение этому «неудобному» обстоятельству было дано путем выдвигания еще одной концепции; суть ее состояла в том, что наличие мировой системы социализма, ее мощь, ее растущее влияние — это фактор, способный компенсировать как отсутствие диктатуры пролетариата в странах, вставших на некапиталистический путь, так и несвершившуюся социалистическую революцию в бывших метрополиях.

То обстоятельство, что движение по некапиталистическому пути возглавил не пролетариат, а мелкобуржуазно-националистические силы, конечно, признавалось серьезным минусом всего процесса, но нейтрализовалось следующим соображением: революционные демократы, встав на этот путь, по логике вещей будут осуществлять те же первоочередные — национально-демократические, антифеодалные, антиимпериалистические — задачи, которые пришлось бы решать и коммунистам, если бы они пришли к власти. Это приведет революционных демократов к антикапитализму, препятствия к усвоению ими идеологии научного социализма будут уменьшаться, и через этап народно-демократических преобразований — высший по отношению к национально-демократическому — общество выйдет на путь социалистического строительства.

Основания для такой надежды были — непролетарские революционеры Азии и Африки, заявляя о социалистическом выборе, исходили прежде всего из стремления завершить ликвидацию империалистического господства, в кратчайшие сроки перестроить, модернизировать отсталую колониальную экономику. Ненадежность частного сектора, слабость и ограниченность местной буржуазии, ее эгоизм, своекорыстие, паразитизм, фактический саботаж ею государственных планов и мероприятий, а также стремление империализма к диктату, его подрывная деятельность — таковы факторы, приведшие этих революционеров к отказу от капитализма как средства и пути решения проблем отсталости и зависимости. Это был выбор во имя ускоренного и независимого экономического и социального развития, и путь к нему лежал через этатизм, идею необходимости централизованных государственных усилий. Если в Европе идея социализма возникла как реакция на классовый гнет, как выражение борьбы эксплуатируе-

мых пролетарских масс, то в бывших колониях курс на разрыв с капитализмом был провозглашен в первую очередь на основе антиимпериалистической борьбы за национальное освобождение, против внешних эксплуататоров, а уже затем — против эксплуататоров внутренних, когда выяснилось, что с ними — не по пути. Социализм рассматривался революционными демократами как синоним целеустремленного, концентрированного развития, как план, как дисциплина. И можно было в самом деле предполагать, что подобная модель развития, несмотря на ее немарксистское происхождение, будет до такой степени несовместима с интересами местных классов, что революционные демократы неизбежно ударят и по ним — хотя бы в интересах сохранения своей власти. А раз так, то и не слишком уж важно, кто заложил эту модель — марксисты или революционные националисты, которых сама жизнь рано или поздно подведет к признанию правоты идей научного социализма.

Политика Насера подтверждала справедливость и жизненность этой концепции. Начав с антиимпериалистического национализма и пытаясь при этом опереться на местный капитал, египетский президент убедился на горьком опыте в том, что с местной буржуазией он своих задач не решит, и пришел к выводу, что только социализм может обеспечить достижение желанных целей. Пример Насера всегда фигурировал как наиболее показательный — ведь уж кто-кто, а он исходил отнюдь не из идей марксизма, но под воздействием логики самой жизни вышел, как нам представлялось в середине 60-х годов, на верный путь.

Некапиталистическое развитие стало рассматриваться как закономерность, чуть ли не столбовая дорога для освободившихся стран. Правда, сам термин многим представлялся не вполне удачным ввиду отсутствия в нем позитивного заряда, указания на «конечную станцию» маршрута, и постепенно стал вытесняться другим — «социалистическая ориентация». Но смысл самого явления не изменился.

По проблематике социалистической ориентации у нас написана масса книг, брошюр и статей, немалая часть которых может поразить сегодня читателя, знакомого с реальным положением дел, обилием абстрактных, искусственных конструкций, схоластических дефиниций. Желаемое выдавалось за действительное; предполагаемое, еще ничем в истории не доказанное развитие событий расценивалось как неизбежное, само собой разумеющееся, шли споры лишь о терминах, нюансах, фазах, стадиях, периодах, переходах и перерастаниях. Главное было — подтвердить тезис о том, что «идеи социализма шагают по планете». Конечно, это относится отнюдь не ко всем работам, опубликованным по данной проблематике; в некоторых из них содержатся интересные и ценные идеи, подтвержденные жизнью и ставшие реальным вкладом в нашу науку.

Этот краткий экскурс в историю понадобился для того, чтобы прояснить условия возникновения современной теории некапиталистического пути развития. Сейчас, спустя четверть века, легко заметить,

что многое не оправдалось, хотя что-то и подтвердилось. Сам по себе исторический феномен — некапиталистический путь развития, путь социалистической ориентации — остается, сохраняет свою жизненность. Но масштаб данного явления сейчас выглядит значительно скромнее, чем раньше, а достигнутые на некапиталистическом пути результаты во многом разочаровывают.

* * *

Вопрос о причинах негативных явлений в развитии стран социалистической ориентации нельзя считать слишком сложным для исследователя. Задним числом отчетливо видишь факторы, приведшие к краху одних режимов, перерождению других, нарастанию буржуазных тенденций в третьих. Не являются секретом и причины таких явлений, как нерентабельность госсектора, бесхозяйственность, бюрократизм, показуха, коррупция, обуржуазивание кадров, становление новых элит, недемократичность методов управления, репрессии, фракционная борьба. Помогают пониманию всего этого, в частности, ошеломляющие по своему размаху разоблачения наших собственных негативных явлений, хлынувшие в последние годы со страниц советской печати, равно как и такие, например, документы, как материалы вьетнамского партийного съезда. Невольно возникает вопрос: если уж у нас, в первой стране победившего социализма, на протяжении десятилетий могли твориться такие безобразия, то что же спрашивать с тех, кто в условиях несравненно большей отсталости пытался по мере сил копировать наш опыт?

Неудачи стран социалистической ориентации можно условно разделить на три основные группы: вызванные факторами, характерными для всего «третьего мира», для отсталого общества как такового; вызванные специфическими объективными причинами, связанными с попыткой «перескочить» через определенные этапы развития в условиях этого отсталого общества; наконец, обусловленные субъективным (человеческим) фактором — волюнтаристскими ошибками, забеганием вперед, нетерпением, неопытностью, конкретными обстоятельствами борьбы за удержание власти, внутренними разногласиями, фракционностью и т.д. Разумеется, третий, субъективный момент тесно связан с двумя первыми.

«Евроцентризм» в подходе к отсталому обществу, помноженный на, если так можно выразиться, «классоцентризм», мешал увидеть в правильном свете проблемы «третьего мира», в том числе и стран некапиталистического пути развития. Пытаясь усмотреть где только можно борьбу классов, партий, идеологий, мы до недавних времен оставляли, по существу, вне поля зрения этнокоммуналистский фактор, систему патронажно-клиентельных отношений — т.е. именно то, что составляет живую ткань восточного и африканского общества. Конечно, подчеркивалось важное значение таких явлений, как национализм, трибализм, религия, но подход к ним отличался декла-

ративностью; фактически все эти «внеклассовые» феномены рассматривались как некие довески к чему-то главному, как восточный орнамент, придающий своеобразие, но не меняющий сути. В частности, поэтому такой шок вызвал кровавый внутренний конфликт в Южном Йемене в январе 1986 года, где тщетно было пытаться отыскать классовые и идеологические корни, но зато в полной мере проявилось то, что иногда называют «неопатриархальный фактор», в основе которого лежит патронаж и клиентура. Выявилось, причем с небывалой и беспощадной остротой, что ни социалистическая идеология, ни практическая деятельность на революционном поприще не могут полностью перечеркнуть традиционные нормы общественного поведения.

Чисто экономические неурядицы легче поддаются объяснению. История показывает, что революционные преобразования в обществе неизбежно приводят сначала к расстройству экономики. Рухают старые, налаженные хозяйственные связи, вытесняется крупный собственник (в данном случае — как правило, иностранный), располагавший опытом, знаниями, оборудованием, отлаженной системой снабженческо-бытовых связей; отсеивается значительная часть технической интеллигенции, управленческих кадров; мелкие и средние собственники в страхе перед возможной национализацией и политическими потрясениями сокращают деловую активность; буржуазия воздерживается от новых капиталовложений; приходят новые, неквалифицированные, некомпетентные кадры; расшатывается трудовая дисциплина — прежний страх перед хозяином исчез, а нового, сознательного отношения к труду нет; политические передраги, смена начальства и лозунгов препятствуют стабильности; наконец, непременно появляется саботаж, действует внешняя контрреволюция.

Но если эти неизбежные экономические неурядицы не компенсируются явными преимуществами социального и морально-этического плана (воспитание нового человека, достижение равенства и справедливости); если процветают коррупция, nepотизм, на глазах у всех появляются и обогащаются новые привилегированные слои — могут ли страны данного типа обладать притягательной силой для других, служить примером, образцом?

Видимо, существуют серьезные изъяны в самой сути той модели развития, которая характерна для стран социалистической ориентации. Не найден новый социалистический стимул, поощряющий людей добросовестно и эффективно трудиться, честно и исправно выполнять свои обязанности, чувствовать свою личную заинтересованность в судьбе общества, осознавать, что дело государства — это и их кровное дело и от его успехов зависит их собственное благосостояние, а от их усилий в свою очередь зависит будущее государства и народа. Но главное — отсутствие достаточно убедительных экономических стимулов, упование на магическую силу слов, лозунгов, призывов, надежда на энтузиазм, подкрепленный волевыми усилиями руководства.

Опыт стран, переживших социальные революции, доказывает, что моральный стимул, энтузиазм масс является фактором относительно кратковременным и постепенно утрачивает силу, не будучи подкреплен стимулом материальным. Особенно быстро моральный фактор подвергается эрозии, когда рассеиваются иллюзии относительно наступления «царства справедливости», когда становится ясно, что социальное неравенство не устранено, а лишь приобрело иные формы и возникают новые привилегированные слои. Появляется стремление заменить падающий энтузиазм все усиливающимся принуждением, что лишь усугубляет недовольство масс. Растет безразличие и разочарование, ширится число противников режима, отвечающего на это репрессиями. В таком заколдованном круге погибла или переродилась не одна революция.

Правящие круги стран социалистической ориентации рано или поздно начинают сознавать, что на одном энтузиазме далеко не уедешь; они неизбежно останавливают внимание на частном секторе, но оказываются при этом перед дилеммой. С одной стороны, объективно необходимо избегать разрушения частного сектора, поддерживать и даже поощрять хотя бы мелкое предпринимательство, дабы не допустить полного расстройтва экономики и неблагоприятных социально-политических последствий. С другой стороны, при отсутствии диктатуры пролетариата частнособственническая стихия, непрерывно растущая и лезущая изо всех щелей, серьезно угрожает перерождением значительной части даже руководящих кадров, мелкобуржуазных по своему происхождению. Нельзя ликвидировать административным путем частника, но нельзя и давать ему полный простор; и то и другое грозит гибелью революционного режима.

Анализ происхождения стран социалистической ориентации заставляет прийти к выводу, что почти не осталось резервов для образования государств подобного типа в Азии и Африке, если иметь в виду уже подтвержденные историей условия такого образования. В самом деле, такие государства возникли в основном на территориях двух типов: а) колонии в прямом смысле слова, в которых в ходе вооруженной освободительной борьбы политические организации марксистской (или близкой к ней) ориентации сумели возглавить массы, проявить себя как наиболее активная, боевая патриотическая сила и затем уже, завоевав власть в освободительном движении, взяли курс на социализм (Ангола, Мозамбик, Южный Йемен — вслед за Вьетнамом), и б) совершенно отсталые страны с архаичной феодальной структурой (Эфиопия, отчасти опять-таки Южный Йемен). Имеются в виду страны «второго поколения», наиболее радикальные, руководимые партиями марксистского типа и имеющие потенциалы развития по вьетнамско-лаосскому образцу. В странах же «первого поколения» (Египет, Сирия, Алжир, Гана, Гвинея и т.д.) левые режимы возникли в особых исторических условиях, ныне уже не существующих, — в период «бури и натиска», крушения империалистического господства, подъема движения за арабское или африканское единство.

Названные варианты возникновения стран социалистической ориентации в основном себя исчерпали по той причине, что колоний практически не осталось, «окаменевших» феодальных стран — тоже, если не считать такие, например, как Непал (на Аравийском полуострове, при наличии сильных элементов феодализма, идет бурный процесс внедрения капитализма, и Саудовскую Аравию, к примеру, нельзя ставить в один ряд с Эфиопией). Остается лишь крайний юг Африки; вообще же большинство стран Азии и Африки развиваются так или иначе по пути капитализма (каким бы третьесортным он иногда ни выглядел). Почти не видно стран, в которых могли бы создаться условия для образования стран социалистической ориентации, уже известные нам. Но не могут ли аналогичные режимы возникнуть в странах, где уже имеет место капиталистическое развитие при политической независимости и где это развитие приводит к неудовлетворительным, разочаровывающим результатам? Видимо, могут, особенно в Африке, там такие примеры были и прежде (Конго, Бенин). Не так давно леворадикальные режимы возникли в Гане и Буркина-Фасо. Не исключены аналогичные ситуации и в будущем. Действительно, капитализм в отсталых странах, а тем более в так называемых наименее развитых, внедряется так болезненно и мучительно, рождает столько проблем, которые они не в состоянии быстро и эффективно решить, что вполне логично представить, как в той или иной стране будут формироваться группы в основном из молодой интеллигенции, чаще всего военной, которые станут искать выход из положения на пути социалистических преобразований. Вполне вероятен их приход к власти на волне разочарования и недовольства населения плачевными итогами господства буржуазно-бюрократических групп.

Но перед революционным режимом вскоре встанут кардинальные проблемы. Во-первых, его миссия поначалу будет состоять в том, чтобы преуспеть именно на том поприще, на котором не добилась успеха власть бюрократической буржуазии, — экономического развития и обеспечения благосостояния масс, — а между этими задачами существует глубокое расхождение. Для развития экономики необходима помощь Запада, причем из-за не слишком большой привлекательности отсталых стран для частного капитала в основном придется иметь дело с межгосударственными организациями, такими, как МВФ, требующими проведения политики жесткой экономии средств. Но такая политика непременно натолкнется на сопротивление профсоюзов, вызовет недовольство широких масс, и популярность правительства начнет падать.

Во-вторых, опора на западные кредиты, технологию и т.д. неизбежно приведет к усилению западного буржуазного влияния, зависимости от Запада не только в материально-техническом, но и в идейном, культурном плане. Будет расти слой посредников между иностранными контрагентами и местным рынком, будет развиваться местный частный бизнес, ускоренными темпами будет происходить

формирование технократии, ориентированной на стандарты буржуазного «общества потребления». Неравномерность в распределении доходов, социальное неравенство будут увеличиваться. Предотвратить данный процесс можно лишь при отказе от всякой зависимости от Запада, что практически означает отказ от экономического развития современного типа; логическое завершение такого курса — линия «красных кхмеров», что маловероятно. Усиление же западного буржуазного влияния неминуемо вступает в противоречие с социалистическими идеалами, распространяемыми революционным руководством. Примеры Ганы (при К. Нкруме), Гвинеи, Мали, Буркина-Фасо достаточно красноречиво говорят о том, как трудно найти оптимальный выход из этого порочного круга.

Начиная с какого-то времени мы стали проводить различие между странами социалистической ориентации первого поколения (образовавшиеся там режимы называли также национально-демократическими) и странами второго поколения с режимами, обычно именовавшимися народно-демократическими, руководимыми авангардными партиями. Вторые в отличие от первых достаточно полно усвоили основные положения марксистской теории и осуществили на практике ряд радикальных мер в духе концепций научного социализма. Насеристы и баасисты при всем нашем позитивном в целом отношении к ним рассматривались все же как не вполне «свои», не столь близкие к нашей модели, как эфиопские, южноафриканские, ангольские революционеры. Мы как бы подталкивали первых ко вторым; вот характерная цитата из одной работы: «Подлинное движение к социализму будет предполагать радикальную трансформацию систем, подобных национально-демократической (не говоря уже о режимах «национального социализма»), их развитие в направлении того типа общественных структур, который в различных формах и с различной мерой зрелости существует сегодня в таких странах, как Куба и Вьетнам, Никарагуа и Эфиопия, НДРГ и Ангола» [Развивающиеся страны в современном мире: путь революционного процесса. М., 1986, с.169]. Перечисленные страны выдвигались, таким образом, в качестве некоего эталона общественно-экономической системы, в рамках которой осуществляется переход от до- и раннекапиталистических отношений к социализму.

Как все это выглядит сегодня? Куба при всех ее неоспоримых успехах в ряде сфер общественной жизни до сих пор не может решить немало экономических и социальных проблем, к тому же нельзя забывать, какую значительную и систематическую помощь она получает от СССР, — воспроизведение этой ситуации в африканских и азиатских странах вряд ли реально. О перспективах Никарагуа говорить еще рано, ход развития этой страны деформирован войной, но такие явления, как бесхозяйственность, коррупция, черный рынок и т.д., уже обнаружилось там в полной мере. Вьетнамские коммунисты сами подвергали жесточайшей критике весь предшествующий курс своего развития, и путь Вьетнама в прошлом никак нельзя считать образцом

для других. В Эфиопии действительно проведены наиболее радикальные на Африканском континенте преобразования, но об итогах их говорить преждевременно, а ряд аспектов эфиопской действительности внушает серьезные сомнения и опасения. В тяжелом состоянии находится экономика Анголы, а южноафриканская модель серьезно дискредитирована кровавой междоусобицей 1986 года. В целом, на наш взгляд, ни одна из перечисленных стран не может сегодня служить вдохновляющим примером и образцом для других.

Но речь выше шла не о самых отсталых из стран «третьего мира» (кроме Эфиопии). Что сказать о других? Можно ли построить социалистическое здание на «топком болоте» традиционного отсталого общества, разделенного по этнокоммуналистскому признаку и пропитанного патриархальными отношениями? Конечно, это риторический вопрос, обосновать положительный или отрицательный ответ невозможно, но ведь мы-то до последнего времени отвечали на него только утвердительно. При этом ссылались на классиков марксизма, которые, как уже говорилось, имели в виду принципиально иную историческую ситуацию, а также приводили примеры республик Средней Азии и Монголии, забывая, что там строительство социализма происходило в особой обстановке, эти республики варились в общем котле с индустриально развитым социалистическим центром и при этом были отрезаны от всякого влияния мирового капитализма.

В отношении наиболее отсталых стран в ходу был аргумент о преимуществе отсталости: имелось в виду ничтожное развитие капиталистических отношений, практически отсутствие местной буржуазии. Эта мысль не нова — еще Мао говорил, что социализм надо строить, пока народ нищ. Но как раз пример маоистского Китая и показывает, к чему это приводит. Перехитрить историю, обойти или обмануть человеческую природу не удалось. Че Гевара говорил, что фундаментальная цель марксизма — устранить личный интерес как психологическую мотивацию. Благородная цель, но пока что нигде в мире она не осуществлена.

Возвращаясь к вопросу о различиях между национально-демократическим и народно-демократическим вариантами социалистической ориентации, следует признать, что те страны первого поколения, в которых левые режимы уцелели (Алжир, Сирия), выглядят не так уж плохо по сравнению с более радикальными. Конечно, надо принять во внимание, что их уровень изначально был выше, но все же можно констатировать, что сам факт четвертьвекового правления ФНО и БААС — партий, сумевших выдержать и преодолеть множество трудностей и угроз, — заслуживает внимания. Нельзя отрицать: и в Сирии и в Алжире развиваются капиталистические отношения в городе и деревне, растет новая буржуазия, что дает основания марксистам обеих стран весьма скептически относиться к перспективам социалистической ориентации при нынешних режимах, — но все же, думается, было бы неверно предекать неизбежное капиталистическое пере-

рождение власти в этих странах. Там консолидировались своеобразные госкапиталистические режимы, не намеревающиеся имитировать наш прошлый путь развития, но это как раз, может быть, и не так уж плохо. Есть определенное сходство с нэповской Россией, но ведь именно сейчас наши ученые стали задумываться над тем, не лучше ли было бы для нашей страны, если бы вместо сталинского варианта строительства социализма у нас в свое время утвердилась нэповская кооперативная модель.

Л. Гордон и Э. Клопов пишут в журнале «Знание — сила» [№2, 1988 г.], имея в виду наши 20-е годы, что «безраздельная политическая власть, а также сосредоточение в руках государства «командных высот» лишали экономическое развитие стихийного характера. Партия получила возможность сознательно направлять рост экономики в определенное русло, ограничивая перерастание мелкотоварного производства в капиталистическое и тем самым сводя к минимуму опасность чрезмерного расширения капиталистического уклада». Можно предположить, что примерно к этому же стремится и ФНО в Алжире, руководство которого вряд ли заинтересовано в реставрации капитализма и намерено твердо держать руль в руках. В отличие от менее развитых, полностью зависимых от Запада в процессе строительства современной экономики стран, о которых речь шла выше, Алжир уже имеет достаточно развитую хозяйственную базу, диверсифицированные внешнеэкономические связи, стабильную социально-политическую структуру. Стоит ли сокращаться по поводу того, что алжирское руководство не идет «дальше влево», не стремится «полностью перейти на рельсы научного социализма» и не собирается имитировать уже известные исторические модели? Может быть, госкапиталистический, неонэповский вариант окажется более эффективным, позволит быстрее повысить жизненный уровень и культуру народа, построить жизнеспособную здоровую экономику современного типа?

Ясно одно: после того как в нашей стране провозглашен отказ от командно-административных методов руководства экономикой и стали воочию видны долговременные пагубные последствия сталинизма, после того как радикальные экономические и общественные реформы стали на повестку дня в Китае и во Вьетнаме, уже невозможно по-прежнему считать бедой стран социалистической ориентации, что там еще недостаточно усвоена марксистско-ленинская теория и они еще не так близко, как хотелось бы, подошли к уже «проверенной историей» практике строительства социализма. Ведь и теория эта уже пересматривается, а точнее — восстанавливаются ее первоначальные, искаженные Сталиным основы, и в практике обнаружилось вопиющие изъяны. Было бы непростительной ошибкой продолжать толкать страны социалистической ориентации на воспроизведение нашего пути со всеми минусами, которые сейчас столь безжалостно высвечиваются проектором гласности.

Но здесь есть одна важная проблема. Дело в том, что психологически руководство и кадры авангардных партий стран второго

поколения предрасположены к именно такому варианту строительства социализма, при котором на передний план выдвигаются командно-административные методы. Эта предрасположенность связана с социальными и культурными факторами, с самим характером отсталого общества. Уже цитировавшиеся Л. Гордон и Э. Клопов пишут о Советской России 20-х — 30-х годов: «Близящаяся военная угроза, промышленная отсталость, недостаточность культурного уровня народных масс, слабость демократических навыков и демократических политических традиций создавали обстановку, в которой переход к форсированной индустриализации и административно-командным методам управления оказывался более подходящей формой разрешения главных задач, стоявших перед обществом, нежели плавное продолжение социально-экономического развития на базе нэпа». Если присмотреться к менее развитым из числа стран социалистической ориентации (а это и есть наиболее близкие нам по духу страны второго поколения), то мы увидим, что все перечисленные факторы действуют там с удвоенной силой. Правда, противовесом (например, в Анголе и Мозамбике) является ориентация на экономическую мощь Запада; сталинские тенденции смягчаются там также и бросающейся в глаза необходимостью поощрять частный сектор, чтобы спасти разваливающуюся экономику. И тем не менее проблема, о которой идет речь, остается. Боевой, жесткий характер правящей партии, который только и позволил ей, преодолев все препятствия, утвердиться у власти, не благоприятствует усвоению «плавных, безболезненных, компромиссных» вариантов руководства обществом и экономикой, да и объективная реальность также способствует использованию волевых, силовых, командных методов.

Играет свою роль и революционное нетерпение, столь знакомое нам по периоду первых лет Советской власти, по настроениям времен военного коммунизма. Борцам, верящим в свою миссию создания нового общества, а следовательно — и нового человека, хочется как можно быстрее покончить с наследием прошлого, выкорчевать в сознании людей приверженность к собственности, ко всему «своему», «частному», побудить их вдохновляться идеалами общего, коллективного. Эксплуатация отождествляется с собственностью как таковой. Мелкого собственника терпят, но есть тенденция относиться к нему в принципе как к чужеродному телу (так у нас смотрели на нэпмана). Но ведь одной агитацией не перевоспитаешь людей, тем более что экономика пусть со скрипом, но все же развивается, существует рынок, растет товарное хозяйство, население не может не думать о своих доходах, об уровне жизни, о материальных благах. Сильно искушение «подтолкнуть», форсировать процесс строительства нового общества волевыми, приказными мерами, подавить ползущую изо всех щелей частнособственническую стихию, жесткими методами пресечь тенденцию к «обуржуазиванию». Так создается почва для утверждения того административно-командного антитоварного стиля руковод-

ства, который, как мы теперь уже хорошо знаем, чреват пагубными последствиями.

* * *

Следует ли впадать в уныние по поводу того, что результаты развития стран социалистической ориентации пока что не оправдали возлагавшихся на него надежд, да и само количество таких стран сегодня невелико? Думается, что для этого нет оснований.

Процесс преобразований в освободившихся странах, строительства нового, независимого общества более многовариантен, чем мы предполагали, разрабатывая теорию некапиталистического пути. Отвергая прежние схемы — «либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии», — мы при анализе перспектив развивающегося мира невольно впали в новый схематизм. Будущее рисовалось так: поскольку капитализм в «третьем мире» показывает свою неспособность решить кардинальные, насущные проблемы новых государств, он обречен на довольно быстрое банкротство, и единственный выход, подсказываемый самой жизнью, — переход на некапиталистический путь, обеспечивающий достаточно эффективное, и в короткие сроки, решение этих проблем. Правда, в нашей научной литературе всегда делались предостерегающие оговорки насчет того, что все-таки процесс перехода к социализму в отсталых странах займет длительный период, но уж первоочередные задачи должны быть решены весьма быстро. Этого не получилось. Видимо, диапазон форм перехода к новому общественному устройству в освободившихся странах гораздо шире, чем представлялось. Возможно множество «промежуточных» вариантов, не укладывающихся в рамки жесткой альтернативы.

А если смотреть на вещи шире, с глобальных позиций, то можно высказать такое соображение: коли мы взяли курс на подлинную разрядку международной напряженности, на длительное мирное сосуществование с капитализмом, отнюдь не собирающимся сойти с исторической арены, такое ли уж большое значение имеет, сколько именно стран социалистической ориентации существует в мире? Если мы отключаемся от концепции «врага, который уничтожит нас, если мы его не опередим», стоит ли всерьез горевать по поводу того, что позиции Запада в «третьем мире» не подрываются так быстро и успешно, как хотелось бы? Можно согласиться с Л. Любимовым, который пишет на страницах журнала «Мировая экономика и международные отношения»: «Бытовал схоластический подход к «третьему миру» как сплошной «зоне приращения социализма», как к естественному во всех случаях союзнику в борьбе с империализмом (без учета фактора дифференциации), что оборачивалось для нас втягиванием в региональные конфликты. За Анголой последовали события на Африканском Роге, затем — в Афганистане. В итоге произошло резкое усиление советско-американского соперничества, поляризация позиций

двух держав в вопросе, в котором следовало бы искать и, видимо, находить взаимоприемлемые решения» [«МЭ и МО», 1988, №3, с.9].

Разумеется, было бы абсурдно понимать такую позицию как тенденцию к отказу от поддержки уже существующих стран социалистической ориентации; напротив, по нашему мнению, помощь им должна быть по мере возможности увеличена, и желательно сделать все, что в наших силах, для того чтобы содействовать их успешному развитию — при учете и тщательном анализе совершенных ими и нами ошибок. Но в целом пора уже оценивать всю проблематику социалистической ориентации в духе реализма, идя от фактов, а не от благих пожеланий.

IV

Отношение в «третьем мире» к проводящимся у нас преобразованиям далеко не однозначно. Находясь в Аргентине, я подметил одну любопытную особенность: люди, в том числе и левых убеждений, в общем, с пониманием и одобрением встретили перестройку в СССР и особенно гласность (эти два слова звучали без перевода и по-испански). Старый человек подошел ко мне после лекции и сказал: «Я член компартии с 1941 года, я плакал всю ночь, когда умер Сталин, и только теперь я понял, какой это был...» — и произнес слова, которые на русский лучше не переводить. Но эти же люди с настороженностью и беспокойством относятся к нашей обновляющейся внешней политике.

Конечно, Аргентина — отнюдь не типичный представитель «третьего мира», но и в беседах, например, с арабскими журналистами я улавливал тревожные нотки.

Человек устроен так, что стереотипные, устоявшиеся представления о вещах или явлениях застревают у него в голове даже тогда, когда ситуация уже изменилась. Типичны в этом смысле высказывания о том, что СССР «отходит от развивающихся стран, поворачиваясь лицом к Европе и США». Сразу перед глазами возникает образ двадцати- или тридцатилетней давности: ошетинившийся оружием Советский Союз непримиримо и неколебимо стоит спиной к Западу, между нами — пропасть, а рядом с нами — развивающиеся страны. Два лагеря. Весь мир поделен на черное и белое. Борьба до победы. Кто-то должен пасть.

Разумеется, в реальности так не было, но в «идеале» (к которому некоторые продолжают стремиться) картина должна была выглядеть примерно так. Но подумаем, что бы произошло, если бы эта картина сохранилась: ведь статика в международных отношениях не может быть, а динамика развития была бы такова, что рано или поздно у кого-то из двух противостоящих блоков, нарастающих до безумной степени свои вооружения, сорвался бы палец со спускового крючка — и что тогда? Где был бы социализм, капитализм, «третий мир»?

Провозгласив приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми, советское руководство подтвердило: да, есть классовые интересы, государственные противоречия, огромные различия в мировоззрении, но все мы люди, у всех есть общий интерес — никто не хочет погибать в пламени ядерной войны. Самый беспощадный эксплуататор не пожелал бы ради уничтожения коммунизма обратиться в пепел себя, свою семью, свое имущество. Значит, есть общая почва для соглашения о создании такого мирового порядка, при котором истребительная война была бы исключена. На это, собственно, и направлены советско-американские договоренности о разоружении. И если это означает «вернуться лицом к Западу», то за такой поворот проголосовало бы все человечество, если вообразить некий всемирный референдум. И страны «третьего мира» не могут не понимать, что чем дальше от вооруженного конфликта отношения между СССР и США, тем меньше шансов, что радиоактивные осадки покроют и их землю.

А борьба с голодом (угрожающим, между прочим, прежде всего развивающимся странам), с болезнями, в том числе со СПИДом, с таким злом нашего столетия, как международный терроризм? Мыслимо ли все это, если мир будет разделен на враждебные, мечтающие похоронить друг друга лагеря, мыслимо ли сотрудничество в урегулировании региональных конфликтов, причиняющих миллионам людей смерть и страдания? Если бы не новая атмосфера в международных отношениях, если бы не новое политическое мышление — могли бы советские солдаты покинуть Афганистан, возможен ли был бы прогресс в решении, например, намибийского конфликта? Ответ, я думаю, ясен. И если ради всего этого надо «вернуться к Западу» — что же в этом плохого? Ведь никто при этом не заставляет других отказываться от своих идей, от своих ценностей. Пусть будет «честная борьба идей», как сказал М.С. Горбачев, но кто постановил, что такая борьба несовместима с сотрудничеством в решении проблем, затрагивающих глубочайшие, коренные интересы, судьбы всех жителей планеты?

Тут опять-таки могут возразить: да, все это хорошо, но какой ценой это достигается? Ценой отхода от развивающихся стран, от национально-освободительного движения? Сам этот вопрос логичен лишь в рамках прежнего мышления, черно-белого видения мира, четко разделенного на клетки. Но мир — не шахматная доска, где только два цвета и где каждая фигура может двигаться только по отведенной ей траектории. В политике существует неисчерпаемое богатство ходов, вариантов, комбинаций, альянсов. Тем более политика великой державы, какой является СССР, не может быть односторонней, ориентированной на «либо — либо». Я лично убежден, что сейчас для нашей внешней политики «третий мир» более важен, чем прежде, при господстве концепции биполярного мира, когда все внимание уделялось противоборству с Западом и развивающиеся страны трактовались в одном контексте — чьи они: «наши» или «не наши». Сей-

час признана многополюсность мира, самодовлеющая ценность всех стран и народов, и государства Азии, Африки, Латинской Америки могут только выиграть от того, что на них смотрят как на могучую самостоятельную силу, а не как на «резерв», союзников или клиентов той или иной сверхдержавы; перед ними уже не стоит малопривлекательный выбор — непременно принимать сторону того или другого из «больших» конфликтующих соперников, пристраиваться к шеренге в одном из «лагерей».

Выдвигается такая схема: империализм «заклучил мир между сверхдержавами» и тем самым добился своего — получил свободу действий в «третьем мире». Но ведь этот «мир», как его называют, то есть нормализация отношений и смягчение напряженности, отказ от конфронтационного подхода, заключен по обоюдному согласию, а не в результате сдачи позиций одной из сторон, и в «мирном соглашении» нет условий, предусматривающих преимущества какой-либо стороны, и никто не может запретить Советскому Союзу поддерживать своих друзей и союзников. Насколько я понимаю, никому в Москве и в голову не приходит мысль отказаться от этого законного права, да и в Вашингтоне не столь наивны, чтобы полагать, что СССР, дабы «ублаготворить» Запад, пожертвует своими принципами и интересами. А на вопрос о том, утверждают ли США и ЮАР свое влияние в Афганистане или Анголе, я ответил бы так: думаю, что народы этих стран не допустят этого, и у них хватит собственных сил, чтобы сохранить независимость.

Приходится иногда слышать, что СССР «бросает на произвол судьбы» национально-освободительное движение. Но что конкретно означает этот термин сегодня? Ведь он подразумевает освобождение угнетенных народов от господства империализма. Если говорить о политической стороне дела (а именно это и предполагает в первую очередь понятие н а ц и о н а л ь н о г о освобождения), то цель уже достигнута с крахом колониальной системы, за исключением Палестины, юга Африки и еще некоторых территорий. Перед независимыми государствами стоят сложные социальные и политические (в том числе национально-этнические) проблемы, но уже другого рода. Пусть те, кто считает, что еще продолжается национально-освободительная революция, попробуют э т и м термином, с применением э т о г о понятия, объяснить то, что происходит сегодня в Индии, Египте или Бразилии. Могут сказать: а как же быть с освобождением экономическим? Никто не отрицает наличия эксплуатации освободившихся стран, остающихся экономически неравноправной, дискриминируемой частью мирового капиталистического хозяйства, периферией, зависимой от центра. Но, во-первых, можно ли применять по отношению к борьбе за преодоление экономической зависимости понятие «национально-этническое освобождение» и, во-вторых, может ли СССР, какой бы ни была его внешняя политика, играть решающую роль в этой борьбе, если учесть — увы! — ограниченность наших материальных возможностей, наше скромное место в предоставлении товаров,

технологии, кредитов развивающимся странам? Поэтому мне кажется, что данный тезис построен на смещении понятий. Нет фактов, которые свидетельствовали бы о принципиальном изменении советской политики в отношении развивающихся стран. «Третий мир», этот огромный массив освободившихся стран, с его мощным потенциалом и колоссальной раскрепощенной энергией народов, ставших независимыми, призван играть выдающуюся роль в решении судеб человечества, и он вправе рассчитывать, как и прежде, на симпатии и поддержку со стороны нашего государства.

Примечания

¹Тезис В.И. Ленина гласил: «...С помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246].

*И.Н. Зорина
Н.А. Карагодин
В.Г. Хорос
В.Л. Шейнис*

«Третий мир»: мифы и реальность

Беседа за круглым столом

В. Хорос. Новое политическое мышление, концепция взаимозависимого современного мира, предложенная СССР, находит все больший отклик в различных регионах планеты, в том числе в развивающихся странах. Она активно разрабатывается новым советским руководством, реализуется в различных международных инициативах СССР по развивающемуся миру. Вместе с тем этот процесс еще находится в начальной стадии. Политика вообще, внешняя политика в частности, обладает большой инерцией. Нелегко отказываться от былых стереотипов, обретать объективный, научный реалистический взгляд на положение дел в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Ведь речь идет о громадных районах земного шара, обладающих многообразной спецификой, обремененных комплексом сложнейших общественных проблем.

Н. Карагодин. Прибавьте еще: отказываться от стереотипов давних, сложившихся отнюдь не вчера, но несущих с собой груз многих десятилетий.

Истоки

В. Хорос. Да, если говорить об истоках нашей концепции «третьего мира», то они уходят к первым конгрессам Коминтерна, а может быть, еще дальше. Наверное, можно начать с ленинских работ. В последние годы В.И. Ленин сформулировал несколько ключевых теоретических положений по революционному движению в колониальных и зависимых странах. Во-первых, тезис о возможности для этих стран миновать буржуазную стадию, поскольку во всемирном масштабе происходит взаимодействие национально-освободительного и пролетарски-социалистического движений [см.: Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.245-246]. Во-вторых, положение о том, что «идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не

только в странах, в промышленном отношении развитых... но и с такой социальной основой, как крестьянство» [там же, т.42, с.132], в феодальных или полуфеодальных структурах [там же, с.244-245]; что необходимо поэтому «перевести» марксизм «на язык каждого народа» [там же, т.39, с.330]. В-третьих, вывод о том, что поскольку Россия, Индия, Китай и другие страны «составляют гигантское большинство населения» земного шара и поскольку Восток «втягивается с необычайной быстротой в борьбу за свое освобождение», то «окончательная победа социализма» в мировом масштабе «вполне и безусловно обеспечена» [там же, т.45, с.404].

Из этих положений исходили в своих стратегических установках деятели Коминтерна в 20—30-х годах. Например, на VI конгрессе Коминтерна в 1928 году говорилось о том, что «колониальные страны в настоящее время представляют для мирового капитализма наиболее опасный участок его фронта», что «новый подъем китайской революции и неизбежное обострение революционной ситуации в Индии могут создать совершенно новую общемировую ситуацию и опрокинуть относительную стабилизацию капиталистического порядка» [Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933, с.836, 780].

Н. Карагодин. Была ли разница между позициями Ленина и его последователей?

В. Хорос. Несомненно, и существенная. Ленинские идеи вытекали из гипотезы, родившейся в исторической ситуации (начало 20-х годов), когда реальностью было не только пробуждение Востока, но и революционная ситуация в некоторых европейских странах. А Ленин (как до него Маркс и Энгельс) обуславливал успешность движения к социализму в отставших странах примером социалистических преобразований в странах развитых. При таком подходе революция в России — на то время, пока она не будет поддержана пролетарскими революциями на Западе — могла иметь убедительный «демонстрационный эффект» для стран Востока лишь при условии выполнения генеральной задачи, намеченной Лениным, — сначала взять власть, а потом уже, на основе пролетарской власти «двинуться догонять другие народы» в культурном отношении [Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т.45, с.381]. Ленин прекрасно понимал гигантскую сложность этой задачи. Не случайно он предупреждал, например, монгольских революционеров о том, что им придется много поработать над превращением «пастушеских элементов» в коммунистическую партию, что «простая перемена вывески вредна и опасна» [там же, т.44, с.233].

Однако после Ленина, как известно, ход событий в СССР повернулся отнюдь не на линию соединения пролетарского руководства с культурными достижениями более развитых стран. И потому его идеи о путях революционного движения в колониальных и зависимых странах приобретали все более догматическое и прямолинейное толкование. В сталинский период они фактически превратились в установку на экспорт революции.

В. Шейнис. Я бы предложил пойти дальше простого противопоставления короткого ленинского периода русской революции тому, что последовало за ним. Известную роль в идеологическом раскрепощении нашего общества и понимании реальных процессов такое противопоставление сыграло. Но нельзя ограничиваться констатацией того, что развитие пошло не так, как рассчитывал Ленин. Владимир Георгиевич довольно точно обрисовал комплекс представлений о путях стран Востока, вытекавших, как он сказал, из ленинской исторической гипотезы.

Однако сама гипотеза о том, что к началу XX века капитализм вступил в свою последнюю стадию, подошел к роковому для него пределу, не подтвердилась. Ошибочным оказалось и предположение, что выход из кризиса, обозначенного первой мировой войной, может дать лишь пролетарская революция, свергающая «империализм». Именно в этой перспективе выстраивалась стратегия: борьба колоний против метрополий поможет мировой социалистической революции скорее покончить с «империализмом», а затем позволит всем вместе двинуться в светлое будущее. Можно сколько угодно спорить, была ли в начале века возможность социалистического переворота в Европе и Северной Америке (я думаю, что такой возможности вообще не было), но сторонникам радикального крыла в международном социалистическом движении революционный переход от капитализма к социализму (или к тому строю, который принимался за социализм) представлялся не просто возможным, а неотвратимым, проблема для них в основном сводилась к путям и срокам.

Ленин обладал замечательным качеством политика: он значительно быстрее своих соратников улавливал изменение ситуации. Раньше других он увидел, что русская революция в обозримом будущем не может рассчитывать на поддержку пролетарской революции на Западе. С тем большей надеждой смотрел он на Восток. Отодвигались сроки всемирной «победы труда над капиталом», менялась стратегическая диспозиция, но видение исторического процесса, закованное в жесткую схему формационного перехода, оставалось прежним, а революция безусловно противопоставлялась реформе.

Из ошибочной общеисторической гипотезы, принятой за научно доказанную истину, проистекали ложные оценки и решения. Во-первых, были явно недооценены возможности прогрессивной эволюции социально-экономического строя на Западе, трансформационные потенции капитализма. Во-вторых, с созданием Коминтерна трагический раскол социалистического движения был завершен как раз тогда, когда действительно веские основания для этого (отношение к мировой войне) стали достоянием истории. В-третьих — и это имеет самое непосредственное отношение к нашему разговору, — грубо схематичной, в сущности внеисторичной, была черно-белая картинка: угнетенный Восток против эксплуататорского Запада. Самым опасным в таком подходе была идеализация национальных движе-

ний, недооценка того компонента многих из них, который получил позднее название «реакционный антиимпериализм».

Было бы не так уж печально, если бы данное видение настоящего и будущего направляло лишь учебный процесс в Институте красной профессуры или Коммунистическом университете трудящихся Востока. К несчастью, оно повлекло также немало практических политических шагов, вредоносные последствия некоторых из них мы ощущаем до сих пор.

Конечно, политика Коминтерна и СССР в колониальном и зависимом мире была неоднозначна и многослойна, как неоднородны и разнохарактерны были возникавшие там национальные движения. В 30-е годы основную опасность в мире представляли агрессивные фашистские милитаристские государства, готовившие, а затем и начавшие передел мира. Поддержка Китая в его борьбе против японской агрессии, Эфиопии — против итальянской и т.д. заслуживает позитивной оценки. Но «антиимпериализм» со временем стал все более подчиняться практическим внешнеполитическим нуждам сталинского государства и проходить стадии поразительных превращений, следуя за пируэтами этой политики. Чего стоило хотя бы признание «правительства национальной обороны» во главе с Гайлани в Ираке в 1941 году, опиравшегося на поддержку Германии. Если бы этим националистам, поднявшим восстание против «британского владычества», удалось удержаться, вся стратегическая ситуация на Среднем Востоке коренным образом изменилась бы как раз накануне нападения Гитлера на СССР.

А впоследствии, особенно после того как мы победили в самой страшной войне в нашей истории, идеи революционного мессианизма стали вытесняться имперскими амбициями, которые, конечно же, облекались в антиимпериалистическую фразеологию.

И. Зорина. Аналогичным образом обстоит дело с ленинской идеей мирного сосуществования. Она была провозглашена в тот период, когда стало очевидным, что мировая революция, как тогда говорили, «задерживается». Идея мирного сосуществования родилась практически одновременно с нэпом и так же, как нэп, была принята «всерьез и надолго». Но затем принцип мирного сосуществования в нашей внешней политике становился все более декларативным.

В. Шейнис. Нас нередко одолевает стремление вернуться к незамутненным истокам в политике, идеологии, науке: разгребая нагромождения лжи, восстановить в чистом виде мысли и действия Ленина, Чичерина, вождей Коминтерна... Занятие похвальное. Но будем историчны: идея мирного сосуществования, подверстанная к установке на мировую революцию (Октябрьская революция, полагали в 20-х годах, — начало и база развертывания мировой социалистической революции) или к представлениям о современной эпохе как эпохе перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе, о трех потоках революционного движения и т.п. — это здравая, но вспомогательная идея. Сама подобная привязка открывает многообразие

возможности ее адаптации к чему угодно. «Да здравствует мир между народами! Долой поджигателей войны!» — были последние слова публично произнесенные Сталиным. Совершенно иной смысл приобретает идея мирного сосуществования в контексте нового политического и научного мышления. Надо не бояться сказать, что она теперь — важнейший элемент иного взгляда на себя и окружающий мир, а не просто признание непредвиденных реальностей, как это было в 20-х годах.

В. Хорос. И все же новое мышление возникло не на пустом месте. Идея мирного сосуществования на XX съезде КПСС была заявлена с новой силой. Мы отказались тогда от тезиса о «неизбежности войн при империализме», по существу, приняли социал-демократический тезис о мирном переходе к социализму, начали налаживать отношения со многими странами на Западе и Востоке.

В. Шейнис. Да, отдадим должное Н.С. Хрущеву. С середины 50-х годов наша внешняя политика стала учитывать многие реалии послевоенного мира: и предотвращение глобального конфликта как высший императив, и выход на арену мировой политики молодых государств. Но этот поворот был непоследовательным. Не раз брала верх установка на обострение конфронтации между Западом и «третьим миром». Не всегда мы были разборчивы в поиске союзников. Не покидало искушение добиваться в периодически возникавших международных конфликтах «победы над империализмом» (на Ближнем Востоке, в Африке, в Центральной Америке), пренебрегая поисками компромиссов. Иногда такие победы одерживались, но какой ценой?

И. Зорина. В основе всего этого лежало неизжитое старое мышление, о чем говорили Вы, Виктор Леонидович. Мирное сосуществование трактовалось как «форма классовой борьбы», исход которой заведомо предрешен. «Мы похороним капитализм! Мы вас закопаем», — вырвалось как-то у Н.С. Хрущева. На Западе это было воспринято с излишним буквализмом, но Хрущев грубо выразил мысль, которую считали реальной несколько поколений советских лидеров.

В. Хорос. Дело было не только в инерции неизжитых представлений. Прежние установки на мировую революцию получили в конце 50-х — начале 60-х годов новый импульс. Интенсивный процесс распада мировой колониальной системы — мы связывали его с натиском национально-освободительного движения, но причины были гораздо более многообразны — привел к образованию десятков молодых государств. Некоторые из них объявили о выборе курса на социализм. Правда, таких государств было сравнительно немного, но появление их шло в те годы весьма интенсивно. А если к этому добавить уже существовавшие Китай, Вьетнам, Монголию, победу радикальных сил на Кубе, то создавалось впечатление, что социализм в Азии, Африке и Латинской Америке вырастает как полноправная и в перспективе доминирующая альтернатива капитализму и социалистический «передел» мира, что называется, не за горами. Тогда-то в Программе КПСС, принятой на XXII съезде, и появилась формула, что для раз-

вивающихся стран «капитализм — это путь народных страданий», а социализм — «путь народов к свободе и счастью» [Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, с.355]. И тогда же в наших книгах и статьях стали обосновываться — разумеется, со ссылками на классиков марксизма-ленинизма — теории о революционной демократии в «третьем мире», о некапиталистическом пути развития и социалистической ориентации освобожденных государств.

И. Зорина. В которых желаемое выдавалось за действительное, а действительное изображалось в самых радужных тонах.

В. Хорос. Не совсем так. Национально-освободительное движение, национально-освободительные революции были объективными процессами, они выражали накопившийся протест народов против колониализма. Точно так же социалистическая ориентация закономерно родилась на гребне национально-освободительного движения, когда в ряде стран антиколониализм и антиимпериализм естественно перерастали в антикапитализм. Здесь, без всякого сомнения, также сработал «демонстрационный эффект» мирового социализма, индустриализации СССР и других социалистических стран, — хотя я согласен с Вами, Ирина Николаевна, что эту модель развития многие национальные лидеры (да и мы сами), как сейчас ясно, порядком идеализировали. Примечательно, что социалистическую ориентацию усваивали, как правило, страны, менее или даже наименее развитые среди других освобожденных государств. И в этом была своя логика. Социалистический курс рассматривался не только как оптимальный путь социального прогресса, но и как наиболее действенный метод преодоления глубокой экономической отсталости. «Наша нищета и слабое национальное единство, — говорил в свое время президент Танзании Джулиус Ньерере, — делают социализм единственно возможным выбором для нас» [N u e r e r e Julius K. Man and Development. Dar es Salaam, 1974, p.114].

Короче говоря, в своих оценках и прогнозах освобождавшейся колониальной и зависимой «периферии» мы отталкивались от вполне реальных явлений, процессов и тенденций. Беда в том, что мы (а также многие национальные лидеры, причем нередко с нашей «подачи») их переоценивали. И потому наши представления о революционном потенциале развивающегося мира чем дальше, тем больше расходились с действительностью.

Революционность «третьего мира» — с каким знаком?

Н. Карагодин. Так, очевидно, бывает всегда, когда подходишь к «живой» исторической реальности с априорными, извне взятыми принципами или мерками. В данном случае проявлением такого априоризма была скрытая или явная «презумпция» мировой революции.

В. Хорос. Дело, думается, было не только в этом. Со времен Сталина у нас происходило неуклонное снижение марксистской теоретической культуры. Теория становилась служанкой практики, а точнее сказать, служила оправданием той или иной практической конъюнктуры. Идеи классического марксистского наследия больше использовались для наклеивания ярлыков, чем как методология осмысления фактов реальной жизни. Так получилось и при оценке революционных движений в «третьем мире». Мы создали целую типологию революций в Азии, Африке и Латинской Америке — национально-освободительные, национально-демократические и даже народно-демократические революции. Но на деле нас интересовала в большинстве случаев лишь поверхность явлений — провозглашаемые лозунги, программы, декреты, антиимпериалистические декларации и т.п., и гораздо меньше, — что же реально делалось и насколько это соответствовало декларируемому.

В. Шейнис. Если уж Вы, Владимир Георгиевич, обратились к проблемам теории, то можно сказать, что большинство авторов, рассматривая революционные процессы и движения в «третьем мире», сосредоточивались преимущественно на политических революциях, политических изменениях, придавая им первостепенное значение. Но ведь всякая политическая революция вырастает на базе революции социальной. Игнорирование этого приводит к выпячиванию на первый план чисто политических факторов в ущерб другим. По сути, это была проекция на «третий мир» нашей собственной действительности, где политика многие десятилетия имела абсолютное первенство над экономикой, где социальные отношения выстраивались по политическому проекту. Конечно, я говорю не о всех наших ученых. Были исследователи, подчеркивавшие необходимость оценивать политическую революцию на фоне революции социальной. Были значительные работы, которые вместо серьезного обсуждения подвергались разносу, где доминировали идеологические обвинения. Достаточно вспомнить «крестовый поход» влиятельных лиц и учреждений на книгу Н.А. Симония «Страны Востока: пути развития». Но таких было единицы.

В. Хорос. Вы подняли очень важную проблему, Виктор Леонидович. Действительно, почему важен упомянутый Вами методологический принцип? К. Маркс говорил об эпохе социальной революции, то есть об объективных общественных изменениях базисного порядка — экономических, социальных, культурных. Глубина «вспашки» социальной революции во многом определяет не только саму возможность политических революций, но и ее результаты. Скажем, важно, возникает ли социальная и соответственно политическая революция из внутренних, вызревших самопроизвольно в рамках данного общества факторов развития или же под влиянием факторов внешних, привнесенных — примера либо прямого воздействия извне. Далее, имеет большое значение не только то, какие общественные противоречия и конфликты вызвали к жизни социальную революцию, но и возникли

ли в ее ходе какие-то механизмы, формы, возможности разрешений этих конфликтов: правовые и политические институты, типы лидерства, способы выражения общественного мнения и т.д. Если да, то политическая революция подобно вольтовой дуге сплавляет эти элементы в единый надстроечный комплекс. Так было, например, в Европе, где буржуазные политические революции, хотя и в решительной борьбе с силами старого порядка, но все же достраивали то, что появилось еще до них, диктуемое самой жизнью (буржуазные экономические структуры, политическое главенство буржуазии, парламент и т.п.).

Иное дело нынешний «третий мир». Капитализм был занесен сюда извне, к тому же в неадекватной, колониалистской или близкой к ней анклавной форме, во многом изначально скомпрометированной печатью чужеземного угнетения. Лишь в нескольких странах (прежде всего в Индии) ко времени национально-освободительной революции успела сложиться достаточно развитая национальная буржуазия. Перепад между Севером и Югом в уровне развития был столь велик, что возможности большинства освободившихся государств использовать в целях социального прогресса фактор включенности в мировой рынок оказались весьма ограниченными.

Кроме того, анклав современного сектора производства и общественной жизни был окружен гигантскими массивами традиционного, добуржуазного типа — с их архаическими социальными структурами, застойными стереотипами жизни, ценностями прошлого, которые вступили в противоречие с реалиями современного мира в эпоху НТР. Короче говоря, национально-освободительные революции с самого начала были лимитированы в своих исторических возможностях и объективных предпосылках — экономических, социальных, правовых, культурных.

И. Зорина. Прибавьте сюда еще национальные проблемы. Если в странах исторически более раннего развития капитализма ко времени буржуазных политических революций нации в территориальном, экономическом и культурном отношении в общем и целом оказывались сформированными, то в большинстве развивающихся государств освобождение от колониального и зависимого состояния совпало с процессом образования наций. И это скорее осложнило социальный прогресс в молодых государствах, нежели способствовало ему. Дело было не только в нередко искусственных границах, оставленных колонизаторами и ныне разделяющих этносы в освободившихся странах (особенно в Африке), но и в различных этнонациональных противоречиях (языковых, религиозных, племенных и других), преодолеть которые оказалось чрезвычайно нелегко, поскольку они уходят корнями в глубокое историческое прошлое. Примерам несть числа — в Индии, Бирме, на Ближнем Востоке, в африканских странах.

Н. Карагодин. Давайте посмотрим, какими последствиями оборачивается все это для политических революций в «третьем мире».

В. Шейнис. Я бы сказал, своеобразным парадоксом. Развивающееся общество остро нуждается в революционных изменениях, в разрешении противоречий, порожденных отсталостью, в ликвидации глубочайших социальных контрастов и так далее. В нем периодические могут возникать крупные потрясения, складываться революционные ситуации, когда, по известной формуле, верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому. Но беда в том, что ни верхи (или приходящие им на смену новые лидеры), ни тем более низы не знают, как им жить по-новому, и потому зачастую действуют по схемам, которые оказываются исторически непродуктивными, ведущими в тупик. Возникают социальные напряжения, разгораются конфликты, из которых общество годами, а то и десятилетиями не находит выхода.

В. Хорос. Одно небольшое уточнение. Политическая элита во многих развивающихся странах знает, что делать (или полагает, что знает) — в том смысле, что она использует рецепты, уже апробированные в развитых странах: модели индустриализации, формы представительного правления, правовые нормы и прочее (я сейчас отвлекаюсь от того, связано это с буржуазной или социальной направленностью). Но при реализации этих рецептов она наталкивается на сопротивление «социальной материи», на многочисленные препятствия внешнего и внутреннего порядка. Тогда возникает политическое «нетерпение», стремление ускорить процесс развития через применение различных форм насилия. А насилие, как справедливо заметил в свое время Герцен, не помогает перескочить со второго месяца беременности на девятый.

Замеченный Вами парадокс, Виктор Леонидович, я бы объяснил общей закономерностью, которая проглядывается в политических революциях в «третьем мире» по сравнению с политическими революциями прошлого: возрастанием в них несоответствия объективных и субъективных факторов революционного процесса, опережением первых вторыми. Формы проявления этого несоответствия различны — «забегания вперед» политических революций; волюнтаризм в социально-экономической стратегии развития, основанной на стремлении как можно скорее достичь стандартов развитых стран; отрыв руководящей элиты от масс и тому подобное.

Н. Карагодин. Только ли дело в субъективизме, «забегании вперед» политической элиты?

В. Хорос. Нет, конечно. Дело еще и в уровне развития массового сознания. Это также важная особенность революционных процессов в развивающемся мире (характерная вообще для стран запоздалого капитализма) — втягивание в политическую жизнь широких масс, далеко еще не подготовленных по зрелости общественного сознания, организованности, классовой сплоченности. Социальная база политических революций в «третьем мире» расширялась не за счет тех классов, которые были основными протагонистами исторических драм в Европе на протяжении последних

полутора-двух веков, — пролетариата и буржуазии (их в развивающемся мире не более 10 процентов населения), но главным образом за счет промежуточных социальных слоев, в том числе деклассированных элементов. Практика показала, что эти элементы могут подхватывать какие угодно радикальные (так же, как и реакционные) лозунги, но оказываются не способны к созидательной, конструктивной деятельности в силу своей культурной «неукорененности», выбитости из привычной, традиционной социальной колей и непристроенности в системе связей современного типа.

В. Шейнис. В экономике и социуме почти всех развивающихся стран есть два сектора: современный и традиционный (а во многих из них — и промежуточный, что делает социально-экономическую структуру еще более сложной). В основном столкновения в обществе происходят не внутри этих секторов (скажем, противоречия между буржуазией и пролетариатом внутри современного сектора существуют, но в масштабе всего общества они второстепенны), а между ними. Всем комплексом условий жизни, формами социальной организации, установками, ценностями эти секторы сильно отличаются друг от друга.

Вот еще один парадокс: преодолеть этот разрыв, снять главные противоречия не может никакая революция — ни социальная, ни тем более политическая, если только не идти по пути Пол Пота. Но периодически обостряющиеся схватки имитируют безрезультативные революции. Это ложная беременность: она не дает и не может дать плод ни на втором, ни на девятом, ни на восемнадцатом месяце. Если элита достаточно сильна и опытна, чтобы контролировать положение, и достаточно социально ответственна, чтобы заботиться не только о себе, она должна сглаживать противоречия, а не разжигать конфликты. Чтобы не играть словами («национально-освободительное движение — один из трех революционных потоков современности» и т.п.), давайте скажем: «третий мир» подошел к порогу модернизации в такое историческое время и в таком состоянии, когда революции не могут здесь стать локомотивами развития.

В. Хорос. Я бы хотел проиллюстрировать эту мысль на конкретном материале.

Возьмем иранскую революцию конца 70-х годов. Ее грандиозный зигзаг, откат назад на пути общественного прогресса может быть понят, в том числе, на фоне тех городских низов люмпенского толка, которые сначала стали жертвами хаотичной урбанизации и «белой революции» во времена шаха, а затем, попавшие под власть мулл и одетые в форму «стражей революции», превратились в слепое орудие реакционной исламской диктатуры. Иранский пример, конечно, особенно показателен в этом плане, но сходные явления, хотя, может быть, в менее явной форме, можно было наблюдать и в других странах — Эфиопии, Ливии, некоторых латиноамериканских государствах.

В общем, рост массовости, масштабность политической мобилизации в развивающихся странах имел обратной стороной понижение качества человеческого материала, вовлеченного в революционный процесс. Отсюда — обилие на политической сцене развивающихся стран авантюристов, диктаторов, леваков-экстремистов, террористических групп, феномен «реакционных революций» (наподобие иранской), перерождение некоторых некогда начинавших политических режимов.

Опыт «третьего мира», по-моему, убедительно показывает: далеко не всякую революцию можно безоговорочно приветствовать, не всякая революционность является подлинной, имеет, так сказать, положительный знак. Конечно, революционные тенденции и процессы порождаются объективными общественными проблемами, глубокими социальными противоречиями, которых в «третьем мире» великое множество. Но если силы, вовлеченные в революционное движение, не имеют конструктивной программы разрешения этих противоречий, если в их деятельности преобладают деструктивные тенденции, если они по сути стремятся к апологии насилия, общественным структурам казарменного типа, к примитивному перераспределению в свою пользу общественного продукта, то их революционность переходит в свою противоположность. В этом надо отдавать себе вполне трезвый отчет, не обольщаясь никакими «антиимпериалистическими» лозунгами и иной политической демагогией радикалов в развивающихся странах.

В. Шейнис. Я бы, Владимир Георгиевич, эту мысль сформулировал более резко. Вы перечислили несколько «если...». Все они — жестокая реальность, сопутствующая всем (или почти всем) революционным попыткам в «третьем мире». Поэтому, как минимум, давайте признаем, что эволюция — ничуть не менее достойный и результативный способ общественного прогресса, чем революция. Быть может, в современных условиях даже единственный способ.

Н. Карагодин. Но ведь более чем в пяти десятках развивающихся стран действовали и действуют поныне коммунистические партии.

В. Хорос. Это очень большая и сложная тема, заслуживающая отдельного разговора. Но если кратко, то основные объективные трудности в деятельности коммунистических партий в «третьем мире» были связаны с отсутствием адекватной социальной-классовой базы. Отсюда сдвиг ряда компартий Азии и Латинской Америки к крестьянству, с чем связаны успехи коммунистического движения в первые десятилетия после второй мировой войны. В тех странах, где революционно-освободительное движение победило под социалистическими лозунгами (Китай, Вьетнам, Куба), возникала командно-административная, «урavnительная» модель социализма. В других странах «крестьянские войны» под руководством коммунистов потерпели поражение (Индонезия, Филиппины).

В большинстве же государств «третьего мира» (за исключением таких стран, как Индия, Перу и некоторые другие) компартии,

как правило, маловлиятельны. Они не сумели обрести достаточной политической самостоятельности, определить проводимую линию. Это проявилось и в догматической приверженности идее «диктатуры пролетариата» в отнюдь не пролетарских странах, и в крайней политической радикализме, мало чем отличавшемся от представителей левацких, экстремистских течений в «третьем мире», и в таких реформистских позициях, которые скорее могут быть названы конформизмом. Неопределенность политического лица компартий в развивающихся странах, возникающие на этой почве колебания и шараханья порой приводили к печальным последствиям. Вспомним трагическую судьбу иранских коммунистов в ходе иранской революции.

В. Шейнис. В просчетах и неудачах коммунистического движения в «третьем мире» велика доля нашей ответственности. Об этом, по-моему, надо сказать прямо. Мы, к сожалению, ориентировали коммунистов в развивающихся странах на путь по своему образу и подобию, побуждая их — как, впрочем, и компартии Запада — повторять все его зигзаги. Мы представляли теоретические и практические образцы, утверждали международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас. Дело не в том, что идейный комплекс «диктатуры пролетариата» переносился на почву, где не было пролетариата, — вредна и ошибочна сама идея. Дело не в том, что без критического анализа воспроизводились идеология, стратегия, тактика, организация «партии нового типа»: в историческом споре между социал-демократией и коммунизмом, которым открывался XX век, конец века подводит итог в пользу социал-демократии. Это промежуточный, неокончательный итог? Может быть. Но коммунистическому движению нужна принципиальная переоценка всех ценностей. Иначе оно просто сойдет со сцены. Начинать надо бы, конечно, с себя. Но мы вновь оказались отставшими. Страны Восточной Европы, начав позже, уже обогнали нас.

В. Хорос. Безусловно. И потому я меньше всего хотел бы, чтобы то, о чем мы здесь говорим, было понято как «уличение» кого-то в чем-то задним числом или критика со стороны. Многие наши ошибки общие, они уходят корнями в тот тип примитивного, уравнилельного, авторитарного социализма, идолу которого мы поклонялись столько десятилетий. Но теперь положение меняется, и не только в Восточной Европе и СССР. В среде китайских коммунистов импульс обновления возник даже раньше, трагические события в мае 1989 года приостановили процесс, но едва ли этим сказано последнее слово. Во Вьетнаме аналогичный процесс начался вслед за нашей перестройкой. Уверен, что идейное обновление происходит во многих компартиях развивающихся стран.

И. Зорина. К концу XX века обозначился кризис не только коммунистического движения, но и социалистической ориентации в «третьем мире».

Проблемы и противоречия социалистической ориентации

В. Хорос. Да, тема социалистической ориентации — сегодня одна из самых болезненных в нашей научной и пропагандистской литературе. На этой проблематике, пожалуй, особенно сказалась предвзятость, «зашоренность» и теоретических подходов, и конкретных оценок. В результате мы вольно или невольно дезинформировали читателя о положении дел в соответствующих странах. А теперь ясно, что их развитие шло не по тому сценарию, который предполагался, и приходится существенно корректировать прежние представления.

Феномен социалистической ориентации существует уже более четверти века — срок в общем достаточный для подведения каких-то итогов, хотя бы предварительных. Исследователи различают страны социалистической ориентации «первого поколения» (Алжир, Бирма и др.) и страны «второго поколения» (НДРГ, Ангола, Эфиопия), где правящие группы заявили, что их программы опираются на принципы марксизма-ленинизма. И те и другие сегодня испытывают серьезные трудности, а в некоторых странах социалистическая ориентация в разные периоды была утрачена (Гана, Египет, Гвинея, Ирак).

В. Шейнис. Одно замечание по ходу. Мне кажется, пора отказаться от возведения «китайской стены» между так называемыми социалистическими развивающимися странами (Китаем, Вьетнамом, КНДР, Кубой) и теми государствами, которые Вы отнесли к странам соориентации. Различия есть, хотя в ряде случаев они мало существенны (например, Лаос и Кампучия), но и те и другие страны пытаются — или до недавнего времени пытались — преодолеть отсталость на пути, альтернативном капитализму, и сталкиваются со сходными проблемами. Если же брать «третий мир» в привычных для нас границах (т.е. без Китая и др.), то линия размежевания между капитализмом и социализмом (я употребляю принятые термины, хотя они во многом неточны) здесь в основном уже прочерчена: большинство развивающихся стран идет по пути капиталистической эволюции.

И. Зорина. Еще печальнее, что достигнутый социальный прогресс в странах соориентации незначителен, а в некоторых важных областях экономической и социальной жизни этих стран происходил не прогресс, а регресс. Правда, нечто подобное можно увидеть и в некоторых капиталистически развивавшихся странах.

В. Хорос. Основные причины, общие для всех развивающихся стран, — отсталость и связанные с ней последствия. Тем более, что соориентация, как мы уже отмечали, утвердилась в странах «третьего мира» с уровнем развития ниже среднего и даже низшего. Но вот на субъективных причинах надо остановиться подробнее. Дело не только в отсталости, но и в том, что отсталость, преобладание традиционных (общинных) структур, неразвитость национальной буржуазии зачастую воспринимались национальными лидерами чуть ли не как благо, открывающее прямой путь некапиталистического развития. И мы в своих исследованиях и публикациях в целом поощряли

эти построения. Можно сказать, что народнические теории пути, миновавшего буржуазную стадию, бытовавшие когда-то в России, обрели в нынешних развивающихся странах второе дыхание. Единение вокруг «непререкаемой» фигуры национального лидера (обычно президента) и возглавляемой им правящей партии, всеобщее государственное регулирование, энтузиазм, вырастание социалистических отношений из традиционного общинного коллективизма — так мыслился путь к социализму. Но очень скоро выяснилось, что препятствия и трудности, возникшие на этом пути, были явно недооценены.

В. Шейнис. В частности, в экономической сфере.

В. Хорос. Можно выделить два основных варианта экономического развития стран социалистической ориентации. Первый заключался в форсированной индустриализации при чрезвычайно высокой норме накопления (35 процентов, до половины национального дохода). Так, например, шло развитие в Алжире и некоторых других странах. Но подобное «затягивание поясов» обернулось крупными диспропорциями, отставанием сельского хозяйства и социальной сферы, понижением жизненного уровня населения. Другой вариант (Танзания, например), наоборот, характеризовался большими вложениями в социальную сферу (перераспределение доходов в пользу малообеспеченных слоев, инфраструктура, строительство жилья, водоснабжение и т.п.) — с надеждой, что компенсация будет в экономическом росте, подъеме производительности труда. Но затраты, как правило, не окупались и в основном «проедались». В обеих моделях подводила неэффективность госсектора, некомпетентность, волюнтаризм, коррупция среди чиновничьего аппарата.

В ряде случаев происходили неразумный зажим частного сектора, переход чуть ли не к прямому продуктообмену. Результатом было падение производительности, расцвет «черного рынка». Недавно мне пришлось проехать часть Гвинеи. Даже чисто зрительное впечатление было безрадостным — нищета, запустение, в столице страны Конакри — груды брошенной, заржавевшей техники, грязь, хибары. Это — наследство, оставшееся после режима Секу Туре, за четверть века его правления.

В. Шейнис. Режима, который мы долго рассматривали как «социально близкий» и который люди, пришедшие к власти в Гвинею после смерти Секу Туре, называли фашистским. Термин «фашизм» при таком вольном словоупотреблении теряет, конечно, научное содержание, но нелишне задуматься: почему мы были так снисходительны к жестокому, репрессивному, подавляющему гражданские права режимам в «третьем мире», лишь бы они политически и идеологически (не обязательно экономически!) становились в позицию конфронтации с Западом (и особенно США). Гвинея — не исключение.

Н. Карагодин. В целом страны соцориентации не дали развивающемуся миру достаточно убедительного образца эффективного социально-экономического развития. Более того, во многих из них — например, в Мозамбике, Анголе, Эфиопии, Никарагуа наблюдалось по-

стоянное снижение экономических показателей. Отчасти, конечно, это можно было объяснить обстановкой гражданской войны в названных государствах.

В. Шейнис. Заметьте, что гражданские войны во многих случаях провоцировались излишне радикальным политическим курсом, неумением и нежеланием находить компромиссы с оппозицией, с национальными и религиозными меньшинствами, концентрацией власти в руках узкой партийно-государственной верхушки и т.д. Подчас, как в Южном Йемене, они возникали из-за раздоров внутри этой верхушки.

Н. Карагодин. Да, это так, но примечательно, что экономические провалы происходили и в тех странах соцориентации, где не было никаких гражданских войн: в Танзании, Бенине, Мадагаскаре и других.

В. Хорос. В политическом плане страны соцориентации и социалистические развивающиеся государства во многом сходны — однопартийная система, мобилизация масс, как правило, сверху, преобладающие методы их организации — митинги и демонстрации, форма обращения к ним — популистские лозунги. И очень слабая «обратная связь» между управляемыми и управляющими, серьезные ограничения демократии, политической самостоятельности масс.

Мы старались не замечать этот откровенный политический авторитаризм (так же, как, впрочем, и в собственной политической системе). Более того, в поисках доказательств прогрессивности соответствующих режимов мы находили в них черты «социальной демократии» — то есть перераспределение части национального дохода в пользу трудящихся, обеспечение их социальных прав (права на труд, на отдых, равноправие женщин и пр.). И такого рода меры действительно предпринимались с большим или меньшим успехом во многих странах социалистической ориентации. Но, во-первых, значительное социальное неравенство в них все же оставалось (а нередко и усиливалось) — прежде всего из-за различных привилегий партийно-государственного чиновничества. Во-вторых, политика «социальной демократии» означала дарование неких благ сверху и потому порождала скорее обратный эффект — привычку к иждивенчеству.

В. Шейнис. Я бы добавил и в-третьих. Экономическая политика была в первую очередь направлена на перераспределение уже имеющегося, довольно скудного пирога, а не на создание такой печки, которая позволила бы выпекать пирог побольше и повкуснее.

В. Хорос. Многие лидеры стран соцориентации любят говорить о необходимости «прямой», «подлинной» демократии (в отличие от демократии парламентского типа, которая не соответствует национальным политическим традициям), о том, что социалистический демократизм должен произрасти на почве коллективизма, духа общности. На деле же политическая система в этих странах воспроизводит худшие элементы доколониального и колониального прошлого — племенное соперничество, структуры типа «патрон — клиент», бюрокра-

тизм. Не модернизация общественной жизни, а скорее реанимация добуржуазных отношений, причем их худших сторон, — таков, пожалуй, один из поучительных уроков опыта социориентации.

В. Шейнис. Может быть, все это свидетельствует о тупиковом характере некапиталистического развития в «третьем мире»?

В. Хорос. Давайте не будем спешить с категорическими выводами, только обратного свойства. Мне думается, историческая практика еще не сказала последнего слова. Дело в том, что идея небуржуазного (общинно-кооперативного) развития в странах социориентации как раз серьезно-то и не испытывалась. Возьмем, например, Танзанию. Как протекала там организация кооперативов «уджамаа»? Она очень напоминала нашу коллективизацию, когда многие крестьянские поселения форсированно и насильственно объединялись в «социалистические деревни». При этом начисто ломалась общинная система самоуправления, ее замещали директивы сверху, хотя на словах отдавалась дань общинным традициям как основам социалистического коллективизма. Отсюда и неудачи.

Н. Карагодин. Но в любом случае налицо серьезные кризисные явления социалистической ориентации, которые будет не так просто изжить.

В. Хорос. Помимо экономических затруднений, сейчас в этих странах обнажаются социальные и политические противоречия, и наименее эффективным путем было бы стремление загнать эти противоречия внутрь. По-видимому, в сложившейся ситуации прежде всего необходима готовность национальных руководителей преодолеть перекосы социального утопизма, выработать трезвый, реалистический подход к экономическим и политическим проблемам. Немало будет также зависеть от перестройки в нашей стране — ее успехи станут хорошим опытом и для социориентации в развивающемся мире.

В. Шейнис. Заканчивая разговор о субъективных факторах нынешних проблем и трудностей социориентации в развивающемся мире, следует, на мой взгляд, так же как и в случае с компартиями, прямо сказать о доле нашей ответственности за случившееся. Конечно, не «рука Москвы» создала режимы социориентации, их командно-административные методы управления и прочие негативные явления — все это возникло «своим ходом», силою вещей в отсталой социальной среде. И все же наше влияние на эти страны было значительным — идейное, политическое, иногда даже военное. Поэтому и сейчас мы не можем с ходу отказаться от своих связей и обязательств перед этими странами, зафиксированных в международных соглашениях. Я бы даже сказал, что мы несем моральные обязательства перед народами этих стран. Но — подчеркну! — народами, а не теми режимами, которые не хотят сделать для себя выводов из необратимых перемен, происходящих в СССР и Восточной Европе, и рассчитывают сохранить поддержку населения своих стран, декларируя политическую и идеологическую непорочность и обличая «отступников». Сотрудничество с социалистическими и социалистически ориентирован-

ными странами — да, но только в духе тех процессов политической демократизации, демонтажа административной экономической системы, перехода к рыночному хозяйству, которые начались у нас в стране.

Периферийный капитализм — тупик или перспектива?

В. Хорос. Рука об руку с переоценкой соориентации шла недооценка возможностей эволюции развивающихся стран по буржуазному пути. Некоторые авторы вообще расценивали этот путь как тупиковый. Они рассуждали примерно так: раз остается экономическая зависимость периферии от центра, она будет всячески поддерживаться неокOLONIALИЗМОМ. Кроме того, в силу особенностей научно-технической революции с ее ориентацией на наукоемкое и капиталоемкое производство современный сектор в развивающихся странах, обладающих громадными избыточными трудовыми ресурсами, так и остается анклавом, инородным телом в структуре национального хозяйства. Однако подобные построения оказались «слишком логичными» и потому неправомерными.

В. Шейнис. Хотя наше «третьемироведение» относительно молодое, в нем успели укорениться и даже покрыться почти непробиваемой коростой несколько догм. Первая: существует некий «барьер слаборазвитости», абсолютно непреодолимый для развивающихся стран, пока они идут по пути капитализма. Вторая: в связке «отсталость — зависимость» именно зависимость является определяющим фактором. Она — изначальная причина отсталости, и она же сковывает и деформирует развитие «третьего мира». Третья: главный интерес капиталистического Севера на слаборазвитом Юге — сохранение зависимого статуса и экономической отсталости, которые позволяют осуществлять нещадную эксплуатацию (вариант: эксплуатация Юга — основа богатства Севера). Четвертая: если в «третьем мире» и развивается капитализм, то капитализм этот — «периферийный», «неполноценный», зависимый и потому не открывающий серьезных перспектив. Перечень догм можно продолжить...

И. Зорина. Не потому ли капиталистическое развитие кажется бесперспективным, постоянно натякающимся на некие «пределы роста», что в качестве эталона берут страны первого эшелона капиталистического развития и примеривают процессы, которые идут в «третьем мире», то к современным, то к историческим образцам иных стран? Я имею в виду, конечно, серьезных исследователей, а не тех, кто просто выполняет политический и идеологический заказ.

В. Шейнис. Да, я думаю, что корень ошибки — в непонимании того, что современный капитализм принципиально отличается от капитализма, описанного А. Смитом, Д. Рикардо и К. Марксом, и становление его в исторически отставших странах, во-первых, происходит во многом иначе, чем в «first comers», первопроходцах, а во-вто-

рых, что процесс это долговременный и по-настоящему начавшийся сравнительно недавно. В этом году вышло наше исследование, которое посвящено пяти самым большим развивающимся странам [Крупные развивающиеся страны в социально-экономических структурах современного мира. М., 1990] и, смею надеяться, оно позволит по-новому оценить их социально-экономическое развитие в XX веке. В книге показано, что это развитие — если рассматривать процесс на больших исторических отрезках — вовсе не было ущербным, неполноценным в сравнении с Европой и Северной Америкой.

В. Хорос. А что Вы скажете о широко распространенной и в нашей, и в зарубежной литературе точке зрения, что в 80-е годы наступил кризис того типа развития, который позволил некоторым странам «третьего мира» в предшествующие десятилетия добиться высокого динамизма экономического роста и осуществить прогрессивные сдвиги в структуре хозяйства?

В. Шейнис. Скажу, что не следует ставить знак равенства между кризисом и тупиком развития или, тем более, коллапсом. Кризисы периодически возникают в экономике и обществе, от них не застрахована ни одна страна. Но, во-первых, кризис 80-х годов затронул не все развивающиеся страны. А во-вторых, многие явления, нередко крайне болезненные, охотно подверстаются некоторыми авторами к концепции кризиса капиталистического развития в «третьем мире», но на деле они — непреходящий атрибут самого процесса развития, в ходе которого создаются и условия для преодоления наиболее сильных диспропорций и противоречий.

У нас прочно укоренилась традиция рассматривать экономические, да и все иные трудности развивающихся стран прежде всего через призму неблагоприятных внешних воздействий, колониального наследия и неоколониальной эксплуатации, деятельности транснациональных корпораций и тому подобного. Такой подход грешит односторонностью, мешает увидеть то обстоятельство, что в значительной, а нередко в решающей мере кризис, охвативший многие страны «третьего мира» в 80-х годах, обусловлен не столько внешними причинами, сколько дефектами экономической политики многих развивающихся государств.

В постколониальный период основной упор в хозяйственной стратегии многих стран, стремившихся преодолеть отсталость ускоренными темпами — что психологически понятно, — был сделан на создание собственной обрабатывающей промышленности, ориентированной на местный рынок. Ее защитили высокими протекционистскими барьерами, щедро подкармливали из государственного бюджета за счет других секторов хозяйства. Поставленная, по сути дела, в монопольное положение на внутреннем рынке, промышленность эта в большинстве случаев не стремится к модернизации, к обновлению технологии. Да и зачем совершенствоваться, раз нет конкурентов? Невысокое же качество изготавливаемой продукции, ниже мировых стандартов, не позволяет ей занять сколько-нибудь заметное место в

экспорте этих стран. И в конечном счете закрепляется крайне невыгодная в современных условиях сырьевая специализация большинства развивающихся государств на мировом рынке, снижается общая эффективность их хозяйства и, как следствие, усиливается финансовая зависимость от Запада.

В. Хорос. Иначе говоря, попытки добиваться экономической самостоятельности прежде всего путем увеличения самообеспечения промышленной продукцией любой ценой, без учета мирового уровня технологии привели отнюдь не к тем результатам, на которые рассчитывали освободившиеся страны.

Н. Карагодин. Больше того, в африканских и некоторых других странах уклон в государственной политике в пользу импортзамещающей промышленности и тех групп городского населения, которые заняты в ней, повлек за собой выкачку ресурсов из аграрного сектора, стал одной из главных причин упадка местного сельского хозяйства и обострения продовольственной проблемы. А игнорирование нужд сельского хозяйства способствовало оттоку населения из деревни, крушению векового уклада жизни без достойной альтернативы и катастрофическому разбуханию городов со всеми его печальными последствиями: безработицей, преступностью, наркоманией, проституцией...

В. Хорос. В нашей печати всегда делался упор на государственный сектор в развивающихся странах как на своего рода гаранта независимого развития. Да к тому же в нем видели едва ли не главное свидетельство прогрессивности того или иного режима: чем шире сектор, тем режим прогрессивнее. Всякую национализацию мы неизменно подавали со знаком плюс. Правильно ли это?

В. Шейнис. Мне хотелось бы обратить внимание на то, что аплодисменты, которыми мы встречали каждую крупную национализацию в «третьем мире», безудержная апология расширения государственного сектора вполне вписывались в нашу общую политэкономическую концепцию: государственная собственность — высшая форма обобществления, иностранный капитал — враг, которого в лучшем случае приходится еще некоторое время терпеть, экономическая независимость (в спорах о содержании которой было сломано немало перьев) — высшая, приоритетная ценность. Все оказалось намного сложнее. От такого упрощенного подхода мы начинаем теперь отходить и в своей собственной практике.

Н. Карагодин. В действительности роль государственного сектора в экономической жизни освободившихся стран не однозначна. Наряду с положительной ролью пора откровенно сказать и о его теневых сторонах. Во многих странах он явно перерос оптимальные для народного хозяйства размеры. В государственный сектор быстро внедряются бюрократические методы управления, низводя элементы хозрасчета даже на тех государственных предприятиях, которые имеют самостоятельный выход на рынок, до минимума. На функционировании государственных предприятий, на качестве выпускаемой ими продук-

ции пагубно сказывается их, по сути, монопольное положение в соответствующих отраслях. Цены на их товары и услуги правительство нередко занижает, чтобы поддержать отдельные политически влиятельные социальные группы. Все это часто приводит к нерентабельности, даже немалой убыточности государственных предприятий. Да вдобавок тяжелым бременем на бюджет, а значит, и на экономику большинства стран «третьего мира» ложится содержание чрезмерно раздутого, малокомпетентного государственного аппарата, к тому же пораженного коррупцией.

Жесткая регламентация государством деятельности частного сектора (контроль над ценами, инвестициями) обычно мало продуктивна. Она сдерживает производство, порождает межотраслевые диспропорции, способствует развитию черного рынка и коррупции.

В. Шейнис. Связывая экономический прогресс в развивающихся странах главным образом с деятельностью государства и лишь с оговорками признавая роль рынка и конкуренции, оказывая практически во всех случаях предпочтение национальному капиталу перед иностранным, мы были по-своему последовательны: все это вписывалось в логику нашего собственного экономического развития. Сегодня, когда стало очевидным, что наш хозяйственный механизм нуждается в коренной перестройке, что предельное огосударствление собственности — тем более при отсутствии или неэффективности общественного контроля — ведет, как всякая монополия, к застою, надо по меньшей мере перестать рекомендовать другим то, что не подошло нам, привело нас к кризису, выход из которого пока не найден.

В. Хорос. Я, правда, не думаю, что во всех случаях, когда мы прежде говорили «да», теперь следует сказать «нет» и наоборот. Но как минимум, необходимо признать, что крайние взгляды и решения в экономике редко бывают плодотворны и что живая душа диалектики — в реалистическом подходе к конкретным ситуациям, а отнюдь не в твердолобом следовании раз и навсегда заданным «принципам».

И. Зорина. Тяжелая проблема для развивающихся стран — быстрорастущая внешняя финансовая задолженность. Она перевалила за триллион долларов. Чаще всего в нашей печати это подается исключительно как результат неокOLONиалистской эксплуатации. Так ли это?

Н. Карагодин. С одной стороны, сыграли свою роль внешние факторы: упали цены на сырье, экспортируемое развивающимися странами, и, наоборот, возросли процентные ставки, по которым Запад предоставляет им кредиты. Но это не единственная причина. Я считаю, важную роль сыграло то обстоятельство, что в основной массе стран-должников в 70-е и начале 80-х годов отсутствовал действенный контроль за рациональным использованием иностранных займов. Полученные из-за рубежа средства в значительной мере пошли на сооружение второстепенных с точки зрения национальных интересов или мало жизнеспособных объектов либо просто на потребление.

И. Зорина. Именно так обстояло дело во многих латиноамериканских и африканских странах. Поэтому долговая проблема для них особенно остра.

Н. Карагодин. В то же время в Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии лишь одно государство — Филиппины — оказалось не в состоянии погашать свою задолженность. Остальные, в основном рачительно расходовавшие заимствованные средства, исправно расплачиваются за них и продолжают довольно стабильно развиваться. В этой части Азии, где большое внимание уделяется сельскохозяйственным производителям, достигнуты также впечатляющие успехи в самообеспечении продовольствием.

И. Зорина. «Проедались» средства и в странах — экспортерах нефти, таких как Мексика, Нигерия, Венесуэла, в ряде других. Они не сумели разумно, рационально распорядиться своими огромными валютными доходами. Больше того, Мексика, например, к тому же набрала так много кредитов, что в результате оказалась вторым (после Бразилии) крупнейшим должником.

В. Шейнис. Вглядываясь в ситуацию, сложившуюся во многих развивающихся странах, мы нередко, как в зеркале, узнаем наши собственные проблемы и просчеты. В сущности, и мы ведь не сумели толково распорядиться своими нефтедолларовыми доходами, когда цены на жидкое топливо на мировом рынке были высоки. Экспорт нефти принес Советскому Союзу за период с 1974 по 1984 год 176 миллиардов инвалютных рублей. Но эти немалые доходы поразительно скромно отразились и на благосостоянии нашего народа, и на структурных сдвигах в нашей экономике. А сейчас и нам, и тем развивающимся странам, которые не смогли рационально использовать свои природные ресурсы, остается лишь сетовать на изменение рыночной конъюнктуры и перестраивать народное хозяйство в гораздо менее благоприятных условиях.

И. Зорина. Следует ли из этого, что тезис об эксплуатации развивающихся стран империализмом должен быть, так сказать, снят с повестки дня?

Н. Карагодин. Нет, почему же. У бывших метрополий остаются немалые возможности навязывать этим странам дискриминационные условия экономических отношений. Так, перепроизводство в настоящее время многих видов сырья, поставляемого развивающимися странами, позволяет западным покупателям сбивать на него цены. Пользуясь слабостью и некомпетентностью местных партнеров, сверхприбыли зачастую получают и действующие там филиалы ТНК.

Однако, думается, нам надо реально смотреть на вещи и четко различать, где осуществляются дискриминация, эксплуатация, извлекаются сверхдоходы, а где имеют место нормальные деловые отношения, вполне выгодные и для развивающихся стран. Критерии такого разграничения нашей науке еще предстоит уточнить.

В. Хорос. Хотелось бы подчеркнуть, что преодоление нынешнего экономического и социального кризиса в «третьем мире» в огромной

степени зависит от него самого — от способности той или иной развивающейся страны осуществить серьезный пересмотр основных направлений и механизма своего экономического развития.

Н. Карагодин. Верно. Речь идет о рационализации структуры промышленности, о перераспределении ресурсов в пользу сельского хозяйства и экспортных отраслей, об оздоровлении государственных финансов, об обеспечении большего простора для действия рыночных регуляторов и для инициативы непосредственных производителей. Основное препятствие в проведении таких преобразований — силы, заинтересованные в сохранении своих прежних привилегий. Здесь и разучившиеся (либо никогда не умевшие) конкурировать предприниматели, и часть рабочего класса, занятая в особо «опекаемых» государством отраслях, и привыкшие к дотациям на многие товары потребители, и коррумпированный госаппарат.

В. Хорос. По некоторым странам все-таки удалось экономически перестроиться?

Н. Карагодин. Да, те страны и регионы, которые целенаправленно осуществляют курс на повышение конкурентоспособности своего хозяйства и на интеграцию в международное разделение труда, оказались в нынешних трудных для мирового хозяйства условиях в значительно лучшем положении. Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур совершили в 70—80-е годы огромный рывок в своем промышленном развитии и в расширении экспорта. Их уже твердо называют «новыми индустриальными странами».

В. Шейнис. Мне бы хотелось обратить внимание вот на какой поворот событий. Много лет мы решали задачу на квадратуру круга: догнать и перегнать США. А когда прошел десяток лет с того года, когда мы должны были уже, согласно широко разрекламированной программе, перегнать Америку, выяснилось, что догонять-то придется теперь по важнейшим экономическим показателям Аргентину и ЮАР.

И. Зорина. А зачем вообще кого-либо догонять? Мы ведь не на ипподроме...

В. Шейнис. Согласен. Не догонять надо, а поучиться у «новых индустриальных стран», у тех же Бразилии и Южной Кореи, как создавать эффективные экономические структуры и рационально вклучаться в международное разделение труда. Не учитывая их опыт, уже нельзя рассуждать о путях преодоления отсталости, построения современной экономики.

И. Зорина. Каковы же все-таки глубинные причины той нерациональной экономической политики, которая во многом «ответственна» за нынешнюю кризисную ситуацию в большинстве развивающихся стран?

Н. Карагодин. Для ответа на этот вопрос попробую «зацепиться» за мысль о нетерпении, высказанную Владимиром Георгиевичем по поводу режимов социалистической ориентации. Это нетерпение, на мой взгляд, в той или иной степени повсеместно и связано с объектив-

ными условиями существования периферии хозяйства. Народы развивающихся государств живут как бы в двух измерениях. Их социально-политические идеалы, мировоззренческие и потребительские установки формируются под мощным воздействием мировых индустриальных центров, вступивших в эпоху массового благосостояния и высокой социальной защищенности населения. Образно говоря, «голова» этих народов живет в значительной мере идеями, возникшими в условиях высокоразвитой цивилизации, базирующейся на новейших достижениях научно-технического прогресса. В то же время «тело» вынуждено оставаться на почве отсталой экономики, которой еще только предстоит совершить подъем на высочайшее плато индустриальной зрелости.

«Карабаться» на «плато» тяжело. Необходимы высочайшая трудовая и финансовая дисциплина, способность нации в течение длительного периода сдерживать рост потребления во имя ускоренного накопления, готовность местных производителей на равных конкурировать с иностранными фирмами, не прячась за высокие протекционистские барьеры и «снину» казначейства. Возникает сильное искушение «перескочить» через объективные этапы экономического развития и добиться высоких стандартов потребления, большего социального равенства и высокой защищенности сразу.

Поэтому вирус популизма находит благодатную почву не только в самых отсталых государствах, где он способствует появлению авторитарных квазисоциалистических режимов. Популистская идеология и практика получили широкое распространение и в наиболее развитой части «третьего мира», прежде всего в Латинской Америке, где в большей или меньшей степени привились скроенные по западным образцам политические, профсоюзные и другие структуры современного гражданского общества. Эти структуры нередко использовались для того, чтобы заставить государство более «щедро» финансировать социальные нужды; добиться роста прибылей, зарплаты и занятости, обеспечив тепличный бесконкурентный режим для местной промышленности и т.д.

Последствия правления популистских режимов, как авторитарных, так и демократических, сходны. Игнорирование объективных экономических законов мстит за себя высокой инфляцией (следствие раздутых бюджетных дефицитов и чрезмерно щедрых банковских кредитов); резким замедлением процесса накопления; низкими эффективностью и конкурентоспособностью хозяйства, «защищенного» от «разрушительного влияния» мирового рынка; ростом задолженности и в конечном итоге — падением уровня жизни.

В. Шейнис. Я бы только добавил к этому, что «третий мир» дал немало примеров иной крайности: чрезмерного ограничения потребления и форсированного, но крайне неэффективного накопления. Результат был тот же. Надо уяснить: нет спасительного «основного звена» в решении трудных экономических и социальных проблем в «третьем мире», нет универсальных и быстродействующих средств.

И. Зорина. И все же давайте определим содержание экономических и политических структур, которые могут дать наибольший эффект, обозначить цели движения, пусть неблизкие ориентиры. Что это — капитализм, социализм?

В. Шейнис. Я категорически против того, чтобы переводить разговор в эту насквозь идеологизированную плоскость. Когда мы употребим столь абстрагированные категории, да еще после всех тех превращений, которые претерпели и капитализм, и социалистическая идея в XX веке, мы рискуем тем, что будем объясняться на разных языках.

О политике разговор впереди, а экономические ориентиры я бы обозначил так: смешанная экономика, в которой рынок выступает основным регулятором, а государство корректирует его действия гибкими средствами экономической политики. Государственная монополия должна так же решительно пресекаться, как всякая иная, а соотношение форм собственности — государственной, акционерной, кооперативной, частной и т.д. должно объективно вытекать из хозяйственно-го процесса, а не насаждаться силой.

Недавно, впервые за несколько десятков лет занятий «третьим миром» мне посчастливилось впервые побывать в развивающейся стране, правда, не самой типичной — в Аргентине. Мои собеседники, в основном левая академическая интеллигенция, как правило, настороженно воспринимали мои рассуждения о рынке. Наконец в ходе одного интервью журналист задал вопрос впрямую: кем вы себя считаете — левым или правым? В той политической географии, которая существует в СССР, ответил я, конечно же, я принадлежу к левому лагерю. Странно, заметил он, а у нас за рынок — правые... И тогда мне ничего не оставалось, как сказать: вы, как и мы, имеее неразвитый рынок и страдаете оттого, что он не способен пока рационально организовать вашу экономику. Рынок — вовсе не пройденный этап, а будущее всей мировой экономики. Разумеется, не анархический, стихийный, а современный, организуемый и самоорганизуемый рынок. Он — преграда разрушительной стихии возведенного в закон «плана».

Авторитаризм и демократия в развивающемся мире

В. Хорос. Мы сейчас на собственном опыте убеждаемся, что экономическая перестройка невозможна без политического обеспечения. А в политической сфере у развивающихся стран также немало сложных проблем.

В. Шейнис. Я думаю, что нам необходимо заново переосмыслить роль государства в развивающемся обществе. Отчасти идеализируя черты нашего собственного исторического опыта, о котором мы лишь сейчас начинаем говорить честно и открыто, отчасти делая чрезмерно прямолинейные выводы из слабости, неразвитости негосударствен-

ных, общественных структур в развивающихся странах («кроме государства, некому сделать то-то и то-то»), мы в своих теоретических построениях и рассуждениях нередко возлагали на государство такую нагрузку, которую оно выдержать не в состоянии, и недооценили ряд опасных деформаций, связанных с разрастанием государственного Левиафана.

Мы долго поддерживали иллюзию, будто бы государство может полностью и с успехом заместить собою гражданское общество, т.е. совокупность самостоятельных общественных организаций, институтов и норм, обеспечивающих в развитых странах, во взаимодействии с государством, национальную консолидацию, поддержание консенсуса и правопорядка, представительство интересов различных социальных групп. Незрелость гражданского общества нередко стала выдаваться чуть ли не за преимущество отсталых стран, «спрямляющее» якобы путь к утверждению коллективистских ценностей. Поглощение индивида обществом, а общества — государством, имеющее к тому же давнюю историческую традицию в большинстве развивающихся стран, стало оправдываться не только заинтересованными в том силами в «третьем мире», но и многими нашими учеными и публицистами как необходимая будто бы предпосылка обеспечения национального единства, а попытки ряда партий, отброшенных в оппозицию, и общественных организаций, представлявших интересы тех или иных этнических, социальных и иных меньшинств, отстоять свою самостоятельность — как подрыв такого единства или даже предательство высших, «общих» интересов. Страны «третьего мира», одна за другой, отказывались от многопартийных и парламентских структур, а наша печать весьма одобрительно оценивала вытеснение оппозиции, лишь бы правящая партия, фронт, группа или даже клика (вспомним Уганду при И. Амине) провозглашала свой «антиимпериализм».

В. Хорос. Такая унификация политической жизни во многом была следствием отсталости.

В. Шейнис. Пусть так. Но отставание в утверждении структур гражданского общества, демократических ценностей, прав и свобод, какими бы «высшими» интересами оно ни оправдывалось, ничуть не менее вредно и опасно и для самих развивающихся стран, и для мирового сообщества, чем нищета, голод и болезни. Все это ведет к периодическому обострению разного рода конфликтов, облегчает приход к власти социально и политически безответственных сил, освобождая их от какого бы то ни было общественного контроля, и представляет угрозу международному миру и безопасности.

И. Зорина. Я бы выделила здесь два пласта явлений. На теоретическом и пропагандистском уровнях превозносится чуть ли не как «высший тип демократии» унификация политической жизни. В тех или иных модификациях эту позицию защищают теоретики: социалисты разного толка, «научные» и религиозные, академические круги, у которых способность к трезвому анализу разрушена вирусом

«антибуржуазности». Аналогичную позицию занимают и многие практические деятели «третьего мира» от М. Каддафи до Ф. Кастро. Практика же слишком хорошо известна: культ насилия, диктатуры, торжество своего рода «террористического сознания», особенно опасного, когда оно прорывается — а это неизбежно — и на международную арену.

Эту склонность к насилию, к диктаторским формам власти в отсталом обществе проявляют как верхи, так и низы. И в зависимости от того, приходят ли к неограниченной власти представители первых или ее узурпируют от имени низов их политические противники, венчая своего рода охлократию, — появляются в «третьем мире» правые и левые диктатуры. Они могут быть разные: от популистско-демагогического «антиимпериалистического» режима У.Д. Перона в Аргентине 50-х годов до откровенно право-террористических диктатур в Центральной Америке и в ряде стран Африки в наши дни. Они могут быть социально враждебны друг другу. Но они остаются по сути авторитарными или даже тоталитарными диктатурами, проамериканскими или антиимпериалистическими, принимающими «буржуазный» облик или форму «прямой демократии».

В нашей литературе и политике обычно правоавторитарные режимы расценивались как зло, в то время как левые диктатуры безоговорочно принимались как социально оправданные и к тому же близкие нам своей антиимпериалистической направленностью, принимались, пока террор не вырос до чудовищных размеров.

В. Шейнис. Стыдно сказать, но ведь даже вступление партизанской армии Пол Пота в Пномпень наши официальные лица, а за ними вся идеологическая и «научная» рать поторопились оценить как победу народных сил над проамериканским режимом. Надо ли говорить, что никакой проамериканский режим не мог бы принести столько зла собственному народу и превратить страну в центр незаживающего регионального конфликта?

И. Зорина. Совершенно верно, и, к сожалению, Кампучия — не единственный пример «социалистического эксперимента» в «третьем мире», выродившегося в террористическую диктатуру.

Для левых диктатур, как правило, характерна апологетика завоеванного в революции «равенства в бедности, но достоинстве». Вспомним хотя бы наш босяцкий энтузиазм первых послереволюционных лет: «У советских собственная гордость». Или извечный аргумент кубинского лидера: может быть, на Кубе и нет эффективной модели экономического развития, зато есть полученное с революцией равенство и «достоинство». Добавим: равенство в бедности, к слову сказать, не такое уж всеобщее (как на знаменитой ферме Оруэлла, где некоторые животные были «более равны»), и достоинство в преданности лидеру и верности (хотя бы показной) провозглашаемым им лозунгам. Такого рода режимы намеренно, с «достоинством» и гордостью особого рода отбрасывают все атрибуты «буржуазной демократии» как изжившей себя или социально лживой. Такой режим не нуждается в

плюрализме мнений и партий. Он прикрывается щитом «революционного единства и народного энтузиазма». В действительности насаждаемые сверху и тотально контролируемые формы прямой демократии в виде «комитетов защиты революции» (как на Кубе) или «народных революционных комитетов» (как в Ливии) служат для искоренения и недопущения развития гражданского общества. Там, где удастся утвердить монополию революционного государства на производство и особенно — распределение, подчинить ему все виды собственности и почти все проявления социальной жизни, исключается и всякая возможность независимого от государства политического движения.

Такого рода режимы в «третьем мире», как, впрочем, и за его пределами, провозглашают, что именно они воплощают национальное единство. Внешне это так и выглядит. Но в действительности они по самой своей природе не могут обеспечить единение различных слоев и ячеек общества на базе консенсуса, как развитая демократия. Такое общество нередко в кризисной ситуации легко распадается. При отсутствии позитивной социально-экономической программы, способной получить поддержку в обществе, единственной «положительной» программой становится универсальное насилие — в экономике, социальной сфере, во внутренней и внешней политике и т.д. Это насилие и составляет внешние скрепы такого общества, лишённого «гражданской подпочвы».

В. Шейнис. Конечно, институты гражданского общества и демократический правопорядок сами по себе еще не предвещают различных социальных зол и деформаций. Будем реалистами: орудия, которыми располагают демократические представительные системы, могут оказаться, в зависимости от конкретных условий, и более, и менее эффективны, чем инструментарий авторитарных режимов, насильственно устраняющих своих оппонентов с политической арены и обеспечивающих известную стабильность ценой подавления независимой инициативы в обществе. Можно согласиться и с тем, что в развивающихся странах, где демократические системы только начали формироваться, они существуют, как правило, лишь в эмбриональном виде и лишены пока той прочности, необратимости, которую придает им укоренение в национальной жизни на протяжении длительного исторического срока. Но не надо превращать нужду в добродетель. Давайте скажем себе и «третьему миру»: пути к созданию подлинно современного общества в обход демократии не существует. Поэтому отличие плюралистической парламентской системы Индии — при всех ее несовершенствах и срывах — от военных режимов, утвердившихся во многих странах Азии и Африки, отличие Латинской Америки 80-х годов, изживающей авторитаризм в одной стране за другой, от ее сравнительно недавнего прошлого, когда там рушились демократические порядки, — не поверхностные вариации одного и того же социального строя или одной и той же фазы развития, как утверждают

подчас даже серьезные авторы, а проявление одной из главных линий размежевания в «третьем мире» и современном мире вообще.

И. Зорина. Надо научиться различать режимы в «третьем мире» не только по произвольно интерпретируемому «классовому» признаку (слишком часто на веру принимались ширококвещательные декларации того или иного «революционного», «национального», «народного» и т.п. «демократа», гноившего в тюрьмах своих политических противников и с легкостью инсценировавшего демонстрации народной любви и доверия), но и по реальному объему гражданских прав и свобод, по «демократии участия», а не «демократии поддержки».

В. Хорос. Иногда в литературе высказывается мнение, что главное для развивающихся стран — обеспечение успешного экономического роста, независимого хозяйственного развития, а политическая демократия — это, мол, следующий этап, результат экономических и культурных сдвигов.

В. Шейнис. Нет, я категорически не согласен с бытующим и у нас, и в самих развивающихся странах мнением, будто есть вещи поважнее, чем политическая демократия, что политическую организацию общества следует подчинить задачам будто бы более высокого порядка. И наш собственный трагический опыт сталинизма, и череда «левых» и «правых» диктатур в «третьем мире» должны были бы научить видеть в демократии, плюрализме, правовом государстве не вспомогательные, а конечные социальные ценности. Диктатуры и прежде, а тем более на исходе XX века оказывались способны лишь в ограниченном временном отрезке (да и то далеко не всегда) на экономическую и социальную модернизацию. Но они же приводят к таким глубоким и труднопреодолимым деформациям, что неизбежно становятся тормозом общественного развития. Само изживание авторитарных режимов, возрождение или строительство гражданского общества — как правило, трудный, мучительный и чреватый многими опасностями процесс. В некоторых странах «третьего мира» идет эрозия авторитарных структур. Но зло авторитаризма, как свет умерших звезд, посылает свои «сигналы» десятки лет, сковывает общественную инициативу и попирает достоинство человека, распространяет метастазы насилия и угнетения.

По общему правилу, чем более тотальный характер носит диктатура, чем полнее она поставила под свой контроль все сферы общественной жизни — не только политику, но и экономику, идеологию, средства информации — тем труднее выход страны на демократические магистрали мирового исторического процесса.

В. Хорос. В принципе я согласен со сказанным. Но есть одно соображение, так сказать, практического свойства. Думается, что, подходя к оценке тех или иных авторитарных режимов, надо помнить: есть авторитаризм и авторитаризм. Одно дело — авторитаризм, начисто закрывающий путь к товарной экономике, к политической демократии, другое дело — авторитаризм, их подготавливающий. Опыт перехода к демократическим формам правления во всем мире свидетель-

ствуется, что практически везде требовался определенный подготовительный период, в течение которого происходит перестройка авторитарных командных общественных структур к демократическим. Даже в Англии демократические институты долгое время формировались в рамках монархии, а весь процесс становления политической демократии в ее нынешнем виде (после буржуазной революции XVII века) занял более двух веков. Во Франции — со времени Великой Французской революции — для этого понадобилось без малого сто лет. И в других европейских странах демократические структуры так или иначе вырастали из монархических или авторитарных. Возьмите как достаточно свежий пример Испанию. Многие историки сейчас согласны, что именно в период франкизма были созданы предпосылки для укоренения необратимой буржуазной демократии. Сходные функции, по-видимому, выполняют некоторые авторитарные режимы в странах «третьего мира» — Индонезия, Южная Корея, Таиланд и др.

Закономерность здесь, очевидно, состоит в том, что «просвещенный», или «рациональный», авторитаризм — скажем так за неимением лучшего термина — создает экономическую основу демократии (укрепление частного сектора, рыночных отношений, фермерства и пр.), а затем или параллельно постепенно открывает дорогу политическому плюрализму, выступая как своего рода гарант всего этого сложного совокупного процесса. Конечно, абсолютных гарантий, что не произойдет «срыва» преобразований, нет. Но таковых гарантий не существует ни при каком варианте развития. И тем не менее указанный тип «просвещенного», «переходного» авторитаризма, мне кажется, есть основания расценивать как исторически продуктивный.

Для сравнения взглянем на нашу ситуацию. Мы все согласны с необходимостью демократизации социализма, но вместе с тем понимаем, что это не может произойти в один месяц или даже в один год. Реальная альтернатива на ближайший период находится не между прежней административно-командной системой и «полной» демократией, а между прежними бюрократическими методами управления и крепким централизованным, сплоченным руководством (на политическом языке это называется авторитаризмом), под эгидой которого в течение определенного времени мог бы происходить демонтаж политических институтов, доставшихся в наследство от сталинской и брежневской эпохи, и одновременно стимулировалось бы образование гражданского общества (политическое участие различных общественных групп, рост неформальных организаций, активизация общественного мнения). Иного, как мне кажется, сегодня не дано.

Н. Карагодин. Мне бы хотелось высказать некоторые соображения по затронутым проблемам. В эйфории «открытия» для нашего общества демократии и ее непреходящих ценностей мы не должны закрывать глаза и на связанные с ней опасности. Опыт ряда более развитых государств «третьего мира» наглядно показал, что действие демократических социально-политических механизмов может начать тормозить накопление обществом капитала и становление эффектив-

ной рыночной экономики. И это понятно. Рациональная экономическая политика обычно требует терпения, упорного труда, умеренного роста потребления или вообще режима экономии — то есть вещей мало популярных в наш век массового распространения представлений о «хорошей жизни», заимствованных у Запада. Значительно большей поддержкой политически активной части населения сплошь и рядом пользуются деятели и движения, ориентированные не на терпеливое приращение национального богатства и поддержку цивилизованного предпринимателя, а на более «справедливое» перераспределение общественного пирога и на различного рода обещания «экономических чудес» и «золотых гор». Острое противоречие между потребностью в немедленном удовлетворении социальных нужд и необходимостью обеспечить высокую экономическую эффективность демократии развивающихся стран часто разрешают не в пользу эффективности. Вспомним хотя бы печальный опыт Чили при Альенде, Аргентины при перонистском правительстве в 70-е годы, Бразилии при Гуларте и т.д.

Описанного противоречия не существовало в период, когда государства Запада проходили аналогичный этап капиталистического накопления. Степень участия масс в политике и их социально-экономические притязания были тогда значительно более низкими и соответствовали потребностям и возможностям экономики.

В свете сказанного понятно настойчивое стремление устранить несоответствие между политической и экономической сферами жизни развивающихся государств путем авторитарного ограничения участия масс в управлении хозяйством. Например, чередование режимов «твердой руки», стремящихся упорядочить экономику, сделав ее более рационально-капиталистической, и «перераспределяющих» демократических режимов — характерная черта политической ситуации в наиболее развитых странах Латинской Америки.

Приходится констатировать, что в послевоенный период попытки ускорить процесс накопления и добиться более «высокого» положения в системе международного разделения труда в большинстве случаев были более успешными в периоды правления режимов, которые можно охарактеризовать как «модернизирующий авторитаризм» (Южная Корея, Тайвань, Бразилия в 70-е годы, Турция в первой половине 80-х годов, Сингапур, Чили при Пиночете и т.д.). Авторитарная политическая структура в этих случаях фактически представляет собой гарант становления экономической демократии, то есть рыночно-предпринимательской системы. Чем более успешен «модернизирующий авторитаризм» в достижении этой цели, тем скорее он вынужден покинуть сцену, передавая власть возвращенному им самим среднему классу. Мы это наблюдаем в Южной Корее, Тайване, Турции, Чили.

Поэтому не стоит мазать все авторитарные режимы одной краской. Совершенно справедливо выдвинутое в ходе нашей беседы разделение их на исторически конструктивные и блокирующие общественный прогресс. Главная особенность первых в том, что они не

подавляют, а стимулируют экономическую инициативу «снизу», создавая благоприятную среду для формирования конкурентоспособного национального предпринимательства.

В. Хорос. Потребность в рационализации экономической политики, в повышении уровня международной конкурентоспособности особенно обострилась в нынешнем десятилетии, когда перед странами «третьего мира» встала задача приспособления к значительным и весьма неблагоприятным для них микрохозяйственным изменениям, произошедшим под воздействием нового витка НТР. Речь идет прежде всего о большинстве африканских и латиноамериканских стран, оказавшихся в 80-е годы в состоянии затяжного экономического кризиса. Там резко обострилась проблема задолженности, свирепствует инфляция, упали темпы накопления. Какая политическая структура, по вашему мнению, Николай Александрович, более «дееспособна» в этих трудных ситуациях?

Н. Карагодин. В принципе конструктивный авторитаризм, вероятно, более «удобен» для действий в чрезмерных обстоятельствах. Однако опыт более развитых, прежде всего латиноамериканских, государств в 80-е годы показывает, что в тех случаях, когда идея демократии стала неотъемлемым элементом сознания широких масс населения, выходить из национального кризиса без активного участия этих масс оказывается невозможным. Авторитаризм просто не выдерживает социально-политического напряжения, порождаемого антикризисными мерами. Характерно, что именно в трудные 80-е годы во многих латиноамериканских странах демократия сменила военную диктатуру. Для этих государств, видимо, наиболее приемлем тот путь, при котором народ добровольно приходит к необходимости существенного самоограничения в области уровня жизни и поддерживает комплекс непопулярных «рыночных» мер во имя оздоровления хозяйства. По такому пути уже последовательно идут, например, Боливия и некоторые другие страны.

В. Хорос. Все это весьма актуально и для нас. Но наш случай очень специфичен. В силу того, что демократические традиции — даже столь скромные, какие существовали в российском обществе до 1917 года, — были начисто раздавлены в условиях тоталитаризма, неизбежен какой-то переходный период, в течение которого под «зонтиком» политического авторитаризма (например, сильной президентской власти) демократические силы могли бы сложиться, окрепнуть. Вместе с тем прежняя командно-административная система исчерпала себя, общество все более поворачивается (пока еще во многом на эмоциональном, психологическом уровне) к демократии.

Поэтому политическая власть эпохи перестройки должна выполнять как бы двойную функцию. С одной стороны — противостоять правым или консервативным силам, мечтающим вернуть все на круги своя, а также тенденциям социального распада общества, выступать дисциплинирующей и скрепляющей силой. С другой стороны — активно содействовать возникающим институтам гражданского

общества, сторонникам перестройки. Только такая двойственная линия может принести плоды. Иной путь — скажем, чисто приказные методы под лозунгами «порядка» и «хозяина» (не говоря уже о классическом правом перевороте) не дадут эффекта и скорее способны завести в тупик.

Другое дело, что проводить такую гибкую, поистине диалектическую политику очень трудно, поскольку ее основные функции как бы противоречат друг другу. Но что же делать — они отвечают реальным противоречиям нашей действительности. За многие десятилетия мы сумели создать себе такие проблемы, что разрешить их простыми, легкими способами не удастся.

Впрочем, такая ситуация, наверное, не является абсолютно специфичной: похожие проблемы испытывают Китай, Вьетнам, многие африканские страны. С той только разницей, что в большинстве этих стран демократические традиции в прошлом не существовали вовсе, их надо создавать заново. Но зато многие из этих государств не имели и тоталитарного прошлого, не были гигантскими империями.

Н. Карагодин. Мне специфика нашей ситуации сейчас видится несколько в другом: исторический резерв времени и терпения, отпущенный любому авторитаризму, в СССР, похоже, уже исчерпан. Конечно, учитывая привитые советскому обществу социально-психологические стереотипы, демократия откроет двери для движений популистского плана, которые будут тормозить переход к нормальной, рыночной экономике. Однако альтернативы демократии у нас нет. Только очень популярное, демократически избранное правительство может в наших условиях пойти на принятие программы подлинного оздоровления экономики, неизбежно требующей серьезных жертв со стороны населения. Значит, остается вариант добровольного и сознательного принятия нелегкого, но необходимого перехода на новые основы хозяйствования. При этом чрезвычайно важно, чтобы народ с тяготами переходного периода получил принципиально новые права и возможности для свободного и производительного труда. Только в этом случае на пути популизма будет поставлен барьер в виде массового слоя людей, «вкусивших» от новых экономических и политических возможностей и активно поддерживающих демократию и рынок.

В. Шейнис. В проблематику развивающихся стран мы пристально всматриваемся, как в зеркало, стремясь уяснить собственные проблемы и перспективы. В обозначившемся здесь споре я склонен поддерживать Николая Александровича. С парадоксальным утверждением, что наш путь к демократии лежит через авторитаризм, выступили известные ученые и публицисты, которых никто не может заподозрить в антидемократических убеждениях. Владимир Георгиевич приводит для доказательства того же тезиса исторический пример Франции, современный — Испании и ряда развивающихся стран. Почему бы нам не повторить их путь? Ведь все выше поднимается использующая механизм демократии правопопулистская волна, грозящая смыть и проектируемые островки рыночной экономики, и переходные меры

к ней, намеченные в экономической программе правительства. «Рынок и сильная полиция» — такой тезис на переходный период выдвинули молодые ленинградские экономисты на конференции в Новосибирске еще весной 1988 года. Сейчас ситуация еще более обострилась.

Тем не менее против надежды на «сильную полицию» или, в более мягком варианте, «просвещенный авторитаризм», я могу добавить три довода.

Во-первых, никакая авторитарная власть не может опираться на один лишь репрессивный аппарат — ей необходима какая-то социальная база. В Испании, в Чили, во Франции в эпоху Второй империи власть опиралась на те слои, которые устали от социальных потрясений, от гражданской войны, от ожидания ужасов и готовы были расстаться со своими политическими амбициями в обмен на свободу экономической деятельности. В наших конкретных условиях базой авторитаризма могут стать лишь те группы населения, среди которых интенсивную политическую обработку ведут консервативные элементы партийно-государственного и старого идеологического аппарата, шовинисты из «Памяти» и родственных ей организаций, правые популисты из Объединенного фронта трудящихся. Они не только против демократии. Они против рынка. Опирающаяся на них власть не будет готовить экономическую почву для демократии; полиция будет ориентирована на пресечение расширительно толкуемых «нетрудовых доходов», а не на подавление «антисобственнической» жакерии.

Во-вторых, успех перестройки в огромной степени будет зависеть от экономического, социального, политического включения нашей страны в мировые связи, от нашего участия в строительстве «Общеевропейского дома». Авторитарные режимы в нем — инородное тело. Конечно, для привлечения капитала необходимы гарантии политической стабильности. Но любой твердый режим у нас, учитывая его родословную, едва ли способен будет вызвать прилив доверия. Кроме того, мы остро нуждаемся в поддержке не столько владельцев капитала, сколько международного общественного мнения, а оно все менее склонно мириться с антидемократическими режимами. Особенно после того, что свершилось в Восточной Европе на исходе 1989 года.

В-третьих, политическая ситуация, сложившаяся в СССР на шестом году перестройки, включает элементы тоталитарного, авторитарного и демократического строя. Этим она отличается от тех развивающихся стран, где вообще не существовало, как справедливо заметил Владимир Георгиевич, никаких демократических традиций. Утверждение авторитаризма означало бы откат к прошлому от уже достигнутого, эрозию возрождающихся структур гражданского общества, деморализацию — всерьез и надолго — тех сил, с которыми связаны основные надежды на обновление.

В. Хорос. Вытекает ли из этого, что нам не нужна сильная власть?

В. Шейнис. Ни в коем случае! Но эта власть должна получить убедительный мандат народа, избирателей. Я совершенно согласен с

Вами, что в политике, особенно в сложный переходный период, не может быть никаких гарантий. Не даст их и возрождающаяся российская демократия, еще весьма хрупкая. Но что произойдет, если будет сделана попытка утвердить авторитарную власть, я берусь предсказать с высокой степенью вероятности. Именно на такой путь вступили польские руководители в декабре 1981 года. Итог — семь потерянных лет, отложенный переход, который приходится осуществлять теперь в значительно более трудных условиях.

В. Хорос. Я начал этот разговор, но, пожалуй, пора вернуться к основной теме — развивающимся странам.

В. Шейнис. Мне кажется, что многое из того, о чем здесь говорилось, имеет прямое отношение к развивающимся странам. Меняется политический климат в мире. Стрелка поворачивается к демократии. С этим так или иначе должны будут считаться все силы, сознающие ответственность за судьбы своих народов.

И. Зорина. Мне хотелось бы остановиться как раз на всемирном контексте, в котором разворачивается борьба за демократию в «третьем мире». Но сначала надо определиться с понятиями. Необходимо отказаться от старых, конфронтационных по сути, определений демократии как буржуазной или социалистической. Демократия, на мой взгляд, даже если речь идет только о политических, а не социальных завоеваниях, есть некая самоценность, есть универсальное явление, равно как универсальными являются понятия авторитаризма и тоталитаризма. И конечно, очень важно «развести» понятия тоталитаризма и авторитаризма и, напротив, признать определенную взаимосвязь авторитаризма и демократии, о чем уже упоминал Владимир Георгиевич.

Авторитарный режим подминает под себя гражданское общество, но не уничтожает его целиком. Он может временно запретить деятельность партий, распустить парламент, существенным образом ограничить деятельность профсоюзов, пойти на массовые репрессии. Но он не ликвидирует самостоятельные общественные структуры полностью. Вот почему, когда начинается «смягчение» авторитарного, авторитарно-военного режима (как это было в Бразилии начиная с середины 70-х годов) или наступает крах его в результате провала экономической политики и военного поражения (как это произошло в Аргентине в начале 80-х годов), партии возрождаются, сохраняя подчас не только свою прежнюю социальную базу, но и название, структуру, даже лидеров. Показательна в этом отношении и современная политическая панорама Чили. Режиму Пиночета, особенно агрессивному, объявившему своей целью ликвидацию «марксистской раковой опухоли», но при этом обрушившемуся на начальном этапе с репрессиями на все демократическое движение, не удалось тем не менее ни выкорчевать левые силы, в том числе «марксистского» происхождения, ни тем более разрушить традиционно развитую в этой стране разветвленную партийно-политическую структуру. В условиях агонии режима и на фоне общего процесса демократизации в странах

Южного конуса она вновь кристаллизовалась в объединенной демократической оппозиции, одержавшей победу сначала на референдуме, а затем и на выборах 1989 года.

Итак, поскольку авторитаризм не уничтожил целиком ткань партийно-парламентского строя, складывавшегося в Латинской Америке, как впрочем и в некоторых других обществах европейского и квазиевропейского пути развития, с уходом военных в казармы эта ткань быстро восстанавливается, обрастая новыми клетками. Демократия как политическая система отступает перед авторитаризмом в период наибольшего обострения экономических проблем, социальных потрясений, поляризации общества или при возникновении угрозы ликвидации его основ со стороны леворадикальных сил. Но в основе и демократических и авторитарных режимов Латинской Америки сохраняется экономический строй, базирующийся на частной собственности, допускающий экономическую независимость от государства многих прямых и косвенных субъектов социальной и, стало быть, политической жизни, в том числе большого и малого бизнеса среднего класса. Все они в определенный момент соглашаются, но лишь на время — уступить военной диктатуре все властные функции.

В этом — существенное различие «правых» и «левых» диктатур. Тоталитарный строй возникает на базе абсолютной монополии на собственность (провозглашение ее «общенародной» ничего не меняет) и власть. Он исключает какой-либо социальный консенсус на том простом основании, что не нуждается в нем. В тоталитарном обществе интересы личности, социальной группы «растворены» в декларируемых общенациональных, общенародных интересах, которые, конечно, олицетворяет вождь революции, президент или популистский каудильо. При этом тоталитарные или близкие к тоталитаризму режимы, вырастающие на почве популизма или революционного романтизма, требуют не просто подчинения, но «святой любви» и «преданности» вождю, будь то «отец всех народов» Сталин, или «великий кормчий» Мао, или «отец нации» Чаушеску, или еще какой-либо здравствующий «любимый вождь».

Мне хотелось бы привлечь внимание к еще одной, социально разрушительной функции «левых» диктатур, к тем вирусам, которые они внедряют в сознание и поведение людей. В тоталитарном обществе, где все и вся принадлежит государству или идентифицируемому с ним диктатору, абсолютная власть развращает не только правителей, но и подданных. Последние, лишённые права на какую-либо собственность, экономическую независимость от государства или вождя, утрачивают из-за засилья в обществе множества указов и инструкций всякую инициативу — политическую, трудовую, интеллектуальную (ведь, как известно, «инициатива наказуема»). Они привыкают к согревающей их «заботе» власти, а потом уже генетически наследуют иждивенчество, ожидание милостей от государства, диктатора, патрона или начальства. Привыкнув получать от государства по минимуму, они и отдают ему по минимуму. И когда этот минимум

становится уже невыносим, они способны лишь на бунт, часто «бессмысленный и беспощадный», на разрушение. Гораздо реже — на созидание. Ведь созидание, в том числе и новой политической культуры, — дело гораздо более трудное, постепенное, требующее больших усилий в течение десятилетий.

Многообразие и единство «третьего мира». Глобальные аспекты

В. Хорос. До сих пор мы говорили о развивающемся мире больше с точки зрения тех или иных наших контрпродуктивных подходов к нему в прошлом, неверных представлений, концепций и даже мифов. Но теперь, наверное, необходимо хотя бы в общих чертах взглянуть на афро-азиатские и латиноамериканские страны как таковые открыто и непредвзято. Что такое современный «третий мир» как объективная реальность? Каким должно быть адекватное отражение этой реальности? Тем более, что элементы и предпосылки такого отражения уже обозначились за последние годы в нашей научной литературе и печати.

В. Шейнис. Прежде всего, «третий мир» не един. В общем виде его структура может быть представлена следующим образом.

Верхний эшелон, «пороговые страны», производственные и социальные структуры которых в основном переместились на индустриальную ступень, а в ряде случаев стали подтягиваться к научно-индустриальным системам. Это свыше 40 стран и территорий, население которых едва превышает 15 процентов всего населения «третьего мира», но где тем не менее сосредоточено 55 процентов его ВВП.

Промежуточная зона, большинство стран которой с большим или меньшим успехом совершает переход с доиндустриальной на индустриальную ступень мирового развития (свыше 60 стран, 69 процентов населения, 41 процент ВВП).

Внушительный массив наименее развитых стран в Африке и Азии (более 30 государств, 15 процентов населения, 3 процента ВВП).

Верхний эшелон заметно оторвался от основного массива развивающихся государств и приблизился по ряду важных экономических показателей к развитым государствам уже к 80-м годам. Разрыв в величине ВВП на душу населения отдельных групп стран верхнего эшелона со средним показателем развитых капиталистических государств к этому времени колебался в пределах 1,7—3,5 раза, то есть не выходил за границы диапазона внутри самой развитой группы.

К началу 90-х годов стало очевидно, что возможность занять сравнительно привилегированные позиции в мировом хозяйстве дает не относительно высокий уровень сам по себе, а характер тех экономических механизмов, которые этот уровень обеспечивают: соединение жизнеспособных рыночных структур, готовых выдержать международную конкуренцию, с грамотной экономической политикой цен-

тра и высоким качеством рабочей силы (не только на исполнительском, но и на менеджерском уровне).

В. Хорос. Хотелось бы отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Наиболее устойчивые позиции в международном разделении труда сохранили страны, способные гибко реагировать на структурные сдвиги в мировом хозяйстве, которые стали теперь перманентными, быстро перестраивать свои производственные системы, осуществлять эффективное руководство экономическими процессами, сочетая централизованное воздействие, рыночное саморегулирование и привлечение ресурсов, технологии и организации производства из-за рубежа. В этих условиях даже крупная задолженность, затрудняя развитие, не становится непреодолимым препятствием на его пути (Бразилия, Южная Корея и др.).

В. Шейнис. Пойдем дальше. Промежуточная зона — это и есть собственно «третий мир». Разнородность этих стран не позволяет четко обозначить присущие им всем признаки. Пока их объединяет главным образом сочетание более или менее внушительных элементов индустриальных производительных сил и индустриальной культуры с крупными массивами примитивной экономики и традиционного общества. Сплав противоречий застоя, с одной стороны, неравномерного развития — с другой, выступает здесь в многообразных вариантах. Весьма вероятно, что уже в ближайшее время эта зона даст «выбросы» как в верхний, так и в нижний эшелон.

Наконец, крайнюю степень отсталости приобретает в группе наименее развитых стран. Это — «четвертый мир». Внутренних предпосылок выхода на индустриальную ступень развития в подавляющем большинстве этих стран либо нет совсем, либо они присутствуют, но находятся лишь в эмбриональном виде и не могут реализоваться без внушительной внешней поддержки. Лозунги заострения борьбы с «империализмом», все еще популярные в некоторых из этих стран, как программа действий здесь особенно бессмысленны, ибо внешнюю «эксплуатацию», даже в самом широком понимании этого слова, нельзя обнаружить даже под микроскопом: напротив, главная надежда — в создании таких механизмов и институтов, которые позволят использовать поступающие извне ресурсы на цели развития, а не просто проедать их и тем более — расхищать, как это нередко происходит.

В. Хорос. Вы нарисовали сегодняшнюю картину. А как Вам видится день завтрашний?

В. Шейнис. Здесь важно избежать распространенной ошибки, когда в будущем видят лишь продолжение чуть видоизмененного настоящего. В перспективе на несколько десятилетий более вероятны глубокие, может быть, драматические изменения, все новые перемещения отдельных стран «вверх» и «вниз» на относительной шкале экономического развития. Формируется новая структура мирового капиталистического хозяйства, да и всемирного сообщества в целом. Поскольку это касается ступеней экономического, общесоциального,

культурного развития, мир не делится на две контрастные части уже сегодня. В будущем он будет еще более многообразным, многоступенчатым, полицентричным и в то же время — более системным, «прощитым» нитями тесных и разнообразных связей.

И. Зорина. Но если «третий мир» столь разнороден и в перспективе распадается, то, может быть, пора отказаться от этого понятия? Что реально объединяет столь разные страны?

В. Хорос. Я думаю, что такое объединяющее начало — существует, с учетом того, что было сказано Виктором Леонидовичем, — существует: это отсталость. Точнее сказать, обширная зона отсталости не только в Азии и Африке, но и в Латинской Америке. Она охватывает не только наименее развитые или относительно неразвитые государства, но и громадные массивы населения внутри сравнительно развитых стран «третьего мира». В Индии та сфера народного хозяйства и общественных институтов, которая может быть причислена к современному сектору, уже достаточно давно держится на уровне 120—150 миллионов человек, то есть примерно седьмой части населения страны, а остальная масса в большей или меньшей степени остается на обочине процесса развития.

И. Зорина. Не случайно про Индию говорят, что в ней заключены маленькая Бельгия и огромная Африка. И даже в Аргентине, которая в начале века входила в десятку самых богатых стран, почти треть населения живет за чертой бедности.

В. Хорос. Отсталость развивающихся стран вызывает все более растущую тревогу в мировом сообществе. В самом деле, разрыв между развитыми странами Запада и развивающимися государствами не уменьшается. Если взять такой синтетический показатель, как производство на душу населения, то этот разрыв вырос с 10:1 в 1950 году до 12:1 в середине 80-х годов.

В. Шейнис. Динамика разрыва в послевоенные десятилетия была разной. К началу 70-х годов он доходил до 13,5 раза, потом несколько уменьшился. Но за средними цифрами стоят противоположные тенденции внутри самого «третьего мира». Разрыв между развитыми капиталистическими государствами и странами верхнего эшелона «третьего мира» сократился. А отставание замыкающих по уровню дохода групп стран увеличилось с 18—20 раз в 50-е годы до 35—50 раз в 80-е.

В. Хорос. Подобная ситуация не только исторически беспрецедентна, но и выявляет своеобразную парадоксальную закономерность: в нынешней эволюции «третьего мира» отсталость не только не исчезает, но как бы закрепляется, становится спутником самого развития, цепкой гирей на ногах социального прогресса в «третьем мире».

Что такое сегодня отсталость развивающихся стран? Это — почти миллиард недоедающих, 500 миллионов попросту голодающих, около половины населения практически неграмотных, 40 процентов безработных или полубезработных, примерно половина населения, лишен-

ная чистой питьевой воды, лишь 8—10 процентов трудящихся, охваченных современными формами социального обеспечения. Это — острая нехватка отвечающих элементарным медицинским нормам жилищ, массовые эпидемии, гигантские трущобы больших и малых городов, глубокие социальные контрасты, неконтролируемые вспышки насилия, наркомании, преступности. Уже сами масштабы превращают отсталость развивающихся стран в общечеловечески значимую.

И. Зорина. В чем же причины отсталости развивающихся стран? Почему она держится столь стойко?

В. Хорос. Отсталость развивающихся стран имеет глубокие исторические корни. Прежде всего — колониальное и зависимое прошлое, когда началось превращение их в аграрно-сырьевые придатки метрополий...

И. Зорина. Владимир Георгиевич, здесь тоже надо пересматривать стереотипы. Влияние колониализма на социально-экономическое развитие стран Юга не было однозначным. Исторические корни их отсталости уходят в доколониальную эпоху. Исходный пункт — не в том, что кто-то затормозил развитие Юга (хотя было и это), а в том, что здесь в силу сложного комплекса причин не сложился тот механизм развития, который позволил Северу после XVIII века совершить рывок.

В. Хорос. Пусть так. Но потом рывок стал работать как бы сам на себя. Особенно сейчас, когда научно-техническая революция вступила в новую фазу. Примениться к условиям революции большинство развивающихся стран пока не в состоянии, поскольку в этих странах сосредоточены крупные добуржуазные социальные массивы, которые современные формы производства с их трудосберегающей направленностью не могут интегрировать. Эти массивы образуют своего рода «отстойник» общества, становятся средоточием бедствий и нищеты и серьезным тормозом развития.

Отсталость развивающихся стран тесно «связана» с другими глобальными проблемами современности. Собственно, некоторые из этих проблем — прежде всего демографическая и продовольственная — сконцентрированы прежде всего в развивающемся мире. Но и другие глобальные проблемы все в большей степени начинают охватывать страны Азии, Африки и Латинской Америки. Так, энергетический кризис 70-х годов больше всего ударил именно по большинству развивающихся государств. Если развитые страны сравнительно быстро сумели приспособиться к высоким ценам на нефть (сокращение энергоемкости производства, поиски новых месторождений и источников энергии), то дополнительные расходы на закупку нефти и нефтепродуктов тяжелым бременем легли на национальные бюджеты многих стран «третьего мира».

Аналогичным образом обстоит дело с экологической проблемой. Достаточно указать на опустынивание и эрозию почв в Африке, последствия сведения сельвы в Латинской Америке и другие явления. При этом в развивающихся странах нет и сотой доли тех средств,

которые направляются в государствах Запада на экологическую защиту. Короче говоря, глобальные проблемы — в отличие от стран, ранее приобщавшихся к индустриальной цивилизации, когда этот фактор еще отсутствовал, — являются для «третьего мира» объективными ограничителями развития, и действие этих ограничителей имеет тенденцию не уменьшаться, а возрастать.

Последствия отсталости многообразны и чрезвычайно серьезны как для самих развивающихся стран, так и для мирового сообщества в целом. Ибо в этих странах накапливается гигантский конфликтный потенциал, который представляется не только в национальных рамках, но и неизбежно выплескивается за их пределы. Поводов для этого вполне достаточно: и сложный узел проблем между развивающимися и развитыми странами, и территориальные претензии к соседям, зачастую возникающие на базе искусственных границ, оставшихся от колониального прошлого, и национально-этнические противоречия или религиозные распри. Не случайно подавляющее большинство вооруженных столкновений в мире со времени окончания второй мировой войны приходится на развивающиеся страны. Так возникают локальные и региональные конфликты, которые в нынешней неустойчивой международной ситуации грозят перейти в мировые. «Пора осознать всем, — писал М.С. Горбачев, — что оставляя волюно или неволью народы иных регионов и континентов на положении эксплуатируемых и обездоленных, человечество рискует вызвать взрыв не менее губительный, чем термоядерное столкновение» [«Правда», 26 августа 1987 г.].

И. Зорина. Я бы еще раз хотела обратить внимание на проблему насилия в «третьем мире». Она ведь существует не только на национальном, но и на международном уровне и превращается в проблему глобальную. Уровень насилия в мире определяется не только степенью и характером развития различных обществ и противоречий внутри них и между ними. Есть факторы, противодействующие распространению насилия: прогресс общественного сознания, способность правящих групп маневрировать, обращаться к социальному реформированию, повышение организованности масс, их умение добиваться социального и политического прогресса с использованием демократических и вообще цивилизованных форм борьбы. Но опасность применения насилия зависит еще и от уровня развития военного дела в мире. Быстро прогрессирующее развитие производства ракетно-ядерного оружия заставило его обладателей искать средства, представляющие возможность избежать прямого столкновения, признать, что есть общечеловеческие интересы, приоритетные по отношению к интересам отдельных классов и групп, престижным идеологическим соображениям и религиозным догмам.

К сожалению, в «третьем мире» эти новые реальности пробивают себе дорогу с большим трудом. Там, где массы людей и целые народы находятся на грани выживания, приоритеты общечеловеческого и национального выглядят иначе. Мало кто из современных идеологов и

политиков, выступающих от имени беднейших маргинальных слоев или отсталых народов, осознает насилие, да и терроризм как нравственное зло. Для них жалкое существование таких групп и народов настолько обесценено голодом и болезнями, что насилие и прямые действия, в том числе террор, как бы заранее оправданы действительной или мнимой социальной несправедливостью. К тому же у политической и военной элиты во многих развивающихся государствах не только нет осознания приоритета общечеловеческих интересов над национально-государственными или региональными, но и само понимание национальных интересов весьма однобоко.

При таких обстоятельствах постоянно возникают поползновения разрешить и национальные, и религиозные, и социальные, и экономические, в том числе межгосударственные противоречия с помощью силы. Вызывает тревогу рост милитаризации развивающихся стран, к услугам которых — огромный мировой рынок оружия, пополняемый и Западом, и Востоком, и самим развивающимся миром. Ведь наиболее развитые представители этого мира уже располагают собственным военно-промышленным комплексом, начинают экспортировать оружие и претендуют на вхождение в клуб ядерных держав. К тому же пока «великие державы» полагаются на свои ракеты, авиацию и подводные лодки, неядерные могут сделать упор, например, на артиллерийские снаряды, начиненные смертельными газами, или на простое в употреблении химическое оружие. Нельзя забывать того, что сегодня обычное оружие по своей разрушительной силе приближается к ядерному и становится все более доступным многим развивающимся странам.

В. Хорос. Отсталость «третьего мира» — это своего рода бумеранг, возвращающийся к развитым странам. Бедность и малопродуктивный труд столь крупных массивов населения ограничивают возможности рационального международного разделения труда, сужают рынки освободившихся государств для их партнеров. А разве гигантская, триллионная задолженность развивающихся стран не бьет по странам-кредиторам, не дестабилизирует всю международную валютно-финансовую систему?

Наконец, отсталость не только сужает для развивающихся стран рамки социального прогресса, но и затрагивает природу самого человека. Недокормленный или голодный, больной, профессионально не обученный, лишенный удобного крова и теряющий социальные связи с обществом массовый индивид «третьего мира» оказывается не в состоянии сохранить нормальные биологические и психологические позиции, дать полноценное потомство. Опасность нависла над генетическим кодом человечества.

И. Зорина. Какой же выход из этой ситуации?

Н. Карагодин. Глобальные проблемы требуют глобальных подходов. Прежде всего надо осознать, что ликвидация или хотя бы смягчение отсталости как глобальной проблемы требует усилий всего мирового сообщества, и прежде всего развитых стран. Именно так поста-

вило вопрос нынешнее советское руководство, заявившее о том, что СССР принимает на себя долю ответственности за положение дел в развивающихся странах.

Конечно, действия по уменьшению мировой зоны бедности могут разворачиваться только поэтапно. Первоочередного внимания требует группа сверхбедных стран мира, о которых говорил Виктор Леонидович и которые в экономическом отношении, что называется, «идут на дно». Ибо антигуманно, если не сказать аморально, допускать, чтобы 15 процентов населения планеты, проживающего в этих государствах, деградировали на глазах у остальных.

И. Зорина. Это не только антигуманно и аморально, но и опасно для самих развитых стран, для мира в целом. Однако здесь сразу возникают два вопроса: где взять ресурсы и как их рационально использовать?

В. Хорос. Один из самых продуктивных путей облегчения существующего положения в развивающихся странах связан с реализацией принципа «разоружение для развития». Меры по разоружению, которые уже приняты развитыми странами, прежде всего СССР и США, и, вероятно, будут продолжены, приведут не только к ликвидации опасности массового уничтожения на земле. Часть высвобожденных средств может быть переброшена на борьбу с отсталостью «третьего мира». Это, впрочем, касается не только стран, обладающих значительным военным потенциалом, но и тех развивающихся стран, которые участвуют в «мини-гонках» вооружений. Милитаризация «третьего мира» — тяжелейшее бремя для национальных экономик — составляет значительную часть их внешней задолженности, «съедает» треть и более их фонда накопления. По подсчетам экспертов ООН, отказ развивающихся стран только от импорта вооружений привел бы к снижению суммы внешнего долга на 20—30 процентов, к существенному увеличению темпов экономического роста.

Советские предложения состоят, во-первых, в создании в рамках ООН международного фонда средств, полученных за счет разоружения, во-вторых, в оказании такой помощи в первую очередь наиболее нуждающимся странам, а также тем развивающимся государствам, которые сами разоружаются или сокращают свой военный бюджет до заранее установленного уровня.

И. Зорина. Правда, перспектива пока не столь уж оптимистична. По прогнозам американских специалистов, уже через 30 лет число стран, способных нанести удар ядерным оружием, возрастет в четыре раза главным образом за счет развивающихся стран.

Поэтому так важно, чтобы инициатива дальнейшего ограничения расползания ядерной угрозы по миру и установления действенного контроля над вооружениями развивающихся стран исходила как от международных органов, так и от наиболее развитых стран и самих развивающихся стран через их политический инструмент Движения неприсоединения.

Пришло время похоронить военные, да в значительной мере и дипломатические тайны. Очень существенно, что две «сверхдержавы», накопившие самое большое в мире количество оружия, СССР и США, давно с недоверием, а порой и ненавистью следившие друг за другом, наконец приступили к рассекречиванию своих военных бюджетов и данных о вооружении. Прежде всего это относится к нам. В начале 1989 года в советской печати впервые были опубликованы данные о численности вооруженных сил и вооружений Организации Варшавского Договора в сопоставлении с силами НАТО в Европе и прилегающих акваториях.

Простой здравый смысл говорит, что чем меньше сегодня сохраняется военных секретов и, наоборот, чем больше становится известно о военном потенциале противника (чему в немалой степени способствуют спутники, которыми располагают уже многие страны), тем меньше остается в мире подозрительности, страха и тем больше накапливается доверия. А ведь только при доверии возможна стабилизация новой демократической системы международных отношений.

Но на этом фоне анахронизмом выглядят тайные сделки с продажей оружия в страны «третьего мира». Это безответственная политика напичкивания молодой (по срокам обретения собственной государственности) части человечества смертоносными «игрушками». В мировой торговле оружием уже давно и прочно определились два лидера — СССР и США, заметно опережающие все другие индустриальные и развивающиеся страны. СССР, сохраняя за собой первое место даже в годы перестройки (1985—1989 годы), обеспечивал 35 процентов мирового сбыта оружия, которое шло главным образом в развивающиеся страны (Индия, Сирия, Ирак, Куба, Вьетнам, Ангола, Ливия, Эфиопия, Никарагуа). По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира, в 1989 году СССР экспортировал в развивающиеся страны оружия на 8,5 млрд. долл. (США — на 2,5 млрд. долл.) и в развитые страны — на 3,1 млрд. долл. (США — на 8,2 млрд. долл.). В 1989 году наметилось сокращение советских поставок оружия традиционным ближневосточным импортерам — Ираку и Сирии, а в 1990 году было объявлено о прекращении военных поставок в Никарагуа. Проводится политика ограничений военных поставок в Анголу и Эфиопию. Пришло время для международных соглашений о запрещении (или ограничении) продажи оружия и военных технологий в развивающиеся страны. Их инициаторами могут выступить как «сверхдержавы», а именно СССР и США, так и другие развитые страны.

В. Хорос. Есть и другой путь — и об этом также неоднократно говорилось в предложениях советского руководства — оздоровление мирохозяйственных связей, установление нового международного экономического порядка, более равноправные хозяйственные и торговые отношения между развитыми странами и «третьим миром». Сюда входят стабилизация рынков сырья и соответственно экспортных доходов развивающихся стран, расширение доступа промышлен-

ных товаров из этих стран на рынки стран развитых, предоставление экономических и финансовых льгот наименее развитым странам, передача технологии, эффективный контроль за деятельностью ТНК в «третьем мире», смягчение долговой проблемы.

Н. Карагодин. Большой резонанс вызвала готовность Советского Союза установить длительный, вплоть до 100 лет, мораторий на выплату задолженности наименее развитым странам, а в ряде случаев — списать ее полностью. Так же как и другие предложения по долговой проблеме, выдвинутые в речи М.С. Горбачева в ООН в 1988 году (ограничение платежей в зависимости от показателей экономического развития, создание специализированного международного учреждения по скупке долгов со скидкой и др.). Посмотрим, чем ответят западные державы.

И. Зорина. Они в общем-то отвечают. Взять хотя бы встречу в Торонто глав правительств ведущих капиталистических стран, где были приняты рекомендации по урегулированию долговой проблемы, идущие значительно дальше «плана Бейкера» — списание каких-то долгов и перевод их в ранг официальной помощи развитию, снижение процентных ставок либо продление кредитов. И все же это только начало. Дело не просто в том, чтобы ослабить долговую проблему теми или иными финансовыми льготами. Дело в том, чтобы оказать помощь «третьему миру» прямыми инвестициями, передачей технологии, менеджментом, инженерными и другими квалифицированными кадрами. Иначе сказать, проблема заключается в том, чтобы помочь созданию в «третьем мире» здоровой экономики, чтобы развивающиеся страны смогли и выплачивать долги, и развиваться. Только тогда будет действительно снята сегодняшняя острота с проблемы их отсталости.

Н. Карагодин. Новое политическое мышление, провозглашенное М.С. Горбачевым, способно оказать глубокое воздействие на экономические связи СССР с развивающимися странами. Представляется, что отправной точкой для совершенствования таких связей должна стать более трезвая оценка нашего подлинного места в мире. Нынешнее состояние и уровень развития народного хозяйства СССР позволяют ему сколько-нибудь обоснованно претендовать лишь на статус региональной экономической державы. Противоречие между ограниченными хозяйственными возможностями и стремлением играть глобальную военно-политическую роль — одна из важнейших причин перенапряжения сил страны в предыдущие десятилетия и увеличения социально-экономических диспропорций, последствия которых мы столь болезненно переживаем сейчас.

Безусловно, экономический потенциал СССР очень велик, и со временем мы, вероятно, можем стать великой державой в подлинном смысле этого слова — процветающей, играющей крупную роль в мировом хозяйстве. Но пока необходимо привести наши экономические связи со странами «третьего мира» в большее соответствие с подлинными интересами и возможностями СССР. Такие связи нуждаются в

основательной деидеологизации и деполитизации. В частности, в условиях отхода от стратегии глобального противостояния как основы внешней политики вряд ли оправданы значительные затраты на помощь правящим режимам весьма отдаленных государств, продиктованную исключительно политическими и идеологическими соображениями. Тем более что такая помощь зачастую ведет к консервации маложизнеспособных хозяйственных организмов и снижает стимулы к совершенствованию местных политических структур.

Политические мотивы должны перестать играть столь важную роль, как раньше, при выборе объектов для технического сотрудничества и внешнеторговых партнеров. Например, мы сотрудничали в основном с государственным сектором и нередко участвовали в возведении объектов, экономическая отдача от которых была незначительной либо нулевой (престижные стройки, предприятия, которые в условиях слаборазвитой страны не могли работать на полную мощность, и пр.). Словом, мы переносили свой опыт затратной экономики в «третий мир». Примером таких во многом абсурдных с экономической точки зрения отношений являются наши хозяйственные связи с Кубой. В начале 60-х годов СССР пошел на предоставление Кубе значительной экономической помощи исключительно по политическим и идеологическим мотивам (кредиты, закупка сахара в большом объеме, поставки нефти, техники, зерна, товаров первой необходимости). Ассортимент товаров расширялся с каждым годом, а поскольку республике платить было нечем, советская сторона гарантировала Кубе стабильную квоту на сахар на многие годы вперед и повысила ценовую планку настолько, что цена на кубинский сахар уже не имела ничего общего с ценами на мировом рынке (на той самой «мировой сахарной помойке», как определил ее Фидель Кастро). СССР все более втягивался в организацию экономической жизни на острове, переноса туда все пороки административно-командной системы, которая расцвела при Брежневле: большие объемы «незавершенки», завалы неустановленного и портящегося оборудования, отсутствие рынка, экономических механизмов, разбазаривание техники, людских ресурсов и т.д. Подоплекой такой политики был военно-политический союз между СССР и Кубой, который дал в 70-е годы весьма горькие плоды. Брежневское руководство в своей имперской экспансии в «третий мир» и кубинские лидеры, выдвинувшие концепцию «интернационального участия» в поддержке революционных движений в развивающихся странах, действовали сообща в Анголе (1975) и Эфиопии (1978). СССР оплачивал поставки оружия и военных советников. Куба поставляла солдат: 50 тыс. в Анголе и 20 тыс. в Эфиопии. Эта имперско-революционная экспансия оставила тяжелое наследство, создала напряженные очаги региональных конфликтов, которые уже в наши дни были разрешены, хотя и с большим трудом. Теперь положение должно меняться — в первую очередь в сторону взаимовыгодного, рентабельного сотрудничества.

Средства, выделяемые на борьбу с отсталостью в «третьем мире», должны быть соразмерны нашим возможностям и расходоваться разумно, на действительно полезные проекты, имеющие высокую народнохозяйственную отдачу. И кроме того, видимо, следует сконцентрировать основную часть советской помощи на сопредельных государствах, в добрососедских отношениях с которыми СССР кровно заинтересован.

Заметим также, что перспектива наших экономических связей с развивающимися государствами (как и с другими странами) в решающей мере зависит от темпов перестройки хозяйственного механизма страны. Только экономически самостоятельные и реально заинтересованные в международном сотрудничестве советские производители могут реализовать те немалые возможности, которые существуют в экономических отношениях СССР с «третьим миром». Значительный эффект, например, могло бы дать расширение связей с частными фирмами развивающихся стран, создание в этих странах и СССР смешанных предприятий с участием партнеров из «третьего мира», трехсторонние совместные проекты по схеме «Запад — Восток — Юг» и т.д.

В. Шейнис. Компетентное, масштабное сотрудничество с «третьим миром» выгодно не только для него, но и для нас. Сейчас положение изменилось — целый ряд развивающихся государств, особенно на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, совершил значительный экономический и технологический рывок. Их опыт, а также непосредственные экономические связи представляют несомненную ценность для нас. С советской стороны уже высказывались приглашения в адрес государств Азиатско-Тихоокеанского региона принять участие в освоении богатств Сибири. Возможны и другие варианты.

В. Хорос. Раз уж мы затронули глобальные аспекты развития, хочу еще раз вернуться к речи М.С. Горбачева в ООН. Там была поставлена чрезвычайно важная проблема. Каковы перспективы развития «третьего мира» в эпоху научно-технической революции? Затронут ли «третий мир» поиски принципиально нового направления индустриального прогресса, которые сейчас ведутся? Пойдет ли развитие в странах, где промышленность недостаточно развита или даже не вышла из доиндустриальной стадии, по старым технологическим образцам или они смогут миновать (или почти миновать) эту стадию и ориентироваться на более чистое в экологическом плане производство? Я бы сказал, что сегодня давняя, чуть ли не полтора века муссирующаяся проблема минования буржуазной стадии видоизменяется, так сказать, приобретает рациональный смысл как проблема минования фазы классической, экологически «грязной» индустриализации.

Конечно, научно-техническая инициатива будет принадлежать развитым странам. Но, во-первых, важно, чтобы эти плоды научно-технического прогресса доставались не только развитому миру, но и развивающемуся, — ибо сегодня, как мы стали хорошо понимать, общемировая ситуация неделима, взаимосвязана. Во-вторых, несом-

ненно, что и развивающиеся страны постепенно будут подключаться к процессу технологического обновления, поскольку это в их интересах. К сожалению, пока многие национальные лидеры в развивающихся странах осуществляют экономическую стратегию по старым рецептам. Они все еще готовы мириться со «смогом» как побочным продуктом развития. Однако необходимость серьезных экологических корректив национальных планов развития и шире — всей стратегии «догоняющего» развития давно назрела. Уже почти двадцать лет это доказывают ученые Римского клуба. И совсем необязательно прибегать к каким-то головокружительным технологическим новациям — очень часто бывает достаточно рационально обобщить опыт традиционной технологии (скажем, традиционного земледелия), дополнив ее разумными техническими нововведениями. Собственно, научно-техническая революция все более развивается на стыке современных технологических достижений с многовековым наследием человеческого труда, в полной мере учитывавшем местные условия.

Проблема дальнейших путей индустриальной цивилизации, все более затрагивающая «третий мир», — далеко не только экономическая или техническая. Это и проблема культурная, проблема диалога различных цивилизаций. Неевропейские цивилизации «третьего мира» с их богатствами и давними культурными традициями, по существу, лишь сейчас по-настоящему интегрируются в мировое сообщество. Накопленная ими мудрость, думается, сегодня очень важна для всего человечества в решении его глобальных проблем. Не говоря уж о том, что диалог различных культур станет крупным фактором взаимопонимания, влияющим на международную атмосферу.

Новые стратегические ориентиры во внешней политике

И. Зорина. В нашей печати начинает приподниматься завеса над зоной, самой «закрытой» для критики — внешней политикой и механизмом принятия внешнеполитических решений. Идут поиски новых ориентиров и подходов в проведении нашей политики и в развивающихся странах. Ведь перестройка внутри страны неотделима от пересмотра и корректировки стратегической внешнеполитической ориентации. Вступив на путь антибюрократической, демократической революции, на путь преобразования авторитарных общественно-политических структур в правовые, мы, естественно, стремимся подчинить этой задаче и основные приоритеты внешней политики. Речь идет о том, каким образом обеспечить наиболее благоприятную внешнеполитическую обстановку для реализации нашей перестройки.

При этом советское руководство поддерживает те позитивные тенденции в международных отношениях, которые могут гарантировать выживание цивилизации и привести в новое, более стабильное

состояние мировое сообщество в целом и развивающийся мир как его часть.

Определяющим стал отказ советского руководства от господствовавшего прежде видения мирового процесса исключительно сквозь призму борьбы двух систем, сквозь призму противоборства по линии Восток — Запад. На смену этому пришло осознание единства и взаимодействия многих факторов развития во все более усложняющемся и все более взаимозависимом мире, признание приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми.

Концепция единого, взаимозависимого мира возникла, как известно, на верхнем глобальном уровне, применительно прежде всего к отношениям между США и СССР, между Западом и Востоком. Но сразу же выявилась и определенная ограниченность такого подхода, необходимость придать новой концепции подлинно глобальный, всемирный, всеохватывающий характер, конкретнее — более активно «вмонтировать» в нее развивающийся мир. Этому мешали сложившиеся как в СССР, так и в США внешнеполитические стереотипы — рассматривать страны «третьего мира» как поле конфронтации и борьбы за сферы влияния, как зону «перетягивания каната» и «игры мускулами».

Долгие годы наша политика в «третьем мире» была насквозь идеологизирована и ориентировалась на поддержку всеми средствами тех правительств, течений и организаций, которые провозглашали (заметим сразу, что нередко делалось это в чисто прагматических и даже демагогических целях) различного рода социалистические лозунги или декларировали «курс на социализм». Создавалось впечатление, что работников внешнеполитических и внешнеэкономических ведомств занимала не столько сложная, противоречивая реальность этих стран, требовавшая принятия ответственных решений, сколько возможность поместить в очередной отчетный доклад сомнительную статистику о том, сколько новых развивающихся стран «встали на путь социализма».

В. Хорос. Как верно писал об этом Н. Симония, здесь тоже господствовал «валовый подход». Мне вспоминается грибоедовская строчка: «Числом поболее, ценою подешевле...»

И. Зорина. Мы усиленно поддерживали «антиимпериалистическую борьбу», Запад занимался «сдерживанием коммунизма», а честолюбивые политики в «третьем мире» пытались извлечь из этого пользу для себя. Конфронтация обострялась, шло «перетягивание каната», которое приводило подчас к критическим ситуациям. Достаточно вспомнить Карибский кризис 1962 года — один из самых драматических эпизодов современной истории человечества. В начале 60-х годов (заметим, до объявления морской блокады Белым домом) на Кубе были размещены советские ракеты. Акция эта не только не была одобрена конституционными органами нашей страны, но и отрицалась в официальных заявлениях. Секретность ее была настолько велика, что даже посол СССР в США А.Ф. Добрынин не был инфор-

мирован о наличии на острове боевых головок к размещенным ракетам. Все тайное, однако, рано или поздно становится явным. Обнаружение советских ракет в непосредственной близости от американских границ, взвинченная реакция в США и упорное отрицание самого факта в нашей печати предельно накалили обстановку. Дело шло к военному противостоянию двух сверхдержав. Куба оказалась в центре этого противостояния, а мир — на грани войны.

В. Шейнис. Разум победил в последнюю минуту: у меня хранится газета, на первой полосе которой — сообщение о договоренности Кеннеди и Хрущева, а где-то в середине (не успели снять!) — заявление нашего представителя в ООН, что на Кубе нет советских ракет.

Н. Карагодин. Были ли извлечены уроки из Карибского кризиса?

И. Зорина. Лишь отчасти. Обе стороны остерегались поднимать температуру до точки кипения. Но, во-первых, никто точно не знал, где расположена эта точка, а во-вторых, экстремистские силы в «третьем мире» и за его пределами, левые и правые, полагая, что великие державы нейтрализуют друг друга, активно прибегали к насилию и не пренебрегали экспортом: одни — революции, а другие — контрреволюции.

В. Шейнис. Все наши действия и действия наших союзников в «третьем мире» получали безоговорочную поддержку не только в пропагандистской, но и в научной литературе. Аналогичные действия контрагентов столь же безоговорочно осуждались. Я бы назвал эту логику готтентотской, если бы не боялся обидеть ни в чем не повинных готтентотов.

Вспомним, например, как радовались многие наши политологи и журналисты победе «антиимпериалистической и антишахской революции» в Иране, сколь двусмысленную позицию заняла наша печать перед лицом прямого разбоя «стражей исламской революции» по отношению к американским дипломатам в Тегеране!

Н. Карагодин. А потом наступил Афганистан...

И. Зорина. Да, ввод советских войск в эту традиционно дружественную нам страну в 1979 году явился не просто политическим просчетом, ошибкой, но обернулся преступлением перед народами обеих стран. Война в Афганистане была порождена вредоносным «синдромом силы», появившимся у брежневского руководства после подавления попытки демократизации социализма в Чехословакии (1968 год).

Поразительно, с какой легкостью наше гражданское и военное руководство пошло в 1979 году на военную поддержку так называемой апрельской революции в Афганистане, которая по сути была военным переворотом, возглавленным авантюристически настроенными молодыми офицерами, не понятыми ни собственным народом, ни мировой общественностью. И как тяжелы для нашей страны и для самого Афганистана последствия гражданской войны, набравшей ужасающую силу, когда в нее включились и традиционные, и консервативные круги афганского общества и его далеко не мирные соседи. Имперски

интерпретированный «революционный интернационализм» начал приносить в ядерный век горькие, опасные плоды.

Впрочем, и до Афганистана советское руководство активно проводило политику расширения присутствия в «третьем мире», оказывая военную помощь повстанческим движениям и тем режимам, чаще всего авторитарно-военным, которые провозглашали социалистическую ориентацию. Одновременно свое военно-политическое присутствие в Центральной Америке, на Карибах и в Африке наращивала и Куба.

Кубинский режим, выросший из революционной диктатуры, проводил политику милитаризации общества. В результате к 80-м годам Куба располагала самой многочисленной — пропорционально численности населения — и хорошо вооруженной армией в Латинской Америке. Кроме того, миллион взрослых граждан страны (т.е. 10 процентов всего населения) проходят постоянную боевую подготовку в отрядах резервистов. Живя под реальной или мнимой угрозой вооруженной интервенции с севера, кубинские лидеры активно вмешивались в революционно-освободительные процессы соседних центральноамериканских стран, снабжая повстанцев оружием в Сальвадоре, Никарагуа, Гватемале. В результате качественного позитивного сдвига в советско-американских отношениях, общего снижения напряженности в регионе и в мире, окончания войны в Никарагуа и начавшегося там процесса демократизации открываются возможности снижения военно-политического присутствия СССР на Кубе и последовательного решения центральноамериканского конфликта исключительно мирными, политическими средствами.

В. Шейнис. Легко проследить прямую, наследственную связь с постулатами Л.Д. Троцкого, наркома по военным и морским делам, считавшего внешней функцией Красной Армии военное обеспечение победы мировой революции. Стоит вспомнить хотя бы его предложение в 1919 году в ЦК РКП(б) организовать военный поход через Афганистан в Британскую Индию для ускорения революции в Европе.

В. Хорос. Вернемся, однако, к проблемам сегодняшнего дня. Как можно в современных условиях противостоять опасно нарастающей в «третьем мире» тенденции к милитаризации, предотвратить превращение региональных конфликтов в детонатор глобальной военной катастрофы?

И. Зорина. В меняющемся в сторону большего доверия между Востоком и Западом международном климате возрастает роль ООН, наднациональных органов и движений, уже существующих международных договоренностей. Доказал свою эффективность заключенный двадцать лет назад Договор о нераспространении ядерного оружия: в мире не добавилось ни одной ядерной державы, хотя появилось почти два десятка «околоядерных» государств. Большой вес приобрело Движение неприсоединения, где на первый план вышли вопросы разоружения, развития, сохранения мира,

политического решения региональных конфликтов, взвешенного подхода ко всем мировым проблемам.

Усилившаяся в последние годы в рамках движения позиция «равноудаленности» большеинства его участников, на мой взгляд, вовсе не содержит негативного смысла. Напротив, для ряда государств, например латиноамериканских, она скорее означает возрастающее дистанцирование от США и все большую автономность и самостоятельность в политике. Такие страны, как Индия, Индонезия и государства, объединенные в АСЕАН в Азии, Бразилия, Аргентина, Чили, Мексика — в Латинской Америке, целый ряд африканских республик выступают сегодня как потенциально или уже реально весьма серьезные наши партнеры в развивающемся мире, чему ни в коей мере не мешает провозглашаемая многими их руководителями «равноудаленность».

На почве неприсоединения вырастают и новые региональные или межрегиональные объединения («Делийская шестерка», например), оперативно и конструктивно участвующие в решении главного вопроса современности — создании безъядерного мира.

Повышается роль наднациональных органов и движений (типа контадорского процесса и Гватемальских договоренностей для Центральной Америки) в решении региональных конфликтов. Вопрос об их разблокировании включается и в повестку дня переговоров представителей великих держав. Мне представляется, что в наше время гражданские войны утрачивают свой преимущественно внутренний характер (а стало быть, и свой смысл как средство разрешения социальных противоречий) хотя бы уже в силу того, что каждая из противоборствующих сторон стремится найти внешнего союзника и военную помощь. Но система международной безопасности исключает наличие из арсенала мировой политики, из отношений между народами.

В. Шейнис. Именно это зафиксировано в Делийской декларации, подписанной Михаилом Сергеевичем Горбачевым и Радживом Ганди. Мне кажется, что мы еще не вполне осмыслили и тем более — не сказали достаточно внятно «городу и миру», как говорили римляне, насколько глубокий разрыв означают ключевые пункты Делийской декларации с прежним нашим подходом, в котором главенствовало разделение войн на «справедливые» и «несправедливые», насилия — на «революционное» и «контрреволюционное» и т.д. Конечно, переход от декларации к действительно цивилизованным международным (да и внутриполитическим) отношениям в мире, свыкшемся с насильем за много тысячелетий своей истории, не может быть гладким и быстрым. Но решительно всем — и нам, и Западу, и «третьему миру» надо усваивать сдержанность в политическом поведении, а не ссылаться на партнера: «пусть сначала он...»

И. Зорина. Делийская декларация — первый международный документ, в котором был зафиксирован принцип приоритета общечеловеческих ценностей, признания высшей ценностью человеческой жизни, гармоничного развития личности, заложена основа перспективной программы сотрудничества государств для утверждения гу-

манного цивилизованного мира. Многим эти принципы и цели представляются утопическими — ведь вся история человечества до сих пор действительно была историей насилия — одних людей над другими, одних классов над другими, одних наций над другими. Но как предвидели на заре века великие гуманисты Л. Толстой, Р. Тагор, а позднее великие ученые Н. Бор, А. Эйнштейн, Б. Рассел, привычка к насилию может стать самоубийственной для человечества. К тому же, как говорил еще наш великий соотечественник А. Герцен, взять неразвитые силой нельзя. Насилием можно было сформировать армии принудительного труда из рабов, заключенных, населения покоренных и колониальных стран. Но обеспечить экономический и социальный прогресс такими методами невозможно.

В. Хорос. Иногда новое политическое мышление не встречает понимания в самом «третьем мире». Нередко раздаются голоса: не означает ли новый советский подход к международным вопросам, в частности советско-американские договоренности по разоружению, что Советский Союз «отворачивается» от развивающихся стран.

И. Зорина. Такие голоса действительно раздаются, в том числе среди левых сил. Как правило, это люди, привыкшие к удобным для них антиимпериалистическим лозунгам и догмам и не способные на конструктивные решения. СССР вовсе не отказывается от поддержки справедливой борьбы освободившихся государств за свое экономическое освобождение и социальный прогресс. Однако борьба эта должна вестись с учетом возросшей взаимозависимости современного мира, опасности возникновения мировых конфликтов. В нынешних условиях революционность любой ценой оборачивается авантюризмом, экстремизмом и терроризмом. А терроризм любого толка должен быть лишен международной поддержки, как материальной, так и моральной.

В общем, освоить, а тем более реализовать новое политическое мышление гораздо труднее, чем его декларировать. Препятствия здесь неизбежны: сопротивление консервативных сил на Западе, экстремистские течения в «третьем мире», инерция и косность наших собственных представлений. Но иной некатастрофической альтернативы для мирового сообщества просто нет. В конечном счете новое политическое мышление отвечает долговременным интересам всех народов без исключения. И хотелось бы надеяться, что оно победит.

Мы и Латинская Америка

Последние годы, а особенно минувший, 1989 год, несомненно, останутся в истории человечества как удивительное время, вместившее в себя процессы и события, обычно требующие многих десятилетий. Быть очевидцами и в какой-то мере участниками или хотя бы летописцами их — неожиданная радость, частичная компенсация для целого поколения, обреченного, казалось, так и остаться потерянными. История наша ожила буквально на глазах, пусть и без особого нашего участия. Тем более хочется воздать должное тем, чья активная деятельность ускорила ее реанимацию. Это А.Д. Сахаров и М.С. Горбачев, А.Т. Твардовский и А.Н. Яковлев, П.Г. Григоренко и Э.А. Шеварднадзе, А.И. Солженицын и Ю.П. Любимов и многие другие, список которых разным людям видится, наверное, по-разному, но для меня не обойдется без Высоцкого, Можяева, Тендрякова, Шатрова, Окуджавы, Евтушенко, Дудинцева, Яшина, Некрича, П. Капицы, Тарковского, Ростроповича, Карпинского, Черниченко... Всех не перечислишь. Не всегда легко взвесить на весах истории значение «работы на перестройку». Да и много появляется новых имен, движущих ее «дальше, дальше, дальше».

Так что мы можем смело сказать: утверждение о «конце истории» не более чем оригинальная фраза, попытка прославиться без особых усилий, как это сделал сразу ставший знаменитым Ф. Фукуяма в США. Им там, в США, многое, конечно, виднее, но уж точно не в этой области, не в нашей истории, неважно — вчерашней или завтрашней.

Новые реалии в мировой политике

Какое все это имеет отношение к избранной теме? Как ни странно, самое прямое. Явление, подобное перестройке и вытекающему из нее новому политическому мышлению, в такой стране, как наша, просто обречено иметь глобальный охват. Отзвук от него возникает даже там, где не все жители подозревают о его появлении, некоторые хотя бы потому, что не умеют читать. Это наверняка можно сказать и о Латинской Америке.

Три десятка с лишним лет назад социализм шагнул за Атлантику уже не в форме идеологии, а в виде общественной практики. С тех пор регион поставил рекорды в качестве полигона социально-экономических и политических экспериментов широчайшего спектра направлений — от ультраправого до ультралевого. Все это — на наших глазах, иногда при нашей «вовлеченности», иногда при нашей полной отрешенности, но чаще всего вопреки нашим прогнозам, ожиданиям, попыткам помочь или помешать, способствовать или воспрепятствовать. Нет, я не хочу, чтобы мы посыпали голову пеплом и все содеянное развенчали, как того требовала бы мода на тотальную переоценку, вплоть до абсурда. Нет, кое-чем мы можем гордиться, кое-чем — быть вполне удовлетворены и даже в отдельных случаях иметь спокойную совесть.

Но вот уж чего у нас точно не было, так это четко осмысленной стратегии. Во всяком случае, для Латинской Америки — за исключением Кубы — это было характерно. Отсутствие стратегии пытались восполнить реакцией на те или иные процессы или события. Иногда более или менее удачно, иногда на редкость неуклюже. Обычно с запозданием, вообще свойственным в те годы нашим подходам к принятию решений. Сплошь и рядом недоставало увязки идеологии с конкретной политикой, понимания соотношения целей чисто государственных и политико-идеологических, глобальных и региональных, нравственных и прагматических.

Периоды подъема освободительного, революционного движения нас всегда заставляли врасплох. Наиболее яркие примеры — Куба и Никарагуа. Когда А.И. Микоян уже вылетал на Кубу в феврале 1960 года, в Кремле не имели, по сути дела, ни малейшего представления, с чем и с кем он там столкнется. Рассказы двух человек — А.И. Алексеева и А.П. Малкова (журналиста и торгового работника) — были благоприятны, но... По сути дела, на уровне первого заместителя Председателя Совета Министров, члена Политбюро предстояло дать оценку новому режиму и определить отношение к нему Советского Союза, наметить стратегию. Романтика только что победившей революции не могла не пробудить воспоминания о другой, давно ушедшей романтике. Прежде всего отсюда симпатии, сочувствие. Аналогично отреагировал и другой «последний из могикан» нашего революционного прошлого — Н.С. Хрущев. Дальнейшее известно. Но все могло обернуться совсем иначе.

Еще более знаменателен случай с Никарагуа. Здесь Москва имела дело не с отсутствием информации, а с сознательной дезинформацией. Мы ориентировались на «друзей» — Социалистическую партию, во главе которой стояло «наследственное» руководство: сын и отец Санчесы. Пока сандинисты десятилетие вели войну в сельве, Луис Санчес-младший спокойно уживался с диктаторским режимом Сомосы, жил на легальном положении в Манагуа и даже выступал по телевидению, обличая сандинистов в авантюризме, ибо со времен боливийской эпопеи Че Гевары (даже до его гибели) партизанская борь-

ба окончательно вышла из моды в международном коммунистическом движении. И вовсе не исходя из теории или идеологии, а в результате того, что руководители традиционных компартий в большинстве своем привыкли к спокойной жизни вечного «авангарда», к поездкам в качестве почетных гостей в Москву на съезды КПСС, на отдых и лечение, превратились в заурядных реформистов, только без серьезной массовой поддержки. Они решительной рукой отсекали возмутителей спокойствия. Для вершителей судеб Международного отдела ЦК в Политбюро и в Секретариате ЦК — Суслова и Пономарева — возможная жалоба генсека «братской партии» была бы сигналом к «оргвыводам» в отношении работников отдела, слишком склонных к самостоятельному мышлению и к непрошеным смелым предложениям. Размышлять — где истина? — те два человека не стали бы, до этого просто дело бы не дошло. Поэтому думающие и способные работники отдела предпочитали направлять свой мыслительный потенциал в диссертации и научные труды.

Некоторых чиновников тогдашнего МИДа революционные потрясения даже раздражали, ибо надо было принимать нешаблонные решения. От работника этого аппарата можно было услышать: «Теоретически все это, может быть, хорошо и закономерно, но, честно говоря, нам гораздо удобнее иметь дело с нормальным либеральным буржуазным правительством». Удобнее — потому что Латинская Америка далеко; проблем, вызывающих трения, практически нет; жизнь посольства течет спокойно, от одного дипломатического приема до другого. Иммигрировать деятельность в телеграммах в центр — наука нехитрая. Но разве можно было обвинять тех, кому руководство министерством десятилетиями внушало: «Лучше сто раз не сделать того, что надо было сделать, чем один раз сделать, того, чего делать не следовало»?

Прошедшее время здесь использовано только потому, что очень долго так было. Это не значит, однако, что все в прошлом. Перемены происходят не везде, не всегда, а порой без четкого понимания, от чего и к чему нужно идти. Кое-кто прямо-таки рвется из крайности в крайность. Впрочем, удивляться нечему, недаром же внешняя политика есть продолжение внутренней, как, возможно слегка упростив ситуацию, сказал В.И. Ленин. А крайности давно уже стали нашим национальным достоянием — как тот старый, отживший, мешающий жить бумеранг, от которого никак не мог избавиться австралийский абориген из одного анекдота.

И все же именно во внешней политике быстрее всего проявились результаты перестроечных процессов. Видимо, потому, что внешняя политика очень долго оставалась по традиции чем-то вроде священной коровы, доступ к которой имела лишь узкая прослойка партийно-государственной элиты, а если говорить о принятии решений, то вообще практически несколько человек. Правда, рассуждали о международной обстановке все кому не лень, по поводу и без повода. Как свидетельствует литература 20-х годов, даже новую трамвайную ли-

нию в провинциальном городке открывали не иначе как с лекции о международном положении. Видимо, такой интерес и повышенное внимание к политической карте мира шли еще с тех пламенных месяцев 1917 — 1918 годов, когда со дня на день ожидали мировую революцию. В результате карту-то узнали неплохо, но этим дело, пожалуй, и ограничивалось — если не считать группы специалистов, мнением которых власть имущие никогда всерьез не интересовались. А карта помогла в годы репрессий разнообразить перечень иностранных разведок, чьими агентами объявлялись те, кто еще не так давно ожидал мировую революцию.

Итак, в этой сфере легче было начинать перестройку. К тому же возможное сопротивление сводилось к недовольству части генералитета и военно-промышленного комплекса, а не возмущению со стороны многочисленного «вязкого слоя» партийно-государственных структур подрывом основ его авторитарной власти в масштабах всей страны.

Конечно, полемика рано или поздно захлестнула и сферу внешней политики. Началом ее мне видится выступление Е.К. Лигачева в г. Горьком в августе 1988 года [см. «Правда», 6 августа 1988 г.]. Сейчас дискуссия идет по все более широкому кругу проблем. Например, лавинообразный поток изменений в странах Восточной Европы вызывает кое у кого в «Литературной России» мысли о крахе «всей ее геополитической архитектуры, за создание которой народ заплатил громадную цену» [«Литературная Россия», 5 января 1990 г.]. На Учредительном съезде Компартии РСФСР это уже прозвучало как обвинение в адрес Президента СССР. «Молодая гвардия» еще раньше утверждала, что перестройка превратилась в «расстройку» [1989, № 10, с. 252], в ликвидацию экономического и военного потенциала, чему недаром аплодируют за океаном и на берегах Альбиона. А потому высказывала опасения, как бы в поисках преступников среди мертвых не проглядеть их среди ныне здравствующих. Трудно было не понять, кого конкретно имел в виду автор из молодежного журнала. Летом 1990 года на съезде Компартии РСФСР и XXVIII съезде КПСС подобные тезисы раздавались уже с высокой трибуны.

Спорить, естественно, есть о чем, только не такими методами. И, наверное, заслуживают дискуссии вопросы, связанные с новыми подходами и из них вытекающие, а не принципиальное несогласие с перестройкой. Тех, кто стоит на подобных «принципах», все равно ни в чем не убедить: истина у них всегда в жилетном кармане, сомнений нет и быть не может. Они не зададутся мыслью, что же это была за «архитектура» такая, если она развалилась как карточный домик, едва люди поняли, что не надо бояться советских танков (а в Румынии не побоялись и собственных)? Они не задумаются, когда и почему начал хиреть экономический и технический потенциал, основа военного потенциала.

Одним из вопросов, нуждающихся в разработке, является, по-видимому, деидеологизация международных отношений. Исходная

позиция мало у кого вызовет сомнения: интересы выживания человечества стоят выше любых классовых, национальных и других интересов. Но можно ли абсолютизировать эту верную концепцию без риска довести ее до абсурда? Мне лично представляется, что более всего идет речь об отказе от уже доведенной до абсурда идеологизации, когда, используя слова Э.А. Шеварднадзе [см. «Правда», 28 сентября 1988 г.], компонент идеологических разногласий становится самодовлеющим во внешней политике и дипломатии. Вместе с тем вряд ли реально полное изгнание идеологии как таковой из политики вообще. А раз так, то разве может внешняя политика быть столь автономной от «политики вообще», тем более в современном взаимосвязанном мире?

Даже если этого и очень хочется и даже если определенный круг стран — партнеров в международных отношениях окажется взаимно готовым к этому (в равной степени и более или менее синхронно), подавляющее большинство других стран не дадут мировой политике достичь столь идиллического состояния. Прежде всего я имею в виду страны «третьего мира». И в том числе не в последнюю очередь Латинской Америки.

Широкую известность приобрело, например, выступление Фиделя Кастро в Гаване 7 декабря 1989 года [Granma, 8 dicembre 1989]. Обеспокоенный исчезновением из политического лексикона органов массовой информации стран Восточной Европы самого слова «интернационализм» (хотя очень скоро и слово «социализм» большей частью стало появляться отнюдь не в самых лестных словосочетаниях), кубинский лидер выразил опасение многих представителей «Юга», что поддержка народов, борющихся за экономический и политический суверенитет, будет прекращена. В то же время империализм и не подумает об отказе от экспорта контрреволюции как в отношении Центральной Америки и Кубы, так и в других регионах «третьего мира». Встревоженный социально-политическими реформами в том, что не так давно именовалось социалистическим лагерем, Ф. Кастро не исключает, что империализм вынудит страны Восточной Европы (очевидно, что сюда включается и Советский Союз), по сути дела, даже присоединиться к блокаде Кубы или как минимум к политике «неэквивалентного обмена» в торговле, давно используемой им в отношениях с «третьим миром». Такими могут оказаться, по его мнению, последствия столь позитивного в целом явления, как укрепление международного мира и безопасности.

Повторяем: подобные опасения сегодня приходится выслушивать во многих странах, и не только от коммунистов или представителей левых сил. «Сговор» великих держав и вообще «Севера», пусть ради благородной цели укрепления мира, оставляет на произвол судьбы эксплуатируемый «Юг» — таково весьма распространенное мнение в Латинской Америке, Африке, Азии, да и на самом «Севере» тоже.

Легче всего отмахнуться от этого и проявить великодержавное высокомерие. Но суть дела от такой позы не изменится. Надо искать

аргументы для тех, к кому деидеологизация поворачивается именно этой стороной. Надо также прислушаться к их аргументам.

Так, трудно спорить с Фиделем Кастро, который говорит, что, хотя сокращение ядерно-ракетных арсеналов и является замечательным достижением, оно еще не обеспечивает мира и безопасности странам «третьего мира», против которых империализму вполне достаточно обычных вооружений. Далее он отмечает, что безопасность «третьего мира» обязательно должна включать его экономическое развитие без эксплуатации извне. Продолжение эксплуатации в условиях международного мира будет по-прежнему означать смерть от недоедания и болезней 40 000 детей ежедневно и равносильно тому, что каждые три дня среди них взрывалась бы бомба, подобная той, что была сброшена на Хиросиму.

Трудно спорить с такими цифрами. Скорее можно высказать контраргументы. Например: в случае глобального ядерного конфликта катастрофа неминуемо обрушится на весь земной шар. Так что сговор — если уж так его называть — в интересах всего человечества, в интересах физического существования всех, кто живет на планете и кто должен еще на ней родиться. Только тогда и можно говорить об экономическом развитии где бы то ни было.

Очень хотелось бы также сказать, что снижение военных расходов только расширит возможности экономической помощи развивающимся странам. К сожалению, практика показывает, что надежды на какую-то планомерную зависимость одного от другого, как в рамках ООН, так и в одностороннем порядке, не сбываются. Державы, сокращающие военные расходы, предпочитают использовать сэкономленные средства в своих внутренних интересах. Это верно не только для СССР, отчаянно нуждающегося в средствах, но и для других великих держав. Их внешняя помощь по-прежнему остается сугубо избирательной и «идеологизированной».

Но вот что бесспорно, на наш взгляд, — смягчение международной напряженности вообще, а между США и СССР особенно, неизбежно ослабляет авторитарные, антидемократические режимы, ибо выбивается из политического обихода обычное обоснование их антинародного экстремизма: «остановить коммунистическую заразу». Существенно должны сократиться перспективы их опоры на поддержку извне. Тем самым резко возрастают и возможности для борьбы за подлинную, а не только лишь провозглашенную демократию, за социальную справедливость. Думается, преждевременно надеяться, что поборники продолжения «холодной войны» в «третьем мире» в соответствии с концепцией конфликтов малой интенсивности перевелись за океаном начисто. Рассчитывать, что они проделали весь свой отрезок пути, в рамках нового политического мышления трудно, и не только потому, что кое-кто даже у нас в стране не особенно торопился в этом направлении. Но обосновывать свои действия, получать поддержку общественности, обеспечивать их финансирование им будет все же несравненно труднее.

Сегодня как никогда противопоставлено однозначно, упрощенно относиться к такому понятию, как «позиция Запада». Дело не только в естественном вопросе: чья конкретно? какой страны? каких слоев населения? каких общественных групп? Даже если договориться, что речь идет об официальной позиции кругов, принимающих решения, т.е. тех, кого у нас обозначают словом «истэблшмент», следовало бы избегать безапелляционности и крайностей в оценках.

Наивно умиляться позицией Запада, идеализировать ее, обнаруживать в ней такие добродетели, на которые сами западные лидеры претендуют лишь в торжественных декларациях (особенно предвыборных), но не в серьезных обсуждениях. Как это ни странно, к такому занятию проявляють склонность многие наши обыватели, в том числе с учеными степенями.

Но также неверно обвинять все и вся, различные силы в самом «истэблшменте», обличать их как только и исключительно империалистические. А именно таков подход Фиделя Кастро. Было бы ошибкой недооценивать силу сдерживающего влияния общественности на тех, кто все еще настроен экстремистски или интервенционистски. Хотя надо иметь в виду, что иногда и общественность позволяет увлечь себя поддержкой интервенционизма — вторжение США в Панаму на Рождество 1989 — 1990 годов убедительно доказывает это (как показала ранее интервенция в Гренаду). И все же в конечном итоге перестройка и гласность в СССР, реалии нового политического мышления не могут не отражаться позитивно на общественном мнении в США, а тем более в странах Западной Европы. Дело не в похвалах того или иного западного лидера, что становится критерием в оценке наших действий для Фиделя Кастро, как и для многих наших собственных противников перестройки (или недовольных ее размахом, темпами, последствиями). Слава богу, критерии мы теперь определяем своим умом. Дело прежде всего в размывании «образа врага» в глазах самой широкой общественности за рубежом. А приходится признать, что мы немало сделали в свое время для формирования такого образа. Много рассуждая в чисто демагогическом плане и в пропагандистских целях (по меркам ушедших лет) о народных массах и об общественности за рубежом, мы, по сути дела, сбрасывали со счетов их реакцию на наше поведение на мировой арене (типичное рассуждение тех лет, которое нередко приходилось слышать, когда мы вторгались в Чехословакию или в Афганистан либо высылали А.Д. Сахарова в Горький: «Пошумят пару недель и забудут»). Результат не замедлил сказаться. Сейчас можно только удивляться и радоваться тому, как быстро удалось поломать этот довольно-таки устоявшийся образ. Что же сейчас остается от концепций о «советском экспансионизме», о стремлении к «мировому господству»? Мало что оставалось уже до событий конца 1989 года в Восточной Европе. А сейчас их можно считать похороненными, как говорят, «по первому разряду».

Но отсюда камня на камне не остается (и не оставалось даже до выборов в Никарагуа в феврале 1990 года) от той трактовки конфликта в Центральной Америке, которую пустили в оборот «ранний Рейган» и его команда и с которой никак не хотели расставаться в знаменитом, хотя и загадочном «истэблшменте». Ведь трактовался он как результат попыток Москвы удержать за собой и расширить плацдарм на материке Западного полушария, чтобы по теории «домино» прибирать к рукам расположенные здесь страны вплоть до самой Мексики. При одном упоминании этой страны в подобном контексте у большинства американцев сразу сдавали нервы, на что, собственно, и делался расчет. Интервенция в Афганистане, бессмысленное наращивание ракетной мощи в Европе лишь на первый взгляд не имели никакого отношения к Центральной Америке. Помогая созданию «образа врага», лика «империи зла», подобные непродуманные глупости нашей геронтократии были сущим подарком для «ястребов» в Вашингтоне. Никакое ЦРУ не могло бы сработать лучше. Остается только восхищаться теми американцами, которые не дали себя ввести в заблуждение ни Белому дому, ни Кремлю, помня о социально-экономических и политических корнях бурных процессов в Центральной Америке.

Сегодня такое понимание преобладает среди нормально мыслящих людей в США. Они задаются вопросом: какие же остаются оправдания для бездумной поддержки «горилл», на практике означающей свободу действий для «эскадронов смерти»? Исторический опыт показывает, кстати, что патологические убийцы (это выражение бывшего посла США в Сальвадоре Уэйна Смита стало уже «торговой маркой» не только Роберто Д'Обюссона, но и всех его коллег по профессии) никогда не бывают разборчивы в выборе жертв. Монахи-католики могут у них стоять в одном списке с профсоюзными лидерами или с американскими советниками по аграрной реформе. Эта особенность патологических убийц, столь знакомая нам по нашей истории, долго ставила в тупик — и в затруднительное положение — официальный Вашингтон. Ведь там с американским рационализмом ожидали узконаправленного антикоммунистического террора, который не должен был вызвать, по их расчетам, большого шума ни в обществе, ни тем более в конгрессе.

Отказ Советского Союза от вмешательства во внутренние дела стран Восточной Европы (кроме позитивной силы примера перестройки) заставляет многих людей в США, в том числе на Капитолийском холме, задумываться: какие же остаются оправдания для интервенционистской политики США в Центральной Америке и в Карибском бассейне? В конце концов, если СССР не опасается и допускает образование немарксистских правительств в Польше, Венгрии, Чехословакии и т.д., то почему США должны страшиться марксистских правительств за своими южными границами? Понятие сфер влияния рухнет, оно не выдерживает ударов со стороны новых реалий в развитии мировой политики, оно становится анахронизмом.

Сберечь образ друга

Итак, размывания «образа врага» как в отношении самих себя, так и в отношении тех стран, с которыми нам суждено жить на одной планете и даже совместно беречь ее, удалось добиться необычайно быстро. Смелость и неординарность мышления, здравый смысл, проявленные Москвой, сыграли тут решающую роль. Мы видим уже и вполне определенные плоды в виде снижения конфронтационного подхода даже со стороны консервативных сил на Западе. Но и тут нельзя впадать в иллюзии. Слишком силен соблазн рассматривать новое политическое мышление как своего рода изоляционизм, как приглашение кому-то заполнить возникающий вакуум. Экономический и национальный кризисы в Советском Союзе работают в том же направлении. А уж развал «социалистического лагеря» в Восточной Европе как бы довершает дело.

Правда, надо отдать должное большинству лидеров крупных держав на Западе: они в основном не позволяют себе неджентльменских поступков. По-видимому, они достаточно умны, чтобы понять, что в их же интересах беречь хрупкий сосуд перестройки. Ибо, если он разобьется, никто не возьмется предсказать внутренние и внешние последствия возможных катаклизмов. Они вряд ли читали слова Пушкина о русском бунте, но достаточно хорошо знают нашу не столь уж давнюю историю, даже Пушкиным не предвиденную. И все же соблазн ощутить меняющееся соотношение сил и поиметь от него хоть где-то, хоть что-то слишком велик. Вот и появляется определенный нажим. Не грубый, не вызывающий, но нажим. Идет он по тем направлениям, где у США, например, давно уже сложилось, как говорят психологи, «коридорное мышление».

Ведь навязчивые идеи встречаются не только у отдельных личностей. Благодаря длительной, целенаправленной пропаганде, да еще если есть на чем играть, навязчивые идеи могут овладеть даже массами. У нашей страны и в этом отношении очень богатый опыт. И не только нашей. Мы искали врагов, если использовать слова де Голля, по всем азимутам — и вовне и внутри. Особенно внутри. Надо отдать должное американцам: если не считать короткого периода маккартизма, они обычно ищут врагов вне пределов США. Кроме «империи зла», были у них точки земного шара и отдельные имена, в отношении которых почти невозможно преодолеть эмоциональное неприятие и воззвать к истинно североамериканскому достоянию — рациональности. Вспомним Хомейни. Мало кто к нему испытывал симпатии и в других странах, но в США было нечто иное. Или Ливия, Каддафи. Или — совсем недавно и совсем близко от них — Панама, Норвега. И наконец — Куба, Фидель Кастро. В чем же дело? Отнюдь не в идеологии. Сам перечень доказывает это. Если говорить о Кубе, то дело не в социалистических идеалах Фиделя Кастро; не они являются причиной того, по сути дела, патологического неприятия, которое дружно проявляют все президенты (хотя и чуть по-разному) и

которое столь же дружно поддерживает значительная часть населения. Ведь пинг-понговая дипломатия с Китаем и броски в Пекин Киссинджера и Никсона происходили до нововведений Дэн Сяопина. Да и Брежнев не давал повода усомниться в своем догматизме «эпохи развитого социализма», однако встречи на высшем уровне следовали одна за другой, даже несмотря на войну во Вьетнаме со всеми ее хорошо известными особенностями.

Америка очень чувствительна к тому, в чем она отказывает другим: к чувству собственного достоинства. Это прекрасно, когда относится ко всем. И это приводит к сложным проблемам, когда естественное чувство отдельного человека и целой нации понимается как улица с односторонним движением. В этом беда Америки. И тех стран, с кем у нее «коса нашла на камень». И еще беда в том, что менее всего прав на достоинство она признает за малыми или недостаточными сильными странами. Вот эта корреляция между силой и достоинством и является безнравственной. У Советского Союза здесь, как и во всем, пожалуй, есть свой опыт. Самым лаконичным примером наших «грехов» в этой сфере или, вернее, самым ярким образом был вопрос Сталина Уинстону Черчиллю о папе римском: «А сколько у него дивизий?»

Конечно, когда я говорю в этом контексте «Америка», я вовсе не имею в виду всех американцев. Знаю много таких, которые восхищают меня объективностью, бескомпромиссным отрицанием пропагандистских «истин», смелым и решительным отказом от конформизма и навязываемых им стереотипов мышления. Помню, я беседовал в 60-х годах с одним из них, профессором Ф. Фолком, в Москве о войне во Вьетнаме. Я сказал: «Конечно, понятно, что вам надо уйти, не потеряв лица, но...» Собеседник возмущенно перебил меня: «При чем здесь потерянное лицо? Просто нам нужно немедленно уйти оттуда, куда мы вторглись и где ведем эту грязную войну!» Странно, но стыдно стало мне.

В 90 милях от Флориды (а от островов в океане, воспетых Хемингуэем, еще ближе) находится остров, который американцы слишком привыкли считать своим. Настолько, что за 30 лет так и не примирились с тем человеком, который сказал им «нет!». И социализм не имеет к этому никакого отношения. Конечно, в Вашингтоне можно услышать и сентенции вроде: «Вот если бы он не занимался подрывной деятельностью...» Но Куба прошла уже достаточно долгий путь. С большинством буржуазных правительств Латинской Америки у нее нормальные отношения. Этого не было, когда мнение о «подрывной деятельности» ими разделялось. Но позиция США практически не менялась. Кубинский экспорт революции, когда он проявлялся, многократно уступал американскому экспорту контрреволюции. И тут вступал в силу «двойной стандарт». Аллергия к бывшему «члену семьи» (а и такое тоже можно услышать!) усиленно внедрялась в массовое сознание. Впрочем, прошедшее время здесь неуместно. Снижение напряженности в

Центральной Америке, послевыборная ситуация в Никарагуа могли бы вызвать надежды на диалог США с Кубой. Но ничего подобного там, в Вашингтоне, не хотели и не хотят. Знаменитый мексиканский писатель Карлос Фуэнтес пишет по этому поводу: «Буш опасается, что, не имея уже врага в Европе, США в скором времени вообще лишатся возможности для демонстрации своего маниакального превосходства» [«За рубежом», 1990, № 12]. Но, видимо, дело не только в этом. Буш ждет, как когда-то в XIX веке ждали его предшественники, что Куба, как спелое яблоко, сама упадет к его ногам.

Недовольство Фиделя Кастро некоторыми аспектами советской перестройки возобновило ожидания американцев: когда же Советский Союз перестанет помогать Кубе? А экономические затруднения в нашей стране не могли не добавить нетерпения. Поэтому заявления отдельных народных депутатов и статьи в многоголосой нашей печати пролили бальзам на души творцов кубинской политики в Вашингтоне. Конечно, в прошлом мы были довольно щедры, и потому Куба нам должна приличную сумму. К сожалению, мы были щедры и на советы. Если поступать по справедливости, то не вычесть ли из суммы долга ущерб, нанесенный нашими советниками за многие годы их деятельности, уж наверное не менее разрушительной, чем деятельность внутри страны нашего достославного командно-административного аппарата?

Но благоприятное для Кубы соотношение цен на сахар, нефть, никель и т.д. в значительной мере уже достояние прошлого. Цена на сахар в рублях, действительно, на какое-то время была в четыре раза выше мировой цены в долларах (сейчас уже примерно в два раза — мировые цены опять растут). Но рубли в данном случае — это в основном товары, которые нам никак не удастся экспортировать за твердую валюту. А курс один к двум — это даже лестно для нашего сегодняшнего рубля. Если бы мы все же предпочли платить доллары (чего ради, неясно, правда) на мировом рынке, то цены там непременно подскочили бы. Ведь большая часть сахара закупается по квотам по преференциальным ценам. На свободный рынок поступает меньшая часть. Итак, мы разорили бы Кубу и выбросили бы свою твердую валюту на ветер. Впрочем, часть ее могла достаться той же Кубе, ибо она тогда имела бы что продать на мировом сахарном рынке.

Кубинские закупочные цены на нашу нефть когда-то были ей очень выгодны. Но времена нефтяного бума давно прошли. Цены же утверждаются на длительный срок. Кстати, благодаря этому мы дешево покупали кубинский сахар, когда цены в мире на него были высокими. Падение этих цен стало бедствием не только для Кубы. Между прочим, эксперты «Парижского клуба», к которому Куба обратилась с просьбой об отсрочке платежей по внешнему долгу, признали, что затруднения этой страны прежде всего связаны с неблагоприятной внешнеторговой конъюнктурой. Но вернемся к нефти. Сей-

час не приходится говорить о льготах — начиная с 1985 года Куба переплачивает нам за нефть. Только в 1987 году переплата составила 1,64 миллиарда (в пересчете на доллары). К началу 1990 года она переплачивала по 10 долларов за каждый баррель нефти из СССР. Об этом говорят данные ЦРУ [G u n G. «Will Castro Fall?» — «Foreign Police», June 1990, p. 136].

Ну а разве не выгодно нам закупать большое количество никеля за рубли, т.е. за те же товары? Чтобы компенсировать их, прямо скажем, плохое качество, часть оплаты иной раз шла в долларах, но лишь малая часть. Куба ведет себя отнюдь не как бедный родственник. Могут возразить — часть нашей нефти, перерабатывавшейся на Кубе, использовалась ею для того, чтобы полученный бензин реэкспортировать за твердую валюту. Но с этим уже покончено. Зато, когда у нее не хватает сахара, чтобы покрыть свои обязательства перед СССР и другими странами СЭВ, она закупает его сама для нас на твердую валюту. В последние годы это стало уже системой. А почему не посчитать, во сколько долларов обошлось бы нам обслуживание нашего океанского флота, скажем, на Багамских островах? Или доправка его не нашим топливом, а покупным? О военных судах лучше уж не говорить.

Все это — денежные расчеты. Но должны же мы признать, что есть еще и другие ценности, помимо купюр, будь то зеленых или какой-либо иной расцветки. Сейчас самое время подумать о нравственных, моральных ценностях. И не только в отношении между отдельными людьми, о чем мы начали вспоминать, но и в отношениях между народами. Христос изгнал менял из храма, а Моисей заповедовал творить добро, потому что человек издавна тянулся к преобладанию духовного начала над материальным. Можно ли так легко и просто отбросить дружбу, солидарность, уважение к другому народу, не потеряв самоуважения? И уважения мировой общественности тоже. Ибо тех, кто бросает на произвол судьбы своих друзей, не уважает никто — даже враги этих друзей, хотя они и будут, конечно, довольны потирать руки.

Словом, очень важно не потерять «образ друга». Не менее важно, чем разрушить «образ врага». Разногласия в этой сфере, очевидно, можно объяснить «афганским синдромом». Но различие ситуаций очевидно. Никто не помогал кубинским революционерам. И это был далеко не верхушечный переворот. Джон Кеннеди, будучи еще кандидатом в президенты, прекрасно объяснял корни этой революции (не снимая вины и с США). Фидель Кастро — это не правитель, держащийся у власти силой оружия. Только те, кто не знает Кубу или склонен к простым ответам на сложные вопросы (правда, к этому нас долго приучали), могут сравнивать его с Чаушеску или Ким Ир Сенем.

Легко предвидеть: найдутся люди, настолько недовольные реакцией Фиделя Кастро на события в Европе и наши слишком тесные, по его мнению, отношения с США, что добавят это как аргумент в пользу прекращения особых отношений с Кубой или даже того больше. Но

какова же будет цена появившейся у нас приверженности к плюрализму мнений, если лидер другого государства, высказываясь, будет рисковать экономическими санкциями в адрес своей страны? Боюсь, что тогда США смогут поучить нас морали, ибо помогли спастись от голода враждебную им и дружественную нам Эфиопию.

Уровень политической культуры не может повышаться только внутри страны, не отражаясь на ее поведении на мировой арене. Нельзя повторять с обратным знаком сталинский вариант враждебности к Югославии за то, что Тито и его соратники придерживались иных взглядов на строительство социализма.

Конечно, взгляды Фиделя Кастро на перестройку и на новое политическое мышление заслуживают сожаления. Это можно считать его личной драмой как честного, негнибаемого человека и мужественного, принципиального политика. Ведь ссориться с нами ему, естественно, невыгодно. Значительно удобнее было бы «примкнуть» — хотя бы на словах или на уровне косметики. В какой-то мере невольно вспоминается Карибский кризис 1962 года, когда он тоже не мог поверить в действенность соглашения СССР с США. Но умный и образованный человек, каким он, безусловно, является, должен с течением времени и событий многое понять. В том числе и увязать интересы «третьего мира» с общечеловеческими ценностями.

Сложность ситуации на Кубе состоит еще и в огромном авторитете той выдающейся личности, который объективно препятствует политике и обсуждению путей развития социализма. В результате понятное стремление избежать путей пороков буржуазного общества на деле не ликвидирует эти пороки, а лишь порождает экономические затруднения и недовольство отсутствием плюрализма. Учитывая наш опыт и сравнивая его с опытом других стран, на Западе и на Востоке, мы можем, по-видимому, сказать, что некоторые пороки неизбежны при любой формации. Благополучие и свобода мнений, гласность и народовластие, политическая и экономическая демократия могут создать оптимальные условия лишь для ограничения негативных черт в природе homo sapiens, но, к несчастью, не полного их изживания. Создать же «нового человека» наскоком или путем патерналистского воспитания сверху целого общества и ценой материальных лишений — пусть даже равномерно на всех распределяющихся — тем более не удастся.

Центральная Америка: новый поворот событий

Февральские выборы в Никарагуа не только определили нового президента этой страны, оттеснив Сандинистский фронт национального освобождения на положение оппозиции. Фактически весь центрально-американский конфликт приобрел совершенно иной масштаб и характер. Собственно, свободные выборы под беспрецедентным международным контролем в любом случае снижали остроту конф-

ликта: США должны были бы признать их итоги и в случае победы сандинистов. Но в том случае их продолжала бы беспокоить цепочка Москва — Гавана — Манагуа, ибо считалось, что от Никарагуа исходит угроза американским позициям в Сальвадоре, а также потенциально в Гватемале и Гондурасе. Правда, задолго до этого Советский Союз объявил о прекращении военных поставок в эту страну, ибо прекращение конгрессом военной помощи «контрас» снизило риск продолжения военных действий против нее. Но США продолжали утверждать, что оружие туда поступало через Кубу, а дальше — к повстанцам в Сальвадор. Доказательств почти не было. Но независимо от того, шло ли оружие в Сальвадор, неверно было забывать о подлинных корнях гражданской войны в этой стране и недооценивать степень народной поддержки Фронта им. Фарабундо Марти и солидарных с ним левых движений.

Выборы в Никарагуа в феврале 1990 года означали успех десятилетней политики США по дестабилизации этой страны и «экспорту контрреволюции». За жителей страны проголосовали их пустые желудки. Хотя, видимо, подействовал и другой фактор. Сандинисты делали слишком большой упор на «прямую демократию». Для начального этапа ее, может быть, было и достаточно. Но по прошествии короткого промежутка времени после любой революции наступает пора ожиданий правового государства. Задержка вызывает потрясения разного рода. Будем считать, что в Никарагуа они были мягче, чем могли бы быть. Правда, в стране не прекращалась война, которая, с одной стороны, затрудняла переход к нормальному правовому государству, а с другой — служила оправданием для тех руководителей, которые не очень стремились к его созданию.

С точки зрения международной упущенный шанс сандинистов — опора на левую и центристскую социал-демократию. Конечно, подлинное и стабильное сближение с Социнтерном — а он проявлял максимальную благожелательность к никарагуанской революции — требовало и соответствующей внутренней политики. Прежде всего выполнения собственной программы Фронта, сформулированной в 1979 году, и новой конституции. Так что суверенитет и достоинство новой республики нисколько бы не пострадали, а, напротив, выиграли бы, притом весьма существенно.

На сандинистских лидерах лежала огромная ответственность, далеко выходящая за рамки их страны. Им предстояло найти модель общества социальной справедливости и претворить его в жизнь в одной из беднейших стран полушария. Программа 1979 года, а затем и конституции наметили, думается, оптимальные пути для постепенного решения этой нелегкой задачи. Трудно переоценить региональное и даже общеконтинентальное значение возможных успехов в ее решении. Но политика дестабилизации со стороны США вызвала к жизни или, во всяком случае, усилила левацкие настроения, определенное пренебрежение к таким правовым нормам, как свобода печати, свобода деятельности оппозиции. Строго говоря, все эти свободы

имели место в Никарагуа в гораздо большей степени, чем в каком-либо ином государстве, возглавляемом марксистами (за исключением, быть может, Гайаны при Чедди Джагане и нынешнего Зимбабве). И, рискну сказать, в большей мере, чем в какой-либо центральноамериканской стране, исключая Коста-Рику. Но спрос с марксистов в подобных случаях, конечно, больше, чем с политических партий, правящих, например, в Сальвадоре, Гондурасе, Гватемале, где даже президент правого толка неизбежно является заложником высшей военщины и государственный или военный терроризм, по сути дела, не прекращается, а идет как бы по синусоиде. Его приливы и отливы бывают связаны как с внутренними процессами, так и с периодами голосования в конгрессе США по вопросам помощи этим странам.

Сандвинисты, победив в 10-летней войне против экипированных, наставляемых и поощряемых Пентагоном и ЦРУ «контрас», собрав 41 процент голосов голодных, безработных и отчаявшихся людей, фактически продемонстрировали свою огромную популярность и поддержку в народе. Ведь каждый житель понимал, что в случае победы Фронта на разоренную страну неоткуда будет посыпаться манне небесной. Советский Союз ясно дал это понять — и не словом, а делом — задолго до выборов. Правильно это было или нет — можно спорить. Конечно, «сверхплановая» помощь нам сейчас не по карману. Но как подумаешь, сколько импортного оборудования ржавеет и гниет, сколько валюты уходит на то, что наша страна вполне может сама производить, однако предпочитает губить на корню, приходит крамольная мысль: а может быть, в какой-то момент и можно было найти ей, этой валюте, благородное, хоть и не доходное применение?

История не пришла к своему концу и в Никарагуа. Тут Фукуяма тоже не прав. Дальнейшее развитие событий там будет зависеть от способности противостоящих сил идти путем национального примирения в интересах народа. Но она также будет зависеть от способности США удержаться от соблазна «заполнить вакуум».

В любом случае центральноамериканский конфликт закономерно и независимо от результатов этих выборов шел к сужению своих географических рамок. Сегодня в фокусе — Сальвадор. Честный подход сандвинистов к решению, выработанным коллективно, требует хотя бы минимальной взаимности со стороны Соединенных Штатов, то есть сдержанности, прекращения ставки на военное решение внутреннего конфликта. Никарагуанская модель урегулирования должна стать примером для подражания. И наверное, задача советской дипломатии в том, чтобы совместно со многими другими странами, совместно с американцами внушить эту простую мысль Вашингтону и военным в Сан-Сальвадоре. Для этого теперь есть все условия.

Прежде всего надо признать, что оснований у Фронта им.Фарабундо Марти верить в добрые намерения США мало. Еще меньше оснований у них хоть в чем-то верить командованию сальвадорской армии. Совершенно ясно, что для бойцов Фронта сложить оружие хуже, чем совершить самоубийство. Хуже, ибо методы умерщвления

политических противников армейскими и другими «эскадронами смерти» хорошо известны. Вашингтон же настаивает практически именно на этом, когда требует выборов любой ценой.

Вообще само слово «выборы» для американцев приобретает магическое значение. Боюсь, что Вашингтон использует это естественное влечение к самому понятному символу демократии (хотя, как выясняется, далеко не единственному), чтобы оправдать в своей латиноамериканской политике то, что трудно поддается оправданию. Однако опыт континента (и в особенности Центральной Америки) доказывает, что путь к демократии там отнюдь не ограничивается наличием нескольких партий и проведением выборов.

Однажды автор этих строк находился в Вашингтоне в здании госдепартамента вместе с группой представителей самых различных политических партий стран Центральной Америки — консервативных, христианско-демократических, социал-демократических, даже СФНО, участвовавших в очень интересной научной конференции, организованной Американским университетом. Всем им читали длинную лекцию об успехах демократии в их регионе. Уже в перерывах на кофе, а вечером в отеле можно было слышать единодушные «многопартийные» насмешки и горько-иронические замечания слушателей по поводу состоявшейся лекции. «Неужели же они всерьез верят, что у нас в Гватемале торжествует демократия?» — спросил один из гостей. «Надо быть кретином или циником, чтобы такое говорить нам!» — высказался один темпераментный гватемалец. «А может быть, они никогда у нас не бывали? Во всяком случае, дальше своего посольства...» — заметил сальвадорец.

Уместно привести здесь и слова сальвадорского священника падре Рутилио, убитого в начале 80-х годов: «Порабощенные массы нашего народа оказались на обочине развития. Они живут по нормам феодализма 600-летней давности. Они не владеют ни землей, ни своей жизнью... Все в Сальвадоре говорят о демократии, но не будем обманывать себя. Это не демократия... Если бы здесь появился даже сам Иисус, его бы арестовали и обвинили в подрывной деятельности, нарушающей конституцию, в том, что он еврей, революционер, пропагандирует идеи, противоречащие демократии. Они бы вновь его распяли, потому что они предпочитают видеть его на кладбище, молчащего Христа» [*«Латинская Америка», 1990, № 5, с. 21*].

То были времена разгула «эскадронов смерти». Но после прихода партии АРЕНА к власти в 1989 году они вновь стали активными, хотя никогда и не исчезали и не преследовались. А уж социально-экономические условия за минувшие годы тем более не изменились на территории, контролируемой правительством. Не приходится удивляться поддержке народом Фронта им.Фарабундо Марти и прочности его позиций в освобожденных районах.

Многие в Вашингтоне, не говоря уже о США в целом, знают Латинскую Америку лишь как туристы. Но те, кто действительно ее знает, не могут не отдавать себе отчета в том, что уровень политиче-

ской культуры там еще не таков, чтобы можно было без оговорок заявлять о торжестве демократии на территории тех стран, где она формально декларирована. Есть еще целый ряд факторов, необходимых для максимально возможной реализации этой извечной мечты человечества.

Как ни странно покажется сопоставление, Советский Союз, а особенно некоторые его республики, тоже, оказывается, не имеет еще того уровня культуры и других характеристик, которые автоматически обеспечили бы демократию после осуществления соответствующих политических реформ. Сопоставление, конечно, условно, слишком многое нас различает. Что нужно нам? Более всего время и терпимость. Народам же Латинской Америки прежде всего предстоит тяжелая борьба против олигархий.

Континент крупным планом

Последние десятилетия стали периодом заметного оживления отношений Советского Союза со многими странами Латинской Америки. Началось это, конечно, с кубинской революции. И наверно, в какой-то мере сыграли роль ожидания дальнейших социально-политических сдвигов на континенте. Вскоре, правда, стало ясно: что бы ни происходило в этом загадочном регионе, для Москвы это все равно будет неожиданностью и не приведет к значительному усилению влияния.

Торгово-экономические отношения носили эпизодический характер, кроме периодов эмбарго США на экспорт в СССР зерновых сверхзаранее заключенных сделок. Тогда мы сильно выручали деспотические, репрессивные режимы Аргентины и Уругвая закупками продуктов, которые должны были бы производить и даже экспортировать сами. Иногда удавалось выиграть торги на поставки оборудования для электростанций Бразилии, той же Аргентины, Колумбии. С военным прогрессивным режимом Веласко Альварано в Перу развились контакты в сфере рыболовства, энергетики, а также в военной области. Это стало очень важно прежде всего для Перу из-за территориальных споров с Чили. Чилийская армия всегда считалась много сильнее, и после свержения президента Альенде это могло бы дорого обойтись северному соседу Пиночета. Благодаря советскому оружию страна стала обороноспособной.

Все это было замечено в Вашингтоне тем ревнивым глазом, видящим все только в одном свете, который многократно описан в литературе, как до истории Отелло и Дездемоны, так и после нее. Боялись советских происков, хотя бояться надо было другого и, следовательно, меры принимать совсем иного характера, а вовсе не того, который определялся глобальным противостоянием двух сверхдержав. Как совершенно правильно пишет Збигнев Бжезинский в своей последней нашумевшей книге «Большой провал»: «...современная Латинская

Америка приближается к условиям, которые в свое время породили марксистский анализ... Следовательно, по меньшей мере в нескольких латиноамериканских странах должна была возникнуть классическая марксистская революционная ситуация. Более того, эмоциональный и интеллектуальный импульс к таковой должен был также вызываться еще одним, специфически латиноамериканским «ингредиентом», ведущим к радикализации ситуации: интенсивным и довольно широко распространенным в этом регионе антиамериканизмом» [Б ж е з и н с к и й З. Большой провал. Нью-Йорк (на рус.яз.), 1989, с. 205]. Одно добавление к Бжезинскому: прошедшее время следует везде перевести в настоящее. Волна демократизации, прокатившаяся по континенту с конца 80-х годов до начала 90-х, ослабляет напряженность лишь временно, ибо не решает пока коренных проблем большинства населения Латинской Америки.

Если же все-таки говорить о прошлом и о нашей роли, то можно вспомнить, как период Хрущева с его непредсказуемыми и устрашающими Западом акциями сменился периодом застоя, когда Запад стал подозревать, что под шумок разрядки СССР не прочь расширить свои позиции в мире. Не будем отрицать, что некоторые основания для настороженности США в отношении Латинской Америки имелись. И все же они были преувеличены так, как будто наблюдались в мощный бинокль. А когда надо было объективно посмотреть на факторы, отмеченные Бжезинским, бинокль как бы переворачивался другой стороной, не давая разглядеть многое и очень важное.

Но вот в Кремле после серии похорон происходит окончательная «смена команды». Приходит перестройка, с ней новое политическое мышление. Долго, очень долго правящий Вашингтон не верил ни в то, ни в другое. Затем лед тронулся: за океаном потихоньку стали понимать, что это все — всерьез, что это — не только экспортный товар. Кстати, вечная переоценка собственной значимости (весьма знакомая нам болезнь по собственному опыту — может быть, это удел всех сверхбольших государств?) долго застилала глаза американцам, никак не желавшим понимать, что такого рода повороты в обществе возможны один-два раза в столетие, они происходят только, когда объективно необходимы и неизбежны, имеют в своей основе только глубинные процессы, а не чью-то с кем-то игру в шахматы.

Вот почему несколько лет ощущалось беспокойство по поводу намечавшихся визитов М.С. Горбачева в Латинскую Америку: в Бразилию, Аргентину, особенно в Мексику. Хотя бывало и наоборот: визит в Никарагуа ожидался с нетерпением — теми, кто хотел загнать конгресс в угол и покончить с препятствиями, чинимыми последним в военном решении центральноамериканского конфликта. Наконец и это прошло. Сейчас основной труд по выяснению и оценке советской стратегии в Латинской Америке, ее места на шкале приоритетов внешней политики Советского Союза перешел от американских советологов к советским латиноамериканистам, в основном к тем, кто «делает политику». К специалистам стали, конечно, гораздо внима-

тельнее, идет серьезный поиск хорошо отработанного механизма взаимосвязи науки и политики. Если раньше наши общественные науки, а тем более те их сферы, которые касались зарубежных вопросов, были лишь служанками политики, то сейчас положение начинает меняться. И все же пока оно не изменилось радикально. Пресса берет реванш быстрее, смелее, напористее. Правда, не всегда грамотнее. Но и такая роль прессы — живительный воздух для кабинетных работников. Тем более, что иногда она опережает науку по всем параметрам.

И все же много еще остается вопросов неясных и не основательно разработанных. Как совместить преобладание общечеловеческих ценностей, перспективное их видение с сегодняшней невозможностью для большинства людей в Латинской Америке смириться с условиями своего существования? Стремление избежать насилия — с естественной борьбой «униженных и оскорбленных»? Невмешательство, отказ от экспорта революции и контрреволюции — с чьей-то боязнью за свои правильно или преувеличенно понятые «национальные интересы» или с чьим-то стремлением к солидарности?

Как можно призывать к миру людей, раздираемых поляризацией внутри страны и вне ее?

До каких пор разговоры о социально-экономическом развитии будут успешно заменять само развитие?

И как можно отчаянно бороться против влияния транснациональных корпораций и вместе с тем использовать их революционный прорыв в технотронную эру? Во многих этих вопросах тесно переплетаются международная политика и внутренние наши дела — как и дела наших партнеров на мировой арене. Наверное, и ответы предстоит искать совместно.

Информация и мифы

«Люди, угодные богу, отмечены признаком скудоумия», — поучал своего юного друга лукавый философ Куаньяр, созданный воображением Анатоля Франса. И разъяснял: «Мышление — это болезнь, свойственная лишь некоторым лицам, и если бы она распространилась, то быстро повела бы к уничтожению рода» [Франс А. Полн. собр. соч. в 25 т., Academia, 1937, т. 5, с. 378, 383].

Царство добродетельного скудоумия как возможный вариант эволюции общества показали в своих антиутопиях Е. Замятин и Дж. Оруэлл. Его высмеивали, предупреждая нас, великие наши соотечественники от Салтыкова-Щедрина до Андрея Платонова.

Но в разные времена невинные сентенции аббата Куаньяра внезапно приобретали силу вполне реального и страшного закона, который утверждался топором или автоматом.

Пробуждение после таких кошмаров было долгим и ужасным: с трудом привыкая к свету, глаза обнаруживали серый, обескровленный, вытоптаный, изнасилованный мир, где в зловонных болотах еще прятались недобитые чудовища, а одинокие человеческие фигуры призраками блуждали в обманчивых туннелях предрассветного тумана.

Откровения 1989 года — о том, что война в Афганистане была преступлением, что КПСС может и не быть единственной партией, что национальный вопрос в СССР еще далеко не решен, а также что на географических картах будет наконец показано то, что есть на самом деле и при этом без грифа секретности, — не вызвали особых переживаний.

Мы перешли порог чувствительности к таким новостям.

Как в расколдованном городе, мы увидели себя и других такими, какие мы есть, начали узнавать истинный облик окружающих нас предметов. И от ужаса увиденного стремимся побыстрее убежать прочь от мрачных времен, к свету, где кровавые тени не потревожат наши души, а вид еще живых палачей и стукачей не обдаст холодом страха.

И вроде уже невероятно далеким кажется тот фальшивый мир с его краплеными географическими картами, лживыми идеалами, выдуманными врагами и героями. Мир, выстроенный из железобетонных иллюзий, запертый на тысячи замков, за которыми в периоды,

когда нам разрешалось не страдать, мы все вместе читали одну и ту же книгу, обсуждали один и тот же фильм, в одно и то же время собирались у голубого экрана, с которого скучная физиономия вещала нам о новых успехах в экономике и крупных достижениях в культуре.

Мы бежим от всего этого изо всех сил, и кажется, что очутились довольно далеко. Но стоит оглянуться — и каким обидно близким оказывается проклятое прошлое, как несоразмерна потраченная энергия пройденному расстоянию!

Наверное, иначе сегодня и не получится. Мы еще долго будем выплакивать наши страдания и унижения, выговариваться за десятилетия молчания и искать ответ на мучительные вопросы: почему так случилось? И как сделать, чтобы такого больше не повторилось?

Зеркала вместо окон

Перестройка заставила всех трезво посмотреть на плоды своего труда — в том числе и тех, чья работа связана с международными делами, внешней политикой. Это на нас — журналистах, ученых, дипломатах, пропагандистах — лежит большая доля ответственности за то, что сознание советских людей в течение долгих лет было заполнено враждебными образами остального мира. Сочиняя несуществующую советскую действительность в газетах и книгах, мы придумывали столь же несуществующую действительность заграничную.

Вместо окон в крепких и высоких стенах нашего дома были вставлены зеркала.

Из них на нас смотрели такие же существа, и мы удивлялись, до чего же мы похожи! Подумаешь, говорили мы друг другу после очередной программы «Время», в чем разница-то? Ну, там чуть больше одного, зато у нас побольше другого.

И даже самые мудрые, самые знающие из нас, кто объездил полсвета, а то и весь свет, возвращаясь домой, громко жалели бездомных Нью-Йорка, клошаров Парижа, негров Лондона. И стыдили, пригвозждали к позорному столбу несправедливые правительства: как же можно так, с живыми-то людьми?!

Себя мы никогда не жалели: чувство жалости недостойно тех, у кого жизнь — вечная борьба.

Мы дышали безнадежностью; она удушливым смогом повисла над всей страной и, как выяснялось, над всем миром. Всегда хорошо было только у тех, кто с нами дружил, но это не вселяло надежды.

Мы были так закармливаны идеологическими мифами, что еще чуть-чуть — и могла наступить соответствующая неприятная реакция.

Человек, конечно, не может вовсе обойтись без мифов. Так уж он устроен. Мифы пронизывают жизнь любого общества на любой

стадии его развития. И они выполняют очень важные функции. Они служат человеку маяками в окружающем его противоречивом мире. Ясно, что ему нужны «хорошие» мифы, которые будили бы в нем энергию, творческие силы, создавали бы примеры для подражания.

Но граница между «хорошими» и «плохими» мифами так тонка...

Часто определенные мифы становятся неотъемлемой частью существования нескольких поколений, которые свято верят в их абсолют. С изменением интересов у нового поколения, со сменой режима или же во время сильных общественных потрясений наступает отрезвление, и люди с безгливостью отбрасывают вчерашние мифы. При другом историческом освещении прежние боги теряют таинственность, торжественность и непорочность, а многие вообще оказываются грубо раскрашенными идолами. Наступающий вслед за этим относительно короткий период жизни без мифов после начальной эйфории становится чрезвычайно тяжелым для людей, не привыкших к свободе.

В тоталитарных системах мифы отличаются своей архитектурной стройностью и непоколебимостью; они обязательны для всех и каждого. Отказ от «правильного» восприятия грозит гражданину не просто неприятностями, но часто лишением свободы или даже жизни. И чем фальшивее миф, тем сильнее он вбивается в сознание, тем сильнее наказание отступников.

Сталинский период административно-командной системы продемонстрировал, как тотальным террором можно довести общество до серого единообразия, на поколения вперед запрограммировать страх и беспомощность перед государственной машиной.

Брежневско-черненко́вский период доказал, что можно успешно культивировать посредственность дозированным и целенаправленным распределением информации и всяких «благ».

Жизнь среди мифов, которые создавались годами, привела к дефициту даже на уровне терминологии. Принципиально новые явления современного мира, стремительные повороты в социальной и экономической жизни мы пытались объяснить языком далекого прошлого. Наш словарь тоже был изолирован, закрыт для обновления. В результате смысл новых процессов в мире оказывался искаженным, искривленным до неузнаваемости. Искусственно созданная жестокая информационная засуха выжигала интерес к профессиональному отношению к работе. Цензура — внешняя и внутренняя — возвела столько заборов на пути любых ветров, что еще немного, и мы стали бы верить, что земля — плоская, а за граница — это просто буржуазная пропаганда, поскольку все начинается и кончается в наших пределах.

К примеру, мы только недавно выяснили, что в Азии существуют такая Южная Корея и такой Тайвань, которые по экономическим показателям входят в число ведущих стран мира. Мы обнаружили, что на Ближнем Востоке не везде идет непрерывный конфликт, который

по уикендам нам живописал на фоне всегда вчерашних развалин корреспондент ТВ в отглаженном костюме и модном галстуке, но и бурно развиваются небольшие стабильные страны, где уровень жизни населения сопоставим с самыми процветающими государствами планеты. Оказалось, кстати, что слово «процветающие» в основном применимо лишь к несоциалистическим странам.

Зная, что нас не так уж любят в остальном мире, мы очень обижались и винули во всем коварных врагов из-за океана. Сейчас мы понимаем, что такой образ нашей страны сложился не без нашей помощи.

Восемь лет подряд у нас создавалось впечатление, что «интернациональный долг» нашего «ограниченного контингента» в Афганистане — что-то вроде караульной службы с редкими боевыми учениями. Лишь недавно власти признались, что там шла настоящая и, как выяснилось, бессмысленная война, которая, по неполным, наверное, данным, обошлась нам в 50 тысяч убитыми и ранеными и 50 миллиардов рублей.

Искаженная информация не только приводила к формированию неверного образа той или иной страны, но и создавала реальную опасность принятия неточных или ошибочных решений на государственном уровне. Каждый такой «виток» неизбежно заводил в тупик, выход из которого неизбежно был болезненным и сложным.

Мы хорошо знали — по крайней мере нам так казалось, — кто был виноват в разжигании тех или иных конфликтов в мире. Ну, а какова была степень нашей ответственности? По Афганистану нам известно, как принимались решения о нашей вовлеченности в ту или иную внешнеполитическую ситуацию, которая потенциально грозила возникновением внутреннего или регионально-го конфликта.

Сегодня мы пожинаем плоды прежнего механизма выработки внешнеполитических решений, который не только отвергал научный, фундаментальный подход к сложнейшим проблемам современности, в частности развивающегося мира, но порой противоречил элементарному здравому смыслу. Некоторые шаги предпринимались даже тогда, когда буквально на поверхности лежала тревожная предупреждающая информация об опасности чрезмерной активности в том или ином районе. Нельзя считать простым совпадением, что пик обострения международной обстановки в послевоенное время пришелся на так называемую эпоху застоя: никогда прежде ракетно-ядерные рубежи не придвигались так близко друг к другу.

Одна ошибка тянула за собой другую, в результате чего международные позиции СССР ослаблялись, внешнеэкономические и культурные связи сокращались, образ нашей страны в глазах других народов становился все более негативным. А во внутренней жизни такие действия имели чрезвычайно взрывные социальные и морально-психологические последствия, долгосрочный потенциал которых еще далеко не полностью раскрылся.

Итоги «холодной войны»

В застойные годы у нас была довольно четкая политика в отношении Африки: бороться за сферы влияния. Причем результат рассматривался даже не с точки зрения укрепления своих позиций — важно было ущемить интересы противника. Это была в чистом виде игра «с нулевым результатом», очень дорогостоящая и опасная. Соперничество способствовало накоплению отсталости, безудержной милитаризации, гонке вооружений в нищих странах, их попыткам решать возникающие внутренние и внешние конфликты исключительно с помощью силы. Известная поговорка о дерущихся слонах, губящих траву, довольно точно отображала поведение сверхдержав. Причем независимо от причин того или иного конфликта и интересов его участников, последствий для всего мира Восток и Запад были обязаны находиться на разных сторонах баррикад. Разделение на «своих» и «чужих» порождало все больше проблем — экономических, политических, социальных и военных. Для некоторых государств такое противостояние великих держав стало не просто привычным, но очень удобным способом существования. Причины конфликтов в Африке носят двоякий характер. В их основе лежат исторические, религиозные, этнические факторы. Но трагедия народов, населяющих эти районы, является также прямым результатом десятилетий «холодной войны», расплатой за идеологические битвы, развернутые на африканской земле. Вполне закономерно, что некоторые крупные междоусобицы в Африке обострились именно в период самой ожесточенной конфронтации между Востоком и Западом.

В 1975 году говорили, что «на Анголе сломалась разрядка». Возможно, такое утверждение слишком прямолинейно, но факт остается фактом: после провозглашения независимости в этой бывшей португальской колонии мгновенно разразился конфликт, сразу вышедший за рамки не только внутреннего, но и регионального. Он нанес сильный удар по процессу оздоровления международной обстановки и способствовал выведению человечества на новый виток «холодной войны».

Цинично названные конфликтами «малой интенсивности», эти злые и часто бессмысленные войны в условиях глобальной конфронтации могли длиться до бесконечности, подпитываемые союзниками. Однако с неизбежным «нулевым» результатом — как в смысле победы, так и в смысле экономического и социального развития.

В свою очередь непрекращающиеся конфликты давали новые аргументы жрецам «холодной войны» по обе стороны разделенного идеологическими рвами мира.

В их кровавых водоворотах гибли — и продолжают гибнуть — надежды африканцев на улучшение жизни, на возвращение мира.

Пока еще никто не подсчитал, во сколько обошлись Африке десятилетия все возрастающих расходов на вооружения, на ведение этих

войн. По некоторым данным, несмотря на кризис, Африка тратит на эти цели значительно больше, чем другие регионы «третьего мира». Можно не сомневаться, что эта сумма намного превышает ее финансовые возможности. А это значит, что войны и межафриканская конфронтация пожирают миллиарды, которые могли бы спасти жизнь миллионам людей.

Состояние «ни мира — ни войны», в котором в течение десятилетий находятся Эфиопия, Сомали, Ангола, Мозамбик, Чад и некоторые другие страны, привело к ряду парадоксальных явлений.

Незатухающая война с оппозицией и на границах стала привычным состоянием общества. Внутренняя и внешняя политика полностью ориентированы на войну. Безумие милитаризации, охватившее уже второе поколение, заслоняет возможность мирного урегулирования. В условиях двоевластия действуют различные самостоятельные структуры управления и образования. Пропаганда каждой из сторон создает иллюзию собственной правоты и мощи, доказывая неспособность противника понять императивы национального строительства и мирного урегулирования. Порой создается впечатление, что некоторые из участников таких конфликтов вовсе не заинтересованы в компромиссе: воевать, при всех тяготах этого занятия, намного проще, чем поднимать экономику, проводить социальные реформы действительно в интересах народа и вообще жить в мире. Кроме того, условия постоянного чрезвычайного положения позволяют держать под прицелом инакомыслящих, списывать свою неспособность поднять жизненный уровень населения на происки внутренних и внешних врагов. Наконец, война привлекает внимание мирового сообщества, что облегчает попытки получать дополнительные средства, которые, однако, в такой ситуации никак не служат прогрессу.

Конфронтация создавала благоприятную почву для процветания в Африке кровавых диктатур. Деспотические режимы в Африке — это не только продукт архаического общества. Это — грибы из теплиц «холодной войны». Кровавые диктаторы пытались копировать у тоталитарных союзников практически все — от методов пыток до форм хозяйствования. За десятилетия «холодной войны» африканские тираны четко усвоили ее терминологию. Созданные ими пропагандистские службы перенимали «все лучшее» от своих учителей и приспособляли чужой опыт к местным условиям. Задача, впрочем, была той же — оправдать существование данной системы власти. Утверждали, например, что единоличная власть, однопартийная система якобы исходят от африканской традиции и полностью одобряются большинством населения. Что демократия не свойственна африканскому обществу и поэтому не имеет будущего в Африке. Существование чрезвычайного положения объясняли заботой о единстве и целостности, защите суверенитета, охране прав граждан. Наличие органов внесудебных репрессий — происками внутренних и внешних врагов, нарастающей подрывной деятельностью империализма по мере продвижения таких режимов к «новой жизни».

Такие режимы чувствуют себя идеально лишь в условиях глобальной конфронтации, которая позволяет им играть на противоречиях между мировыми блоками, беспрепятственно вооружаться и истреблять всякую оппозицию своей власти. В определенные моменты, напавшись на полученным извне оружием, включая самое современное, уверовав в свою безнаказанность, они становятся довольно заметным фактором в международных отношениях и пытаются активно влиять на обстановку в мире.

В Африке наиболее прославились Иди Амин в Уганде, «император» Бокасса в Центральноафриканской Республике и президент Экваториальной Гвинеи Маџиас. Все они были свергнуты. Но это вовсе не означает, что с их изгнанием феномен кровавой тирании прекратил свое существование на Африканском континенте.

Политика конфронтации в Африке привела к тому, что к началу 90-х годов в африканских странах, особенно в зонах наибольшей напряженности (Юг Африки, Африканский Рог), накопилось огромное количество оружия, включая бронетанковую технику, ракетные установки, дальнобойную артиллерию, современные боевые самолеты.

Оружие всегда предоставлялось под очень «весомым» предлогом: защита от империалистической или коммунистической опасности. Этого аргумента было достаточно для удовлетворения общественного мнения. Как и в случае с Афганистаном, указания на массированные поставки оружия в Африку — на миллиарды рублей — подписывались тайно, без консультации с высшим органом — Верховным Советом. Подобные решения тоже принимались на основе искаженной информации. Можно однозначно утверждать, что в те годы не учитывались последствия крупных военных поставок только что освободившимся странам. Никто не подсчитывал, соразмерна ли такая помощь истинным потребностям данной страны или же уровню подготовки военнослужащих местных армий. Не брались во внимание политические издержки поставок репрессивным, кровавым режимам типа Иди Амина в Уганде. Никто не думал о реальных нуждах африканских крестьян, порой не имевших представления, за что им приходится проливать свою кровь.

Вряд ли стоит говорить, что в то время сама мысль о мирном разрешении конфликтов показалась бы крамольной. Шла великая идеологическая битва между Востоком и Западом, компромиссы были исключены. Парадоксом ситуации стало и то, что поставленное оружие зачастую обращалось против самого же поставщика или же его союзника.

Опасность такого курса заключалась не только в преступном распылении наших и без того скудных ресурсов, в огромном и трудно поправимом моральном ущербе для молодых поколений. Втягиваясь в локальные конфликты, мы прямой дорогой шли к глобальной катастрофе, не переставая при этом повторять заветные слова о «борьбе за мир против угрозы войны».

Достигнув состояния, когда собственная пропаганда стала казаться истинной, мы пропустили момент, когда положение в Африке достигло уровня катастрофы.

Вступившая в 90-е годы Африка держит первенство по страшным показателям:

- по детской смертности, которая ежегодно увеличивается скачками; ЮНИСЕФ предсказывает, что до наступления XXI века на континенте погибнут 50 миллионов детей;

- по демографическому росту — более трех процентов в год; к 2000 году численность африканцев приблизится к миллиарду (сейчас — около 600 миллионов), причем концентрация городского населения достигнет невероятного уровня;

- по темпам отставания производства продовольствия от потребностей в нем; голод постоянно охотится за 150 миллионами африканцев, посевные площади стремительно сокращаются, многокилометровые тучи саранчи в одно мгновение опустошают огромные пространства; жестокая Сахара ежегодно пожирает от 18 до 40 километров;

- по уровню деградации социально-экономических условий: потребности все возрастающего населения при доминирующей роли архаичной экономики превысили допустимую нагрузку местных биологических систем;

- по тяжести долгового бремени: с 1985 по 1989 год внешний долг вырос со 178 до 230 миллиардов долларов, а ВВП на душу населения за тот же период упал на 4,5 процента от уровня, который четыре года назад был назван «катастрофически низким». По прогнозам ООН, к 2010 году внешний долг Африки составит 280 процентов ее доходов от экспорта, тогда как у Латинской Америки — «абсолютного рекордсмена» по долгам — он не превысит 83 процентов;

- СПИД как бы увенчал и без того длинный список бед Африки. За несколько лет он превратился в одну из наиболее зловещих ее проблем. Специалисты полагают, что политические, социально-экономические и психологические последствия этого феномена могут отбросить развитие Африки на десятилетия назад.

Уставшая от социально-политических и экономических «экспериментов» исполненная фигура Африки в лохмотьях, с обезображенным болезнями и голодом телом стоит у порога развитого мира и молчаливо ждет. И невозможно уже отмахнуться, отвернуться — она снова и снова встречается в дверях, заглядывает в окна и нашего обнищавшего дома. И нас охватывает ужас от мысли, что в один прекрасный день этот нищий устанет ждать нашей помощи...

Между тем, соперничая с Западом в области пропаганды и военных поставок, мы стремительно отставали в сфере экономического сотрудничества и торговли. К 80-м годам падение мировых цен на энергоносители, сырье, кризисные тенденции в нашей экономике, продолжающаяся гонка вооружений сделали этот разрыв необратимым. Хотя, манипулируя цифрами, включая военные поставки в общую сумму помощи, мы продолжали создавать иллюзию «бескорыст-

ной и всесторонней помощи СССР» странам Африки, «строящим новую жизнь». Между тем уже в тот период советская модель социализма утратила свое воздействие примера для развивающихся стран.

Какие монументы мы оставляем Африке, выходя на дорогу перестройки? Нерентабельные предприятия, сооруженные по проектам наших «строек коммунизма», машины и оборудование, которые не выдерживают конкуренции с западными, нашу неповоротливость в коммерческих делах, стереотипность и заполитизированность наших внешнеэкономических ведомств, памятники Ленину, строить которые иные наши послы предлагают и сегодня.

Африка никогда не занимала первых строк в списке наших внешнеполитических приоритетов, но играла заметную роль в приоритетных идеологических. Она служила доказательством и примером «победоносного шествия социализма во всем мире».

Перестройка, провозгласив отказ от конфронтации, переход к новому политическому мышлению, сразу создала проблемы для политики в отношении Африки. Главный упор был сделан на международное взаимодействие в прекращении политическими средствами региональных конфликтов. В условиях общего потепления международной ситуации этот путь приносит конкретные результаты при довольно небольших затратах и на данном этапе не требует кардинальной переоценки всего курса. Но что же дальше?

Какие интересы у СССР на этом континенте, если кончилась конфронтация и не нужно силой продвигать идеи социализма? Торговля? Экономическое сотрудничество? Как быть с нашими военными обязательствами? Добиваться ли возвращения долгов, учитывая нашу собственную нищету, или же сделать великодушный жест и простить? А если торговать, то чем? Поставлять африканцам сырье?

Совсем не утратили актуальности и другие вопросы: есть ли гарантия, что старый механизм принятия внешнеполитических решений разрушен и больше не возродится? Произошел ли коренной, необратимый сдвиг в области информации как населения, так и верхов о том, что творится за нашими границами? И поскольку речь у нас идет об Африке, развеялись наконец связанные с нею мифы?

Иллюзия «ориентации»

Увы, наше отношение и восприятие Африки по-прежнему заполнено старыми стереотипами, вчерашними идеями. И хотя многие стали смелее высказываться по африканским проблемам, круг неудобных тем для честного разговора остается еще большим.

В своих взглядах на Африку мы застряли на уровне идей начала века, когда способность капитализма выжить в его первоначальной идеологически четкой форме вызвала серьезные сомнения и привела к выводу о неизбежности глобальной социально-экономической перестройки. «На почве всемирного разорения, созданного войной,

растет, таким образом, всемирный революционный кризис, который, какие бы долгие и тяжелые перипетии он ни проходил, не может кончиться иначе, как пролетарской революцией и ее победой» [Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 305 — 306]. Эта и другие подобные цитаты из ленинских работ подкрепляли бесчисленные «теории» победы социализма, причем всегда «полной и окончательной». Из ленинских и Марксовых работ, в которых по вполне понятным причинам ничего не говорилось о возможности построения социализма в бывших колониях, партийными пропагандистами был выведен миф о «некапиталистической ориентации».

Все огромное здание этой теории, все бесчисленные монографии, кандидатские и докторские диссертации, покоятся на двух-трех цитатах, вырванных из исторического контекста и приспособленных к идеологическим нуждам момента. Самая известная и наиболее часто используемая в этих целях цитата относительно возможности некапиталистического пути Монголии, якобы высказанная Лениным в беседе с монгольской делегацией 5 ноября 1921 года. Приписываемые Владимиру Ильичу слова (достоверность высказывания определить трудно, оно впервые опубликовано в 1934 году со слов одного из монгольских делегатов) стали маяком для всех угнетенных стран во всем мире на долгие десятилетия.

Жрецы догматического марксизма-ленинизма из малого храма развивающихся стран толковали немногие цитаты классиков об Африке на уровне миссионеров, прибывших в дикое племя. Непонятливым варварам разжевывали каждое слово, оброненное классиками об Африке.

На заседании идеологической комиссии ЦК КПСС, отчет о которой «Правда» напечатала 1 февраля 1990 года; некоторые выступавшие резко протестовали против попыток «исказить» Ленина, подвергнуть критическому анализу 70-летний опыт применения ленинской методологии.

«Вытащат из контекста то или иное высказывание, — сказал, в частности, В.А. Медведев, — дадут ему субъективистскую оценку, и пошли гулять».

Нельзя не согласиться с В.А. Медведевым: на основе исторического контекста, не осмыслив произведения Ленина в их динамике, легко впасть в ошибку, увидеть в ленинских работах то, чего там нет и не могло быть. К примеру, обнаружить там истоки нашего нового политического мышления или принцип приоритета общечеловеческих ценностей.

Но разве не так нас учили семь десятилетий и продолжают учить сегодня? Разве не тем же способом — выдергиванием цитат и «раскапыванием» их, как теста, до нужного размера — занимались партийные идеологи все это время? Подвергая критике мифы административной системы, мы полемизируем не столько с Лениным, сколько с теми, кто пытается его авторитетом подпереть мифы феодального коммунизма.

Но возникает еще один вопрос. Много ли найдется великих ученых и политиков, теоретическое наследие которых так легко повернуть то в одну, то в другую сторону? «Надергать» цитат, которые взаимно исключали бы друг друга? Не потому ли так легко было, скажем, В. Солоухину набрать высказываний Ильича для своей шумевшей брошюры «Читая Ленина» и столь же привольно «гулять» теоретикам вчерашнего дня, находившим у Ленина массу подсобного материала для своих псевдонаучных идей?

Между тем нынешний кризис в Африке — это еще и расплата за те иллюзии, на которых строились модели ее развития после получения независимости. Ответственность за него лежит не только на монополиях и империалистах, как мы привыкли верить, но и на тех, кто поощрял национализацию, рекомендовал делать упор на индустриализацию, создавать крупные экономические объекты, расширять госсектор.

Иные теоретики (многие из которых и не ступали на африканскую землю), подгоняя теорию под свои выкладки, возможно, искренне верили, что способствуют всеобщему благу. Но фактически ни одно из их предсказаний не совпало с реальностью. Обещанного ими роста в экономике и социальной сфере, как мы знаем, не произошло. Политическая стабильность осталась далекой мечтой. Вопреки их прогнозам обострились этнические, религиозные и другие противоречия. Причем некоторые страны (в том числе и избравшие так называемый «некапиталистический путь») за годы независимости превратились в зоны хронических внутренних конфликтов.

Позволительно задать вопрос: кто и что могло служить моделью для молодого, стремящегося к прогрессу общества? Наша страна, которая за свою историю уничтожила больше собственных граждан, чем любая другая за всю, видимо, историю человечества? Которая не может прокормить свой народ через семьдесят лет социализма? Или же «социалистические» примеры бывших диктатур Восточной Европы — Румынии, ГДР, Болгарии?

Нет, ученики, конечно, были. И они без сомнений ориентировались именно на эти модели. Со всеми вытекающими последствиями для своих народов. Они копировали не только структуру власти, но и «лучшие» черты внутренней и внешней политики своих наставников.

А что сами наставники? Часто «социалистическую ориентацию» определяли лишь по одному признаку — голосованию в ООН по нашим предложениям.

— Помилуйте, разве можно эту страну считать соцориентацией?

— Так они ж по Афганистану за нас голосовали!

— Ну, тогда я согласен.

Осенью 1989 года в Советский Союз приехала редактор довольно крупного южноафриканского журнала, издающегося для черного среднего класса. Милая молодая женщина впервые приехала в СССР. Свой репортаж она начала так: «Когда я собиралась в

СССР, меня предупреждали, что я могу умереть от голода, что в туалетах можно найти только «Правду»... Но к тому, что я увидела, я была не готова». МAUD Мотаньяне спрашивала меня, что же ей передать чернокожим южноафриканцам, которые на протяжении десятилетий считали СССР маяком нового светлого общества в самой Южной Африке?

— Знаете, в некоторых поселках улицы называют именем Москвы или Кремля. А тех, кто рассказывает о вашей перестройке и уровне жизни в СССР, называют предателями.

Что я мог ей ответить? Чем мог доказать превосходство нашей социалистической системы над ненавистным для борющегося южноафриканца капитализмом? Я было начал метать старые привычные козыри — при социализме нет безработицы, медицинское обслуживание бесплатно, за жильё мы отдаём символическую плату, образование доступно для всех, темпы экономического развития выше, демократия у нас для всего народа, — но вскоре остановился. Мне стало стыдно. И за себя, воспитанного на рефлексах системы, которая под страхом неминуемого и жесткого наказания требовала защиты всех своих «достижений», какими бы иллюзорными они ни были. И за наш народ, который, несмотря ни на что, верил, что нужно терпеть, что нужно работать — и тогда, возможно, мечты превратятся в действительность. И за наших вождей, которые обманывали не только нас, но и многие другие народы.

Мы постепенно отучиваемся от социального утопизма. Но сколько еще таких, кто продолжает навязывать свои железобетонные иллюзии, твердо веря, что и другие народы обязаны повторять чужие ошибки, чтобы через много лет прийти к горькому протрезвлению.

Во многих наших монографиях на африканские темы по-прежнему бушует то, что Евгений Евтушенко назвал «психозом переустройства мира». В одной из книг, изданной в 1988 году, я вновь прочитал, что в Африке «на нынешнем этапе важнейшей тенденцией является постепенное перерастание национально-освободительной революции в антикапиталистическую». Что африканцы «отвергают капитализм» и «начинают строить основы социалистического общества».

Неужели и сейчас, в этих катастрофических условиях, когда вопрос стоит о самом выживании Африки? Да, утверждают упорные авторы, именно сейчас, именно в условиях нищеты и разрухи. Потому что, объясняют они не смущаясь, чем беднее страна, чем основательнее всякие конфликты разрушили то небольшое, что там было, чем острее родоплеменные противоречия, тем охотнее народы тянутся к социализму.

Не правда ли, чудесная реклама для строя, который, как учили нас классики, должен стать высшей стадией развития общества! Трудно усмотреть в таких творениях скрытый сарказм — они вполне искренне борются с «капиталистическими тенденциями» методами героев платоновского «Чевенгура».

Миф о «некапиталистическом пути» живет и здравствует, несмотря на перестройку, несмотря на бурные события в Восточной Европе, да и в самой Монголии. Правда, публично эти термины уже намного реже употребляются даже те, кто приобрел докторские степени на этой «ориентации». Но поскольку нового штампа еще не придумали, само понятие продолжает существовать, используя выражение нашего модного экстрасенса, как бы между строк.

«... Предпосылки для строительства социализма как такового»

Году в 1987-м в одной из статей я обратил внимание на то, что в школьных учебниках тема развивающихся, в том числе и африканских, стран трактуется так же, как и десять лет назад. Помню разговор с одним издателем, ответственным за выпуск учебников. Он сказал тогда, что хотя дело это очень сложное, но через год-два все будет совсем по-другому.

И вот я открываю учебник «Новейшей истории» (1939 — 1988) для 11-го класса средней школы, изданный в 1989 году тиражом в 2 миллиона 834 тысячи экземпляров, и снова погружаюсь в мир мифов и лживой пропаганды.

Выпускникам 1990 года сообщают, что тех, кто идет по «пути капитализма» в Африке, ждет «социальное неравенство, постоянная угроза национальной независимости». Все те же «широкие народные массы» все так же видят, что «на пути капиталистического развития невозможно покончить с эксплуатацией», что «горстка богачей наживает огромные состояния». В таких странах все плохо: не решен аграрный вопрос, недостаточно разведаны сырьевые ресурсы, растет внешняя задолженность, «серьезные трудности создает быстрый рост населения, не находящего пока применения своим рукам», сохраняется огромная власть родоплеменной верхушки.

Совершенно другое дело в странах «социалистической ориентации». Путь социализма в Африке, оказывается, «обеспечивает подъем экономики и культуры, ликвидацию эксплуатации и нищеты, достижение материального благосостояния», средства производства там переходят «в руки народа», а созданные авангардные партии, «усваивающие и применяющие на практике идеи марксизма-ленинизма», ставят задачу «ликвидации эксплуатации человека человеком». В этих странах вообще все лучше: земля, дожди, даже крупная буржуазия, которая, еще не «народившись», уже охотно сдает позиции.

И тут же иллюстрации. О Мозамбике, где уже полтора десятилетия не прекращается гражданская война, где разрушена экономическая инфраструктура, где значительная часть территории контролируется вооруженной оппозицией, где сотни тысяч беженцев, выпускникам сообщается: «В Мозамбике осуществляется перестройка сельского хозяйства путем создания коллективных хозяйств и введения

государственного контроля над крупными фермами и плантациями». О конфликте — ни слова.

В Анголе — другой «положительный» пример — внутренний конфликт длится тоже около 15 лет. И в этой стране общество расколото на два враждующих лагеря, экономика находится в плачевном состоянии, число беженцев исчисляется сотнями тысяч и уровень жизни населения ужасающе низок. А учебник утверждает, что при поддержке СССР, Кубы и других стран социализма Ангола «одержала победу над империалистическими агрессорами» и «вступила в новый этап своего развития». Там все спокойно: «ограничена деятельность частного капитала, национализированы банки, ряд отраслей экономики, проведена денежная реформа».

А вот и ЮАР: «жестокая эксплуатация», «образование недоступно коренным жителям». Потрясающая новость: «По правительственной инструкции, детей африканцев следует научить «вести несложный разговор по-английски со своим работодателем». Это о стране, где африканцы учатся в университетах, где с каждым годом растет и укрепляется африканский «средний класс», а имена чернокожих писателей, поэтов и драматургов известны во всем мире.

Весь материал подается по старой, испытанной конфронтационной схеме: Запад грабит, вывозит, эксплуатирует, терроризирует.

Мы — помогаем, восстанавливаем разрушенное и награбленное, созидаем, поднимаем промышленность и сельское хозяйство (используя, видимо, наш богатый опыт).

«Каждая стройка, осуществляемая при содействии СССР и других социалистических стран, — привычно врет учебник, — превращается в школу по изучению передового опыта».

Можно, конечно, сказать, что учебники писать трудно, что хороших авторов найти трудно.

Но вот пособие для тех же выпускников, где подбор авторов просто великолепен: Ф. Бурлацкий, Э. Плетнев, А. Галкин, Б. Красин.

Это «Введение в марксистское обществоведение», изданное Политиздатом в том же 1989 году тиражом в 650 тысяч экземпляров.

В части, касающейся Африки, отличий от школьного учебника мало. То же разделение на «наших» и «иных».

В «плохих» странах «капиталистические отношения... подобно тяжким гилям, тянут их вниз, способствуя закреплению их неравноправного положения». В «хороших» — предпринимаются «попытки развиваться «в обход» капитализма, с тем чтобы спрямить путь исторического развития, выйти на рубежи, дающие возможность подхода к строительству социализма». Авторы приводят основные черты «некапиталистического развития»: власть в руках «революционно-демократических кругов»; ликвидация «засилья иностранных монополий и переход важнейших отраслей экономики в руки национальной секторы»; «активная антиимпериалистическая внешняя политика, курс на союз с силами мирового социализма»; «привлечение широчайших народных масс к участию в

управлении государством, всеми общественными, хозяйственными делами...»

Но это еще не все. Мы выясняем, что «некапиталистический путь» — это особый, «весьма длительный, исторический отрезок», в течение которого создаются «предпосылки для строительства социализма как такового».

Не правда ли, сразу вспоминается определение «развитого социализма» как «относительно длительного периода...».

В 1990 году выпускники средней школы по-прежнему заучивали пять признаков империализма — «загнивающий, умирающий, паразитирующий...». И, подобно нам, прошедшим через все это в конце 50-х годов, аккуратно записывали в тетради, что мы живем в эпоху «последней стадии капитализма». Только в отличие от нас уже совсем не верили учителям и учебникам.

Да и в высших учебных заведениях политэкономию социализма и капитализма преподается по-старому. В зимнюю сессию 1990 года студенты по-прежнему сдавали «научный коммунизм».

— Можете ли вы сказать, что в преподавании этих предметов произошли изменения? — обратился корреспондент ТВ к студенту МГУ.

— Почти никаких, — ответил тот.

Стоит ли нам удивляться, что слова «капитализм», «частная собственность», «рынок» пугают все еще очень многих наших граждан, включая народных депутатов? Мы ведь продолжаем изучать мир по трудам наших классиков.

Такой упорный отказ от объективной информации, нежелание смотреть правде в глаза, попытка, несмотря ни на что, свернуть в наезженную колею полуправды-полулжи приводит к многим печальным последствиям. Об одном из них мы особенно не любим говорить.

Чувствительны ли мы к цвету кожи?

В один летний воскресный день, жаркий и ленивый, в вагон московского метро вошла африканка в белой юбке в синий горошек и голубой куртке. Крупная, белозубая, веселая. С ней — ее спутник, крепыш в клетчатых брюках, зеленом пиджаке и черной шляпе с короткими полями, ну точно — парочка из пригорода Найроби или, скажем, Акры. В общем-то, как вы понимаете, для нашего времени ничего необычного.

Но вагон затих. Все взоры устремились на вошедших. Одна маленькая девочка широко раскрыла глаза, излучая радостный ужас, подобный тому, который появляется на детских лицах в зоопарке: тут и страх, и любопытство, и гордость за свою храбрость — ведь дикий же, может броситься в любой момент. Ее мамаша старалась отводить взор, стыдливой улыбкой как бы призывала на помощь других. Но другие, включая ее мужа, сами исходили страшным поразившим их наконец любопытством. Казалось, все ждали, что вот-вот что-то произойдет.

Но ничего, естественно, не произошло. Африканцы, весело смеясь и громко разговаривая, вышли через остановку, не заметив или постаравшись не заметить всеобщего паралича, который вызвало их появление. Они вышли, но напряжение в вагоне не спадало еще некоторое время.

Этот эпизод вызвал у меня в памяти множество полузабытых и свежих фактов и событий, связанных с нашим восприятием человека с черной кожей.

Вспомнились детские мечты о путешествии в африканские джунгли, где живут дикари, крокодилы и носороги, скрываются копи царя Соломона и хранятся следы таинственных пришельцев. Откуда-то из глубин вернулось страстное желание освободить бедного дядю Тома, бывшего африканца, и помочь доктору Айболиту.

Ожили раскачивающийся на лианах Тарзан с его знаменитым кличем — первое экранное знакомство с Черным континентом — и наши бесконечные игры в белокожего героя. Всем хотелось быть Тарзаном и никому — воинами племени габони.

Вспомнился фестиваль 1957 года, эйфория первых — незапрещенных! — контактов с иностранцами. Всех поразило обилие африканцев, которых большинство увидело впервые собственными глазами. Мы до безумия соревновались, кто соберет больше значков и автографов, обменивались адресами. Влюблялись!

Я вспомнил, как в середине 60-х годов провел месяц в спортивно-трудовом международном лагере на Украине, в маленьком городке. Старушки при виде африканцев приседали от ужаса, крестились и убегали. А молодежь, почувствовав в рослых и красивых чернокожих опасных конкурентов на местном рынке невест, через парламентаря предупредила, что после 8 вечера безопасность гостей не гарантируется. И одного все-таки поймали. Но побили несильно.

Всплыло и письмо африканского студента, опубликованное в «Комсомолке» в октябре 1987 года. Он жаловался, что несколько молодых людей выбросили стакан, из которого он попил газировки, заявив, что все негры больны СПИДом. А в другой раз, когда к нему подбежала маленькая девочка, мать истошно закричала: «Назад! СПИДом заразишься!»

Ну и уж совершенно неожиданно стройную хронологию воспоминаний нарушила выскочившая цитата из популярной брошюры об Африке, изданной в Москве в 1898 году: «При хорошем обращении негры легко привыкают к людям».

И вдруг подумалось: а так ли уж далеко мы ушли от того времени в своих представлениях об Африке?

Понимаю, вопрос может показаться кое-кому даже оскорбительным: как это так, в наш век космических средств информации, при том, что в каждой африканской стране у нас по корреспонденту, а то и по несколько! И мы туда ездим, и у нас тысячи африканцев живут. А сколько книг издано! А фильмы? А телевидение?!

Это верно, по «валу» мы, наверное, действительно обогнали многие страны. Но вот знаний от этого прибавилось маловато. Более того, застарелые стереотипы, связанные с расой, цветом кожи, географией, как это ни странно звучит, оказались почти не подавленными нашим интернационалистским воспитанием. То есть, конечно, в книгах и на экране — все мы, разумеется, «за». Но давайте прислушаемся к тому, как и что мы говорим об «инородцах» между собой. И не только дома, но и на работе. Какие анекдоты рассказываем.

Однажды я стал расспрашивать знакомых и малознакомых людей об их отношении к чернокожим. Меня поразило удивительное сходство реакций. Сначала большинство заявляло, что они солидарны с борьбой угнетенных африканцев, а потом признавались, что они в общем-то, как бы это сказать, ну, вы сами понимаете...

— Короче, не нравятся они нам!

— Почему?

— Ну, они какие-то не такие... черные совсем, — выкручивались собеседники, — запах от них какой-то не наш. Фарцуют. Девиц наших портят. Наглые, пьют много и вообще...

После этого я ставил вопрос ребром.

— Что ты? Что ты?! - пугались они. — Какой расизм?! Где ты видишь расизм? Мы просто их не любим, и все!

И некоторые еще долго обижались. Скажет тоже!

Один товарищ даже прочитал мне небольшую лекцию. У нас в стране, сказал он, гордящейся своими интернационалистическими традициями, подозревать такое по крайней мере безнравственно. Кому, как не нам, африканцы обязаны своей свободой? А как мы защищали американских негров? Вспомни историю. Да разве у нас, где дружно живет так много различных народов, такое вообще возможно? Вот ты скажешь — и сразу на Западе подхватят. Разве можно?

— Чепуха! — сказал другой. — Все так думают.

Некоторые в ответ на мои вопросы предлагали анекдотец. Да ты послушай, старик! Идет наш товарищ, совершенно трезвый конечно, и вдруг видит рыдающего чернокожего паренька, обнявшего дерево. «Что это с тобой?» — участливо спрашивает наш. «Домой хочу!» — сквозь слезы отвечает тот. Наш быстренько предлагает: «Хочешь, подсажу?»

А вот еще один, «ну очень смешной», как меня предупредили. Вслушайтесь внимательно: речь пойдет и о нас с вами, и о будущем африканцев: «После победы над расизмом в Южной Африке был поставлен памятник Чапаеву».

Осенью 1988 года научно-исследовательский центр при Советской социологической ассоциации опросил 850 москвичей, представляющих основные социально-демографические группы, об их отношении к расовым и национальным стереотипам. Свыше трети (35%) заявили, что расовые и национальные предрассудки у нас есть и свойствен-

ны многим. Почти половина (48%) считали, что такие предрассудки есть, хотя свойственны немногим. Лишь 11 процентов полагали, что их у нас нет.

65 процентов не одобрили бы брак своих близких с африканцами.

Любопытно, что из всех опрошенных только 7 процентов когда-либо имели контакт с африканцами.

Выпускница Томского университета, инженер-математик Елена Эбуа, вышедшая замуж за конголезца, написала в письме в одну из московских редакций:

«Помню, в 1980 году на преддипломной практике жила в московском студенческом общежитии. Так я там на негров без омерзения смотреть не могла. Из кухни уходила, когда они заходили, — такими они мне представлялись неопрятными, некультурными — противными, одним словом. И ведь никто и никогда не сделал мне плохо, а вот неприязнь, жуткая неприязнь была».

Многие изумляются: откуда, мол, это у нас? Ведь совсем недавно мы искренне верили, что такое отношение к чернокожим возможно только в «джунглях» Уолл-стрита. Фраза «А у вас негров линчуют!» долгое время была у нас старшим козырем, непобиваемым аргументом, которым мы парировали любые обвинения в наш адрес. Слава богу, у нас не линчуют. Но расхождения между публичными заявлениями и реальной жизнью остаются еще очень заметными.

Удивляться этому, конечно, не приходится. В какой-то степени это отражает наш сегодняшний средний, к сожалению, низкий культурный уровень. И продолжающийся дефицит на правдивую информацию о жизни других народов. И результат столкновения с действительностью наших идеализированных представлений об Африке: африканцы оказались совсем «не такими» — со своими недостатками, своими стереотипами поведения.

Это отражает и наше традиционное отношение к иностранцам. К тем, кто нас перегнал, — одно, а к тем, кто беднее, — другое.

Ну и сказывается пресловутый «квартирный вопрос», который, как однажды было сказано, здорово всех нас испортил. На других мы тоже смотрели сквозь призму наших бед и обид.

Вновь слово Елене Эбуа:

«Подсознательно невольно сказывался общепринятый стереотип, все эти мелочи, разговоры-наговоры, рассказы и анекдоты, все наше вековое невежество и неприятие. А зарождается все с детства, с той поры, когда малыш наивно в транспорте во все глаза разглядывает негра или спрашивает громко: «Мама, а почему дядя такой грязный?» А мама лишь сердито одергивает малыша: «Как тебе не стыдно! Ничего, он дома помоеется...» И ребенок, так и не поняв, за что ему должно быть стыдно, вырастает с каким-то внутренним ощущением, что негры — грязные, неприятные...»

Безусловно, к созданию ложных стереотипов приложила руку и наша пресса. Набор пропагандистских штампов о развивающемся ми-

ре, в частности об Африке, практически не меняется. Небольшие коррективы в подаче материала не способны изменить образ очень отсталого, все еще экзотического континента, который борется с превосходящими силами неокOLONиализма в основном с нашей помощью. В условиях нелегкой жизни такая помощь не может не вызвать глухого недовольства («Раздаем все направо-налево, а самим хоть зубы на полку клади!»). И приезжие из Африки видятся нахлебниками, а их непохожесть на нас — чуть ли не вызовом.

Однажды я получил письмо от калужского врача, который так и ставил вопрос:

«Получается, что мы им только помогаем и помогаем — строим, учим, лечим. А имеем ли что взамен, чем возвращаются наши вложения и возмещают ли нам их вообще? Об этом ни слова или очень глухо, невнятно. Такое только порождает недоумение и даже возмущение, что народные деньги идут не туда».

Так стоит ли удивляться, что в результате всего этого представители развивающихся стран, особенно из Африки, начинают играть роль дополнительного социального громоотвода? Что в условиях безгласия и застоя копившееся народное возмущение беззаконием и бесхозяйственностью стало выливаться и на их головы?

При этом многие собственные грехи мы стали огульно приписывать и им. Ленивые? В африканском обществе за леность карали всегда. И сейчас бездельник — редкость. Фарцовщики? Да, есть среди студентов такие, кто наживается на спекуляции и контрабанде. Но давайте посмотрим на эту проблему шире: стали бы этим многие заниматься, если бы не было огромного всепоглощающего рынка? Увозят наших девушек? А что в этом криминального? Подобные жалобы — отголоски того времени, когда и на любовь пытались наложить запрет. Мы не очень-то беспокоимся, когда «интердевичка» выходит замуж, скажем, за шведа, кое-кто даже радуется за нее. А почему не за конголезца? Много неудачных браков? Ну а у нас разве все браки счастливые?

Задумываемся ли мы о том, какой образ нашей страны и народа создается в сознании приехавших из далеких жарких стран парней и девушек, которые рвались в страну победившего социализма, чтобы узнать, что такое общество без эксплуатации, где все равны, где «человек человеку — друг, товарищ и брат»? С какими чувствами они уезжают назад, что рассказывают дома о нас и как начинают относиться к нам их друзья и друзья их друзей?

Те, кто бывал в африканских странах, порой удивляются, что отношение к нам, представителям великой страны, несколько иное, чем мы того ожидаем. Но можем ли мы рассчитывать на нечто другое, если ничего не изменится в наших отношениях с африканцами в России?

Вот выдержка из письма в редакцию московской газеты нигерийского студента, обучающегося на факультете журналистики Алма-Атинского университета:

«Как только я открыл дверь (в кафе), девушки, сидевшие за одним столиком, начали смеяться, показывать на меня пальцами и отпускать шутки... Вскоре все внимание присутствующих было обращено на меня. Одни тоже стали смеяться, другие просто рассматривали меня — единственного черного человека в этом кафе... Это лишь один случай из множества других, свидетелем которых я был после того, как я приехал сюда год назад... Знаете ли вы, что это такое, когда на улице тебе кричат вслед: «СПИД! СПИД!»

Другой студент, живущий в Москве, провел любопытный психологический опыт. Как-то раз, когда несколько молодых людей издевательски засмеялись при виде его, он сказал им, что он — американский негр. И те немедленно прекратили ржать, приняли заинтересованный вид и стали расспрашивать о Стиве Уандере, Майкле Джексоне и т.д. Почему? — спрашивает он. И сам же отвечает: потому что дружба между нашими народами в основном преследовала только цели пропаганды.

До чего же мы дошли, если заезжаем черному певцу из Южной Африки наша столица, в недавнем прошлом «образцовый коммунистический город», представляется странной смесью «Лагоса, Конакри и Претории 60-х годов»! Масштабы коррупции ему напомнили капиталистическую Нигерию, степень бюрократизации — строящую социализм Гвинею, а «латентный расизм» — белую Южную Африку.

Хью Масекела, музыкант из всемирно известной группы Пола Саймона, во время коротких гастролов в Москве побывал в общежитии университета им. Патриса Лумумбы. Вот что он сказал:

«Ребята живут в отвратительных условиях... Они рассказали нам, что их часто обзывают обезьянами».

Все удручает в этих историях. И растущее остервенение наших сограждан, готовых буквально разорвать на части потенциального виновника своих невзгод. И совершенно непонятное равнодушие к этим чудовищным, принимающим масштабы эпидемии фактам со стороны тех, кто обязан по долгу службы следить за соблюдением законов, в том числе и самых свежих, карающих за разжигание расовой ненависти.

Не надо полагать, что неприязнь к чернокожим ограничивается только улицей или студенческими общежитиями. Общественная нравственность упала столь низко, что с такими фактами можно столкнуться даже в тех учреждениях, которые непосредственно занимаются внешними связями. Служащий министерства, прямо отвечающий за контакты с африканскими студентами, в разговоре со мной назвал их «макаками» и не увидел в этом ничего дурного, когда я попытался его урезонить. Другой, помоложе, только что выпорхнувший из уютного института и тоже занимающийся Африкой, отозвался о них как о «нахлебниках». И тот и другой, впрочем, в чисто оруэлловском духе умели красиво говорить об «интернациональном долге советского человека», о «нерушимой дружбе с борющимися народами Африки».

Мы не любим в этом признаваться. Что ж, никто не любит. Этот «маленький грязный секрет», как однажды назвала подобное явление на Западе американская журналистка Мэг Гринфилд, очень портит наш респектабельный вид, нашу цивилизованность. Мою статью о проявлениях расизма в СССР даже в условиях гласности на четвертом году перестройки не смогли напечатать «Литературная газета», «Московские новости» и «Огонек». Каждый раз, когда ее набирали и ставили в номер, неизменно следовал «руководящий звонок» с соответствующей площади, и передо мной извинялись, просили «подождать до лучших времен». После очередного такого извинения — а это было весной 1989 года — я попросился на прием к одному значительному лицу, ведавшему вопросами пропаганды.

Он взял синий карандаш и стал читать, отчеркивая «непроходные» места. К концу чтения среди множества синих «минусов» сиротливо жался маленький крестик — около абзаца, где говорилось о работе нашей прессы по Африке.

— Вот про это и напишите! Можете развернуть, дать панорамно.

— А как же расизм? — заикнулся я.

— А вот про это не надо, — быстро откликнулся мой цензор. — На нас и так уже достаточно грязи вылили за последнее время.

Но тревожные сообщения не прекращались. Группа молодежи в одном южном городе напала на студентов из развивающихся стран. Имелись жертвы. В Москве участились нападения на дипломатов из Африки — грабежи квартир, машин с посольскими номерами, несколько случаев избиений. В довольно крупном городе, опять же на юге, у нескольких африканских студентов заподозрили СПИД. Весть об этом просочилась через ненадежные врачебные фильтры и мгновенно облетела весь город. Тысячи людей вышли на улицы, требуя немедленной высылки всех чернокожих из города. Вот откуда идет опасность нашему благосостоянию! Местные власти силой доставили подозреваемых студентов в аэропорт и в нарушение всех законов затолкали в самолет. А пассажиры самолета, говорят, в страхе выбежали, опасаясь заражения.

В чем искать причины такого остервенения? В немалой степени — в мифе о «нерушимом единстве» всех угнетенных сил во всем мире именно с нами.

И конечно, есть прямая связь между разгулом экстремизма на национальной почве и все более жестокими вспышками расизма. Навивно думать, что современные погромщики стремятся уничтожить только «своих» заклятых врагов по религии и крови. Чернокожие для них становятся одной из мишеней.

Расизм в СССР превратился в реальность. С ним нужно бороться, используя всю строгость наших законов.

Интернационализм не рождается из лозунгов. Нам многое предстоит менять в себе и в нашей жизни, чтобы проблемы, подобные этой, рожденные в застойные и предзастойные времена, не отравили будущее наших детей.

Новые мифы?

Изгнание мифов из некоторых сфер, связанных с международной жизнью, внешней политикой, происходит трудно. Утверждение принципа гласности сдерживается сохраняющейся невозможностью, а часто и нежеланием высказываться по целому ряду важнейших проблем. Многим мешает говорить своим голосом отсутствие глубоких знаний этих проблем. А некоторым по-прежнему «насильственное бремя рабства» милее «излишнего дара свободы». Но дело не только во внутреннем механизме торможения. Этот механизм в нашем обществе, как мы все знаем, вполне реален, и его сопротивление перестройке становится все ощутимее. Это люди крепкого закала. Они ждут удобного момента, чтобы положить конец «гнилому либерализму».

Они борются против демократии всеми доступными им средствами. Чиновничьи перьями, мафиозными законами, кастовыми интересами. Они используют любую неудачу, любой промах, стремясь вызвать ярость неудовлетворенных масс и направить их против перестройки. И между прочим, в их руках сохраняются мощные рычаги влияния, в частности у тех, кто занимается международными делами.

Они пишут статью на международные темы со всеми атрибутами прошлой эпохи. И ее печатает сочувствующий им редактор. И у вас, читатель, она вызывает такое же отвращение, как и раньше. И вы говорите, что вот, верно говорят: ничего не меняется, все одни слова...

Они шлют депеши о положении в чужих странах и приписывают, что, с одной стороны, все просто задыхаются от счастья при одном слове «перестройка», но с другой — предупреждают «по-товарищески», что завоевания социализма в СССР ставятся под угрозу. И такая бумага попадает на чей-то руководящий стол. И чья-то рука очеркивает синим карандашом последние строки. И в своем докладе еще кому-нибудь повыше можно прибавить: правду говорят, надо бы не спешить.

Они публикуют научные статьи, где убедительно доказывают, что вся критика — это сплошь очернительство и что в годы «нарушений законности» были светлые страницы, была и дисциплина, и здоровая мораль населения. И их поддерживают не так уж малочисленные граждане, охочие до прежних порядков.

Они начинают сплетать новые мифы — чтобы поскорее поставить их вместо исчезнувших. И мы снова начинаем верить в них и повторять как догмы.

Совершенно ясно, что успех перестройки зависит от того, сумеем ли мы победить эти силы. В сложной, быстро меняющейся экономической и политической ситуации в мире успех или провал нашей перестройки определит и наше место в современных международных отношениях, войдем ли мы в число лидеров мирового прогресса или же закрепимся в привычной, но роковой для себя и для других роли отсталой сверхдержавы.

Но и положение в «третьем мире», в том числе в Африке, будет во многом зависеть от того, будет ли эффект от наших реформ, укрепит ли доверие к нашей политике.

Африка стала одним из наиболее крупных разочарований второй половины XX века. Но это в значительной мере закономерное разочарование, лишний раз подтвердившее опасность легкомысленного отношения к законам исторического развития, недооценки фактора взаимозависимости мира.

Трагедия Африки открыла нам глаза на многие вещи. При новом историческом освещении начали таять и исчезать мифы, связанные с Африкой, рушатся привычные стереотипы. Сегодня не только африканцы, но и все мы начинаем задумываться над такими вопросами, которые раньше если и возникали, то не выходили за рамки узких дискуссий.

Мы увидели, что надежды на то, чтобы «спрямить» путь от одной формации к другой, «перескочить» через фазы развития оказались не более чем утопией.

Мы убедились, что в современной ситуации любая война, даже из разряда тех, что вчера мы называли «справедливыми», может стать тем стартовым выстрелом, который ввергнет человечество в хаос. Оказалось, что к самым застарелым и непримиримым конфликтам можно подобрать политические ключи и, действуя сообща, повернуть вспять колесо конфронтации.

Мы становимся свидетелями того, что в условиях экономического и экологического кризиса меняется вся концепция безопасности. Против голода, нищеты, болезней, нашествий саранчи, наступления пустынь, деградации плодородных почв бессильны самые современные вооружения. Фактор силы, тем более военной, становится в такой обстановке все более бесперспективным.

Мы приходим к пониманию того, что продолжение огромных поставок вооружений в африканские страны в то время, когда кризис принимает континентальные масштабы, противоречит общечеловеческим моральным ценностям и в долгосрочном плане может подорвать усилия по гуманизации международных отношений.

Трагедия Африки помогла нам вновь осознать неделимость и взаимосвязанность мировых процессов. Нестабильная и нищая Африка будет постоянным источником напряженности в международных отношениях. С другой стороны, успех в борьбе за ее спасение зависит от того, удастся ли крупным державам растопить айсберги «холодной войны».

Взаимосвязь проявляется и в том, что на разрядку все в большей степени будет влиять идеологическое отражение этих процессов в развивающихся странах. Задача выживания вряд ли сможет быть решена, если Африка останется равнодушной к новому политическому мышлению.

Но есть ли пока у нас достаточные основания утверждать, что наши — и их — приоритеты совпадают? Не выдаем ли мы желаемое

за действительное, принимая положительную реакцию части политических кругов за истинное отношение народов? По старой привычке, как у себя дома, мы завышаем оценку состояния общественного сознания в далеких странах. Между тем африканцы живут по своим законам, у них иная шкала ценностей.

Мы верим — и тут мы абсолютно правы, — что перед ядерной и экологической угрозой меркнут все остальные проблемы. Но как втолковать это эфиопскому крестьянину, десятилетиями живущему мыслью о выживании в условиях непрекращающегося голода? Как объяснить ангольцу, для которого страх погибнуть от случайной пули или мины заслоняет все остальное, что именно та угроза — главная? Согласится ли с этим южноафриканский безработный, для которого выживание — синоним победы в войне против правительства?

Голодному, униженному, лишенному надежды думается не о планетарных приоритетах. Его не страшит перспектива всемирного катаклизма. По сравнению с реальными страданиями, которые сопровождают его жизнь от рождения до смерти, любые отдаленные угрозы покажутся ему в лучшем случае мифом. И много найдется таких, кто обрадуется возможности отомстить тем, кого он считает виновником своих бедствий или врагом своей религии, своей расы, своего племени.

Сегодня мы уже не говорим, что мирное сосуществование и разрядка являются «особой формой классовой борьбы». Мы пришли к осознанию того, что борьба между различными общественно-политическими системами не может, не должна определять дальнейшее развитие человечества, потому что это — тупиковая тенденция, ориентация на самоуничтожение. И тезис о примате общечеловеческих интересов нам представляется совершенно обязательным.

Но «бедным миллиардам» современный мир видится как некая система глобального апартеида, в которой богатое меньшинство решает свои проблемы за счет бедного большинства. И не должно удивлять поэтому, что наши идеи они воспринимают с подозрением.

Для осмысления новых процессов прошло слишком мало времени, чтобы мы могли всерьез рассчитывать на положительные результаты. Напротив, быстрый и для многих неожиданный отход сверхдержав от политики конфронтации делает неизбежным недоверие и непонимание сущности и целей курса на оздоровление международных отношений. Вполне объяснимы с этой точки зрения подозрения в искренности стремления западных держав идти по пути создания справедливого международного экономического порядка. Или недоумение по поводу доминантной роли общечеловеческих интересов.

В развивающихся странах в этой связи возникает много трудных вопросов. Как быть с мировым революционным процессом, который еще недавно занимал центральное место в советской внешней политике? Не означает ли деидеологизация межгосударственных отношений отхода от поддержки интересов освободившихся стран? Примечательно в этой связи высказывание ангольской газеты «Журнал ди Ан-

гола», сделанное в начале 1989 года: «Недопустимо, чтобы растущая гуманизация и деидеологизация отношений между военно-политическими системами Востока и Запада распространялась на их подход к региональным конфликтам, часть из которых подогревалась разногласиями между этими системами».

Долгосрочные прогнозы редко доживают до срока: чем дальше мы углубляемся в будущее, тем менее понятным оно становится, тем больше число непредвиденных факторов.

Но мы сможем избежать очень многих крупных неприятностей, если по крайней мере не станем повторять тех ошибок, которые неоднократно совершались в прошлом. Большая их часть происходила из-за элементарного непонимания процессов, происходящих в Африке, неверного толкования возникающей ситуации, использования при анализе недостоверной информации. Искаженные факты и представления не раз ложились в основу решений, которые создавали кризисы в международных отношениях, способствовали ухудшению, иногда значительному, обстановки в том или ином регионе. Подобных примеров в XX веке были десятки. Мы обманем себя, если скажем, что в нынешнем мире возможен достаточно быстрый переход к всеобщей стабильности, к устойчивому равновесию интересов. Из сегодняшнего дня пока не видно признаков новой, более справедливой цивилизации.

Мы убедились наконец, что коротких путей к процветанию в Африке нет и не будет. В нынешних критических условиях уже нет времени — и смысла — спорить о том, чья модель развития лучше. Оставив идеологические споры для университетских аудиторий, страны мира должны принять срочные меры, чтобы затормозить распространение голода и нищеты, остановить дальнейшее сползание Африки к экономической, экологической и политической катастрофе. Нужно быть реалистами: пока человечество не откажется от безумной расточительности, от сознательного программирования голода и нищеты на большей части планеты, от бессмысленного идеологического соперничества, до тех пор мир останется таким же разделенным и враждебным, как прежде, и никакие политические меры оздоровления не принесут пользы. И сегодняшнее время надежд окажется лишь короткой передышкой перед новым, еще более страшным циклом конфликтов и конфронтации.

Советский Союз и «третий мир»: политика и нравственность

Исторический опыт, столетиями накапливавшийся мировым обществом, включает ряд уроков, имеющих универсальный характер. Один из них гласит: пограние государством моральных императивов в своей внешней политике рано или поздно оборачивается для него серьезными издержками, в том числе внутренними. Лишь очень немногим государствам удалось своевременно усвоить этот урок. Советский Союз, к сожалению, в их число не попал.

Сегодня в обществе остро обсуждаются пакт Риббентропа — Молотова, ввод в Афганистан в 1979 году контингента советских войск, лукаво названного тогда ограниченным. Обсуждается вопрос о роли Советского Союза в событиях в Чехословакии в августе 1968 года. Активно стал дебатироваться в прессе вопрос о советской помощи, прежде всего военной, странам «третьего мира». Причем все эти вопросы рассматриваются с точки зрения их соответствия не только советским национальным интересам, но и общепринятым моральным нормам. Но разве только этими внешнеполитическими акциями ограничивалась присущая в прошлом советской политике практика игнорирования нравственных принципов?

Сегодня в активе перестройки во внешнеполитической сфере — разрядка международной напряженности, начавшееся сокращение ядерных арсеналов, вывод войск из Афганистана. Именно благодаря нашей перестройке мир начинает избавляться от угрозы ядерной катастрофы. Глубинный характер перемен во внешней политике диктуется поставленной перед ней задачей возвращения к общечеловеческим ценностям, а значит, и к приоритету моральных норм. Вместе с тем, если действительно ставится цель «органического воссоединения политики, направленной на защиту интересов страны, с нравственностью», как отмечено в постановлении Первого съезда народных депутатов СССР, то советскому внешнеполитическому ведомству следует признать, что пока еще делаются только первые шаги на этом пути. Потребуются огромные усилия, чтобы избавиться от догматических представлений об окружающем мире. Еще предстоит преодолеть трудности, связанные с критическим переосмыслением истории советской внешней политики. А трудности будут неизбежны не только

на международной арене, но и внутри страны, поскольку десятилетиями советским людям внушалась убежденность в непогрешимости практически любых внешнеполитических акций государства. С точки зрения аппарата, всякие публичные рассуждения на эти темы не должны были выходить за рамки известного лозунга «Миролюбивую советскую внешнюю политику поддерживаем и одобряем». В результате у общества выработался устойчивый иммунитет против критического взгляда на эту сферу. Когда сегодня речь заходит о советской истории, мало кто из граждан страны усомнится в реальности преступлений сталинщины или в преступных деформациях брежневского периода. Однако стоит лишь затронуть внешнюю политику прежних лет, как сразу срабатывает стереотипный подход в духе «поддерживаем и одобряем». Это и не удивительно, если вспомнить, какой существовал широкий набор методов идеологического «воспитания», чтобы заставить целые коллективы аплодировать, голосовать, писать петиции в поддержку ввода войск в Чехословакию, Афганистан, превращая их тем самым в косвенных соучастников этих акций.

Не дремлет сегодня и аппарат, включая тех, кто так или иначе был причастен в прошлом к практической реализации этой политики. При этом, правда, мало кто из аппаратчиков берет на себя труд взвесить, всегда ли эта «интернациональная помощь» отвечала национальным интересам тех, кому она предназначалась. Какой бы резкой критике сегодня аппарат ни подвергался, всех своих возможностей воздействовать на массовое сознание он еще не исчерпал. В обществе, где не одно поколение было воспитано на мифах, его идеологические заклинания, видимо, долго будут находить свою аудиторию.

И все-таки никуда не уйти от той простой истины, что между внутренней и внешней политикой существует нерасторжимая связь. От правительства, проводящего в своей стране политику, несовместимую с принципами гуманизма и справедливости, вряд ли стоит ожидать гуманной и справедливой внешней политики. Если внутри страны политика была преступной, то она никак не могла быть иной и за ее пределами и уж во всяком случае не имела ничего общего с нравственными принципами.

Практически на всех исторических этапах с 1917 года приоритетными для внутренней и внешней политики СССР оставались идеологические постулаты, многие из которых сохранялись с революционного периода. Из этого идеологического арсенала самой живучей оказалась идея революционного насилия, которая своими корнями уходит во времена Великой Французской революции, когда во имя «высшего блага народа» якобинская диктатура перешла к практике массового «революционного террора». Первоначально эта идея воплотилась у нас в установке на мировую революцию. В дальнейшем, когда стало очевидно, что расчетам на коренные социальные перемены в крупнейших странах Запада не суждено оправдаться в ближайшем будущем и молодое Советское государство вынуждено будет в течение неопределенного периода времени сосуществовать с миром капи-

тализма, эту установку пришлось убрать из официального лексикона. Однако формальный отказ от нее вовсе не означал изменений в сложившемся подходе к тем международным силам, которые у нас было принято относить к разряду классовых противников. Хотя после XX съезда КПСС откровенная идеализация революционного насилия, столь характерная для начальных этапов истории Советского государства, стала постепенно приглушаться в официальных документах, тем не менее приоритетность классового подхода оставалась незыблемой, в том числе и во внешнеполитической сфере. Идеологическая зашоренность сложившегося взгляда на внешний мир породила постулаты о борьбе двух мировых систем как определяющей черте современной эпохи и мирном сосуществовании как форме классовой борьбы.

Если исходить из того, что нравственность применительно к внешней политике предполагает гуманистическое восприятие окружающего мира, то совершенно очевидной представляется несовместимость с ней идеализации революционного насилия. Приверженность к насилию требовала своего обоснования, а точнее оправдания. Предпринимавшиеся в этой связи еще в 20-е годы, да и в последующие периоды попытки изобрести собственную «особую» мораль оказались, естественно, бесплодными, поскольку неверна была сама исходная установка. Ведь по своей природе мораль выражает общечеловеческие ценности, но отнюдь не те, что присущи только одному классу или одному строю, как это утверждалось господствующей в нашей стране идеологией.

Противоборство с империализмом на всех этапах оставалось доминантой советской политики. Однако, рассматривая политику под этим углом зрения, следует иметь в виду, что для подобного отношения к Западу у советского руководства существовали собственные веские основания. Враждебность в подходах друг к другу практически на всех этапах была обоюдной и в нагнетание конфронтационных настроений Запад также внес немалую лепту. Органически присущий его политике антисоветизм, какие бы доводы в его оправдание ни приводились, никак не свидетельствовал об ориентированности политики Запада на нравственные нормы и ценности.

Вопрос об антисоветизме как факторе, оказывающем крайне пагубное воздействие на всю систему международных отношений, постоянно находился у нас в центре внимания. Возвращаться к этой теме и повторять известные вещи было бы нецелесообразно. Хотелось бы только отметить, что при всей резкости осуждения антисоветизма в Москве старательно избегали вывода о том, что используемые Западом методы аморальны по своей сути. Более того, крамольной считалась сама мысль о том, что если идеологические и политические противники Советского Союза опускаются до их применения, то это никак не может служить оправданием для действий теми же самыми методами. Игнорирование обеими великими державами нравственных принципов в своей внешней политике,

отказ от тех моральных ориентиров, благодаря которым даже в самых сложных ситуациях сохраняется возможность удерживать международные отношения в рамках цивилизованности, — все эти факторы привели в конечном счете к биполярному разделению мира. В результате конфронтация на глобальном уровне неуклонно приближалась к той грани, за которой неминуемо должна была грянуть катастрофа для всего человечества.

Начиная с 50-х годов ареной ожесточенного американо-советского противоборства стал «третий мир». Добившиеся независимости африканские и азиатские государства оказались перед выбором, каким путем идти в своем социальном развитии, какой политической ориентации отдать предпочтение. Как Соединенные Штаты, так и Советский Союз усиленно использовали этот решающий судьбы молодых государств этап для оказания на них воздействия. При этом каждая из великих держав делала ставку на то, чтобы перетянуть их в свой лагерь. Мнение самих этих стран в расчет практически не принималось.

Здесь необходимо сделать оговорку. Советская политика в «третьем мире», как, впрочем, и политика Запада, сочетала в себе сложные, многогранные и во многом противоречивые тенденции. Поэтому сводить политику обеих великих держав к примитивному навязыванию диктата было бы неправомерно. Предпринимая усилия по налаживанию дружественных отношений с рядом государств Азии и Африки, Советский Союз стал с 50-х годов оказывать им экономическую помощь, и в немалом объеме. На хронически большой советской экономике ощутимо сказывалось строительство гигантских предприятий в Азии и Африке. Вместе с тем советское руководство уже тогда отдавало себе отчет в том, что выиграть соревнование с США в «третьем мире» главным образом на экономическом поприще будет ему не под силу. Поэтому упор был сделан на политические и идеологические методы. На практике это означало форсирование революционных ситуаций, сопровождавшееся клятвенными заверениями в неприемлемости для нас такой практики, как экспорт революции. На протяжении семидесяти лет у советского руководства не было принято задумываться о цене, заплаченной собственной страной за революцию, поэтому его не волновал вопрос, во что обойдется странам «третьего мира» путь революционных преобразований, для которых в большинстве случаев еще даже не начали созревать предпосылки. В этой связи следует заметить, что подход великой державы к развивающейся, как, впрочем, и к любой другой стране, можно лишь тогда назвать гуманным и нравственным, когда он полностью исключает политическое давление, какой бы щедрой помощью оно ни обставлялось.

«Скажи, кто твой друг...»

Противоборство с империализмом в зоне «третьего мира» требовало особого подбора союзников. Советские журналисты-междуна-

родники любили в прошлом обыгрывать крылатое высказывание президента США Ф. Рузвельта о никарагуанском диктаторе Самосе-старшем: «Это сукин сын, но это наш сукин сын». Что и говорить, среди американских ставленников было предостаточно «зоологических» экземпляров. Однако разве и Москве не случалось своей помощью, в том числе военной, укреплять такие режимы, поддержка которых никому чести бы не сделала? Слова Рузвельта о Самосе прозвучат, пожалуй, слишком мягко, если их применить к угандийскому диктатору Иди Амину, с которым, несмотря на его людоедскую (и не только в переносном смысле) политику, у СССР были весьма неплохие отношения. Привлекательным в диктаторе было только то, что он яростнее других предавал анафеме империализм, руководствуясь, правда, не столько политическими, сколько расовыми соображениями.

Безусловно, по одному И. Амину нельзя судить о связях Советского Союза с правящими режимами в «третьем мире». Убедительными примерами искренней дружбы считаются отношения со многими выдающимися лидерами национально-освободительного движения. Общеизвестно и реальное содействие ряду молодых государств в деле укрепления политической и экономической независимости. Эта сторона советской политики высоко оценивалась в «третьем мире». Тем не менее, если рассмотреть в целом прошлый подход к режимам, зачисленным нами в разряд прогрессивных, то придется признать, что объективность и принципиальность отнюдь не являлись его характерными чертами.

Помощь «третьему миру» превратилась для Советского Союза в предмет особой гордости. Случалось, что собственная оценка этой помощи явно превосходила ее реальную эффективность. Наметилась даже тенденция приписывать себе решающую роль в развале колониальной системы и выходе молодых государств на международную арену в качестве самостоятельного фактора. Достаточно вспомнить весьма популярный в 50—60-е годы лозунг «Октябрь шагает по планете». В Москве твердо уверовали в то, что советская помощь и поддержка не только спасает «третий мир» от оков неоколониализма, но и способствует его превращению в огромный плацдарм антиимпериалистической борьбы. При этом даже не возникал вопрос о том, заинтересованы ли сами эти страны немедленно подключиться к подобной борьбе или они предпочитают сосредоточиться на более прозаических делах, например на поисках выхода из своего буквально нищенского состояния. Завышенная оценка собственной «исторической миссии» в «третьем мире» порождала искаженные представления о тех режимах, с которыми налаживались дружеские связи. Стремление поскорее ощутить результаты своих усилий нередко мешало разглядеть реальный политический профиль этих режимов, а поспешность в оценках и выводах приводила к тому, что военные перевороты и путчи иногда принимались за антиимпериалистические и прогрессивные революции.

Перспективными считались те лидеры, которые если уж клеймили империализм, то по полной мерке, обвиняя его во всех «третьемирских» бедах и несчастьях. Причем звучал как неуместный вопрос о наличии сколько-нибудь позитивной программы за всей этой антиимпериалистической риторикой. Проклятья в адрес империализма признавались вполне достаточным позитивом, чтобы определять отношение к исторгавшему их лидеру. Этот критерий оставался главным при выборе друзей слишком долго, чтобы от него можно было отказаться сразу же с провозглашением принципов нового политического мышления. Советская пресса до сих пор не может избавиться от своей старой привычки говорить правду о лидерах дружественных стран только после того, как они оказываются сметены в результате очередного переворота.

Как известно, жена Цезаря должна быть вне всяких подозрений. Так и с друзьями Советского Союза в «третьем мире». Если уж мы объявляли их борцами с империализмом, то тем самым распространяли на них «презумпцию безгрешности» и никак не могли признать, что кое-кто из них способен допускать во внутренней и внешней политике серьезные отклонения от общепринятых норм поведения. Поскольку у нас самих сложилось, мягко говоря, своеобразное понимание демократии, мы подчас просто закрывали глаза на нарушение некоторыми режимами элементарных демократических норм. Даже когда репрессиям подвергались местные коммунисты, реакция Москвы в большинстве случаев была настолько невнятной, что не оставалось сомнений в нежелании Советского Союза ссориться с дружественными режимами по таким поводам и терять союзников. Сколько не оправдывая такую позицию ссылками на невмешательство во внутренние дела другого государства, представить ее нравственной все равно невозможно. Укреплению международного престижа Советского Союза она, конечно, никак не способствовала.

С первых шагов проведения активной политики в отношении «третьего мира» советское руководство всякий раз, начиная налаживать тесные контакты с тем или иным государством, неизменно пыталось создать видимость того, что его правящий режим близок к нам и по своей политической платформе и по своим социальным задачам. Почти все эти государства чуть ли не огульно зачислялись в разряд идущих по пути некапиталистического развития или даже избравших социалистическую ориентацию, что в большинстве случаев совершенно не соответствовало действительности. Старательное «гримирование» этих режимов было рассчитано главным образом на «внутрисоветское пользование». Оно должно было хоть как-то объяснить своим соотечественникам, чем же в конце концов была вызвана необходимость выполнения подобного «интернационального долга», когда значительные средства отрывались от нужд собственного экономического и социального развития и направлялись на оказание помощи этим государствам.

Особенно тщательно скрывались идеологические разногласия с друзьями из «третьего мира», хотя именно в сфере идеологии разрыв с ними был как нигде велик. Как стало известно из египетской мемуарной литературы, острые разногласия между Н. С. Хрущевым и Г. А. Насером сохранялись даже в наилучшие для советско-египетской дружбы времена в середине 60-х годов. Так, горячие споры по проблеме соотношения марксизма и арабского национализма разгорелись в ходе помпезного визита Хрущева в Египет в мае 1964 года. Однако такие споры оставались в советско-египетских отношениях закулисным элементом, который тщательно скрывался от советской, египетской, да и всей мировой общественности. Видимой частью отношений оставались огромная советская помощь Египту (строительство Асуанской плотины), твердые обещания поддерживать справедливую борьбу египетского народа против империализма и проимпериалистической агентуры на Ближнем Востоке (под агентурой египетское руководство неизменно подразумевало Израиль), пылкие объятия лидеров двух стран и вручение Хрущевым звезд Героя Советского Союза египетскому президенту и его ближайшему другу и заместителю маршалу Амеру.

Практика искажения фактов, если они не соответствовали создаваемому в Москве образу кого-либо из наших «третьемирских» друзей, была доведена буквально до абсурда во времена Брежнева. Советские официальные представители научились, что называется, не краснея объявлять черное белым и при этом бурно негодовать, когда их уличали в фальсификациях. В пропаганде, предназначенной для внутреннего пользования, это практиковалось еще более откровенно, поскольку здесь не требовалось ограничивать себя рамками дипломатии, да к тому же общественность не имела альтернативных источников информации, чтобы сформировать собственное мнение.

Долгое время советскую политику компрометировала двойственная позиция в отношении международного терроризма. В словесных осуждениях терроризма Советский Союз, пожалуй, не уступал Западу. На деле же в Москве различали только государственный терроризм, т. е. агрессивные акции самого Запада и его союзников в отношении «третьего мира» либо бандитские выходы мелких экстремистских групп. И хотя жертвами экстремистов в первую очередь оказывались граждане западных стран, в этих случаях вина сваливалась на тот же империализм. Когда же вскрывалась причастность к терроризму кого-либо из «третьемирских» друзей Советского Союза, то как бы достоверны ни были факты, считаться с ними демонстративно отказывались. Если обычная версия о происках агентуры империализма не проходила, то в ход пускались высокопарные, но малоубедительные рассуждения насчет возрастающей агрессивности империализма и его пособников, заставляющей антиимпериалистические силы прибегать к крайним формам борьбы. В этой связи на Западе распространялось мнение, что Советский Союз инспирирует терроризм. Соответственно, и само это явление приобретало зловещий оттенок крас-

ной угрозы. Тут уж становилось не до выяснения его истинных причин и истоков.

На Западе издано немало исследований, посвященных связям и сотрудничеству советских «спецслужб», а попросту говоря КГБ, с международными террористическими организациями. У нас, естественно, эта тема всегда оставалась за семью печатями. Однако появившаяся в последнее время информация дает определенную пищу для размышлений. Так, в Венгрии и Восточной Германии летом 1990 года были начаты официальные расследования в отношении ряда ответственных лиц из состава бывших местных правительств по подозрению в содействии международным террористам и, в частности, предоставлении им в 70-х — начале 80-х годов убежища на территории своих стран. Если обвинения будут доказаны, то тогда станет правомерной постановка и другого вопроса — могли ли деятели коммунистических партий Восточной Европы решиться в те годы на такой сопряженный с риском международного скандала шаг, как помощь террористам, не согласовав его предварительно с Москвой.

Однако независимо от разгадки этой «тайны» существовавший в прошлом подход к проблеме международного терроризма остается убедительным примером того, насколько убыточной для Советского Союза оказывалась присущая его политике замкнутость на борьбе с империализмом, когда в угоду конъюнктурным целям в жертву приносились моральные принципы.

Позволительно ли миротворцу быть пристрастным?

Одним из индикаторов наличия нравственных начал во внешней политике государства является его отношение к происходящим в мире конфликтам. Откровенно аморальной обычно считается позиция «третьего радующегося», т. е. стремящегося реализовать собственные интересы за счет чужих конфликтов. Однако игнорирование нравственных критериев в подходе к конфликтным ситуациям на практике не ограничивается только такой позицией.

Большинство западных советологов считало, что Советский Союз в принципе не был заинтересован в региональных конфликтах, поскольку они осложняли его политику в «третьем мире». В 60—80-е годы линия на урегулирование этих конфликтов действительно была объявлена одним из центральных внешнеполитических направлений. Однако, выдвинув такую задачу, советская политика нередко на практике своими конкретными действиями способствовала обострению региональных конфликтов.

Любой конфликт в «третьем мире», каковы бы ни были его первопричины, сопровождается огромными человеческими жертвами, неисчислимыми экономическими потерями, а бывает, что подводит самих участников на грань политической катастрофы. Опасны эти конфликты еще и тем, что способны быстро и неожиданно выходить за

свои географические рамки. Именно поэтому от великих держав требуется сдержанность, тактичность, а главное — сбалансированность в отношении обеих сторон, чтобы помочь им найти путь к диалогу. Однако на протяжении всего периода после второй мировой войны как США, так и Советский Союз предпочитали придерживаться иного подхода к конфликтам в «третьем мире». С одной стороны, для этого подхода было характерно стремление к стабилизации обстановки в возникавших очагах напряженности, с другой — ставка на реализацию за счет этих конфликтов тех целей, которые каждая из двух великих держав преследовала в развернувшемся между ними противоборстве. В силу этого любой региональный конфликт рассматривался как одной, так и другой державой в контексте открывавшихся возможностей для укрепления своих позиций в том или ином районе «третьего мира» и, соответственно, вытеснения оттуда своего оппонента. Использование в условиях конфликтных ситуаций таких рычагов, как политическая поддержка и военная помощь, позволяло великой державе с наибольшей результативностью воздействовать на «опекаемого» участника конфликта, подталкивая его к четкому и однозначному выбору своей позиции в отношении советско-американской конфронтации на глобальном уровне.

Следует заметить, что некоторые государства «третьего мира», в свою очередь, откровенно пытались играть на таком подходе великих держав к региональным конфликтам и по возможности использовать эту конфронтацию для извлечения политических и материальных выгод. По существу, начиная с 50-х годов многие конфликты развивались по приблизительно схожим сценариям, когда каждый из его региональных участников настойчиво стремился заручиться покровительством СССР и США. В зависимости от сделанного ими выбора он усиленно пытался представить свою позицию либо как сопротивление диктату империализма, либо как борьбу против коммунистической угрозы. Если та или иная великая держава принимала меры по укреплению военного потенциала одной из сторон в региональном конфликте, то сдвиг в региональном балансе сил чуть ли не автоматически уравновешивался тем, что другая сторона получала от покровительствующей ей державы «компенсацию» в тех же самых или даже больших размерах. Полученная участником конфликта поддержка, особенно подкрепленная военной помощью, естественно, стимулировала его на отказ от компромиссов и ужесточение своих требований. Соответственно, возможности поиска политического пути разрешения конфликта резко сужались.

В ряде случаев США и СССР, вовлекаясь во внутрорегиональную ситуацию, оказывались буквально на пороге такого развития событий, когда их любые последующие шаги автоматически привели бы великие державы к прямой вовлеченности в конфликт. При таком варианте региональный конфликт неизбежно должен был перерасти в глобальный со всеми катастрофическими последствиями. Подобная

угроза возникла, например, в ходе арабо-израильских войн в 1967 и 1973 году.

Таким образом, подходы СССР и США к региональным конфликтам на протяжении длительного времени формировались под воздействием двух противоположных тенденций. Первая определялась задачей во что бы то ни стало избежать такого уровня вовлеченности в конфликт, когда неизбежной становилась конфронтация на глобальном уровне. Вторая тенденция отражала присущую СССР и США заинтересованность в использовании открывавшихся в связи с региональными конфликтами возможностей для расширения своего влияния в «третьем мире».

Соединенные Штаты обычно старались примирить эти две тенденции за счет использования в своем подходе элементов сбалансированности и гибкости. Оказывая поддержку опекаемому ими участнику конфликта, они одновременно не отказывались от попыток установить и поддерживать контакты с другой вовлеченной в конфликтную ситуацию стороной, и если она не придерживалась откровенно прокоммунистической ориентации, даже шли на предоставление ей некоторой материальной помощи. Проводя такую линию, США могли активно действовать не только во время кризисных фаз, но и на этапах ослабления напряженности, когда появлялась перспектива политического разрешения конфликта.

До недавнего времени советский подход к региональным конфликтам строился на их восприятии исключительно через призму противоборства между социализмом и империализмом. Соответственно, в основу такого подхода было заложено предельно упрощенное деление участников конфликта на агрессора и жертву агрессии. Запрограммированность шла от двуцветного восприятия окружающего мира — либо черный, либо белый цвет и никаких промежуточных оттенков. Либо агрессор, а значит пособник империализма, либо жертва агрессии и, следовательно, борец за национальное освобождение. В Москве руководствовались преимущественно одной и той же схемой, согласно которой поддерживаемая Советским Союзом сторона непременно принадлежала к «лагерю народов, борющихся с империализмом», и независимо от своей роли в возникновении конфликта оставалась жертвой агрессии. Страна, которой отводилась роль агрессора, неизбежно причислялась к «проимпериалистическому лагерю» со всеми вытекающими последствиями. Таким образом, при формировании советского подхода к любому региональному конфликту вопрос о степени ответственности каждой из участвующих сторон за его возникновение, как правило, подменялся вопросом, в каких отношениях она находится с Советским Союзом и Соединенными Штатами. Поскольку официальная позиция строилась на заведомо ложной посылке о стопроцентной виновности одной стороны и стопроцентной невиновности другой, необходим был и соответствующий подбор фактов, подкрепляющих эту позицию. Высокие советские инстанции, отвечавшие за принятие внешнеполитических решений, безусловно, распо-

лагали всей необходимой информацией, позволявшей составить полное представление о действительных причинах конфликта в каждом конкретном случае. Что касается официальных документов и пропаганды, то здесь порой не брезговали откровенными фальсификациями. Однако в те недавние времена они считались допустимыми и оправданными для официальной позиции, если могли принести такие дивиденды, как укрепление связей со странами «третьего мира» и усиление антиимпериалистической ориентации этих стран.

Присущая нашей идеологической платформе непримиримость по отношению к империализму в принципе исключала гибкость в подходе к тем, кто зачислялся в разряд его союзников. Идеологическая зашоренность также не допускала признания того, что только путь компромиссов является оптимальным в разрешении международных, в том числе региональных споров. Руководствуясь идеологическими ориентирами, советская дипломатия даже в тех случаях, когда открывались возможности политического урегулирования конфликта, продолжала подталкивать поддерживаемую сторону на бескомпромиссность и проявление максимальной твердости. В качестве главного аргумента при этом выдвигался тезис, согласно которому народы «третьего мира», ведущие борьбу против империализма и его союзников, могут одержать победу только в том случае, если будут проявлять «последовательность и принципиальность» в отстаивании своих целей.

Идеологические установки и догмы в советской внешней политике и в том числе в советском подходе к региональным конфликтам стали своего рода оковами, которые лишали эту политику необходимой гибкости. Если во время кризисных фаз те участники конфликта, которые ориентировались на Советский Союз, были по понятным причинам заинтересованы в сохранении максимально тесных отношений с ним, то в условиях ослабления напряженности и возникновения благоприятной для урегулирования ситуации они начинали добиваться расширения контактов с США. Притягательным на этой стадии для них становилось именно то, что Соединенные Штаты имели выход на обе противоборствующие стороны и поэтому располагали по сравнению с СССР более эффективными рычагами, чтобы контролировать и направлять мирный процесс. Советская дипломатия в таких ситуациях явно проигрывала перед американской. Компенсировать этот «недостаток» в Москве обычно пытались за счет готовности предоставить опекаемому участнику конфликта дополнительную военную помощь.

В ходе визита на Ближний Восток в феврале 1989 года министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе отмечал, что на этот регион приходится 61 процент мирового экспорта оружия. Следует признать, что Советский Союз внес весьма значительную лепту в развернувшуюся здесь бешеную гонку вооружений. Случалось, дело доходило и до его непосредственной вовлеченности в конфликт.

Только сегодня в Советском Союзе робко начинают говорить об участии контингента советских военнослужащих в военных действиях Египта против Израиля на Суэцком канале в конце 60-х годов. Потери Египта в тот период резко возрастали, и предоставление помощи имело свою логику, но не менее ценным для Каира оказалось бы, наверное, активное содействие поискам выхода из конфликта политическими средствами. Однако любое предложение другой стороны объявлялось тогда нами очередным империалистическим маневром с целью принудить арабов к капитуляции. Близкий Г. А. Насеру журналист М. Х. Хейкал отмечает в своих мемуарах, что Л. И. Брежнев с нескрываемым раздражением воспринял летом 1970 года согласие египетского президента с мирным планом тогдашнего госсекретаря США У. Роджерса. Для советского лидера неприемлемость плана определялась его американским происхождением, а между тем он содержал достаточно конструктивные предложения — прекращение огня и проведение по линии ООН конкретных мер, способных положить начало мирному процессу. Не случайно Г. Киссинджер, сменивший Роджерса на его посту, неоднократно высказывал в ходе своей посреднической миссии на Ближнем Востоке мысль о том, что если Советы дают арабам оружие, то американцы могут дать мир. В подобных утверждениях была доля правды. Советский подход к урегулированию конфликтов на тех этапах никак нельзя было признать гибким и взвешенным. Последствия такого подхода выразились в том, что Соединенные Штаты в середине 70-х годов полностью овладели инициативой в сфере урегулирования арабо-израильского конфликта и смогли добиться здесь определенных успехов — сначала достижения промежуточных соглашений между Египтом и Израилем, а затем и мирного договора между ними. Заключение этого договора еще отнюдь не означало открытия прямой дороги к разрешению ближневосточного конфликта во всех его аспектах, но определенные возможности в этом плане оно все же создавало. Советский Союз предпочел тем не менее занять резко негативную позицию в отношении египетско-израильского мирного договора и продолжал настаивать на своем мирном плане для Ближнего Востока, хотя в силу изменений в региональной обстановке возможности для его претворения в жизнь неуклонно сокращались.

Участие в военных действиях на Суэцком канале на рубеже 60-х—70-х годов оказалось для Советского Союза не единственной репетицией перед Афганистаном. В связи с известными событиями в Чехословакии в 1968 году на Западе заговорили о «доктрине Брежнева», которую еще называли доктриной «ограниченного суверенитета». И если сразу после Чехословакии ее считали предназначенной только для социалистических стран, то в дальнейшем сложилось мнение, что брежневское руководство включает в сферу действия своей доктрины и некоторые развивающиеся государства. Ввод советских войск в Афганистан послужил серьезным аргументом в пользу этого мнения.

Следует заметить, что в «доктрине Брежнева» применительно к социалистическим странам не было ничего нового. Силловые методы в отношении этих стран практиковались и до Брежнева — достаточно вспомнить ввод советских войск в Венгрию в 1956 году. Однако если говорить о какой-то новой доктрине, появившейся в брежневский период, то скорее всего, ее можно обнаружить в семидесятые годы в элементах советской политики в Азии и Африке. Советский Союз гораздо смелее шел теперь на расширение поставок оружия в «третий мир» и охотнее направлял контингенты своих военных советников в армии дружественных стран, вовлеченных в региональные конфликты. Более того, советники все чаще включались в боевые действия, что на практике означало непосредственное втягивание Советского Союза в «третьемировские» конфликты. Причем все это происходило на фоне усиления советской пропагандистской кампании, провозглашавшей начало нового этапа антиимпериалистического движения народов Азии, Африки и Латинской Америки. Кампания велась настолько шумно и навязчиво, что не оставляла сомнений в наличии у Советского Союза гораздо большей заинтересованности в развертывании антиимпериалистической борьбы в «третьем мире», нежели у самих развивающихся стран.

Происходившие сдвиги в советской внешней политике в 70-е годы были обусловлены как внешними, так и сугубо внутренними для Советского Союза факторами. В числе внешних факторов немалую роль играл появившийся у Соединенных Штатов в связи с поражением в войне во Вьетнаме «поствьетнамский синдром». На практике это нашло выражение в более осторожном подходе Вашингтона к конфликтам в «третьем мире» и стремление избегать вовлеченности в конфликтные ситуации в тех случаях, когда мог быть задет американский престиж. Новые моменты в американской политике были расценены в Москве как снижение вероятности того, что США решатся на прямое столкновение с Советским Союзом из-за расширения его участия в том или ином региональном конфликте.

Внутренним фактором, «корректировавшим» советскую политику в «третьем мире», явился происходивший с конца 60-х годов пересмотр ряда идеологических и политических установок XX и XXII съездов КПСС, прежде всего принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем. В брежневский период «сосуществование» уже стало трактоваться как «форма классовой борьбы между социализмом и капитализмом», а установка XXII съезда КПСС относительно того, что «любой вооруженный конфликт неизбежно перерастает в ракетно-ядерную войну», была изъята из идеологической платформы. Советские военно-партийные стратеги, которые совсем недавно, в хрущевские времена тесно увязывали «ограниченные войны» с «авантюристической политикой американского империализма», теперь осторожно давали понять, что эти войны совсем не обязательно должны быть сопряжены с угрозой глобального термоядерного конфликта.

Советский Союз неуклонно расширял свою военную помощь дружественным странам «третьего мира», например Эфиопии, Анголе, но парадоксальность ситуации заключалась в том, что именно Вашингтону оказалась выгодна такая советская вовлеченность в «антиимпериалистическую борьбу». В условиях ухудшавшегося внутриэкономического положения СССР расходы на подобное противоборство с США в «третьем мире» становились весьма ощутимым бременем для советского бюджета.

Далеко не во всех случаях советская позиция в том или ином конфликте позитивно оценивалась большинством развивающихся стран, что, конечно, сказывалось на престиже СССР. В «третьем мире» получал хождение термин «советский империализм», заговорили об экспансионизме Советского Союза, его стремлении к доминированию в различных регионах. Таким образом, антиимпериалистический подход начал давать обратный эффект — советские устремления стали восприниматься под тем же углом зрения, что и американские. Правда, сравняться с США в популярности оказалось довольно-таки трудно из-за неуклонно сокращавшихся возможностей Советского Союза в предоставлении экономической помощи.

На Западе ряд советологов теперь утверждает, что разрядку 70-х годов Советы похоронили в песках Огадена. Вряд ли можно сегодня так уж точно определить место для надгробья — в Эфиопии, Афганистане или еще где-то. Да и разве в роли могильщика выступала только одна сторона? Но вот то, что советско-американская конфронтация в зоне «третьего мира» приближала человечество к ядерной катастрофе, оспорить трудно.

В последние год-два наметилась обнадеживающая тенденция к разрешению ряда региональных конфликтов. Саму эту тенденцию, наверное, неправомерно объяснять только переходом советского руководства к новому политическому мышлению. Позитивное воздействие оказывают и другие факторы. Однако совершенно очевидно, что без начавшейся перестройки советской политики обстановка в мире была бы сегодня совершенно иной и уж никак не благоприятствующей урегулированию конфликтов в «третьем мире».

Восстанавливая нравственность не только во внешней политике...

В последнее время нередко приходится сталкиваться с высказываниями насчет того, что разоблачения прежних промахов и ошибок уже набили оскомину и пора вместо бесполезных экскурсов в историю делом заняться. Не тормозить, дескать перестройку. «Очернительство», излюбленное словечко охранителей из партийного и административного аппарата, также замелькало на страницах газет и журналов, пользующихся известностью особого рода. В этом нет ничего удивительного. Переосмысление собственного прошлого, а тем

более недавнего — это лекарство горькое, кое-кому оно явно не по нутру, но без него общество и государство выздороветь не смогут. Действительно, прежде чем прочно стать на платформу нового политического мышления, необходимо четко определить для самих себя, от каких стереотипов следует отказаться, с какими установками и концепциями порвать, что признать не просто ошибочным, но и пагубным для интересов страны. В полной мере это относится и к внешней политике. Здесь особенно важно до конца разобраться, в какой мере эта политика соответствовала подлинным интересам нашего государства и общества, каково было ее влияние на общую атмосферу в мировой системе международных отношений, насколько советская помощь, включая, естественно, и военную, отвечала жизненным потребностям стран, отнесенных к числу наших друзей и союзников в Восточной Европе и в «третьем мире». Только получив более или менее исчерпывающие ответы на эти вопросы, мы сможем объективно оценивать внешнюю политику с точки зрения ее соответствия критериям нравственности.

При всей важности критического взгляда на прошлое одного его все же недостаточно, чтобы воссоединить политику с нравственностью. Задача, можно без преувеличения сказать, беспрецедентная. Для ее решения требуются принципиально новые подходы. Одних законодательных актов и деклараций будет недостаточно, решать задачу придется не только на государственном, но и, главное, на общественном уровне.

Установление контроля со стороны общества над внешней политикой через избранный демократическим путем законодательный орган страны может стать тем реальным рычагом, который обеспечит ее переориентацию на нравственные принципы. Однако для этого нужно раскрепостить само общество в подходах к внешней политике. Чтобы оно не воспринимало ее как нечто священное, состоящее из одних строжайших тайн, доступ к которым позволителен лишь узкому кругу лиц. Общество должно усвоить, что в число его незабываемых прав входит оценивать эту политику и требовать от осуществляющего ее органа не только отчета, но и отказа от тех решений, которые будут признаны безнравственными и, следовательно, не соответствующими долгосрочным интересам страны.

Следует, конечно, оговориться, что общество будет способно давать действительно ответственные оценки лишь при двух условиях. Во-первых, когда в самом обществе будет восстановлен приоритет морали и нравственности. Во-вторых, когда оно будет максимально информировано в вопросах международного характера. Что касается первого условия, то до его реализации еще весьма далеко, но это тема особого и очень серьезного разговора. Со вторым условием проще, поскольку его осуществление можно регулировать законодательными актами.

Общество также должно иметь самую широкую информацию о советских внешнеполитических акциях, естественно, при соблюде-

нии секретности в вопросах безопасности государства. Равно как и иметь представление, во что эти акции обходятся бюджету. В свою очередь, это ставит перед государством, а точнее перед связанными с внешнеполитической сферой органами весьма трудную, но и неотложную задачу — убедить общественность в том, что она может полностью доверять представляемой ей официальной информации. Долгие годы информационного голода, атмосфера постоянного утаивания и искажения даже тех сведений на международную тематику, которые абсолютно не затрагивали советские интересы, выработали привычку верить западным радиоголосам, но никак не отечественным источникам.

Наконец, наряду с информационным обеспечением общества советской прессе необходимо отказаться от архаической практики, когда международникам позволительно комментировать любые события, лишь сообразуясь с официальной позицией, от которой им не разрешается отходить ни на шаг вправо или влево и уж подавно вперед забегать. Весьма неуклюже сегодня выглядит оправдывание этого запретительства ссылками на возможную негативную реакцию извне. Почти во всем мире пресса независима в своих взглядах на международные события, и мир пока что от этого не перевернулся. Право высказывать собственную точку зрения должно, конечно, распространяться и на текущую советскую политику, и здесь одной только гласности недостаточно — нужна свобода слова. Без этого в стране никогда не возникнет здорового общественного мнения. Критический взгляд на прошлое может лишь тогда быть эффективным, когда он сочетается с объективной оценкой событий нынешних. Прозвучавшие в выступлениях некоторых делегатов XXVIII съезда КПСС яростные нападки на принципы нового политического мышления в сфере международных отношений, естественно, никак не могут быть отнесены к разряду здоровой и конструктивной критики. Без углубления демократических преобразований в стране все эти условия, необходимые для воссоединения внешней политики с нравственностью, так и останутся благими пожеланиями, идеалом, но отнюдь не реальностью.

**Экономическая
взаимо-
зависимость**

Открытая экономика или «пикник на обочине»?

Десятилетиями мы жили в царстве созданных нами мифов. Мифов о нас самих, о мире, который нас окружает. Мы подменяли реальность символами, вера в которые заменяла нам веру в человеческий разум и здравый смысл. Чудеса — непрменный атрибут мифотворчества. Их обещают, на них надеются, в них заставляют верить сомневающимся, их, как показывает наша история, нередко цинично используют. И человек жертвует настоящим во имя отдаленного будущего, своим личным счастьем во имя всеобщего благоденствия. И даже когда светлое будущее не наступает, а кажется еще призрачнее, когда не приходит обещанное избавление от тягот и невзгод, надежда на спасительное чудо не угасает.

Сегодня мы только начинаем пробуждаться, только начинаем осознавать реальность такой, как она есть, а не такой, какой мы ее себе воображали и преподносили другим.

И сразу же привычно ищем волшебное средство, чтобы разом изменить положение к лучшему, в одночасье пройти тот путь, который другие преодолевали десятки и сотни лет ценой напряженного труда, кризисов и социальных катаклизмов. Вместо упования на жесткую централизацию, планирование и распределение — надежда на хозрасчет и рынок, вместо обобществления — расчет на разгосударствление и плюрализм форм собственности. Знак полярно переменялся, но вера в чудеса все так же неискоренима. И не хотим знать, что панацеи нет и быть не может, что благие намерения, с каким бы знаком они ни были, могут вести совсем не туда, куда все-таки хотелось бы рано или поздно прийти.

Нет, ничто, никакие экономические механизмы сами по себе нас не спасут. Признав это, мы сделаем первый и, может быть, самый главный шаг к спасению. Но чтобы такой шаг сделать, мало избавиться от иллюзий, надо еще научиться называть любые вещи своими именами.

Кто мы? Где мы находимся? Куда мы идем? Вопросы, еще недавно абсолютно ясные, сегодня потребовали переосмысления и ответа. Не определившись в системе координат, как найти правильный курс?

Итак, где же мы? Как выглядит наша «сверхдержава» на фоне других стран мира? Ответить очень непросто.

Мы традиционно привыкли мерить экономическую мощь показателями, которые сами по себе очень обманчивы. Добыча нефти, газа и угля, железной руды, производство цемента и прочей продукции базовых отраслей — все это десятилетиями было предметом нашей гордости. И не сразу заметили, что в погоне за впечатляющими объемами производства отошла на второй план, а то и вовсе была утеряна главная цель экономической системы общества — человек, его потребности, его жизненный уровень. Что работа экономики на себя не обогащает, а разоряет страну, что высокие количественные показатели добычи полезных ископаемых и продукции группы «А» не говорят ни о чем, кроме как о непомерных затратах, растущих масштабах расточительства и бесхозяйственности.

Простой, но показательный пример. Однажды в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) за помощью обратился один товарищ по фамилии Голубев. В Уфе его, бывшего военпреда, назначили одним из руководителей госприемки на заводе сельскохозяйственного машиностроения. Стали проверять продукцию — сплошной брак и отступления от ГОСТа. Пропускать нельзя, а по инструкции продукция, не прошедшая госприемку, не должна выходить с завода и засчитываться ему в план.

Ход, как и финал конфликта между администрацией и госприемкой, традиционен. Некачественную продукцию стали отгружать потребителям, минуя госприемку, а принципиальных ее представителей — выживать с завода. Довольно быстро администрации завода удалось решить проблемы как псевдовыполнения плана, так и увольнения неугодных. Причем при молчаливом попустительстве или прямом содействии местных партийных органов (какой-никакой завод, а свой, даже в передовых ходит) и тем более отраслевого министерства.

В поисках правды Голубев поехал к потребителям, на птицефабрику, куда шли производимые заводом вентиляционные системы. Диалоги везде были схожими.

— Как же так? Вам поставляют негодную продукцию, а вы как воды в рот набрали! Почему не отказываетесь, не предъявляете рекламаций?

В ответ: «Да вы что? Зачем нам ссориться с поставщиком? В другой раз вообще ничего не получим. Берем, что дают».

— Но ведь то, что вы берете, не работает, это же брак.

— Ну и что? А мы заказываем не один комплект, а два-три, а то и четыре. Как-нибудь из нескольких-то одну работающую вентиляционную систему мы соберем.

Вот и рост национального дохода. А главное — простота секрета роста. Выпускай недоброкачественную продукцию — и спрос на нее будет безграничен. А будь по-иному — пришлось бы не наращивать, а сокращать производство, и тогда уж точно не ходить заводу в передовиках.

Если же говорить об уровне жизни населения, то есть о том, ради чего, собственно, и должна действовать социально-экономиче-

ская система, то он у нас намного ниже, чем в развитых странах. Насколько ниже, сказать трудно, ибо показателей, пригодных для сколько-нибудь корректных сопоставлений, у наших статистических ведомств нет.

По расчетам, которые делались в ИМЭМО АН СССР, национальный доход в СССР составляет примерно 55 процентов от уровня США. В расчете на душу населения показатель еще ниже — менее 50 процентов. Если же соотнести национальный доход с числом занятых в народном хозяйстве, то получится, что производительность общественного труда (которая, как подчеркивал В. И. Ленин, является в последнем счете главным условием победы нового общественного строя) у нас составляет примерно треть от американского уровня, в сельском хозяйстве — 11—12 процентов.

Но и это еще не все, ведь на личное потребление идет лишь часть национального дохода. У нас эта часть составляет примерно 50 процентов, в США — две трети (сопоставив это с ранее названными цифрами, увидим, что величина личного потребления в расчете на душу населения у нас почти втрое ниже, чем в США). Отставание по уровню личного потребления практически равно различию в производительности труда. Иначе говоря, «как работаем, так и живем».

Что нужно человеку для жизни? Прежде всего, еда и крыша над головой.

Так вот, говоря о еде, приходится констатировать, что в отличие от нас ни одна из развитых капиталистических стран не знает проблемы нехватки продуктов питания, проблема в большинстве из них стоит совершенно противоположная — перепроизводство продовольствия. А если сравнить цены на продукты со среднедушевым доходом (включая для нас выплаты из общественных фондов), то выяснится, что дешевизна наших продуктов — это миф. При таком сравнении говядина обходится потребителю у нас примерно в 2,5 раза дороже, чем в США, свинина и картофель — втрое, масло — в 5 раз, мясо птицы и фрукты — более чем в 10 раз. Даже хлеб, дешевизна которого воспринимается как нечто само собой разумеющееся, при подобном подсчете стоит практически столько же, сколько в США и ФРГ, и более чем вдвое дороже по сравнению с Канадой.

Цифры такие, что картина существенно не изменится, даже если мы будем сопоставлять цены на продовольствие не со всем доходом, а с той его частью, которая останется после вычета расходов на жилье и коммунальные услуги, как этого требует Госкомстат.

А жилье? В США на семью в среднем приходится свыше 5 комнат, а обеспеченность жилой площадью в расчете на человека составляет примерно 50 кв. м. У нас же при средней обеспеченности жилплощадью около 15 кв. м на человека 40 процентов общего показателя дает сельский жилой фонд, куда нередко включаются дома, в которых, не говоря уже об отсутствии удобств, не осталось ничего, кроме остатков фундамента и стен. Если бы мы учитывали лишь жилую площадь со всеми удобствами, то наш показатель обеспеченности

пришлось бы снизить, наверное, не менее чем в 1,5—2 раза. И при громадном разрыве в накопленном жилом фонде, гораздо более качественном, чем у нас, США еще и ежегодно вводят новой жилой площади вдвое больше, чем мы. Так что разрыв не в нашу пользу будет и далее стремительно нарастать (даже при полной реализации программы «Жилье», то есть при предоставлении каждой семье квартиры к 2000 году), кстати, как и в других сферах жизни.

Такова реальность, причем лишь при самом первом рассмотрении. Ведь сопоставление количественных показателей может не прояснять, а затушевывать реальность, если не принимать в расчет различия в качестве. Сопоставляя, мы стоимостями производимых у нас товаров и услуг выражаем в ценах, скажем, американского рынка. Но при этом не задается вопросом, а купил бы вообще кто-нибудь на Западе нашу продукцию. Многие из того, что у нас производится, — это даже не вчерашний, а позавчерашний день с точки зрения мировых стандартов, и сбыть эту продукцию на западном рынке невозможно ни за какую цену.

В развитых странах уже давно произошла переориентация с количественных на качественные параметры развития. И очень часто, когда мы говорим о товарах и услугах, которые производим и используем, они, несмотря на одинаковые названия с западными, из-за качественных различий практически несопоставимы.

Взять хотя бы обыкновенный телефон. Сравнивая уровень телефонизации, можно сказать, что, предположим, в США число телефонов на 100 человек более 90, а у нас 12. Мы, конечно, можем поставить себе цель догнать по этому показателю США. Но эта цель будет мнимой. Ведь телефон у нас и у них — это абсолютно разные вещи. Я даже не говорю о том, что там уже давно телефоны с цифровым набором, на выбор десятки их модификаций, включая радиотелефоны с радиусом действия до нескольких десятков километров. Поражает набор услуг, предоставляемых телефонными компаниями. По телефону по коду можно позвонить в любую точку не только США, но и другой страны мира. (А попробуйте у нас дозвониться куда-нибудь в сельской местности!) Можно звонить не только куда, но и как угодно: за свой счет, за счет вызываемого абонента, за счет фирмы, по кредитной карточке, с помощью оператора и без и т. д. Можно выяснить необходимый номер, опять-таки в какой бы точке Соединенных Штатов ни находился требуемый абонент. И все это в течение мгновений. И не играет роли, где ты находишься: в городе или в сельской местности, в Вашингтоне, на Аляске или на Гавайях, разной будет только цена. Один мой знакомый ради интереса позвонил в Москву из автомобиля, ехавшего на большой скорости вдоль океана в Калифорнии. Слышно было прекрасно.

У нас долгое время показателем общественной значимости человека считалось число телефонных аппаратов на его столе. Так вот, на Западе давно уже даже в крупных фирмах и организациях для входа используются всего один или два канала. Телефонная сеть без допол-

нительного набора позволяет соединиться и переключаться на любой номер как внутри учреждения, так и вовне. Уровень телефонизации в этих условиях может резко возрастать при абсолютном снижении числа телефонных номеров. И попробуйте объяснить западным посетителям, почему у вас на столе несколько аппаратов. Они не поймут, пока им не скажут, что здесь, как и в других сферах, мы количеством опять-таки пытаемся компенсировать отсутствие качества.

А транспортные услуги? Продавая билет даже на пригородный поезд, тебе вручают расписание движения, карту маршрута, в поезде к твоим услугам опять-таки телефон, туалет, буфет с готовыми завтраками и обедами, о напитках я уже не говорю. Да и поезда движутся куда быстрее и бесшумнее.

Качество — очень емкое понятие, и здесь между нами не просто большая дистанция, а расширяющаяся пропасть.

Ну, и сопоставляя, нельзя не учитывать инфраструктуру. Автомобильные дороги — притча во языцех. В развитых странах мира даже долгожители, наверное, не вспомнят, когда у них были дороги, как у нас. Нет таких, причем давно нет. И у нас, в свою очередь, нет ни одной, подчеркиваю, ни одной автомобильной дороги, которая была бы близко сопоставима с теми, без которых немислима жизнь в Северной Америке и в Западной Европе, в Японии и в Австралии. А ведь что такое транспорт для экономики и человека, объяснять не надо.

Или аэропорты. Даже лучший из лучших наших аэропортов по масштабам, дизайну, удобствам на порядок уступает воздушным воротам любого из крупных американских городов.

А гостиницы, а центральные части американских городов, так называемый «даунтаун»? Красивейшие, в десятки этажей небоскребы самой причудливой и разнообразной архитектуры. Я не представляю, чтобы мы самостоятельно смогли построить в обозримом будущем хотя бы одно из подобных зданий такого же класса, которых у них сотни, причем по всей стране, а не только и не столько в столице. В Токио, в сейсмически опасном районе стоят красавцы здания по 50 с лишним этажей. Города идут не только вверх, но и вниз, освоены подземные пространства. И не только для многоэтажных стоянок, но и под магазины, места досуга и пр. Сколько лет, или, точнее, десятилетий, нужно, чтобы хотя бы подтянуться к их нынешнему уровню?

Колоссальный объем накопленного материального богатства! И при этом оно ежесекундно прирастает, очень быстрыми, гораздо более быстрыми, чем у нас, темпами и с качеством, несравненно лучшим. То, что строится, каждый раз является новым шагом, а не топтанием на месте. А ведь то, что мы и они строим сегодня, будет определять то, какими мы и они войдем в следующее тысячелетие.

Решая наши проблемы, ставя цели социально-экономического развития, нельзя забывать, что мир не стоит на месте. Идет самая настоящая гонка, гонка за научно-техническими достижениями, за их максимально быстрое коммерческое освоение, выпуск новой

продукции. Когда находишься на Западе, особенно на производственных предприятиях компаний, это ощущаешь буквально физически. Быстрой, еще быстрее, лучше, дешевле, новее. В наукоемком производстве срок от изобретения до его коммерческого применения сократился с 3—4 до 1,5—2 лет. Меняются приоритеты и задачи экономической политики компаний, традиционные представления об эффективности.

Для сохранения конкурентоспособности и позиций на рынке важно как можно скорее выбросить туда новый товар. И в расчете на перспективу компании идут на это, и даже если на первых порах снижаются показатели эффективности, снимают с производства продукцию более прибыльную, но устаревающую.

Ну, а в выигрыше в конечном счете и компании, и потребитель, и экономика в целом.

Вот такой фон. С середины 70-х годов наше хозяйственное и научно-техническое развитие пошло вразрез с общемировыми тенденциями. Со второй половины 70-х годов, по существу, прекратилось подтягивание СССР к уровню ведущих капиталистических стран по многим из важнейших параметров эффективности общественного производства, социально-экономического и научно-технического развития, к середине же 80-х годов сложилась ситуация, чреватая угрозой прогрессирующего отставания, в том числе и по национальному доходу.

И дело, к сожалению, здесь не только и не столько в темпах. Темпы темпам рознь. Можно, как показывает мировой опыт, успешно решать накопившиеся проблемы при низких и даже нулевых темпах роста, можно, напротив, при высоких темпах усугублять диспропорции, обострять проблемы, усиливать кризисные явления, превращаясь в третьеразрядную державу. При сложившейся структуре нашей экономики, ее разбалансированности ориентация на высокие темпы может лишь усугубить негативные тенденции.

Надо четко себе представлять, что даже выполнение остающихся пока в силе планов экономического развития до 2000 года, по сути дела, не меняет тенденции к прогрессирующему отставанию. Мы останемся на качественно ином уровне развития. Это, как мне кажется, мы еще не вполне осознаем.

Предположим, за 10—15 лет мы увеличим производительность вдвое. Это означает, что отставание по этому показателю от других стран будет не в три-четыре, а в два-три раза. Это означает, что все эти годы мы будем производить в два-четыре раза меньше товаров и услуг. Более того, строя заводы, производя продукцию, которая устарела даже по меркам сегодняшнего дня лет на 10—15, мы будем не просто воспроизводить, а консервировать свою отсталость. Нам нужен прорыв из порочного круга, в который загнана наша экономика.

Какой прок от того, что в начале третьего тысячелетия мы еще более превзойдем другие страны по выплавке стали, выпуску цемента и другой подобной продукции, производство которой не растет в стра-

нах развитого капитализма уже десяток лет? И в то же время в сфере, предположим, связи, дай бог, выйдем на их уровень 70-х годов? О каком информационном обществе, о котором сегодня говорит весь мир, можно в таком случае вести речь?

Или другой пример. Остается загадкой, как можно выйти на мировой уровень и обеспечить адекватное западным странам обновление продукции машиностроения, если у нас в этой отрасли затраты на научно-исследовательские, опытные и конструкторские работы в сравнении с капиталовложениями во много раз ниже, чем в США?

При сохранении существующей экономической модели мы вряд ли в обозримой перспективе сможем существенно приблизиться к ведущим капиталистическим странам по основным параметрам эффективности общественного производства — производительности труда, фондо-, энерго- и материалоёмкости. Крайне сложно преодолеть накопившиеся народнохозяйственные диспропорции и выйти на уровень развитых капиталистических стран по таким показателям, как доля личного потребления, сфера услуг, товары группы «Б», национальный доход. А все это, естественно, аккумулируется в уровне жизни.

Вывод ясен. Он, собственно, и звучит в большинстве выступлений по экономической реформе. Изменить качество нашего развития можно лишь с радикальным изменением хозяйственного механизма. От того, как и когда мы сумеем это сделать, и будет зависеть, сумеем ли мы выйти на принципиально новую траекторию развития и какое место будем занимать в мировой системе экономических координат.

Но складывается странная ситуация — с одной стороны, мы вроде бы уже осознали, что альтернативы перестройке нет, но с другой стороны, у нас нет еще и осознания того, насколько радикальные и глубокие перемены во всех сферах нашего общества должны произойти для того, чтобы мы перестали идти «поперек санного следа» и хотя бы приблизились к сообществу развитых стран.

Отсюда — сохранение определенного дуализма в политике. Есть много правильных установок, но вместе с тем остался целый ряд пут, таких псевдоидеологических подходов, клише, которые сдерживают процесс перестройки.

Недостаточная решительность, половинчатость принимаемых решений — одна из причин того, почему реформа пробуксовывает, почему вместо улучшений в своей повседневной жизни люди видят растущие очереди, зияющие пустотой витрины и полки магазинов, карточное распределение.

В английском языке есть понятное всем экономистам специальное выражение для характеристики переходного периода. Когда речь идет о резких, радикальных изменениях экономического курса, говорят, что «перед улучшением обязательно наступает ухудшение». Когда ломается старая система и создается новая, временного ухудшения ситуации практически не избежать. Это своего рода цена за обновление, за переход на новый путь развития.

К этому надо быть готовым, идти на это с открытыми глазами и прямо об этом народу говорить. В противном случае — иллюзии, самообман, казенный оптимизм Госкомстата, по инерции спешащего отрапортовать о псевдоуспехах перестройки, тогда как все вокруг видят совершенно иное. Да что там прилавки магазинов. Стоит посмотреть доклады ЦРУ о состоянии нашей экономики или, еще лучше, анализы результатов нашего развития, которые ежегодно готовит американская фирма «Планэкон». Тенденции нашего экономического развития, если можно употребить это слово, как по темпам роста, так и по структурным сдвигам даже приблизительно не отвечают задачам, поставленным XXVII съездом КПСС.

Сейчас часто приходится слышать, что, вступая на путь перестройки, мы не представляли себе всей глубины кризисных явлений. Но кто же виноват в том, что не представляли? Значит, представления основывались на искаженной информации. Пока мы не изменим кардинальным образом статистическое дело, пока не перестанем выдавать желаемое за действительное, не будем видеть реальную жизнь, не перестанем прятать от самих себя правду, сколь горькой бы она ни была, перестройка обречена. Экономические, социальные и прочие потрясения будут каждый раз восприниматься как гром среди ясного неба, а не как результат складывающейся ситуации.

Цену, даже очень высокую, общество может и будет готово платить лишь в том случае, если уверено в конечном результате, если знает, что, «пройдя через Сахару, достигнет оазиса».

На чем держалась административно-командная система? Главным образом на внеэкономическом принуждении. Если такое принуждение ослабевает, система терпит крах. Это мы ощущаем на себе, и это, повторяю, закономерно. Но социально приемлемым видимое ухудшение может быть лишь в том случае, если параллельно со сломом старых быстро создаются новые хозяйственные механизмы.

Однако такой уверенности как раз и нет. И мне кажется, именно кризис доверия и породил волну забастовок летом 1989 года. При всей тяжести экономических последствий эти забастовки сыграли чрезвычайно важную позитивную роль, пришлось как раз вовремя. Такой мощный толчок снизу должен добавить решительности и настойчивости сторонникам экономической реформы наверху, помочь сломить сопротивление административно-командной системы, до сих пор успешно блокировавшей экономические преобразования. Народ наконец пробуждается к активной политической и экономической жизни. Более того, он показывает, что созрел для этого и готов брать власть, способен самостоятельно и организованно действовать. Это колоссальный успех политики перестройки. Без этого никакая реформа сверху не стала бы жизнеспособной.

Но надо четко себе представлять, что наши экономические проблемы невозможно решить путем перераспределения национального продукта. Это все равно что тянуть на себя лоскутное одеяло. Его тянут, а оно расползается. В результате все остаются голыми. Нам и

так, по существу, нечего перераспределять, ведь по уровню жизни мы не выдерживаем никакого сравнения с развитыми странами.

Куда же мы идем? Или поставим вопрос по-другому — куда нам идти? Осуществляя реформу, мы, очевидно, должны представлять, какую хозяйственную модель хотим создать. По Марксу, самый плохой работник отличается от самой хорошей пчелы тем, что уже в начале трудового процесса имеет сознательную цель, к которой хочет прийти и которая определяет способ и характер его действий.

Но, оказывается, сделать это весьма и весьма непросто. Более того — сделать это, вероятно, просто невозможно в рамках наших сугубо идеологизированных, далеко оторвавшихся от реалий представлений о мире, обществе, экономической и социальной жизни.

Мы ведь существуем не в вакууме. Мы живем рядом со странами, хозяйственная деятельность которых, принося более высокие, чем у нас, результаты, обеспечивает гражданам гораздо лучшие условия жизни.

А раз так, то, заявляя о социалистическом выборе, с одной стороны, и необходимости коренного преобразования экономической и политической системы, демократизации общества, — с другой, мы, очевидно, должны определить, в чем, в каких хотя бы главных параметрах искомая социально-экономическая модель будет или должна отличаться от тех реально существующих в настоящее время и претерпевающих в ходе исторического развития заметную трансформацию моделей, скажем, скандинавского, западногерманского, американского, японского типов либо китайского, венгерского, югославского и т. д.

Мы должны ответить и на вопрос, с помощью каких принципиальных преимуществ мы могли бы добиться более высокой экономической эффективности производства, более справедливого распределения доходов, большей социальной защищенности и, как результат, более высокого уровня и качества жизни, чем в ведущих капиталистических странах.

Сказать «нам надо больше социализма» или «мы — против эксплуатации» — это значит ничего не сказать. Сразу возникнет вопрос: а что мы понимаем под социализмом? Причем не на уровне лозунгов, а в сочетании основных целей с реальными механизмами их достижения. Нельзя добиться осуществления цели одними лишь благими пожеланиями. Да в конце концов сами по себе идеалы, нравственные ценности — это не прерогатива одного лишь социализма. И наш собственный опыт — лучшее свидетельство того, куда может вести путь, вымощенный благими намерениями. Этот опыт должен уберечь нас от повторения уже не единожды сделанных ошибок.

Проблема идентификации общественных систем — очень непростая. Я даже не говорю об общечеловеческих ценностях. Нет сейчас между системами четких граней, в ходе эволюции они претерпели столь серьезную трансформацию, что уже трудно сказать, где у них больше от социализма, а где от капитализма. В конце концов, даже

ревнителям идеологической чистоты будет нелегко ответить на вопрос, где больше социализма — в монархической Швеции или, предположим, в советском Узбекистане.

Так что если уж рассуждать о преимуществах социализма, то неплохо было бы узнать, каким его себе представляют социалисты и социал-демократы, уже десятки лет стоящие у власти или близко к ней в странах Западной Европы. В чем они видят его преимущества и недостатки. Тем более что для стороннего наблюдателя демонстрационный эффект — заведомо в пользу их моделей социально-экономического развития, а не наших. Кстати, не надо забывать, что наша партия, созданная В. И. Лениным, в течение двадцати лет существовала и сделала революцию, называясь социал-демократической — РСДРП. Вряд ли мы с нашим опытом можем претендовать на монополию в понимании истинной сущности социализма. Право на то, чтобы тебе верили больше, чем другим, доказывается не словами, а делами. Это у нас еще впереди.

В нас много десятилетий воспитывали черно-белое видение мира: у нас — все хорошо, сплошные преимущества, у них — плохо, кризисы и историческая обреченность.

Но мир-то многоцветен, причем как у нас, так и у них. И преимущества той или иной системы не реализуются автоматически. Хорошо известен афоризм Ф. Ларошфуко о недостатках, которые являются продолжением достоинств. Менее известно, что уже в декабре 1921 года на IX Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин использовал этот афоризм, характеризую развитие революции, партии, профсоюзов, всего аппарата, управлявшего Советской Россией.

Все мы учили, что ключевое различие между общественными системами — в отношениях собственности. Нет частной собственности, значит, нет и эксплуатации человека человеком, все принадлежит народу. А раз так, то человек заинтересован в результатах труда, может добиться высшей производительности. Общенародное государство обеспечивает планомерное и пропорциональное развитие производства, а также справедливое распределение создаваемого раскрепощенным трудом растущего общественного продукта.

Такова схема. Ну, а какова реальность, мы все знаем. Каких только жестких и горьких слов в адрес созданной нами модели мы не слышали в последнее время! Административно-командная система, казарменный социализм, государственно-монополистический социализм, тоталитарный бюрократизм и т. д. и т. п. Мне нет нужды подыскивать новые определения. Дело не столько в них, сколько в необходимости четко представлять себе те оковы, которые мы хотим сбросить.

Сейчас понятно, что общенародной собственности у нас не стало. Она стала ничьей, она стала ведомственной, но не нашей с вами. Право распоряжения огосударственной собственностью — в руках административно-бюрократического аппарата, который прямо не заинтересован в конечных результатах труда и, по существу, не несет ответственности за ее эффективное использование.

Произошло отчуждение работника от собственности, а значит, и возрос разрыв между результатами труда и возможностями присвоения не только прибавочного, но и основного продукта самими трудящимися со всеми вытекающими последствиями. В том числе и в смысле эксплуатации. Сложились условия для эксплуатации хорошо работающих плохо работающими, тех, кто честно трудится, теми, кто живет на нетрудовые доходы, работников, занятых производством товаров и услуг, административно-бюрократическим аппаратом, человека, работника государством. В созданной у нас системе экономического и внеэкономического принуждения, господства и подчинения можно обнаружить атавизмы не только феодализма, но и рабовладения.

Материально-вещественные элементы производительных сил, средства производства буквально встали на дыбы, вышли из-под контроля, воспроизводят сами себя, подчиняют человека, превращая его в свой придаток, вместо того чтобы человеку подчиняться, служить для удовлетворения его нужд. Отторгается научно-технический прогресс, высокое качество, культура труда. Искажено распределение по труду. Идет расслоение по нетрудовым доходам, источником которых служит монополия на место, связи, дефицит. Созданный трудящимися прибавочный продукт разбазаривается в условиях бесхозяйственности, расхищается, идет на обеспечение паразитирующей на нем части бюрократического аппарата или наконец используется для осуществления таких грандиозных проектов, как, к примеру, переброска рек (к счастью, вовремя приостановленная), которые не только не приносят доход, но и оборачиваются многомиллиардными убытками.

Где здесь отличительные черты преимуществ социализма? Как вообще все это можно оправдать с нравственной или экономической точек зрения? Это родимые пятна выпестованной сталинизмом административно-хозяйственной системы, которую мы сейчас пытаемся, но пока не можем сломать. И вряд ли даже при большом желании можно отождествить все это с социализмом.

Так что изменение отношений собственности не дало нам автоматических преимуществ в смысле освобождения труда и заинтересованности в его результатах.

Ну, а что с капитализмом — идеологическим антиподом на bipolarной картине мира?

Сначала К. Маркс и Ф. Энгельс, затем В. И. Ленин считали, что возможности развития производительных сил в условиях свойственных капитализму производственных отношений исчерпаны, взрыв этих отношений неминуем.

Но мы видим, что проходят десятилетия, мы уже устали подыскивать определения для сменяющих друг друга кризисов, а капитализм как общественный строй не рухнул. Он оказался куда более гибким, чем представлялось, неплохо приспосабливается к изменяющимся условиям. Более того, при всех своих недостатках он характеризуется более высокой, чем в странах социализма, производительностью тру-

да и эффективностью производства, лучше усваивает достижения научно-технической революции и, что самое главное, обеспечивает значительно более высокий уровень жизни населения.

Капитализм трансформируется, он уже в значительной мере иной, чем во времена К. Маркса, а мы по инерции все бичуем язвы, вскрытые великим мыслителем более столетия тому назад.

И какая-то странная обнаруживается логика. С одной стороны, мы постоянно и справедливо говорим о преобразующем воздействии Октября на историю человечества, на мировое развитие. Но, с другой стороны, о капитализме рассуждаем так, как будто он этого воздействия не испытал. А между тем он извлек, не мог не извлечь уроки. Вводились рычаги государственного регулирования, конструировались встроенные антициклические, антикризисные стабилизаторы, развивалась система социального обеспечения, повышалась социальная защищенность трудящихся. Во многих капиталистических странах к власти пришли социалисты и социал-демократы. Те, кого во времена Сталина называли не иначе как социал-предатели, пусть и по-своему, реформистским путем, но действовали с учетом интересов трудящихся, без чего у власти они удержаться попросту не смогли бы.

Получил дальнейшее развитие процесс обобществления производства, акционерные формы собственности заместили собой чисто частные, стали практиковаться различные формы подключения трудящихся к участию в акционерном капитале и управлении компаниями, набрало силу кооперативное движение. На наших глазах происходят серьезные изменения в характере производственных отношений. Понятие частной собственности меняется. С развитием акционерных форм хозяйствования происходит ее социализация, быстро растет число собственников, она все более становится коллективной. Изменяются роль и место собственников в процессах производства, распределения и присвоения общественного продукта, сужаются возможности эксплуатации человека человеком. Конфликт между трудом и капиталом перестает быть антагонистическим. Высокая конкурентоспособность сегодня немислима без постоянного повышения квалификации трудящихся, совершенствования системы мотивации труда. На любой компании вам приведут массу примеров того, как руководство стремится повысить вовлеченность рабочих и служащих в дела фирмы, их заинтересованность в результатах хозяйственной деятельности. Здесь и выпуск рабочих, привилегированных акций, и кружки качества, и подарки к праздникам, и многое другое. Известная американская компания «3 М» ввела, например, такое правило. Для поощрения новаторского климата, инновационной деятельности она предоставила тем, кто работает в ее лабораториях, право 15 процентов рабочего времени заниматься чем угодно, независимо от своей основной темы.

Частное владение — это давно уже не синоним произвола в деятельности владельца. Как-то я был на предприятиях английского филиала американской частной компании «Марс». Это крупнейший в

мире производитель кондитерских изделий. Интересно, что основополагающая философия труда и стимулов там такова: наше производство существует лишь постольку, поскольку мы выпускаем то, что нужно потребителю. А дальше какой вывод? Значит нам, служащим фирмы, платит не владелец, а потребитель. И благосостояние каждого работника зависит от того, понравится ли продукт потребителю, захочет ли он его купить или предпочтет конкурента. Отсюда упор на качество продукции, ее новизну, если хотите, уникальность. Что касается социально-психологической сферы, все служащие фирмы зовутся партнерами, независимо от ранга обращаются друг к другу только по имени (то есть на ты), носят одинаковую спецодежду, сидят за одинаковыми столиками, едят в одной столовой. Причем к этому внимание особое: чтобы не было никаких иерархических перегородок.

И если мы всерьез хотим реформировать наше хозяйство, надо не пугать жупелом капитализма, а внимательно к нему присмотреться, пытаюсь понять, во что превратилась сейчас эта общественная система, в чем у нее различия и в чем сходство с той социалистической моделью, которую мы хотим в конечном счете построить.

Нам нужно смотреть на себя и на мир открытыми глазами. Нам необходимо открытое общество с открытой экономикой. Именно в таком, широком смысле слова открытость — залог успеха преобразований в нашей стране.

И в этом контексте главный вопрос — как нам использовать, естественно, адаптируя к нашим условиям, весь тот потенциал, все те общественные и экономические механизмы, которые выработаны современной цивилизацией в ходе ее исторического развития.

Проблема номер один — как перейти от нынешней сверхцентрализованной административно-командной системы, тотального планирования и распределения, производственных отношений, лишаящих человека стимулов к качественному и производительному труду и препятствующих проявлению инициативы и предприимчивости, к нормальной, апробированной развитыми странами, созданной в результате длительной эволюции, проб и ошибок, тяжелейших кризисов и катаклизмов рыночной экономике.

Для того чтобы была рыночная экономика, нужен, во-первых, рынок со всеми присущими ему функциями, элементами, институтами и механизмами. Лишь после создания всех необходимых юридических, экономических и институциональных условий для формирования и саморазвития полнокровного рынка можно всерьез говорить о необходимости, возможностях, средствах и пределах его регулирования.

Надо четко себе представлять, что полумерами и эвфемизмами при развитии рыночных отношений не обойтись. Либо полнокровный рынок без идеологизированных шор, либо заведомый проигрыш в экономическом и социальном развитии. Иного не дано.

Рынок — это категория общечеловеческая, это достояние всей нашей цивилизации. Я не знаю и, более того, не могу даже представить,

что такое социалистический рынок. Если это, в отличие от сложившегося в развитых капиталистических странах, рынок с гораздо большим числом ограничений или с качественно иной ролью государственного, централизованного воздействия, то боюсь, что и при успешном нашем переходе на новые методы хозяйствования мы обречены на отставание от других стран. Ибо любые ограничения на пути движения и перелива основных факторов производства — труда, товаров, капитала — затрудняют возможности их эффективного сочетания и взаимодействия. Ибо установить, что такое общественно необходимая цена, общество может только через рынок, уравнивающий спрос и предложение, а не Госкомитет по ценам. Что же касается централизованного воздействия, то было бы по меньшей мере наивно полагать, что мы сможем влиять на развитие рыночных отношений более позитивно и гибко, чем страны, накопившие колоссальный опыт и имеющие в своем распоряжении создававшийся десятилетиями громадный арсенал соответствующих природе рыночного хозяйства экономических и юридических средств государственного регулирования.

Так вот, если говорить о рынке, то все, кто хотя бы раз заглядывал в начальный курс рыночной экономики, одно из десятков, если не сотен западных учебных пособий, знают, что для возникновения рынка нужно как минимум, чтобы экономические субъекты обладали четко определенными правами собственности — Property rights. Права собственности обеспечивают не только свободу, независимость экономического поведения, но и экономическую ответственность каждого за свои решения и действия, что в конечном счете и дает возможность вступать в рыночные отношения. Без четкого определения прав собственности невозможно установить и четкие «правила игры» в рыночной экономике. Чем шире и разнообразнее круг наделенных правами собственности участников экономической деятельности, тем шире и разнообразнее сама эта деятельность и ее формы.

В общем, все эти истины до тривиальности просты и очевидны. Для всех, но не для нас. Ведь из сказанного со всей определенностью следует, что развитие рынка по существу невозможно без узаконивания частной собственности. А это значит, что ее признание — хоть и недостаточное, но необходимое условие успеха экономической реформы в стране.

У нас многие рассуждают о возрождении чувства хозяина, то есть о мотивации, связанной с обладанием правами собственности. Вопрос об экономической и социально-психологической мотивации далеко не так прост, как кажется на первый взгляд, его нельзя сводить лишь к наживе, материальным стимулам. Главное в другом. Наделение правами собственности дает человеку свободу выбора тех форм реализации своих наклонностей, способностей и устремлений, которые в наибольшей мере отвечают его складу и потребностям.

Мы сейчас много пишем о деятельности крупных западных корпораций. У них, конечно же, надо учиться. Но мы плохо представляем,

какую колоссальную роль играет в рыночной экономике мелкое предпринимательство. Мне доводилось бывать в США в Администрации по мелкому бизнесу. Мелкие и средние предприятия обеспечивают свыше половины общего прироста рабочих мест в хозяйстве этой страны! Именно мелкое частное предпринимательство берет в основном на себя риск по освоению принципиально новых продуктов и технологий, по выявлению быстро меняющихся потребностей общества и его отдельных групп. Рискуя, прогорая и выигрывая, постоянно тестируя рынок, мелкий предприниматель способствует не только научно-техническому прогрессу, более полному, эффективному и гибкому удовлетворению потребительского спроса, но и колоссальному сбережению общественных затрат. Ведь одно дело, когда бесперспективность идеи обнаруживается после крупных, требующих длительного времени вложений, осуществления дорогостоящих «проектов века», и совсем другое — когда то же самое выясняется практически сразу после неудавшейся попытки мелкого предпринимателя.

Кстати, о психологии. В экономической среде, где риск поощряется и вознаграждается сторицей, возможная неудача не страшит, ее вероятность заранее учитывается и потому не воспринимается как трагедия, крушение надежд. Отсюда постоянная готовность браться за осуществление смелых идей, начинать снова и снова.

Это не агитация в пользу мелкого предпринимателя. Это констатация факта. Для того чтобы отчетливее представлять, чего мы сами себя лишаем, перекрывая естественные каналы для самовыражения, проявления инициативы и предприимчивости.

И чтобы представление было более полным, надо, отмечая существенно важные стороны частной собственности в рыночной экономике, сказать и о тех ее свойствах, которые в нашем сознании отождествляют ее с нечистой силой, неприемлемой в экономике социалистической. Речь, разумеется, о наемном труде и, стало быть, согласно нашим традиционным воззрениям, эксплуатации человека человеком. Мы как замороженные, сравнивая, повторяем одно: у них — частная собственность и эксплуатация, у нас — ни того ни другого.

Выше говорилось о реалиях и эволюции того, что понимается у нас под социализмом и капитализмом. Из этого уже напрашивается вывод, что искусственное противопоставление наличия эксплуатации «у них» отсутствию эксплуатации «у нас», конечно же, не выдерживает критики.

Представления о частной собственности не должны быть упрощенными вплоть до полного искажения. Даже придерживаясь воззрений, сформировавшихся более 150 лет тому назад, надо было бы скорректировать их в связи с изменением роли социал-демократии, профсоюзов в жизни общества, социальных функций государства, наконец, с эволюцией самих форм собственности.

Не случайно мои коллеги на Западе, экономисты, услышав о частной собственности, тут же задают вопрос: а что это такое? и как вы это понимаете? Они лишены нашего обостренно идеологического

понимания частной собственности. Социальная защищенность и уровень жизни трудящихся в капиталистических странах сейчас неизмеримо выше, чем до войны, 50 или даже 30 лет тому назад, не говоря о временах более ранних. Взять, к примеру, рынок труда. Он один из самых зарегулированных. Я был немало удивлен, узнав, что практически ни в одной стране Запада, включая США, преподавателя высших учебных заведений, единожды взятого в штат, невозможно уволить независимо от результатов его работы, вплоть до пенсии. И как можно продолжать говорить о произволе собственника и эксплуатации человека человеком, словно капитализм застыл на месте, а не трансформировался серьезным образом?

Любителям сопоставлений можно посоветовать сравнить долю заработной платы и других выплат в валовом национальном продукте, и станет ясно, что «у нас» от работника отчуждается в 2—2,5 раза большая часть производимого продукта, чем «у них». Что, естественно, отражается на реальном уровне жизни.

Если вести честный разговор не только о «них», но и о «нас», то следует признать, что несмотря на попытки сохранить идеологическую девственность на словах, мы на деле уже давно де-факто имеем частную собственность в своей стране, как бы ни прикрывали ее эвфемизмами, называя личной, индивидуальной или кооперативной.

Какой главный признак частной собственности? Использование наемного труда. У меня был однажды интересный разговор с корреспондентом американской телекомпании «Эн Би Си».

— Расскажите, — просит она, — о советских частных предпринимателях.

— Да мы их не называем частными.

— Почему?

— Нет эксплуатации наемного труда.

— Но, — продолжает она настаивать, — как же так? Ведь если, предположим, семья завела кооперативное кафе, а дела пошли хорошо и кафе расширяется, она может взять на работу швейцара или официантку. Разве это не наемный труд?

В общем, я ее не убедил, да и не мог убедить.

Какой прок от того, чтобы, вопреки очевидному, по-страусиному прятать голову в песок, приговаривая «чур меня»? Все равно не пронесет. Китайцы допустили частную собственность, все восточноевропейские страны. Остались только мы в компании с Кубой, Северной Кореей и Албанией.

В самом деле, какие аргументы экономического и этического порядка могут быть использованы против частной собственности, если частное или, предположим, кооперативное предприятие обеспечивает своим работникам гораздо более высокий доход, социальные блага, уровень жизни, чем государственное.

Ну, а что касается эксплуатации, то государству надо, очевидно, лишь следить за тем, чтобы на негосударственных предприятиях

ловия труда и социальная защищенность были не ниже, чем на государственных. А если лучше — пожалуйста.

Кстати, ратуя за аренду, семейный подряд и прочие новые формы хозяйствования на селе, мы стыдливо умалчиваем, что при нашем уровне технической оснащенности сельского хозяйства внедрение этих форм и их потенциальный эффект напрямую связаны с самоэксплуатацией.

Итак, без прав собственности не может быть рынка, рынок же с усеченными правами собственности, без частного предпринимательства окажется усеченным до неузнаваемости, какие бы усилия по его развитию в нашей стране ни предпринимались. Естественно, со всеми вытекающими отсюда последствиями с точки зрения эффективности производства и удовлетворения общественных потребностей.

Но если прежние административно-командные методы и формы хозяйствования не только не дали нам преимуществ, но и завели в тупик, предопределили наше прогрессирующее отставание от развитых стран, а в использовании рыночных механизмов мы заведомо будем проигрывать капиталистическим государствам, то, спрашивается, на что же нам рассчитывать в будущем, какое чудо должно произойти, чтобы мы хотя бы приблизились к сообществу экономически развитых стран?

А если подобное чудо даже представить себе трудно, тогда возникает другой закономерный вопрос. Что же нам мешает признать частную собственность, чтобы, развивая рыночные отношения, быть как минимум не в заведомо стесненных и худших в сравнении с другими странами условиях?

Председатель Совета Министров не раз заявлял, что вопрос о частной собственности для нас — это вопрос не экономический, а политический.

Что ж, если с этим и можно согласиться, то лишь отчасти. Ведь если исходить из ленинского определения, что политика — это концентрированное выражение экономики, то очевидно, что при столь плачевном состоянии нашей экономики и удручающих перспективах политический курс должен строиться таким образом, чтобы снять ограничения, мешающие развитию хозяйства, раскрепостить экономическую деятельность, сделать так, чтобы наша страна стала полноправным участником общемирового экономического и научно-технического прогресса. И разве не дело чести и совести политика, зная о заведомо проигрышных условиях игры, сделать все что в его силах, чтобы эти условия изменить?

Так что определяясь политика только экономикой, мы бы, я думаю, уже давно сделали тот самый первый шаг, о котором шла речь в начале статьи. Мы стали бы называть вещи своими именами и частную собственность частной, а не индивидуальной, личной, кооперативной или какой-либо иной.

Но политика — это не только экономика, это еще и идеология. И вот здесь-то сложности. Они прямо связаны с позицией по воп-

росу о частной собственности, сформулированной в первом программном документе марксизма «Манифесте коммунистической партии» в 1847 году. Отношение к частной собственности стало, помимо всего прочего, той самой главной лакмусовой бумажкой, которая отличает идеологические установки коммунистических партий от взглядов представителей иных движений и партий социалистической ориентации.

Неприятие частной собственности прививалось так долго, что стало в общественном сознании устойчивым стереотипом, отделяющим социализм в нашей трактовке от того, что мы понимаем под капитализмом, стереотипом, заставляющим многих предпочитать уравнительность при низких производительности труда и уровне жизни раслоению при эффективном производстве и уровне жизни неизмеримо более высоким.

На эту тему есть грустный анекдот о разнице между американцами и русскими. Если у одного из двух американцев-соседей есть две машины, а у другого только одна, последний думает: «Вот подзаработаю еще денег и куплю второй автомобиль, чтобы быть не хуже соседа». Если из двух соседей-русских у одного есть машина, а у другого нет, то второй думает: «Вот сожгу у соседа машину, пусть не будет ни у него, ни у меня».

Сформировавшиеся в духе эгалитарного, уравнительного мышления стереотипы социальной справедливости не в меньшей мере, чем идеологические клише, мешают нам адекватно оценивать и воплощать в жизнь реалии рыночной экономики.

Именно эти стереотипы определяют как минимум неуважительное, а на практике часто резко отрицательное отношение людей к частной собственности и имущественной дифференциации.

Но давайте задумаемся: что такое справедливость в экономическом смысле слова? Все ведь зависит от того, как мы это понимаем. Если социальную справедливость понимать как реализацию основного принципа социализма: от каждого по способностям — каждому по труду, а именно на это нацелена сейчас экономическая реформа, то надо отчетливо себе представлять, что К. Маркс, а за ним и В. И. Ленин прямо говорили о том, что этот принцип полностью укладывается в нормы буржуазного права. И поэтому он должен быть впоследствии, при коммунизме, заменен более справедливым, по их мнению, распределением, не зависящим от количества и качества затраченного человеком труда, или, иными словами, «каждому по потребностям».

Когда я говорю американцам про основной принцип социализма, они искренне удивляются: ведь у них он точно такой же. Так что если социалистическое понимание принципа справедливости тождественно буржуазному, не надо нам убеждать и самих себя и всех вокруг, что, воплотив его в жизнь, мы хотим, во всяком случае на данном этапе развития, создать нечто принципиально отличное от того, что уже создано человечеством.

Так что проблема есть, и проблема серьезная. Она, если оставить в стороне социально-психологический аспект, заключается прежде всего в том, что нам брать сейчас из марксизма — его букву или его душу. Если душу, то надо вспомнить, что и К. Маркс, и Ф. Энгельс, и В. И. Ленин были убежденными противниками догматизма, они никогда не рассматривали марксизм как нечто застывшее, как своего рода Священное писание. Что целью марксизма как учения, как руководства к практическим действиям являлся поиск путей для раскрепощения человека, создания наилучших условий для его всестороннего и свободного развития. Что теория марксизма выростала из анализа реалий, питалась жизнью, а не подгоняла ее под готовые схемы, что практика всегда оставалась для марксистов главным критерием истины.

Короткий опыт начала 20-х годов — яркое тому подтверждение. К сожалению, со смертью В. И. Ленина из марксизма душа была выхолощена, а буква приобрела самодовлеющее значение.

Сейчас, как и при переходе от военного коммунизма к нэпу, вновь настала пора делать выбор. Выбор между поклонением в значительной мере утратившим свое значение символам, следованию догме и реализмом, стремлением использовать все лучшее, что выработало человечество, для счастья и подъема благосостояния советского человека. Заклинаниями о чистоте идеалов делу тут не поможешь. Скорее наоборот, общество, как показывают события последнего времени в странах Восточной Европы, начинает отвергать идеи и идеалы, оторванные от реальностей жизни.

Проблема признания — или непризнания — частной собственности как раз из разряда ключевых, основополагающих. И это, здесь я полностью согласен с Рыжковым, вопрос, несомненно, политический. В том смысле, что он требует политического мужества от руководства для того, чтобы вырваться наконец из оков окружающих нас мифов.

Сказав «а», нельзя на этом останавливаться, надо выучить и произнести все буквы алфавита, иначе вместо связной речи получится невнятное бормотанье. Нам понадобятся все элементы рынка, обеспечивающие его эффективное функционирование, включая рынки не только товаров, но также финансов и труда.

И это тоже потребует освобождения от идеологических шор. Финансы, деньги должны будут рассматриваться не через призму высасывания соков из трудящихся, недопущения получения так называемых нетрудовых доходов, а как важнейшее средство мобилизации и повышения мобильности экономических ресурсов общества, как ключевой фактор эффективности хозяйствования.

Формирование рынка труда с необходимостью поставит вопрос о том, что для создания эффективной и социально справедливой экономики нужны не заклинания об отсутствии у нас безработицы, а взвешенная и продуманная политика, обеспечивающая сочетание свободы выбора каждого человека с созданием условий для его всестороннего развития при гарантиях социальной защищенности.

Нужно будет отказаться и от вьевшихся в наше сознание догм о безусловных преимуществах централизованного планирования. Нельзя искусственно противопоставлять план рынку, целенаправленные воздействия на развитие хозяйства и общества — его саморегуляции.

В современной капиталистической экономике рынок — это отнюдь не синоним анархии. О планомерной организации производства в трестах и концернах говорил еще В. И. Ленин. Сейчас, с бурным развитием микроэлектроники и информатики у западных производителей появилась возможность существенно снизить неопределенность в поставках на рынок, оперативно учитывать изменения спроса, производить и дифференцировать продукцию в расчете на конкретных потребителей. Примеры приводить нет необходимости.

Нам надо принципиально менять подход к планированию, менять его характер. В том виде, в котором оно осуществлялось до сих пор у нас, оно себя не оправдало, не стало эффективной заменой или подспорьем рынку. К каким диспропорциям и анархии может вести так называемое плановое ведение хозяйства, мы все знаем по собственному опыту. А может ли планирование на государственном уровне стать действенным инструментом в условиях использования рыночных механизмов — не вполне ясно.

Ведь что такое план производства? Это предписание выпустить в определенный срок определенное количество определенной продукции для удовлетворения определенной потребности. План может быть хорошим лишь в том случае, если точно известна потребность. Иначе будет производиться не то, что нужно. Кроме того, план должен оперативно и гибко учитывать изменения и колебания спроса. Он должен быть сбалансирован, обеспечен ресурсами. В противном случае диспропорции также неизбежны.

Кто лучше изучает спрос, следит за его изменениями и влияет на его формирование? Советское предприятие и плановые органы или западная корпорация? Вопрос, конечно, чисто риторический.

Мы в сотрудничестве с компанией «3 М» проводили семинар для советских предприятий по основным принципам организации и управления в современной западной многоотраслевой корпорации. Для участников семинара полным откровением стала информация о том, сколь тщательно, глубоко и многовариантно компания планирует свою деятельность. И понятно — ведь это для нее вопрос жизни и смерти.

Сейчас, когда научно-технический прогресс ведет к ускоренному обновлению продукции и ее дифференциации, централизованное адресное планирование производства, тем более на длительный срок, становится все более рискованным и сложным делом. Вот мы, например, планируем в 90-е годы резко увеличить производство видеомагнитофонов таких моделей, от которых развитые капиталистические страны стали отказываться уже более года-полутора тому назад.

Нельзя также априорно утверждать, что безусловным преимуществом является возможность концентрировать средства на стратегических направлениях и целенаправленно развивать приоритетные участки хозяйства.

Во-первых, надо быть уверенным в том, что правильно определены стратегические направления и приоритеты. Но демократического механизма выявления общественных потребностей у нас еще не создано. Нет аналогичных эффективных механизмов и в странах Запада. А пока на принятие решений будут влиять ведомственные или групповые интересы, пока сами эти решения будут готовиться и приниматься в значительной мере волевым порядком, узким кругом облеченных властью лиц, пока они будут ориентироваться на производство, а не на потребление, просчеты неизбежны. И тогда концентрация средств для реализации крупномасштабных проектов может обернуться не плюсом, а немислимым расточительством ресурсов. За примерами далеко ходить не надо: вспомним хотя бы поворот северных рек или строительство ЦБК на берегах Байкала.

Во-вторых, крайне трудно учесть не только отдаленные последствия принимаемых решений, но и изменение приоритетов общественного развития. То, что с позиций сегодняшнего дня выглядит разумным и обоснованным, спустя какое-то время может расцениваться совершенно иначе. Возьмем хотя бы строительство крупных гидроэлектростанций и водохранилищ.

И вообще план, который гладок только на бумаге, который скрывает по рукам и ногам живое творчество, самостоятельность и инициативу предприятий — такой план не нужен, от него только вред, он создает иллюзию упорядоченности там, где, возможно, царит хаос и вопиющая бесхозяйственность. План-закон — типичное порождение административно-хозяйственной системы. План должен служить руководством к действиям, причем действиям гибким и многовариантным, он должен выявлять их спектр, но не предписывать готовые решения. Стрельба по движущимся мишеням — вот что такое план для ориентированных на потребителя западных компаний.

При отсутствии механизма обратных связей, саморегуляции экономика и общество не обладают достаточным иммунитетом, беззащитны перед отрицательными воздействиями неверных управленческих решений, принимаемых на верхних этажах административной иерархии. Поэтому негативные тенденции, проявляясь, не гасятся своевременно, а нарастают лавинообразно.

Кстати, и опыт, и сегодняшняя ситуация дают обильную пищу для размышлений о том, что наносит экономике больший ущерб: ошибочные плановые решения и действия в социалистической системе хозяйства или кризисные потрясения как способ разрешения противоречий в капиталистической.

Поиск оптимального сочетания рычагов централизованного регулирования и рынка, то есть целенаправленных воздействий на развитие хозяйства и его саморегуляции — одна из сложнейших проблем

экономической политики любого государства. Изменение характера планирования в подобном контексте — ключевая задача перестройки нашего хозяйственного механизма.

И еще одно соображение в этой связи. Для того чтобы стали другими ход и характер нашего развития, нам нужны не изменения, пусть даже радикальные, а прорывы. Спланировать прорывы нельзя, но зато можно создать для них условия, вот в чем дело.

Переход к рыночной экономике требует также не только переосмотра нашего традиционно негативного отношения к конкуренции, но и последовательных, решительных мер по демонаполизации народного хозяйства.

В рыночной экономике главная движущая сила повышения эффективности, внедрения новшеств, снижения цен — конкуренция. Именно она заставляет производителей изучать спрос, следить за его изменениями, выявлять вкусы и предпочтения различных возрастных групп и слоев населения и предлагать товары, которых нет у других, на лучших, чем у других, условиях, с большим, чем у других, набором потребительских свойств, по более низким, чем у других, ценам.

Такое впечатление, что в капиталистических странах куда лучше, чем у нас, усвоили часто повторяемый в нашей литературе вывод В. И. Ленина о том, что всякая монополия ведет к застою и загниванию. Кстати, именно стремлением подвергнуть обюрократившийся и низкоэффективный государственный сектор очистительному воздействию конкуренции обусловлена прокатившаяся в 80-е годы по капиталистическим странам волна реприватизации — передача национализированных секторов экономики в частную собственность. Одна из особенностей организационно-управленческих изменений крупных транснациональных компаний в последнее десятилетие — в том, что деятельность их производственных и бытовых подразделений переводится на конкурентную основу. Если им это экономически более выгодно, они могут сбывать и приобретать продукцию вне каналов компании.

Никаким иным механизмом — планом или социалистическим соревнованием — мы заменить конкурентную борьбу не можем.

Но этого делать и не стоит. Достаточно лишь отказаться от малооправданной идеологической предубежденности. Вспомним, в чем видели основоположники марксизма главную цель новой общественной системы: создать условия для свободного развития личности. Отсюда каждому по потребностям. Отсюда основной закон социализма — максимально полное удовлетворение материальных и духовных потребностей на основе... и т. д.

Но давайте задумаемся: возможно ли свободное развитие личности без свободы выбора? И далее — возможна ли свобода выбора без свободы предложения, без конкуренции между производителями? Конечно, можно подсчитать и спланировать, предположим, производство туалетной бумаги в расчете на удовлетворение потребностей

всего населения. Хотя это, видимо, не так просто, как показывает наш опыт. Но можно ли спланировать так, чтобы этой бумаги было пять, десять, пятнадцать видов, всевозможной формы, цвета и рисунка, как это мы видим на прилавках, бывая за рубежом? Не плановая диктатура, а рынок и конкуренция, борьба за потребителя определяют предпочтения и вкусы населения, устанавливают, сколько, где и какой продукции нужно предложить, чтобы полностью удовлетворить самый разнообразный спрос.

Или другой пример: компьютеры. Возьмите любой из многочисленных западных журналов по этой теме, и вы увидите десятки модификаций персональных компьютеров, предлагаемых многими фирмами из многих стран на самых разных условиях. С одной стороны — есть что выбирать, а с другой стороны — стимул сделать лучше, удобнее, дешевле, чтобы купили у тебя. И то, что кажется хорошим сегодня, завтра будет анахронизмом. А мы все думаем, что построим завод по производству компьютеров и решим проблему.

Так что для того, чтобы удовлетворять быстро меняющиеся потребности, нужен еще и соответствующий механизм. В противном случае мы не сможем переориентировать экономику на человека. Непотъемлемые экономические права и свобода человека должны подкрепляться не декларациями, а реальной юридической и хозяйственной инфраструктурой. И здесь нам придется непросто, ибо на Западе — вопросы добросовестной конкуренции, создания равных условий конкурентной борьбы в интересах и производителя и потребителя — давно в числе центральных задач политики государства. Достаточно вспомнить, как формулировал это при переходе от военной к гражданской экономике отец западногерманского чуда Л. Эрхард:

«В основные хозяйственные права входит свобода каждого гражданина устраивать свою жизнь так, как это отвечает — в рамках его финансовых возможностей — его личным желаниям и представлениям». По сути похоже на марксистские положения, хотя фразеология, чувствуется, не наша. И далее: «Это основное демократическое право свободы потребления находит свое логическое дополнение в свободе предпринимателя производить и продавать те продукты, которые отвечают спросу, т. е. которые он считает соответствующими желаниям и потребностям покупателей и производство которых поэтому необходимо и обещает ему успех. Свобода потребления и свобода хозяйственной деятельности должны в сознании каждого гражданина восприниматься как неприкосновенное основное право. Посягательство на них должно караться как покушение на наш общественный строй. Демократия и свободное хозяйство находятся в такой же логической связи, как диктатура и государственное хозяйство» [Э р х а р д Л. Благополучие для всех. (На рус. яз.), Карлсруэ, «Кондор», 1960, с. 19].

Искусственное противопоставление и риторический запал человека, внесшего значительный вклад в развитие регулируемого и социально ориентированного рыночного хозяйства, чем-то сродни твер-

докаменным позициям наших собственных идеологов, стоящих на страже ложно понимаемых принципов. Но цитата приведена не для этого. Она показывает степень понимания тесной взаимосвязи между свободой выбора и механизмом ее реализации, вот что важно.

Демонополизация и создание конкурентных структур для нас — это вопрос вопросов. Ведь сейчас у нас монополия такая, какой нет ни в одной другой стране. Монополия ведомств сочетается с монополией предприятий — зачастую единственных производителей отдельных видов продукции. Отсюда диктат производителя, нежелание считаться с требованиями потребителя и прочие реалии нашей ирреальной экономики.

Что такое ведомственный интерес и в какие он может вступать противоречия с интересами развития общества и конкретного человека, мы слышаны немало. Но жизнь дает все новые поразительные примеры.

Вот что рассказали приехавшие из Удмуртии геологи-нефтяники С. И. Кучеренко и П. А. Курочкин, три года назад потерявшие работу из-за того, что они, будучи в Миннефтепроме, взялись отстаивать государственный, а не ведомственный интерес супермонополиста. Механизм расточительства и бесхозяйственности выглядит примерно следующим образом. Во-первых, министерство, естественно, старается выбить как можно большие капиталовложения на буровые работы, дорогостоящий способ проведения которых технически и организационно является самым бездумным и бесхлопотным. Получив средства, оно уже, естественно, стремится не к их экономии, а к полному расходованию. Во-вторых, надо получить как можно менее напряженный план по добыче. Но как быть, если геологи установили наличие крупных запасов нефти? Выход такой — всеми правдами и неправдами списать, занизить величину запасов. И запасы успешно списываются. Эта практика обходится государству в десятки миллионов тонн столь необходимой нефти. В свободно конвертируемой валюте, которую можно было получить за продажу дополнительно добываемой нефти, потери исчисляются миллиардами долларов. Наконец, и в процессе разработки месторождений нефтяники стремятся главным образом снять сливок, оставляя в недрах уже навечно громадные количества нефти, которую можно извлечь.

Такая вот схема. Побольше взять, поменьше дать. Чем меньше план, тем легче его выполнить, выйти в передовики, получить не только премии, но и ордена.

Ну какая еще, кроме нашей, экономика выдержит такое, с позволения сказать, хозяйствование?

Чтобы подорвать монополию, нужно прежде всего дать реальную самостоятельность предприятиям, вывести их из ведомственной подчиненности, предоставить возможность производить то, что они сами хотят, считают для себя выгодным, необходимым потребителю. Нужно, чтобы они могли диверсифицировать производство, как это дела-

ют западные корпорации. Нужна специальная программа создания конкурентных структур и т. д. и т. п.

И здесь вот что надо иметь в виду. В мире конкуренция давно уже приобрела международный характер. Сейчас все сколь-либо крупные компании мыслят только глобальными категориями, категориями мирового рынка. Национальные границы для них стираются.

Чтобы преуспеть, производители вынуждены следить за ситуацией, новшествами, поведением конкурентов во всех странах. Следить и как можно быстрее использовать в своей практике. В Лондоне, в штаб-квартире «Бритиш петролеум» мне показывали дисплей, с помощью которого можно в мгновение ока связаться с любым из филиалов компании в десятках стран мира и получить исчерпывающую информацию по всем интересующим вопросам. И так практически во всех крупных компаниях. Идет взаимопроникновение и товаров, и капитала. Ускорилась диффузия нововведений. Мир связывается все теснее, становится поистине взаимозависимым. И чем активнее страны участвуют в международном обмене, тем больше они используют его преимущества. Те же, кто этого не делает, рискуют остаться на обочине мирового научно-технического и экономического прогресса.

Когда заходишь в доступный по ценам американский универмаг, видишь одежду и обувь, бытовую технику и прочий ширпотреб буквально из всех стран мира. Да что там ширпотреб. В США около 90 процентов всех производителей обрабатывающей промышленности используют в своей продукции компоненты иностранного производства. Вдумайтесь в эту цифру. Чуть зазеваешься — и будешь вытеснен не только своим местным, но и иностранным конкурентом. Какой уж тут застой!

А из нас никак не вытравить автаркическое мышление. Мы готовы рассуждать о преимуществах участия в международном разделении труда, но сами практически ничего серьезного не делаем для того, чтобы по-настоящему открыть нашу экономику. Никак не можем усвоить простую истину, что, не будучи интегрированными в мировое хозяйство, мы обречены на отставание даже в том случае, если экономическая реформа пойдет куда лучше, чем мы можем предположить.

Китай это понял еще в самом начале своей экономической реформы, объявив политику «открытых дверей», приступив к созданию «свободных экономических зон», стимулируя деятельность иностранного капитала.

Мы же в этом отношении куда менее решительны, все время оглядываемся, принимаем половинчатые, а то и просто репрессивные решения, наши связи с капиталистическими странами в последние годы фактически свертываются. Без кардинальных шагов по развитию новых форм сотрудничества выхода из создавшегося тупика не найти, и это надо ясно себе представлять. И нечего здесь бояться. В. И. Ленин даже на заре Советской власти, когда наша страна была разорена и слаба, не боялся предлагать самые радикальные формы использова-

ния иностранного капитала в социалистическом строительстве — совместные предприятия, аренду, концессии и т. д.

Мне кажется, без активного привлечения иностранных инвестиций, создания льготного режима для иностранных компаний на нашей территории, которые начнут поставлять на советский рынок продукцию сегодняшнего и завтрашнего дня, начнут подрывать монополизм наших производителей, заставляя их перестраиваться в ходе конкурентной борьбы, нам такого прорыва не совершить.

Питать надежды на то, что сядут наши светлые головы и придумают сверхмощный компьютер, изобретут велосипед или автомобиль, равных которым нет в мире, не просто бесполезно, но и опасно. Этим занимаются сотни, тысячи предпринимателей и компаний с технической оснащенностью, которая нам не снилась, и, повторяю, конкурируя, тесно взаимодействуя, моментально осваивая все то, что придумывают светлые головы всех стран мира.

И нам никак нельзя обманывать себя псевдопатриотическими рассуждениями о нашей исключительности, неприкосновенности наших ресурсов, об ограблении страны иностранными варягами. Надо раз и навсегда понять: «пикник на обочине» невозможен. Нам бы сначала интегрироваться в мировое хозяйство, а уж потом показать, на что мы способны.

Конечно, преодоление нарастающего разрыва и путь в сообщество развитых стран — чрезвычайно трудны. И радикальное изменение хозяйственного механизма при радикальном структурном маневре могут создать лишь необходимые предпосылки, не более того. Ведь мы, если все будет хорошо, только создадим и начнем работать в условиях, близких к тем, в которых другие страны действуют уже десятки, если не сотни лет, учась на часто трагическом опыте и все более тесно взаимодействуя друг с другом. И здесь не место эйфории по поводу возможных успехов. Нужно четко понимать:

— что в условиях устоявшейся за десятилетия, чрезвычайно живучей и инерционной административно-командной системы нет и не может быть автоматизма в развитии новых методов хозяйствования, экономической реформы в целом;

— что при такой сверхмонополизированной структуре экономики, как наша, и отсутствии конкуренции хозрасчет неизбежно ведет к вздуванию цен и вымыванию товаров дешевого ассортимента, может сопровождаться сокращением, а не расширением производства необходимых потребителю товаров и услуг;

— что при отсутствии необходимой инфраструктуры — информационной, консультационно-посреднической и прочей, а также знаний, навыков, свободы действия непосредственных производителей и потребителей децентрализация может вести не к включению рыночных механизмов, а к дезорганизации и хаосу;

— что признание частной собственности при отсутствии условий для свободного проявления предпринимательского духа и стимулов к производительному труду остается такой же пустой декла-

рацией, как и тезис о возможности построения коммунизма в отдельно взятой стране или о наличии у нас собственности исключительно общенародной.

Нам придется пройти тяжелейший путь, первые шаги по которому будут усугубляться отсутствием необходимых традиций высокой культуры и дисциплины труда, предприимчивости, знаний и навыков и т. д.

Мало изменить «правила игры», то есть осуществить комплексную реформу. Надо найти людей, которые захотят по этим правилам играть. Сколько их — мы пока не знаем, ведь инициатива и предприимчивость вытравлялись у нас в течение десятилетий. Ну, и наконец тем, кто захочет играть по «новым правилам», нужно будет получить хотя бы приблизительные знания о том, что такое рынок, как на нем действовать и т. д. и т. п. Здесь у нас практически нет заделов, поскольку реальная экономика, тем более рыночная, в стране по сути дела с конца 20-х годов не изучалась и не преподавалась. Между тем в мире десятки, если не сотни тысяч студентов ежегодно получают стандартное экономическое образование в объемах, превышающих знания большинства ведущих советских экономистов.

Не случайно Китай наводнил в 80-х годах своими студентами западные университеты и школы бизнеса. Только в США, по оценкам, обучалось 20—30 тысяч китайских студентов в год. Это инвестиции в человеческий капитал, в тех, кто в случае успешно проведенной реформы сможет успешно работать в новых условиях.

Всеобщая некомпетентность, — на мой взгляд, в долгосрочном плане еще более серьезная наша проблема, чем продовольственная, жилищная или какая-либо другая. Мой прогноз: если реформа пойдет у нас хорошо, нехватка компетентных, профессионально подготовленных кадров превратится в перспективе в главный тормоз экономических преобразований.

Признавая важность проблемы обучения на словах, мы, однако, предпринимая такие попытки ее решения, которые и робкими-то назвать нельзя. Без массового целенаправленного обучения и стажировки за рубежом, без кардинальной реорганизации системы экономического образования внутри страны нам ситуацию не переломить. Вообще же, чем больше у нас будет контактов на всех уровнях человеческого общения, тем лучше. Тем быстрее мы осознаем и свое место в мире и тот путь, который нам предстоит пройти.

Нельзя и развитие стран капитализма представлять как идиллическую картину. Развитие сопряжено с острыми конфликтами, потрясениями, кризисами. Мы же знаем из философии, что движение вперед возможно лишь через борьбу противоположностей, через накопление и разрешение противоречий, через отрицание отрицания.

Вступая в конфликт с потребностями развития производительных сил, производственные отношения не остаются раз и навсегда застывшими, окостенелыми, а изменяются, часто вместе с острым кризисом. И затем дают новый импульс развитию производительных сил.

Надо осознавать во всей полноте, что конкуренция, эффективность и быстрое освоение научно-технических достижений чреваты разорением неудачников и безработицей. Предприимчивость и инициатива могут вести к сговору, картелированию и обману. Рост доходов — сопровождаться попытками их сокрытия, коррупцией, рэкетом, мафиозными образованиями. Экономический интерес, извлечение прибыли могут заслонять человека и его нужды, диктовать хищническое отношение к природе.

Все это тоже реалии экономической жизни при капитализме. Однако на Западе рыночные механизмы действуют уже не одну сотню лет. И общество накопило богатый опыт борьбы с теневыми сторонами этих механизмов, вооружилось большим набором средств, препятствующих, хоть и не всегда эффективно, развитию негативных явлений.

Но у нас-то такого опыта нет, нет и соответствующих инструментов регулирования. И сейчас, по-моему, крайне важно сделать все возможное, чтобы не повторять ошибки, за которые другие страны уже заплатили очень дорогую цену, цену жесточайших кризисов и социальных катаклизмов. Иначе недостаточно сдерживаемые негативные экономические и социальные процессы, сопровождающие переход к новым методам хозяйствования, могут дезавуировать курс на радикальную экономическую реформу, привести к росту социальной напряженности.

И в этих условиях перехода к рыночной экономике, децентрализации, демополизации роль государства, государственной политики отнюдь не падает, как можно было бы предположить, но качественно меняется.

Перестав диктовать и предписывать, государство берет на себя функцию по созданию системы правил экономического поведения, гибкому реагированию, тонкой настройке и регулировке всего хозяйственного механизма, всей структуры прямых и обратных, вертикальных и горизонтальных связей. И это задачи куда более сложные, чем голое администрирование и приказ, их решение требует большей компетентности, знания и учета реалий хозяйственной и социальной жизни.

Здесь круг изучения и практического применения западного опыта государственного регулирования более чем обширен.

В любой общественной системе государство выполняет следующие важнейшие функции:

- законотворчество, то есть определение «правил» игры и контроль за их соблюдением;
- общественное потребление (расходы на здравоохранение, образование, оборону и т. д.);
- государственное производство товаров и услуг (как правило, в коммунальном хозяйстве, в тех секторах хозяйства, которые по каким-либо причинам малопривлекательны для частного бизнеса);
- социальное обеспечение.

Акценты, понятно, могут быть разными. В США администрация Рейгана, например, формулировала главную цель государства как «создание стабильной экономической среды, позволяющей каждому индивидууму в максимальной степени раскрыть свой потенциал. Каждый человек и каждый бизнесмен должны строить свои долгосрочные планы в уверенности, что государство не изменит «правил игры» на полдороге» [Economic Report of the President. U.S. Government, Washington D.C., 1989, p. 6].

В моделях скандинавского типа больший упор делается на перераспределительные функции с целью выравнивания дохода в пользу менее обеспеченных слоев (молодежь, пенсионеры, инвалиды) и повышения уровня социальной защищенности.

Все эти функции присущи и нашему государству. Но в условиях регулирования рыночной экономики радикально меняется механизм их осуществления. И еще два обстоятельства в данном контексте необходимо отметить. Помимо различий механизмов регулирования, принципиальное различие между «ними» и «нами» заключается, на мой взгляд, в том, что «у них» приоритеты и масштабы государственных расходов являются предметом широкого обсуждения. Правительству надо убедить парламент или конгресс и, соответственно, стоящих за ними избирателей в том, что такие-то деньги надо тратить на, предположим, СОИ, такие-то выделить для совместного полета к Марсу, эту сумму — на помощь голодающим в «третьем мире», а столько-то — на собственную социальную сферу.

Оценка и сравнение альтернатив, выбор приоритетов ведутся гласно, и возможности волевых единоличных решений ограничены. Такая полнокровная процедура нужна и нам. Только тогда все общество, а не узкий круг лиц сможет решить, много ли тратим мы средств на те или иные цели или мало.

И второе. Для того чтобы обсуждать подобные вопросы, нужна информированность. Секретность должна быть сведена до минимума. Ведь государственная безопасность достигается не утаиванием информации, причем не столько от противников, сколько от самих себя, а, напротив, детальным и полным знанием сильных и слабых сторон жизни общества. Только при таком знании может быть выработан правильный курс развития, будет умножаться национальное богатство, устраняться недостатки и решаться проблемы, что в конечном счете и обеспечит безопасность в самом широком смысле.

Специалистам до сих пор гораздо проще черпать данные, например, о советской цветной металлургии, средствах связи из докладов ЦРУ и других зарубежных источников, а не из наших собственных. С машиностроением вообще катастрофа. Мы практически лишены удобоваримой и сопоставимой статистики по отрасли, определяющей научно-технический прогресс в экономике, поскольку значительная часть машиностроительной продукции производится на предприятиях оборонной промышленности.

Надо хорошо представлять себе процесс формирования государственной политики, выработки экономического курса в странах Запада. Там нет раз и навсегда заданных приоритетов и долгосрочных целей. И вот что важно иметь в виду. Пророка нет не только в своем отечестве, но и в чужом. Экономическая наука на Западе плюралистична, в ней сосуществуют и конкурируют теории и взгляды, часто взаимоисключающие друг друга. И подход к решению тех или иных проблем зависит от того, какой системы взглядов придерживается тот или иной ученый или политический деятель.

Превалирующие взгляды и их воздействие на формирование социально-экономической политики государства во многом зависят от реально складывающейся в обществе ситуации, от остроты тех или иных проблем. На первый план может выходить борьба с безработицей или инфляцией, стимулирование экономического роста или реструктуризация хозяйства и т. д. Политика отражает приоритеты общественных потребностей, ее изменения носят маятниковый характер. Если, например, крен на решение социальных вопросов ослабил стимулы к производительному труду, то можно ожидать, что в политике упор будет перенесен на дерегулирование, поощрение конкуренции и усиление роли рынка. И наоборот.

Мы любим рассуждать о плюрализме мнений, необходимости альтернативных подходов. Но этого мало. Нужны соответствующие механизмы отбора из одновременно сосуществующих теорий и взглядов того, в чем в данный момент больше всего нуждается общество. И здесь мы выходим за рамки собственно экономики. Подобный отбор — результат действия общедемократических институтов общественного устройства.

Действия партий и правительств, стоящих у власти, любого руководителя в демократическом обществе постоянно являются объектом самого пристального внимания и находятся под огнем критики. В этом и состоит конструктивная роль оппозиции. Критикуя, она обнажает слабости проводимой правящей партией политики. И если эта политика не отвечает интересам большинства населения, оппозиция приходит к власти, получая тем самым мандат на опробование своих подходов к решению стоящих перед обществом проблем.

Вообще поиск несогласных, возмутителей спокойствия — это традиция демократических обществ. Поиск, естественно, для того, чтобы дать им слово, а не затем, чтобы расправиться. В Швеции мне рассказывали, что одна из главных забот газетчиков состоит в том, чтобы, как только правительство начинает готовить какое-либо решение, пусть и отвечающее интересам 99 процентов всего населения, — сразу найти тех людей, которые были бы против. Только такой подход, по их мнению, может уберечь от просчетов.

И конечно, никаких «священных коров». Гласному обсуждению и критике может быть подвергнуто все и вся. Иначе шор и тенденциозности не избежать.

Так что радикальная экономическая реформа должна идти рука об руку с радикальной политической реформой, и создание всех атрибутов рынка должно сочетаться с развитием всех элементов современной демократии.

Конечно же, надо быть реалистами. Неправильно было бы полагать, будто все, что складывалось в течение многих десятилетий, можно изменить по мановению волшебной палочки. Если человек воспитывался и рос в условиях, когда экономический интерес подавлялся, а инициатива была наказуемой не в переносном, а в самом прямом смысле слова, трудно ожидать, что даже при самом радикальном изменении условий этот человек сразу станет смелым и предприимчивым. Реформа — процесс тяжелейший, рассчитывать на ее быстрый успех — иллюзия или самообман.

Давайте же навсегда избавимся от иллюзий, от веры в чудеса. Говорить в условиях обостряющегося кризиса о возможностях каких-то волшебных превращений было бы по меньшей мере наивно. Ближайшие несколько лет в любом случае будут очень тяжелыми. Но если от слов о необходимости развития рынка мы перейдем наконец к делу, создадим реальную правовую основу его формирования, то появится и надежда. Больше нам рассчитывать не на что. В этом надо полностью отдавать себе отчет.

Но и медлить, проявлять излишнюю осторожность смерти подобно. Надо сейчас оценить, все ли в ходе перестройки у нас делается правильно и последовательно, где мы были недостаточно решительными, ограничились полумерами, какие из шагов оказались половинчатыми и не принесли ожидаемого результата. Внести коррективы. Нужна готовность разбить зеркала, если они кривые, идти на любые, самые решительные эксперименты, меры экономической политики, имея в виду главную цель, для которой совершалась революция, — сделать жизнь людей лучше и справедливее.

Нужно наконец определиться в главном, а именно: будем ли мы и дальше упорствовать в биполярном, идеологизированном видении мира, ориентируясь на донельзя упрощенные представления о социализме и капитализме, либо, как и в сфере внешнеполитической, сделаем упор на общечеловеческие ценности, на развитие общественных и экономических механизмов, выработанных современной цивилизацией, откажемся от автаркического мышления, от пути, ведущего в никуда, откроем мир для себя и себя для мира. Ну, а что посеешь, то, как известно, и пожнешь.

Расставаясь с ложными символами, окостенелыми бюрократическими структурами, генетически возвращенным страхом человека перед государством, наше общество переживает острый кризис. Одно из его самых тяжелых и трудно поддающихся лечению проявлений — утрата консенсуса, гражданского согласия, объединяющего столь мозаичное и раздираемое противоречиями общество. Возврата к старому нет и быть не может. Основой для согласия может стать дорога в общечеловеческую систему координат.

Страны «третьего мира»: клиенты или партнеры?

Отношениям Советского Союза с развивающимися странами посвящено немало монографий и статей. Но можем ли мы сегодня утверждать, что действительно анализировали эту сферу взаимодействия с внешним миром, поглощавшую немалые ресурсы и игравшую важную роль в формировании облика СССР как члена мирового сообщества? Скорее всего, это вопрос риторический. Объективный анализ с использованием терминологии эпохи «до нового мышления» был практически невозможен, да и не могло быть открытой публикации, трактующей отношения с «третьим миром» с позиций реальной исторической ответственности перед советским народом и мировым сообществом. Точка отсчета была иной — ею был идеологически заданный стереотип, и добровольцы должны были подчинить свой анализ задаче, имевшей лишь внутреннюю, чисто пропагандистскую ценность.

К сожалению, лакмусовая бумажка нашего самосознания в качестве субъекта процессов в «третьем мире» и объекта их обратного воздействия до сих пор свидетельствует против нас. А свидетельство это простое: мы по-прежнему, уже на шестом году перестройки, крайне медленно признаем необходимость анализа экономических и политических отношений с развивающимися странами. Мы продолжаем демонстрировать черты членов тоталитарного общества, для которого любой внешний объект важен (и существует) лишь в зависимости от того, какая ему придастся функция в системе координат внутренних условностей.

В этом смысле роль «третьего мира» в нашей системе пропагандистских стереотипов довольно значительна. Ее суть коротко можно сформулировать так: СССР — великая держава с высокоразвитой экономикой, щедро помогающая отсталым народам в экономическом строительстве, противостоянии неоколониалистскому натиску империализма; при этом любые экономические потери Советского Союза оправданны благодаря успехам коммунистической идеологии — если бы не мы, транснациональные корпорации и международные финансовые институты задавили бы все прогрессивное в «третьем мире»; весь мир с восхищением и плохо скрываемой завистью наблюдает на-

ше самопожертвование ради светлого будущего этих стран. Пусть критикуют наши бескорыстные отношения с развивающимися странами очернители — сердце советского человека должно наполняться гордостью при мысли о благородной международной миссии СССР. Если же отсутствие колбасы в магазинах и наводит на мысль о чрезмерных размерах помощи и неясности относительно других видов связей с развивающимися странами, то лишь наиболее политически незрелые шахтеры да народные депутаты Н.П. Шмелев и А.А. Собчак решаются спросить вслух, как объяснить все это.

И тем не менее подтекстом научных и публицистических работ все чаще становится вопрос о реальной роли «третьего мира» в наших внешних связях, о необходимости отказаться от внутренних пропагандистских стереотипов. Но сложность ситуации заключается в том, что такой анализ сдерживается бюрократическим аппаратом, скупо дозирующим открытую информацию, а это в свою очередь исключает проблемы помощи из круга обсуждения даже наиболее раскрепощенной части представителей власти — народных депутатов и Верховного Совета СССР. В подтверждение приведем только три факта. Во-первых, несмотря на всю ярость, с которой на I Съезде народных депутатов СССР обнажились экономические проблемы, депутаты (и, главное, представлявшие Совет Министров и Центральный Комитет) не отреагировали на предложение Н.П. Шмелева и прибалтийских делегатов сократить помощь, тогда как все остальные варианты экономики были рассмотрены.

Во-вторых, на второй сессии Верховного Совета во время обсуждения бюджета на 1990 год никто, кроме того же Н.П. Шмелева, не поставил под сомнение целесообразность выделения 10 миллиардов рублей на помощь развивающимся странам. А перед этим вообще без обсуждения был заслушан доклад о внешней политике Э.А. Шеварднадзе. Вероятно, депутаты не смогли сформировать суждение по проблемам помощи именно потому, что с устоявшейся деликатностью отнеслись к нашему политическому курсу. Очевидно также, что причина деликатности — в неинформированности, ограничивающей возможности анализа. Но, не приняв на себя ответственность за реализацию внешнеполитического курса, депутаты не ощутили потребности отвечать за его финансирование. Так осталась закрытой область отношений с «третьим миром».

И, наконец, в-третьих, единственное пока решение относительно объема помощи было принято вслепую, без обсуждения и дополнительной информации. Это включенная в постановление Верховного Совета СССР о концепции перехода к регулируемой рыночной экономике рекомендация правительству сократить объем помощи зарубежным государствам.

Понятно, что отсутствие информации и ссылки на внешнеполитические приоритеты сдерживают не только депутатов, но и ученых. Зато таинственные внешнеполитические приоритеты — замечательная дымовая завеса для министерств и ведомств, Госплана и Совми-

на, за которой весь комплекс отношений с «третьим миром» перестраивается, не меняясь. В то время как ученые и публицисты разрушают догмы об общественных движениях и политических процессах в развитых странах и министерство иностранных дел переходит к реальности в отношениях с центрами мирового хозяйства, на «третий мир» перемены распространяются медленно. Уже написаны статьи, авторы которых подчеркивают многозначность понятия «социальный прогресс» в современных условиях, обращают внимание на противоречивость леворадикальных движений в «третьем мире» и подвергают сомнению как функцию национально-освободительного движения, так и миссионерскую роль СССР в развивающихся странах [см., например: М и р с к и й Г. Социалистическая ориентация в «третьем мире». — «Рабочий класс и современный мир», 1988, № 4; М а к с и м е н к о В. Социалистическая ориентация: перестройка представлений. — «МЭ и МО», 1989 № 2; К и в а А. Социалистическая ориентация: теоретический потенциал концепции и практическая реальность. — «МЭ и МО», 1988, № 11; Б о в и н А., Л у к и н В. Перестройка международных отношений — пути и подходы. — «МЭ и МО», 1989, № 1]. Но внешнеполитический курс по отношению к «третьему миру» привычно «одобряется», а по поводу экономических связей с ним, рассматриваемых в целом как «сотрудничество», предлагается перестройка отдельных направлений в рамках сложившейся привязки к внешнеполитическим и хозяйственным задачам нашей страны [см. З е в и н Л. Некоторые вопросы экономического сотрудничества СССР с развивающимися странами. — «МЭ и МО», 1988, № 3]. В то же время внешнеполитические позиции СССР едва ли не сильнее экономических страдают от противоречивости курса отношений с развивающимися странами. На наш взгляд, он мало способствует разрушению образа Советского Союза как тоталитарного государства и пока слабо отражает такие принципы нового мышления, как деидеологизация и гуманизация межгосударственных отношений.

Итак, экономические связи Советского Союза с развивающимися странами включают две составные части, тесно переплетенные и трудноразделимые, — так называемые «экономическое и техническое содействие» и «взаимовыгодное сотрудничество». Оба термина — условные, не имеющие аналогов в мировой практике, где, как известно, речь идет обычно либо о льготном предоставлении ресурсов — помощи, либо о торговле и движении капитала на обычных рыночных условиях. Попробуем разобраться, в какой мере эти формы связей отвечают требованиям перестройки.

«Экономическое и техническое содействие»

Содействие — дальний родственник принятого в мировой практике понятия «помощь», но родственник особый. Именно так обычно характеризуются этот вид связей Советского Союза с развивающимися

ся странами: это отношения «особые», «нового типа». Новизна их и превосходство над всеми другими всегда доказывались незамысловато, так как, по определению, было ясно, что внешние отношения страны победившего социализма — лучшие в мире, а тем более — с угнетенными народами.

Для упрямцев, не верящих в определения, приводилась и нередко теперь еще приводится серия «аргументов» в виде натуральных показателей (мощности построенных заводов, кубометры перемещенной воды, тысячи штук поставленных тракторов и т.д.) и даже относительных (доля этих показателей в общем производстве или импорте соответствующей страны). Правда, в этих выкладках даже не ставился вопрос о том, приблизилась ли принимающая страна к самоподдерживаемому росту, совершила ли шаг вперед к социальной справедливости (хотя бы понимаемой просто как выравнивание распределения доходов). Не встретите вы и четкого сопоставления условий кредитования, которое убедительно доказывало бы превосходство наших условий над западной помощью. Что уж говорить о постановке, казалось бы, неизбежного, необходимого вопроса о целях помощи с учетом оценки их достижений, то есть о критериях эффективности. И это не случайно, так как содействие — исключительно противоречивое понятие. Потому и доказательства противоречивы — с одной стороны, утверждается, что льготность советского содействия значительно выше, чем помощь других стран и международных организаций, но, с другой стороны, доказывается, что Советский Союз ничего не теряет, оказывая содействие. Такая противоречивость действительно отличает содействие от помощи, и мы к этому еще вернемся. Но начнем перечень особенностей содействия с основы основ — пусть нигде не сформулированных, но реально существующих задач содействия, которые во многом определяют его сходство с международным понятием помощи и отличие от него.

Первая из них — идеологическая сверхзадача. Она выросла естественным образом из теории общего кризиса капитализма, конфронтационного подхода к «лагерю империализма» и освященной партийными документами борьбы двух систем. Ключевое понятие здесь — интернациональный долг Советского Союза (или советских трудящихся), под хоругвями которого совершалось вторжение в Чехословакию и введение «ограниченного контингента советских войск» в Афганистан. Иначе говоря, идеологическая сверхзадача всегда была настолько сильна, императивна, что оправдывала даже военное вмешательство в дела других государств (при непрекращавшихся официальных заверениях в признании государственного суверенитета) и огромные военные поставки. В результате даже теперь, после принятия новой оборонной доктрины и перехода к реальному воплощению принципа военного неприятия на чужих территориях, мы остаемся крупнейшим поставщиком оружия в «третий мир», а наша военная помощь, по оценке ЦРУ, соотносится с экономической, как 1,8:1 [U.S. Central Intelligence Agency. Handbook of Economic Statistics,

1988] (для США соотношение 0,6:1) [Report of the Task Force on Foreign Assistance to the Committee of Representatives. Wash., 1989, p. 2].

Вся стратегия отношений с развивающимися странами базировалась на конфронтационном видении мира, при котором эти страны неизбежно превращались в поле выяснения баланса сил с капиталистическим Западом. В этих условиях экономическое содействие наделялось миссионерской функцией поддержки «ростков социализма», «прогрессивных режимов» в «третьем мире», отсталых стран с социалистической идеологией (Куба, Монголия, Вьетнам, КНДР).

Идеологическая сверхзадача содействия оправдывала любые затраты, но так и не стала базой для оценки его эффективности. Лишенные экономического критерия, вложения средств в чужую идеологию оценивались, как и все в нашем хозяйстве, по затратам, по валу. Главным было не столько добиться реальных результатов в борьбе двух систем, сколько громко заявить об участии в ней Советского Союза. При этом официальный курс на советское участие в соревновании благотворительности обосновывался якобы неустанными усилиями противоположной стороны — империалистических держав — в этой борьбе.

Интересно, что миф об аналогичной идеологической сверхзадаче империализма и «неоколониалистской сущности» его помощи «третьему миру» оказался удивительно живучим и до сих пор существенно влияет на нашу внешнюю политику. Этот миф был ответвлением большого мифа о загнивающем и паразитическом капитализме, нуждавшемся в искусственной подпорке в виде интенсивного перекачивания ресурсов из развивающихся стран. Даже международные экономические организации, включая Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ), носили у нас ярлык «агентов коллективно-неоколониализма». В результате мы и сегодня, несмотря на явный прогресс в трактовке международных отношений, продолжаем поддерживать стереотип «эксплуататорского характера» помощи, фактически идя на поводу у левозэкстремистски настроенных лидеров развивающихся стран.

Сохраняя эту традицию, даже исследователи обходят стороной реальные сдвиги в отношениях богатого Севера и бедного Юга. Существование изменений особенно наглядно проявляется в новой этике отношений кредиторов и заемщиков, доноров и принимающих стран, основанных на явлении, уже замеченном и признанном нами, — взаимозависимости развитых и развивающихся стран. Именно осознание развитыми странами взаимозависимости заставляет их списывать долги, повышать льготность помощи и предлагать принимающим странам активнее открывать экономику — кроме прочего, для того, чтобы страны-доноры подкрепили льготную помощь другими, частными и нельготными потоками товаров и капитала.

Если идеологическая сверхзадача была общей для всей стратегии помощи, то отношения с рядом стран подчинялись ей одной, мотивировались только идеологически. По западным оценкам, к этому виду помощи принято относить содействие Кубе, Монголии, Вьетнаму, составляющее в последние годы $\frac{3}{4}$ всего нашего содействия «третьему миру», а также странам социалистической ориентации, равное 1,2 — 1,5 миллиардов долларов в год [U.S. Central Intelligence Agency. Handbook..., op.cit.]. Учитывая, что страны соцориентации в большинстве своем являются наименее развитыми, можно было считать помощь им выходящей за пределы идеологически мотивированной, если бы не одно «но»: модель содействия со всей очевидностью преследовала цель воссоздания на их почве нашей собственной, социалистической, модели экономики.

Вероятно, идеологическую задачу можно было бы считать реализованной, если бы экономическое содействие действительно поддержало курс на социализм. Каков же результат на сегодня? Трудно найти получателя советской помощи, оправдавшего ее идеологические цели. Крупнейшим получателем в «третьем мире» всегда была Куба. Несмотря на инъекции в ее хозяйство огромных средств (по западным оценкам — 5 — 6 миллиардов долларов ежегодно [Ibidem]), несмотря на то что нами созданы целые отрасли легкой и тяжелой промышленности, Куба остается чистым потребителем ресурсов. Это стало особенно заметно в начале 1990 года, когда задержка поставок продовольствия и нефти из СССР немедленно сказалась на уровне жизни населения, потребовала введения срочных мер по увеличению цен и снижению размеров выдачи продуктов по карточкам. Иначе говоря, так и не удалось найти такую модель, которая позволяла бы Кубе (скорее всего — на базе экспортной ориентации сельского хозяйства и добывающей промышленности) развиваться самостоятельно. Уровень развития производительных сил, как и эффективность национального производства, остается невысоким. Общественные отношения также трудно назвать соответствующими классической намечавшейся социалистической модели. Единственным реальным, осязаемым результатом многолетней помощи можно считать лишь воплощение в жизнь многих черт советской модели, которую в самом Советском Союзе далеко не безоговорочно признают социалистической. Так, одной из черт кубинского варианта стала закрытость экономики (если исключить ее замкнутость на связи с СССР) и следование жестким стереотипам во внешней политике. Идеологический результат этой модели, скорее всего, так же далек от социалистического образца, как и экономический.

Что же говорить об африканских и азиатских странах соцориентации, вложения в хозяйство которых были значительно меньше! По нашим оценкам, в 1985 году доля СССР в притоке внешних ресурсов в Алжир составила 0,6 процента, Бенин — 1,3 процента, Гану — 0,1 процента, Конго — 0,6 процента, НДРЙ — 11,7 процента, Мадагаскар — 1,8 процента, Сирию — 6,6 процента, Танзанию — 1,3 про-

цента, Эфиопию — 7 процентов. Этого было, конечно, недостаточно для построения в них маленьких копий Советского Союза, но попытка была сделана — с опорой на тяжелую промышленность и отдельными очагами (зато крупномасштабными, независимо от реалий данной страны) легкой и пищевой промышленности и недоразвитой аграрной сферы, с запретом на иностранную собственность и гипертрофированным госсектором, с централизованным планированием при слабом рынке и в целом закрытом характере экономики. Результат известен — именно идеологические цели достигнуты не были, режимы сменялись в ходе военных переворотов или эволюционировали прочь от социализма. Этому обычно предшествовала ситуация, когда, встав на путь социалистической ориентации, молодые государства постепенно загоняли в тупик свою экономику или усугубляли внутренние социально-политические разногласия и приходили к отказу от этого пути. Характерным стало и то, что принимающие страны начали отбрасывать одну за другой основные черты экономической модели, привнесенные с советской помощью и идеологическим влиянием, и даже без политических переворотов, с сохранением прежних лозунгов, фактически переходить к капиталистической модели. Так, только за 1986 — 1988 годы от принципов централизованного планирования и господства госсектора отказались Ангола, Бенин, Бирма, Танзания, Алжир, Конго, Гана, от ограничения иностранной собственности — Ангола, Бирма, Бенин, Танзания, перешли к открытию экономики Ангола, Танзания, Эфиопия, Бенин, Алжир.

Такие неблагоприятные тенденции сопровождался критикой советской помощи со стороны международных организаций, в которые СССР хотел бы вступить (ГАТТ, МВФ, МБРР), и соответствующей пропагандистской войной со стороны Запада. Ни о каком сотрудничестве стран-доноров для развития, давно уже необходимом «третьему миру», не могло быть и речи.

Вторая серия задач содействия относится к политической и военно-стратегической сфере. Здесь, как и в идеологии, налет конфронтационности приводил к преувеличению разного рода внешних угроз. Удивительно, но соображения национальной безопасности никогда не признавались как одна из причин зарубежных хозяйственных расходов, поэтому остается только догадываться о ее смысле в прошлые годы и о ее влиянии на географическую структуру содействия. За исключением отношений с приграничными и соседними странами, политические соображения были неотделимы от идеологических. В то же время само занесение страны в рубрику «соседней» давало простор огромным инвестициям в содействие, независимо от соотношения чисто экономических потенциалов донора и реципиента. Например, вопрос о том, насколько соображения национальной безопасности оправдывают льготную помощь Индии, давно уже высоко развитой во многих отношениях стране, и отвлечение ресурсов от нормального взаимостимулирующего обмена, пока остается по ту сторону дымовой завесы «политических приоритетов» содействия.

Косвенно данной группе мотивов подчиняются и военные поставки. Формально они не входят в экономическое и техническое содействие и раньше представляли собой чистую коммерцию с оплатой в свободно конвертируемой валюте. К сожалению, дрейф «прогрессивных» режимов от социализма сопровождается незапланированным переводом военных поставок в категорию помощи (в дополнение к тем, которые всегда оформлялись как дар или под льготные госкредиты). Теперь уже к самой по себе безнравственности торговли оружием следует добавить экономический ущерб от нее, рост долга Советскому Союзу.

Наконец, экономические задачи содействия. Они, как и другие задачи, не имели четких формулировок, на которых можно было бы построить критерии эффективности. Фактически объемы кредитов под содействие определялись идеологическим путем или спонтанно «под визиты», а их распределение между секторами — частным и государственным, основными группами отраслей — промышленностью и сельским хозяйством, ориентацией экономики на экспорт или на замещение импорта — по стандартной схеме, не привязанной к конкретным и измеримым долгосрочным целям экономического развития принимающих стран. В то время как специалисты ОЭСР, МБРР и МВФ, ЮНКТАД и ЮНИДО бились над составлением максимально точных критериев оценки эффективности вложений в отдельные объекты и в целом помощи конкретным странам, для нас такой проблемы не было. Но особенно удивляет то, что не был определен и общий критерий народнохозяйственной эффективности для СССР, делались лишь расчеты так называемой бюджетной эффективности, которые вследствие разрыва в соотношениях цен внутри страны и на внешнем рынке улавливали скорее переливы денежной массы между счетами министерств, чем влияние внешних связей на издержки производства, и на практике не способствовали оптимизации содействия.

На какую отдачу от своего содействия мог бы рассчитывать Советский Союз? Это не должна быть прямая выгода (например — завышение цен при экспорте в страны-реципиенты), так как ее наличие немедленно выводит содействие из числа родственников международной помощи — ведь общая льготность (потери) должна достигать не менее 25 процентов вложений. Но вполне допустимы косвенные выгоды. В нашем случае это могло бы быть расширение базы взаимной торговли, налаженный механизм возврата долгов, превращение принимающих стран в надежные источники сырья, продовольствия, промышленных товаров в соответствии с возможностями международного разделения труда. Сегодня приходится констатировать, что таких результатов содействие не дало: достаточно удачно разделение труда складывалось не с теми странами, которые были основными реципиентами, или вне связи с нашим содействием.

Более того, в тех случаях, когда Советский Союз находил с принимающими странами выгодные для себя условия обмена, это не выдерживало критики из-за прямолинейной привязки к содействию.

Классический пример — Куба, куда нередко поставляются машины и оборудование по завышенным ценам, как бы в компенсацию завышения цен при нашем импорте кубинского сахара и никеля. Американский исследователь К. Бах приводит следующие данные: при поставках на Кубу цена легковых автомобилей составляла 132 процента средней советской экспортной цены, мотоциклов — 197 процентов, цемента — 121 процент, оконного стекла — 115 процентов [Bach Q.V.S. A Note on Soviet Statistics on their Economic Aid. — “Soviet Studies”, v. XXXVII, № 2, April 1985, p. 272]. В результате Советский Союз обвиняется активно торгующими государствами в нарушении стабильности мировых товарных рынков введением искусственных мер и получении выгоды за счет принимающего государства. Причем все это становится еще одним препятствием для вступления в ГАТТ, МБРР и МВФ, необходимого для развития внешнеэкономических связей СССР. К тому же подобный обмен вызывает большие сомнения в отношении своей эффективности: если экспорт тех или иных товаров возможен только в результате навязывания кредитуемой стране и бывает неконкурентоспособным из-за высоких издержек производства, то эффективно ли направлять внутренние капиталовложения в такое «экспортное» производство? Мировая практика утверждает, что лучше не расходовать слишком дорогие и редкие ресурсы — в данном случае капитал и технологию, — а усилить иные направления советской экономики и форсировать их, пока не изменится соотношение внутренних ресурсов, их цен и производительности.

Не блестяще выглядят и картина возврата долгов. Поскольку же до сих пор не сформировано рациональное разделение труда с принимающими странами, то ради возврата долгов приходится идти на импорт, далеко не всегда дешевый и эффективный.

Наконец, не стали кредитуемые страны и надежным источником сырья — наиболее ценные его виды они стремятся экспортировать на Запад или в Японию. Мы же и не строим расчеты на долговременную стратегию сырьевого обеспечения, так как до сих пор не проводим систематического сопоставления рентабельности инвестиций во внутреннее производство сырья и в его заграничную разработку или простой импорт (черта закрытой экономики в политическом враждебном окружении). Тот же пример с кубинским сахаром достаточно проблематичен, так как ради скрытого субсидирования кубинской экономики с помощью завышения цен на его импорт мы отказались от пути, признанного рациональным и в более северных странах, чем наша, — развития собственного свекловодства на базе интенсивных технологий.

В последние годы интересная метаморфоза произошла с расчетами объемов содействия. В ней как в зеркале отразились двойственность, противоречивость содействия и отсутствие в нем реальной экономической направленности (как для нас, так и для стран-партнеров). Вынужденные открывать объемы и структуру содействия в ООН, министерство иностранных дел и министерство внешних эконо-

мических связей провели подсчет объемов так, что они оказались максимально раздутыми. Например, объявляемая ежегодно в ЮНКТАД цифра помощи Советского Союза вполне сопоставима с помощью США — крупнейшего донора в мире. Но для этого в нее включаются не только объем использованных кредитов, но и сумма надбавок к ценам при импорте в СССР и скидок при экспорте, а также гипотетические цифры стоимости подготовки в советских учебных заведениях кадров из развивающихся стран и разницы в «ставках возмещения» (оплате услуг) советских специалистов в принимающих странах по сравнению с оплатой западных экспертов. За неимением советских официальных данных приведем для ориентира оценку американского исследователя. Он считает, что общая сумма нашего содействия за 1976 — 1980 годы, заявленная в ООН, складывалась из таких расчетных данных [Ibidem]: кредиты на содействие — 5,9 млрд.руб. (критериям ОЭСР соответствует 4,5 млрд.руб.), дары — 0,5 (0,5), услуги советских специалистов за рубежом — 4,0 (не соответствует), подготовка кадров в СССР — 4,0 млрд. (4,0), торговые субсидии — 7,4 (не соответствует), итого — 21,8 (9,0). Иначе говоря, критериям западной помощи все эти надуманные формы и гипотетические потери не соответствуют, поэтому за рубежом признают 30 — 40 процентов нашего содействия как помощь. По западным оценкам, помощь СССР «третьему миру» составляет от 0,3 процента (оценка ОЭСР [OECD. Development Cooperation Report 1988. P., 1988]) до 0,5 процента (ЦРУ [The Institute of International Finance. Union of Soviet Socialist Republics: Special Report. Wash., 1988, p. 1]) валового национального продукта.

Такое расхождение, видимо, смущает внешнеэкономические и внешнеполитические ведомства, поэтому данные, открываемые в ООН, у нас в прессе не рекламируются. Зато все чаще подчеркивается, что от своего содействия мы... выигрываем, и приводятся опровергнутые выше доводы. Лишь недавно обнародован размер долга Советскому Союзу со стороны развивающихся стран, равный 76,5 млрд.руб. (включая в соответствии с международной классификацией Кубу, Монголию, Вьетнам) [«Известия», 1 марта 1990 г.], но так и не показана доля в нем задолженности в конвертируемой валюте.

Иначе говоря, практика самого содействия и распространения на него гласности со всей очевидностью отстает от требований сегодняшнего дня. Как и в 60—80-е годы, истинные критерии содействия по-прежнему внутривнутриполитические, пропагандистские, идеологические. Внешним же задачам эта практика наносит ущерб — прямые потери в экономике и растущие издержки во внешней политике из-за сохранения в нашем арсенале методов поддержки экстремистски настроенных лидеров «третьего мира» и отсутствия общей почвы для наведения мостов с европейской социал-демократией и присоединения к разумным политическим акциям США и Японии.

Какая же стратегия помощи отвечала бы требованиям дня? Вероятно, построенная на принципах нового мышления и учитывающая

тенденции внутренней хозяйственной реформы и изменений в системе управления внешнеэкономическими связями. Но в любом случае, независимо от характера и размаха новшеств, предлагаемых отдельными исследователями или экспертами центральных ведомств, окончательное решение как о задачах помощи, так и способах их реализации — объемах, структуре, условиях предоставления — должно приниматься Верховным Советом СССР после подробного гласного обсуждения, возможно, в одном пакете с предложениями по основным направлениям политики в «третьем мире» и по другим, нелюбимым видам экономических отношений с развивающимися странами.

Применение принципов нового политического мышления в данной сфере приведет к пересмотру приоритетов экономической помощи, приблизив ее задачи и формы к международным нормам. Поддержка экономики зарубежных стран по идеологическим соображениям, по нашему глубокому убеждению, должна быть сведена на нет. Военно-стратегические приоритеты, рассмотренные с позиций трезвого учета внешней угрозы и основных положений новой оборонной доктрины, дадут обновленную картину геополитических интересов СССР. Военная помощь, как противоречащая курсу на разблокирование региональных конфликтов, уйдет в прошлое — прекрасный пример подала нам Чехословакия, в январе 1990 года объявившая об отказе от военных поставок за рубеж. Политические интересы Советского Союза в «третьем мире» будут оценены также по-новому. Экономическая мотивация помощи будет ограничиваться долгосрочными выгодами для Советского Союза или же задачами экономического развития принимающих стран независимо от идеологической окраски их правящих режимов. Особое место в помощи займет оказание содействия наименее развитым странам.

В ряду перечисленных видов мотивации помощи одним из наиболее важных будет комплекс политических факторов. Хотелось бы надеяться, что осознание нами взаимозависимости мира и принятие курса на деидеологизацию межгосударственных отношений приведут к смещению фокуса помощи с «прогрессивных» режимов. Реализм во внешней политике приведет также к сокращению поддержки леворадикальных движений в Латинской Америке, особенно Кубы как посредника в такой поддержке. В то же время заявленная на международных форумах готовность СССР участвовать в разделении ответственности за решение глобальных проблем [выступление М.С. Горбачева в ООН. «Правда», 8 января 1988 г.] повлечет необходимость помощи странам, терпящим голод, стихийные бедствия, нуждающимся в медицинских услугах и содействии образованию. При этом общность ответственности с развитыми странами подсказывает, что желательно было бы объединить усилия с ними в области оказания помощи, и не только в рамках ООН, но и в форме трехстороннего сотрудничества и реализации конкретных программ и объектов [см., напр., W. Donald Bowles and Elena B. Arefieva. Proposals for Joint U.S.— U.S.S.R. Cooperation with Developing Countries.

Tripartite Projects. Overseas Development Council. Washington, D.C., 1990].

Вероятно, геополитические и долгосрочные внешнеэкономические интересы будут определять многие черты обновленной стратегии советской помощи. Но как и в других странах мира, главной осью нашей помощи «третьему миру» должна быть концепция национальной безопасности в ее широкой трактовке — политической, военной и экономической. Если взглянуть на будущую помощь через призму безопасности, неизбежно сужается объем ресурсов, которые рационально выделять на нее в ближайшие годы, и отпадает целый ряд задач и форм, не обеспечивающих или даже ослабляющих безопасность. Причина вряд ли требует подробных разъяснений: сегодня главная угроза как минимум политической и экономической стабильности, а как максимум — национальной безопасности Советского Союза уже не вовне, а внутри страны. И экономические ресурсы, которые были бы исключены из объемов содействия, могли бы оказаться весьма полезными среди прочих рычагов стабилизации внутреннего положения.

В пользу сокращения объемов содействия говорит и то обстоятельство, что мы вплотную подошли к необходимости заимствований на международном рынке капитала. Потенциальные кредиторы уже сейчас напоминают о наших собственных неиспользованных возможностях, и в том числе о тех, которые появились бы за счет снижения расходов по содействию.

Именно на этой перспективе были сфокусированы предложения, подготовленные экономистами госдепартамента США и переданные госсекретарем Дж. Бейкером Э.А. Шеварднадзе во время встречи на Мальте [«The New York Times», 7.12.1989]. По расчетам американских специалистов, поворот на внутренние нужды экономической и военной помощи СССР «третьему миру» (оцененной ЦРУ в 1989 году в 15,5 млрд.долл.) позволил бы увеличить в 5 раз инвестиции в здравоохранение, или же в 10 раз — потребление моющих средств, или на 15,5 кг — потребление мяса в год на душу населения. Интересно, что это также составляет более половины суммы чрезвычайной помощи, необходимой Советскому Союзу для стабилизации экономики и предотвращения гиперинфляции, по мнению американского финансиста Дж. Сороса, равной 25 млрд. долларов (правда, в течение двух лет) [«The Financial Times», 6.12.1989].

Учитывая, что даже отказ от идеологически обусловленного содействия не позволит в принципе прекратить передачу льготных ресурсов соответствующим странам, имеющим низкий уровень жизни и объективно нуждающимся во внешних ресурсах, экономию надо осуществить за счет архаичных форм, отрицательно сказывающихся на международных позициях Советского Союза. Это прежде всего торговые накидки и льготы, противоречащие практике ГАТТ и не признаваемые помощью в МВФ, МБРР и ДАК ОЭСР. Часть сэкономленных таким образом средств могла бы быть использована для укрепле-

ния финансовой базы перестройки внешнеэкономических связей. Одно только стимулирование экспорта и поощрение иностранных инвесторов к совместному предпринимательству в СССР требует значительных затрат, чтобы потом обернуться ростом уровня жизни и стабилизацией экономической ситуации в стране. Это затраты на создание специальных институтов кредитования и страхования заграничной и иностранной деятельности, на подготовку кадров, обмен информацией и на многое другое.

Изменение приоритетов, применение критериев эффективности в помощи странам-реципиентам, видимо, вынудят нас перестроить отраслевое распределение кредитов. В условиях дефицита инвалюты мы не можем использовать те направления льготного кредитования, которым в последние годы уделяют большое внимание западные доноры, например связанные со структурной адаптацией и урегулированием бюджетных дефицитов. Но поддержать экспортную ориентацию экономики принимающих стран мы могли бы, особенно в тандеме с западными партнерами. Это был бы путь, вписывающийся в формирующуюся этику отношений кредиторов и заемщиков из «третьего мира»: мы приступили бы к удовлетворению своих собственных интересов, не завышая цены экспорта в принимающую страну, а используя методы, которые завоевывают все большую популярность в мире. Они состоят, во-первых, в содействии открытию экономики страны-реципиента и, во-вторых, в координации потоков нелюбимых инвестиций и торговли из государства-кредитора таким образом, чтобы они поддерживали потоки помощи. Считается, что тем самым не только повышается возвратность кредитов, но и удовлетворяются интересы частных компаний и предприятий, несущих потери или рискующих при участии в поставках для помощи.

Есть еще один комплекс проблем нашей внутренней экономики, диктующий необходимость изменения форм содействия. Переход от госзаказа к рынку пока не затронул подготовку поставок для реализации помощи, но косвенно уже сказался на ней. Предприятия теряют остатки заинтересованности в трудоемком производстве товаров в экспортном исполнении, стремятся использовать свои лучшие возможности для самостоятельных экспортных сделок или просто экономить усилия. В этом, видимо, одна из причин того, что в 1989 году план экспорта на свободно конвертируемую валюту выполнен предприятиями Минтяжмаша лишь на 67 процентов, Минэлектротехприбора на 71 процент, Минстанкопрома на 40 процентов [«Правда», 28 января 1990 г.]. Получается, что обеспечение помощи помогает сохранить бастион командно-распределительной системы в ущерб рынку. Скорее всего, в этом отношении придется воспользоваться формой, широко распространенной на Западе — государственными закупками по договорным ценам.

Постепенно перестраивая направления и формы помощи, Советский Союз сможет перейти к нормальному экономическим отношениям с внешним миром, соответствующим его реальным хозяйственным

интересам. Тем самым идеология и геополитика перестанут определять внешнеэкономические потоки товаров и капитала. В результате по некоторым географическим направлениям льготное государственное кредитование, осуществляемое исключительно по идеологическим соображениям, будет вытесняться обычными коммерческими отношениями. Вероятно, это коснется наиболее промышленно развитых партнеров Советского Союза в «третьем мире».

«Взаимовыгодные отношения»

Обычные коммерческие связи, которые могли бы в дальнейшем вытеснить идеологическую часть нынешних отношений с клиентами в «третьем мире», для отличия от «содействия» традиционно называются в советских практических организациях и соответствующих официальных документах «взаимовыгодными». Условность этого термина заключается в том, что научный подсчет «выгоды» для каждой из сторон практически не делался. Чаще всего экономические связи заносились в эту рубрику по формальному признаку принадлежности к торговым поставкам или предоставлению услуг не под госкредиты, а под коммерческие кредиты или с оплатой на бескредитной основе. «Выгода» рассчитывалась на базе упоминавшегося критерия бюджетной эффективности. Понятно, что определяющую роль играла разница во внутренних, произвольно устанавливаемых, и мировых ценах.

Пока экономика оставалась закрытой, влияние внешних факторов было ограниченным и большого значения географическая и товарная структура торговли не имела. Если же принимается курс на открытие экономики, причем по многим направлениям связи надо наладить заново, заменяя ими противоестественные идеологически обусловленные, то возникает необходимость в продуманном, целесообразном регулировании структуры внешней торговли и движения капитала.

Известно, что составная часть экономической реформы в Советском Союзе — перестройка системы управления внешнеэкономическими связями. Она осуществляется параллельно с внутренними изменениями, и это, конечно, осложняет оба процесса. Особенно серьезно на внешнеэкономических отношениях сказываются незавершенность перехода от командно-административного к рыночному регулированию во внутренней экономике и неясность самой концепции совершенствования внешнеэкономических связей. Но другого пути у советского руководства не было и нет: начиная изменения во внешнеэкономической сфере, оно надеялось тем самым ускорить внутренние сдвиги. Если бы удалось в полной мере овладеть действием внешних факторов, использовать международное разделение труда и мировые рынки товаров, услуг и капитала, то это, безусловно, ускорило бы экономическую реформу в народном хозяйстве. К сожа-

лению, пока можно видеть только начало, первые подходы к овладению внешними факторами.

Какой же будет система внешнеэкономических связей Советского Союза и какое место СССР займет в мировом хозяйстве, когда осуществится перестройка внешней сферы экономики? Несмотря на отсутствие официальной комплексной стратегии, попробуем наметить контуры возможной будущей модели. Регулирование внешнеэкономических связей к настоящему времени прошло два этапа. С января 1987 года до апреля — мая 1989 года постепенно вводились меры по реальному открытию экономики: совершенствовалось регулирование привлечения иностранного капитала для участия в совместных предприятиях, увеличивалась степень свободы выхода на внешний рынок производителей товаров и услуг (с апреля 1989 года все они получили право самостоятельно заключать экспортно-импортные сделки, открывать валютные счета и создавать совместные предприятия с иностранным участием). В то же время с апреля 1989 года началось введение лицензирования импорта некоторых товаров и экспорта сначала сырьевых, а затем и широкого круга промышленных товаров потребительского и инвестиционного назначения.

Иначе, как поворотом вспять, эти меры не назовешь. Они ударили весьма чувствительно по внешнеэкономическим операциям тех организаций, которые получали импортные машины и оборудование в обмен на сырье или потребительские товары (как это практиковалось в приграничной торговле с Китаем и со странами Восточной Европы). Но ведь понятны и причины указанных ограничений, прежде всего — товарные дефициты на внутреннем рынке, которые не только не рассасываются, но постоянно увеличиваются. В свою очередь они обусловлены реальным процессом, подготовленным всей предшествующей историей нашей экономики. Это инфляция и трудности перехода от централизованного снабжения к оптовой торговле, когда разрываются традиционные связи поставщиков и потребителей, а новые складываются медленно, пока нет настоящего рынка.

Дальнейшая судьба внешнеэкономического регулирования в большой мере зависит от того, какую модель международной специализации примут за основу высшие государственные органы. Вероятно, они не решатся на значительную либерализацию внешнеторгового режима, которая потребовала бы ускоренного перехода к конвертируемой валюте. Поэтому ослабление нынешних ограничений после преодоления полосы наиболее явных дефицитов пойдет, скорее всего, по уже намеченному руслу — косвенному поощрению экспорта машин и оборудования, ограничению экспорта сырья, льготному импорту готовых потребительских и высокотехнологичных инвестиционных товаров.

Полной удовлетворенности такая модель вызвать не может. Ведь она не связана со структурной перестройкой национального производства, за исключением поощрения развития машинотехнических отраслей. Между тем ее задачей должно быть внесение изменений во

внутреннюю структуру с помощью мер, общепринятых в мировой практике. Сначала надо усиленно развивать экспортный сектор, а затем, подкормив этими валютными поступлениями до поры неэффективные современные отрасли, вывести их в разряд экспортных. Тогда в ближайшие годы специализация Советского Союза была бы построена на использовании обильных и дешевых трудовых и природных ресурсов, а также на способности разрабатывать высокие технологии в чисто проектной, невоплощенной форме. И лишь через 5 — 10 лет можно было бы, накопив физический и человеческий капитал (высококвалифицированную рабочую силу) и технологию, перейти к широкомасштабному экспорту техно- и капиталоемких товаров.

Что же касается задачи максимального увеличения машинотехнического экспорта до 40 процентов всего вывоза к концу этого века, поставленной в ряде правительственных документов, то это вряд ли эффективное направление. Оно означает экспорт по невысоким ценам (в соответствии с невысокой конкурентоспособностью) товаров, производимых из дорогих для нас ресурсов, и, следовательно, сохранение дефицита валюты для импорта и рост инфляции. И все же задача поставлена, и ее важно учитывать потенциальным иностранным инвесторам, ищущим приоритетные отрасли в СССР.

Применительно к развивающимся странам ситуация складывается довольно противоречивая. Пока законы рынка не действуют в полную силу, не введены меры товарного или географического стимулирования, в явном виде поощряются связи с социалистическими странами и в неявном (через сохранение дефицита свободной валюты) — с развитыми капиталистическими, советский производитель теряет интерес к торговле с развивающимися странами. Производитель же из «третьего мира» ожидает льгот при любых контактах с советской экономикой, во-первых, потому, что эти контакты весьма непросты и ненадежны, хотя бы вследствие той же слабости рыночных отношений и всевластия командной системы, и, во-вторых, потому, что такие льготы предоставляют ему все развитые страны мира.

Следовательно, реформа внешнеэкономических связей в том виде, который она имела до сих пор, способствует скорее свертыванию отношений со странами «третьего мира», чем их расширению. Характерно, что за 1988 год импорт из развивающихся стран возрос (с 4,8 до 5,4 млрд.руб.), но экспорт сократился (с 9,8 до 9,6 млрд.руб.) [Внешние экономические связи СССР в 1988 г. М., 1989, с. 8]. И это не случайно. Активность предприятий и организаций в Советском Союзе сковывается внешнеэкономическими ограничениями и внутренними трудностями, а выполнение заказов государственными объединениями блокируется нежеланием производителей иметь дело с государственным заказом — ведь специальных стимулов по сравнению с поставками на внутренний рынок почти нет, и выгоднее все имеющиеся возможности сосредоточить на самостоятельном экспорте, оплачиваемом валютой (а он уходит в развитые страны).

Немаловажно и то, что эффективное новое разделение труда с развивающимися странами только формируется, и в самих этих связях еще не сложился внутренний импульс к саморазвитию. Нет пока и концепции разделения труда с «третьим миром».

В настоящее время в советском экспорте в развивающиеся страны преобладают нефть и нефтепродукты, прокат черных металлов, химические продукты. В 1988 году лишь 2 млрд. рублей из всего объема экспорта в развивающиеся страны, равного 9,6 млрд. рублей, было получено от экспорта машин и оборудования, но и в нем превалировало материалоемкое оборудование, и только $\frac{1}{4}$ часть пришлось на авиационную технику.

Импорт СССР из развивающихся стран состоит преимущественно из сельскохозяйственного и минерального сырья, продовольствия, и лишь небольшая часть представлена тканями, одеждой и парфюмерией. Например, доля одежды в импорте 1988 года составила 8 процентов, а обувь, кожгалантерея, игрушки, электроника из развивающихся стран вообще практически не импортируется [Внешние экономические связи СССР в 1988 г. М., 1989, с. 8].

Такая структура торговли была бы нормальной для страны с низким уровнем промышленного развития, дорогой рабочей силой и богатыми природными ресурсами. Между тем в СССР достигнут сравнительно высокий уровень промышленного производства, освоено производство материалоемких машин и оборудования и других готовых изделий среднего технологического уровня, имеются крупные отрасли переработки природных ресурсов. Рабочая сила очень дешева по международным стандартам, причем имеется значительная армия незанятых, особенно в Средней Азии. Это делает трудоемкие технологии довольно выгодными и тормозит перестройку отраслевой структуры. Правда, трудоемкое производство в СССР пока не обладает достаточной международной конкурентоспособностью. Но при условии его совершенствования, в том числе на основе инвестиций из развивающихся стран, эта экспортная продукция будет производиться со сравнительно низкими издержками и сможет завоевывать новые рынки. В то же время производство трудоемких товаров с низким сырьевым компонентом, таких, как электроника и некоторые виды продукции легкой промышленности, сейчас и долго еще будет более эффективно в развивающихся странах. Поэтому может быть полезен и взаимовыгоден и встречный поток импорта трудоемких товаров в СССР.

На высоком уровне в Советском Союзе выполняются и технологические разработки, но их воплощение, не говоря уже о серийном производстве высокотехнологичных товаров, существенно отстает от производства во многих промышленно развитых странах «третьего мира».

Все это говорит о том, что стереотип Советского Союза как передовой промышленной державы не соответствует действительности и технологический потенциал развивающихся государств может

стать для СССР источником необходимых ресурсов. Более того, возможности торгового обмена с «третьим миром» настолько велики, что на них могла бы переориентироваться значительная часть современных товаропотоков между СССР и развитыми странами Европы и Америки.

Видимо, учитывая поляризацию стран «третьего мира», нужно различать перспективы отношений с наиболее развитыми из них — новыми индустриальными (НИС) — и наименее развитыми странами (НРС). В обмене с НИС сравнительные преимущества¹ точно такие же, как в обмене с индустриально развитыми государствами: в структуре советского импорта могли бы превалировать техно-, науко- и капиталоемкие товары, тогда как в экспорте — ресурсо- и трудоемкие (в качестве ресурсоемких — обработанное сырье и металлоемкое оборудование средней степени сложности), а также технология в чистом виде. Развитие торговли и движение аналогичных инвестиций важно уже сегодня, но особенно — с точки зрения возможностей, которые сулит нам будущее развитие НИС. Сегодня это укрепило бы конкурентные позиции советских поставщиков и импортеров (как любая диверсификация связей) и могло бы дать преимущества в ценах и условиях кредита. Немалые выгоды дало бы активное привлечение инвестиций из НИС. В будущем значение нашей активности в НИС особенно возрастет, так как у них наиболее динамичные рынки в мире и они ведущие экспортеры ряда товаров.

Для НИС также важно создать в Советском Союзе экспортные рынки. Поэтому капитал крупных компаний НИС, внедряющих свои филиалы во всем мире, включая США, мог бы быть использован у нас как для насыщения советского рынка, так и для производства в Советском Союзе экспортных товаров, пользующихся спросом.

В обмене с НРС сравнительные преимущества Советского Союза иные, они приближаются к преимуществам развитых стран. При явном сужении экспортных возможностей для машинотехнических отраслей и сохранении потребности в импорте продовольствия и сельскохозяйственного и минерального сырья было бы нерационально пренебрегать рынками НРС.

К сожалению, немедленно приступить к формированию нового разделения труда с развивающимися странами мы не можем. Этому мешают не только проблемы внешнеэкономических связей, такие, как неконвертируемость рубля или отсутствие механизма стимулирования экспорта определенных товаров и импорта иностранного предпринимательского капитала. Внедрению оптимальной системы нашего участия в международном разделении труда мешает и незавершенность общеэкономической реформы, а также неясность концепции того, как должны сочетаться внутренний и внешний аспекты перестройки экономики.

Одной из характерных черт нынешнего подхода к осуществлению реформ является представление о возможности формировать структуру и механизм внешней и внутренней сфер экономики не-

зависимо друг от друга. Пока спор ведется вокруг вопроса о том, чему должен быть отдан приоритет — внутренним преобразованиям или перестройке внешнеэкономических связей, причем большинство ученых и практиков склоняются к первому варианту [см., напр.: Круглый стол «МЭиМО». К вопросу о теории всемирного хозяйства. — «МЭиМО», 1989, № 12, с. 68 — 69]. К сожалению, такой подход к реформе внешних связей ограничивает ее задачи снятием только самых одиозных административных барьеров. При этом предполагается, что реальные условия и тем более стимулы для активного включения Советского Союза в международное разделение труда сложатся сами собой. И вовсе упускается из виду, что в зависимости от стратегии развития внешних отношений может быть существенно ускорен или, наоборот, замедлен внутренний общеэкономический рост, ход структурных сдвигов. Отсюда вытекает необходимость создания механизма связи между мировым рынком и элементами национального хозяйства.

Например, нерешенным остается вопрос перестройки механизма образования цен на факторы производства (такие, как рабочая сила, капитал, природные богатства и т.д.) внутри страны, который, как считается, лишь косвенно связан с конкурентоспособностью отдельных товаропроизводителей и страны в целом. Решить этот вопрос в жестких рамках административного регулирования или административно-рыночного симбиоза невозможно. Но от него подключение к международному разделению труда зависит не меньше, чем от конвертируемости рубля, так как лишь реалистичное соотношение цен факторов производства позволит определить динамику перехода к новой международной специализации. Если же выбор направлений перехода сделан неверно, то государственное регулирование распределения ресурсов между отраслями и подотраслями, перелива инвестиций и трудовых ресурсов, спроса и предложения на определенных товарных рынках будет идти вразрез с требованиями внутреннего и тенденциями мирового рынка.

Пока соотношение цен факторов производства не отражает реальной картины, формировать структуру связей с развивающимися странами очень трудно. Первые шаги в области государственного регулирования внешней торговли — ограничение экспорта сырья лицензированием и курс на увеличение экспорта машин и оборудования — говорят о том, что за базу будущего внешнего оборота плановые органы принимают нынешнее соотношение цен и структуру инвестиций, еще не подвергшиеся воздействию хозяйственной реформы. В основе по-прежнему лежит миф о высоком потенциале машинотехнических отраслей, о необходимости экономить живой труд и консервировать природные богатства. Для отношений со странами «третьего мира» это не сулит ничего хорошего, и под влиянием мирового рынка такую отраслевую стратегию неизбежно придется пересматривать, приводя ее в соответствие с реальными конкурентными позициями Советского Союза. Иначе говоря, раздельное формирование новой внешнеэконо-

мической стратегии и внутреннего рынка, отраслевой перестройки, особого эффекта с точки зрения участия в международном разделении труда не даст. А «взаимовыгодные» отношения с развивающимися странами не будут давать долгосрочной народнохозяйственной выгоды (то есть вклада в ускорение роста и структурные сдвиги), до тех пор пока внешнеэкономические связи формируются по остаточному принципу и носят случайный характер.

Развитию отношений с развивающимися странами будет мешать и незавершенная внутренняя реформа. Например, на них негативно влияют трудности перехода от централизованного распределения средств производства к оптовой торговле, неразвитость рыночных отношений. Предприятия-производители оказались в тисках. Со стороны выхода продукции их маневр ограничивается госзаказом на централизованные экспортные поставки, а со стороны снабжения на них давит необходимость поиска замены ослабевающих или уже разорванных производственных связей с поставщиками.

Задыхаясь без необходимого оборудования, деталей и материалов, заводы — потенциальные экспортеры в развивающиеся страны — теряют своих традиционных поставщиков. Это особенно характерно для заводов машиностроительного комплекса, что подрывает идею самостоятельного выхода на рынки «третьего мира». Поскольку же фондируемые ресурсы также поставляются обычно не полностью, их надо «выбивать», то для производителей становится нежелательным выполнение и госзаказов для экономического содействия. Трудности получения фондируемых материалов и сырья отрицательно сказываются и на перспективах самостоятельных связей предприятий с развивающимися странами: нередко они вынуждают предприятия отказываться от проектов новых форм связей, например совместных предприятий в СССР или кооперативных поставок в развивающиеся страны для производства там товаров на базе специально доставляемого туда сырья.

Целая серия проблем экспортного производства для развивающихся стран и привлечения капитала из этих государств усугубляется тем, что у нас крайне неразвита кредитная система. Усложнение структуры банков и придание им специализации еще не делают кредит реально доступным для производителя, причем жесткий контроль за предоставлением кредита (и подробная отчетность перед банком) дает результаты, противоположные тем, которых добиваются банки развитых стран, оказывая клиенту всестороннее содействие.

Вторая группа факторов, сдерживающих торговлю и движение инвестиций между СССР и «третьим миром», концентрируется в области самого механизма внешнеэкономических связей и потому легче поддается воздействию. Как и в случае с внутренней реформой, основная часть проблем проистекает из наличия в экономике разного рода дефицитов и связана с поиском путей их преодоления.

Главное — дефицит инвалюты как платежного средства, который может быть смягчен развитием валютного кредитования или изысканием других видов расчетов — чаще всего товарообменных операций. Поскольку валютное кредитование гораздо прогрессивнее, его, видимо, надо развивать в первую очередь. В этом направлении уже сделаны определенные шаги: расширен круг возможных источников валютного кредитования, включивший советские банки за рубежом и иностранные банки, право на получение валютного кредита предоставлено самому производителю. Это нисколько не подорвало монополию Внешэкономбанка (но и не освободило его от бремени ответственности), так как при получении кредитов из других источников этот банк должен выступать гарантом платежей. Поэтому на все кредитруемые организации распространяется концепция платежеспособности банка, его требования относительно обоснования источника и возможностей погашения кредита. В результате изданное в декабре 1988 года положение о том, что предприятие может использовать заемные средства в целях импорта «для своих нужд» сырья, материала, комплектующих изделий, машин и оборудования, реализуется не полностью, в буквальном смысле слова — банк разрешает импорт только для нужд экспортного производства. Но далеко не всякое предприятие, стремящееся к производству для экспорта в развивающиеся страны, представляет Внешэкономбанку убедительные расчеты и получает валютный кредит.

В особенно трудном положении оказываются предприятия, приступающие к созданию совместных предприятий с партнерами из развивающихся стран, также недостаточно гибких в выборе путей кредитования. Такие предприятия вынуждены прибегать к невыгодным или излишним в данный момент экспортным операциям, чтобы открыть валютный счет и опять же сложным путем получить на него валютные поступления от партнера, фактически представляющие собой форму кредита.

Не приходится ждать от Внешэкономбанка послабления требований к клиентам, учитывая тяжелое валютное положение страны. Но в то же время ненормальна и ориентация банка на безубыточную деятельность. Причина понятна — она в применении к банковской деятельности административного, неэкономического подхода, исключая идею временных потерь. Значит, тем более необходима в нашей стране принятая во всем мире практика страхования кредитов и рефинансирования (т.е. восполнения) кредитных ресурсов внешнеторговых банков. Конечно, сделать это непросто, ведь ресурсы институтов страхования заграничных операций в других странах обычно рефинансируются центральными банками, а соответствующий советский банк (Госбанк СССР) не намерен нести убытки и идти на риск, как и Внешэкономбанк. Выделить ресурсы для этого из бюджета сейчас вряд ли удастся, и необходимо найти иной источник. Им мог бы быть долгосрочный кредит, взятый на международном рынке капитала либо Госбанком, либо непосредственно будущим страховым инсти-

тутом. Система страхования во внешней торговле должна получить развитие в соответствии с мерами, намеченными в декабре 1988 года, и это одно из необходимых условий развития хозяйственных связей не менее важна и та часть страховых операций, которая обслуживает интересы иностранного партнера.

Решение проблемы валютного кредитования и создание системы внешнеторгового страхования обеспечили бы элементарные условия для развития экономических связей с развивающимися странами. Но кроме мероприятий, которые ведут к устранению прямых препятствий, существуют меры стимулирования отдельных форм и направлений связей, также необходимые для обеспечения нормальных условий развития торговли и движения капитала. Причем эти стимулы нужны для отношений с развивающимися странами не как дополнение к нормальным условиям, а как компенсация сложившихся перекосов, ориентирующих участников внешнеэкономических связей на рынки развитых капиталистических и восточноевропейских стран. Искаженное соотношение цен, а также товарные дефициты и ограниченность платежных и кредитных средств становятся главными ориентирами при выборе направления внешнеэкономической деятельности, вне связи с народнохозяйственной эффективностью или задачами перестройки отраслевых структур. В таких ситуациях международная практика предлагает стимулы, уравнивающие преимущества производства для внутреннего рынка или экспорта в другие (в нашем случае — не развивающиеся) страны.

Стимулирование связей с развивающимися странами намечено реформой внешнеэкономической сферы. Но пока оно исчерпывается созданием ассоциаций делового сотрудничества с отдельными странами «третьего мира» и надеждой на реорганизованные торговые представительства за рубежом, обязанные обеспечивать обмен информацией и содействовать заключению договоров. В реальности же информационный и методологический разрыв с деловыми кругами «третьего мира» преодолеть очень трудно, для этого необходимы опережающие расходы (на создание помещений и банков данных) и интенсивная многоплановая деятельность со стороны МВЭС, МИД и ТПП в развивающихся государствах.

Аргументом в пользу таких мер можно считать то, что специальные системы стимулирования тех или иных региональных направлений экономически очень распространены в мировой практике. Например, даже Индия в годы энергетического кризиса ввела активное (и оказавшееся эффективным) поощрение связей с нефтеэкспортерами Западной Азии. Развитые государства в большинстве своем имеют национальные и международные программы поощрения торговли и инвестиций в развивающиеся страны. Стимулирование таких ресурсов рассматривается как вклад в содействие развитию «третьего мира» и регулярно обсуждается в учреждениях ООН.

Учитывая особенности структуры обмена с развивающимися странами, немаловажно также стимулирование экспорта из Советского Союза инженерных и консультационных услуг и некоторых видов продукции машиностроения. Пока единственное преимущество, которым располагают экспортеры таких товаров и услуг, — это то, что в отличие от экспортеров сырья они не должны получать лицензии. Но стимулирование означает льготы — налоговые, кредитные, в области снабжения, оплаты рабочей силы, оформления бюрократических процедур.

Еще сложнее ситуация со стимулированием импорта из развивающихся стран. Хотелось бы надеяться, что новые таможенные тарифы отразят участие Советского Союза в общей системе преференций и будут содержать льготы на импорт из стран «третьего мира». В то же время перед составителями тарифов ставятся две взаимоисключающие задачи: чтобы в результате цены на импортные товары на внутреннем рынке не были ниже, чем на отечественные, и чтобы тариф приводил к свертыванию неэффективных отраслей. А ведь для свертывания не будет причин, если с помощью дешевых цен на импортные товары нашим производителям не укажут на неэффективность их работы. Такое половинчатое участие в современном международном разделении труда сегодня большая редкость, а последствием насыщения товарами со скорректированными таким способом ценами может быть замедление структурных сдвигов, инфляция и сохранение низкой международной конкурентоспособности Советского Союза.

В специальном стимулировании нуждается и новая область экономических связей с развивающимися странами — совместное предпринимательство. Достаточно того, чтобы на страны «третьего мира» распространялись общие для всех зарубежных партнеров льготы, но они в принципе необходимы. В данном случае сравнение с практикой развитых стран представляется некорректным: наши внутренние экономические условия так же неблагоприятны и непредсказуемы, как в развивающихся государствах, а в сравнении с ними мы лишь разрешаем совместное предпринимательство, но не используем мер поощрения. По крайней мере до перехода к конвертируемости рубля далеко не многие развивающиеся страны считают достаточным стимулом то, что движет предпринимателями Запада, — возможность закрепиться на нашем рынке в ожидании лучшего. Привлечение капитала и технологии из «третьего мира» должно основываться на конкретных и существенных льготах.

* * *

Законы мирового рынка действуют независимо от идеологических установок государств, а реальная деидеологизация внешних связей Советского Союза в большой мере определяется скоростью открытия экономики, вовлечения в мировые хозяйственные связи.

Последовательное осуществление курса на развитие коммерческих внешнеэкономических связей само должно неизбежно изменить политические акценты в них, а также долю идеологии во всем комплексе международных отношений СССР — как экономических, так и политических. Уже сейчас заметно, что именно под влиянием внешнеэкономических потребностей совершаются первые шаги в сторону от старой схемы отношений с «третьим миром», построенной на идеологии. Иначе и не может быть, поскольку важную роль в реализации новой структуры участия СССР в международном разделении труда должны играть наиболее развитые страны Азии и Латинской Америки, особенно НИС. На них может быть переориентирована часть нынешнего товарооборота со странами Западной Европы, они являются потенциальными источниками технологии и предпринимательского капитала.

Характерно в этом смысле развитие наших отношений с Южной Кореей: во избежание политических осложнений с дружественной КНДР советские официальные лица неоднократно делали заявления о том, что об установлении дипломатических отношений с этой страной речь не идет, но тем не менее открыты торговые представительства в Москве и Сеуле, а затем и консульские отделы в них. И это естественно, так как Южная Корея может стать крупным поставщиком на советский рынок техноэмких изделий для инвестиционного и потребительского рынков. Только за 1989 год (точнее — его первые 11 месяцев) импорт из Южной Кореи в СССР возрос в 4,5 раза по сравнению с тем же периодом 1988 года. Почти в 4 раза увеличился и экспорт из СССР [«Известия», 13 января 1990 г.]. Точно так же должны расширяться связи с другими странами Дальнего Востока, Турцией, Китаем, Северной Африкой и Латинской Америкой.

Видимо, магистральный путь развития экономических отношений СССР со странами «третьего мира» — это постепенное превращение их из клиентов в партнеры. Такая трансформация придаст естественный и одновременно более эффективный характер обоим видам связей. Помощь станет более льготной и действительно подчиненной задаче содействия решению наиболее тяжелых хозяйственных проблем беднейших стран «третьего мира», а торговля и движение капитала, освобожденные от искусственной идеологической нагрузки, начнут играть роль катализаторов роста и структурных сдвигов в Советском Союзе.

Конечно, уже сейчас ясно, насколько непросто этот путь: одно дело — постепенно свернуть клиентские отношения, и совсем другое — создать новые, действительно взаимовыгодные. Видимо, усиление этого вида экономических связей с «третьим миром» потребует фундаментальной научной разработки ряда проблем на стыке советской экономики и мирового рынка товаров и капитала. Последовательный прагматичный подход к «взаимовыгодным» отношениям потребует формирования нового языка, смены терминологии и системы категорий анализа — перехода от преимущественно идеологического мыш-

ления к экономическому. Возможно, это будет общепринятый в мире язык рыночной экономики. Во всяком случае, новая концепция экономических отношений с «третьим миром» будет цельной и реалистичной только в том случае, если сможет привязать эти отношения не к мифическому «интернациональному долгу», а к задачам перестройки внутреннего хозяйственного механизма и структуры участия Советского Союза в международном разделении труда, основываясь на новом политическом мышлении.

Примечания

¹ Сравнительные преимущества — термин, изъятый из нашей политэкономии за его родство с неоклассической политэкономией. Между тем на Западе без него не обходится ни один разговор о внешней торговле. Сравнительные преимущества показывают, какие ресурсы (факторы производства) обществу выгодно вовлекать в производство, а какие лучше оплатить при импорте как потраченные на производство ввозимых товаров (например, труд, капитал, природные ресурсы, технология).

**Влияние сталинизма
на социалистические страны
Азии: уроки прошлого и проблемы
перестройки отношений
на современном этапе**

Страны Азии начали перестройку и продолжают ее с разной степенью результативности. Половинчатость, асимметрия перестроенных процессов в подавляющем большинстве азиатских стран объясняются тем, что здесь сильны феодальные пережитки, а влияние сталинизма и маоцзэдунизма на все стороны их общественной и хозяйственной жизни было значительно глубже, поскольку традиционно отсутствовали парламентские институты, партийная демократия и политический плюрализм.

Следствием колониальной зависимости и длительных войн с империализмом явилась устойчивость модели «военного коммунизма» и казарменного социализма. Однако в странах Азии в 70—80-х годах произошли серьезные изменения в экономических отношениях и экономической стратегии, включая внешнюю сферу.

Во внешней политике они перешли от конфронтации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) к взаимовыгодному сотрудничеству, развитию контактов по всем линиям. Происходит как бы смена приоритетов: баланс силы — на баланс интересов, страны Азии стали больше считаться с существующими реалиями взаимозависимого мира (борьба за мир и разоружение, с экологической катастрофой, с бедностью), то есть признали примат общечеловеческих ценностей над всеми другими. Критерии экономических ценностей на рубеже XXI века и показатели «соревновательности» двух систем изменились, и с этим тоже не могут не считаться страны Азии. Раньше экономическая мощь измерялась в тоннах угля, нефти, чугуна и стали. Нынешние показатели — информатика, технологический уровень, электроника, биотехнология, новые конструкционные материалы, высококвалифицированные кадры и научные открытия.

Другая тенденция, которая определяет новое содержание внешней политики стран Азии, — это глобальные процессы хозяйственной интеграции уже не столько между отдельными государствами, сколько между крупными экономическими группировками: странами Общего рынка, АСЕАН или странами, тяготеющими друг к другу (новые индустриальные страны — НИС в Азии и Латинской Америке).

Например, страны АСЕАН разрабатывают платформу коллективной экономической безопасности в ЮВА. К ним тяготеют и новые индустриальные страны, в первую очередь Южная Корея, Тайвань, Гонконг. О своем желании тесного сотрудничества со странами АСЕАН заявили индокитайские государства: Вьетнам, Лаос, Камбоджа. Необходимость создания наднациональных международных экономических структур и координации ими на коллективной основе внешнеполитической деятельности диктуется объективными причинами — переходом к единому наднациональному механизму регулирования мировой экономики для стимулирования процессов ускорения НТП и более эффективного использования ресурсов, капиталов, рабочей силы.

Готовы ли азиатские страны социализма к требованию эпохи и новому экономическому и политическому мышлению? Могут ли они вписаться в динамично развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион как равноправные партнеры, осуществить «прорыв» в него? Ответ на эти вопросы надо искать в плоскости изменения их модели социализма, которая находится на начальной стадии теоретической разработки и практического внедрения и новой внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии социализма в АТР.

Для активного, равноправного и взаимовыгодного партнерства СССР и социалистических стран Азии в АТР, в первую очередь с экономически более развитыми США, Канадой, Японией, Австралией, НИС необходим, по-видимому, длительный процесс революционных изменений в политике, экономике и идеологии, народнохозяйственных структурах и механизмах управления, включая управление внешнеэкономическими связями.

В основу обновления социализма в КНР, Лаосе, СРВ, МНР положена ленинская концепция новой экономической политики, ее осмысление в духе реалий конца XX века, современной практики и прежде всего перестройки и обновления в других социалистических странах. В самом процессе обновления среди стран нет единства. Однако в экономической, прежде всего структурной политике страны Азии отошли от сталинских методов строительства социализма.

Это касается пересмотра критериев экономического роста: не пресловутый вал, «скачки», бездумное разбазаривание весьма ограниченных средств, а политика приоритетов и качественные характеристики роста производства. Достаточно назвать такие перекосы структурной политики — наследие сталинизма, — как непомерно высокая доля группы А и добывающей промышленности и очень скромная — группы Б и обрабатывающих отраслей, включая продукцию рыночного фонда для потребителя. Это привело к нарушению не только экономического, но и в первую очередь валютно-финансового равновесия, росту цен, инфляции, хроническому дефициту, неудовлетворенному платежеспособному спросу населения в странах Азии.

Второй перекокс — стремление к гигантомании, строительству преимущественно крупных объектов, монополия на производство в

условиях сохранения острого дефицита и как результат отсутствие соревновательности между субъектами производства; это привело к загниванию, застою, особенно болезненно проявившимся в отраслях, которые должны были стать носителями научно-технического прогресса и только стали зарождаться в социалистических странах Азии.

Фактором сталинского наследия, сдерживающим развитие экономики стран Азии, явились застойные хозяйственные механизмы, отсутствие правового законодательства. Они не могли стимулировать рост экономической активности населения и возникновение новых форм хозяйствования. Директивно-адресный характер планирования, чрезмерная централизованность, отсутствие свободного товарно-денежного обращения привели фактически во всех странах к отмиранию рыночных отношений. Еще один признак сталинизма в экономике — это сведение многообразия форм собственности к государственной, а по существу — «ничейной», всеобщее огосударствление, непризнание исторической роли кооперации при социализме, личного, частного интереса. Государственная собственность, по существу, стала собственностью правящей элиты.

Реалии современной жизни, коллективный опыт стран социализма, особенно менее развитых, привели к необходимости нового понимания ленинской теории некапиталистического пути развития. Долгое время сталинское, догматическое толкование марксистского тезиса о сокращенном пути слаборазвитых стран к социализму полностью исключало развитие каких-либо капиталистических производственных отношений в переходный период и связанного с капитализмом товарного производства.

Однако, не пройдя через стадию капитализма с его более совершенной системой организации труда, быстрой приспособляемостью к конъюнктуре мирового рынка, умелым использованием ресурсов для ускорения научно-технического прогресса, учетом хозрасчетных интересов отдельных фирм или предприятий, развитием рыночных отношений, менее развитые страны, вступившие в переходный период, не смогут быстро и безболезненно решить свои экономические и научно-технические проблемы. С учетом такого подхода к пониманию некапиталистического пути и сам период перехода от докапиталистических форм к социалистическим всеми социалистическими странами Азии понимается теперь как более длительный процесс, включающий в себя различные повороты, этапы, не линейный, а диалектически более противоречивый путь. В плане нового осмысления ленинской концепции социализма представляют немалый интерес теоретические разработки китайских ученых, китайский опыт модернизации и развития социалистического товарного производства, вьетнамский и лаосский опыт обновления социализма, придания ему динамизма и большей привлекательности. Интерес представляют уроки монгольской перестройки.

В 80-е годы страны Индокитая в результате кризиса доверия народных масс к социализму и неэффективного управления экономи-

кой в корне перестроили экономическую стратегию переходного периода. Изменения можно свести к следующим моментам:

— перестройка внутренних и внешних хозяйственных механизмов, а именно предоставление полной (в отличие от нашей) хозяйственной самостоятельности субъектам хозяйствования, в том числе во внешнеэкономической деятельности;

— принятие законов об иностранных инвестициях в СРВ и ЛНДР и поправок к конституции в НРК, позволяющих размещать иностранный капитал на территории стран Индокитая на чрезвычайно льготных для них условиях, вплоть до предоставления права на концессии и организацию открытых экономических зон;

— признание экономической роли эмигрантов, многие из которых стали крупными коммерсантами на Западе и в АТР, привлечение их капиталов, знаний, технологии в целях оживления экономики стран Индокитая;

— новое направление внешней политики: тяготение к странам Запада и АТР, особенно усилившееся после снятия экономической блокады по отношению к СРВ и частично ЛНДР и НРК в результате постепенной нормализации кампучийской проблемы и вывода вьетнамских войск из Кампучии в 1989 году;

— меры межгосударственной нормализации отношений с КНР (ЛНДР их уже нормализовала), налаживание прямых торговых и научно-технических связей и приграничной торговли с КНР.

Возведение в ранг государственной политики ленинской новой экономической политики в Лаосе, реализация концепции обновления в СРВ, в общих чертах напоминающей нэп, легализация, демократизация жизни в НРК позволили начать развитие многоукладной рыночной экономики и существенно ограничить права государства в области организации, управления и планирования экономической жизни. Новой экономической политике соответствует и иная, чем раньше, структурная политика, поскольку основной упор сделан на развитие традиционных отраслей: сельского, лесного, рыбного хозяйства, мелких кустарных промыслов. При этом сохраняется приоритетное развитие производственной инфраструктуры, особенно автомобильного, водного транспорта, ремонтной базы.

Меняется отношение к промышленности, заморожены многие проекты в строительстве, особенно в топливно-энергетическом комплексе, горном деле, химии, промышленности стройматериалов, машиностроении и металлообработке. Началось развитие некоторых новых наукоемких отраслей, главным образом электроники, в рамках кооперации со странами Запада или организации совместных предприятий.

Резко возрастает роль иностранного туризма, посреднических услуг (транспортных, торговых), менеджества, подготовки у себя и за рубежом руководителей нового, «западного» типа. Иными словами, современный процесс развития стран Индокитая — это длительное

накопление условий, предпосылок развития на прединдустриальном этапе, эволюционный путь в рамках экономических реформ.

После длительного застоя с кризисными явлениями в промышленности, на транспорте, во внутренней торговле, расстройстве валютно-финансовой системы в экономике СРВ в конце 80-х годов наступил перелом. Он был вызван привлечением новых источников и стимулов развития, но в основном динамичными экономическими формами.

Частный сектор, связи с зарубежными партнерами сопредельных стран легальными и иными путями интенсивно насыщали рынок потребительскими товарами, и темпы инфляции к концу 1988 года снизились с 200 до 5—8 процентов. Происходит балансирование спроса и предложения на рынке, повышается качество товаров. Конкуренция заставляет лучше работать и госсектор. С 1 января 1989 года отменены госдотации на основные потребительские товары. Восстановлению денежного равновесия способствовало сближение курса доллара и национальной валюты — донга — по рекомендации экспертов Международного валютного фонда, членом которого является Вьетнам. Структурная политика нацелена на выполнение трех приоритетных программ — по продовольствию, потребительским и основным экспортным товарам. Во Вьетнаме легализована многоукладность — государственный, кооперативный, мелкотоварный, капиталистический, государственно-капиталистический секторы хозяйства. Практически во всех сферах экономики деятельность частного и частнокапиталистического сектора не ограничивается, исключение составляют крупная частная торговля, продажа драгоценных металлов, частные банки. Инновации в экономической жизни проходят в рамках существующих политических структур, монополии однопартийной системы. По-прежнему велико влияние Компартии Вьетнама, лидеры вьетнамской перестройки не отходят от традиционных идей социализма.

Иное положение складывается в Лаосе и Кампучии, где экономическая перестройка сопровождается серьезными изменениями в идеологических платформах. В этих странах прежний курс на построение социалистического общества и определение нынешнего этапа как первого шага перехода к социализму практически сняты. ЛНДР после VI Пленума ЦК ЛНРП (февраль 1989 года) объявила себя обществом новой народной демократии, а нынешний этап представлен ею как длительный период народно-демократического развития с признанием частного уклада как доминирующего уклада в социальной структуре. В действительности под оболочкой народной демократии скрывается диктатура бюрократии, которая не ущемляет своих политических прав в пользу демократической формы правления, стремится захватить привилегии в экономике.

Проводя политику национального примирения, руководство НРК, стремясь к сотрудничеству с тремя оппозиционными группировками и готовясь к возможной передаче власти коалиционному

правительству, встало на путь политических компромиссов: изменена конституция (новая редакция), НРК переименована в Государство Камбоджа — «единое, независимое, демократическое, суверенное, мирное, нейтральное и неприсоединившееся государство», — изменены государственный флаг, герб и гимн страны. Структуру экономики определяют государственный, смешанный государственно-частный, кооперативный, семейный и частный уклады. Частный сектор допущен в банковское дело и во внешнеэкономическую деятельность. В стране нет проблемы с продовольствием. Для Государства Камбоджи главным сейчас является вопрос о власти — какие силы придут к руководству страной после прекращения огня и проведения всеобщих выборов.

Специфика перестроечных процессов в МНР состоит в том, что, разрабатывая концепцию социализма, МНРП опирается на глубокий анализ пройденного пути, прежде всего имевших место деформаций, застойных явлений во всех сферах жизни, порожденных последствиями культа личности.

Анализ монгольского культа личности начал V (декабрьский) Пленум ЦК МНРП в 1988 году: широкой критике подвергся культ личности Х. Чойбалсана в 30—40-е годы, сложившийся под влиянием культа личности Сталина. Тогда возобладали командно-приказные методы управления, проводились массовые репрессии, ошибочная аграрная политика принудительного кооперирования аратов, подорвавшая материальные стимулы к труду. Культ Ю. Цеденбала в 60—70-е годы усилил негативные процессы в общественно-политической жизни. При нем была прекращена работа по реабилитации невинно осужденных, нарушался принцип коллегиальности в деятельности высших органов, не допускались критика и самокритика, гласность. Перестройка в МНР началась не столько в сфере экономики (МНРП лишь на подходе к концепции экономических реформ путем обобщения опыта других стран и выявления специфики развития своей страны), сколько в сфере политики и идеологии. В числе первоочередных задач — существенное повышение роли выборных органов на всех уровнях, углубление внутрипартийной демократии, обеспечение полномочия органов народного представительства — хуралов, четкое разграничение функций партии, органов власти и управления, общественных организаций. Разрабатывается новый порядок выборов в партийные органы всех ступеней — от высших до первичных, — изменения внесены в действующую систему избрания хуралов народных депутатов. Съезд внес изменения в программу и устав МНРП. Будет представлена новая концепция социализма с учетом изживания тенденций забегания вперед в оценке реальных достижений социализма.

Есть признаки того, что и в этой стране плюрализм мнений пробивает себе дорогу, началось формирование иных политических течений.

Сформировался из числа интеллигенции, студенчества Монгольский демократический союз (МДС). Его идейно-политическая платформа сводится к критике бюрократического аппарата в экономике, партии и государстве, консерватизма и администрирования в управлении, к недовольству медленными темпами перестройки и обновления партийно-государственного аппарата. МДС требует наказания и предания суду ответственного за коррупцию, злоупотребления властью, волюнтаризм бывшего генерального секретаря ЦК МНРП Ю. Цеденбала.

Сложное, противоречивое время переживает Китай, вставший на путь экономических реформ и проводящий политику открытости к Западу и АТР. Опыт КНР свидетельствует о переходе к крутой ломке социально-экономических структур без сколько-нибудь заметного изменения централизованной политической системы. Первый этап экономической реформы в КНР высветил как возможность быстрого экономического роста при действии экономических стимулов, так и глубокие противоречия. Тем не менее 10 лет экономической реформы принесли в КНР ощутимые результаты: были достигнуты высокие темпы экономики, рост материального благосостояния основных категорий трудящихся. Доходы крестьян возросли в три раза, городского населения — в два раза. Был в основном решен вопрос обеспечения населения продовольствием, одеждой, что является достижением исторического масштаба. С перестройкой системы общественных отношений, признанием необходимости многоукладной экономики, развитием арендных отношений в деревне и подрядных — в городе, хозяйством, самокупаемостью и самофинансированием предприятий в промышленности, заменой прямого макроэкономического контроля косвенным, опирающимся главным образом на экономические и правовые рычаги, заработали экономические стимулы трудовой активности.

Однако в централизованной системе такой огромной махины, как китайская экономика, очень трудно сломать монополию министерств и ведомств и сделать конкуренцию движущей силой товарной экономики, как это закладывалось в концепции социалистической рыночной экономики КНР.

Главные трудности в современном развитии Китая видятся в переходном характере экономики, когда старый экономический механизм демонтируется, а новый пока не сформировался¹, это с одной стороны, а с другой — в дефицитности все еще слабо развитой экономики КНР, за исключением отдельных передовых производств.

Отсюда — несбалансированность спроса и предложения и как следствие рост цен. Хозяйственно-коммерческая самостоятельность, свободная торговля привели при росте цен и увеличении производства к превышению роста заработной платы над ростом производительности труда, осложнили финансовую и денежную ситуацию.

Мелкокрестьянский подряд без поощрения различных форм кооперации, увеличения государственных капитальных вложений в аг-

рарный сектор, особенно на нужды развития устойчивой ирригации, без упорядочения цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию не дает уже роста производительности труда.

И наконец, политика модернизации привела к повышению объема капитальных вложений в строительство, которое в Китае теперь называют одним из самых «перегретых» наряду со сферой обращения секторов экономики.

Ликвидация узких мест в Китае проводится традиционными методами под зонтиком бюрократическо-командной системы: жесткие меры по усилению централизованного контроля над состоянием экономики, усиление директивного воздействия, ограничение самостоятельности хозяйственных организаций и учреждений в расходовании средств, свертывание оптовой торговли дефицитными средствами материально-технического снабжения. Как и страны Европы, Китай очутился перед дилеммой: или сделать решительный шаг в сторону полноправной рыночной модели со всеми последствиями (включая негативные — классовое расслоение, рождение новой китайской буржуазии), или продолжать компромиссное сочетание рыночной и нерыночной экономики.

Недовольство итогами реформ усиливается в Китае неудовлетворенностью из-за отсутствия политической реформы, о введении которой китайское руководство провозгласило еще два года тому назад, а также с ростом коррупции, кумовства, взяточничества среди руководящих лидеров, в том числе в высшем эшелоне власти. Стихийные движения за демократизацию, гласность, подспудно развивающиеся в Китае, открыто вылились весной 1989 года в студенческие волнения, демонстрации и объявления голодовок в Пекине. Требования студентов включали право на самостоятельное участие в политической жизни страны под таким лозунгом, как «Мы любим рис, но демократию мы любим больше». С требованием обнародования доходов ряда руководителей страны появились соответствующие лозунги: «Мы не верим больше грязным слугам народа, мы верим Демократии».

В самой крупной демонстрации, состоявшейся в Пекине 16 мая 1989 года, приняло участие 1,5 миллиона человек. Сейчас китайские власти оценивают студенческое движение весной 1989 года как попытки свергнуть правительство контрреволюционным путем.

Опасаясь роста волнений по цепной реакции — от выступлений студентов по всей стране к втягиванию в них других социальных слоев, недовольных своим материальным положением и ограничением прав и свобод, — руководство КНР объявило военное положение в Пекине 20 мая и ввело войска. 3—4 июня студенческое движение было подавлено военным путем. По разным оценкам, в ходе уличных столкновений погибло несколько тысяч человек и 10 тысяч получило ранения. Заработал репрессивный аппарат подавления инакомыслия под предлогом очищения общества от буржуазной либерализации, преданности идеям социализма и политике партии. Одновременно

китайские власти начали призывать к сохранению обстановки стабильности и единства, которые необходимы для осуществления главных задач — оздоровления экономики и углубления реформы.

Уроки трагических событий в Китае свидетельствуют об обострении антагонистических противоречий между общественными потребностями и интересами политических сил, опасющихся из-за развития процесса демократизации потери экономических и политических прав, утраты монополии власти.

Стабильность связывается с продолжением чисток в партии и увольнениями: «Руководить партией должны лишь преданные марксизму люди». Все коммунисты, несогласные с линией партии, должны быть исключены из ее рядов, поскольку «разногласия, возникающие внутри партии, могут подорвать ее руководящую роль».

Таким образом, Китай отвергает инновации социализма в духе развития демократии и создания плюралистической формы управления государством.

К подобной линии примыкают Куба, Албания и КНДР, образуя тем самым особую группу борцов за чистоту марксизма и социализма. При этом гипертрофируются национальные особенности стран, их особое положение в мире. Например, албанские власти, оценивая уроки событий в Восточной Европе, и особенно в Румынии, заявили на сессии Народного собрания Албании в январе 1990 года, что «все, что происходит в странах Восточной Европы, не касается Албании, идущей своим путем. Албания имеет свой облик, отличный от других стран Востока или Запада».

Тем не менее и в этой стране в ряде районов начались волнения с требованиями отмены партийной диктатуры и развития демократии, и, по свидетельствам западной прессы, они были подавлены вооруженным путем.

Борцом за чистоту идей марксизма называет себя Фидель Кастро. На траурном митинге в Гаване в декабре 1989 года во время захоронения кубинских интернационалистов, погибших за рубежом, он выступил с нападками на страны Европы и СССР, считая, что их реформы означают отказ от принципов марксизма-ленинизма и продвижение в сторону капитализма. Кастро является сторонником «сильной, дисциплинированной и пользующейся уважением партии», без чего невозможно продолжать революцию или осуществлять подлинно социалистическую революцию: «Невозможно осуществлять эти процессы, клеветая на социализм, разрушая его ценности, лишая авторитета партию, деморализуя авангард, отрицая его руководящую роль, ликвидируя социальную дисциплину, сея повсюду хаос и анархию». Таким путем, заявил Фидель Кастро, можно осуществлять контрреволюцию, но не совершать революционные перемены.

Следует признать, что КНДР занимает более осторожную и взвешенную позицию по поводу оценки событий в странах Восточной Европы. Эта осторожность в отличие от откровенных, эмоциональных высказываний Фиделя Кастро, видимо, объясняется, во-первых, тем,

что КНДР в меньшей степени может пострадать от прекращения экономической помощи стран Европы на льготных условиях, чем Куба, поскольку страны Европы занимают весьма скромное место в ее торговле и в последние годы практически прекратили предоставление кредитов на новое строительство.

Во-вторых, после подавления свободомыслия и антиправительственных выступлений в Китае, усиления в стране позиций сторонников жесткого, централизованного руководства в Пхеньяне стабилизировался внутренний порядок.

И наконец, в-третьих, КНДР находится в относительно спокойном регионе АТР, где нет сколько-нибудь серьезных сдвигов в намерении создать Общеазиатский дом, поскольку сильны факторы дезинтеграции, противоречия между отдельными странами региона. И следовательно, нет таких побудительных мотивов для сближения и сотрудничества социалистических и капиталистических стран, как в Европе.

КНДР остается верной традиционной модели социализма, на формирование которой несомненное влияние оказал сталинизм. Специфика корейской модели социализма состоит в том, что ее создатели пытались приписать ей универсализм и навязывали свой опыт другим странам, особенно африканским, где утверждались тоталитарные режимы. В самой КНДР уже издано 35 томов собраний сочинений Ким Ир Сена на восьми языках — русском, китайском, японском, английском, французском, испанском, немецком, арабском.

По признанию газеты «Нодон синмун», только за «последние 10 лет в КНДР побывала тысяча делегаций из 91 страны, 100 высших руководителей партии и государства». Идеи чучхэ получили международное признание. Лекции по чучхэ читаются в 200 университетах пяти континентов. В Японии действуют международный институт по идеям чучхэ, 4 института. В 26 странах созданы комитеты по идеям чучхэ, тысяча кружков чучхэ действует в 67 странах. В 80-е годы было организовано 100 национальных семинаров по идеям чучхэ в 36 странах мира. В Японии речи, статьи Ким Ир Сена и Ким Чон Ира изданы тиражом в 75 тысяч экземпляров. Издаются журнал «Изучение кимирсенизма», бюллетень «Эпоха чучхэ», газета «Идеи чучхэ», распространяемые в 130 странах мира. КНДР не жалеет средств для международного признания идей чучхэ и их иностранных последователей.

Содержание идеологической платформы Трудовой партии Кореи, оформленной в виде идей чучхэ, составляют идеи человека, его свободы, социалистические идеалы гуманизма, коллективизма, равенства, самостоятельности (в политике, экономике, выборе идеологии), то есть признание общечеловеческих ценностей как основной движущей силы прогресса при социализме. Это-то и привело определенную часть человечества к изучению чучхэ, и в какой-то степени КНДР в теоретическом плане явилась основателем гуманистической концепции социализма в Азии. Однако на практике гуманистические идеи

чучке не были реализованы. Господствующее место заняли идеи сталинизма, отрицающего важность борьбы за общечеловеческие ценности в ходе строительства социализма и подчиняющего все общенародные, личные интересы централизованной воле партии, спрессованной в указаниях его ЦК и высшего руководителя. Как и в других странах тоталитарного режима, в КНДР возобладала концепция «военного коммунизма», или так называемого казарменного социализма.

Ее основными признаками в экономике и социальной среде являются: ликвидация иных, кроме государственной, форм собственности, поднятие кооперативной формы собственности до уровня общенародной; теория «интеллигизирования рабочего», отвергающая «чистую» интеллигенцию как передовой класс общества, носителя научных, прогрессивных, гуманных идей; абсолютизация общественных фондов распределения и уравнивательность распределительных отношений; введение карточной системы; ликвидация системы распределения доходов по труду, самого понятия заработной платы; замена ее оторванными от результатов конкретного трудового вклада работника единими расходами на жизнь; упразднение каких-либо денежных отчислений от личных доходов (налоги, плата за коммунальные услуги и пр.).

В управлении, политике, идеологии: детальное планирование из центра всех видов деятельности, передача партийно-административным органам всей власти, недопущение хозяйственной самостоятельности коллективов, подмена партийными хозяйственными руководителями на производстве по так называемой Тэанской системе, централизация в руках государства (точнее — бюрократического аппарата) всех доходов и расходов госбюджета; монополия партийных органов на принятие и осуществление всех государственных решений; сверхцентрализация партийной власти; абсолютизация роли личности руководителя.

Проявлением господства в КНДР единомыслия служат идеи чучхе или кимирсенизм. Эта теория, оправдывающая под предлогом исключительности исторического опыта революции и социалистического строительства превосходство социалистического строя в КНДР, предопределила замкнутость, закрытость корейского общества для внешнего мира, в том числе и для использования опыта зарубежных стран, мировых открытий. Политическое содержание идей чучхе — это концепция вождизма в революции и строительстве социализма и признание права на наследование высшего партийно-государственного поста преемником, выдвинутому лично самим вождем.

Влияние сталинизма и идей Мао Цзэдуна на чучхе выразилось в признании усиления классовой борьбы при социализме и оправдании тем самым политических репрессий. Взятые на вооружение сталинский тезис об отмирании классов уже при социализме, точнее — на его поздней стадии, а также борьба с буржуазным либерализмом и всяким инакомыслием, идущим вразрез с чучхе.

На новое поколение большое влияние оказывают пропаганда преданности вождю и образцовая организация членов партии со вре-

мен партизанской борьбы в 30—40-х годах, пример лучших борцов за революцию, воспитанных в духе аскетизма и преданных идеям революции и коммунизма. С другой стороны, объяснить приверженность народа своей системе можно тем, что главный «козырь» идей чучке — избавление КНДР от иностранного присутствия и иностранного вмешательства в ее внутренние дела.

Внешним фактором устойчивости тоталитарного режима в Корею (как и на Кубе) можно считать тезис о постоянной угрозе с Юга и необходимости сплочения народа для борьбы с врагами, как внутренними (шпионами, агентами южнокорейского режима и ЦРУ), так и внешними (войсками марионеточного режима и американской армии).

Сталинская модель социализма начала давать сбой в КНДР в 70—80-е годы, когда исчерпали себя резервы экстенсивного роста и не были задействованы новые факторы развития. Наметился перегрев от высоких темпов капитального строительства в малорентабельных отраслях тяжелой промышленности. КНДР продолжала крутить холостые обороты сырьевой, капиталоемкой индустриализации, без учета структурных изменений в мировой экономике, научно-технической революции. Сдержатъ разрастающийся экономический кризис «помогает» низкая норма потребления, которая сглаживает разбалансированность спроса (он строго регламентирован в уравнительном обществе) и предложения (в КНДР нет рынка как такового, а существует система распределения). Поддержать экономику КНДР помогает и льготная помощь СССР, Китая и благотворительного Чхонрена (организация соотечественников, проживающих в Японии, насчитывающая 600 тыс. человек).

Новые ветры, грозящие расшатать прочный непотопляемый корабль сталинской модели социализма, подули сначала из Китая, первым провозгласившего демонтаж государственного бюрократического социализма, затем из СССР и стран Восточной Европы.

КНДР заявила в эти годы об изменениях экономической политики — приоритеты в стратегии 80—90-х годов получили НТП, потребительские отрасли, экспорт.

Куда и с кем пойдет КНДР в 90-е годы, каково будущее корейского социализма на фоне руин тоталитарного социализма в одних странах и попыток сохранения старого облика социализма в других? Жизнь так стремительно меняется, что делать какие-либо достоверные длительные прогнозы становится все труднее.

**От сталинской модели экономического
сотрудничества со странами Азии
к взаимовыгодным и равноправным связям**

СССР — КНР. После визита М.С. Горбачева в КНР в мае 1989 года и встреч с руководителями КНР вновь были нормализованы от-

580

ношения между двумя странами на государственном уровне, превращенные в 1964 году. Однако, как заявил премьер Госсовета КНР Ли Пэн в интервью советским журналистам, эти отношения будут отличаться от союзнических отношений 50-х годов. Китай намерен развивать их в духе дружбы и добрососедства на основе пяти принципов мирного сосуществования.

Главнейшую роль в дальнейшем развитии советско-китайских отношений играет разрешение спорных вопросов на границе и ее демилитаризация, поскольку СССР с КНР имеет самую протяженную границу (7,5 тыс. км).

КНР уменьшила численность своих вооруженных сил на 1 миллион человек. Решение СССР односторонне сократить свои вооруженные силы на 0,5 миллиона человек касается в том числе 200 тысяч военнослужащих в восточной части страны, 120 тысяч из них — на Дальнем Востоке. Как отмечала «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт», вдоль советско-китайской границы с 1969 года противостояли друг другу 700 тысяч китайских и свыше 400 тысяч советских военнослужащих, а также пять танковых армий. Для возможного отражения «угрозы с Севера», писала в дни визита Горбачева в Китай японская газета «Асахи», КНР держала в западном, северном и северо-восточном военных округах 55 процентов своих вооруженных сил. В советских войсках, расположенных вдоль границы с КНР, начата структурная перестройка в духе «разумной оборонительной достаточности». СССР готов к тому, чтобы по соглашению с КНР вывести из приграничных районов все военные подразделения и вооружения, оставив лишь персонал для несения обычной приграничной службы.

Новое содержание советско-китайских отношений зафиксировано в совместном Коммюнике по итогам встречи в верхах в Пекине в мае 1989 года. Представляется, что они не должны приобретать формы военно-политического союза, а строиться на четко осознаваемом соотношении национально-государственных интересов в духе осуществляемых в СССР и КНР реформ. Отношения двух стран пошли по восходящей линии расширения связей, контактов в области экономики, идеологии, культуры, хотя еще остаются разногласия межпартийные, отношения между компартиями СССР и КНР пока что не нормализованы.

Главной сферой взаимного интереса является экономика, обмен опытом в области экономических реформ, изучение концепций будущего развития СССР и Китая, в том числе концепции перестройки в СССР и концепции строительства социализма с китайской спецификой в КНР, активная дискуссия по этим кардинальным проблемам у нас и в Китае.

В экономической сфере начался процесс серьезного изучения возможностей партнеров, восстанавливаются традиционно сложившиеся хозяйственные связи, формы (в первую очередь техническое содействие СССР в модернизации и строительстве промышленных объектов), прорабатывается вопрос подключения к торгово-экономиче-

ским отношениям с КНР новых форм взаимодействия (совместные предприятия, открытые зоны, использование на территории СССР иностранных рабочих, оказание помощи КНР в строительстве в СССР предприятий «под ключ» и ряд других). По мнению большинства китайских ученых-советологов, характерной чертой советско-китайского торгово-экономического сотрудничества будет его децентрализация, выраженная как в кооперации, так и в торговле, хотя, по-видимому, Госплан, МВЭС СССР и его дальневосточный филиал — «Дальинторг» не захотят сдавать свои монопольные позиции, в том числе и в перспективных связях с КНР на межгосударственной основе. Тем не менее заявок на прямые связи с Китаем поступило очень много, и не только от прилегающих к нему районов СССР. Наиболее удобная ее форма — это так называемые приграничные связи. В них уже активно участвуют Хабаровский, Алтайский, Красноярский, Приморский края, Амурская, Читинская, Иркутская, Кемеровская, Сахалинская области, республики Средней Азии, Бурятская АССР. К ним все больше подключаются Украина, Урал. Цель сотрудничества — разнообразные виды кооперации по взаимным интересам, прежде всего прямой товарообмен.

Оборот только по линии в/о «Дальинторг» вырос с 6,3 миллиона рублей в 1983 году до 50 миллионов рублей в 1987 году и 100 миллионов — в 1988 году. А его доля в общей советско-китайской торговле поднялась до 5 процентов. Однако сюда не включаются прямые товарообменные операции, а с их учетом децентрализованная торговля увеличивается в 3—4 раза. С самого начала допуска предприятий к прямым связям уже выявились негативные черты прямого товарообмена — сырьевая направленность советских поставок, несогласованность, большая амплитуда колебаний цен на экспортно-импортную продукцию. Анархия, конкуренция между районами за связи с Китаем приносит большие убытки с точки зрения рентабельности связей, подрывает межгосударственную торговлю по твердым ценам. Выход, по-видимому, в согласованной политике, государственной концепции приграничных связей с КНР, а также в перенесении центра тяжести на производство готовых товаров ширпотреба с использованием китайского оборудования. Наиболее перспективна организация производств с быстрым оборотом продукции: бытовой электроники, компьютеров, электротехнических изделий, а также создание предприятий деревообрабатывающей и мебельной промышленности. Идеально выглядела бы схема подключения Дальневосточного экономического района (ДВЭР) к западным проектам создания международной зоны регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Участниками его могли бы стать Китай, СССР, Монголия, Япония, Северная и Южная Корея. База этого сотрудничества применительно к ДВЭР — наиболее передовые технологии Запада, Японии, советское сырье и трудовые ресурсы Китая. Находкинская открытая зона станет первым пробным полигоном для совместных действий,

демонстрацией наших способностей к масштабному сотрудничеству. В ДВЭР есть проекты и трехстороннего сотрудничества — СССР, КНР, США: заводы по производству солнечных батарей, комплексному использованию минерального сырья и комплексной переработке древесины, организация производства керамики из фаянса, сотрудничество в области лекарственных трав и во многих других областях (например, на базе БАМ — создание советско-китайской компании по развитию дорожного строительства в КНР).

Уже началась и такая форма советско-китайского регионального сотрудничества, как передача в аренду сельхозугодий в Амурской области и Приморском крае для производства силами китайской стороны сельхозпродукции на компенсационной основе.

Перспективное направление — использование китайской рабочей силы. В ДВЭР в 1989 году направлено 3 тысячи китайских рабочих, из них половина — на строительные работы в Хабаровском крае². К примеру, только небольшой Амурской области требуется как минимум 5—6 тысяч строительных рабочих и 12—15 тысяч — сельскохозяйственных. Но уже начались трудности — использование китайских рабочих не по специальности, низкая оплата их труда, неустроенность культурно-бытовых условий. Имеют место забастовки китайских рабочих, работающих на советских объектах.

Сырьевая направленность советского экспорта в приграничных связях ярко выражена: она превышала в 1988 году 90 процентов всех поставок. Бурный рост приграничного товарообмена до крайности обострил и без того слабое транспортное обеспечение советско-китайских торговых отношений. Мощности автомобильных и железнодорожных пограничных переходов практически исчерпаны. Находятся на пределе и возможности обработки грузов в портах.

С 1983 года возобновился обмен товаров через приемосдаточные пункты автомобильным транспортом на границе (Хоргос и Турунгарт), в 1986 году — речные перевозки по Амуру.

Важную роль имеет договоренность о строительстве в КНР железной дороги, которая свяжет Синьцзян-Уйгурский автономный район с Казахстаном, совместное освоение нового «шелкового» пути из Китая в Европу по железнодорожной магистрали Пекин — Урумчи — Алмата — Москва.

Большие проблемы существуют и в советско-китайской торговле в целом, хотя скачок в последние годы значителен: 70 миллионов рублей в 1970 году, 488 — в 1983 году, 1,6 миллиарда рублей в 1985 году и 1,98 миллиарда рублей в 1988 году. По-видимому, крайне трудно будет выйти на запланированный по пятилетнему соглашению уровень в 3 миллиарда рублей на 1990 год, поскольку в СССР нет достаточного количества экспортных товаров для товарного покрытия импорта из КНР. Да и КНР модифицировала свои импортные потребности, сократив объем и номенклатуру импорта машинно-технических изделий, которые она с охотой покупала у СССР в 50-е годы.

В торговле с КНР Советский Союз намерен проводить свою генеральную экспортную стратегию — увеличивать вывоз готовых изделий высшего качества. Китай интересуется наша тяжелая техника. Например, 80 процентов поставляемых в КНР машин составляют энергетическое оборудование и транспортные средства — наиболее на сегодняшний день «узкие места» народного хозяйства Китая. В соответствии с соглашением об экономическом и техническом сотрудничестве в строительстве и реконструкции промышленных и других объектов в КНР, подписанным в 1985 году, удельный вес машин, оборудования и транспортных средств в советском экспорте в КНР за 1986—1990 годы в среднем должен составлять 50 процентов (31,1 процента в 1985 году). Предусмотрено участие СССР в строительстве в КНР 7 новых и реконструкции 17 объектов в энергетике, черной и цветной металлургии, машиностроении, угольной промышленности, химии, на транспорте и в других областях. В свою очередь Китай мог бы стать крупным поставщиком в Советский Союз продовольственных и промышленных товаров народного потребления — зерна, масличных культур, мяса и мясопродуктов, фруктов, различных товаров ширпотреба.

Особо следует отметить значение сотрудничества в научно-технической области, поскольку Китай в отличие от других социалистических стран в Азии уже имеет передовой научно-технический комплекс. Этому в немалой степени способствовала конверсия, на которой бурно расцвела китайская электроника. По мнению Госплана СССР, нужна разработка и реализация крупных проектов по узловым проблемам науки и техники: атомной энергетики, новых конструктивных материалов, электроники и вычислительной техники, световодов, по применению нетрадиционных источников энергии, биологических методов в здравоохранении, медицине, сельском хозяйстве.

СССР — КНДР. Конец 80-х годов стал поворотным моментом политики СССР в Корее.

Новое политическое мышление, провозглашенное Горбачевым, дает возможность расчистить тупики нашей политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, одним из которых являлось полное непризнание Южной Кореи, отсутствие с ней каких-либо отношений³.

С другой стороны, экономическая реформа и экономический кризис в СССР заставляют по-новому взглянуть на отношения с социалистическими странами, включая менее развитые, отказаться от малоэффективной и обременительной для СССР экономической помощи, а экономические связи с ними перевести в нормальное русло хозяйственных коммерческих отношений. Однако эта новая внешняя политика СССР встретила глубокое неприятие, растерянность в странах с неразвитой экономикой, особенно на Кубе. И более развитые страны, объединенные в СЭВ, в ходе своих народных революций не отказываются от экономических связей с СССР по линии получения более дешевых сырья, топлива, электроэнергии. Поэтому сейчас на-

чался как бы переходный период в международных экономических связях СССР, который прямо затронет Северную и Южную Корею.

Северная Корея занимает довольно скромное место среди других стран как получатель помощи от СССР, к тому же она начала расплачиваться с долгами. Доля ее в общем объеме помощи СССР развивающимся странам составляет 5 процентов. Корейский долг СССР в 10 раз ниже, чем долги Монголии и Вьетнама, и в 14—15 раз — чем Кубы. Однако проблема уплаты задолженности для КНДР так же остра, как и для других неевропейских стран, поскольку общая мировая задолженность КНДР (по западным оценкам) в переводе на рубли достигла 3,7 миллиарда рублей, что в 2,4—2,5 раза выше объема ее годового экспорта. В структурном плане на развитие экономических связей СССР с КНДР большое влияние оказал сталинизм и неосталинизм. Связи СССР с КНДР целиком были подчинены идее чучхе и концепции капиталоёмкой индустриализации КНДР, от которой в 60—80-х годах отказались все цивилизованные страны. С нашей помощью создавался громоздкий многоотраслевой комплекс в тяжелой промышленности. Корейский потребитель почти не видел товары советского производства в своих магазинах.

Объективно своей помощью, следуя просьбам корейской стороны, Госплан СССР закладывал в КНДР фундамент несбалансированной экономики, закрытой для внешнего мира. Деформированные связи явились объективным отражением господствующих идей сверхиндустриализации больших и малых стран.

СССР, несомненно, внес свой вклад в индустриализацию КНДР (30—40 процентов производимых с нашей помощью черных и цветных металлов, 60—70 — электроэнергии на ТЭЦ и ГЭС, 50 процентов — нефтепереработки) и тем самым помог выйти отсталой Корее в ряд среднеразвитых стран мира. Однако помощь до недавнего времени, как отмечалось, не предоставлялась на потребительские цели, не имела обратной связи, то есть не влияла на взаимодействие и взаимодополняемость экономических структур наших стран и формирование в счет экономической помощи в КНДР экспортного сектора, ориентированного на удовлетворение импортных потребностей нашей экономики.

СССР остается ведущим спонсором наиболее крупных корейских новостроек. Это — значительная помощь КНДР, тем более что европейские страны и Китай прекратили свою техническую помощь Северной Корее. Однако заключенные ранее соглашения с корейской стороной идут вразрез с новой экономической политикой СССР периода перестройки, то есть сокращением объема капитального строительства у нас и за рубежом, структурной перестройкой капитальных вложений, направлением их в ближайшие годы преимущественно в агросектор, отрасли, производящие ширпотреб, другие отрасли и инфраструктуру, их обслуживающие.

Некоторые качественные сдвиги, повысившие эффективность советско-корейского сотрудничества, появились в самые последние го-

ды, но они опять-таки санкционировались сверху, и в них прямо не участвуют по собственному желанию советские предприятия.

Из новых форм назовем кооперацию в легкой промышленности: изготовление на корейских предприятиях из советского сырья готовой продукции и отгрузка ее в СССР. Объемы поставок швейных изделий из дальневосточного сырья возросли с 3 миллионов рублей в 1987 году до 140 миллионов — в 1989 году, а доля СССР в корейском экспорте поднялась до 25 процентов.

При абсолютном дефиците на мужскую и женскую одежду на потребительском рынке СССР изделия, изготовленные в КНДР, не лучшего качества и «не сверхмодные», могут заткнуть какую-то брешь. Однако без коммерческого интереса советских предприятий, их полной самостоятельности в выборе корейского партнера, права тратить валюту на приобретение западного технологического оборудования и с его помощью производить реконструкцию североευропейских предприятий эта форма, как и все другие, спущенные в директивном порядке центральными органами СССР, может оказаться малорезультативной.

Другой путь в перестройке торгово-экономических отношений СССР и КНДР — это совместные предприятия, в основном некрупные и создаваемые в Дальневосточном регионе или в европейской части СССР. Создано, например, несколько совместных ресторанов (Москва, Хабаровск, Владивосток), предприятий по производству лекарственных растений (Чита), ламинарии (морских водорослей) — в Находке. Разворачивает деятельность по производству фрезерных станков совместное предприятие «Хичхон — Горький», предложили создать совместные предприятия машиностроители Новосибирска, Хабаровска, Владивостока. Видимо, в будущем кооперация в машиностроении, учитывая интересы партнеров, может быть продолжена, включая организацию совместных предприятий и советские заказы для КНДР. Уже сейчас можно назвать производство на верфях КНДР судов различного типа и других плавсредств по советской документации и с использованием советских комплектующих изделий, изготовление по советским проектам и технологии, из советских комплектующих изделий и материалов на паровозостроительных предприятиях (Вонсан, Чхонджин) универсальных полувагонов и сцепок.

У КНДР есть шанс не отстать от других иностранных партнеров в организации зоны совместного предпринимательства в Находке. Она там частично уже закрепилась: совместные рестораны, совместные предприятия по производству продукции из морского ежа, строительство объектов на подрядной основе. КНДР может принять активное участие в строительстве социальной инфраструктуры, так необходимой малообжитой и малопривлекательной для западных бизнесменов Находке. Она может использовать свой богатый опыт, накопленный в ходе обновления Пхеньяна: многоэтажные современные отели, рестораны, спортивно-зрелищные учреждения и пр.

СССР — МНР. Сталинская модель неэффективного взаимодействия с соцстранами особенно видна на примере советско-монгольского сотрудничества.

Советский Союз долгие годы занимает монопольное положение во внешнеэкономических связях Монголии, по существу формируя отраслевую структуру ее хозяйства своей помощью: на нашу страну приходится свыше 75 процентов кредитов и безвозмездной помощи, полученных Монголией от других стран и международных организаций.

Экономика ни одной другой страны социализма в Азии не зависит от Советского Союза в такой степени, как экономика Монголии. Кредиты обеспечивают $\frac{2}{5}$ используемого в стране национального дохода, 70 процентов капиталовложений, 90 процентов ввозимых в страну машин и оборудования, 50 процентов реализуемых во внутренней торговле МНР товаров народного потребления, 90 процентов построенных объектов и т.д. Весьма внушительен для такой малой страны объем торговли с СССР: он достиг 1,5 миллиарда рублей и составил 80 процентов всей торговли МНР и 1,2 процента торговли СССР. Торговля резко не сбалансирована: не покрыты встречными поставками 70 процентов советского экспорта, поэтому она поддерживается товарными кредитами. За период 1971—1990 годов торговля с монгольским партнером нам обошлась в «кругленькую сумму» — более 3,5 миллиарда рублей.

Монголия стала первым партнером СССР по созданию акционерных обществ и совместных предприятий. За счет совместных предприятий в горнодобывающей промышленности в значительной степени модифицировалась структура монгольского экспорта: если раньше это была в основном продукция животноводства (33 процента в 1970 году), то теперь — горнодобывающей промышленности: медно-молибденовый концентрат и плавиковый шпат (45 процентов в 1986 году). Подобный перевес объясняется не столько успехами горного дела при нашем содействии, сколько снижением сельскохозяйственного экспортного потенциала, вызванным кризисом в монгольском животноводстве. В связях с МНР проявилась общая ошибка стратегии СССР в отношении сотрудничества с менее развитыми странами. Здесь с нашей помощью не было создано ни одного сколь-нибудь крупного конкурентоспособного на мировом рынке производства готовых изделий из животноводческого сырья, поддерживалось стремление МНР укрепить свой сырьевой экспортный потенциал в промышленности. Такая «утяжеленная» структура экспорта требует постоянного увеличения импортных поставок, осуществляемых, как мы уже отмечали, в счет льготной помощи. В 1971—1985 годах на один рубль экспортной продукции приходилось от 2,4 до 2,8 рубля поступлений по импорту. Для поддержания промышленного экспортного потенциала требуется вдвое и более увеличивать импорт машин, запчастей, различных материалов. Только совместное предприятие «Эрдэнэт» в 1981—1985 годах произвело закупки, составившие половину

стоимости экспорта совместных предприятий медного и молибденового концентрата. К тому же все меньше внимания уделяется экспортным возможностям животноводства. Расчеты показывают, что доля советской помощи в объеме производимой животноводством продукции составляет от 5 до 8 процентов. Зато мы вкладывали средства в растениеводство, с одной стороны, поддерживая самообеспечение Монголии зерном, с другой, — разрушая, истощая ее земли, которые самой природой предназначены для развития пастбищного животноводства. В растениеводстве за счет наших средств производится 30—40 процентов зерна. Роль же животноводства в монгольском экспорте трудно переоценить. Недаром в середине 80-х годов МНР обеспечивала 20 процентов импортных поступлений стран СЭВ в мясе и 10 процентов — в шерсти. Однако доля животноводческой продукции в экспорте МНР снизилась с 80 процентов в 70-х годах до 30 процентов в 80-х годах. Сократилось и внутреннее производство, и потребление: производство — с 144 кг в 1970 году до 120 кг в 1985 году, а потребление — со 100 до 88 кг. В стране были введены карточки на мясо, которые даже в Улан-Баторе не всегда отовариваются. Монопольное положение государства во внешнеэкономических связях МНР мешало развитию местной инициативы по линии приграничного сотрудничества МНР с Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областями. При 1,5 миллиарда союзного оборота приграничная торговля в 1987 году составила 19 миллионов рублей.

Еще одним примером неэффективной советской помощи стало наше техническое содействие по возведению в МНР новых объектов. В стране с двухмиллионным населением СССР построил 700 различных объектов, а по соглашению на 1986—1990 годы планировалось построить или реконструировать еще 500. Только в промышленности было воздвигнуто 150 предприятий, выпускающих половину всей продукции⁴. Что касается так называемой инвестиционной помощи СССР Монголии, то она росла еще более быстрыми темпами, чем «дары» на поддержание советско-монгольской торговли: за 1971—1990 годы — в четыре раза. Без преувеличения можно сказать, что мы своей помощью объективно усложнили экономическую обстановку в МНР. Наблюдается рост несбалансированности отраслей, разрыв между добывающими и обрабатывающими отраслями и социальная напряженность из-за наличия товарного дефицита, особенно на продукцию животноводства. Возник своего рода «переворот» помощи в расчете на душу населения: кредитная помощь СССР Монголии на душу населения составляет 1,5 тысячи рублей (в СРВ — 60 рублей), а ее долг СССР в расчете на душу населения — 5 миллионов рублей.

В МНР на деньги СССР не только построена подавляющая часть предприятий топливно-энергетического, сырьевого комплекса, обрабатывающей промышленности, но и созданы все современные виды транспорта, включая железнодорожный, автомобильный, авиационный, водный, связь — радио, телевидение, телефон, спутниковая система связи. Монголию «наводнили» не только наши деньги, но и наши

специалисты, и особенно строительные рабочие. Для строительства «под ключ» тратится 75 процентов всех осваиваемых кредитных средств силами советских строительных организаций. В 1971—1975 годах советскими строительными трестами было выполнено 40 процентов всего объема строительства, в 1981—1985 годах — 70 процентов. Общая численность советских строительных работников в МНР достигла 27 тысяч человек. На каждые 5—6 монголов приходится по одному иностранному специалисту (всего их 40 тысяч, включая страны СЭВ), а в строительстве этот коэффициент равен 1:1. Вместе с тем эффективность использования капиталовложений в МНР значительно ниже, чем в других странах СЭВ. На один процент прироста капиталовложений в МНР приходится 0,4 процента национального дохода, тогда как, скажем, в европейских странах СЭВ — 1,3 процента.

МНР не стоит в стороне от глобальных изменений, происходящих в странах социализма. На передний план выдвинуты экономическая реформа, укрепление правового государства, принятие законов. Как и у нас, реформа охватила сферу внешнеэкономической деятельности.

Перестройка экономических отношений СССР с МНР в сторону хозрасчетной взаимной выгоды, на наш взгляд, потребует еще больше времени, чем в отношениях с другими менее развитыми странами социализма. Самое трудное — найти новые подходы в координации экономической политики и структуре наших экономических отношений, поскольку в Монголии не изжила себя идея гипертрофированного развития горнодобывающего комплекса и увеличения доли в нем нашего участия, продолжения оказания льготной помощи. В качестве основных объектов сотрудничества монгольская сторона предлагает новые крупные горнорудные комплексы, в том числе по разработке месторождения фосфоритов, запасов коксующихся углей, добыче полиметаллов и ряд других, что потребует дополнительно примерно 15 миллиардов советских рублей. На наш взгляд, более жесткая, принципиальная позиция СССР в вопросе помощи МНР должна состоять именно в кардинальной перестройке механизма и отраслевой структуры взаимодействия: отдать приоритет агропромышленной сфере, связанной с радикальным подъемом монгольского животноводства, организацией переработки его продукции с привлечением заинтересованных стран.

МНР при наличии своих природных ресурсов и особом местоположении в Азии может стать объектом привлечения западных технологий с нашим участием для производства биологически чистой продукции, развития иностранного туризма, экспорта услуг, включая транзит грузов через свою территорию, развития промышленного звероводства и рыболовства. Необходим настойчивый поиск альтернативных форм и видов экспорта, более активное участие МНР в региональных связях.

СССР — страны Индокитая. На нынешнем этапе перестройки в СССР и обновления в Индокитае необходима непродвигая оцен-

ка итогов многолетнего взаимного сотрудничества. Уже стали ясны ошибки внешнеэкономической политики СССР в Индокитае, которые вызвали кризис доверия в этих странах к способности СССР оказать им эффективную помощь. Индустриальная направленность советской помощи и ограниченные возможности самих стран в ее усвоении, стремление СССР к монопольному положению во внешнеэкономических связях стран Индокитая, с одной стороны, и слабая информированность о реальных народнохозяйственных потребностях стран Индокитая — с другой. Негативную роль сыграло и перенесение в эти азиатские страны собственной модели становления социализма. Имели место попытки форсированного насаждения госсектора в промышленности, сельском хозяйстве, в торговле за счет экономической помощи, несмотря на неготовность индокитайских стран к этой форме обобществления. Большой вред нанесло непонимание специфики перехода стран со слаборазвитой экономикой к социализму, длительности этого перехода, принятия компромиссных решений, использования различных укладов, в том числе и несоциалистических.

Как и МНР, страны Индокитая втянуты во внешнеэкономические связи СССР не на хозрасчетной основе взаимных отношений, а путем получения льготной помощи.

Помощь СССР, особенно по линии торговли, долгие годы держит «на плаву» экономику Вьетнама. Ее приостановка грозит возвратом СРВ к кризису, из которого страна начала постепенно выходить. Поэтому перестройка отношений должна проводиться поэтапно, сочетая хозрасчетные отношения и льготную помощь, а также частично и прежние привилегии.

В глобальной перестройке внешнеэкономических связей СССР из стран Индокитая в большей степени заинтересован Вьетнам. Причины — в достигнутом объеме, разнообразии форм, более глубокой привязке экономики СРВ к нашей помощи, масштабности уже заключенных долгосрочных экономических соглашений и комплексных целевых программ. Меньший интерес к сотрудничеству с нами проявляют Лаос и Камбоджа. Лаос встал на позицию ориентации своих внешнеэкономических связей на страны АТР, прежде всего ЮВА, в частности Таиланд. Развиваются различные сервисные, транспортные, посреднические услуги. Эти индокитайские страны, в отличие от СРВ, отказались от строительства крупных объектов при опоре на иностранную помощь, в чем мы долгое время сохраняли свою монополию. Предпочтение отдается концессионной форме использования иностранного капитала. Развивается также прямое деловое партнерство с Западом в традиционных отраслях: лесной, легкой и кустарной промышленности. Наметилась готовность Лаоса сотрудничать с советскими организациями в посреднических услугах по экспорту—импорту потребительских товаров для насыщения внутреннего рынка и реализации своих экспортных возможностей, в освоении лесных ресурсов.

Традиционным остается оказание содействия по строительству дорог. Что касается Камбоджи, то характер нашего взаимодействия с ней во внешнеэкономической области будет зависеть от политической обстановки в стране в ходе политического урегулирования камбоджийской проблемы после вывода вьетнамских войск и формирования руководства национального согласия.

И для Лаоса, и для Камбоджи приемлем вариант ограниченного сохранения связей с СССР на межгосударственной основе. Одновременно следует развивать различные взаимовыгодные связи с привлечением широкого круга заинтересованных участников как с советской, так и с лаосской и камбоджийской сторон и строить эти связи исключительно на хозрасчетной основе.

Возможности этих стран пока изучены слабо, а поскольку отпала перспектива развития региональной интеграции трех стран Индокитая с участием нашей страны или других стран СЭВ, то нам надо начать проведение политики внедрения в международные связи стран Индокитая и поиска в них своего места.

Безусловно, новая модель сотрудничества со странами Индокитая будет формироваться в общем русле перестройки внешнеэкономической политики СССР по отношению к странам с неразвитой экономикой. По-видимому, будет принят курс на замораживание объемов помощи на достигнутом к концу 80-х годов уровне с постепенным ее уменьшением в последующие годы.

Финансовая проблема отношений СССР — страны Индокитая имеет для нас особое значение, поскольку на помощь этим странам было выделено из госбюджета СССР более 1/3 всех средств, предоставленных неевропейским странам социализма. Общий долг индокитайских стран превышает годовую помощь СССР всем развивающимся странам.

Создалась своего рода экономическая «привязка» Индокитая к нашей помощи. Ее доля в использованном национальном доходе СРВ составляет 16 процентов, в капитальном строительстве в госсекторе — 40 процентов.

СССР стал безвозмездным спонсором, поставляющим в Индокитай топливо, сырье и материалы. СРВ удовлетворяет 60—80 процентов своих импортных потребностей в продукции производственно-технического назначения за счет льготных поставок из СССР, причем в таких валютных товарах, как нефть и нефтепродукты, минеральные удобрения, хлопок-волокно, продовольствие. Не балансируется более 50 процентов торговли СССР с СРВ и еще больше — с Лаосом и Камбоджей.

Вьетнам в последние годы пытается найти новых, выгодных для себя спонсоров среди развитых капиталистических стран и НИС АТР, но они не могут заменить нас в удовлетворении основных импортных потребностей страны, которые по сложившейся традиции взаимоотношений СССР с СРВ осуществляются в счет льготных кредитов. Кроме того, объем вьетнамского экспорта на капиталистический ры-

нок пока незначителен и не может покрыть расходы по импорту из Запада нужной продукции.

Перестройка в СССР, гласность и открытость, распространяющиеся на сферу внешнеэкономической деятельности, выводят проблему экономической помощи СССР социалистическим странам Азии в политическую плоскость, поскольку растет осуждение иждивенческих настроений стран по отношению к СССР, ставится вопрос о сбалансированности наших отношений (прежде всего торговых), об отказе от неэффективного, дорогостоящего строительства, предлагается ввести более жесткую политику контроля за использованием советских кредитов.

К перестройке нас подталкивает и новая политическая обстановка, складывающаяся в АТР, наша дальневосточная концепция. Требуется более глубокого и взвешенного подхода уяснение военно-политической значимости стран Азии в АТР и в новых отношениях Восток — Запад. Настала пора в духе нового политического мышления отказаться от идеологизации экономических отношений, вытекающей из примата идеологической и политической общности со странами социализма над экономической выгодой.

Демонтаж сложившегося стереотипа отношений с менее развитыми странами может идти различными путями.

Во-первых, тщательный анализ итогов сотрудничества, реальная оценка вложенных средств и их отдачи. Вполне справедливы, на наш взгляд, нарекания со стороны руководителей неевропейских стран, в том числе Вьетнама, Кубы, Монголии, на слабую эффективность построенных при содействии СССР народнохозяйственных объектов и, следовательно, постановка ими вопроса о реальной стоимости советских кредитов, подлежащих возврату.

Во-вторых, нужна большая, чем сейчас, координация нашей помощи с помощью Запада, включая передачу части наших обязательств перед этими странами при определенных политических гарантиях и даже уступках западным партнерам в тех областях, которые прямо не затрагивают безопасность — нашу и азиатских стран (например, ликвидация военных баз, сокращение аппарата военных советников). Иными словами, сокращение нашего военного присутствия могло бы компенсироваться увеличением экономической помощи западных стран.

В-третьих, нуждается в кардинальном изменении структура нашей помощи, механизм ее предоставления и использования. В первую очередь речь идет о кредитах, предоставляемых на экономическое развитие (техническое содействие) и на сбалансирование товарооборота. Нужно сказать, что агро- и минеральные ресурсы представляют интерес, особенно для насыщения внутреннего рынка СССР и развития новейших технологических производств. В перспективе страны Азии могли бы стать поставщиком особо чистого сырья, участвуя в комплексной программе НТП стран СЭВ.

Однако объемы закупок нужной нашему народному хозяйству продукции не соответствуют ни экспортным возможностям этих стран, ни нашим потребностям. Сейчас взят курс на стимулирование с нашей помощью развития широкопрофильного экспортного производства и создания необходимой для этого производственной и социальной инфраструктуры. Эту цель должна преследовать и наша кредитная политика, в первую очередь надо предоставлять кредиты (товарные, инвестиционные) на строительство или модернизацию тех объектов, чья продукция будет поступать на советский внутренний рынок или на рынки стран «третьего мира» для приобретения валюты. Важно также установить строгий контроль за целевым использованием кредитов, как это делают европейские страны. До настоящего времени экономическое сотрудничество по-прежнему страдает от бюрократизма, необходимости долговременных и многочисленных согласований, необходимости советской стороны, отсутствия экономической заинтересованности у советских партнеров, поскольку они не получают прямой выгоды для себя.

В отношениях со странами Азии должна найти применение основополагающая идея реформы внешнеэкономических связей СССР: переход сотрудничества от уровня Госплана СССР и различных министерств и ведомств к уровню непосредственных участников — производителей. При этом советские специалисты должны вступать в контакты с партнерами из неевропейских стран не по указанию сверху, как сейчас, а исходя из своих экономических интересов, видя реальную выгоду в выходе на рынки этих стран. Мы сталкиваемся с возрастающей конкуренцией со стороны Запада в ограниченных прибыльных отраслях экономики азиатских стран: добыча благородных и редкоземельных металлов, нефтяной шельф, добыча и переработка морепродуктов, агросфера. Страны Азии при налаживании взаимовыгодных связей из-за сохраняющихся недостатков в механизме взаимного сотрудничества, неотлаженности системы управления внешнеэкономическими связями в СССР зачастую предпочтение отдают фирмам капиталистических стран. Важно заинтересовать советские предприятия малоэффективным сотрудничеством с менее развитыми странами социализма, проводя политику государственных поощрительных мер, государственных юридически оформленных гарантий и предоставляя им режим наибольшего благоприятствования.

В частности, это может быть более низкий процент отчислений в госбюджет от внешнеторговой деятельности, разрешение на самостоятельное использование валютных средств и изготовленной по кооперации или на давальческой основе продукции, гарантированное государственное снабжение средствами производства (система госзаказа) не только государственных, но и кооперативных и иных предприятий, разрешение экономическим и общественным организациям прямого выхода на рынки стран Азии со всеми видами деятельности, включая

торгово-посреднические услуги, создание специальных валютных и товарных фондов поощрения их деятельности из средств госбюджета, особенно для коллективов, участвующих в строительстве в странах Азии рентабельных предприятий, производящих качественную и нужную нам продукцию.

Плодотворной может оказаться идея активного привлечения советских кооперативов с выполнением посреднических услуг, создания торговых домов, которые имели бы универсальный характер и не замыкались бы в рамках той или иной производственной системы, национальных рынков, а распространяли бы свою деятельность и на другие страны. Мы должны искать себе партнеров в КНР, ЛНДР, СРВ не только в государственном, но и в кооперативном или в частном секторе.

Уже на современном этапе возникла идея создания совместных, в том числе акционерных, банков, которые бы контролировали реализацию советских кредитов, выделяемых на правительственном уровне, финансировали другие виды деятельности и формы сотрудничества⁵. Средства помощи из госбюджета СССР можно было бы распределять между объектами, сотрудничающими со странами Азии, на конкурсной основе.

Новая модель требует изменить принципы планирования внешнеэкономических связей в СССР — отказаться от практики выделения общих сумм госкредитов на техническое содействие и сбалаंसирование по пятилеткам и предоставления их только на реализации конкретных программ сотрудничества, преимущественно в экспортных отраслях или для объектов строительства на компенсационной основе.

В торговле в рамках СЭВ предполагается перейти на цены мирового рынка, на свободную валюту и осуществлять взаимосвязанные поставки важнейших товаров по мировым ценам. Это требует длительной, кропотливой работы, поскольку в ценообразовании господствует волонтаризм. При этом, конечно, на какое-то время придется сохранить кредитование части импорта из СССР, но эта доля должна снижаться, чтобы постепенно можно было перейти к торговле со странами Азии на сбалаंसированной основе.

В-четвертых, во внешнеэкономических связях СССР с азиатскими странами должен учитываться и использоваться по возможности в наших общих интересах фактор их тяготения к региональному сотрудничеству. Уже сейчас начался процесс разнонаправленности внешнеэкономической ориентации стран Азии, особенно членов СЭВ: или на пока декларированный СЭВом объединенный рынок СЭВ, или на сложившиеся региональные рынки капиталистических стран. Причем если первый процесс (объединенный рынок СЭВ) еще не начался из-за неясности самой этой идеи, то приобщение стран Азии к рынкам АТР, особенно в ЮВА, становится все активнее.

Примечания

¹ Централизованный директивный план охватывает 20 процентов объема промышленного производства, остальное приходится на рыночное регулирование и так называемое направляющее (т.е. формально не обязательное для предприятия) планирование.

² В ДВЭР на лесоповале трудятся 15 тысяч корейских и 3 тысяч кубинских рабочих.

³ В 1988 году открылись отделения Торгово-промышленной палаты СССР в Сеуле и КОТРЫ — в Москве, при них образованы консульства двух стран. Создано пять совместных предприятий, а советско-южнокорейский товарооборот в 1989 году достиг 600 миллионов долларов.

⁴ Не обошлось и без гигантомании в планах строительства. Пример — гигантский деревообрабатывающий комбинат Тосонцэгэл, работа которого «поможет» вырубить все леса в западной части Монголии.

⁵ Предложения о создании совместных банковских учреждений или филиалов банков во Вьетнаме поступили от капиталистических стран — Франции, Таиланда, Южной Кореи, Гонконга, Сингапура.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В.Ф.Петровский. Постконфронтационная перспектива ООН 9

О. Н. Быков. Концепция мирного сосуществования
в свете нового политического мышления 21

Н. А. Симония. Единство в многообразии: классовое
и цивилизационное в эволюции мирового сообщества 38

С. Н. Кондрашов. Из мрака неизвестности 56

С. Е. Благоволин. Советские военные приготовления в эпоху
нового политического мышления 104

Ю. А. Красин. Ленинизм в контексте мирового развития 123

Э. А. Поздняков. Формационный и цивилизационный подходы
и международные отношения 137

Г. Г. Диллигенский. Человек в современном мире 151

М. П. Капустин. Толерантность 190

Ю.Г. Буртин. Победа реформизма 223

В.А. Кременюк. Мировая революция, мирное сосуществование
или единство мира? Поиски фокуса внешней политики СССР 245

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Джерри Ф. Хаф. Конец послевоенного периода 269

Г.Ф. Кунадзе. В поисках нового мышления. О политике СССР
в отношении Японии 284

Харуки Вада. Перестройка и Северо-Восточная Азия:
плюсы и минусы 307

<i>В.И. Дашичев.</i> Становление новой Европы	322
<i>Карен Давиша.</i> Узы, которые связывают: отношения Советского Союза с Восточной Европой	334
<i>И.Н. Зорина, Н.А. Карагодин, В.Г. Хорос, В.Л. Шейнис.</i> «Третий мир»: мифы и реальность	399
<i>С.А. Микоян.</i> Мы и Латинская Америка	451
<i>Б.Р. Асоян.</i> Информация и мифы	470
<i>В. И. Носенко.</i> Советский Союз и «третий мир»: политика и нравственность	495
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ	
<i>Р.Р. Симонян.</i> Открытая экономика или «пикник на обочине»?	513
<i>Е.Б. Арефьева.</i> Страны «третьего мира»: клиенты или партнеры?	544
<i>М.Е. Тригубенко.</i> Влияние сталинизма на социалистические страны Азии: уроки прошлого и проблемы перестройки отношений на современном этапе	569

НАУЧНАЯ МОНОГРАФИЯ

СССР В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ: ОТ СТАРОГО МЫШЛЕНИЯ К НОВОМУ

Редактор-составитель *Н.А. Симония*
Редактор *Е.К. Солоухина*
Художник *Ю.Н. Егоров*
Технический редактор *М.Г. Юханова*
ИБ № 18809

Сдано в набор 21.03.90. Подписано в печать с РОМ 25.10.90.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать
офсетная. Условн. печ.л. 37,5. Усл. кр-отг. 37,5 Уч.-изд.л. 42,71.
Тираж 12 000 экз. Заказ № 635 . Цена 2,90Изд. № 47574.

Издание подготовлено на микроэвм с помощью программы “Вентура
Паблишер”

Ордена Трудового Красного Знамени издательство “Прогресс”
Государственного комитета СССР по печати. 119847, ГПС, Москва, Г-21,
Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7
«Искра революции» В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета
СССР по печати. 103001, Москва, Трехпрудный пер., 9

Издательство «Прогресс»
Вышла в свет:

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ (Серия «Перестройка: гласность, демократия, социализм»)

Прошло два года после выхода получившего широкую известность сборника «Иного не дано», который открыл ныне популярную серию «Перестройка: гласность, демократия, социализм». Бурные события общественной жизни в стране заставляют многое пересматривать, переоценивать. В этой книге авторы возвращаются к проблемам, о которых раньше уже писалось, пытаются выявить и рассмотреть новые, возникшие за последнее время.

Широкий круг проблем сборника — об учении Маркса и пролетарской революции, о кризисе социализма, о демократии истинной и мнимой, о власти и народовластии.

Что нам дали пять лет перестройки? На каком этапе перестройки мы находимся? Возможно, что перестройка, сыграв огромную роль политического пролога, переходит в новое качество и только сейчас начинаются подлинно социальные, экономические и политические реформы, а вместо сталинско-брежневской системы будет создано новое государство, удовлетворяющее требованиям суверенитета народов.

Читатель познакомится с точкой зрения ученых, писателей, публицистов, народных депутатов, серьезно озабоченных судьбой нашей страны: А. Адамовича, А. Бутенко, И. Виноградова, Г. Водолазова, Д. Гранина, Б. Курашвили, А. Нуйкина, А. Собчака, Г. Старовойтовой, А. Ципко.

**Издательство «Прогресс»
Вышла в свет:**

ПРАВО И ВЛАСТЬ (Серия «Перестройка: гласность, демократия, социализм»)

Сборник оригинальных статей, где сквозь призму критических оценок прошлого и настоящего высказываются неординарные мысли о совершенствовании отечественной правовой политики, права и практики его применения, в конечном счете о пути построения в СССР правового государства.

В числе авторов крупные советские юристы, народные депутаты СССР, журналисты, широко известные своими научными трудами и публицистическими выступлениями.

Далеко не во всем авторы солидарны друг с другом, со складывающейся практикой реформирования институтов государства и права, а также с концепциями социального и правового развития. Многие из высказанных положений отнюдь не относятся к общепризнанным или единственно правильным.

Статьи, написанные в различных манере и стиле, содержат интересные аргументы, яркие примеры, наблюдения и оценки.

